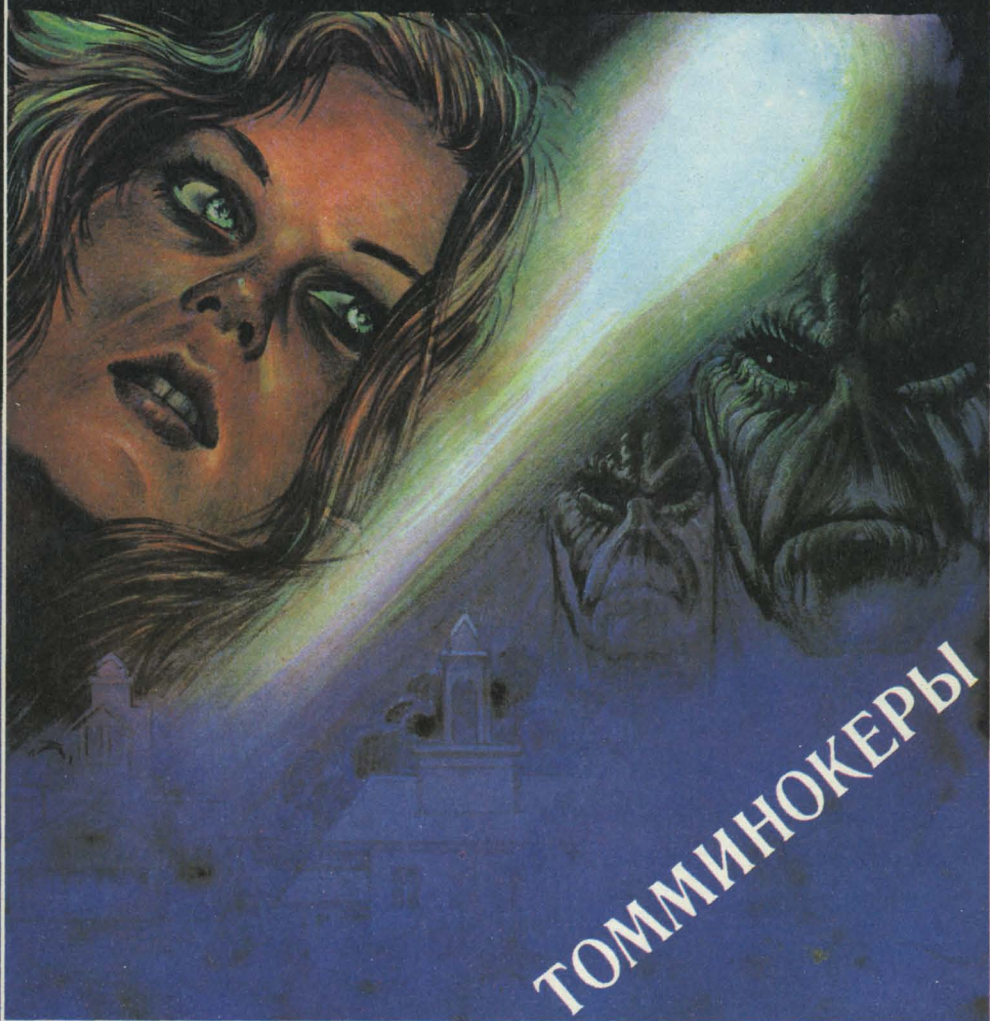
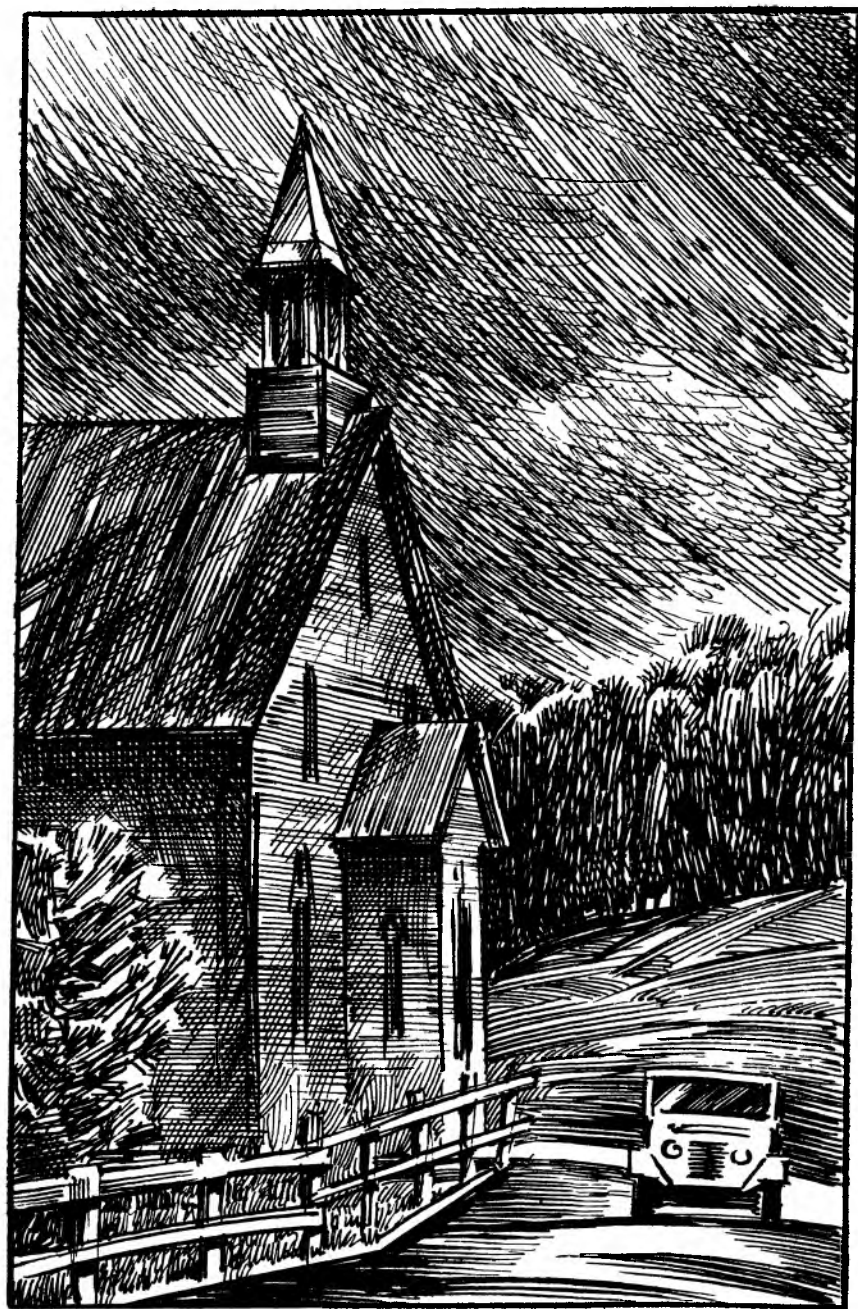

СТИВЕН КИНГ

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

**МАСТЕРА
ОСТРОСЮЖЕТНОЙ
МИСТИКИ**

А. Н. Мухомов 95

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

Стивен Кинг

ТОММИНОКЕРЫ

Жуковский
КЭДМЭН
1993

Мастера остросюжетной мистики

Выпуск 15

Stephen King The Tommyknockers

Художник А.Н.Миронов
Главный редактор Б.И.Самарханов

Стивен Кинг
Томминокеры: роман.

ISBN 5-85743-016-X

Copyright © by Stephen King
Права на издание приобретены у редакции журнала «Огонек»

© А.Н.Миронов, 1993, оформление суперобложки, иллюстрации

© Издательство «КЭДМЭН», 1993, перевод

ТОММИНОКЕРЫ

*Нынче ночью, верь не верь,
Томминокер, Томминокер,
Томминокер стукнул в дверь.
Я хотел бы выйти, но не смею,
Я боюсь его там,
За закрытой дверью.*

Как и большинство из «Песенок Матушки Гусыни», стишок про Томминокера обманчиво прост. Сейчас трудно проследить историю возникновения этого слова. В большом словаре Вебстера указано, что Томминокеры — (а) великаны-людоеды, живущие в штольнях и (б) привидения, чьим убежищем являются заброшенные шахты и пещеры. Ибо «томми» — старое английское слэнговое выражение, употребляемое при распределении армейского пайка (корнями оно уходит к термину «томми» во множественном числе, как называли британских новобранцев. У Киплинга — «Эй, Томми, так тебя и сях...»). В толковании Оксфордского словаря хотя и не определяется термин как таковой, однако дается предположение, что Томминокеры это призраки шахтеров, умерших от голода и время от времени стучащихся в двери людских домов в поисках еды и тепла.

Первое стихотворение («Нынче ночью, верь не верь») моя жена и я достаточно часто слышали в детстве, несмотря на то, что мы выросли в разных городах, принадлежали к разной вере, и предки наши были из разных мест — ее из Франции, а мои из Шотландии и Ирландии.

Остальные стихи — плод фантазии автора.

Автор — то есть я — хочет поблагодарить свою супругу Табиту, которая была неоценима в моменты, когда он был доведен критиками до бешенства (если критика сводит тебя с ума, ты практически всегда можешь не сомневаться, что она верна), редактора Аллена Вильямса за доброе и участливое отношение, Филлис Грэнн за терпение (эта книга была не столько написана, сколько рассказана)

и в особенности Джорджа Эверетта Маккатчиона, который внимательно просматривал все мои рукописи, главным образом за сведения в области оружейного дела и баллистики, а также за внимание к соблюдению последовательности повествования. Мак умер, когда я перерабатывал эту книгу. Я послушно вносил исправления по его рекомендациям, когда узнал, что он умер от лейкемии, которой упорно сопротивлялся в течение 2 лет. Мне ужасно его не хватает, и не потому, что он помогал мне доводить работу до ума, а потому, что с ним умерла часть моего сердца.

Спасибо и остальным, а их больше, чем я могу упомянуть здесь: летчики, дантисты, геологи, друзья-писатели, даже мои дети, которые покорно слушали книгу. Я чрезвычайно признателен и Стефану Джей Гулду. Хотя он и любитель американских романов и поэтому ему не очень-то стоит доверять, его комментарии по поводу «молчаливой эволюции», как я это называю, помогли мне при составлении черновиков этой вещи (так же, как и «Улыбки фламинго»).

Городка Хэвен на самом деле не существует. Персонажи придуманы также. Все является плодом фантазии, за одним исключением: *Томминокеры* действительно есть.

Если вам кажется, что я обманываю вас, значит вы невнимательно слушали вечерние новости.

Стивен Кинг.

Книга первая

КОРАБЛЬ, СОКРЫТЫЙ В ЗЕМЛЕ

*Да, мы выбрали Гарри Трумэна,
плывшего из Индепенденса.*

Мы сказали: «Как насчет войны?»

Он сказал: «Благополучное избавление!»

Мы сказали: «Как насчет бомбы?»

Не жалеешь ли ты, что сделал ее?»

*Он сказал: «Передайте мне эту бутылку
и занимайтесь своими делами».*

The Rainmakers
«Вниз по течению»

Глава 1 АНДЕРСОН ОШИБАЕТСЯ

1

Королевство было захвачено всего лишь потому, что в кузнице не было гвоздя, — то же самое получается с катехизисом, если выжать из него всю суть. В конце концов вы можете *все* привести к общему знаменателю — подобным образом Роберта Андерсон думала много позже. Либо все происшедшее — несчастное стечение обстоятельств... либо судьба. Андерсон в буквальном смысле слова споткнулась о нее в маленьком городке Хэвен штата Мэн 21 июня 1988 года. Это-то и была посылка; а все остальное было только следствием.

2

В тот день Андерсон вышла из дома вместе с Питером, стареющим гончим псом, ослепшим на один глаз. Питера подарил ей Джим Гарденер в 1976 году. Год назад Андерсон бросила колледж за два месяца до получения ученой степени, чтобы отправиться к дядюшке в Хэвен. Пока Гард не принес ей щенка, она и не подозревала, насколько одинока. Сейчас ей было трудновато поверить, что пес настолько постарел — 84 года в переводе на человеческий возраст. Таким способом она считала и свой возраст. События 1976 года отступали в прошлое. Действительно, так. Когда тебе всего лишь двадцать пять, можно предаваться роскоши и думать, что старость не более чем канцелярская описка, которая в твоем случае обязательно будет исправлена. А однажды утром ты просыпаешься, и до тебя доходит, что собаке уже восемьдесят четыре, а тебе самой тридцать семь... и появляется непреодолимое желание перепроверить все эти данные. Действительно, так.

Андерсон искала годные для вырубki деревья. У нее уже было собрано около пяти с половиной кубов древесины, но, чтобы про-

держаться всю зиму, нужно было еще одиннадцать. С тех пор как Питер был щенком и точил зубки о комнатные туфли (и слишком часто оставлял лужи на коврике в столовой), она заготовила огромное количество поленьев, но их источник все еще не иссякал. Собственность (все еще, после тринадцати лет, воспринимаемая соседями как собственность старого Гаррика) простиралась лишь на пятьдесят метров по девятому шоссе, но каменные стены, обозначающие северную и южную границы, все еще расступались расходящимися лучами. Третья каменная стена длиной около трех миль — настолько старая, что уже рассыпалась на кучки обломков, обросшие мхом, — отмечала тыльную границу владения, проходящую по густому лесу из старых деревьев и молодняка. Общая площадь этого земельного клина была вполне приличной. По ту сторону стены, к западу от владений Бобби Андерсон, простирались мили и мили диких земель, принадлежащих Нью Ингланд Пейпер Компани. Выжженные земли, как обозначено на карте.

По правде говоря, Андерсон даже не нужно было особо искать место для вырубki. Земля, оставленная ей братом ее матери, ценилась благодаря произрастающим на ней деревьям пород с твердой древесиной, почти незараженной непарным шелкопрядом. Но дождливая весна кончилась, и этот день казался чудесным и теплым, сад освободился от снега, и показалась прошлогодняя трава (которая теперь будет перегнивать в изобилии влаги), и Бобби еще не подошло время засесть за новую книгу. Она зачехлила пишущую машинку и вышла на прогулку с преданным старым одноглазым Питером.

Позади участка проходила старая дорога, по которой в прошлые года перевозили лес, и они, пройдя по ней около мили, резко свернули налево. С собой Бобби прихватила пакет (бутерброд и книга для себя, собачьи сухари для Питера и моток оранжевых ленточек, которые она обвяжет вокруг приглянувшихся стволов, а когда сентябрьское тепло сменится прохладой октября, подойдет время свалить их) и фляжку с водой. В пакете лежал Сильвер-компас. Лишь однажды Бобби заблудилась в своих владениях, и воспоминания об этом будут преследовать ее всю оставшуюся жизнь. Она провела в лесу ужасную ночь, и в голове у нее не укладывалось, что она заблудилась, Боже мой, в *своих собственных* владениях, и теперь ей суждено здесь тихо угаснуть — что было вполне возможно, поскольку только Джим узнает, что она пропала, а Джим появлялся исключительно когда его не ждали. Наутро Питер привел ее к ручейку, а тот вывел обратно на девятое шоссе к тому месту, где, тихонько бормоча, он исчезал в дренажной трубе, проложенной под

асфальтовой дорогой всего в двух милях от ее дома. Сейчас она, вероятно, хорошо изучила местность и сможет отыскать путь либо до дороги, либо до одной из каменных стен, ограничивающих ее владения, но все же ключевым словом в этих рассуждениях оставалось «вероятно». Поэтому Бобби ихватила компас.

Около трех часов полудни она отыскала отличный клен. На самом деле ей попало уже несколько подходящих стволов, но этот был расположен ближе к той известной ей и достаточно широкой дорожке, где потом можно будет проехать на «Томкэте». Когда подойдут 20-е числа сентября — если ничто между тем не перевернет мир — она прицепит к нему сани, вернется сюда и срубит это дерево. Кроме того, на сегодня она прошла уже достаточно.

— Неплохо, да, Питер?

Пес тихонько гавкнул, и Андерсон с грустью, поразившей и расстроившей ее, посмотрела на гончую. Питер угасал. В последнее время он редко срывался за птицами, белками и бурундуками; мысль о том, что Питер станет преследовать оленя, была просто смехотворной. На обратном пути ей придется очень часто останавливаться и поджидать его... и придет время, а оно не за горами (и даже очень-очень близко, как упорно нашептывал ей внутренний голос), когда Питер будет постоянно тащиться за ней на расстоянии четверти мили, захлебываясь непрерывным лаем где-то позади нее в гуще леса. А потом настанет день, подумала Бобби, когда закрадется мысль — хорошего понемножку; она похлопает рукой по сиденью купленного недавно «Шевроле» рядом с собой и повезет Питера к ветеринару в Огасту. *Но только не этим летом, пожалуйста, Боже. Или даже не этой зимой. Пусть этого вообще никогда не случится.*

Потому что без Питера она останется одна. Конечно, есть Джим, но у Джима Гарденера практически не осталось волос по прошествии этих восьми лет. Все еще друг, но... лысый.

— Спасибо за поддержку, старина Пит, — проговорила она, обвязывая одну-две ленточки вокруг выбранных деревьев, отлично зная, что может срубить совсем другие деревья, а ленточки так и сгниют на стволах. — Твой вкус лишь улучшается от хорошего настроения.

Питер, отлично зная, что от него требуется (он был стар, но не глуп), завилял обрубок хвоста и пролаял.

— Покажи вьетконговца! — приказала Андерсон.

Питер с готовностью завалился на бок — у него вырвался легкий хрип — и перекатился на спину, вывернув наружу лапы. Это всегда повергало женщину в изумление, но сегодня вид собаки, изобража-

ющей мертвого вьетконговца (Питер также мог изобразить смерть при команде — «Хуч» или «Май лэй»), был очень созвучен ее собственным размышлениям о смерти.

— Встать, Питер.

Питер медленно поднялся, неровное дыхание вырывалось из его пасти. От его поседевшей морды.

— Пошли домой, — она бросила ему сухарь. Питер попытался поймать его на лету, но промахнулся. Он стал вынюхивать его, нашел, опять потерял, затем снова отыскал и стал грызть медленно, без видимого удовольствия.

— Ну, — проговорила Андерсон, — пошли.

3

Королевство было захвачено всего лишь потому, что Бобби споткнулась... был найден корабль, и этим и было определено все последующее.

Андерсон уже была здесь внизу лет тринадцать назад, когда еще владение Гаррика не стало владением Андерсон; она узнала склон, лесоповал, оставленный корчевщиками, и высокую сосну с расщепленной кроной. Бобби уже проходила здесь, и у нее не должно было возникнуть сложностей потом, когда она будет разыскивать это место на «Томкэте». Она, должно быть, уже прошла то самое место, где до этого момента уже спотыкалась раз или два, а может, и с полдюжины раз, прошла на ярд или фут, или несколько дюймов.

На этот раз Питер взял немного левее, и Андерсон, не выпуская тропинку из поля зрения, пошла за ним. Неожиданно ее нога, обутая в старый и весьма почтенный туристский ботинок, запнулась обо что-то... и весьма ощутимо.

— Ай! — вскрикнула Бобби, но было уже слишком поздно и, даже несмотря на вытянутые вперед руки, она шлепнулась на землю. Веточка низкорослого куста больно хлестнула ее по щеке.

— Вот дерьмо, — процедила она сквозь зубы, и как бы в продолжение ее слов с ветки раздалась брань голубой сойки.

Вернулся Питер, обнюхал ее и лизнул в нос.

— Уйди отсюда, у тебя из пасти воняет.

Пес завилял хвостом. Андерсон села, потеряла левую щеку и обнаружила на ладони кровавые потеки.

— Недурно, — проговорила она и поглядела, обо что же споткнулась — вероятно, о сломанную ветку дерева или торчащий из земли камешек. В штате Мэн из земли торчит слишком много камней.

И тут она увидела слабый металлический отблеск.

Она прикоснулась к этому нечто, пробежала пальцами по его поверхности и затем смахнула с предмета землю.

— Ну и что это такое? — спросила она у пса.

Питер подошел, принялся к предмету, а затем случилось нечто из ряда вон выходящее. Отступив на пару шагов назад, собака пригнула голову и издала низкий, глухой рык.

— И что на тебя нашло? — спросила Андерсон, но пес продолжал неподвижно сидеть. Не поднимаясь на ноги, женщина подобралась поближе к находке и продолжала разглядывать ее.

Около 3 дюймов, выступавших из земли, — вполне достаточно для того, чтобы зацепиться ногой. Это место полого поднималось кверху, и сильные весенние дожди обнажили этот кусочек чего-то из-под лесной подстилки. Первой мыслью, пришедшей по этому поводу Бобби в голову, было: корчевщики, валившие здесь лес во время трехдневных рабочих смен, прозванных в народе «лесоповальными выходными» в 20 — 30-х годах, в этом месте, вероятно, уничтожали следы своего пребывания.

Всего лишь обычная жестянка из-под бобов или консервированного супа, подумала Андерсон. Она попыталась отковырять ее из-под земли, как обычно выковыривают подобные вещи. Затем ей стукнуло в голову, что никому за исключением ребятишек не придет в голову извлекать из грязи какую-то опустошенную консервную банку. Металлический предмет в земле в результате ее усилий даже не шелохнулся. Он сидел в земле так прочно, как монолитная каменная глыба. Может, это обломок лесозаготовительного оборудования?

Заинтригованная, женщина стала пристальной присматриваться к таинственному предмету в земле, не заметив, что ее пес поднялся, отошел на четыре шага назад и лишь там снова уселся.

Металл был тускло серого цвета — не такой блестящий, как в консервных банках или как вообще железо. Да и толщина его была больше, чем у обычной жестянки — около четверти дюйма. Указательным пальцем правой руки женщина прикоснулась к верхней части предмета и почувствовала краткое, как удар, необычное сотрясение, похожее на вибрацию.

Она отдернула палец и удивленно посмотрела на него.

Поднесла обратно.

Ничего. Никакой дрожи.

Затем Бобби ухватила предмет двумя пальцами и попыталась выкрутить его из земли, как обычно выкручивают из десны расшатанный зуб. Он не поддавался. Женщина раздосадованно потерла выдающуюся из земли шероховатую поверхность. Одна сторона

этого таинственного нечто погружалась в землю — или так ей тогда показалось — по меньшей мере на 2 дюйма. Позднее она скажет Джиму Гарденеру, что могла в течение 40 лет три раза в день проходить мимо этого предмета и ни за что не споткнуться о него.

Бобби отбросила в сторону немного земли, открывая дневному свету поверхность предмета. Пальцем она прокопала 2-дюймовой глубины канавку с одной стороны. Лесная земля была мягкой, как обычно в лесу... по крайней мере, пока не наткнешься на переплетение корней. Ровная и гладкая поверхность предмета погружалась в землю. Андерсон встала на колени и стала копать с другой стороны. Потом женщина снова попыталась раскатать предмет в земле. Безрезультатно.

Она быстренько отгребла пальцами еще немного земли и увидела чуть больше — 6 дюймов серого металла, затем 9, а затем и фут.

Это либо легковушка, либо грузовик, либо скиддер — почему-то подумала она. Погребенный в земле здесь, почти в необитаемом месте. А может, это кухонная плита. Но почему здесь?

Никаких причин, которые она могла бы назвать; вообще никаких разумных объяснений. Время от времени она находила в лесу кое-какой хлам — остатки труб, пивные банки (крышка самой старой не была снабжена открывалкой, а имела треугольной формы дыру проткнутую тем, что в туманные прошедшие 60-е годы называлось церковным ключом), обертки от конфет и прочую ерунду. Хэвен не лежал ни на одном из двух туристских маршрутов Мэна, один из которых через озеро и взгорье уходил на западный край штата, а другой поднимался от побережья на крайний восток, но и девственным лесом он перестал быть уже очень, очень давно. Однажды (находясь за разрушенной каменной стеной на задворках своих владений и как раз нарушая права земельной собственности Нью Ингланд Пейпер Компани) она нашла ржавый остов «Гудзон-Хорнета» конца сороковых, оставшийся там, где в прошлом, вероятно, была лесная тропа, а сейчас, после 20-летнего запустения, — густосплетение молодых деревьев, то, что местные прозвали дерьмомолесом. Непонятно, откуда здесь взялись остатки машины, разве что... все же думать про машину было проще, чем про печку либо холодильник, либо черт знает про что еще, закопанное в землю.

Бобби проковыряла пальцем канавку длиной около фута с одной стороны предмета, но не нашла его окончания. Углубившись в землю на фут, она уперлась в камни. По всей видимости, она могла бы вытащить камень — он-то хотя бы поддавался — но делать это было незачем. Предмет в земле продолжался вниз и за камнем.

Питер жалобно заскулил.

Андерсон взглянула на собаку, затем поднялась. Обе ее коленки щелкнули. Левую ногу как будто покалывало иголочками. Она выудила из кармана штанов часы — старые и потускневшие, они составляли вторую часть наследства, доставшегося от дядюшки Фрэнка, — и была ошарашена тем, что просидела здесь столько времени: час с четвертью, как минимум. Был уже пятый час.

— Вперед, Пит, — проговорила она. — Давай вылезать отсюда.

Питер опять заскулил, но с места трогаться не желал. И сейчас, уже не на шутку встревоженная, Андерсон заметила, что ее старый пес весь дрожал как в лихорадке. Она понятия не имела, могут ли собаки болеть малярией, но решила, что такие старые все же могут. Бобби вспомнила, что единственный раз, когда она видела Питера в такой же лихорадке, было осенью 1977 года (или это был 1978?). Здесь, в местечке, появилась рысь. И в течение 9 ночей подряд она орала и выла, похоже, что в нерастраченном любовном пылу. Каждую ночь Питер входил в гостиную и вскакивал на старую церковную скамейку, которую Бобби пристроила около книжного шкафа. Он никогда не лаял. А с раздувающимися ноздрями и ушами торчком лишь пристально глядел в сторону, откуда раздавалось это безнадежное женское стенание. И его как будто лихорадило.

Андерсон перешагнула через место своих изысканий и направилась к Питеру. Она опустилась на колени и обняла ладонями собачью морду, чувствуя руками его дрожь.

— Что случилось, мальчик? — тихонько спросила она, уже зная ответ. Пес уставился на предмет в земле, а затем взглянул на нее. Взгляд глаза, не затронутого отвратительной молочной пленкой катаракты, был и без слов ясен: *Давай уберемся отсюда, Бобби, мне эта штука нравится не больше чем твоя сестра.*

— О'кей, — с трудом согласилась Андерсон. Вдруг ей пришло в голову, что она не может припомнить ни единого раза, когда бы она проводила время так же бездарно, как сейчас.

Питеру это не нравится. И мне тоже.

— Пошли. — Она стала подниматься к тропинке. Питер с готовностью последовал за ней.

Они уже почти дошли до тропинки, когда Андерсон, как и пресловутая жена Лота, оглянулась. Если бы не этот взгляд, она могла бы забыть обо всем. После того, как она бросила колледж перед самыми выпускными экзаменами, несмотря на слезные мольбы матери и неистовые обличительные речи и злобные пророчества сестры, Андерсон наловчилась пускать все на самотек.

Взгляд назад с не столь далекого расстояния открыл ей две вещи. Во-первых, предмет не погружался в землю, как ей показалось

сначала. Металлический язычок виднелся из земли в самом центре недавно образовавшегося углубления, неширокого, но довольно глубокого, сформировавшегося после зимних дождей и последовавших за ними сильных весенних ливней. С одной стороны выступающего металлического предмета земля была немного приподнята, и тот просто исчезал в ней. Первая мысль, пришедшая в голову Бобби от всего увиденного и гласящая, что это нечто в земле — угол какой-то машины, оказалась ошибочной или не совсем верной. Во-вторых, предмет был похож на тарелку — не ту, из которой едят, а на тусклую металлическую тарелку, как металлическая обшивка или...

Залаял Питер.

— Ну хорошо, — сказала Андерсон. — Я слышу тебя. Пошли.

Идем. И пусть все будет, как будет.

Бобби шла посередине тропинки (Питер вел ее неверным шагом обратно к лесной дороге) и наслаждалась буйной зеленью середины лета... ведь *сейчас был* первый день лета. Летнее солнцестояние. Самый длинный день года. Она прихлопнула комара и ухмыльнулась. Лето в Хэвене было очень хорошим временем года. Лучшим временем года. И если Хэвен, расположенный на порядочном удалении от Огасты, и не был самым лучшим местом отдыха и большая часть потока туристов не заворачивала сюда, все же здесь можно было неплохо отдохнуть. Было время, когда Андерсон совершенно искренне верила, что она останется здесь всего лишь на несколько лет, чтобы подлечить раны, полученные в юности, подзабыть сестру с ее резкими и неприятными одергиваниями (Энн называла это дать сдачи), и избавиться от воспоминаний о колледже, но постепенно несколько лет оформились в пять, пять в десять, десять в тринадцать, и, посмотри-ка, пес уже стар, и седина собрала неплохой урожай на твоих волосах, бывших когда-то черными, как река Стикс (пару лет назад она попыталась коротко, как панк, подстричься, но пришла в ужас — седые волосы стали еще заметнее; с тех пор она позволяла непокорным прядям расти как им вздумается).

Сейчас Бобби думала, что сможет прожить всю жизнь в Хэвене, совершая редкие, каждые год-два, но необходимые вылазки в Нью-Йорк для встречи с редактором. Город покорит тебя. Местечко присвоит тебя. Земля захватит тебя в полон. И это не было так уж плохо. Может, это было не хуже, чем все остальное.

Как тарелка. Металлическая тарелка.

Она отломилла коротенькую веточку, густо усыпанную свежими зелеными листочками, и помахала ею над головой. Комары уже отыскивали Бобби и собирались попить за ее счет. Комары,

вьющиеся над головой... и мысли, как комары, вьющиеся внутри головы. Отмахнуться от них она не смогла бы.

Оно на секунду затрепетало под моими руками. Я почувствовала это. Как камертон. Неужели под землей что-то может так вибрировать? Конечно же нет. Быть может...

Может, это была парапсихическая вибрация. Нельзя сказать, что она совсем не верила в существование чего-либо подобного. Может, ее подсознание нащупало какие-то недоступные прямому восприятию сведения об этом скрытом под землей предмете и сейчас пыталось подсказать об этом единственно возможным способом, дав осязательное впечатление колебания. Питер, несомненно, почувствовал что-то; старый пес не хотел и близко подходить к загадочному объекту.

Забудь об этом. Что Бобби и сделала.

На совсем короткое время.

4

Этой ночью поднялся легкий приятный ветерок, и Андерсон вышла на крыльцо покурить и послушать шепоты и шорохи ветра. В былые времена — еще год назад — Питер выбежал бы вслед за ней, но теперь он остался на кухне, свернувшись на своем коврике у плиты — нос к хвосту.

Андерсон почувствовала, что ее мысли все возвращаются и возвращаются к выступающей из земли тарелке. Позже она даже поверила, что был миг, — возможно, когда она кинула сигарету на гравийную дорожку, — когда она решила раскопать и понять, что же это такое... хотя и не вполне осознавала свое решение потом.

Ее мысли неустанно возвращались к тому, что же это был за предмет, но теперь она позволяла себе думать на эту тему — поскольку понимала, что если, несмотря на все ее старания, мысли все же возвращаются к предмету размышлений, лучше не сопротивляться. Только одержимые мучаются навязчивыми идеями.

Эта фиговина в земле может быть частью какой-либо сборной конструкции, — отважилось подсказать ее сознание. Но никто не строит сборные домики в лесной глуши: зачем тащить сюда металлический хлам, когда трое мужчин с пилами и топорами буквально за шесть часов сделают вместо этого небольшой сарайчик. Кроме того, и машина, и любая другая металлическая вещь за прошедшее время покоребились бы от ржавчины. Может быть, это мотор, но к чему?

И сейчас, с наступлением темноты, память о том ментальном контакте снова вернулась с неоспоримой настойчивостью. Он просто

обязан быть парапсихической вибрацией, и Бобби действительно почувствовала ее. Это...

Неожиданно холодное и пугающее чувство уверенности поднялось в ней: там, в земле, кто-то похоронен. Может, она откопала верхнюю часть капота машины или рефрижератора, или даже дорожный железный сундук, но чем бы это ни было в своей прошлой жизни при свете солнца, сейчас это гроб. Жертва убийства? А кто же еще может быть так похоронен, в таком месте и в таком гробу? Те парни, которым случается бродить по лесам в охотничий сезон и которые по несчастному стечению обстоятельств теряются и гибнут, не таскают на себе металлический контейнер, чтобы перед смертью залезть в него... но если принять на веру эту идиотскую мысль, то кто же насыпал над захоронением всю эту землю и грязь? *Отдохните, предки, как мы говорили в радужные дни юности.*

Дрожь. Это был зов человеческих останков.

Давай, валяй дальше, Бобби. Не будь такой чертовой дурой.

Однако она содрогнулась. Мысль обладала непонятной притягательностью, как и рассказы о викторианских привидениях, которым не стало места в жизни, несущейся сломя голову по дороге исследования тайн микромира навстречу радостям и ужасам XXI века, — от нее по телу так же пробегали мурашки. Она слышала, как Энн смеется и говорит *Бобби, ты становишься такой же ненормальной, как и дядюшка Фрэнк, и ты заслужила это, заперевишись ото всех со своей вонючей собакой.* Точно. Лихорадка от жизни в хижине. Комплекс отшельника. Позвони доктору, вызови сиделку, Бобби плохо... и становится хуже.

И все же ей вдруг очень захотелось поговорить с Джимом Гарденером — ей *нужно было* поговорить с ним. Она зашла в комнату, чтобы позвонить в его дом, расположенный далее по дороге в Юнити. Она уже набрала на диске четыре цифры, когда вспомнила, что Джим отправился на выездные чтения — они да поэтические семинары были источником его существования. Для гастролирующего артиста лето было благодатным сезоном. *Все эти переревшие матроны должны чем-то скрашивать свое лето*, — она как будто слышала ироничный голос Джима, — *а мне зимой нужно что-то кушать. Ты должна бога благодарить, Бобби, что при любом раскладе ты-то сохраняешь своих читателей.*

Да, действительно, это она делала, хотя и подозревала, что Джим любил свою работу больше, чем желал показать. Вне всякого сомнения.

Андерсон положила трубку обратно на рычаг и взглянула на книжный шкаф слева от печки. Он не выглядел представительно —

она не была и никогда не будет плотником, — но свои функции выполнял. Две нижние полки были заняты экземплярами из серии «Время-Жизнь» о прошлом Дикого Запада. Две полки повыше были вперемешку заполнены художественной литературой и публицистикой на эту же тему; ранние вестерны Брайена Гарфилда боролись за место под солнцем с массивным трудом Хуберта Хэмптона «Исследования Западных Территорий», «Сага о Сэккетах» Луиса Л'Амура лежала корка к корке с двумя прекрасными романами Ричарда Мариуса — «Приход дождя» и «Граница земли обетованной». Между «Кровавыми письмами и негодяем» Джея Р. Нэша и «Двигаясь на Запад» Ричарда Ф. К. Маджета находились вестерны в бумажных обложках Рэя Хогана, Арчи Джойслен, Макса Бранда, Эрнста Хейкокса и, конечно, Зейн Грей — экземпляр «Всадников розовой долины» был зачитан до дыр.

На самом верху были ее собственные книги, одиннадцать из них. Десять вестернов, начиная с «Хэнгтауна», напечатанного в 1975 году, и заканчивая «Длинным путем домой», опубликованным в 86-м. Новая вещь, «Каньон Массакр», будет издана, как и все ее предыдущие вещи, в сентябре. Сейчас Бобби пришло в голову, что, когда она получила первый экземпляр «Хэнгтауна», она находилась здесь, несмотря на то, что работа над этим произведением начиналась в квартире в Кливз Майлз, в доме постройки 30-х годов, разрушающемся от старости. Все же она закончила работу в Хэвене и именно здесь взяла в руки первый напечатанный и реально существующий экземпляр своей книги.

Здесь, в Хэвене. Все ее книги были написаны здесь... кроме первой.

Роберта сняла ее с полки и с любопытством оглядела, понимая, что прошло по крайней мере лет пять с тех пор, как она в последний раз держала брошюру в руках. Тяжело было не столько осознать, как летит время; тяжело было понимать, с каким опозданием обычно ты вспоминаешь об этом.

Эта книга составляла разительный контраст с последующими, одетыми в обложки, с нарисованными горами и долинами, всадниками и стадами коров, пропыленными транзитными придорожными городишками. Здесь же на обложке была изображена гравюра парусника 19-го века, приближающегося к берегу. Сочетание резких черных и белых цветов было пугающим. «Ориентируясь по компасу» — было написано над гравюрой. А внизу строчка — *Стихотворения Роберты Андерсон*.

Она открыла книгу, перелистнула страницу с названием, на минуту задумавшись над годом издания — 1974-й, затем задержав

лась на страничке, где были написаны слова посвящения. Они были столь же впечатляющи, как и гравюра. *Эта книга написана для Джеймса Гарденера.* Для того человека, которому сегодня она пыталась дозвониться. Для него, второго из трех мужчин, с которыми она когда-либо ложилась в постель, и единственного, кто доводил ее до оргазма. Не то чтобы она придавала особое значение *этому*. Или, во всяком случае, не очень большое значение. Или она так думала. Или *думала*, что думает. Или еще что-нибудь. Так или иначе, сей факт уже не имел значения; эти дни уже умерли.

Она вздохнула и поставила книгу назад на полку, даже не взглянув на стихи. Очень хорошим был лишь один. Он был написан в марте 1972-го, месяц спустя после того, как ее дед умер от рака. Все прочие были чепухой — неискушенный читатель мог этого и не заметить... но призвание ее было не в этом. Когда опубликовали «Хэнгтаун», кружок знакомых писателей отверг ее. Все, кроме Джима, имя которого было в посвящении на первой странице.

Через некоторое время после переезда в Хэвен она написала длинное ни к чему не обязывающее письмо Шерри Фендерсон и в ответ получила короткий резкий ответ на открытке: *Пожалуйста, не пиши мне больше. Я с тобой не знакома.* Подписанное одной буквой Ш, такой же резкой, как и послание. Она сидела на крыльце, проливая слезы над открыткой, когда появился Джим. *«Почему тебя так расстроило то, что думает эта глупая женщина?»* — спросил он ее. — *Ты доверяешь мнению женщины, метущейся между лозунгом «Власть — народу» и запахом «Шанели №5»?»*

«Но она очень неплохой поэт», — всхлипнула Бобби.

Джим нетерпеливо отмахнулся. *«Это не делает ее ничуть взрослее, — проговорил он, — или способной отречься от лицемерия, в котором она была взращена и которое она проповедует сама. Прочисти мозги, Бобби. Если ты хочешь и дальше заниматься любимым делом, проясни свою дурацкую голову и прекрати этот чертов вой. Мне от него херово. Меня от него тянет блевать. Ты же не слабачка. Я по себе знаю, что такое слабость. Почему ты не хочешь быть тем, кто ты есть? Почему ты хочешь быть своей сестрой? Это из-за нее? Ее здесь нет, она не ты, а ты можешь не пускать ее на порог, если только захочешь. Никогда больше не рыдай мне в жилетку по поводу своей сестры. Пора повзрослеть. Хватит скулить».*

Сейчас она вспомнила, что удивленно поглядела на него тогда.

Есть большая разница между тем, хорошо ли ты поступаешь, и уверенностью в том, что ты знаешь. Для Шерри пришло время повзрослеть. Дай и себе время на это. Прекрати себя осуждать.

Это скучно, и я не хочу слышать твои причитания. Это удел сопляков. Не уподобляйся им.

В ту минуту Бобби почувствовала, что ненавидит Джима, любит его, страстно жаждет и отвергает одновременно каждую клеточку его тела. Он сказал, что хорошо познал слабость на своем опыте? Мальчишка, он должен был это узнать. Он сломался. И Роберта знала это уже тогда.

«А теперь, — проговорил он, — ты отправишься в постель со своим экс-редактором или будешь рыдать над этой дурацкой открыткой?»

Она отправилась в постель. Но не знала тогда, как и не знала теперь, *хотела* ли она этого. И закричала, когда кончила.

Это произошло в самом конце.

Она вспомнила и это тоже — как это произошло перед самым концом. Некоторое время спустя он женился, но в любом случае уже тогда у них все заканчивалось. Он был слаб, и он был сломлен.

Как бы там ни было, неважно, — подумала она, и подсказала себе старый добрый совет: *как будет, так и будет.*

Давать советы легче, чем следовать им. Все произошло задолго до того, как Андерсон уснула в ту ночь. Старинное привидение проснулось и зашевелилось, когда она коснулась книжки своих студенческих стихов... или то был дикий необузданный ветер, гудящий на крыше и свистящий в кронах деревьев.

Когда она почти уже уснула, ее разбудил Питер. Во сне он выл.

Андерсон в спешке поднялась, недоумевая — Питер и раньше не очень-то тихо спал (не говоря уж о чудовищно пахнущих собачьих газах), но никогда не подвывал. Этот звук был похож на крики ребенка, объятого ночным кошмаром.

Роберта вышла в гостиную в одних носках и опустилась на колени перед собакой, все еще лежавшей на коврик перед печкой.

— Питер, — пробормотала женщина. — Эй, Питер, успокойся.

Она легонько шлепнула пса. Питер вздрогнул и резко отпрянул, когда Андерсон дотронулась до него, обнажив разрушенные остатки клыков. Затем глаза его открылись — зрячий и больной, пес, казалось, пришел в себя. Он слабо заскулил и застучал хвостом по полу.

— С тобой все в порядке? — спросила Андерсон.

Питер лизнул ее руку.

— Тогда ложись. И прекрати выть. Это уже надоело. Прекрати выпендриваться.

Питер улегся и прикрыл глаза. Встревоженная Андерсон опустилась на колени рядом с ним.

Ему снится та вещь.

Ее рациональный ум отказывался принять подобное, но ночь диктовала свои правила игры — догадка была верной, и Андерсон осознавала это.

Наконец она улеглась в постель и уснула около 2 часов ночи. Ей снился необычный сон. В нем она падала в темноту... пытаясь не найти что-то, а избавиться от чего-то. Она была в лесу. Ветки хлестали ее по лицу и цеплялись за руки. Иногда она спотыкалась о корни и поваленные стволы деревьев. И затем над ее головой блеснул устрашающий луч зеленого цвета. Во сне она вспомнила «Сердце-обличитель» Эдгара По, в котором безумный рассказчик пользовался фонарем, затемненным целиком, кроме маленькой дырочки, с помощью которой он направлял лучик света в злобный глаз своего пожилого благодетеля.

Бобби Андерсон почувствовала, как у нее выпадают зубы.

Они выпали без боли и все сразу. Нижние вывалились, часть наружу, а часть внутрь рта, где и остались лежать на языке или под ним твердыми маленькими комочками. Верхние просто упали на блузку. Бобби почувствовала, как один зуб упал за лифчик, который застегивался спереди и проткнул кожу.

Свет. Зеленый свет. Свет

5

был каким-то не таким.

Дело было не в том, что он был с седым оттенком и слегка перламутровый; он заставлял предполагать, что ветер, который поднялся прошлой ночью, принесет перемену погоды. Но даже перед тем, как взглянуть на будильник, стоящий на ночном столике, Андерсон была уверена, что кроме непонятного сна случилось что-то еще. Она схватила часы двумя руками и буквально уткнулась в них носом, несмотря на прекрасное зрение. Было четверть четвертого дня. Она поздно легла, допустим. Но как бы поздно это ни случалось, по привычке или по необходимости сходить в туалет, она всегда просыпалась в девять, самое позднее в десять утра. Но сегодня она проспала целых 12 часов... и была страшно голодна.

Бобби выбралась в гостиную все еще в одних носках и увидела Питера, безвольно лежавшего на боку, с запрокинутой головой, с обнаженными желтоватыми обломками зубов и вывернутыми ногами.

Умер, — с холодной и абсолютной уверенностью подумала она. — Питер умер. Умер ночью.

Она подошла к собаке, предугадывая ощущение охладевшего тела и безжизненной шкуры. Но Питер издал едва различимый звук — неясный храп на собачий манер. Андерсон почувствовала огромную волну облегчения, накатившую на нее. Она громко позвала пса по имени, и Питер стал просыпаться с виноватым видом, как будто также проявляя беспокойство о том, что так долго проспал. По крайней мере, Андерсон полагала, что это так — у собак имелось сильно развитое чувство времени.

— Мы долго проспали, дружок, — проговорила она.

Питер поднялся и вытянул сначала одну заднюю ногу, а затем и другую. Он казался немного озадаченным, огляделся и направился к двери. Андерсон открыла ее. Пес постоял на пороге, явно не одобряя идущего дождя. Потом он все же отправился на улицу по своим делам.

Андерсон на мгновение задержалась в гостиной, все еще изумляясь своей уверенности в смерти Питера. Что же было не так в том, что она так разоспалась? Все было мрачно и безнадежно. Затем она направилась на кухню, чтобы приготовить завтрак... если можно готовить *завтрак* после 3-х часов дня.

По пути она завернула в туалет справиться нужду. Затем задержалась перед своим отражением в зеркале, забрызганном зубной пастой. Седеющие волосы, а в других отношениях вполне неплохо — она не пила много, не курила много, большую часть времени (конечно, когда не писала) проводила на свежем воздухе. Черные, как у ирландцев, волосы — и никаких романтически воспетых рыжих локонов — чуть длиннее, чем следовало бы. Серо-голубые глаза. Она резко раздвинула губы, обнажив зубы, на секунду поверив, что увидит гладкие розовые десны. Но все зубы были на месте. Благодаря фтористой воде Ютика, штат Нью-Йорк. Она дотронулась до них, чтобы пальцы ощутили и донесли до мозга их реальность.

Но что-то было не в порядке.

Влажность.

Влажность между бедрами.

О нет, вот дерьмо, неделя только началась, и я только вчера поменяла простыни.

Но после того, как Бобби приняла душ, натянула чистые хлопчатобумажные трусики и наладила все по хозяйству, она просмотрела простыни и не нашла на них никаких пятен. Месячные еще не начались, и все же ей хотелось подождать с этим немного, хотя бы пока она не проснется как следует. Да и поводов для тревоги не существовало; менструация не отличалась регулярностью, периоди-

чески то задерживаясь, то приходя раньше срока; может, от еды, может, причиной тому переживания, или ее внутренние часы, встроенные в организм, давали сбои. Бобби не хотелось стареть раньше времени, но иной раз ей казалось, что, когда все неудобства менструального цикла будут уже позади, она испытает ни с чем не сравнимое облегчение.

Остатки ночного кошмара улетучились, и Бобби Андерсон отправилась на кухню готовить себе очень запоздавший завтрак.

Глава 2 АНДЕРСОН КОПАЕТ

1

Дождь шел непрерывно в течение трех дней. Андерсон без устали шаталась по дому, съездила с Питером в Огасту за покупками, которые были в действительности ей не нужны, пила пиво и, совершая мелкий ремонт по дому, слушала старые мелодии «Бич Бойз». Беда была в том, что она не могла сделать все то, что было действительно необходимо. На третий день Роберта уже ходила кругами вокруг пишущей машинки, подумывая о том, не начать ли новую книгу. Она уже знала, о чем будет та: о молоденькой школьной учительнице и охотнике на бизонов, застигнутых войной в штате Канзас в начале 1850-х — в этот период каждый житель центральных районов страны вольно или невольно был вовлечен в военные события. Это будет неплохая книга, думала Андерсон, но полагала, что та еще немного не созрела (в мыслях она с издевательской интонацией произносила голосом Орсона Уэллса: — *Раньше времени мы не напишем ни строчки.*) Стремление что-то совершить вгрызалось в нее и мучило, да и все признаки были налицо: нетерпение по отношению к книгам, музыке, к самой себе. Стремление уплыть... чтобы потом глядеть на машинку с желанием оказаться в той сказке.

Питеру также не сиделось на месте, он то скребся под дверью на улицу, то через пять минут просился обратно, слоняясь по дому, то дожась, то вскакивая с места.

Пониженное давление, — думала Андерсон. Все из-за него. Нам не сидится на месте и мы всем раздражены.

А потом ее чертовы месячные. Обычно они были очень обильны и резко прекращались. Как будто закрывали кран. А сейчас она

просто понемногу подтекала. Капаю, как протекающий кран, ха-ха, подумала Бобби без смеха. Она очнулась в сумерках на второй день проливного дождя за пишущей машинкой, в которую был заправлен чистый лист бумаги. Она принялась печатать, и из-под клавиш выходили серии Х и О, как в крестиках-ноликах, а затем что-то похожее на математическое уравнение... что было очень неумно, поскольку ее последние опыты в этой области закончились в колледже изучением алгебры. Сейчас для нее с помощью Х забивали неверно напечатанную букву, только и всего. Роберта выдернула этот лист из машинки и отшвырнула в сторону.

Днем третьего дождливого дня она позвонила на кафедру английской литературы в университет. Джим уже 8 лет не преподавал, но там у него остались друзья, с которыми он поддерживал отношения. Мюриэл с кафедры обычно всегда была в курсе, где тот в настоящий момент.

Так и на этот раз. Она рассказала Андерсон, что Джим Гарденер, сегодня, 24 июня, уехал на чтения в Фолл Ривер, затем будет два выступления в Бостоне и затем — в Провиденсе и Нью-Хэвене, в том краю, что составляет кусочек поэтического кольца Новой Англии. Это, должно быть, из Патриции Маккардл, подумала, легонько улыбаясь, Андерсон.

— А вернется он... когда? Четвертого июля?

— Бобби, я не знаю, когда он вернется, — ответила Мюриэл. — Ты же знаешь Джима. Его последнее чтение 30 июня. Это все, что я твердо могу сказать.

Андерсон поблагодарила ее и повесила трубку. Задумчиво уставясь на телефон, вызвала в памяти образ Мюриэл — совсем иной тип ирландской девушки (у той были ожидаемые рыжие волосы), достигшей пика своей красоты: круглолицая, зеленоглазая, полногрудая. Переспала ли она с Джимом? Вероятно. Андерсон почувствовала укол ревности — но не очень сильный укол. Мюриэл была своей девчонкой. Даже простая беседа с ней приносила Бобби успокоение — разговор с человеком, который знал ей цену, который относился к ней, как к личности, а не как к соседу по очереди в скобяной лавке или просто партнеру по ничему не значащей переписке. Андерсон была замкнута по натуре, но не монашка... и подчас простое человеческое общение как-то согревало ее душу, как раз тогда, когда она даже и не подозревала, как это ей нужно.

И она полагала, что теперь, после разговора с Мюриэл, она разобралась, почему ей хочется поговорить с Джимом. Та вещь из леса прочно засела у нее в голове, и мысль, что это тайное

захоронение, переросла в уверенность. У нее чесались руки не *писать*, а *копать*. И делать в одиночестве ей этого не хотелось.

— Похоже на то, что придется, — обратилась она к Питеру, сидя в кресле-качалке — обычном месте чтения — у восточного окна. Пес пристально поглядел на нее, как будто говоря: *Все, что угодно, малышка*. Андерсон наклонилась вперед, глядя на пса, глядя на этот раз по-настоящему. На секунду ей показалось, что с Питером что-то произошло... что-то настолько заметное, что она непременно увидела бы это.

Если и так, то ей это не удалось.

Бобби откинулась на спинку кресла и открыла книгу — тезисы ее педагога из университета Небраски, самым потрясающим в которых было заглавие *Локальная война и гражданская война*. Она вспомнила, как пару ночей назад подумала о себе, как ее сестра Энн: *Бобби, ты становишься такой же тронутой, как дядюшка Фрэнки*. Ну... быть может. Вскоре она погрузилась в изучение тезисов, изредка делая пометки в лежащем рядом блокноте. А на улице все так же шел дождь.

2

Утро следующего дня было чистым, ясным и безупречным: летний день, каким его изображают на открытках, с легким ветерком, заставляющим насекомых держаться на расстоянии. Андерсон бесцельно слонялась вокруг дома до десяти часов, ощущая все нарастающее давление, какое оказывало на нее подсознание, побуждая бросить все и идти в лес откапывать ту вещь. Она чувствовала, что пытается сопротивляться этому побуждению (опять Орсон Уэллс: *Мы не откапываем ничего, прежде... заткнись, Орсон*). Дни, когда Бобби слепо следовала первому побуждению и жила по принципу «если тебе это нравится, сделай это», уже прошли. С ней он никогда не срабатывал так, как нужно — и правда, почти все неприятности, какие пришлось ей пережить, начинались с действия под влиянием мгновенного импульса. Она не клеймила позором тех, кто придерживался подобной жизненной философии; быть может, их интуиция работала лучше, чем ее.

Бобби плотно позавтракала, добавила в еду Питера взбитое яйцо (Питер ел с большим аппетитом, чем обычно, и Андерсон связывала это с прекращением дождей) и потом пошла в душ.

Если она перестала течь, все будет прекрасно. Забудем об этом; хотя это произойдет раньше времени. *Ведь верно, Орсон? Мать твою так.*

Андерсон вышла на улицу, нахлобучила старую соломенную ковбойскую шляпу и следующий час провела в саду. Там все выглядело гораздо лучше, чем могло бы, принимая во внимание дождь. Грушевые деревца подросли, и посевы неплохо встали на дыбы, как сказал бы дядюшка Фрэнк.

К одиннадцати она освободилась. Пошло оно все к черту. Бобби обогнула дом и зашла в сарай, достала лопату, заступ, помедлила и взяла лом. Вышла из сарая, затем вернулась обратно и прихватила отвертку и раздвижной гаечный ключ из ящика с инструментами.

Питер отправился, как обычно, за ней, но в этот раз Андерсон скомандовала «Нет, Питер», и указала пальцем на дом. Питер остановился, выглядя смертельно обиженным. Он заскулил и сделал робкий шаг в ее сторону.

— *Нет*, Питер.

Питер сдался и поплелся назад с поникшей головой и разочарованно повисшим хвостом. Андерсон было неприятно видеть, что он уходит таким образом, но недавняя реакция собаки на металлическую пластину была крайне неприятной. Она на секунду задержалась на тропинке, ведущей на лесную дорогу, с лопатой в одной руке, заступом и ломом в другой, глядя, как Питер взбирается на заднее крыльцо, открывает носом дверь и заходит внутрь.

Она подумала — *что-то с ним произошло... но что?* Бобби не знала. Но на мгновение ее сон подсознательно всплыл перед глазами — стрела ядовитого зеленого света... и зубы, один за другим безболезненно выпадающие из десен.

Затем он отступил, и Андерсон направилась к тому месту, где лежал в земле тот странный предмет, прислушиваясь к бесконечному *ри-ри-ри* сверчков на поле позади нее, с которого вскоре соберут первый урожай.

3

Именно Питер вывел ее из состояния прострации, в котором та копала, и Андерсон поняла, что она была на грани двух чертовски неприятных состояний: голода и истощения.

Питер выл.

Озноб пробежал по спине и рукам от этого звука. Она уронила лопату, которую держала, и отпрянула от предмета в земле — это не была ни металлическая пластина, ни ящик, ни что-то, что она смогла бы узнать. Единственное, в чем она была уверена, так это то, что впала в странное, бездумное состояние, которое ей самой совсем не нравилось. За это время Бобби пережила больше чем

просто потерю ощущения времени; она чувствовала, что потеряла ощущение *самой себя*. Как будто кто-то залез ей в голову, как рабочий залезает в экскаватор, вытеснил ее прочь и стал поворачивать нужные ему рычаги.

Питер выл, подняв морду к небу, — звук был протяжным, скорбным и горьким.

Перестань, Питер! — завизжала Андерсон, и, слава Богу, Питер перестал. Еще немного, и она сорвалась бы и побежала.

Вместо этого Бобби попыталась овладеть своими чувствами и весьма преуспела в этом. Она отступила на шаг и вдруг вскрикнула, когда что-то слегка задело ее за спину. В ответ на ее крик Питер издал еще один короткий лай и опять умолк.

Андерсон пыталась догадаться, что же дотронулось до нее, может... впрочем, она не знала, что подумать, но уже перед тем, как руки ее сомкнулись на этом предмете, она вспомнила: однажды она прервала работу и повесила на куст свою блузку; это была она.

Бобби надела ее и с первого раза неправильно застегнула пуговицы, так что одна половинка свешивалась ниже другой. Застегивая ее заново, она посмотрела на свои раскопки — сейчас этот термин как нельзя более подходил к тому, что она делала. Ее воспоминания о том, как она провела последние четыре с половиной часа, ковыряясь здесь, равно и когда она повесила блузку на куст, были туманны и прерывисты. Это не были воспоминания. Это были их обрывки.

Но сейчас, взглянув на результаты своего труда, она почувствовала благоговейный трепет и страх... и все возрастающее восхищение.

Чем бы это ни было, оно было огромным. Не просто большим, но *огромным*.

Лопата, заступ и лом лежали на расстоянии друг от друга вдоль 15-футовой канавы, прорытой в лесной земле. На равных интервалах были расположены аккуратные кучки земли и нагромождения камней, вывернутых из земли. Начиная от этой канавы глубиной 4 фута и с того самого места, где Андерсон споткнулась о 3 дюйма выступающего из земли серого металла, был виден край какого-то невообразимо большого предмета. *Серый металл... Какой-то предмет...*

Вы вправе ожидать чего-то большего, необычного от писателя, чем это описание, — думала Роберта, отирая испарину со лба, но с этой минуты она не была уверена, что металл является сталью. Теперь ей казалось, что это какой-то более редкий сплав — бериллий либо магний, — но, отставив вопрос о химическом составе, она не имела представления, что же *это такое*.

Она стала расстегивать джинсы, чтобы заправить блузку, и остановилась: брюки насквозь пропитались кровью.

Боже. Господи Боже. Это же не месячные. Это же Ниагарский водопад.

Она вдруг испугалась, испугалась не на шутку, и тут же приказала себе не быть идиоткой. Она вошла в состояние забытья и выкопала такую яму, какой гордились бы 4 здоровых мужика... она, слабая женщина, по силе 1/25 или 1/30 от них. *Вполне естественно*, месячные стали сильнее. Все было в порядке — слава Богу, что ее не скрутили такие же сильные, как излияния, боли.

О, какие мы сегодня романтические, Бобби, — подумала она и коротко жестко рассмеялась.

Все, что ей было нужно сейчас, — это хорошенько отмыться: душ и смена белья как раз будут кстати. Осталась лишь одна небольшая проблемка в неоднозначном, озадачивающем мире, ведь так? Так. И никаких больших проблем.

Она снова застегнула штаны, не заправляя блузку — зачем пачкать и ее, хотя, видит Бог, она была и не от Диора. Ощущение липкой влажности внизу живота при движении заставляло ее морщиться. Боже мой, до чего необходимо помыться. Как можно быстрее.

Но вместо того, чтобы подняться по склону до тропинки, она направилась обратно к предмету в земле, притягиваемая им. Питер опять взвыл, и мурашки пробежали опять. *Питер, заткнись ради всего святого!* Раньше она никогда не кричала на пса — не кричала по-настоящему, — но проклятая собачонка подталкивала ее к восприятию себя как объекта для исследования. Условный рефлекс — гусиная кожа на собачий вой вместо выделения слюны на звонок, но принцип один.

Стоя у своей находки, она забыла о Питере и в изумлении разглядывала ее. Через некоторое время Бобби протянула руку и дотронулась до предмета. И опять почувствовала эту волнующую вибрацию — она прошла через ее руки, а затем исчезла. В это мгновение ей показалось, что она дотрагивается до корпуса какой-то очень мощной машины. Металл был таким гладким, что казался намазанным жиром, и складывалось впечатление, что его следы должны остаться на руках.

Женщина сжала кулак и легонько ударила суставами пальцев по предмету. Он отозвался неясным глухим звуком, похожим на звук, издаваемый при ударе кулаком по толстому обрубку красного дерева. Немного помедлив, она достала из кармана отвертку и виновато, как вандал, провела острием по металлической поверхности. Металл даже не поцарапался.

Андерсон заметила еще кое-что, но это могло оказаться оптическим обманом. Во-первых, металл, казалось, утолщался сверху к тем краям, которые уходили под землю. Во-вторых, верхняя обнажившаяся часть казалась слегка закругленной. И обе эти вещи — если они были верны — побуждали к мысли, одновременно удивительной, нелепой, ужасающей, невероятной... в то же время обладающей конкретной сумасшедшей логикой.

Она пробежала пальцами по гладкой поверхности металла и отступила. Какого дьявола она оглаживает эту забытую богом вещь, в то время как из нее по ногам хлещет кровь? Но нелады с месячными станут волновать ее в последнюю очередь, если то, о чем она начала догадываться, окажется правдой.

Лучше позови кого-нибудь. Бобби. Прямо сейчас.

Я позову Джима. Когда он вернется.

Точно. Позови поэта. Великолепно. Тогда можешь обратиться и к ее святейшему Луне. А, может, и к Эдварду Горю и Гэхену Уилсону, чтобы они запечатлели все на холсте. И пригласи парочку-другую поп-групп, и мы устроим здесь настоящий долбанный Вудсток-1988. Уймись, Бобби. Вызови полицию.

Нет. Сначала я хочу поговорить с Джимом. Хочу увидеть его. Рассказать ему обо всем. А пока я еще немного покопаю здесь.

Это может оказаться опасным.

Да. Не только может, но является опасным — разве она не почувствовала это? Разве Питер не почувствовал это? Было кое-что еще. Спускаясь по склону от тропинки сегодня утром, она буквально наступила на дохлого бурундука. И хотя запах, который ударил ей в нос, свидетельствовал, что зверек мертв по крайней мере уже два дня, мухи вокруг него *не вились*. Не было вообще никаких мух, и Андерсон просто не могла припомнить подобное. Она не нашла никаких указаний на то, что убило зверька, но предполагать, что та вещь в земле имела к этому какое-то отношение, было совсем дурацкой идеей. Зверек, вероятно, попробовал отравленной приманки на фермерских угодьях и вернулся в лес умирать.

Иди домой. Поменяй белье. Ты вся в крови и плохо пахнешь.

Она отступила от той вещи в земле, повернулась и стала карабкаться по склону обратно на тропинку, где Питер неуклюже прыгнул на нее и стал с готовностью, граничащей с патетикой, вылизывать ей руки. Еще год назад он обязательно ткнул бы носом ей между ног, привлеченный запахом. Но не сейчас. Сейчас он был способен лишь дрожать.

— Ты сам виноват, — сказала Андерсон, — я велела тебе остаться дома. — И все же она была рада, что Питер прибежал. Если бы

не он, Андерсон продолжала бы копать и до ночи... а мысль, что пришлось бы остаться в сумерках рядом с этой громадиной... ей не нравилась. С тропинки она оглянулась. Высота давала ей более полное представление о предмете. Он под углом выступал из-под земли. И первое впечатление о том, что его верхняя часть закруглялась, подтвердилось.

Тарелка, ведь я сразу же догадалась, как только копнула около нее пальцем. Стальная, не та, из которой едят, но вполне возможно, что когда только небольшая часть ее выступала из земли, я сразу же подумала об обеденной тарелке. Или о летающем объекте.

Неопознанном летающем долбаном объекте.

4

Вернувшись домой, она приняла душ и переоделась, использовав один из гигиенических тампонов, хотя поток, извергающийся из нее, казалось, пошел на убыль. Затем она соорудила себе плотный ужин из консервированных бобов с сосисками. Но почувствовала себя настолько уставшей, что, немного поев, опустила тарелку Питеру на пол и села в кресло-качалку у окна. Книга тезисов, которую она читала, все еще лежала на полу позади кресла, заложенная оторванным кусочком спичечного коробка. Рядом лежал блокнот. Она подняла его, нашла чистую страницу и стала делать набросок того предмета в лесу, как она увидела его в последний раз с пригорка.

У нее не возникало проблем с карандашом, пока из-под него выходили слова, но и кое-какие художественные способности у нее имелись. Рисунок продвигался очень медленно, но не потому, что Андерсон старалась в точности передать все особенности, а потому, что она очень устала. В довершение всего подошел Питер и уткнулся мордой ей в руку, прося с ним поговорить.

Она с отсутствующим видом похлопала собаку по голове, потеряла ее опущенный на рисунок нос.

— Ты хороший пес, отличный пес, пойдی посмотри, принесли ли почту, а?

Питер быстро пересек комнату и толкнул носом дверь. Андерсон опять погрузилась в работу, бросив лишь один взгляд на Питера, исполняющего свой знаменитый номер «собака, достающая газеты». Левую лапу он поставил на почтовый ящик и стал сильно ударять по нему. Джо Полсон, почтальон, знал об этой привычке Питера и оставлял дверцу приоткрытой. Пес умудрился опустить дверцу, но потерял равновесие до того, как успел выбить содержимое. Андерсон

слетка вздрогнула — до этого раза пес *никогда* не терял равновесие. Процесс извлечения почты был предметом его особой гордости, даже более чем изображение мертвого вьетконговца и *гораздо* более, чем обыденные трюки «сидеть» и «голос» за кусочек печенья. Все, кто видел собаку, достающую газеты, были восхищены, и Питер знал это... но сегодня это было жалкое зрелище. Андерсон почувствовала себя так, будто наблюдала, как Фред Астер и Джинджер Роджерс, такие, какими они стали теперь, танцуют один из своих знаменитых танцев.

Пес попытался еще раз, и теперь он выбил корреспонденцию — каталог и письмо (или счет — пожалуй, в конце месяца это было более вероятно) — из ящика сильным ударом лапы. Они шлепнулись на землю и, пока Питер подбирал, Андерсон опустила глаза на рисунок, внушая себе, что не следует каждые две минуты звонить по Питеру в похоронный колокол. Сегодня вечером пес выглядел полумертвым; но и раньше бывали моменты, когда ему приходилось по три-четыре раза вставать на задние лапы перед тем как достать почту, которая обычно состояла из бесплатной рекламы «Проктер и Гэмбл» или проспекта от «К-Марта».

Андерсон пристально поглядела на набросок. Получилась не стопроцентная схожесть, но... но очень похоже. В любом случае, она схватила суть.

Да. И то, что она приняла за металлическую тарелку, ведь действительно было корпусом. Зеркально-гладкий, без заклепок.

Ты сходишь с ума, Бобби... и об этом догадываешься, так?

Питер заскребся в дверь, прося, чтобы его впустили. Андерсон направилась к двери, все еще не отрывая глаз от рисунка. Питер вошел и положил корреспонденцию на кресло в прихожей. Потом он направился на кухню, по-видимому, посмотреть, не проглядел ли он чего-нибудь на ее тарелке.

Андерсон взяла почту и с легкой гримасой отвращения обтерла о джинсы. Питер делал отличный трюк, но собачьи слюни на бумаге никогда не вызывали в ней восхищения. Каталог был от «Радио Шэк» — они предлагали ей текстовый редактор. Счет был от Центральной Энергетической Компании штата Мэн. Это заставило ее опять вплотную задуматься о Джиме. Она кинула почту на стол, вернулась к креслу, присела, отыскала чистую страницу и быстро скопировала свой рисунок.

Она нахмурилась при взгляде на сильно преувеличенную выпуклость, которая получилась слегка приблизительной — как будто она раскопала не на 4 фута, а на все 12 или 14. Ну и что с того? Немного экстраполяции не волновало ее; черт возьми, это было частью ее писательской работы. Люди, которые считали это приоритетом лишь

художественной литературы¹ и фантастики, смотрели однобоко, поскольку никогда не сталкивались с проблемами заполнения белых пятен истории. Например, почему первопроходцы заселившие остров Роунок, побережье Северной Каролины, затем исчезли без следа, оставив после себя вырезанное на стволе дерева непонятное слово КРОАТОАН; или почему жители маленького городка в штате Юта называли тех, кто неожиданно сошел с ума в один и тот же день летом 1884 года «получившими благословение». Если не знать наверняка, можно придумать какую-нибудь причину — по крайней мере до тех пор, пока не обнаружишь истину.

Поэтому Андерсон допускала, что форма периферии может отличаться от арки. Единственной проблемой было, что она забыла, каких размеров была эта чертова штука. Но в грубом приближении она могла попытаться это сделать, опираясь на впечатление, какова в точности была поверхность предмета, и предположив, где находится его центр.

Бобби вернулась к столу в холле и выдвинула среднюю секцию. Она в беспорядке откладывала в сторону пачки оплаченных квитанций, всевозможные севшие батарейки (по каким-то причинам она никогда не могла отделаться от старых батареек, она просто кидала их в ящик, бог знает почему, и ящик стал кладбищем батареек, а не скопищем каменных фигурок слоников, как должно было быть), связки резинок и оставленные без ответа письма почитателей (она не могла выбрасывать их, так же, как и батарейки) и рецепты, записанные на карточках. В самой глубине ящика был навален разный хлам мелких вещичек, и среди него — то, что она искала: компас с желтым огрызком карандаша, вделанным в корпус.

Усевшись в кресло, Андерсон открыла чистую страницу и в третий раз нарисовала верхнюю часть предмета в земле. Она старалась изобразить его в масштабе (но в этот раз получилось несколько крупнее), не тратя времени на прорисовывание деревьев вокруг и обозначив их лишь для сохранения перспективы.

— Ну, проверим, — проговорила Бобби и воткнула острие в желтый блокнот снизу от скругленного края. Она приспособила дугу компаса так, что та в точности прослеживала очертания нарисованного предмета, и затем повернула компас вокруг оси. Взглянув на результат, она прикрыла рот тыльной стороной ладони. Неожиданно губы ее безвольно раскрылись и повлажнели.

— Вот дерьмо, — прошептала она.

Никакое не дерьмо. Просто если она не ошиблась в определении кривизны поверхности и центра предмета, то объект в земле имел окружность по меньшей мере двести пятьдесят метров.

Компас и блокнот упали на пол, и Андерсон, чье сердце сильно забилося в груди, уставилась в окно.

5

На закате Андерсон уселась на заднем крыльце, неподвижно глядя на лес, протянувшийся за садом, и прислушиваясь к голосам, звучащим в голове.

В бытность студенткой колледжа Бобби посещала семинары по креативистике на факультете психологии. Она была приятно удивлена когда с облегчением узнала, что не страдает скрытой формой невроза; практически все люди с развитым воображением слышат внутренние голоса. Не мысли, но именно реально ощутимые голоса, раздающиеся в голове, принадлежащие разным людям и различимые почти так же, как голоса актеров в старых радиопостановках. Их источник располагается в правом полушарии мозга, как объяснял преподаватель, которое обычно отвечает за зрение, телепатию и поразительную способность человека создавать образы, придумывая сравнения и метафоры.

На свете не существует НЛО.

Да ну? И кто такое сказал?

Военно-воздушные силы, к примеру. 20 лет назад они не разрешали выпускать книги на эту тему. Они могли найти объяснение всему, кроме 3% случаев наблюдений аномальных явлений, и они вещали, что эти последние 3% вызваны временными возмущениями атмосферы — всякой чепухой вроде ложных солнц, турбулентных воздушных потоков, сгустков атмосферного электричества. Черт возьми, материал об огнях Лаббока был опубликован на первых страницах, а в результате они оказались... стаяй моли, не так ли? А уличное освещение городка, отраженное их крыльями, отбрасывало неясные движущиеся тени на скопление низких облаков, висящих из-за безветренной погоды над городом целую неделю. Большинство горожан прожило эту неделю с ощущением, что вот-вот появится некто, одетый, как Майкл Ренни в «Дне, когда земля замерла», в сопровождении маленького робота Горта, скрипящего позади, и потребует аудиенции у президента. А они твердят — моль. Как вам это нравится? Разве такое вам не должно нравиться?

Этот голос был удивительно ясно различим и походил на голос доктора Клингермана, ведущего семинар. Он вещал ей с неослабевающим энтузиазмом. Андерсон улыбнулась и закурила очередную

сигарету, превышая регламент по ним на один день, но чертовы события все равно теряли новизну.

В 1974 году капитан Мантелла, преследуя НЛО, — то, что, по его мнению, было НЛО, поднялся на слишком большую высоту. Сведения об этом полете засекречены. Самолет попал в катастрофу. Летчик погиб. Он погиб, преследуя отражение Венеры на облаках — иными словами, ложное солнце в верхних слоях атмосферы. Итак, Бобби, мы имеем отражения от мотыльков, от Венеры и, вероятно, золотого глаза, но никаких НЛО нет и в помине.

Тогда что же там, в земле?

Голос преподавателя сник. Он не знал ответа. На смену ему пришел голос сестры Энн, говорящий ей в третий раз, что она рехнулась, как и дядюшка Фрэнк, что для нее уже отбирается смиренная рубашка; вскоре ее отвезут в приют для душевнобольных в Бангоре или Джунипер Хилл, и там, плетя корзины, она сможет сколько угодно бредить летающими тарелками, зарытыми в лесу. Это был сестренкин голосок; прямо сейчас Бобби может позвонить ей по телефону, рассказать обо всем и дословно выслушать проповедь. Роберта не сомневалась в этом.

Но заслуженно ли?

Нет. Незаслуженно. Энн приравнивала уединенную жизнь сестры к сумасшествию, что бы Бобби ни пыталась сказать или сделать в оправдание. И верно, мысль о том, что та штука в земле — космический корабль, была безумной... но было ли безумным заигрывание с невозможным, по крайней мере до тех пор, пока не найдено опровержение? Энн думала, что да, а Бобби — что нет. Ничего плохого не случится с мозгом, открытым навстречу неизвестному.

Все же та быстрота, с которой вера в возможность этого зародилась в ней...

Бобби поднялась с кресла и вошла в дом. После того как она в последний раз дурачилась с той штукой из леса, она проспала двенадцать часов. Сейчас она хотела знать, ожидает ли ее и на сей раз подобная спячка. А Бог его знает, но ощущения были такие, что из-за усталости она вполне может проспать не меньше.

Оставь эту хреновину в покое. Она опасна.

Но снимая футболку-рубашку она знала, что не сделает этого. По крайней мере не сейчас.

Последствием долгого одиночества, как она убедилась на собственном опыте, — и в чем причина нежелания большинства известных ей людей оставаться наедине с собой даже недолгое время —

является усиление внутренних голосов из правого полушария. Чем дольше ты живешь один, тем громче они звучат и сильнее допекают тебя. В то время как критерии рационального сокращаются под гнетом тишины, голоса эти не просто звучат в голове; они *требуют* к себе внимания. И было чего испугаться и подумать о приближающемся безумии.

Энн убеждена, что об этом придется подумать, — размышляла Бобби, залезая в кровать. Лампа отбрасывала чистый уютный кругляш света на покрывало, но книгу размышлений об истории, написанную ее преподавателем, Бобби забыла на полу. Она продолжала ожидать те болезненные спазмы внизу живота, которые сопровождали неожиданно ранние и обильные месячные, но, видно, их время еще не пришло. Как вы понимаете, она не очень-то огорчалась по поводу их отсутствия.

Бобби скрестила руки за головой и уставилась в потолок.

Она думала: *Бобби, ты не такая уж сумасшедшая. Тебе кажется, что Гард сломался, а с тобой все в порядке — не признак ли это расшатанных нервов? Это даже имеет название... отречение и подмена. «Я в норме, в все вокруг сходят с ума».*

Все верно. Но она была твердо в себе уверена и одно знала наверняка: она была более нормальна, живя в Хэвене, чем в Кливз Майлз и уж тем более Ютике. Проживи Бобби еще немного в Ютике, поблизости от сестры, и она совсем свихнулась бы. Андерсон верила, что Энн считала ее кажущуюся ненормальность необходимым атрибутом ее... ее работы? Нет, сказано слишком приземленно. Пожалуй, ее священной миссии на земле.

Андерсон знала, что в действительности тревожит ее уж никак не быстрота, с которой вера в возможность присутствия здесь летающей тарелки утвердилась в ней. Ощущение *уверенности*. Ее голова будет ясной, но предстоит борьба с тем, что в устах Энн звучит как «здравомыслие». Поскольку она *знала*, что нашла в лесу, и это переполняло ее страхом, трепетом и восхищением.

Видишь ли, Энн, малышка Бобби не сошла с ума и ей не придется путешествовать в Стиксвилль; малышка Бобби переехала сюда и стала вполне нормальной. Ненормальность — это ограниченные возможности, Энн, неужели ты не можешь сама понять это? Ненормальность есть отказ следовать общепринятой нити размышлений вместе с присущей им логикой... Это как барьер. Ты понимаешь, о чем я говорю? Нет? Конечно, нет. Не понимаешь и никогда не понимала. А теперь убирайся, Энн. Живи в Ютике и скрипи зубами по ночам, пока не сотрешь их в порошок, и пусть тот, кто достаточно ненормален, чтобы оставаться в пределах

достигаемости твоего голоса, будет моим гостем, но уйди из моей головы.

Предмет в земле был космическим кораблем.

Там. И он не был уже погребен слоем почвы. Не думай об Энн, не думай об огнях Лаббока или о том, что ВВС не желают говорить на тему неопознанных летающих объектов. Не думай о колеснице богов, о Бермудском треугольнике или о том, как Илия вознесся на небо в кольце огня. Не думай обо всем этом — сердце правду чувствует. Это был корабль, потерпевший катастрофу или приземлившийся здесь очень давно — быть может, миллионы лет назад.

О, Боже!

Бобби лежала в кровати со скрещенными за головой руками. Она сама была относительно спокойна, но сердце стучало все сильнее, сильнее, сильнее.

Тогда другой голос, голос ее умершего деда, повторил кое-что из того, что раньше уже говорил голос Энн.

Не трогай это, Бобби. Это может быть опасным.

И та мгновенная вибрация. Предчувствие, удушающее и грозное, что она откопала верхнюю часть стального гроба. Реакция Питера. Слишком рано начавшаяся менструация и тот факт, что прекращалась она здесь, а около того объекта кровь хлестала из нее, как из зарезанной свиньи. Потеря временной ориентации, а потом и 12-часовой сон. И не забудь малыша-бурундука в лесу. Он совершенно недвусмысленно вонял, но вокруг не было ни одной мухи. Или, если хочешь, на трупике бурундука не было мух.

Ничто из этого дерьма не добавляет ясности. Я признала, что под землей скрыт космический корабль, поскольку, как бы странно это ни звучало, определенная логика в этом есть. Но я не вижу логики в остальном; бусинки раскатываются по столу в разные стороны и теряются. Нанижите их на нитку, и, быть может, я куплю одну из них, во всяком случае, я подумаю об этом.

И опять раздался голос ее деда, властный, значительный; только он один в доме мог присмирить расшалившуюся Энн.

Все это случилось после того, как ты, Бобби, нашла тот предмет в земле. Вот тебе зацепка. Нет. Ее недостаточно.

Достаточно, чтобы сейчас поговорить со своим дедом; уже шестнадцать лет тот лежал в могиле. Но это был именно его голос, голос, несмотря ни на что, преследующий ее даже во сне.

Держись от этого подальше, Бобби. Там опасно... И ты сама тоже это знаешь.

Глава 3 ПИТЕР ВИДИТ СВЕТ

1

Она заметила какую-то перемену в Питере, однако была не способна конкретно определить, в чем эта перемена заключалась. Когда Андерсон проснулась на следующее утро (как обычно, в девять часов), это привлекло ее внимание почти сразу.

Она стояла за разделочным столиком, разминая в старой красной миске Питера консервы «Грэви Трэйн». Как обычно, Питер, заслышав стук ложки, приковылял на кухню. «Грэви Трэйн» были относительной новинкой; вплоть до прошлого года пес всегда получал на завтрак «Мясо Гэйнс», а на ужин — полбанки консервированной собачьей еды «Ривал», ну и все остальное, что ему удавалось перехватить на стороне в промежутке. Затем Питер перестал есть «Мясо Гэйнс», и Андерсон потребовался почти месяц, чтобы уяснить, что Питер не капризничает; что оставшимся его зубам просто не осилить твердую сухую пищу. Теперь он ест «Грэви Трэйн», что-то вроде, как ей пришло в голову, яйца-пашот, сваренного в кипятке без скорлупы на завтрак для старика.

Бобби залила консервы теплой водой и стала разминать их старой замусоленной ложкой, которая предназначалась специально для этого. Ну вот: размятые консервы плавают в грязноватой мутной жидкости, которая выглядит как подливка... или же, подумалось Андерсон... как нечто, извлеченное из стока раковины.

— Вот и ты, — сказала Андерсон, повернувшись спиной к раковине, Питер расположился на облюбованном участке линолеума так, что их разделяло порядочное расстояние; это была мера предосторожности: Андерсон могла, попятившись, запнуться за него и отдавить хвост. — Надеюсь, тебе понравится. Что до меня, я думаю...

Она остановилась на полуслове, наклонилась, держа в руках красную миску Питера, так что волосы закрыли один глаз. Андерсон мотнула головой, откидывая их.

— Пит? — она услышала свой голос.

Питер взглянул на нее вопросительно, затем побрел к своей подстилке. В ту же минуту он шумно заработал языком.

Андерсон выпрямилась, не сводя глаз с собаки; как ни странно, она испытала облегчение от того, что Питер отвернул от нее свою морду. В ее памяти ожил голос деда, настойчиво советующий бросить эту затею, ведь это довольно опасно, разве ей мало своих неприятностей?

В одной только этой стране наберется около миллиона человек, которые обратились бы в бегство при одном намеке на опасность такого рода, думала Андерсон. Бог знает, сколько таких людей во всем мире. И это все, что они могут сделать? В чем же причина этой напасти, как вы думаете?

Внезапно подкосились ноги. Подавшись назад, она наткнулась на одно из кухонных кресел. Села и стала наблюдать, как ест ее пес. Молочно-белая катаракта, закрывавшая его левый глаз, наполовину исчезла.

2

— Не знаю, что и думать, — сказал ветеринар в тот же день.

Андерсон занимала единственное кресло в кабинете ветеринара, в то время как Питер смирно сидел на смотровом столе. Ей вспомнилось, как ее угнетала необходимость визита к ветеринару этим летом... только теперь не похоже, что с Питером придется скоро расстаться.

— Но ведь это же не только плод моего воображения? — поинтересовалась Андерсон; она чувствовала, что в глубине души хочет, чтобы доктор Эйзеридж или подтвердил, или опроверг реплику Энн, запавшую в ее сердце: «Вот уж чего ты заслуживаешь, так это жить в одиночестве с твоей вонючей собакой».

— Нет, — подтвердил Эйзеридж, — хотя я вполне разделяю ваше смущение. Что касается его катаракты, то здесь наблюдается активная ремиссия. Можешь слезать, Питер.

Питер спустился со стола, сначала прыгнув на стул доктора, а потом на пол и улегся рядом с Андерсон.

Андерсон опустила ладонь на морду Питера и, пристально глядя на Эйзериджа, подумала: *Вот видите?* Правда, совершенно не собираясь произнести это вслух. На какой-то момент Эйзеридж встретился с ней взглядом и отвел глаза. *Я, конечно, вижу это, да, но не собираюсь подтверждать, что я это вижу.* Питер осторожно переменял положение, сознавая, что бесконечно долгое время отделяет его от безудержной щенячьей резвости до неуклюжей пробной вылазки, предпринятой им недавно, когда он двигался, неестественно свернув голову вправо, чтобы видеть дорогу; он едва-едва поддерживал равновесие, так что чудом не переломал кости. Однако намечались некоторые сдвиги к лучшему в способности ориентироваться. Причина этого, как полагала Андерсон, была в том, что зрение его левого глаза восстанавливается. Эйзеридж подтвердил эту догадку с помощью нескольких простых тестов. Впрочем, зрение

это еще не все. Было и всестороннее улучшение координации тела. Ясно как день. Невероятно, но факт.

И ведь не сокращение же катаракты вернуло морде Пита масть соль-с-перцем вместо почти уже однородной седины, верно? Андерсон заметила это в кабине пикапа, когда они ехали в клинику, и чуть было не потеряла управление.

Заметил ли это и Эйзеридж, но не готов признать, что заметил? Наверное, он заметил только часть перемен, догадалась Андерсон, хотя, будь он доктором Даггеттом, он заметил бы все.

Даггетт осматривал Питера по меньшей мере дважды в год в течение первых десяти лет его жизни. За это время много чего произошло. Например в тот раз, когда Питер подрался с дикобразом, Даггетт вытащил все иглы одну за другой, при этом насвистывая мелодию из «Моста через реку Квай» и поглаживая дрожащего годовалого щенка своей большой, чуткой рукой. В другой раз, Питер притащился домой с изрешеченной дробью спиной, — ужасный подарок от охотника, или настолько глупого, чтобы не смотреть, во что он стреляет, или достаточно жестокого, чтобы причинить страдания собаке из-за того, что не удалось разрядить ружье в фазана или куропатку. Доктор Даггетт заметил бы все перемены в Питере, он бы не стал игнорировать их, даже если бы ему этого очень хотелось. Доктор Даггетт снял бы свои очки в розовой оправе, протер бы стекла краем белого халата и сказал бы что-то вроде: мы видели, каким он был, и видим, каким он стал, Роберта. Это серьезно. Собака еще не помолодела, но, по-моему, она собирается это сделать. На что Андерсон ответила бы: я знаю, каким он был, и я догадываюсь, почему это происходит. И это как рукой сняло бы все напряжение... Но старый док Даггетт продал практику Эйзериджу, который, хотя и выглядит достаточно симпатичным человеком, однако, до сих пор остается чужаком; а старик удалился от дел и уехал во Флориду. Эйзеридж осматривал Питера значительно чаще Даггетта, — четыре раза за прошлый год, потому что Питер старел, становился все более немощным и требовал регулярных осмотров. Но ветеринар не уделял ему внимание так часто, как его предшественник... и, как она подозревала, он не был наделен проницательностью и яркостью восприятия старого доктора. Или такой же душой.

Где-то у них за спиной взорвалась лаем немецкая овчарка, она почти оглушила их.

Остальные собаки подхватили. Питер повел ухом и начал дрожать под рукой Андерсон. Ничто так не влияло на самообладание, спокойствие и выдержку гончей, подумала Андерсон. Как-то раз,

после одного из своих щенячьих потрясений, Питер так расслабился, что, казалось, был близок к параличу. А эта дрожь была чем-то совершенно новым.

Эйзеридж хмурился, прислушиваясь к лаю собак — теперь почти все они заливались.

— Спасибо, что приняли нас так быстро, — Андерсон пришлось повысить голос. А собаки из приемной продолжали лаять, и еще таявало и нервно подпрыгивало какое-то очень маленькое животное... шпиц или пудель, скорее всего.

— Было очень... — она осеклась, почувствовав вибрацию под рукой и первое, что пришло ей в голову

(корабль)

была та штука в лесу.

Эта вибрация исходила от Питера. Рычание возникало где-то глубоко в горле Питера, казалось, оно поднимается из самого нутра.

— ...мило с вашей стороны, но я думаю, нам пора идти. Похоже, вам предстоит подавлять мятеж. — Она хотела пошутить, но попала в самую точку. Почти по всей ветеринарной клинике — в приемной, в кабинете врача и в операционной, и в помещении для выздоравливающих пронесся настоящий шквал. Все собаки зашлись лаем, и даже шпиц в приемной присоединился к паре других собак... а истеричные, завывающие вопли несомненно принадлежали кошке.

Растерявшаяся миссис Алден заглянула в кабинет.

— Доктор Эйзеридж...

— Хорошо, сейчас иду, — прокричал он, перекрывая шум. — Извините, мисс Андерсон.

Он выскочил из кабинета, не закрыв дверь. Шум, казалось, удвоился — да здесь просто бедлам — все, что успела подумать Андерсон, так как Питер взметнулся под ее рукой. Смирный, деликатный пес внезапно разразился глухим ворчащим рычанием. Эйзеридж метался в коридоре между шеренгами обезумевших собак; пневматическая дверь кабинета тихо хлопнулась за ним, и он, конечно, не мог наблюдать то, что так поразило Андерсон: если бы она не вцепилась вовремя в ошейник, гончая бы пулей выскочила следом за доктором. Питер весь дрожал и глухо рычал; причем не от страха, заметила хозяйка. Это была ярость — неудержимая ярость, почти бешенство. Очень не похоже на Питера, но это так.

Когда Андерсон потянула его назад за ошейник, Питер захлебнулся, и рычание перешло в страшный звук — *yarr!* Пес оглянулся, и то, что она увидела в правом зрячем глазу Питера, можно было определить только как неистовую ярость, направленную против того, кто его удерживает. Она могла бы допустить возможность этого

чувства, если бы кто-либо дерзнул покуситься на ее имущество; или же проснулись какие-то воспоминания о том, как был убит сурок, имевший несчастье замешкаться и растерзанный так жестоко и отвратительно, что даже мухам было нечем поживиться; она согласна признать ремиссию катаракты, критический возраст и даже то, что ее собака каким-то образом начала молодеть.

Все это — да.

Но то обстоятельство, что ее добрый старый Питер мог смотреть на нее с яростью — нет.

3

К счастью, это длилось всего одно мгновение. Дверь закрылась, приглушив какофонию. Кажется, Питер немного успокоился. Он все еще дрожал, однако уселся рядом с хозяйкой.

— Вставай, Питер, мы уходим. Она была просто потрясена, куда более потрясена, чем она потом скажет Джиму Гарденеру. Чтобы передать всю картину, надо было воскресить ту вспышку ярости в добрых глазах Питера. Андерсон ощупью пробиралась через свору чужих собак, уводя Питера из кабинета ветеринара (собакам приходилось сбиваться в кучу, ожидая, пока хозяева поведут их на осмотр; это всегда раздражало, ей приходилось почти расталкивать их. В конце концов Андерсон пришлось пустить в ход поводок Питера.

Она протолкнула Питера в дверь приемной и придержала ее ногой. Шум усилился. Тявкал шпиц, принадлежащий полной женщине, одетой с ног до головы в желтое. Толстуха старалась успокоить шпица, уговаривая его быть хорошим мальчиком, ведь мамочка любит Эрика. Это не особенно действовало на бестолковую собачонку, которая норовила вывернуться из пухлых рук.

— Мисс Андерсон... — начала миссис Алден. Она выглядела возмущенной и слегка испуганной, как всякий человек, который пытается продолжать свою обычную работу, внезапно оказавшись в сумасшедшем доме.

Андерсон вполне понимала и разделяла ее чувства.

И вот тут шпиц увидел Питера — Андерсон позже была готова поклясться, что псом овладело безумие. Решив не останавливаться ни перед чем, шпиц впился зубами в руку мамочки.

— Ах ты, жопа! — взвизгнула мамочка и уронила шпица на пол. На руке выступила кровь.

В тот же момент Питер метнулся вперед, рыча, дрожа и натягивая короткий поводок, так что Андерсон едва удержалась на ногах.

Ее правая рука конвульсивно дернулась. Живое воображение, граничащее с предвидением, точно нарисовало ей, что будет дальше: подобно Давиду и Голиафу в центре комнаты встретятся гончая и шпиц, Питер и Эрик. Безмозглый шпиц атакует противника, а Питер оторвет ему голову в один миг.

Такой ход событий был предотвращен девочкой лет одиннадцати, сидевшей слева от мамочки. На коленях у нее стояла картонная коробка, внутри которой свернулся большой уж, на вид вполне здоровый. Благодаря безусловному рефлексу, свойственному всем детям, девочка крепко наступила на поводок Эрика. Эрик метнулся вперед, но не сдвинулся с места. Девочка подтащила шпица к хозяйке. Она несомненно была самой уравновешенной во всей приемной.

— Что, если этот ублюдок заразил меня бешенством? — мамочка повысила голос, обращаясь к миссис Алден. Кровь заливала ее сжатые в кулак пальцы. Питер повел головой в ее сторону, и Андерсон выволокла его за дверь, украшенную табличкой, гласящей, что следует внести предварительный взнос за посещение ветеринарной клиники, независимо от условий дальнейшего хода лечения. Андерсон хотелось рвануть отсюда домой на максимальной скорости и принять двойную дозу спиртного. А то и тройную...

Слева от нее раздался длинный, низкий завывающий вопль. Повернувшись в этом направлении, она обнаружила кота, который был бы как нельзя кстати на маскараде по случаю Хеллоуина. Весь черный, кроме белого пятнышка на конце хвоста, которым кот дергал так, как только мог. Спина была выгнута дугой, шерсть стояла дыбом; зеленые глаза с неподвижными зрачками уставились на Питера. Его розовая пасть угрожающе ощерилась острыми, как иголки, зубами.

— Заберите собаку, леди, — проговорила хозяйка кота ледяным голосом. — Блэки не любит собак.

Андерсон хотела сказать, что ее не волнует, что Блэки нравится, а что нет, и хотя она и не думала скрывать свое мнение по этому поводу, однако нужные слова всегда приходили задним числом — наверное потому, что она редко оказывалась в конфликтных ситуациях. Она всегда точно знала, что надо ответить, но ей не часто приходилось обдумывать слова — они всегда приходили сами собой. Просто она почти не находила повода высказать их кому-нибудь.

— Готовьтесь к бою, — все, что она могла сказать, чтобы не ввязываться в ссору, и, пока ошарашенная хозяйка Блэки размышляла, что она имеет в виду, она повела Питера, взяв его на короткий поводок. Питер слегка покашливал, и его розовый влажный язык

свесился изо рта. Он уставился на боксера с перевязанной правой лапой. Здоровяк в голубом комбинезоне вцепился обеими руками в поводок боксера. Она прикинула, что сильный, злобный, могучий пес с тяжелыми челюстями мог бы расправиться с Питером так же просто, как и Питер со шпидцем. Боксер вскочил достаточно бодро, несмотря на сломанную лапу; сердце Андерсон упало: уж слишком ненадежным казался поводок.

Андерсон испытывала нечто сходное с ночным кошмаром, когда долго-долго не можешь открыть ручку двери, и когда руки отказываются действовать, а опасность все приближается.

Так или иначе, это работа Питера.

Повернув ручку входной двери, она оглянулась и окинула шальным взглядом приемную. Комната была похожа на какой-то бессмысленный первобытный остров. Мамочка требовала, чтобы медсестра оказала ей первую помощь (она действительно в ней нуждалась; кровь стекала по руке маленькими ручейками и капала на желтое одеяние и белые чулки); кот Блэки до сих пор шипел; смирные пациенты доктора Эйзериджа просто посходили с ума, явно вознамерившись вырваться; безмозглый шпиц Эрик, натянув до предела поводок, облаивал Питера дурным голосом. Питер попятился.

Андерсон остановила взгляд на уже в картонной коробке, который свернулся кольцами и поднял головку, как кобра, тоже не сводя с Питера глаз; из его чешуйчатого рта показался раздвоенный язычок, который извивался из стороны в сторону.

В жизни не видела, чтобы уж такое выделявали. Всерьез струсив, Андерсон выскочила на улицу, таща Питера за собой.

4

Питер послушно потрусил за ней, как только дверь захлопнулась за его спиной. Затем он остановился и прокашлявшись, устремился к хозяйке. Пес взглянул на нее так, будто хотел сказать: мне вовсе не нравится этот поводок и никогда не будет нравиться, но что поделаешь, если ты настаиваешь... Они забрались в кабину пикапа, и Питер полностью ушел в себя.

А вот Андерсон не могла успокоиться.

У нее так сильно дрожали руки, что два или три раза она не могла попасть в скважину ключом зажигания. Ей никак не удавалось завести двигатель.

Питер перебрался с сиденья на пол, затем посмотрел на Андерсон тем неповторимо осмысленным взглядом гончей (хотя все собаки

способны смотреть выразительно и осмысленно, только глаза гончей могут выразить такую скорбь). Похоже, выражение его глаз следовало истолковать так: и как давно ты получила свои водительские права? Затем он снова забрался на сиденье. Андерсон уже не могла поверить, что всего пять минут назад Питер был дрожащим от возбуждения, рычащим и злобным зверем, каким она никогда не видела его раньше: собакой, готовой вцепиться во все, что движется, и то выражение, с которым... Тут она оборвала эту мысль.

Заведя наконец двигатель, она выбралась из вереницы припаркованных машин. Когда они проезжали мимо здания ветеринарной клиники, что следовало из скромной вывески, она опустила одно из стекол. Слышались только отдельные взвизги и негромкий лай. Ничего из ряда вон выходящего.

Безумие прекратилось.

Она никак не могла успокоиться, хотя чувствовала, что полоса неприятностей закончилась. Если это так — все хорошо, что хорошо кончается.

Просто каламбур.

5

Бобби не хотела ждать (а вернее, не могла), пока она доберется домой и выпьет обещанную себе рюмочку. Как раз напротив ветеринарной клиники стояла придорожная закусочная с заманчивой вывеской «Большой Воскресный Бар и Гриль».

Андерсон пробиравлась к заветной цели, лавируя между машинами.

— Жди, — сказала она Питеру, который свернулся на сиденье. Пес приподнял веки, как бы говоря: разве я хочу сопровождать тебя повсюду? Чтобы ты таскала меня за собой на этом дурацком поводке?

В «Воскресном Баре» было темно и довольно пустынно в среду вечером; в центре зала никто не танцевал. Пахло прокисшим пивом. Бармен, он же и кассир, подошел к ней с приветствиями.

— Двойной «Катти-Сарк», — прервала его Андерсон — Разбавьте водой.

— Вы всегда пьете как мужчина?

— Обычно я пью из стакана, — Андерсон отпустила реплику, по сути лишенную смысла, но она чувствовала себя слишком усталой... просто разбитой. Затем она привела себя в порядок в дамском туалете...

Андерсон вернулась на свое место в довольно сносном настроении, которое еще поднялось после первой порции спиртного.

— Послушайте, я не собираюсь вам надоедать, — обратился к ней бармен. — Но вечерами здесь так уныло. Когда появляется новое лицо, мне трудно удержать язык за зубами.

— Извините, — ответила Андерсон, — сегодня у меня выдался не самый лучший денек.

Она допила стакан и кивнула.

— Еще одну порцию, мисс?

Может быть взять «Парти леди», — подумала Андерсон, отрицательно качнув головой. — Лучше я возьму стакан молока. А то меня замучает несварение желудка сегодня вечером.

Бармен налил ей молока. Андерсон пила его и думала: что же все-таки случилось у ветеринара? Думай не думай, а в ее голове это не укладывается.

Не имею ни малейшего представления, подумала она, что случилось, когда я привела его в приемную.

Она попробовала восстановить в памяти все подробности. Приемная была так же переполнена, когда она ждала приема, но ведь тогда не было такого бедлама, как после посещения ветеринара. Место, конечно, беспокойное: в тесноте сгрудились животные всех видов и типов, многие из них питают друг к другу инстинктивные антипатии, что, конечно, не создает благоприятную обстановку, однако все было вполне нормально.

Теперь, когда спиртное делало свое дело, она вспомнила человека в комбинезоне, сопровождавшего бульдога. Боксер смотрел на Питера. Питер робко косился на него. Впрочем, это вовсе не важно.

Так что же?

Пей молоко, отправляйся домой и забудь об этом. Ну, ну. А как же тот случай в лесу? Или это тоже ты забыла?

Как бы в ответ в ее памяти всплыл голос деда: *Между прочим, Бобби, далась тебе эта штука? Стоит ли об этом думать?*

Нет, не стоит.

Теперь, в таком состоянии, она собралась заказать еще порцию спиртного... только одну, а потом и другую... Что же, она действительно собирается сидеть в темном пустом баре ранним вечером, выпивая в одиночестве и дожидаясь, пока неведомый кто-то (а может быть, и сам бармен) сядет рядом и спросит, что с ней стряслось и что она здесь делает?

Она бросила пятерку на стойку, и бармен сгреб ее. Выходя из зала, Андерсон увидела телефон-автомат. Имевшаяся в наличии книга была замусоленной, с загнутыми листами и благоухала виски. Опустив 20 центов и прижав трубку между ухом и плечом, она отыскала нужный телефон и дозвонилась до клиники Эйзеридж.

Миссис Алден ответила вполне спокойно. Судя по всему в приемной лаяла одна из собак. Только одна.

— Надеюсь, я не побеспокоила вас, — сказала Андерсон, — я верну ваш поводок завтра.

— Не беспокойтесь, мисс Андерсон, ответила секретарь. — Мы имеем дело с вами столько лет, что можем не сомневаться в вашей порядочности. Что до поводков, мы уже закрыли чулан.

— У вас там что-то стряслось?

— Да просто помрачение какое-то! Нам пришлось вызывать врача для миссис Перкинс. Ничего страшного — конечно, ей пришлось наложить швы, но многие, кто в этом нуждается, сами добираются до врача.

Она слегка понизила голос, сообщая ей нечто конфиденциальное.

— Слава Богу, что ее укусила собственная собака. Она из той породы людей, что поднимают шум из-за пустяков.

— А что же вызвало это столпотворение?

— Даже доктор Эйзеридж не знает. Может быть, жара после дождя. Доктор Эйзеридж говорит, что где-то читал про это. Ветеринар из Калифорнии пишет, что со всеми животными в его клинике случился приступ бешенства как раз перед большим землетрясением.

— И что же...

— Одно землетрясение было в прошлом году, — ответила миссис Алден. — Я надеюсь, что другое не случится так скоро. Ядерный реактор в Уискзет тоже слишком уж близко.

Надо спросить Гарда, подумала Бобби. Она поблагодарила собеседницу и попрощалась.

Андерсон подошла к машине. Питер спал. Он приоткрыл глаза, когда она садилась за руль, потом снова опустил веки. Его морда покоилась на передних лапах. На ней снова проступала темная шерсть. Безусловно; тут уж не ошибешься.

Между прочим, Бобби, какое тебе до этого дело?

Заткнись, дед.

Приехав домой, она почувствовала, что раскисла от двух порций шотландского виски; пройдя в ванную, остановилась перед зеркалом, провела рукой по волосам, приглаживая их, и внимательно осмотрела свое лицо.

Седина в волосах оставалась — вся, которая появилась, никуда не исчезла.

Никогда бы не подумала, что будет рада видеть седые волосы, но тем не менее это так. Такое дело...

Было еще рано, когда темные тучи затянули небо на западе и где-то в темноте слышались раскаты грома. Похоже, собиралась затяжная гроза, которая может продлиться всю ночь. Если это так, то Андерсон не сможет выпускать Питера на улицу по его неотложным собачьим делам: она помнила со времен его младенчества, что гончие испытывают неодолимый ужас перед грозой с громом и молниями.

Андерсон уселась к окну в свое кресло-качалку, и если бы кто-то ее увидел, то подумал бы, что она читает, но в действительности она была занята изучением тезисов «Локальная война и гражданская война». Было довольно нудно, но она думала, что эти сведения очень бы пригодились, случись война снова... а судя по всему, все идет к этому.

При каждом раскате грома Питер подбирался все ближе к ее качалке, смущенно поглядывая на свою хозяйку. Конечно, я знаю, знаю, что мне ничего не угрожает, но можно мне еще пододвинуться к тебе, хорошо? А если грянет очень уж сильно, я смогу забраться к тебе на качалку, что ты скажешь на это? Ты ведь не возражаешь, Бобби?

Буря затянулась до девяти часов вечера, и Андерсон подумала, что не отказалась бы от того, что гавайцы называют «Джизер». Она отправилась на кухню, открыла стенной шкаф, который использовался как кладовка, сняла с полки газовую лампу.

Питер следовал за ней по пятам, поджав хвост, и смущенное выражение не сходило с его морды. Андерсон чуть было не споткнулась о него, выходя из кладовки с лампой.

— А ты что, Питер?

Питер отошел чуть в сторону... а затем снова прижался к ее икрам, когда за окном оглушительно загрохотало. Когда Андерсон вернулась обратно к своей качалке, комната была освещена тускло-голубоватым светом и телефон слегка позванивал. Ветер усиливался, и было слышно, как трещат ветки за окном.

Питер сел вплотную к качалке, просительно поглядывая на Андерсон

— Ну, ладно, — кивнула она. — Давай сюда, трусишка.

Питера не надо было просить дважды. Он забрался на колени к Андерсон, пристроив передние лапы между коленей. Он всегда ухитрялся причинять ей неудобство, правда, он этого не хотел, это выходило по неизбежному закону невезения, как, например, если вам дорога каждая минута, лифт обязательно будет останавливаться

на каждом этаже. Если с этим можно бороться, то Бобби Андерсон делала это по мере сил.

Раскат грома просто разорвал небо пополам.

Питер соскочил с колен. И тут-то ей ударил в нос резкий запах.

— Почему ты не слез вовремя на пол, а? Питер?

Питер смущенно осклабился, как бы говоря: знаю, знаю, уж, пожалуйста, не ругай меня.

Ветер усиливался. Начались перебои с электричеством, верный признак того, что Роберте Андерсон, как и всем в округе, придется распрощаться с достижениями цивилизации... по крайней мере до трех-четырёх часов утра. Андерсон отложила чтение и обняла собаку за шею. Она ничего не имела против летних гроз и зимних штормов. Ей нравилось буйство стихий, ослепительный свет, грохот и их неумолимая слепая сила, действующая, однако, во благо. Она чувствовала неясное воодушевление, когда вдыхала свежий, наэлектризованный воздух, когда ветер развеивал ее волосы и хлестал тело.

Она вспомнила давнее объяснение с Джимом Гарденером. Гард был мягкотелым размазней (ему бы только забиться в безопасную норку), любое напоминание о несчастном случае, жертвой которого он был в юности, повергало его в ужас. Гарденер как-то рассказал ей, как его дернуло током, когда он менял лампочку; он дотронулся до оголенного провода. Но это еще не все: дело в том, что неделю спустя он стал слышать музыку, голоса и сводки новостей, как будто у него в голове был радиоприемник. Он, казалось, тронулся умом. На четвертый день он даже мог определить название станции, позывные которой он принимал. Он записал названия трех песен и запросил радиостанцию, действительно ли они транслировали эти песни. И все оказалось верно.

На пятый день, как он рассказывал, сигналы стали слабеть и двумя днями позже исчезли вообще.

— Они звучали здесь, — говорил он, мягко кладя ее руку на левую часть своей головы. — Не сомневаюсь. Пусть все смеются, но я-то в этом уверен.

Если бы эту историю рассказал ей кто-то другой, Андерсон решила бы, что ее разыгрывают, но Джим не дурачился — достаточно было взглянуть ему в глаза, чтобы убедиться в этом.

Большие потрясения таят в себе нечто притягательное.

Буря обретала просто разрушительную силу.

Лампа раскачивалась, бросая голубоватые блики на окна и выхватывая из крошечной тьмы очертания крыльца. Андерсон видела разводы на стекле от первых дождевых капель, затем они превратились в целые ручьи, которые хлестали с навеса над крыль-

цом; размытые дорожные колеи; почтовый ящик, закрытый козырьком, потоки с веток. Мгновение спустя оглушительно грянул гром, и Питер метнулся к ней, громко скуля. Свет погас. Они оба оказались в кромешной тьме; ни зги не видно. Казалось, исчезло все окружавшее их. Судя по всему, электричество отключили централизованно.

Андерсон попятилась было за фонарем, однако ее рука повисла в воздухе.

На противоположной стене, рядом с ирландским платяным шкафом дяди Франка, проступило зеленое фосфоресцирующее пятно. Оно разрослось до пяти сантиметров в диаметре, сдвинулось налево, потом направо. Оно исчезло на несколько секунд, потом появилось вновь. Заподозрив психическое расстройство, Андерсон перебрала в уме симптомы дежавю. Потом ей пришел на ум рассказ Эдгара По и тут же всплыла в памяти «Война миров». Тепловые лучи марсиан, несущие зеленую смерть всему живому.

Она повернулась к Питеру, слыша, как хрустнули затекшие сухожилия у нее на шее, уже примерно представляя, что ей предстоит увидеть. Зеленый свет лился из глаза собаки. Из левого глаза. Он широко раскрыл глаз, в котором горел колдовской зеленоватый свет, смахивающий на огни святого Эльма, появляющиеся на мачтах при безветренной туманной погоде.

Нет... дело не в самом глазе. Светилась именно катаракта... по крайней мере то, что оставалось от катаракты. Она значительно уменьшилась, даже по сравнению с дневным осмотром в клинике. Левая часть морды Питера светилась жутковатым зеленым светом, ни дать ни взять, как у монстра из комиксов.

Ее первым побуждением было встать с кресла и отскочить от Питера, и бежать куда глаза глядят... но ведь это же был Питер, ее Питер, в конце концов. Питер уже и так ни жив, ни мертв, а если она бросит его, он будет просто в ужасе.

В темноте за окном грянул гром, и они оба так и подпрыгнули на месте. Дождь лил как при Великом Потопе. Андерсон снова перевела взгляд на противоположную стену: размытое и пульсирующее пятно было все там же. Ей вспомнилось время, когда она ребенком лежала в кровати и наблюдала игру теней от ее рук на противоположной стене.

А между прочим, какое тебе до этого дело, Бобби?

Зеленое свечение уничтожало катаракту в глазу Питера. Съедало ее. Она снова взглянула на собаку и еле удержалась от крика, когда Питер лизнул руку.

За всю ночь Бобби Андерсон едва удалось сомкнуть веки.

Глава 4 РАСКОПКИ, ПРОДОЛЖЕНИЕ

1

Когда Андерсон наконец проснулась, было уже почти десять часов утра; и свет горел, видимо, провода все-таки починили. Она встала с постели босиком, выключила свет и выглянула из окна. Питер сидел на крыльце. Андерсон впустила его в комнату и внимательно осмотрела его глаз. Пережитый вчера ужас полностью рассеялся при свете дня, страх сменился любопытством. Кто угодно потерял бы голову, увидев в темноте то, что видела вчера она, когда бушует буря и дождь льет, как из ведра.

Однако почему же Эйзеридж ничего не заметил?

Ну это нетрудно объяснить. Излучение существует и днем и ночью, просто при ярком свете его трудно заметить. И все-таки удивительно, как она ничего не заметила прошлой ночью... между прочим, ей понадобилось два дня, чтобы заметить сокращение катаракты. К тому же... Эйзеридж очень занят, и человек он очень замкнутый. Он осмотрел глаз Питера через старый офтальмоскоп и подтвердил ремисию катаракты... но не обратил внимания на зеленое свечение.

Может, он видел его, но решил не замечать. Он осмотрел Питера довольно поверхностно и не увидел свечения. Потому, что не хотел видеть.

В глубине души она недолюбливала нового ветеринара, находя у него множество недостатков; может быть, потому, что ей очень нравился доктор Даггетт и она допускала глупое предположение, что доктор Даггетт будет рядом все время, пока Питер жив. Довольно глупо негодовать на переезд старого врача, и даже если Эйзеридж ошибся или не захотел увидеть, что Питер молодеет, он все равно достаточно компетентный ветеринар.

Катаракта, светящаяся зеленым... просто в голове не укладывалось, что он мог просмотреть ее.

Это навело ее на мысль, что, когда Эйзеридж осматривал пса, зеленого свечения просто не было. По крайней мере, в тот момент. Итак его не было, когда они пришли, не было во время осмотра. Оно появилось только тогда, когда они собрались уходить.

Стало быть, свечение в глазах Питера началось только тогда?

Андерсон размяла «Грэви Трэйн» в миске Питера и стояла у раковины, щупая струю, дожидаясь пока пойдет теплая вода, чтобы залить ею консервы. Из-за устаревшей системы нагревания, ожида-

ние затянулось надолго. Андерсон уже давно собиралась обновить сантехнику, однако все это откладывалось из-за весьма неприятного типа по имени Делберт Чиллес, иметь дело с которым ей не хотелось. Он рассматривал ее, будто знал, как она выглядит без платья (его глаза говорили: «Конечно не очень, но еще куда ни шло»); он всегда интересовался, не собирается ли она «написать еще одну книгу». Чиллес любил повторять, что он мог бы быть отличным писателем, но он слишком энергичен «и ему не светит сидеть целыми днями на одном месте». Недавно она уже собиралась было обратиться к нему, когда труба лопнула от холода. Вместо того чтобы приступить к делу, он спросил, не хочет ли она прошвырнуться куда-нибудь. Андерсон вежливо отказалась и Чиллес ей этого не простил. «Ты даже не предполагаешь, какого маху ты дала, красотка», — сказал он. «Я знаю, что я делаю, когда говорю нет», вертелось у нее на языке, но она предпочла промолчать — как ни злилась Андерсон на него, она знала, что, возможно, придется еще обратиться к нему. Почему, когда тебе приходит вовремя в голову действительно хорошая отповедь, ты предпочитаешь не воспользоваться ею?

Ты могла бы обзавестись чем-то вроде кипятильника, Бобби, прозвучал чей-то голос в ее сознании, но чей? Уж не тронулась ли она умом? Но ведь это разумно, настаивал тот же голос. Все, что ты должна сделать...

Но тут вода потеплела, и она забыла про нагреватель. Андерсон залила консервы, поставила миску на пол и позвала Питера есть. За последние дни аппетит у него явно улучшился.

Надо бы проверить его зубы, подумала она. Может быть можно вернуться к «Мясу Грейнс». Копейка, как известно, рубль бережет, а американские читатели не ломаются к тебе в дверь, детка. И...

И когда же именно начался переполох в клинике?

Андерсон попыталась восстановить последовательность событий. Чем больше она думала об этом, тем больше ей казалось — конечно, она не присягнула бы, — что отправной точкой событий был момент, когда доктор Эйзеридж закончил осмотр катаракты и убрал офтальмоскоп.

«Обратите внимание, Ватсон», — внезапно раздался голос Шерлока Холмса, представленный дикцией Базиля Расборна, — глаза светятся. Но... не сами глаза, а катаракта.

Но Андерсон не заметила свечение, хотя могла бы. Доктор Эйзеридж тоже, хотя ему сам Бог велел.

«Можем ли мы предположить, что животные в ветеринарной клинике не взбесились бы, если катаракта Питера не начала бы светиться... в то же время, мы могли бы развить эту мысль; процесс

излечения продолжается? Возможно. Или же свечение наблюдается тогда, когда животное пребывает в беспокойном состоянии? Ах, Ватсон, это предположение сколь пугающее, столь и неподтвержденное. Потому что оно предполагает наличие определенного... определенного интеллекта».

Андерсон терпеть не могла такие рассуждения и прервала эти мысли старым испытанным способом: будь, что будет.

Время покажет.

Поживем — увидим.

2

Андерсон решила выйти во двор и продолжить раскопки. В глубине души ей не нравилась эта затея. Интуиция подсказывала ей, что эта затея уж слишком затягивает ее.

Оставь все как есть, Бобби. Это опасно.

Правильно.

Между прочим, какое тебе до этого дело?

Никакого. Но ведь вы так же не можете видеть, что делает никотин с легкими; потому-то многие люди и продолжают курить. Может быть, сейчас цирроз разрушает ее печень, может быть, холестерин, закупоривая кровеносные сосуды, перекрывает доступ крови к сердцу, или же она сама обрекла себя на бесплодие. К тому же, именно в эту минуту может быть поражен костный мозг. Как знать, не страдаешь ли ты сейчас чем-нибудь действительно серьезным вроде лейкемии в начальной стадии?

Если так, то ей нечего терять; почему бы не раскопать эту яму?

Все это элементарно просто, и все-таки не укладывается в голове. Что-то побуждало ее копать глубже и глубже. Налицо были признаки эйфории — как от тонизирующих препаратов: героина, сигарет или кофе. Часть ее сознания стремилась докопаться до логики, подсознание же непоколебимо утверждало, требовало: раскопай ее, Бобби, все будет хорошо, раскапывай, раскапывай, почему бы тебе не раскопать еще немного, ты ведь хочешь узнать что там, так докопайся же до истины, копай, копай, копай...

Когда ей удавалось подавить эти импульсы, она замечала, что минут через пятнадцать снова слышит этот навязчивый голос: ни дать ни взять Дельфийский оракул!

Следует рассказать о своей находке. Но кому? Полиции! Ха-ха. Не стоит. Или... или кому?..

Она у себя в саду, занята прополкой... и ликвидирует свалку утиля.

...или кому-то из властей, — закончила она свою мысль.

Она предчувствовала саркастический смех Энни... однако ее насмешки уже не имеют своей прежней власти, не задевают за живое, ей до них уже нет дела. Как большая часть своего поколения, Андерсон не была слишком склонна доводить что-либо до сведения властей и рассчитывать на их участие. В ее округе власти не утруждали себя чрезмерным вмешательством в жизнь граждан. Ее недоверие к властям началось, когда Бобби было лет тринадцать, еще в Ютике. Она сидела на кушетке в гостиной, как раз между Энни и своей матерью. Она ела гамбургер и наблюдала, как полиция Далласа провела мимо Ли Харви Освальда в подземный гараж. Никогда еще Андерсон не видела столько полицейских сразу. Их было так много! И когда диктор телевидения сказал слушателям, что кто-то застрелил Освальда на глазах у этой толпы полицейских — так называемых властей, — у Бобби остался неприятный осадок, и с тех пор она относилась к ним всем с определенным недоверием.

Как она и предполагала, полиция так плохо охраняла президента Кеннеди и Ли Харви Освальда, что спустя два года решила отыгаться при подавлении расовых беспорядков, а потом — во время вьетнамской войны. Позже последовали дальнейшие акции: наложение нефтяного эмбарго через десять лет после убийства Кеннеди, разрыв торговых отношений из-за конфликта в Тегеране. И, когда уже стало ясно, что власти не внемлют голосу разума, Джимми Картер послал полицию Далласа урезонить нефтяников; и в конце концов огромный апломб властей подкреплялся политическими промахами. Невозможно становиться посмешищем каждую неделю. Конечно, в полиции Далласа немало толковых ребят, однако вряд ли именно они действительно возьмут под контроль ее ситуацию. Все, что вы можете сделать, так это сидеть и смотреть, как все валится в тартарары, пока лысеющий человечек в футболке с трауром под ногтями дурит голову президенту, сидя на заднем сиденье Линкольна, катящего по улице техасского городка.

Расскажу-ка я Джиму Гарденеру. Когда он вернется. Он-то знает, что к чему и что предпринять. Что-нибудь да придумает.

Голос Энни:

— Шикарная идея обратиться за советом к неизлечимому лунатику...

— Он не лунатик. Просто он немного со странностями.

— Ну да, арестованный на последней демонстрации в Сибруке. В сорок пять-то лет. Да уж, странно...

— Заткнись, Энни.

Ей нужно надеть шляпу, если она не хочет получить солнечный удар, она и так торчит с утра на солнцепеке и, должно быть, обгорела.

После ленча Андерсон прилегла отдохнуть... Ей не спалось. Как она ни старалась выбросить таинственный голос из головы, он не унимался. *Докопайся, Бобби, все будет хорошо, ну копай же...*

Наконец она сломалась и вышла из дома, вооруженная лопатой, граблями и другими инструментами, ей захотелось побыть в тени. Затем что-то побудило ее вернуться к пикапу. Питер сидел на крыльце. Он не спускал с нее глаз, но и не пошевелился, чтобы пойти навстречу.

Андерсон это вовсе не удивило.

Около двадцати минут она стояла перед уже выкопанной ямой, прикидывая, как мало она сделала и какой большой участок ей еще предстоит раскопать. Земляной холм казался таким твердым и плотно слежавшимся, что просто не подступишься... Вот он, загадочный магнит, притягивающий ее мысли... Куча выкопанной вчера земли, влажной, коричневой и смешанной с перегноем, все еще оставалась влажной после вчерашнего дождя.

Шагнув в яму, она наступила на что-то шуршащее, похоже, на газету. Да это же не газета: это мертвая птица (воробей). Примерно в двадцати футах от него ворона, нелепо распростершая крылья, как на стенде в музее. Андерсон огляделась по сторонам и заметила тушки еще трех птиц — опять ворона, сойка, и пурпурный зимородок. Никаких повреждений. Они просто мертвы. И ни единой мухи, ни рядом, ни на них.

Она выбралась из рва и бросила инструменты на скамейку. Вокруг стояли лужи. Андерсон остановилась в недоумении, не замечая, что стоит в грязи. Она нагнулась, чтобы рассмотреть гладкий серый металлический предмет, уходящий в глубь земли, что-то вроде края водопроводной обкладки. Что же это такое?

Она дотронулась рукой: вибрация, исходящая от поверхности металла, прошла сквозь ее кожу, куда-то вглубь тела. Затем она исчезла.

Андерсон выпрямилась и положила руки на черенок лопаты, на гладкое, нагретое солнцем дерево. Постепенно она осознала, что не слышит привычных лесных звуков... ни птичьего пения, ни хруста веток подлеска, ни одного шороха... только угрожающая тишина, точно весь лес вымер. В воздухе стояли острые, тревожные запахи торфа, перегнившей хвои, древесной коры и смолы.

Ее врожденный инстинкт, ее второе я, притаившееся где-то очень далеко, в глубинах подсознания, готово было закричать от безотчетного ужаса.

Что-то происходит, Бобби, что-то происходит прямо сейчас. Беги отсюда, от этих мертвых птиц, с этого гнетущего, как кладбище, места, Бобби, пожалуйста, пожалуйста, ПОЖАЛУЙСТА!

Ее руки судорожно сжали ручку лопаты; она бросила повторный взгляд на разрытую землю; в ее памяти запечатлелся серый металлический угол чего-то огромного, выступающего из земли.

Опять началось кровотечение, впрочем, на этот раз, она предусмотрела это заблаговременно, подложив тампон еще до того, как вышла в сад. И кроме того, в упаковке осталось еще около полдюжины. Может быть, даже дюжина?

Она не знала точно, впрочем, это было неважно... Внутренний голос говорил ей, что она выяснит, в чем дело, несмотря ни на что, однако осторожность подсказывала, что она может нанести себе огромный вред. Мирно светило солнце. И мертвые птицы... и месячные то начинались, то прекращались вновь... и все же надо принять меры, все предусмотреть, даже если она решила не браться за это... все это пустяки, даже меньше чем пустяки, просто каприз. Она раскопает еще совсем немного, только немного углубит эту яму, чтобы посмотреть, есть ли что-нибудь под этой металлической обивкой. Потому, что все просто...

— Все просто замечательно, — сказала Бобби Андерсон с каким-то странным спокойствием и продолжила раскопки.

Глава 5 ГАРДЕНЕР ТЕРПИТ НЕУДАЧУ

1

Пока Бобби Андерсон трудилась на своих титанических раскопках, ломая голову над непостижимой загадкой, ее мозг и нервная система были истощены больше, чем она могла предположить. Чем же занимался в данный момент Джим Гарденер? По всей вероятности, он был в Бостоне. Поэтические чтения 25 июня прошли довольно гладко. Двадцать шестого числа был перерыв. Именно в этот день Гарденер влип — к сожалению, «влип» не может передать ту ситуацию, в которой он оказался. Одно дело, когда вы, например, проваливаетесь в яму, гуляя в лесу. Печально, досадно... и только. Здесь же был полный, убийственный провал, без всяких аллегорий; что-то сродни тому, что произошло с Дедалом, воспарившим к

Солнцу и стремительно рухнувшим вниз. С неба на землю? Да, с неба на землю, и лицом вниз...

Катастрофа началась в номере гостиницы, а получила логическое завершение восемью днями спустя — заносы в Нью-Хэмпшире, Ариадна Бич.

Бобби хотелось копать; а вот когда Гард проснулся двадцать шестого утром, ему хотелось напиться.

Не то чтобы он был хроническим алкоголиком. Вы можете пить, а можете и не пить. Бывают периоды, когда он даже не думал о спиртном; иногда такие периоды длятся месяцы; ну, хорошо... На тех поэтических чтениях он был выбит из колеи (все две недели Гард чувствовал себя подавленным — как, если бы взвалил на себя что-то, что ему не по плечу); в конце концов он пал духом и сказал себе: «Ха, меня зовут Джим, и я алкоголик». Впрочем, когда возбуждение улеглось, это выглядело довольно преувеличенным. В течение своих благополучных периодов он не был абсолютным трезвенником; случалось, он выпивал, выпивал — не значит напивался. Только коктейль в пять часов, ну и еще немного на банкете или за обедом; не более. Иногда он мог позвонить Бобби Андерсон и пригласить посидеть где-нибудь и пропустить рюмочку-другую. Не злоупотребляя.

Так вот, наступило одно прекрасное утро, когда он проснулся с неотвязным желанием напиться до положения риз. Казалось, его мучает жажда, физическая потребность напиться. Это навело его на мысль о Вирджиле Парче из комиксов, печатавшихся в «Сатудэй Ивнинг Пост», этом старом алкаше, который круглосуточно отирается у стойки, не сводя глаз со спиртного.

Все, что он мог сделать, когда навалилась депрессия, — стараться справиться с ней, будучи всегда на виду. Иногда действительно лучше быть в Бостоне, когда случается подобное: каждый вечер вы заняты, общаетесь с людьми, стараетесь держаться на уровне. Обычно дня через три-четыре, наваждение проходит.

Как правило.

Гард полагал, что ему бы только переждать; сиди себе в номере и смотри мультфильмы по кабельному телевидению; не нравится — переключи программу. С тех пор как он развелся и бросил работу учителя в колледже, прошло уже восемь лет; все эти годы он полностью ушел в поэзию... Это значит, что его жизнь протекала в том загадочном измерении, где свобода общения и вдохновение, как правило, важнее денег.

Он наладил собственную экономику, где возникал бартер: стихи — продукты. Как-то раз сонет в честь дня рождения супруги

фермера был оценен тремя баулами молодой картошки. «Рифмы тоже чертовски хорошая вещь, — произнес фермер, мрачно глядя на Гарденера. — *Настоящие поэтические рифмы*».

Гарденер, понимавший намеки с полуслова (особенно, если они косвенно затрагивали его желудок), сочинил сонет, столь насыщенный грубыми, цветистыми рифмами, что просто покатывался со смеху, редактируя стихи вторично. Он позвонил Бобби, прочитал ей, и они оба посмеялись вволю. Оказалось, что при чтении вслух стихи звучали более смачно и смахивали на любовное письмо из книги доктора Сеусса. Впрочем, Бобби не пришлось напоминать, что это достаточно честный заработок, приемлемый, но довольно унижительный.

В другой раз маленькое издательство в Вест Миноте согласилось издать книгу его стихов (случай имел место где-то в начале 1983 года, и, собственно говоря, это была последняя публикация стихов Гарденера) и предложило четыре куба дров в качестве аванса. Гарденер согласился.

— Ты мог бы выторговать еще пару кубов, — сказала ему Бобби в тот снежный зимний вечер, когда они сидели у ее камина, куря сигареты, а за окном снег засыпал поля и деревья. — Ты ведь пишешь очень хорошие стихи. Они не прогадают.

— Знаю, — ответил Гарденер, — но ведь я замерзаю. Полмеры дров хватит мне до весны. — Он подмигнул. — Между нами, этот парень из Коннектикута. Я думаю, он и не предполагает, что большинство стихов — полная чушь.

Она просто ошолбенела:

— Шутишь?

— Ничуть.

Андерсон расхохоталась; он звонко расцеловал ее, а затем они улеглись рядышком в постель. Прислушиваясь к завыванию ветра, он размышлял о тьме и холоде за окном и о том, как умиротворяюще тепло и уютно в постели... хорошо бы, так было всегда — только этому не бывать. Он готов поверить, что Бог есть любовь, но диву даешься, как любящий и всеблагий Бог мог сотворить мужчину и женщину достаточно разумными, чтобы высадиться на Луне, и достаточно бестолковыми, чтобы в конце концов не перестать возлагать надежду на такие понятия, как «отныне и forever».

На следующее утро Бобби снова предложила деньги, а Гарденер снова отказался. Он, конечно, не купается в деньгах, но подачки ему не нужны. Несмотря на то, что она предложила деньги как бы между прочим, безразличным тоном, он не мог подавить вспышку гнева.

— Как ты думаешь, кто обычно берет деньги, проведя ночь в постели? — спросил он Андерсон.

Она смущенно потерла подбородок.

— Хочешь сказать, что я шлюха?

Он усмехнулся.

— Тебе нужен сводник? Это прибыльное дело, я слышал!

— Ты будешь завтракать, Гард, или ты хочешь поливать меня грязью? Может быть, и то и другое?

— Нет, — он видел, что она всерьез разозлилась. *Господи, кажется он зашел слишком далеко, ведь это так просто. Она оскорблена. Я же только пошутил, неужели она не понимает?* — думал он. Она всегда была способна распознать, когда он шутит. Конечно же, она приняла это всерьез, потому что и он не шутил. С другой стороны, это он — настоящее посмешище. Он старался задеть ее, потому что она смутила его; задеть за живое. Глупым было не ее предложение, а его реакция. Ведь в конце концов он сам выбрал жизнь, которой он живет.

Он не хотел обидеть Бобби и не хотел ее терять. Конечно, в постели с ней хорошо, но не это главное. Главное то, что Бобби Андерсон его друг, и потому случилось, кажется, что-то очень глупое. Похоже, он потерял друга. Довольно гадко.

Бросать друзей? Отталкивать друзей? Ты что, Гард?

Первой реакцией ее на оскорбление было, как он и опасался, выставить его за дверь, потом, видя, что он пытается исправить ошибку, она смягчилась.

— Я бы позавтракал, — начал он. — И еще хочу сказать, что я был неправ.

— Ничего, — сказала Бобби и отвернулась раньше, чем он успел заглянуть ей в лицо, но ее голос обиженно дрожал и прерывался: она, кажется, готова была заплакать. — Я, кажется, забыла, что признак дурного тона — предлагать деньги янки.

Ну, не знаю, прилично это или неприлично, но он никогда бы не взял деньги у Бобби. Не брал и не возьмет.

А вот «Поэтический Караван Новой Англии» — другое дело.

Хватай того цыпленка, сынок, — сказал бы Рон Каммингс, который нуждался в деньгах так же сильно, как Папа Римский — в новой шляпе. — *Добыча слишком неповоротлива, чтобы убежать, и слишком откормлена, чтобы взлететь.*

«Поэтический Караван» платил наличными. Две сотни задатка и столько же в конце конкурса — хорошая пища для вдохновения. Манна небесная, можно сказать. Однако солидный аванс, понятно, только часть дела.

Главное же — урвать побольше на халяву.

Участвуя в конкурсе, надо использовать любую возможность. Вы заказываете обед в номер, стрижетесь в гостиничной парикмахерской, берете выходную пару туфель (если она есть) и ставите их за порогом номера, вместо повседневной, чтобы вам почистили еще и ее.

Также можно воспользоваться гостиничным видео и посмотреть то, что вряд ли удалось бы увидеть в кино, потому что в кино имеют обыкновение брать деньги за билет, даже с поэтов, даже с таких талантливых, дарование которых оценивается тремя баулами картошки за один (1) сонет. Конечно, за пользование видео и просмотр кассет взимается дополнительная плата, ну и что с того? Вам даже не обязательно включать ее в общий счет; компьютер сделает это автоматически; и все, что Гарденер мог сказать по этому поводу: «Господи, благослови и сохрани общий счет, и черт поberi всех, кто против!» Он просмотрел все от «Эммануэль в Нью-Йорке» (включая то место, где девица тискает под столом в шикарном ресторане игрушку своего парня, одновременно артистично и возвышенно; в любом случае это была самая возвышенная часть его тела) до «Индианы Джонса и храма судьбы» и «Рэйнбоу Брайт и Звездный вор»

— Что бы сейчас предпринять? — размышлял он, прокашливаясь и предвкушая хороший выдержанный виски. — Так вот что я собираюсь делать: посижу в номере, снова посмотрю все кассеты, все, даже «Рэйнбоу Брайт». К ленчу закажу три чизбургера с ветчиной, поем холодного мяса часа в три. Потом вздремну. Вообще, надо лечь пораньше. Как-нибудь перемогуся.

Бобби Андерсон запнулась за восьмисантиметровый кусок металла, выступающий из земли.

Джим Гарденер запнулся за Рона Каммингса. Предметы разные, результат один и тот же. За недостатком гвоздей.

В то же самое время, когда Андерсон и Питер наконец-то возвращались домой после своего незабываемого похода к ветеринару, всего в двухстах десяти милях от них объявился Рон. Каммингс предложил спуститься в гостиничный бар и заказать выпивку.

— Или, — как остроумно продолжал Рон, — мы можем просто удрать с предварительной части и напиться.

Если бы он предложил это более деликатно, с Гардом было бы все в порядке. Как бы то ни было, Гард оказался в баре с Роном К., поглощая порцию за порцией и рассказывая самому себе нечто вроде того, как легко он может отказаться от выпивки, если действительно захочет.

Рон К. был хорошим серьезным поэтом, который жил на деньги, практически падающие у него из задницы... по крайней мере, он частенько так говорил. Я сам себе Медичи, мог сказать он. Он принадлежал к семье текстильных фабрикантов, занимающейся этим достойнейшим делом не менее девяти веков и владеющих южным районом Нью-Хэмпшира почти целиком. Семья считала Рона ненормальным, но так как Рон был вторым сыном в семье, а первый сын не был ненормальным (то есть был вполне заинтересован в дальнейшем росте производства текстиля), родственники предоставили Рону возможность делать то, что он хочет; например, писать стихи и читать стихи, и пить почти безостановочно. Рон был худощавым молодым парнем с внешностью кинозвезды. Гарденер никогда не видел, чтобы тот ел что-нибудь, кроме соленых орехов и сухого печенья. К его чести надо отметить, что он и представления не имел об алкогольной проблеме Гарденера... и, например, о том, что он однажды под пьяную руку чуть не убил свою жену.

— Идет, — согласился Гарденер. — Не откажусь. Приступим.

Пропустив несколько рюмок в баре гостиницы, Рону решил, что двое таких отличных ребят, как он и Гард, могли бы отправиться куда-нибудь, где обстановка повеселее, чем здесь. — Полагаю, душа требует чего-нибудь... — сказал Рон. — Правда не уверен, но...

— Бог не жалуется трусов, — закончил за него Гард. Рон опрокинул рюмку, хлопнул его по плечу и спросил счет. Просмотрев его, расплатился, добавив солидные чаевые. — Танцуйте, барышня! — И они вышли.

Тусклое вечернее солнце ударило Гарденеру в глаза, и он внезапно понял, что эта затея добром не кончится.

— Слушай, Рон, пробормотал он. — Думаю, может быть, я лучше...

Каммингс обнял Гарда за плечи; румянец выступил на его неизменно бледных щеках, сонные голубые глаза возбужденно блестели (Гард отметил, что теперь Каммингс выглядит почти как Тод из Тод Холла после покупки машины); он прошептал: «Джим, не бросай меня сейчас. Перед нами лежит весь Бостон, такой неизведанный и заманчивый, сияющий, как эякуляция первых юношеских желаний, грез...»

Гард просто захлебнулся от смеха.

— Почти по Гарденеру в стиле Гарденера — мы все приходим в этот мир, чтобы познать неведомое и испытать любовь, — сказал Рон.

— Бог не жалуется трусов, — отозвался Гард. — Возьми такси, Ронни.

Он вскинул глаза: в небе, прямо над ним, большая черная воронка, надвигающаяся как раз на него; того гляди, втянет его внутрь и унесет. Хотя, конечно, не в страну Оз.

Такси затормозило. Водитель спросил, куда им надо ехать.

— В страну Оз, пробормотал Гарденер.

Рон пояснил.

— Он имеет в виду местечко, где можно выпить и развлечься. Можешь что-нибудь предложить?

— Конечно, — ответил шофер.

Гарденер обнял Рона за плечи и прокричал:

— Эх, гулять, так гулять, чтоб чертям было тошно!

— Выпьем за это, — поддержал Рон.

2

На следующее утро Гарденер, проснувшись, обнаружил себя в ванне с холодной водой. На нем был выходной костюм — тот самый, который он опрометчиво надел вчера, отправляясь с Роном Каммингсом на поиски приключений, — теперь он прилип к Гарду, как вторая кожа. Он осмотрел свои руки: пальцы белые и вялые, как заснувшая рыба. Он пролежал в ванне довольно долго. Должно быть, когда он туда забрался, вода была горячей. Впрочем, он не помнит.

Он открыл сток. На туалетном столике стояла бутылка бурбона; полупустая бутылка, залепанная каким-то жиром. Гарденер взял ее в руки; судя по запаху, это жир жареного цыпленка. Его больше интересовал аромат, исходящий из самой бутылки. Не делай этого, пронеслось в голове, однако он припал ртом к горлышку, даже не останавливаясь на этой мысли. Сознание померкло.

Когда Гарденер снова опомнился, он стоял посреди спальни, держа в руке телефонную трубку и догадываясь, что он только что набрал номер телефона. Чей? Он терялся в догадках, пока Каммингс не снял трубку. Судя по голосу, Каммингс раскис куда больше него. Если это, конечно, возможно.

— Что мы там вытворяли? — Гарденер услышал свой голос. Так бывает всегда, когда этот проклятый ураган подхватывает его; даже если сознание не покидает его, все окружающее воспринимается им как-то со стороны, он бывает, что ли, чуть не в себе. Ему все время кажется, что он плавает в своей собственной голове, как надувная игрушка в тазу с водой. Что-то вроде раздвоения личности. — Сколько глупостей мы выкинули?

— Глупостей? — повторил Каммингс и замолчал. Гарденер предположил, что он думает. Хотелось бы надеяться... А может быть, он просто потрясен содеянным. Гарденер почти ошеломлен.

— Да ничего такого, — вымолвил наконец Каммингс, и Гарденер вздохнул с облегчением. — Вот только с моей головой что-то неладно, просто на части раскалывается. Ии-сусе!

— Ты уверен? Ничего? Совсем ничего?

Ему вспомнилась Нора.

«Застрелили вашу жену, а?» — прозвучал в его сознании чей-то голос — голос комического героя. Ну и дельце.

— Ну-у... — протянул Каммингс и замолчал.

Гарденер стиснул трубку.

— Что ну? — Какой же яркий свет в комнате, так и режет глаза. Почти как вчера, когда они выходили из бара.

Что-то ты сделал. У тебя начался очередной запой, и ты сделал очередную глупость. Или безумство. Или преступление. Ты ведь собирався держать себя в руках, побороть это наваждение? А что, ты действительно думал, что сможешь?

Какие-то обрывки из старых кинолент навязчиво крутились у него в памяти.

Злобный эль Команданте: Завтра, после захода солнца, вы, сеньор, будете мертвы. Вы видите солнце в последний раз!

Храбрый американец: Ну что ж, но ведь ты-то останешься лысым всю свою оставшуюся жизнь.

— Что же я сделал? — спросил он Рона.

— Ты пустился в спор с какими-то ребятами в баре, — хихикнул Каммингс. — О! Господи, когда они покатывались со смеху, ты обиделся, представь себе. Ты ведь помнишь этот бар и тех ребят, правда, Джим?

Он сказал, что не помнит. Если напрячься, вспоминается местечко братьев Смит. Солнце как раз опускалось в красную мглу; это было в конце июня, в... Когда? В восемь-тридцать? Четверть девятого? Где-то часов через пять с того момента, когда они с Роном пустились во все тяжкие. Он мог вспомнить томительное мычание какой-то популярной группы... Теперь вспоминается яростный спор об Уоллесе Стивенсе с Каммингсом, перекрикивание шума в зале дансинга, упоминание о чем-то, касающемся Джона Фогерти. Это был последний пласт памяти, до которого Гарденеру удалось докопаться.

— Ну, ты помнишь: забегаловка с плакатом «Валон Дженнингс — в президенты» во всю стену, — уточнил Каммингс. — Мы перехватили там пинту-другую.

- Не помню, — растерянно отозвался Гарденер.
- Ну, ты же там вовлек в спор пару ребятешек. Слово за слово, и обстановка накалилась. Короче, завязалась драка.
- Так я ввязался в драку? — уныло поинтересовался Гард.
- Ты, ты, — жизнерадостно подтвердил Каммингс. — И поэто-му-то нас и вышвырнули за дверь. Я думаю, мы дешево отделались, по правде говоря. Ты солидно разозлил их, Джим.
- Это касалось Сибрука или Чернобыля?
- Черт, да ты все помнишь!
- Помнил бы, так не спрашивал бы у тебя.
- Вообще-то говоря, ты затронул обе темы. — Каммингс колебался. — Ты в порядке, Гард? Что-то ты пал духом.

В самом деле? Между нами говоря, Рон, я попал в ураган. Меня все крутит и вертит, и нет ни конца ни края.

- Все хорошо.
- Вот и славно. Кое-кто надеется, что ты помнишь, кому ты стольким обязан...

— Тебе, например?

— И никому другому. Знаешь, парень, я плюхнулся на тротуар, как кит на отмель; не вижу свою задницу в зеркале, но, должно быть, зрелище что надо. Я думаю, не хуже полотна Малевича. Но ты хотел вернуться и обсудить то, как дети в окрестностях Чернобыля умирают от лейкемии пяти лет от роду. Ты хотел рассказать, как некоторые ребята готовы разнести весь Арканзас, как они пикетируют атомные электростанции. А тех, кто просмотрел неполадки в реакторе, их надо сжечь заживо, как ты выразился. Ставлю в заклад мой Ролекс, что они были взбешены. Только пообещав тебе, что мы еще вернемся и оторвем им головы, я смог усадить тебя в такси. Заманив тебя в номер, я наполнил ванну. Ты сказал, что все в порядке. Судя по всему, ты собирался принять ванну, а затем позвонить своему приятелю... Бобби, кажется.

— Это скорее приятельница, — машинально ответил Гарденер. Он массировал правый висок свободной рукой.

— И хорошенькая?

— Симпатичная. Правда, не сногшибательная. — Внезапная мысль, нелепая, но совершенно определенная — *Бобби в беде* — пронеслась в его сознании стремительно, как бильярдный шар по зеленому сукну стола. И также быстро исчезла.

Он медленно прошел к стулу и сел, массируя теперь оба виска. Атомки. Конечно, это были атомки. Что еще? Если это не был Чернобыль, это был бы Сибрук, если это не был Сибрук, это был бы Тримайл-Айленд, и если это не был Тримайл-Айленд, это был бы Янки в Уискзет или, что могло случиться на заводе Хэнфорда в штате Вашингтон, если бы никто вовремя не заметил, что использованные стержни, сложенные снаружи в неподготовленной канаве, готовы взлететь в небо.

Сколько случаев могло бы быть?

Выработавшие топливо стержни, сваленные в большие горячие кучи. Они думали, что проклятье Тутанхамона это хиханьки? Брат! Жди, пока какой-нибудь археолог-двадцать-пятого-века не откопает заряд этого дерьма! Ты пытался рассказать людям о сплошной лжи, о неприкрытой, голой лжи, о том, что атомные электростанции готовы убить миллионы и превратить огромные пространства земли в стерильные и безжизненные. И ты получал взамен пустой витаращенный взгляд. Ты обращался к людям, жившим то при одной администрации, то при другой, и чиновники, выбранные ими, произносили одну ложь за другой, затем лгали о лжи, и когда та ложь бывала обнаружена, лжецы говорили: «О, боже, я забыл, прошу прощения». И люди, выбравшие их, поступали как христиане и прощали. Невозможно поверить, сколько их было, норовящих действовать так, если не вспомнить, что П.Т.Бернам говорил о необычайно высоком происхождении простолюдина. Они смотрят вам прямо в лицо, когда вы пытаетесь сказать им правду, и сообщают вам, что вы полны дерьма, американское правительство никогда не лгало, не лгать — это то, что сделало Америку великой. «О дорогой Отец, имеются факты, я породил их своим маленьким вопросом, я не могу умолчать, что это был я, и что поделать, я не могу лгать». Когда вы пытаетесь говорить с ними, они смотрят на вас так, будто вы бормочете на иностранном языке. Прошло восемь лет с тех пор, как он почти убил свою жену, и три — с тех пор, как они с Бобби были арестованы в Сибруке, Бобби — по общему обвинению в нелегальной демонстрации, Гард по более специфическому — владение незарегистрированным нелицензированным огнестрельным оружием. Остальные позабавились и разошлись. Гарденер сидел два месяца. Его адвокат сказал, что ему повезло. Гарденер спросил адвоката, знает ли он, что сидел на бомбе замедленного действия и вялил свое мясо. Адвокат спросил, как насчет психиатрической помощи. Гарденер спросил адвоката, как насчет того, чтобы заткнуться.

Но он был достаточно осторожен, чтобы не участвовать больше ни в каких демонстрациях. В любом случае хватит. Он воздержался от них. Они отравляли его. Однако, когда он пил, его мысли неотвязно возвращались к теме реакторов, стержней, замедлителей, невозможности затормозить цепную реакцию, если она началась.

К атомкам, другими словами.

Когда он выпил, его бросило в жар. АЭС. Проклятые атомки. Это было символично, да, конечно, не надо быть Фрейдом, чтобы догадаться: то, против чего он действительно протестовал, был реактор в его собственной душе. Что касается сдержанности, Джеймс Гарденер имел плохую тормозную систему. Там, внутри, сидел некий техник, который страстно желал бы воспламениться. Он сидел и играл всеми дурными переключателями. Этот парень не был по-настоящему счастлив, пока Джим Гарденер не доходил до китайского синдрома.

Проклятые говеные атомки.

Забудь их.

Он пытался. Для начала он пробовал думать о сегодняшнем ночном чтении в Нортистерне — забавная шалость, спонсором которой была группа, называвшая себя Друзьями Поэзии, — название, которое наполняло Гарденера опасением и трепетом. Группы с такими названиями обычно состоят исключительно из женщин, называющих себя леди (в большинстве своем с голубыми волосами, что не оставляет сомнений относительно их возраста). Леди этого клуба предпочитали быть более осведомленными о работах Рода Маккьюэна, нежели Джона Берримена, Харта Крейна, Рона Каммингса или такого старого доброго пьяного психованного скандалиста и бабника, как Джеймс Эрик Гарденер.

Выбирайся отсюда, Гард. Никогда не имей дела с «Поэтическим Караваном Новой Англии». Никогда не обращай внимания на Нортистерн, Друзей Поэзии или суку Маккардл.

Выбирайся отсюда прямо сейчас, пока не случилось что-то скверное. Что-то по-настоящему скверное. Потому что, если ты задержишься, что-то по-настоящему скверное проявит себя. На луне — кровь.

Но будь он проклят, если бы предпочел бежать назад в Мэн, поджав хвост. Кто угодно, только не он.

Кроме того, здесь имелась сука.

Ее имя было Патриция Маккардл, и, возможно, она была сукой мирового класса, Гард никогда не встречал таких.

— Иисус, — сказал Гарденер и закрыл ладонью глаза, стараясь убрать нарастающую головную боль, зная, что имеется только один

род медицины, который смог бы ему помочь, и зная также, что именно этот род медицины может сотворить ту самую по-настоящему скверную штуку.

И также понимая, что это «знание» не даст ничего хорошего вообще, через некоторое время спиртное начало литься, а ураган кружиться.

Джим Гарденер теперь уже в свободном падении.

4

Патриция Маккардл была основным сотрудником «Поэтического Каравана Новой Англии» и его главным тараном. Ее ноги были длинными, но худыми, ее нос — аристократическим, но слишком длинным и острым, чтобы считаться привлекательным. Гард однажды попытался представить себе, что целует ее, и был приведен в ужас картиной, которая непрощенно возникла в его мозгу: ее нос не скользил по его щеке, а разрезал ее, как лезвие бритвы. У нее был высокий лоб, несуществующие груди и глаза, серые, как ледник в облачный день. Она вела свое происхождение от прибытия «Мэй-флауэра» к американским берегам.

Гарденер работал раньше на нее, и хлопот было предостаточно. Он участвовал в «Поэтическом Караване Новой Англии», 1988, при довольно страшных обстоятельствах... Но причина его внезапного включения была в мире поэзии не более неслыханна, чем в джазе и рок-н-ролле. У Патриции Маккардл в последний момент оказалась дыра в ее анонсированной программе, так как один из шести поэтов, включенных в этот счастливый летний круиз, повесился в своем клозете на ремне.

— Совсем как Фил Охс, — сказал Гарденеру Рон Каммингс, когда они сидели в автобусе где-то сзади в первый день тура. Он сказал это с нервным хихиканьем плохого-мальчика-с-задней-парти. — И потом, Билл Клотсуорт всегда был сукин сын.

Патриция Маккардл прослушала двенадцать поэтов и, отбросив высокопарную риторику, сжала программу до шести поэтов, которым платила зарплату одного. После самоубийства Клотсуорта она в три дня нашла публикующегося поэта в сезон, когда наиболее печатаемые поэты были плотно задействованы («Или на постоянных каникулах, как Силли Билли Клотсуорт», — сказал Каммингс, натянуто усмехаясь).

Некоторые, если не все, заказчики задержали бы выплату обещанного гонорара, поскольку «Караван» стал короче на одного поэта — такие вещи имели бы весьма дерьмовый привкус, особенно

если учесть причину сокращения «Каравана». Тем самым «Караван», подпадал под пункт невыполнения контракта, по крайней мере технически, а Патриция Маккардл не была женщиной, готовой терпеть такие убытки.

Перебрав четырех поэтов, каждый из которых был более второстепенным, чем предыдущий, всего лишь за тридцать шесть часов до первого выступления она наконец обратилась к Джиму Гарденеру.

— Пьешь ли ты еще, Джимми? — спросила она грубо. Джимми — он это ненавидел. В большинстве люди звали его Джим. Джим было как раз. Никто не звал его Гардом, кроме его самого... и Бобби Андерсон.

— Немного пью, — сказал он. — Не напиваясь совсем.

— Сомневаюсь, — сказала она холодно.

— Ты как всегда, Пэтти, — отозвался он, зная, что она ненавидит это больше, чем он Джимми — ее пуританская кровь восставала против этого. — Ты спрашиваешь потому, что тебе надо продать квартиру, или у тебя есть более неотложная причина?

Конечно, он знал, и, конечно, она знала, что он знает, и, конечно, она знала, что он насмехается, и, конечно, она была разозлена, и, конечно, все это щекотало его прямо до смерти, и, конечно, она знала, что он знает это тоже, и ему это нравилось.

Они препирались еще несколько минут и затем пришли к тому, что было не браком по расчету, но браком по необходимости. Гарденер хотел купить удобную дровяную печь к наступающей зиме; он устал жить как неряха, кутаясь ночью перед кухонной плитой, когда ветер грохочет пластиковой обивкой окон; Патриция Маккардл хотела купить поэта. Это должно было быть соглашением на уровне рукопожатия, но не с Патрицией Маккардл. Она приехала в Дерри в тот же день с контрактом (в трех экземплярах) и нотариусом. Гард был слегка удивлен, что она не привела второго нотариуса, хотя первый оказался страдающим чем-то коронарным.

Если отбросить ощущения и предчувствия, у него действительно не было способа покинуть тур и получить дровяную печь, так как если бы он оставил тур, он никогда не увидел бы второй половины своего гонорара. Она затянула бы его в суд и истратила бы тысячу долларов, пытаясь заставить его вернуть три сотни, выплаченных «Караваном». Она, конечно, была способна на это. Он был почти на всех выступлениях, но контракт, который он подписал, был в этой части кристально ясен: если он устранился по любой причине, неприемлемой для Координатора Тура, любые невыплаченные гонорары будут аннулированы, а все выплаченные заранее гонорары будут возвращены «Каравану» в течение тридцати (30) дней.

И она бы его не выпустила. Она могла думать, что она делает это из принципа, но в действительности это было бы потому, что он назвал ее Пэтти в час ее нужды.

Но это был бы еще не конец. Если бы он исчез, она с неослабевающей энергией старалась бы его очернить. Конечно, он никогда больше не участвовал бы ни в одном поэтическом туре, с которым она была бы связана, а это было большинство поэтических туров. Еще имелся деликатный вопрос субсидий. Ее муж оставил ей много денег (хотя он не думал, как можете сказать вы и как сделал Рон Каммингс, что практически деньги сыпались у нее из задницы, потому что Гард не верил, что у Патриции Маккардл было что-либо столь вульгарное, как задница или даже прямая кишка — поскольку в смысле облегчения она, вероятно, представляла Акт Безупречного Выделения). Патриция Маккардл прекрасно распределила эти деньги и учредила некий премиальный фонд. Это сделало ее одновременно серьезным покровителем искусств и чрезвычайно яркой деловой женщиной с точки зрения грязного бизнеса на налогах на прибыль: эти деньги не подлежали налогообложению. Некоторые из них финансировали поэтов в специфические периоды времени. Некоторые финансировали наличные поэтические премии и призы, и некоторые страховали журналы современной поэзии и прозы. Гранты распределялись комитетами. За каждым из них была рука Патриции Маккардл, производящая впечатление, что они зацеплены столь же изящно, как части китайской головоломки... или нити паучей сети.

Она могла сделать гораздо больше, чем забрать назад свои вшивые шесть сотен зеленых. Она могла надеть на него намордник. И было вполне возможно — маловероятно, но возможно — что он мог написать несколько более хороших стихов, прежде чем злодей, всунувший револьвер миру в задницу, решит нажать курок.

Поэтому доведи это до конца, — думал он. Он заказал в комнате обслуживания бутылку «Джонни Уокера» (Господи благослови обильный счет, отныне и навеки, аминь), и теперь он наливал свою вторую порцию рукой, которая стала замечательно твердой. Доведу это до конца, и все.

Но пока тянулся день, он размышлял, как бы захватить грейхундский автобус на станции Стюарт Стрит и пятью часами позже выйти прямо перед пыльной маленькой аптекой в Юнити. Поймать там попутку до Трои. Позвать Бобби Андерсон по телефону и сказать: меня почти унесло ураганом, Бобби, но я вовремя нашел штормовое убежище. Отличная новость, а?

Насрать на это. Ты делаешь свою собственную судьбу. Если ты будешь сильным, Гард, ты будешь счастлив. Доведи это до конца, и все. Надо это сделать.

Он перевернул содержимое своего чемодана, ища лучшую одежду из того, что оставил, поскольку его костюм для выступлений уже было не спасти. Он выбросил выцветшие джинсы, простые белые шорты, рваные трусы и пару носков на покрывало (спасибо, мэм, но здесь не надо убирать комнату, я спал в ванной). Он оделся, съел еще немного печенья, выпил немного спиртного и еще съел немного печенья, и затем опять начал ворошить чемодан, отыскивая на этот раз аспирин. Он нашел его и принял немного того же самого. Он посмотрел на бутылку. Посмотрел вдаль. Пульсация в висках становилась ужасной. Он сел на подоконник с записной книжкой, пытаясь решить, что он будет читать этой ночью.

В этом страшном тоскливом дневном свете все его стихи выглядели так, будто они были написаны на древнекарфагенском. Вместо того чтобы изменить что-то к лучшему, аспирин, кажется, весьма усиливает головную боль: крас-трас-благодарю вас. Его голова раскалывалась с каждым ударом сердца. Это была та самая старая головная боль, та самая, которая ощущается как тупое стальное сверло, медленно входящее в его голову в месте немного выше и левее левого глаза. Он коснулся кончиками пальцев малозаметного шрама в этом месте и легко пробежал пальцами вдоль него. Там скрывалась под кожей стальная пластинка, результат неудачного катания на лыжах в юности. Он помнил, как доктор сказал: «Ты время от времени будешь испытывать головные боли, сынок. Когда они появятся, благодари Бога, что ты вообще что-то чувствуешь. Тебе повезло, что ты вообще выжил».

Но в такие моменты он удивлялся.

В такие моменты он очень удивлялся. Дрожащей рукой он отложил записные книжки в сторону и закрыл глаза.

Я не могу довести это до конца.

Ты можешь.

Я не могу. На луне кровь, я чувствую ее, я почти могу видеть ее.

Не надо мне твоих ирландских штучек! Будь твердым, ты, дерьмовая девчонка! Твердым!

— Я пытаюсь, — пробормотал он, не открывая глаз, и, когда пятнадцать минут спустя у него из носа слегка потекла кровь, он не заметил. Он заснул, сидя на стуле.

Перед выступлением он всегда ощущал страх сцены, даже если группа была маленькой (а группы, которые желали слушать современную поэзию, были именно такими). Ночью 27 июня, однако, страх перед выходом на сцену у Джима Гарденера был интенсифицирован головной болью. Когда он очнулся от дремоты на стуле в комнате отеля, толчки и волнение в желудке продолжались, но головная боль была просто невыносимой: это был *Настоящий Ударник Класа А и Мировой Кузнец*, казалось, она никогда так не болела.

Когда наконец пришла его очередь читать, ему казалось, что он слышит себя на большом расстоянии. Он чувствовал себя примерно как человек, слушающий самого себя в записи в коротковолновой передаче, пришедшей из Испании или Португалии. Затем его охватила волна головокружения, и в отдельные моменты он смог только притворяться будто ищет стихотворение, какое-то особое стихотворение, возможно, оно временно затерялось. Он тасовал бумаги слабыми безвольными пальцами и думал: «Пожалуй, я упаду в обморок. Прямо здесь, перед всеми. Упасть напротив кафедры и рухнуть вместе с ней в первые ряды. Может, я бы приземлился на эту блядь голубых кровей и прибил бы ее. Это сделало бы всю мою жизнь вполне стоящей».

Доведи это до конца, — отозвался неумолимый внутренний голос. Иногда этот голос звучал как отцовский; еще чаще он звучал как голос Бобби Андерсон. Доведи это до конца, и все. Надо это сделать.

Слушателей этой ночью было больше, чем обычно, может быть, человек сто, втиснувшихся за столы нортистернского лекционного зала. Их глаза казались такими большими. Бабушка, почему у тебя такие большие глаза? Как если бы они ели его своими глазами. Высасывали его душу, его «ка», его назовите это как хотите. Дух старого «Ти-Рекса» явился ему: «Девочка, я вампир твоей любви... и я ВЫПЬЮ ТЕБЯ!»

Конечно, там был не только «Ти-Рекс». Марк Болан обернул свой спортивный автомобиль вокруг дерева и был счастлив не жить. Удар-в-Гонг, Марк, ты уверенно влезаешь внутрь. Или вылезает. Или что-нибудь еще. Группа под названием «АЭС» собирается прикрыть твою мелодию в 1986-м, и это будет действительно скверно, это... это...

Он поднял нетвердую руку ко лбу, и тихий шепот пробежал по аудитории.

Лучше приготовься, Гард. Публика отдыхать не собирается.

Да, это был голос Бобби. Прекрасно.

Лампы дневного света, вделанные в серые прямоугольники над головой, казалось, пульсировали циклами, которые отлично согласовывались с циклами боли, движущейся в его голове. Он мог видеть Патрицию Маккардл. На ней было маленькое черное платье, явно стоившее сотни три долларов, ни пенни больше — с распродажи в одном из этих липких магазинчиков на Ньюберн-стрит. Ее лицо было таким же узким, бледным и непрощающим, как у любого из ее пуританских предков, тех замечательных жизнерадостных парней, которые были бы более чем счастливы запихнуть вас в вонючую тюрьму недели на три-четыре, если бы вам выпало скверное счастье быть замеченным в Субботний день выходящим на улицу без носового платка в кармане. Темные глаза Патриции давили на него, как камни, и Гард думал: «Она видит, что происходит, и она не могла бы быть удовлетворена больше. Посмотри на нее. Она ждет, когда я упаду. И когда это случится, ты знаешь, что она будет думать, не так ли? Конечно, так».

Это тебе за то, что назвал меня Пэтти, пьяный сукин сын. Это то, что она могла бы думать. Это тебе за то, что назвал меня Пэтти, это тебе за все, а особенно за то, что заставил меня встать на колени и просить. Поэтому продолжай, Гарденер. Может быть, я даже позволю тебе не возвращать аванс. Три сотни долларов — небольшая плата за изысканное удовольствие наблюдать, как ты рассыпашься на глазах у всех этих людей. Продолжай. Продолжай и получи за все.

Некоторые слушатели теперь были заметно обеспокоены: пауза между стихотворениями слишком затянулась, чтобы ее можно было считать нормальной. Шепот перешел в глухое жужжание. Гарденер слышал, как сзади Рон Каммингс неловко прочищал свое горло.

Держись! — снова прозвучал крик Бобби, но сейчас голос был поблекший. Поблекший. Готовый раствориться. Он смотрел на их лица и видел только бледные пустые круги, нули, большие белые дыры в универсуме.

Жужжание возрастало. Он стоял на подиуме, теперь заметно покачиваясь, облизывая губы, глядя на свою аудиторию с каким-то оцепенелым страхом. И затем внезапно, вместо того чтобы услышать Бобби, он увидел ее. Этот образ имел всю силу видения.

Бобби была там, в Хэвене, там прямо сейчас. Он видел ее сидящей в качалке, одетую в шорты и лиф на небольшой груди. На ее ногах была пара старых промасленных мокасин, и крепко спящий Питер свернулся у них. У нее была книга, но она ее не читала.

Книга лежала на коленях открытая, страницами вниз (этот фрагмент видения был таким явным, что Гарденер мог даже прочесть заглавие «Наблюдатели» Дина Кунца), тогда как Бобби смотрела в окно, в темноту, занятая своими мыслями — мыслями, которые следовали одна за другой так здраво и рационально, как, если хотите, звенья в цепочке мыслей. Никаких разрывов; никаких узелков; никаких хитросплетений. Бобби знала в этом толк.

Он даже знал, о чем она думает, ему открылось. Что-то в дровах. Что-то... было что-то, что она нашла в дровах. Да. Бобби была в Хэвене, пытаясь понять, что это мог быть за предмет и почему она чувствует себя такой усталой. Она не думала о Джеймсе Эрике Гарденере, известном поэте, человеке протестующем и Благодарном женолюбе, который в настоящее время стоял в лекционном зале нортистернского университета под этими лампами с пятью другими поэтами и этим жирным дерьмом по имени Трепл или Трептрепл или что-то в этом духе и был готов упасть в обморок. Здесь, в этом лекционном зале, стоял Мастер Несчастья. Господи, прости Бобби, которой как-то удавалось держать свое дерьмо при себе, тогда как все окружающие источали его, Бобби была там, в Хэвене, думая так, как должны бы думать люди...

Нет, она не думает. Она не делает этого вообще.

Тогда, в первый момент, мысль возникла без звукопоглощающей оболочки; она возникла громко и действительно, как молния в ночи: *Бобби в беде! Бобби в НАСТОЯЩЕЙ БЕДЕ!*

Эта уверенность ударила его, как пощечина грузчика, и сразу исчезло головокружение. Он вдруг ощутил себя, услышал глухой стук, бывший, как ему показалось, стуком его зубов. Боль сверлом ввинчивалась в голову, но даже это было к месту: если он чувствовал боль, значит, он был снова здесь, здесь а не дрейфующим вокруг чего-то в озоне.

И в один загадочный момент он увидел новую картину, очень короткую, очень ясную, очень зловещую: это была Бобби в подвале фермы, оставшейся ей от дяди. Она разбирала какую-то часть механизма... или нет? Казалось, было темно, и Бобби не хватало рук, чтобы влезть в механизм. Но она уверенно что-то делала, так как легкий голубой огонь прыгал и мерцал между ее пальцами, когда она возилась со спутанными проводами внутри... внутри... но было слишком темно, чтобы увидеть, чем была эта темная цилиндрическая форма. Она была знакомой, что-то такое он раньше видел, но...

Затем он смог слышать так же хорошо, как и видеть, хотя то, что он услышал, было гораздо менее комфортно, чем таинственный голубой огонь. Это был Питер. Питер выл. Бобби не обращала

внимания, и это было крайне непохоже на нее. Она продолжала возиться с проводами, дергая их так, что они могли бы что-нибудь натворить в пахнущем землей темном подвале...

Видение прерывалось усиливающимися голосами.

Лица, которые появились вместе с этими голосами, не были больше белыми дырами в пространстве, это были лица реальных людей: некоторые забавлялись (но немногие), некоторые были смущены, но в большинстве люди казались встревоженными или огорченными. Большинство искало, другими словами, пути помочь ему вернуться в нормальное состояние. Боялся ли он их? Боялся ли он? Если да, то почему?

Только Патриция Маккардл не волновалась. Она смотрела на него с тихим, спокойным удовлетворением, которое восстановило для него всю ситуацию.

Гарденер вдруг начал говорить в зал, удивляясь, как естественно и приятно звучит его голос.

— Прошу прощения. Извините меня, пожалуйста. У меня здесь некоторое количество новых стихов, и я рассеялся, витая в них. Прошу прощения.

Пауза. Улыбка. Теперь он мог видеть, как успокоились встревоженные, вздохнув с облегчением. Раздался легкий смех, но он был сочувствующим. Он мог, однако, видеть гневно краснеющие щеки Патриции Маккардл, что сделало его головную боль восхитительной.

— Действительно, — продолжал он — даже если это неправда. В самом деле, я пытался решить, читать ли вам некоторые из этих новых вещей. После свирепой борьбы между такими весомыми аргументами, как Авторская Гордость и Благоразумие, Благоразумие настояло на компромиссном решении. Авторское Право поклялось обжаловать решение...

Еще смех, сердечнее. Теперь щеки старой Пэтти выглядели как его кухонная плита сквозь маленькие заледеневшие окошки холодной зимней ночью. Ее руки были сложены вместе, суставы белы. Ее зубы были стиснуты не совсем, но почти, друзья и соседи, почти.

— Между тем я собираюсь закончить это опасной процедурой: я собираюсь прочесть довольно длинный кусок из моей первой книги, «Grimoir».

Он подмигнул в направлении Патриции Маккардл, затем шуточно оглядел всех взглядом сообщника.

— Ведь Бог не жалуется трусов, верно?

Рон фыркнул позади него, и тогда они все засмеялись, и на миг он действительно увидел блеск ее зубов за сжатыми, гневными губами, и, мама родная, это было замечательно, не так ли?

Остерегайся ее, Гард. Ты думаешь, что ты сейчас поставил свой ботинок ей на горло. И даже если сейчас это так, остерегайся ее. Она не забудет.

Но это на потом. Сейчас он открыл потрепанную копию своей первой книги стихов. Ему не надо было искать «Лейтон-стрит»; книга открылась сама в полном согласии с ним. Его глаза нашли надпись. *Посвящается Бобби, первой почувствовавшей в Нью-Йорке мудрость.*

«Лейтон-стрит» было написано в год, когда он встретил ее. Это была, конечно, улица в Ютике, где она выросла, улица, из которой ей надо было бы вырваться прежде чем она могла даже начать быть тем, кем она хотела быть — простым писателем простых рассказов. Она могла это делать; она могла это делать легко и ярко. Гард узнал это почти сразу. После того года он почувствовал, что она способна на большее: преодолеть беззаботность, распутную легкость, с которой она писала, и делать вещи если не великие, то смелые. Но сначала ей надо было уехать с Лейтон-стрит. Нереально, но Лейтон-стрит была у нее в голове, этот демон географии, населенный притонами, ее большой любящий отец, ее слабая любящая мать и ее сестра с вызывающими манерами, которая заездила их всех, как всеильный дьявол.

Однажды, в том году она заснула на занятиях — это был Конкурс Фрешмена. Он был мягок с ней, потому что уже тогда немного любил ее, и еще он видел огромные круги у нее под глазами.

— У меня проблемы с ночным сном, — сказала она, когда он после занятий задержал ее на минуту. Она еще была полусонной, иначе ни за что не стала бы продолжать; это было сильное влияние Энн, которое было влиянием Лейтон-стрит. Но она была как под наркозом и существовала одной ногой в сонной темноте, как за стеной. — Я почти засыпаю, а потом я слышу ее.

— Кого? — спросил он мягко.

— Сисси... мою сестру Энн то есть. Она скрежещет зубами, и это звучит как к-к-к...

Кости, — хотела сказать она, но потом у нее начался приступ истерического плача, который напугал его очень сильно.

Энн.

Больше чем что-либо еще, Энн была Лейтон-стрит.

Энн стала

(стукнул в дверь)

кляпом для нужд и амбиций Бобби.

О'кей, думал Гард. Для тебя, Бобби. Только для тебя. И начал читать «Лейтон-стрит» так гладко, как будто он проводил у себя в комнате дневную репетицию.

Эти улицы идут оттуда, где камни
Торчат из битума, словно головы
Детей, не закопанных до конца...

читал Гарденер.

«Что за миф это?» — спрашиваем мы, но дети
Играющие в мяч, играющие в лошадки,
Бегают вокруг и только смеются.

*Это не миф, — отвечают они, — не миф,
Эй, — говорят они, — еб твою мать,
Здесь нет ничего, кроме Лейтон-стрит,
Здесь нет ничего, кроме маленьких домиков,
Ничего, лишь подъезды, где наши матери
Перемыывают косточки своим соседям.*

Где-то дни становятся все горячее,
А на Лейтон-стрит слушают радио,
И птеродактили реют между антеннами
И там говорят эй, еб твою мать! Говорят эй, еб твою мать!

*Это не миф, — отвечают они, — не миф,
Эй, — говорят они, — еб твою мать,
Здесь нет вокруг ничего, кроме Лейтон-стрит.*

*Это, — они говорят, — как если б ты смолк
В вечном безмолвии дней. Еб твою мать.*

Когда мы уходим от этих пыльных дорог,
Магазинов с рожицами на кирпичных стенах,
Когда ты говоришь: «Я достигла конца
Всего, что можно, и даже слышала
Скрежет зубов, скрежет зубов в ночи...»

И хотя он читал стихотворение очень долго даже для себя самого, он совсем не «играл» его (он обнаружил, что некоторые вещи почти невозможно не делать в конце такого тура): он заново осознал его. Большинство из тех, кто пришел этой ночью на чтения в Нортистерн, даже те, кто был свидетелем грязного, отвратительного конца вечера, были согласны, что выступление Гарденера было лучшим

той ночью. Довольно многие из них утверждали, что это было лучшее, что они когда-либо слышали.

Так как это было последнее выступление, которое Джим Гарденер давал в своей жизни, это был, пожалуй, неплохой способ развлечься.

6

Ему понадобилось около двенадцати минут чтобы прочесть все это, и когда он закончил, он выжидающе всмотрелся в глубокий и четкий колодец тишины. У него было время подумать, что он вообще никогда не читал эту проклятую вещь, что это была только яркая галлюцинация за секунду или две до потери сознания.

Затем кто-то встал и начал равномерно и тяжело хлопать. Это был молодой человек со слезами на щеках. Девушка рядом с ним тоже встала и начала хлопать, и еще она кричала. Потом они все стояли и аплодировали, да, они кричали ему бесконечно долгое «О-о-о», и на их лицах он видел то, что каждый поэт или мнящий себя поэтом надеется увидеть, когда он или она оканчивает чтение: лица людей вдруг пробудились от грез ярче любой реальности. Они выглядели ошеломленными, не вполне уяснившими, где они находятся.

Он видел: они не все стояли и аплодировали; Патриция Маккардл сидела чопорно и прямой в своем третьем ряду, ее руки плотно сжались на коленях поверх вечерней сумочки. Ее губы были стиснуты. Зубы теперь не блестели; ее рот превратился в маленькую бескровную рану. Гард утомленно забавлялся.

Что касается вас, Пэтти, настоящая пуританская этика заключается не в том, чтобы паршивая овца бралась судить выше отведенного ей уровня посредственности, верно? Но в вашем контракте нет пункта о непосредственности, не так ли?

— Спасибо, — бормотал он в микрофон, трясущимися руками сгребая свои книги и бумаги в неаккуратную кучу, и затем почти уронил их все на пол, уходя с подиума. Он упал на свое сиденье за Роном Каммингсом с глубоким вздохом.

— Боже, — шептал Рон, еще аплодируя. — Мой Бог!

— Хватит хлопать, осел, — прошептал Гарденер.

— Будь я проклят, если я перестану. Когда вы это читали, это было просто блестяще, — сказал Каммингс. — Я куплю вам потом бутылку.

— Сегодня вечером я не пью ничего крепче содовой, — сказал Гарденер и знал, что это ложь. Головная боль уже вползала назад.

Аспирин не вылечит это, перкодан не вылечит. Ничто не укрепило бы его голову, кроме огромной порции спиртного. Скоро, скоро наступит облегчение.

Аплодисменты начали наконец замирать. Патриция Маккардл глядела с кислой признательностью.

7

Имя жирного дерьма, представлявшего каждого поэта, было Трепл (хотя Гарденер предпочитал называть его Трептрепл), и он был доцентом английского языка, возглавлявшим группу спонсоров. Он принадлежал к типу людей, которых его отец называл «шлюхинсын».

Шлюхинсын после чтения устроил для «Каравана», Друзей Поэзии и английского отделения факультета вечер у себя дома. Он начался около одиннадцати. Поначалу все было натянуто: мужчины и женщины стояли неудобными маленькими группками с бокалами и бумажными тарелками в руках, поддерживая обычный вариант осторожной академической беседы. Когда Гард учительствовал, этот словесный понос убивал его бесполезной тратой времени. Так было раньше, но сейчас — в меланхолии — в этом чувствовалось что-то ностальгическое и приятное.

Его внутренний голос говорил, что натянутый или нет — это Вечер с Возможностями. В полночь этюды Баха почти наверняка будут заменены Претендентами, а разговоры о занятиях, политике и литературе сменятся более интересными вещами: факультетский «Ред Сокс», кто-то пьет слишком много, и это излюбленное во все времена — кто с кем трахается.

Там был большой буфет, и поэты курсировали туда, как пчелы, твердо следуя Первому правилу Гарденера для выступающих Поэтов: «Хватай на халяву». Он видел, как Энн Делэней, пишущая тощие, навязчивые поэмы о сельских рабочих Новой Англии, широко раскрыла челюсти и набросилась на огромный сэндвич, который она держала. Майонез, цветом и консистенцией походящий на бычью сперму, струился между пальцами, и Энн негалантно слизывала его с руки. Она подмигнула Гарденеру. Слева от нее прошлогодний обладатель приза Готорна Бостонского университета (за длинную поэму «Тайные мечты 1650–1980») с большой скоростью набивал рот зелеными маслинами. Этот парень, по имени Джон Эвард Саймингтон, сделал довольно длинную паузу, чтобы положить горсть завернутых кружочков сыра «Бонбел» в каждый карман

своего вельветового спортивного пальто (с заплатами на локтях, разумеется), и затем вернулся к маслинам.

Рон Каммингс пробрался туда, где стоял Гарденер. Как обычно, он не ел. В одной руке у него был бокал для воды, который, судя по всему, был полон чистого виски. Он кивнул в сторону буфета.

— Великая вещь. Если вы ценитель болонской колбасы и салата, вы на вершине блаженства, приятель.

— Этот Трептрепл умеет жить, — сказал Гарденер.

Пивший в это время Каммингс фыркнул так, что выпучились глаза.

— Этой ночью вы в ударе, Джим. Трептрепл. Господи. — Он посмотрел на бокал в руке Гарденера. Это была водка с тоником — совсем слабо, но во второй раз, то же самое.

— Тоник? — лукаво спросил Каммингс.

— Да... в основном.

Каммингс снова засмеялся и ушел.

В тот момент, когда кто-то убрал Баха и поставил Б.Б. Кинга, Гард работал над четвертой порцией — он спросил бармена, чуть сильнее налегая на водку, кто был на чтении. Он начал повторять две фразы, казавшиеся ему остроумнее, когда он напился: во-первых, что если вы ценитель болонской колбасы и салата, вы здесь на вершине блаженства, приятель, и во-вторых, что все доценты похожи на «Практичных Кошек» Т.С.Элиота по меньшей мере в одном: у них всех есть тайные имена. Гарденер доверительно сообщил, что он раскрыл тайное имя хозяина: Трептрепл. Он вернулся за пятой порцией и сказал бармену, что плеснуть бутылку тоника в старое лицо спиртного — это было бы неплохо. Бармен торжественно помахал бутылкой перед гарденеровским бокалом водки. Гарденер смеялся до слез и коликов в желудке. Он действительно чувствовал себя этой ночью прекрасно... и кто, дамы и господа, заслуживал этого больше? Он читал лучше, чем за все последние годы, может быть, лучше, чем за всю свою жизнь.

— Вы знаете, — говорил он бармену, бедному аспиранту, нанятому специально для этого случая, — все доценты похожи на «Практичных Кошек» Т.С.Элиота в одном.

— Да, мистер Гарденер?

— Джим. Просто Джим. — Но по взгляду юнца он мог видеть, что ему никогда не стать для этого парня просто Джимом. Этой ночью он видел великопение Гарденера, а блиставший человек никогда не сможет быть чем-то таким земным, как просто Джим.

— Да, — говорил он юнцу. — У каждого из них есть тайное имя. Я раскрыл его у нашего хозяина. Это Трептрепл. Как звук, который вы произносите, когда используете старый плуг.

Он помолчал, раздумывая. Сейчас я думаю, из-за чего джентльмен в процессе дискуссии может принять большую дозу. Гарденер довольно громко рассмеялся. Это было хорошее дополнение к основному удару. Как нанесение изысканного орнамента на хороший автомобиль, — подумал он и засмеялся снова. В этот момент несколько человек оглянулись и снова вернулись к своим беседам.

Слишком громко, — подумал он. — Гард, дружище, отключи-ка немного звук.

Он широко оскалился, подумав, что сейчас у него одна из волшебных ночей — даже его проклятые мысли были этой ночью приятными.

Бармен улыбнулся тоже, но его улыбка не имела к этому особого отношения.

— Вы могли бы осторожнее говорить о профессоре Трепле, — сказал он, — или о ком вы там говорили. Это... немного бестактно.

О, это он! Гарденер поворачивал глазами и энергично подвигал бровями вверх-вниз, как Гаучо Маркс. Да, он устроил все это.

Шлюхинсын — похоже на него? Но когда он говорил это, он старался отключить звук.

— Да, — сказал бармен. Он посмотрел вокруг и затем перегнулся через импровизированный бар к Гарденеру. — Есть история о том, как ему случилось проходить год назад через студенческую гостиную и услышать, как один из студентов пошутил, что ему всегда хотелось быть в колледже, где Моби Дик был бы не сухой классикой, а настоящим членом факультета. Я слышал, этот парень был одним из самых многообещающих студентов английского отделения, которых когда-либо имел Нортистерн, но он ушел раньше, чем кончился семестр. Так было со всеми, кто смеялся. Оставались только те, кто не смеялся.

— Боже, — сказал Гарденер. Он и раньше слышал истории вроде этой — одну или две, которые были еще хуже, но все равно почувствовал отвращение. Он проследил за взглядом бармена и увидел в буфете Трептрепла, стоявшего рядом с Патрицией Маккардл. В руке у Трептрепла была глиняная кружка с пивом, и он ею жестикулировал. Другая его рука бороздила картофельными чипсами чашу с устричным соусом и затем отправляла их в рот, который начинал правильно говорить, как только чипсы заглотивались. Гарденер не мог вспомнить, доводилось ли ему видеть что-нибудь настолько отвратительное. Но восхищенное внимание суки Патриции Маккардл наводило на мысль, что она могла бы в любой момент уткнуться в его колени и заставить тяжело задыхаться от

явного удовольствия. Гарденер подумал: и этот жирный хер продолжал бы есть, пока она бы это делала, роняя на ее волосы крошки от чипсов и капли устричного соуса.

— О Боже, — сказал он и выпил половину своей водки-без-тоника. Внутри все обожгло... то, что обожгло, было первой за этот вечер настоящей враждебностью — первым вестником немого и необъяснимого бешенства, которое начало досаждать ему почти с того момента, как он начал пить. — Допить до конца, что ли?

Бармен подлил еще водки и застенчиво сказал:

— Я думаю, ваше сегодняшнее чтение было прекрасным, мистер Гарденер.

Гарденер был нелепо тронут. «Лейтон-стрит» была посвящена Бобби Андерсон, и этот мальчик за стойкой бара, едва доросший до легального спиртного, напомнил Гарденеру Бобби, какой она была, когда впервые пошла в университет.

— Спасибо.

— Вам надо быть осторожнее с водкой, — сказал бармен. — Вы можете выйти из себя.

— Я контролирую себя, — сказал Гарденер и успокаивающе подмигнул бармену. — Видимость ограничена десятью миллионами.

Он вышел из бара, снова глядя в сторону шлюхинсына и Маккардл. Она поймала его взгляд и посмотрела в ответ холодно и не улыбаясь, ее голубые глаза были кусочками льда. *Укуси мою сумку, фригидная сука*, — подумал он, взмахивая бокалом в ее сторону в грубом казарменном салюте и одновременно благосклонно на нее глядя с оскорбительной усмешкой.

— Только тоник, да? Чистый тоник.

Он посмотрел вокруг. Рон Каммингс появился рядом внезапно, как сатана. И его усмешка здорово походила на сатанинскую.

— Пошел в задницу, — сказал Гарденер, и многие повернулись посмотреть.

— Джим, дружище...

— Знаю, знаю, убавь громкость. — Он улыбался, но чувствовал, как биения в голове становятся все сильнее, все настойчивее. Это не было похоже на головную боль, которую предсказывал доктор после несчастного случая; это шло не со лба, а откуда-то из глубины затылка. И это было не больно.

Это было вполне приятно.

— Понимаешь, — Каммингс почти незаметно кивнул в сторону Маккардл, — она имеет на тебя большой зуб, Джим. Она была бы рада выкинуть тебя из тура. Не давай ей повода.

— Имел я ее.

— Тебе иметь ее? — сказал Каммингс. — Рак, цирроз печени и помешательство — все эти результаты тяжелого пьянства статистически доказаны, поэтому в будущем я могу обоснованно ожидать любого, и если один из них свалится на мою голову, я не хотел бы винить никого, кроме себя. В моей семье были диабет, глаукома и преждевременная старость. Но гипотермия пениса? Без этого я обойдусь. Извините меня.

Гарденер стоял еще мгновение в замешательстве, пытаясь его понять. Затем понял и заржал. Сейчас слезы не стояли в его глазах; сейчас они прямо катились по щекам. В третий раз за этот вечер люди посмотрели на него — большой мужчина в довольно поношенной одежде с бокалом, полным чего-то, подозрительно похожего на чистую водку, стоит сам по себе и смеется в полный голос.

Не обращай внимания, — думал он. *Убавь громкость,* — думал он. *Гипотермия пениса,* — думал он и брызгал новой порцией смеха.

Мало-помалу он снова смог себя контролировать. Он слышал стерео в соседней комнате — там обычно можно было найти наиболее интересных здесь людей. Он схватил с подноса пару канапе и проглотил их залпом. У него было сильное ощущение, что Трептрепл и Маккэрдепл еще смотрят на него, и эта Маккэрдепл в лаконичных фразах дает Трептреплу его полную характеристику, что холодная, злая улыбочка не сходит с ее лица. Вы не знаете? Это почти правда — он выстрелил в нее. Прямо в лицо. Она сказала ему, что не будет настаивать на обвинении, если он даст ей безусловный развод. Кто знает, было это правильным решением или нет? Он не застрелил других женщин... пока еще, по крайней мере. Но как замечательно он смог читать этой ночью — после этого весьма эксцентричного ляпсуса, я думаю — он неустойчив, и, как вы видите, он не может себя контролировать в отношении спиртного...

Следи лучше, Гард, — думал он, и второй раз за эту ночь появился голос, который был очень похож на голос Бобби. — *Это твоя паранойя. Они говорят не о тебе, а о Криссейке.*

В дверях он повернулся и посмотрел назад.

Они смотрели прямо на него.

Он ощутил, как скверный, пугающий импульс метнулся в нем... и тогда он изобразил еще одну большую, оскорбительную усмешку и склонил свой бокал в их направлении.

Доведи это до конца, Гард. Это может закончиться плохо. Ты пьян.

«Я себя контролирую, не беспокойся. Она хочет вышибить меня, поэтому она продолжает смотреть на меня, поэтому она рассказы-

вает все обо мне этому жирному херу, что я стрелял в свою жену, что я попался в Сибруке с револьвером в рюкзаке. Она хочет избавиться от меня, потому что не хочет, чтобы пьяный женоубийца, симпатизирующий комми, антиядерный демонстрант получил один из больших призов. Но я могу быть хладнокровным. Нет никаких проблем, бэби. Я как раз собирался высунуться из окна, протрезветь от огненной воды, хватить кофе и пойти пораньше домой. Нет проблем».

И хотя он не пил никакого кофе, не пошел пораньше домой и не протрезвел от огненной воды, он был о'кей весь следующий час или около того. Он убавлял громкость каждый раз, когда чувствовал, что она начинает расти, и прерывался каждый раз, когда чувствовал себя в состоянии, которое его жена называла «несет». «Когда ты напился, Джим», — говорила она, — «не последней твоей проблемой становится стремление перестать общаться и начать нести».

Он стоял главным образом в комнате Трепла, где компания была моложе и не такая осмотрительно-напыщенная. Беседа здесь была живой, приятной и интеллигентной. В мозгу Гарденера росла мысль об атомках — в такие часы она всегда возникала, как гниущее тело всплывает на поверхность в ответ на выстрел. В такие часы — и в этой стадии опьянения — уверенность, что он должен взволновать этих молодых мужчин и женщин данной проблемой, всегда всплывала, волоча за собой гневное возбуждение и иррациональность, как гнилые водоросли. Как всегда. Последние шесть лет его жизни были плохи, а последние три были кошмарным временем, за которое он стал необъяснимым для себя и ужасным почти для всех людей, хорошо его знавших. Когда он напивался, этот гнев, этот ужас, эта невозможность объяснить, что случилось с Джимом Гарденером, объяснить даже самому себе, — находили выход в теме АЭС.

Но когда этой ночью он затронул тему, в гостиную ввалился Рон Каммингс, его узкое, худое лицо пылало лихорадочным румянцем. Пьяный или нет, Каммингс мог отлично видеть, откуда дует ветер. Он искусно повернул беседу назад к поэзии. Гарденер был слегка признателен и почти зол. Это было иррационально, но это было: он отказался от своей идеи фикс.

Поэтому, частично благодаря жесткой узде, которую он сам на себя надел, а частично благодаря своевременной интервенции Рона Каммингса, Гарденер избежал неприятностей почти до конца вечера. Еще полчаса, и Гарденер избежал бы неприятностей полностью... по крайней мере, в эту ночь.

Но когда Рона Каммингса с обычным его резким остроумием понесло по адресу бит-поэтов, Гарденер побрел назад в обеденную

комнату выпить еще порцию и по возможности что-нибудь съесть в буфете. Последующее вполне могло быть срежиссировано дьяволом со специфически злокачественным чувством юмора.

— Когда «Ирокез» войдет в строй, для вас это будет эквивалентно выдаче трех дюжин полных стипендий, — сказал голос слева от Гарденера. Гарденер оглянулся так резко, что чуть не разлил водку.

Шесть человек стояли в одном из углов буфета — три мужчины и три женщины. Одна из пар была Всемирно Известной Водевильной Командой: Трептрепл и Маккэрдепл. Говорящий мужчина выглядел как продавец автомобилей, скорее прилично одетый, чем прилично воспитанный. Его жена стояла рядом. Она была странно хорошенькой, ее погасшие голубые глаза увеличивались толстыми очками. Гарденер однажды такое видел. Он мог быть пьян и одержим своей темой, но он всегда был острым наблюдателем, и сейчас тоже. Женщина с толстыми очками сознавала, что с ее мужем происходит в точности то, в чем Нора обвиняла его, Гарда, когда он на вечеринках напивался: его несло. Она хотела вывести своего мужа из этого состояния, но не знала, как это сделать.

Гарденер взглянул во второй раз и заключил, что они были женаты восемь месяцев. Может быть, год, но восемь месяцев — это более вероятно.

Говорящий мужчина должен был быть каким-то колесиком в «Бэй Стейт Электрик». Должен был быть в «Бэй Стейт», потому что «Бэй Стейт» была собственником той дыры, где располагалась станция «Ирокез». Этот парень говорил о ней как о величайшей вещи после резака для хлеба, и поскольку он выглядел человеком, действительно верящим в это, Гарденер решил, что он должен быть колесиком невысокого ранга, может быть, даже простой «запаской». Он сомневался, что ребята покрупнее были такими дураками насчет «Ирокеза». Даже если на мгновение забыть о помешательстве на ядерной энергии, имелся факт, что «Ирокез» через пять лет должен был войти в строй, и судьба трех взаимосвязанных банковских цепей зависела от того, что случится, когда... и если... это все-таки произойдет. Они все стояли захороненными в радиоактивном песке и оберточной бумаге. Это было как дурная игра музыкантов-любителей.

Конечно, суд в конце концов разрешил компании начать загружать горячие стержни на месяц раньше, и Гарденер подумал, что эти мудаки вздохнули с облегчением.

Трептрепл слушал с торжественной значительностью. Он был для коллеги не опекуном, но кем-то вроде инструктора, достаточно знающего, как подмаслить эмиссара «Бэй Стейт Электрик», даже

такую «запаску». Большие частные предприятия вроде «Бэй Стейт» много могли дать школе, если они этого хотели.

Был ли Редди Киловатт Другом Поэзии? Примерно настолько же, подозревал Гард, насколько он сам был Другом Нейтронной Бомбы. Его жена, однако (у нее толстые очки и странное, хорошенькое личико) выглядела как Друг Поэзии.

Зная, что это ужасная ошибка, Гарденер размечтался. У него была приятная в-конце-вечера-приходящая улыбка, но биения в голове стали учащаться, смещаясь влево. Старый беспомощный гнев поднимался красной волной. *Знаете ли вы, о чем говорите?* — почти все, что могла выкрикнуть его душа. Имелись логические аргументы против атомных электростанций, на которые он был мастер, но в такие моменты, как этот, он располагал только криком своей души.

Знаете ли вы, о чем говорите? Знаете ли вы, какова ставка? Помнит ли кто-нибудь из вас, что случилось в России два года назад? Они не знают; они не помнят. Они будут хоронить умерших от рака только в следующем веке. Иисус-подпрыгнувший-играя-на-скрипке-Христос! Поставив один из тех отработанных стержней, ты дурачишься полчаса или около того, рассказывая каждому, как безопасна атомная энергия, а твои экскременты начинают светиться в темноте! Боже! Боже! Твои тупицы стоят здесь, слушая этого человека, говорящего так, как если бы он был в своем уме!

Он стоял там с бокалом в руке, приятно улыбаясь, слушая, как «запаска» несет смертельную чушь.

Третий мужчина в группе был лет пятидесяти и выглядел, как декан колледжа. Он хотел узнать о возможности нейтрализовать дальнейшие организованные протесты. Он называл запаску Тедом.

Энергетик Тед сказал, что он сомневается, надо ли слишком сильно беспокоиться. Популярны Сибрук и эроухедские собрания в Мэне, но с тех пор как федеральные судьи вынесли несколько серьезных приговоров, которые они сделали прямо скандальными, протесты быстро пошли на убыль. Эти группы переносят преследования так же твердо, как они переносят рок-группы, — сказал он. Трепл, Маккардл и другие засмеялись — все, кроме жены Энергетика Теда. Ее улыбка была несколько потерянной.

Гарденеровская приятная улыбка сохранилась. Она словно примерзла к его лицу.

Энергетик Тед стал более экспансивным. Он сказал, что настало время показать арабам раз и навсегда, что Америка и американцы не нуждаются в них; что даже наиболее современные угольные

генераторы слишком грязны, чтобы быть приемлемыми. Он сказал, что солнечная энергия замечательна... пока светит солнце. Последовал новый взрыв смеха.

Гарденеровская голова падала и оживала, оживала и падала. Его уши, настроенные почти сверхъестественно чутко, слышали слабый потрескивающий звук, как от движущегося льда.

Он мигнул, и у Трепла оказалась голова свиньи. Эта галлюцинация была абсолютно полной и абсолютно четкой, хорошо сочетающейся со щетиной на рыле толстяка. Буфет был в руинах, но Трепл подчищал, заканчивал последние несколько бисквитов, нанизывал последний ломтик салями и кусочек сыра на пластиковую зубочистку, за ними следовали последние крошки картофельных чипсов. Все это уходило в его сопящее рыло, и он продолжал кивать, в то время как Энергетик Тед объяснял, что атом — действительно единственная альтернатива. Слава Богу, американцы наконец осознали некоторые перспективы чернобыльского дела, говорил он. Умерли тридцать два человека. Это, конечно, ужасно, но всего месяц назад было крушение самолета, которое погубило сто девяносто с лишним. Вы слышали о людях, требующих от правительства закрыть авиалинии? Тридцать две смерти — это ужасно, но это далеко от Армагеддона, о котором трубят эти антиядерные привередники. Он слегка понизил свой голос. Они помешаны, как жители Ларуша, которых вы видите в аэропортах, и тогда они ужасны. Они говорят очень разумно. Но если мы дадим им то, чего они хотят, они вернутся через месяц или чуть позже и начнут скулить, что не могут пользоваться своими фенами, что их кухонные машины не работают, когда они хотят перемешать пучок своей вегетарианской пищи.

С точки зрения Гарда он совершенно не выглядел человеком. Косматая голова волка высывалась из воротника белой рубашки с узкими красными полосами. Она смотрела вокруг, высунув красный язык, блестя зелено-желтыми глазами. Трепл издавал что-то одобрительное и нерегулярно запихивал новые порции в свое розовое свиное рыло. У Патриции Маккардл теперь была гладкая лоснящаяся голова гончей. Декан колледжа и его жена были ласками. А жена человека из электрической компании стала испуганным кроликом, розовые глаза вращались за толстыми стеклами.

О, Гард, нет, — застонал его мозг.

Он мигнул снова, и они опять были людьми.

— И есть одна вещь, о которой эти протестующие на своих ралли протеста никогда не вспоминают, — закончил Энергетик Тед, оглядываясь вокруг, как судебный адвокат, достигший кульминации в подведении итогов. — За тридцать лет мирного развития атомной

энергетики в Соединенных Штатах Америки не было ни одной смерти по вине атомной энергетики.

Он скромно улыбнулся и опрокинул остаток шотландского виски.

— Я уверен, мы все будем спать спокойно, зная это, — сказал человек, выглядевший как декан колледжа. — И теперь, я думаю, моя жена и я...

— Знаете ли вы, что Мария Кюри умерла от радиационного облучения? — спросил Гарденер. Головы повернулись. — Да. Лейкемия вызвана прямым воздействием гамма-лучей. Она была первой жертвой марша смерти, в конце которого возвышается атомная станция этих ребят. Она провела много исследований и все их записала.

Гарденер оглядел моментально затихшую комнату.

— Ее записи заперты в подвале. Подвал в Париже. Изнутри он покрыт свинцом. Записи целы, но слишком радиоактивны, чтобы их трогать. О тех же, кто умер здесь, мы реально ничего не знаем, комиссия по атомной энергии держит это в секрете.

Патриция Маккардл хмуро посмотрела на него. Трепл с временно забытым деканом вернулись собирать крошки в опустошенном буфете.

— Пятнадцатого октября 1966 года, — сказал Гарденер, — произошло частичное расплавление реактора-размножителя Энрико Ферми в Мичигане.

— Ничего не случилось, — сказал Энергетик Тед и протянул руки к собравшейся компании, как бы говоря: вы видите? Что и требовалось доказать.

— Нет, — сказал Гарденер. — Ничего. Бог знает почему, но я предполагаю, что больше никто. Цепная реакция остановилась сама собой. Никто не знает почему. Один из инженеров опросил контакторов подрядчиков, улыбнулся и сказал: «Вы, парни, чуть не потеряли Детройт». Потом ему стало плохо.

— О, но мистер Гарденер! Это было...

Гарденер выставил руку.

— Если вы проверите статистику смертей от рака в области, окружающей любую ядерную установку, вы найдете аномалии, смерти отклоняются от нормы.

— Это абсолютная неправда, и...

— Дайте мне закончить, пожалуйста. Я не думаю, что факты что-то дадут, но все равно дайте мне закончить. Задолго до Чернобыля у русских был случай с реактором в месте, называемом Кыштым. Но тогда премьером был Хрущев, и Советы хранили глухое молчание. Похоже на то, что они складировали отработанные

стержни в неглубокой канаве. Почему бы и нет? Как могла бы сказать мадам Кюри, в то время это казалось хорошей идеей. Вернее всего предположить, что стержни окислились, только вместо того, чтобы покрыться оксидом железа, как это делают стальные стержни, эти стержни заржавели чистым плутонием. Это все равно что разжечь костер рядом с баком, наполненным природным газом, но они этого не знали. Они считали, что это будет «олл райт». Они считали.

Он мог слышать, как его голос наполняется яростью, но был не в состоянии справиться с собой.

— Они считали, что они играют с жизнями живых людей, как если бы они были... так, множеством кукол... и угадайте, что произошло?

Комната молчала. Рот Пэтти был как замороженный красный разрез. Цвет ее лица был молочный с гневом.

— Пошел дождь, — сказал Гарденер. — Пошел сильный дождь. И началась цепная реакция, ставшая причиной взрыва. Это как извержение грязевого вулкана. Были эвакуированы тысячи. Каждой беременной женщине был сделан аборт. Русский эквивалент дорожной заставы в районе Кыштыма был закрыт почти на год. Затем, когда пошли слухи, что на краю Сибири произошла очень серьезная авария, русские открыли дорогу снова. Но они повесили несколько действительно веселых вывесок. Я видел фотографии. Я не читаю по-русски, но я просил четверых или пятерых разных людей перевести, и они все согласны. Это звучит как плохая этническая шутка. Представьте себя едущим по американской автостраде — I-95 или, может быть, I-70 — и подъезжающим к вывеске, которая гласит: ПОЖАЛУЙСТА, ЗАКРОЙТЕ ВСЕ ОКНА, ВЫКЛЮЧИТЕ ВСЕ ВЕНТИЛЯЦИОННЫЕ УСТРОЙСТВА И ЕЗЖАЙТЕ СЛЕДУЮЩИЕ ДВЕНАДЦАТЬ МИЛЬ ТАК БЫСТРО, КАК ТОЛЬКО МОЖЕТ ВАШ АВТОМОБИЛЬ.

— Вранье! — громко сказал Энергетик Тед.

— Фотографии предоставляются согласно Акту о Свободе Информации, — сказал Гард. — Если бы этот парень только лгал, может, я и смог бы жить с ним. Но он и такие, как он, делают нечто худшее. Они как продавцы, говорящие публике, что сигареты не только не вызывают рак легких, они полны витамина С и спасают вас от холода.

— Вы имеете в виду...

— Тридцать два в Чернобыле — это мы можем проверить. Дьявол, может, их только тридцать два. У нас есть фотографии, сделанные американскими докторами, которые наводят на мысль,

что там уже должно быть много за две сотни, но говорили — тридцать два. Эту цифру не изменит и то, что мы знаем о сильном радиационном облучении. Не всякая смерть наступает сразу. Это так обманчиво. Смерти следуют тремя волнами. Первая — люди, которые изжарились в аварии. Вторая — жертвы лейкемии, главным образом дети. Третья — наиболее смертоносная волна: рак у взрослых сорока лет и старше. Столько всяких раков, что вы можете продолжать сколько угодно и назвать их мором. Рак кожи, рак груди, рак печени, меланома и рак кости встречаются чаще всего. Но вы можете также добавить рак кишечника, рак мочевого пузыря, опухоль мозга...

— Остановитесь, пожалуйста, можете вы остановиться? — закричала жена Теда. Истерия придала ее голосу удивительную силу.

— Если бы я мог, дорогая, — сказал он мягко. — Я не могу. В 1964 году АЕС провела моделирование ситуации, когда взлетает американский реактор, в пять раз меньший чернобыльского. Результаты были такими пугающими, что АЕС похоронило отчет. Это наводит на мысль...

— Заткнитесь, Гарденер, — громко сказала Пэтти. — Вы пьяны.

Он проигнорировал ее, остановив взгляд на жене энергетика.

— Это наводит на мысль, что такая авария в относительно сельской области США — они выбрали штат Пенсильвания, где, кстати, находится Тримайл-Айленд — убила бы сорок пять тысяч человек, заразила семьдесят процентов территории штата и нанесла бы ущерб в семнадцать миллионов долларов.

— Кретин! — крикнул кто-то. — Дерьмо на уши вешаешь?

— Нет, — сказал Гарденер, не отрывая глаз от женщины, которая теперь казалась загипнотизированной ужасом. — Если вы умножите на пять, вы получите 225000 мертвых и восемьдесят пять миллионов долларов ущерба. — В могильной тишине комнаты он неизящно наполнил свой бокал, наклонил его в сторону Трепла и выпил два полных глотка чистой водки. Незагрязненная водка, можно надеяться.

— Так! — закончил он. — Мы говорим о почти четверти миллиона людей, умерших ко времени затухания третьей волны, около 2040 года.

Он мигнул Энергетику Теду, чьи губы были втянуты в зубы.

— Было бы слишком приравнять это количество людей даже к 767, не так ли?

— Эти картины взяты прямо из вашей башки, — сердито сказал Энергетик Тед.

— Тед... — нервно сказала его жена. Она мертвенно побледнела, за исключением маленьких пятнышек, ало пылавших на щеках.

— Вы предполагаете, что я буду стоять здесь и выслушивать это... эту полуночную риторику? — спросил он, приблизившись к Гарденеру так, что они оказались почти грудь в грудь. — Так?

— В Чернобыле они убили детей, — сказал Гарденер. — Понимаете вы это? Одни десятилетние, другие в утробе. Большинство, возможно, еще живы, но они умирают прямо сейчас, пока мы стоим здесь, держа бокалы. Некоторые даже не могут еще читать. Большинство никогда не поцелуют девочку. Прямо сейчас, пока мы стоим здесь, держа бокалы.

Они убили своих детей.

Он смотрел на жену Теда, и теперь его голос начал дрожать и слегка повышаться, как на судебном процессе.

— Нам известно о Хиросиме, Нагасаки, о наших собственных испытаниях в Тринити и на Бикини. Они убили своих собственных детей, доходит ли до вас, что я говорю? Девять лет там, в Припяти, кто-то будет умирать, испражняясь своими собственными кишками! Они убили детей!

Жена Теда сделала шаг назад, широкие глаза за стеклами, рот дергается.

— Мы все, я думаю, знаем, что мистер Гарденер прекрасный поэт, — сказал Энергетик Тед, обнимая рукой свою жену и пододвигая ее к себе снова. Будто ковбой заарканил теленка. — Он, однако, не очень хорошо информирован об атомной энергии. Мы реально не знаем, что могло и чего не могло случиться в Кыштыме, а русские изображают жертвы Чернобыля...

— Не надо, — сказал Гарденер. — Вы знаете, о чем я говорю. «Бэй Стайт Электрик» хранит весь этот материал у себя в папках, в том числе повышенное количество раковых заболеваний в областях вокруг американских ядерных установок, вода, зараженная радиоактивными отходами, — вода в глубоких водоносных пластах, вода, которой люди стирают свою одежду и моют посуду, и моются сами, вода, которую они пьют. Вы знаете. Вы и любая другая частная, муниципальная, штатная и федеральная энергетическая компания в Америке...

— Остановитесь, Гарденер, — предупредила Маккардл, шагнув вперед. Она обвела группу сверхсияющей улыбкой. — Он слегка...

— Тед, ты знал? — быстро спросила жена Теда.

— Конечно, я знал какую-то статистику, но...

Он прервался. Его челюсть зашелкнулась так сильно, что можно было почти услышать это. Это было немного... но этого было

достаточно. Они моментально поняли, они все, что он опустил в своей проповеди изрядный кусок священного писания. Гарденер на мгновение ощутил угрюмый, неожиданный триумф.

Это было мгновение неловкой тишины, и затем, почти произвольно, жена Теда отступила от него. Он покраснел. Гарду он показался человеком, который только что ударил себя молотком по большому пальцу.

— О, у нас есть всевозможные отчеты, — сказал он. — Большинство — не что иное, как паутина лжи — русская пропаганда. Люди вроде этого идиота более чем счастливы заглотить этот крючок, и леску, и грузило. Как мы все знаем, в Чернобыле вообще могло не быть аварии, но старание удержать нас от...

— Боже, следующее, что вы нам скажете: земля плоская, — сказал Гарденер. — Видели ли вы фотографии армейских парней в радиационных костюмах, гуляющих вокруг электростанции в получасе езды от Гаррисбурга? Знаете ли вы, как они пытались заткнуть там одну из течей? Они воткнули в разломанную сточную трубу баскетбольный мяч, завернутый во фрикционную ленту. Некоторое время это работало, затем давление выплюнуло его и проломило дыру прямо в сдерживающей стене.

— Вы разглагольствуете, как хороший пропагандист. — Тед дико оскалился. — Русские любят таких, как вы! Они вам платят, или вы это делаете просто так?

— Кто вещает сейчас, как аэропорт Муни? — спросил Гарденер, посмеиваясь. Он шагнул ближе к Теду. — Атомные реакторы сложены лучше, чем Джейн Фонда, правильно?

— Насколько я имею к этому отношение — да, что-то в этом духе.

— Пожалуйста, — сказала, утомленная, жена декана. — Мы можем дискутировать, но давайте не кричать, пожалуйста — кроме всего прочего, мы образованные люди...

— Кое-кому хотелось бы забить... на крик об этом! — крикнул Гарденер. Она отпрянула, моргая, а ее муж пристально посмотрел на Гарденера глазами, яркими, как кусочки льда. Пристально, будто запоминая Гарда навеки. Гард предполагал, что запомнил. — Кричали бы вы, если бы ваш дом горел, а вы бы одна из всей семьи проснулись посреди ночи и поняли, что случилось? Или ходили бы вокруг на цыпочках и шептали, считая себя образованным человеком?

Гарденер отключился от нее, повернувшись к мистеру Бэй Стейт Электрик и конфиденциально ему мигнув.

— Скажите мне, Тед, как близко расположен ваш дом к этим отличным новым ядерным объектам, которые вы, ребята, строите?

— Я не собираюсь, стоя здесь...

— Не слишком близко, а? Я думаю, что так. — Он посмотрел на миссис Тед. Она отстранилась от него, сжав руку своего мужа. Гард подумал: *Что это напоминает, когда она отстраняется от меня, как сейчас? Действительно, что?*

Шутовской внутренней голос проскрипел печальный ответ: *Застрели свою жену, а? Нехеровое дело.*

— Собираетесь ли вы иметь детей? — мягко спросил он ее. — Если да, то я надеюсь, что вы и ваш муж действительно живете на безопасном расстоянии от станции... они любят дураков, вы знаете! Как на Тримайл-Айленд. Незадолго до открытия кто-то обнаружил, что водопроводчики случайно прицепили к питьевым источникам 3000-галлоновый бак для жидких радиоактивных отходов. Это было обнаружено примерно за неделю до ввода в строй. Нравится вам это?

Она плакала.

Она плакала, но он не мог остановиться.

— Расследовавшие это дело парни писали в своем отчете, что подключение радиоактивных труб для охладителей и отходов к трубам, подающим воду к питьевым источникам, — «распространенная неразумная практика». Если ваш муженек пригласит вас посетить компанию, я бы посоветовал то же самое, что вам посоветуют в Мексике: не пить воду. А если ваш муженек пригласит вас, после того как вы забеременеете или после того как вы даже подумаете, что это могло бы быть, — скажите ему...

Гарденер улыбнулся сначала ей, затем Теду.

— Скажите ему, что у вас болит голова, — закончил он.

— Заткнитесь, — сказал Тед. Его жена начала стонать.

— Правильно, — сказал Трепл. — Я в самом деле думаю, что сейчас время вам заткнуться, мистер Гарденер.

Гард посмотрел на них, затем на остальных гостей, внимательно смотревших на стол-буфет, раскрывших глаза и тихих.

— Заткнись! — закричал Гарденер. Боль блестящим острием входила в левую часть головы. — Да! Заткнись, и пусть чертов дом горит! Вы предпочитаете, чтобы эти гребанные трущобные лорды собирали бы вокруг страховки от пожара потом, после того как пепел остынет и они выруют то, что осталось от тел! Заткнись! Это то, что хотят от нас эти парни! И если ты сам не заткнешься, может быть, тебя заткнут, как Карен Силквуд.

— Оставьте это, Гарденер, — прошипела Патриция Маккардл. В словах, которые она произнесла, не было шипящих, что делало шипение невозможным, но она все равно шипела.

Он поклонился жене Теда, чьи желтоватые щеки были теперь мокры от слез.

— Вы можете также проверить нормы синдрома детской смертности. Они повышены в зонах станций. Врожденные дефекты, такие, как болезнь Дауна, слепота и...

— Я хочу, чтобы вы покинули мой дом, — сказал Трепл.

— У вас на подбородке картофельные чипсы, — сказал Гарденер и повернулся к мистеру и миссис Бэй Стейт Электрик. Его голос приобретал все большую и большую глубину. Это было как звучание, доносящееся из колодца. Ситуация становилась критической. На контрольной панели горели все красные лампочки.

— Тед может здесь лгать о том, как сильно все это было раздуто, ничего, кроме небольшого пламени, и масса подножного корма из газетных заголовков, и вы все даже можете ему поверить... Но факты таковы: то, что случилось на Чернобыльской атомной станции, выбросило в атмосферу этой планеты радиоактивного мусора больше, чем все атомные бомбы после Тринити. Чернобыль тлеет. Предстоит идти этой дорогой долгое время. Как долго? Никто не знает, да, Тед?

Он наклонил бокал в сторону Теда и затем оглядел гостей, все они стояли сейчас притихшие и смотрели на него, многие выглядели такими же испуганными, как миссис Тед.

— И это повторится снова. Возможно, в штате Вашингтон. Там на ханфордских реакторах складировали стержни в канавах без гидроизоляции, как в Кыштыме. В следующий раз тряхнет в Калифорнии? Франции? Польше? Или, может быть, прямо здесь, в Массачусетсе, если этот парень здесь и Ирокез войдет в строй весной. Так пусть какой-нибудь парень в черный день повернет черный переключатель, и следующий «Ред Сокс» будут открывать примерно в 2075-м.

Патриция Маккардл была белой, как восковая свеча... кроме глаз, пронзительных голубых искр, выглядевших свежевывлетевшими из-под дуги электросварки. Трепл выбрал другой путь: он был темно-красным, как кирпичи его фамильного дома. Миссис Тед переводила взгляд с Гарденера на своего мужа и обратно, будто они были парой собак, могущих укусить. Тед видел этот взгляд; чувствовал ее попытки выскользнуть из его тюремного объятия. Гарденер предполагал, что это была ее реакция на его слова, вызвавшие заключительное обострение. Тед, несомненно, был проинструктирован, как обращаться с истериками вроде Гарденера; компания обучала этому своих Тедов так обыденно, как авиалинии обучают стюардесс демонстрировать аварийные кислородные системы самолетов, на которых они летают.

Но было поздно, гарденеровские пьяные, но красноречивые опровержения прогремели, как карманная гроза... и теперь его жена вела себя так, будто он мог быть беглым нацистским преступником.

— Боже, я устал, ребята, от вас и от ваших самодовольных улыбок! Вы были здесь этой ночью, читая свои бессвязные стихи в микрофоны, которые работают на электричестве, усиливая ваши ослиные голоса динамиками, работающими на электричестве, используя электрический свет, чтобы видеть... откуда, как вы думаете, луддиты, берется энергия? С неба падает? Боже!

— Уже поздно, — торопливо сказала Маккардл, — и мы все...

— Лейкемия, — произнес Гарденер, с ужасной конфиденциальностью обращаясь прямо к раскрывшей глаза жене Теда. — Дети. После расплавления всегда первыми страдают дети. Одно только хорошо: если мы потеряем «Ирокез», фонд Джимми не останется без работы.

— Тед? — захныкала она. — Он ошибается, да? Я думаю.

Она искала в своем кошельке носовой платок и уронила кошелек. Раздался хруст чего-то разбившегося.

— Остановитесь, — сказал Гарденеру Тед. — Если вы хотите, мы поговорим об этом, но перестаньте намеренно расстраивать мою жену...

— Я хочу, чтобы она была расстроена, — сказал Гарденер. Теперь он был полностью объят темнотой. Он принадлежал ей, и она принадлежала ему, и это было совсем хорошо. — Она, похоже, не знала очень многого. Такие вещи она должна была бы знать. Учитывая, за кем она замужем, тем более.

Он повернул к ней красивый дикий оскал. Сейчас она смотрела в него, не отводя глаз, заипнотизированная, как зайчиха в свете надвигающихся фар.

— Теперь использованные стержни. Знаете ли вы, куда они деваются, когда они становятся непригодными? Он не рассказывал вам, что их забирает Фея Стержней? Неправда. Их отсортировывает персонал. Их много, больших горячих куч из стержней, здесь, там и везде, лежащих в грязных мелких лужах. Они действительно горячие, мэм. И они собираются оставаться в таком состоянии долгое время.

— Гарденер, я хочу, чтобы вы вышли, — снова сказал Трепл.

Игнорируя его, Гарденер продолжал, обращаясь только к мистеру и миссис Тед:

— Они постоянно теряют следы некоторых из этих куч, знаете вы это? Как маленькие дети, которые играют весь день и идут, уставшие, спать и просыпаются на следующий день и не могут вспомнить, где они оставили свои игрушки. И есть еще одна вещь,

о которой стоит сказать. Это последнее — Дикие Ядерные Террористы. Уже исчезло достаточно плутония, чтобы взорвать восточное побережье Соединенных Штатов. Конечно, я бы хотел иметь микрофон, чтобы читать в него свои бессвязные стихи. Видит Бог, я бы должен был поднять свой го...

Внезапно Трепл схватил его. Человек он был большой и рыхлый, но дьявольски мощный. У Гарденера рубашка выскочила из брюк. Очки выпали из его рук и вдребезги разбились на полу. Раскатистым голосом — голосом, который, наверное, может иметь только негодующий преподаватель, прошедший много лет в лекционных аудиториях, Трепл объявил всем присутствующим:

— Я вышвыриваю этого типа.

Эта декларация была встречена аплодисментами. Не все в комнате аплодировали — может быть, даже не половина. Но жена энергетика теперь громко плакала, прижавшись к своему мужу, больше не пытаясь вырваться; до того, как Трепл схватил его, Гарденер неуклюже двигался вокруг нее, видимо, ее пугая.

Гарденер ощущал скольжение своих ног по полу, затем отделился от него полностью. Он уловил мелькание Патриции Маккардл, ее сжатые губы, ее свирепые глаза, ее ладони, хлопающие с бешеным одобрением, чего она не могла сделать раньше. Он видел Рона Каммингса, стоявшего у двери библиотеки, чудовищный коктейль в одной руке, другая вокруг хорошенькой блондинки, ладонь крепко прижата к выпуклостям ее груди. Каммингс выглядел задетым, но не слишком удивленным. Кроме того, это был единственный аргумент в баре, продолженный и на следующую ночь, не так ли?

Собираешься ли ты позволять этому распухшему от дерьма портфелю выбросить тебя на порог, как бездомную кошку?

Гарденер решил, что не собирается.

Он двинул левым локтем назад так сильно, как только мог. Локоть ударил Трепла в грудь. Гарденер ощутил как бы удар локтем в чашу чрезвычайно крепкого студня.

Трепл издал приглушенный крик и оставил Гарденера, который развернулся, сжав руки в кулаки, готовый ударить Трепла, если тот попытается схватить его снова, попытается хотя бы только дотронуться до него. Он весьма надеялся, что Трептрепл хочет сражаться.

Но шлюхинсын не показывал признаков желания сражаться. Он почти потерял интерес к выдворению Гарденера. Он сжимал свою грудь, как переигрывающий актер, готовящийся петь плохую арию. Кирпичный цвет в основном покинул его лицо, хотя пылающие пятна выступили на каждой щеке. Толстые губы Трепла скривились в «О»; расслабились; скривились в «О» снова; снова расслабились.

— ...сердце... — просипел он.

— Что сердце? — спросил Гарденер. — Вы думаете, оно у вас есть?

— ...приступ... — просипел Трепл.

— Сердечный приступ, черт возьми, — сказал Гарденер. — Единственная приступающая вещь — это ваше чувство приличия. И вы заслужили это, сукин сын.

Он прошел мимо Трепла, застывшего в позе певца, две руки прижаты к левой стороне груди, куда Гарденер пришелся своим локтем. Дверь между столовой и передней была забита людьми; они спешно отступили, когда Гарденер широко шагнул к ним, направляясь к входной двери.

Сзади него женщина визжала:

— Прочь, ты слышишь меня? Прочь, выродок! Я не хочу тебя больше видеть!

Этот пронзительный, истеричный голос был так не похож на обычное мурлыканье Патриции Маккардл (стальные когти прятались где-то в бархатных подушечках), что Гарденер остановился. Он повернулся... И покачнулся от ядреной пощечины. Ее лицо было болезненным и гневным.

— Я должна была знать, —дохнула она. — Ты просто никчемная, пьяная дубина — спорщик, маньяк, задиристая, безобразная тварь. Но я приведу тебя в порядок. Я сделаю это. Я могу, ты знаешь.

— Неужели, Пэтти, ты так волнуешься обо мне, — сказал он. — Как мило с твоей стороны. Я стою от желания быть приведенным в порядок. Мы поднимемся наверх или доставим всем удовольствие и сделаем это на ковре?

Рон Каммингс, подвинувшийся поближе к сцене, рассмеялся. Патриция Маккардл снова взмахнула рукой, на этот раз попав Гарденеру по уху.

Она произнесла голосом низким, но отлично воспринимаемым всеми в комнате:

— Я не ожидала ничего лучшего от человека, который пытался застрелить свою собственную жену.

Гарденер посмотрел вокруг, увидел Рона и сказал:

— Прошу прощения, можно? — и выдернул бокал из руки Рона. Одним быстрым, ловким движением он запустил два пальца в вырез черного платья Маккардл, оно было эластичным и легко оттягивалось, и плеснул виски внутрь.

— Замечательно, дорогая, — сказал он и повернулся к двери. Он решил, что это был наилучший выход, на который он мог надеяться при данных обстоятельствах.

Трепл все еще стоял, застыв, с кулаками, прижатыми к груди, рот изгибался в «О» и затем расслаблялся.

— ...сердце... — просипел он снова Гарденеру — Гарденеру или любому, кто услышит.

В другой комнате Патриция Маккардл пронзительно кричала:

— Я в порядке! Не трогайте меня! Оставьте меня одну! Я в порядке!

— Эй, вы!

Гарденер повернулся на голос и получил удар Теда в верхнюю часть щеки. Гарденер проскочил большую часть пути по передней, цепляясь для баланса за стену. Он стукнулся о стойку для зонтиков, ударился о нее еще раз, затем толкнул входную дверь так сильно, что задрожало оконное стекло.

Тед шел к нему через переднюю, как борец с хулиганами.

— У моей жены в ванной комнате из-за вас истерика, и если вы не выйдете отсюда прямо сейчас, я вас изобью, болван.

Чернота взорвалась, как сгнивший, полный газов пакет с кишками.

Гарденер схватил один из зонтиков. Он был длинный, сложенный и черный — зонтик английских лордов, если такой бывает. Он побежал на Теда, на этого малого, который хорошо знал, каковы ставки, но который шел вперед во что бы то ни стало, почему бы и нет, семь выплат уходят за машину и восемнадцать за дом, так, в самом деле, почему бы и нет? Теда, который рассматривает шестисотпроцентный рост лейкемии только как факт, который может огорчить его жену. Тед, старый, добрый Тед, и как повезло старому доброму Теду, что в передней вместо охотничьих винтовок оказались зонтики.

Тед стоял, глядя на Гарденера, глаза расширились, челюсть отвалилась. Вид упоенного бешенства дал простор неуверенности и боязни — боязни, приходящей, когда вы решаете, что вам делать с иррациональным.

— Эй...

— Sagamba, скотина! — пронзительно закричал Гарденер. Он взмахнул зонтиком и затем ткнул им Энергетика Теда в живот.

— Эй! — задохнулся Тед, перегибаясь. — Стой!

— Andale, andale! — завопил Гарденер, начиная колотить Теда зонтиком спереди и сзади, сзади и спереди, сзади и спереди. Ремешок, охватывающий надетый на его руку зонтик, растянулся. Зонтик, еще сложенный, но уже свободный, заполоскался вокруг руки. — Arriba, arriba!

Тед был теперь слишком обессилен, чтобы думать о возобновлении атаки или думать о чем-либо, кроме бегства. Он развер-

нулся и побежал. Гарденер преследовал его, гогоча, и бил зонтиком по задней части головы и шеи. Он смеялся... но ничего хорошего в этом не было. Первоначальное ощущение победы быстро прошло. Было ли победой ввязаться в спор, даже светский, с таким человеком? Или заставить его жену плакать? Или бить его сложенным зонтиком? Удержит ли это «Ирокез» от ввода в строй в следующем мае? Спасет ли это остатки его собственной жалкой жизни, убьет ли тех ленточных червей, роющих, чавкающих и растущих, поедающих все, что осталось у него внутри нормального?

Нет, конечно, нет. Но в этой ситуации бессмысленное движение вперед происходило... потому что это было все, что осталось.

— Arrriba, ублюдок! — кричал он, вбегая за Тедом в столовую.

Руки Теда были подняты к голове и двигались возле ушей; он выглядел человеком, избиваемым битой. Зонтик, когда он взлетал и опускался, действительно выглядел маленькой битой.

— Помогите! — визжал Тед. — Помогите, он сошел с ума!

Но все отступали прочь.

Бедро Теда зацепилось за угол буфета. Стол качнулся вперед и вверх, серебро покатилося по наклонной плоскости, по складкам скатерти, тарелки упали на пол и разбились. Роскошная чаша для пунша сдетонировала, как бомба, и женщины вскрикнули. Стол мгновение поколебался и затем пошел вниз.

— Помогите? Помогите? Помогииииите!

— Andale! — Гарденер довольно сильно стукнул зонтиком по голове Теда. Зашелка сработала, и выстреливший зонтик раскрылся с глухим *пишиш!* Теперь Гарденер, с зонтиком в одной руке преследующий Энергетика Теда, выглядел как бешеная Мэри Поппинс. Позднее ему пришлось в голову, что раскрытие зонтика в доме считается плохим предзнаменованием.

Чьи-то руки схватили его сзади. Он вывернулся, думая, что Трепл раздался со своим неуместным приступом и собрался сделать следующий выход, штурмуя его со спины.

Это был не Трепл. Это был Рон. Он даже казался спокойным, но что-то было в его лице, что-то страшное. Было ли это состраданием? Да, Гарденер видел, это было так.

Моментально ему стал не нужен зонтик. Он отбросил его в сторону. В тишине столовой были слышны быстрое дыхание Гарденера и резкие всхлипывающие вдохи Теда. Перевернутый буфетный стол лежал в груде полотна, разбитого фаянса, разлетевшегося хрусталя. Запах разлитого ромового пунша превращался в слезоточивый туман.

— Патриция Маккардл на телефоне, говорит с полицией, — сказал Рон, — и, поскольку это Бэкбэй, они придут быстро. Ты хочешь смыться отсюда, Джим?

Гарденер посмотрел вокруг и увидел группки гостей, глядевших на него широкими, испуганными глазами. Завтра они не вспомнят, было ли это из-за ядерной энергии или Уильяма Карлоса Уильямса, или из-за того, сколько ангелов могут плясать на острие иглы, думал он. Половина из них будет рассказывать другой половине, что я делал пассы его жене. Просто старый добрый жизнелюбивый в-жену-стрелявший Джим Гарденер, распахивался и зонтиком избил парня. К тому же опрокинул pintу виски на крохотные сиськи женщины, давшей ему работу, когда он сидел на бобах. Ядерная энергетика? Она-то здесь причем?

— Что за несчастье, — хрипло сказал он Рону.

— Черт, они будут годами вспоминать об этом, — сказал Рон. — За лучшим чтением, когда-либо ими слышанным, последовал лучший вечер, когда-либо ими виденный. Теперь пойдем. Кинь свою задницу в Мэн. Я вызову.

Энергетик Тед, глаза в слезах, сделал выпад в его сторону. Два молодых человека, один был бармен, поставили его назад.

— Гудбай, — сказал Гарденер толпившимся гостям. — Спасибо за приятно проведенное время.

Он пошел к двери, затем повернулся.

— И если вы даже все забудете, помните о лейкемии и детях. Помните...

Что они запомнят, так это как он бил Теда зонтиком. Он видел это по их лицам.

Гарденер кивнул и прошел по передней мимо Трепла, который все еще стоял, прижав руки к груди. Гарденер не смотрел назад. Он отшвырнул в сторону кучу зонтиков, открыл дверь и шагнул в ночь. Он хотел виски больше, чем когда-либо в жизни, и считал, что должен его найти, потому что в этот момент он упал в брюхо большой рыбы, и обморок поглотил его.

Глава 6

ГАРДЕНЕР НА ВОЛНОРЕЗЕ

1

Утром четвертого июля 1988 года, вскоре после того, как первые отблески зари окрасили небо, Гарденер проснулся — и проснулся, между прочим, на самом краю каменного волнореза, рассекавшего волны Атлантики, от которого рукой подать да Аркадия Парка, того, что на Аркадия Бич, Нью-Хэмпшир. Правда, Гарденер не имел ни малейшего представления, где он находится. Ничего интересного, кроме своего собственного имени, вспомнить не удавалось; то, как он дошел почти до полного физического истощения, а также тот малозначительный факт, что он все-таки не утонул этой ночью, для него оставались загадкой.

Он лежал на камнях, опустив ноги в воду. Напрашивался вывод, что когда он устраивался здесь прошлым вечером, его лежбище было достаточно сухим и возвышалось над волнами; видимо, пока он спал, начался прилив, и к утру Гарденер оказался почти на уровне моря. Проснись он на полчаса позже, его бы унесло в открытое море, как снявшийся с мели корабль во время прилива.

Одна нога Гарденера была все еще обута, но ботинок так покоробился, что он без сожаления спихнул его в воду и апатично проводил глазами скукоженный бот, уносящийся в зеленоватую глубину. Пусть послужит домом раку-отшельнику, подумал он и уселся на камни.

Острая боль пронзила голову, как удар тока; в тот момент он подумал, что его хватил удар и что он пережил ночь на волнорезе, не утонув, только чтобы умереть от закупорки кровеносного сосуда утром.

Боль чуть отпустила, и все стало на свои места. Настроение Гарденера было под стать серому туману, окутавшему его со всех сторон. Ничто так не подавляет, как осознание своего ничтожества. Несомненно, Бобби Андерсон назвала бы это полным физическим

упадком, чем-то вроде тяжкого похмелья, Джим. Что может быть хуже твоего самочувствия после ночного запоя?

Ночного? Только ночного?

Нет, детка. Длительный, многодневный запой. Просто убийственно...

Непереваренная пища раздула желудок. Слегка поташнивало. Взглянув налево, он обнаружил неизменный атрибут похмелья: лужицу рвоты, расплывшуюся на камнях.

Грязной, сальной рукой он вытер нос; взглянув на кисть правой руки, он обнаружил остатки запекшейся крови. Значит, у него опять шла носом кровь. Кровеносные сосуды оставались его слабым местом после той неудачной лыжной прогулки, когда ему было лет семнадцать. Как правило, у него всегда шла носом кровь, когда он напивался.

Все его предыдущие запои кончались одинаково, — это был первый случай за три года, когда он довел себя до предела, — как, сейчас, например: знакомая слабость все нарастала, переходя в раскалывающую голову боль, желудок раздут так, будто вместил содержимое сточной канавы, упадок общего восприятия и вялые, болезненные мышцы. Такое глубоко болезненное состояние даже не назовешь депрессией — это что-то вроде Судного дня для грешника.

Это даже хуже той жуткой депрессии, которая постигла его в 1980-м, когда оборвались его карьера преподавателя и семейная жизнь. Теперь мы подошли вплотную к смерти Норы. События того периода, запечатлевшиеся в его памяти, разворачивались в Окружной тюрьме Пенобскота. Представитель власти сидел напротив него, читая номер «Крэйзи». Позже Гарденер уяснил себе, что все полицейские придерживаются того мнения, что алкоголики выходят из запоя глубоко подавленными. И уж если в их распоряжении оказывается такой человек, они пристально изучают вас, чтобы убедиться, что вы не являетесь исключением из правила... если только вы не симулируете. Вам не избавиться от этого надзора, пока не будет оглашен приговор и вы поступите на иждивение округа!

— Где я? — спросил Гарденер.

— А вы как думаете? — ответил представитель власти вопросом на вопрос. Этот тип внимательно осмотрел только что снятые зеленые очки и медленно, с видимым удовольствием протер их; Гарденер глаз не мог оторвать от того, как он ковыряет в носу и размазывает сопли по своим ботинкам. Ей-богу, одно это достойно поэмы, решил Гарденер.

— Что я сделал?

Помимо редких проблесков, его сознание в течение двух предыдущих дней было окутано мраком. Правда, тех редких проблесков было недостаточно, чтобы восстановить события, хотя бы в общих чертах. Так становится еще мрачнее от солнечных проблесков сквозь тучи, предвещающие шторм. Кажется, принесла ей чашку чая, он пустился в разглагольствования об атомках? *Аве Атом*. Его предсмертными словами будет не какая-нибудь чушь, а именно «Атом». Он мог вспомнить, как рухнул на шоссе перед домом, напившись так, что хоть выжимай, как пытался есть пиццу, роняя горячие крошки себе запазуху. Звонил ли он Бобби? Кажется, звонил и мямлил что-то, что-то ужасное... да, еще, Нора действительно вопила, или нет?

— *Что я сделал?*

Представитель власти бросил на него взгляд, полный уничтожающего презрения.

— Застрелили свою жену. Именно так вы и сделали. Хорошенькое дельце, а?

И представитель власти снова уткнулся в свой «Крэизи».

Все предыдущее было плохо, но это — хуже некуда. Непреходящее чувство отвращения к себе, суть которого в том, что ты сделал гадость и не можешь вспомнить, какую именно. Перебрав шампанского в канун Нового года, ты водружаешь абажур себе на голову и принимаешься отплясывать, хотя стены кружатся у тебя перед глазами, немало позабавив всех присутствующих (кроме своей жены); еще бы, ничего подобного они в жизни не видавали. Ты выдываешь все это, и тебе невдомек, что ты отколол что-то вроде оскорбления действием отцов города. Или застрелил свою жену.

В данный момент это хуже всего.

Как же это могло стрястись с Норой?

Так или иначе. Тогда его рассудок был слишком затуманен, чтобы пытаться восстановить покрытые мраком события.

Гарденер смотрел на волны, мягко подбирающиеся к его ногам, словно пытаясь взобраться к нему на колени. Волны, схлынув, оголяли извивающиеся зеленоватые водоросли... где-то поодаль ныряли проворные казарки. Да нет, это не водоросли. Зеленая слизь, что-то вроде сопель.

Убили свою жену... Хорошее дельце, а?

Гарденер зажмурился от внезапно нахлынувшей боли, затем снова открыл глаза.

«Прыгни, — нашептывал ему мягкий голос. — Я полагаю, с тебя уже хватит этих мытарств, так ведь? Глубина так заманчива... Сделай этот шаг. Только, чтобы переждать и возродиться, когда

Великое Колесо Кармы сделает следующий оборот... или еще один, если я обречен провести следующее воплощение в качестве удобрения или чего-то вроде колорадского жука. Взвесь свои шансы, Гард. Прыгай. В твоём теперешнем состоянии обе ноги сведет, и ты мигом пойдёшь ко дну. Между прочим, на дне, в иле и водорослях, так мягко, покойно. Так что, давай, прыгай».

Он подошел к краю скалы, глядя в зеленоватую глубокую воду. Только один шаг, и дело сделано. И он сделает этот шаг. Уже почти...

Нет, не сейчас. Сначала хорошо бы поговорить с Бобби.

Та часть его сознания, в которой еще осталось желание жить, ухватилась за эту мысль. Бобби. Бобби была единственным светлым и цельным воспоминанием его прошедшей жизни. Сейчас где-нибудь она пишет свои вестерны, да храни ее Бог; такая же рассудительная, как всегда; и все еще его друг, уже не любовница... Его последний друг.

Хочешь поговорить сначала с Бобби, да?

Для чего? Чтобы взвалить на нее свой крест? Богу ведомо, что ты слишком устал... Несомненно, ты уже доставил ей достаточно неприятностей. Избавь ее от этого. Прыгай и не отравляй окружающий мир.

Он подался вперед и почти последовал коварному совету. Та его часть, что еще цеплялась за жизнь, похоже, не находила аргументов против самоубийства. Можно сказать, что он оставался трезвенником, более или менее, все последние три года, с тех пор, как его и Бобби арестовали в Сибруке в 1985 году. Слабый аргумент. Если не считать Бобби, то он полностью одинок. Постоянный разлад в его сознании, даже когда он трезвый, а мысли настойчиво обращаются к АЭС. Он осознал свое место в мире, и гнев перешел в одержимость... но осознание еще не есть возрождение. Его поэзия вырождалась. Его мозг разрушался. И, что хуже всего, когда он трезвый, ему хочется напиться. Это именно то, что всегда подавляет. Я все равно что падающая бомба, которая взорвется, достигнув земли. Вопрос времени.

Ну хорошо. Хорошо. Он закрыл глаза и приготовился прыгнуть.

В этот самый момент неожиданное озарение посетило его; интуиция, граничащая с ясновидением. Он почувствовал, что Бобби нуждается в его помощи больше, чем когда-либо. Она действительно в беде. Кажется, влипла во что-то *серьезное*.

Гарденер открыл глаза и осмотрелся, как человек, приходящий в себя после глубокого обморока. Надо бы разыскать телефон и позвонить ей. Он сказал бы: «Привет, Бобби, у меня был очередной срыв». И уж, конечно, не заявил бы: «Я не знаю, где я Бобби, но

здесь нет никого, кто бы остановил меня». И еще бы спросил: «А как у тебя дела, Бобби?» И она бы ответила, что все как нельзя лучше. Она живет полной жизнью и имеет все, что хочет... а между прочим, Гард, с тобой все в порядке? Гард ответит ей, что все прекрасно, он подбирает интересный материал для книги, собирается по пути заехать в Вермонт, повидать друзей... все это приятно разнообразит его жизнь. Затем он вернется к своему волнорезу и прыгнет в море. На полном серьезе; обыкновенный неудачник посреди мертвой зоны, которая только кажется вполне пригодной для жизни. В конце концов он сам выбрал свой путь и знает, как его завершить. Океан существует десятки и сотни миллионов лет; так что пять минут он сможет подождать.

Только не перекладывай свои беды на ее плечи, слышишь? Обещай, Гард. Не пытайся вернуться к прошлому и не хнычь. Ты ведь считаешь себя ее другом, а не мужским вариантом ее слезливой сестрицы. Никакого нытья.

Он давал себе много, очень много обещаний, и, видит Бог, тысячи из них сам же нарушал. Но это уж он сдержит.

Гарденер неуклюже вскарабкался не вершину волнореза. Крутая и скользкая, она была действительно подходящим местом для сведения счетов с жизнью. Апатично оглядываясь по сторонам, он искал свою старую заслуженную коричневую сумку, сопровождавшую его во всех странствиях, предполагая, что она могла завалиться между камней. Сумки нигде не было. Старая, добрая сумка, замызганная и покоробившаяся, вмещала весь джентльменский набор: белье, зубную щетку, кусок мыла в пластмассовой мыльнице, связки консервных ножей (они всегда забавляли Бобби; время от времени она пользовалась ими), счет на двадцать долларов на самом дне... и, конечно, все его неопубликованные стихи. Жаль, если все это пропадет, впрочем, ему-то это уже не пригодится...

Особенно стихи. Все то, что было им написано за последние два года под остроумным и метким названием «Радиационный цикл», было предложено пяти редакторам подряд, и отвергнуто всеми пятью. Один из безымянных редакторов нацарапал: «Поэзия и политика редко соприкасаются; поэзия и пропаганда — никогда». Это маленькое поучение совершенно справедливо, банально, как все вечные истины, он вполне с ним согласен... но не может остановиться.

Ну что ж, прилив внесет в них поправки своим синим карандашом. Иди и делай, как задумал, мелькнуло у него в голове, когда он направился к пляжу, размышляя о том, что, должно быть, лучше покинуть место своего пробуждения, чем лишиться себя жизни столь мелодраматическим способом.

Он шел, освещенный лучами солнца, встававшего из вод Атлантики, и тень опережала его. В это время на пляже было пустынно; только один мальчишка в джинсах и клетчатой рубашке пускал фейерверк.

2

Здорово, его походная сумка вовсе не потерялась. Она валялась вверх дном чуть выше полосы прибоя, буквально «разинув рот». Как пасть голодного чудовища, зарывшегося в песок, подумал Гарденер. Он поднял сумку и заглянул вовнутрь. Пусто. Исчезло даже потрепанное белье. Перевернув сумку и постучав по дну, он обнаружил исчезновение счета на двадцать долларов. Зародившаяся было надежда испарилась в один миг.

Оглядевшись по сторонам, Гарденер заметил поблизости три записные книжки, наполовину засыпанные песком. Ветер перелистывал страницы телефонного справочника. *Спокойно*, подумал Гарденер. *Испей чашу до дна.*

Мальчишка, возившийся с фейерверком, двинулся к нему... но вплотную не подошел. *Это предосторожность на случай того, если я действительно столь ужасен, как выгляжу...* Он оставляет за собой возможность удрать, подумал Гарденер. Предусмотрительный ребенок.

— Это ваше? — поинтересовался паренек. Его рубаша была щедро осыпана овощным рисунком. «Жертва школьных завтраков» гласила надпись.

— Ага, — отозвался Гарденер. Он наклонился, чтобы подобрать размокшую записную книжку; посмотрев на раскисшие странички, он бросил ее на песок.

Школьник протянул ему две оставшиеся. Ну, что тут скажешь? Не бери в голову, парень? Туда этим стихам и дорога? Поэзия и политика соприкасаются редко, мой мальчик, а поэзия и пропаганда — никогда?

— Спасибо, — поблагодарил Гарденер.

— Не за что. — Паренек раскрыл сумку так, чтобы Гарденер мог бросить в нее две более-менее уцелевшие книжечки. — Диву даюсь, что вы нашли хоть часть потерянного. Летом эти места просто кишат всякими проходимцами. Особенно парк.

Паренек ткнул пальцем, указывая на что-то, находившееся за спиной Гарденера. Тот обернулся и увидел силуэт большого каботажного судна, чернеющий на фоне восхода. Сначала Гард предположил, что он ухитрился протопать довольно далеко на север к Олд

Орчард Бич, еще до восхода солнца. Потом он заметил знакомый волнорез. Нет, он там же, где и был.

— Где я? — спросил Гарденер, и в его памяти пронесся тягостный разговор в тюрьме с полицейским, ковыряющим в носу. В какой-то момент, он был уверен, что мальчишка снова ответит вопросом на вопрос. «А вы-то сами, как думаете?»

— На Аркадия Бич, — отозвался парень, глядя на него с недоумением. — Похоже, мистер, вы проторчали здесь всю ночь.

— Нынче ночью, верь не верь, — хрипло, дрожащим голосом подтвердил Гарденер, — Томминокер, Томминокер, Томминокер стукнул в дверь...

Парень удивленно уставился на Гарденера... И, неожиданно-негаданно, выпалил продолжение куплета, которое Гарду слышать не доводилось: «Я хотел бы выйти, но не смею: я боюсь его там, за закрытой дверью».

Гарденер расхохотался... и тут же поморщился от проснувшейся боли.

— Где ты это слышал, парень?

— От мамы. Я тогда был еще совсем маленьким.

— Я тоже слышал о Томминокерах от мамы, — вспомнил Гарденер, — но этот куплет слышу впервые.

Парень поморщился, как будто тема потеряла для него всякий интерес.

— Она, бывало, несла всякий вздор. — Он окинул взглядом Гарденера. — Что, очень болит?

— Парень, — начал Гарденер, почти сгибаясь от боли, — если цитировать бессмертные строки Эда Сандерса и Тьюли Купферберга, мое самочувствие сравнимо с «самodelьным говном».

— И долго вы пьянствовали?

— А? Как ты догадался?

— Да вы ведете себя точь-в-точь, как моя мама. Она, бывало, когда напьется, то всегда несет чепуху о Томминокерах, или о чем-то вроде этого.

— Она плохо кончила?

— Ага. Разбилась в машине.

Внезапно Гарденера пробрала дрожь. Парень, казалось, не обратил на это внимания; он наблюдал за чайками, пикирующими над пляжем. Они то купались в розовых лучах солнца, то прохаживались по волнорезу, выискивая что-то, бывшее, на их взгляд, съедобным.

Гарденер перевел взгляд на своего собеседника. Окружающее приобретало все более таинственные тона. Этот парень слышал о

проделках Томминокеров. Сколько же детей на свете знает об этих существах, если судьба случайна свела Гарденера с одним из них, и многие ли теряли родителей из-за пристрастия к бутылке?

Парень запустил руку в карман и извлек коробочку фейерверк-патронов. Вот она — жар-птица юности, подумал Гарденер, улыбувшись.

— Хочешь, запустим парочку? В честь четвертого числа? Это должно тебя развеселить.

— В честь четвертого? Четвертого июля, хочешь сказать? А что это за день?

Парень сухо улыбнулся.

— Как же, это ведь День Труда.

Кажется, двадцать шестого июня... он попытался восстановить последовательность событий. Боже милостивый! Что же он делал все эти восемь дней. Ну... кое-что вспоминается. Так-то лучше. Отдельные проблески сознания пробивались через крошечную тьму, окутавшую его память, правда, ничего существенного прояснить им не удавалось. Навязчивая идея, будто он покалечил кого-то, снова поселилась в его голове, но уже как несомненная реальность. Хотел бы он знать, кто его

(Тренгренл)

жертва, и что он сделал ему или ей? Не стоит. Лучше всего будет позвонить сейчас Бобби и, не дожидаясь, пока он вспомнит, что произошло, покончить с собой.

— Послушайте, мистер, а откуда у вас этот шрам на лбу?

— Поскользнувшись, врезался в дерево.

— Держу пари, вы глубоко распахали лоб.

— Даже глубже, чем кажется; впрочем, не стоит об этом. Слушай, есть здесь поблизости телефон-автомат?

Парень кивнул в сторону довольно нелепого домика с зеленой крышей, расположенного примерно в одной миле. Домик смахивал на жилье шотландского пастора; постройка, возносившаяся на гранитном мысе, была пропитана духом ранней готики. Похоже на дачу. Немного поколебавшись, Гард предположил:

— Это, кажется, «Альгамбра», точно?

— Именно так.

— Спасибо, — ответил Гард, направляясь к даче.

— Мистер?

Он оглянулся.

— Разве вы не возьмете и эту? — парень кивнул на промокшую записную книжку, вынесенную на песок волнами. — Вы могли бы ее высушить.

Гарденер покачал головой. Мой мальчик, ответил он, да я и сам-то не просыхаю.

— А вы все-таки не хотите зажечь пару штук ракет?

Гарденер снова мотнул головой, улыбаясь:

— Будь с ними осторожен, хорошо? Люди часто калечат себя самыми безобидными вещами.

— Буду. — Парень смущенно улыбнулся. — Моя мама прекрасно с ними справлялась, до того как, ну вы понимаете...

— Понимаю. Как тебя зовут?

— Джек. А вас?

— Гард.

— С праздником, Гард.

— Тебя тоже, Джек. И держись подальше от Томминокеров.

— Стукнул в дверь, — уныло закончил тот, глядя на Гарденера понимающими глазами.

В этот момент, Гарденера снова посетило предчувствие («Кто мог бы предположить, что похмелье обостряет восприимчивость к психическим эманациям Вселенского Разума?» — осведомился горько-саркастический голос в глубине его сознания). Что-то, неизвестно, правда, что именно, снова наполнило его ощущением, что в этот момент он просто необходим Бобби. Он двинулся прочь от школьника, шагая довольно быстро, хотя влажный песок засасывал его ноги, направляясь к домику с зеленой крышей. Вскоре сердце заколотилось так сильно и голова заняла так нестерпимо, что кровь, казалось, пульсирует в глазных яблоках.

А заветная «Альгамбра» оставалась так же далеко, как и прежде.

Чуть помедленнее, а то заработаешь сердечный приступ или удар. Или то и другое.

Он пошел помедленнее... постепенно уясняя себе абсурдность ситуации. Он, который собирался утопиться минут пятнадцать назад, теперь беспокоится о своем сердце. Почти как в старом анекдоте об обреченном чудаке, отвергнувшем сигарету, которую предлагал ему капитан горящего судна.

— Я стараюсь завязать с этой вредной привычкой, — ответил он.

Снова вступило в голову, и теперь вспышки боли складывались в скачущие строчки:

*Нынче ночью, верь не верь
Томминокер, Томминокер,
Томминокер стукнул в дверь
И я был безумен, а Бобби о'кей
Но это пока не явились к ней
Томминокеры.*

Он стал, как вкопанный. С чего это всякая дрянь лезет в голову? (Дались ему эти Томминокеры!)

В ответ оглушительный и жуткий голос, звучащий, словно со дна пустого колодца, отчетливо произнес: *Бобби в беде!*

Он рванулся вперед, снова перейдя на быстрый шаг... даже более быстрый, чем раньше. В голове стучало: *Я хотел бы выйти, но не смею. Я боюсь его там, за закрытой дверью.*

Он взбежал по скользким ступеням, ведущим на вершину гранитного холма к коттеджу; проведя рукой по носу, он обнаружил, что возобновилось кровотечение.

3

Гарденер провел в холле «Альгамбры» ровно одиннадцать секунд — вполне достаточное время, чтобы консьерж обнаружил отсутствие обуви у Гарденера. Консьерж кивнул вышибале, и, когда Гарденер начал препираться, они вдвоем спустили его с лестницы.

Они пинали бы меня, даже будь я обут, переживал Гард. Да что там, я сам втоптал себя в грязь.

Он смотрел свое отражение в стеклянной двери прихожей. Да... есть на что посмотреть. Он попытался стереть рукавом кровь с лица, но только размазал еще больше. Глаза опухли и налились кровью. Его недельная щетина топорщилась, как иглы дикобраза через полтора месяца после линьки. В солнечной курортной «Альгамбре», где мужчины выглядят как подобает, а женщины носят теннисные юбочки, он выглядел как взбесившийся самец кенгуру.

Было очень рано, почти все постояльцы еще спали, так что у швейцара нашлось время объяснить Гарду, где находится ближайший телефон. Оказалось, что на автозаправке.

— А теперь топай отсюда побыстрее, пока я не позвонил в полицию, — напутствовал его швейцар.

Все, что он еще не знал о себе, он мог бы прочитать в презрительном взгляде швейцара.

Гарденер уныло побрел к автозаправке. Дыры в носках все разрастались. Сердце барахлило, как неисправный мотор... Головная боль вступила в левый висок и надежно там обосновалась. Довольно печально, если он намеревается пожить еще какое-то время. Внезапно он почувствовал себя так, будто ему снова семнадцать лет.

Итак, ему было семнадцать, и собственная сексуальная активность волновала его большее, чем всеобщая радиоактивность. Девушку звали Анн-Мари, и он хотел произвести на нее впечатление. Он бы и не ударил в грязь лицом, если бы не сдали нервы. Когда

же это было... может быть, вчера? Тогда в Вермонте они выбрались покататься на горных лыжах. Для Анн-Мари это было легче легкого, а вот он был новичком. Он и не предполагал, что она может врезаться в него, если он свалится. Он так вывалился, что стал похож на снеговика; нет ничего плохого в том, что вы выглядите слегка неопытным, но вот тупым... Именно тупым он и выглядел, когда лыжи его сошлись крест на крест, зацепились, и он покатился кубарем, прямо к старой сосне. Он помнит только скрип снега; какой-то вкрадчивый, свистящий звук: *сшшшшшш...*

Эти воспоминания навели его на рифму; он остановился, не дойдя до автозаправки. Рифмы то появлялись, то исчезали, все время крутятся в голове. Они складывались во что-то вроде: Нынче ночью, верь не верь Томминокер, Томминокер, Томминокер стукнул в дверь.

Гард глотнул, чувствуя во рту неприятный привкус крови; на плече запекаясь кровь, смешавшаяся с грязью, образовывала твердую бурую корку. Он помнил, что часто спрашивал свою мать о том, кто такие Томминокеры. Ничего определенного она не отвечала, однако в его представлении они запечатлелись сверхъестественными существами, крадущими лунный свет, приходящими в ночи, под покровом тьмы и подстерегающими жертвы в сумерках.

Он никогда не забудет те мучительные полчаса, проведенные им в темноте собственной спальни, пока бог сна не смилостивился над ним... Тогда он размышлял, что они могут быть не только ворами, но и людоедами, что, быть может, они вовсе не хоронят свои жертвы под покровом тьмы, а, например, готовят из них что-нибудь... так вот...

Гарденер обхватил своими костлявыми руками туловище (похоже, во время запоя он не уделял должного внимания еде) и поежился.

Он добрался до автозаправки, которая еще не открылась. Вокруг ни души. Стены исписаны вкривь и вкось: просматривается «Боже, храни Америку» и еще что-то, кажется, «Мы лубим выпить». А вот и телефон-автомат на стене одноэтажной постройки. Слава Богу, новый, отметил Гарденер; значит можно дозвониться хоть в другой штат, не опуская монеты. Это, по крайней мере, хоть немного компенсирует ему утренние унижения, которым он подвергся на почве попрошайничества.

Набрав ноль, он остановился. У него так дрожали руки, что набрать номер просто не удавалось. Прижав трубку плечом к шее, он обхватил правое запястье так сильно, как только мог. Теперь подобно стрелку, прицеливающемуся к мишени, он набрал нужные

цифры указательным пальцем, медленно и до жути нерешительно. Автоматический голос предложил ему назвать номер кредитной карточки (что было для Гарда практически невыполнимо, даже если бы у него была эта карточка) или набрать ноль, чтобы связаться с телефонисткой.

Гарденер предпочел второе.

— С праздником вас, с вами говорит Элейн, — прошептал голос в трубке. — Могу я узнать, кто оплатит разговор?

— Вас также с праздником, Элейн, — ответил Гард. — Запишите разговор на счет Джима Гарденера.

— Хорошо, Джим.

— Всего хорошего, — внезапно он добавил: — Скажите ей, что звонит Гард.

Пока телефонистка соединяла его с номером Бобби, он любовался восходящим солнцем. Теперь оно стало еще краснее и вырисовывалось на фоне гонимых ветром облаков, как огромный сверкающий диск. Солнце и облака вызвали в его памяти еще один детский стишок: Вечером красное небо сулит моряку победу. Красное небо восхода — горе, беда, непогода.

Гард не разбирался в этих приметах, но знал, что вереницы облаков сулят дождь.

«Что-то слишком много поэзии для человека, доживающего свое последнее утро, — подумал он раздраженно, а затем: — Я разбуду тебя в эдакую рань, Бобби. Разбуду, но, обещаю тебе, это будет в последний раз».

Но Бобби не просыпалась. Телефон звонил, но трубку никто не снимал. Звонок... еще один... и еще.

— Этот номер не отвечает, — пояснила телефонистка на случай того, если он оглох или забылся на минуту-другую и поднес трубку не к уху, а к заднице.

— Вы хотите попробовать еще раз?

Быть может. Только, пожалуй, придется это сделать из лодки Харона, Элейн.

— Ну что ж, — ответил он. — Всего вам хорошего.

— Спасибо, Гард!

Он отодвинул трубку от уха и уставился на нее. В какой-то момент ее голос стал так похож на голос Бобби... чертовски похож...

Снова прижав трубку к уху, он крикнул «Как ты там...», уже потом осознав, что жизнерадостная Элейн успела отключиться.

Элейн. Элейн, а не Бобби. Но...

Она же назвала его Гард. Бобби была единственным человеком, кто...

Нет, не годится, сказал он себе. Ты же сам ей сказал, что Гард на проводе.

Именно так. Вполне здоровое объяснение.

И все же, почему ее голос прозвучал так похоже?

Гард повесил трубку. Он стоял посреди заправочной станции разутый, в мокрых носках, замызганная рубашка выбилась из брюк; солнце всходило, и его тень становилась все длиннее и длиннее. Где-то поблизости протарахтел одинокий мотоцикл.

Бобби в беде.

Ты пустишь это на самотек? Просто свинство, как сказала бы сама Бобби. Кто сказал тебе, что люди отлучаются из дома только на Рождество? Просто она вернулась в Ютику, отметить Четвертое число, только и всего.

Предположим, это так. Бобби вернулась в Ютику отметить праздник, и, насколько Гард мог предположить, выразить свое отношение к ядерному агрегату в Бэй Стейт. Сестрица Энн, по всей видимости, отмечает праздник, развешивая фонарики, извлеченные из запасов Бобби, и зажигая их.

Ну, чем черт не шутит, ее могли пригласить в качестве распорядителя парада — или парадным шерифом, ха, ха — в один из тех скотоводческих городков, о которых она пишет. Дедвуд, Абилен, Додж Сити и тому подобное. Что ж, делай, что можешь. И не бросай то, что начато.

Он уже устал спорить с самим собой, до смерти устал. Никаких аргументов, одно только ясно: Бобби в беде.

Это только отговорка, ты, сорочий подкидыш.

Неправда; Интуиция переродилась в твердую уверенность. Правда это, или нет, но внутренний голос продолжал настаивать, что Бобби попала в беду. Пока он размышлял над этим, его собственные злоключения отодвинулись на второй план. Как он сам сказал себе совсем недавно, океан никуда не денется.

— А может быть, она попалась Томминокерам? — вслух предположил он, и тут же рассмеялся испуганным, приглушенным, сдавленным смешком. Он теряет рассудок, ну, ну.

Глава 7 ПРИБЫТИЕ ГАРДЕНЕРА

1

ШШШШ...

Он не спускал глаз со своих лыж: две узкие прямые полоски коричневого дерева скользили по лыжне. Он смотрел на них только чтобы убедиться, что все идет как надо; не желая, однако выглядеть как новичок, впервые вставший на лыжи. Его почти загипнотизировала скорость, с которой он несся по ослепительно белому снежному склону. Он настолько увлекся созерцанием, что опомнился, только когда Анн-Мари закричала:

— Смотри же, Гард. Ты что, не видишь!

Словно луч прожектора разрезал тьму. Только сейчас он заметил, что впал в полузабытье, засмотревшись на лыжню.

Анн-Мари истошно кричала:

«Тормози! Гард! Тормози же!»

Непонятно, что означали ее крики: что ему надо просто падать, или нет? Бог мой, да так ноги можно сломать!

За несколько секунд, предшествовавших удару, он не уяснил себе, что события очень быстро принимают серьезный оборот.

Кое-как ему удалось съехать с левого края лыжни.

Меньше трех ярдов отделяло его от сосен и елей, вечнозеленые ветки которых гбились под толстым слоем снега. Он просто чудом не наскочил на большой валун, полузанесенный снегом. Все те простые вещи, которым научила его Анн-Мари и которые он запросто бы сделал в спокойной обстановке, выскочили у него из головы. По сути дела, он потерял соображение от страха, сковавшего и тело и мозг.

Он несся со скоростью... кажется, двадцать миль в час? Или тридцать? А, может быть, все сорок? Ледяной ветер хлестал его по лицу, а он неуклонно несся к заснеженной роще... Он сворачивал в сторону от рощи под углом, недостаточно большим, однако, чтобы уберечься от смертельного столкновения. Конечно, он удалялся от опасной лыжни, и если бы ему удалось остановиться, и остановиться быстро, он мог бы уцелеть.

Она снова что-то кричала, и он подумал: «Тормозить? Неужели она действительно так сказала? Это он-то, который едва стоит на лыжах, должен, по ее мнению, тормозить?»

Он пытался повернуть направо, однако его лыжи упорно придерживались выбранного курса.

Гарденер видел, как дерево, в которое ему предстояло врезаться (старая, шершавая сосна), неуклонно приближалось к нему. Ее ствол был обвязан красной тряпкой — предупреждение об опасности, которое оказалось бесполезным.

Он снова попытался свернуть, но совсем забыл, как это делается.

Казалось, он стоит на месте, а дерево несется навстречу; на всю жизнь он запомнил приближающийся к нему, как в замедленной съемке, ствол, опавшие шишки, усеявшие снег, потрескавшуюся кору с глазами от отвалившихся сучков, корявую ветку, на которую ему предстоит наткнуться, маленькое дупло, и, наконец, красную полосу — сигнал об опасности.

Только когда Анн-Мари снова закричала, он заметил, что заливается слезами.

ШШШШШШШШ...

2

— Эй, мистер? Мистер, с вами все в порядке?

Гарденер вскочил, как ошпаренный, озираясь по сторонам; он ждал, что боль нахлынет снова и сведет виски. Нет, боли не было. Его слегка качало от голода, но голова была ясная. Каким-то чудесным образом боль исчезла, пока он спал, — наверно, она исчезла уже тогда, когда ему снилась злосчастная вылазка на лыжах.

— Я в порядке, — проговорил он, осматриваясь. Голова закружилась, но, скорее, от истощения. Девушка, в обкромсанных джинсовых шортах, заливалась смехом. — Вы выбрали не очень удобное место для сна. Ничего удивительного в том, что вы бормотали и вскрикивали во сне.

Гарденер обнаружил себя в фургончике — и тут-то все стало на свои места.

— Бормотал и вскрикивал, вы говорите?

— Ага. И причем, очень беспокойно.

— Да, сон был не из приятных, — подтвердил Гард.

— Вот, попробуй-ка, — сказала девушка, протянув ему самокрутку с марихуаной. На клочке газеты была фотография старины Дика Никсона (в синем костюме, с пальцами, сложенными в его излюбленный знак «V» — победа).

— Гарантирует защиту от любых кошмаров, — торжественно добавила девушка.

Именно так мне говорили и про алкоголь, солнышко. Но это далеко не всегда соответствует истине. Можешь мне поверить.

Из вежливости он один раз легонько затянулся, в голове снова все поплыло. Взглянув на примостившуюся у двери вагона девушку, он попросил:

— Вы знаете, я бы предпочел что-нибудь съесть.

— Возьмите коробку сухого печенья, — отозвался водитель, повернувшись к Гарду. — Все остальное мы уже съели. Бивер слопал даже засохший чернослив. Очень жаль.

— Бивер съест все, что угодно, — отозвалась девушка в обрезанных шортах.

В разговор вмешался ребенок, примостившийся на откидном сидении. Теперь Гард смог его рассмотреть: упитанный мальчонка с розовой пухлой мордашкой.

— Неправда, — заявил он. — Неправда. А вот и нет; я ведь никогда не съедал свою маму.

Все, включая Гарденера, расхохотались. Немножко отдышавшись, он сказал:

— Сойдет и печенье. Тоже неплохо.

И действительно крекеры были что надо. Осторожно и тщательно он прожевывал первый, сомневаясь, примет ли желудок пищу. Нет, не тошнит. И тут он принялся наворачивать крекеры целыми горстями, отправляя их в урчащий желудок.

Когда он ел в последний раз? Бог его знает. Все воспоминания о восьми днях запоя стерлись из памяти. По опыту он знал, что, ударившись в запой, он почти ничего не ест, и частенько все съеденное идет не в прок. Как, например, та пицца, которую он ел, пытался есть, в тот судьбоносный вечер 1980 года. В тот самый вечер, когда он прострелил Норе щеку.

— Ты мог повредить один или оба зрительных нерва! — орал на него адвокат Нору. — Частичная или полная слепота! Паралич! Смерть! Вот что могла наделать пуля, выбившая зуб и прошедшая навывлет!! Только одна пуля! И нечего здесь сидеть и притворяться, будто ты и не собирался убить ее. Чего еще можно ожидать, стреляя человеку в голову?

Снова навалилась депрессия — черная необъятная туча, окружившая его со всех сторон. Лучше покончить с собой, Гард. Нечего откладывать.

Бобби в беде.

Ну что ж, может быть. Но помощь от такого типа, как ты, равноценна подливанию масла в огонь.

Заткнись.

Ты теряешь время, Гард. Просто трусишь. Ты уже выгорел дотла, как сказал бы тот парень на пляже.

— Вы уверены, что хорошо себя чувствуете? — спросила девушка. Довольно интересная — огненно-рыжая, коротко острижена, ну, и ноги растут чуть ли не от плеч.

— Ничего — ответил Гард. — А что, я неважно выгляжу?

— Минуту назад — просто ужасно, — подтвердила она довольно нерешительно. Это вызвало у него улыбку — не то, что она сказала, а то, как это было сказано: до нелепого торжественно и обеспокоенно. Она улыбнулась в ответ, по-видимому, у нее отлегло на сердце.

Взглянув в окно, он сделал вывод, что они направляются на север и находятся где-то на тридцать шестой миле; не мог же он проспять столько. Постепенно начали всплывать события двухчасовой давности... Он пытается дозвониться Бобби и смотрит на вереницы облаков, предвещающих дождь, до этого он блуждал в темноте; кажется, его поколотили...

Повесив телефонную трубку, он снял носки, бросил их в мусорный контейнер и двинулся по шоссе в северном направлении. Он шагал босиком по обочине, с сумкой в одной руке, выставив другую руку с оттопыренным большим пальцем.

Минут через двадцать появился фургон — довольно новый «Додж» с пестрыми надписями. Пара электрогитар, с грифами, изогнутыми, как лебединые шеи, украшала одну из стенок кузова, пояснительная надпись на котором позволяла предположить, что в фургоне едет группа Эдди Паркера. Фургон притормозил, и Гард забрался в кузов; задыхаясь, он втащил и сумку. Тут-то, добела раскаленная боль вступила в левый висок. Даже несмотря на боль, его позабавила табличка, прибитая к двери: *Когда сам Эдди играет рок, стук в его дверь не пойдет вам впрок.*

И вот, сидя на полу, стараясь не делать резких движений и не впасть в забытье, Гарденер увидел, что они подъезжают к переезду Олд Орчард. Почти одновременно первые дождевые капли забарабанили по стеклу.

— Слушай, парень, — сказал Эдди, поворачиваясь, — Мне что-то не хочется бросать тебя в такой момент. Сейчас польет, как из ведра, а на тебе даже обуви нет.

— Перебьюсь.

— Вы и выглядите неважно, — сочувственно подметила девушка в шортах.

Эдди снял шляпу, («НЕ ВИНИ МЕНЯ; Я ГОЛОСОВАЛ ЗА ДУШКУ-ГОВАРДА», — написано на тулье) и протянул ее Гарду: «Возьми себе, парень». Порывшись в карманах, Эдди выудил бумажник.

— Не нужно! Спасибо, конечно, но я не возьму! — Гард почувствовал горячие струйки крови, хлынувшей из носа. Не от смущения, а, скорее, от невыносимого стыда. Что-то, глубоко запрятанное в его душе, было задето за живое. Это было, как ему пришло в голову, последней каплей. Звучит мелодраматично, но верно. Это-то и ужасно. Ну что ж, подумал Гард. Всю свою жизнь твердил людям о разбитом сердце, полном провале и так далее... надо же хоть раз почувствовать на своей шкуре что-нибудь подобное. Так вот оно как. Джеймс Эрик Гарденер, собиравшийся стать мессией своего поколения, получает милостыню от странствующих музыкантов.

— Да правда же... не надо.

Эдди Паркер пропустил возражения мимо ушей. В шляпе уже покоились горсть монет и несколько долларовых банкнот. В свою очередь, Бивер опустил туда пару четвертаков.

— Слушайте, — надрывался Гарденер. — Я, конечно, очень ценю все это, но...

— Ну, ну, Бивер, — увещевал того Эдди, — не жадничай, Скрудж.

— Честное слово, у меня есть друзья в Портленде, я запросто могу им позвонить... Думаю, я забыл чековую книжку у одного приятеля в Фалмуте, — сбивчиво втолковывал им Гарденер.

— Би-ивер-Скрудж, — принялась дразниться девица в шортах. — Би-ивер-Скрудж, Би-ивер-Скрудж! —

Остальные подхватили, и не унимались до тех пор пока Бивер, прыская и блестя глазами, доставал еще четвертак и Нью-Йоркский лотерейный билет.

— Пожалуй, раскошелюсь, — важно заметил он, — а не то тебе придется нищенствовать. Музыканты и девица в шортах покатились со смеху. Смиренно глядя на Гарда, словно говоря: Видишь, с кем мне приходится иметь дело? Ты бы это выдержал? Бивер протянул ему шляпу, Гарду пришлось взять ее; иначе, мелочь просыпалась бы на пол.

— Честное слово, — Гард пытался всучить шляпу обратно, — я в полном порядке.

— Не совсем, — сказал Эдди Паркер. — Хватит препираться, говори дело.

— Полагаю, надо сказать спасибо. В данном случае, это единственно верное решение.

— Кстати говоря, ты урвал не так уж много из наших доходов, — пояснил Эдди. — Тебе тут хватит на первый случай: купи себе поесть, ну и пару резиновых шлепанцев.

Девица открыла дверь фургона:

— Ну, бывай, — он не успел даже ответить, как она дружески чмокнула его своим ярким, влажным ртом. — Удачи тебе, недотепа.

— Выкручусь, не беспокойся, — в последний момент он благодарно обнял ее. — Спасибо. Спасибо за все.

Гард стоял под усиливающимся дождем на обочине шоссе, провожая глазами фургон. Девушка махала рукой. Серая лента шоссе уносила фургон все дальше и дальше... Гард еще раз махнул рукой, на тот случай, если они еще смотрят на него. По щекам текли слезы, смешиваясь с дождем.

3

Гард так и не воспользовался возможностью купить резиновые шлепанцы, но зато он добрался до Хэвена еще до темноты; хотя он собрал всю свою волю в кулак, он был не в силах добрести оставшиеся десять с небольшим миль до дома Бобби. По логике, автомобилисты должны охотнее подбирать пешеходов, мокнувших под дождем, но в жизни они предпочитают проезжать мимо. Да и кому нужен промокший незнакомец на чистом и сухом сиденье?

И все же напротив ветеринарной клиники Гарда подобрал один фермер, всю дорогу ругавший правительство. Он посадил его около китайского городка. Гард протопал еще пару миль, пытаясь голосовать; покуда он размышлял, действительно ли его ноги превратились в лед, или это только ему так кажется, дверца машины распахнулась перед ним.

Гарденер бросился в машину так быстро, как только мог. Затхлый запах овечьей шерсти и пота ударил ему в нос... Зато там было тепло.

— Спасибо.

— Не стоит, — отозвался водитель. — Меня зовут Фриман Мосс. — Гард благодарно пожал протянутую руку, прикинув, что даже не предполагал встретить такого человека в ближайшем будущем и при столь неблагоприятных обстоятельствах.

— Джим Гарденер. Еще раз спасибо.

— Пристегнитесь, — хмыкнул Фриман Мосс и дал газ. Они выехали на середину шоссе, набирая скорость. Гарденер довольно безразлично констатировал факт, что его трясет озноб. Затасканное выражение — зуб на зуб не попадает; только теперь Гард доподлинно постиг его смысл. Зубы клацали, выбивая чечетку.

Мосс притормозил на обочине:

— У вас свежемороженый вид, приятель. Кстати, есть полтермоса кофе, остался от обеда... Будете?

Гарденер с благодарностью согласился. Кофе был горячий, крепкий и щедро подслащенный. Он также не отказался от сигареты, предложенной водителем; и, хотя дым зверски щипал горло, Гард глубоко затягивался, не скрывая удовольствия. Принятые меры позволили ему слегка воспрянуть духом.

В четверть седьмого Мосс высадил Гарда прямо перед Хэвеном. Дождь прошел, и, мало-помалу, небо на западе прояснилось.

— Что ж, Бог сподобил нас увидеть еще один закат, — сказал Фриман Мосс. — Я бы с удовольствием предложил вам что-нибудь обуть — обычно я вожу старую пару на заднем сиденьи, но сегодня так лило, что я одел только резиновые сапоги.

— Спасибо, со мной все в порядке. Меньше чем в миле отсюда живет мой друг, — на самом деле до дома Бобби было еще три мили, но он сказал так, потому что Мосс и так сделал для него все, что мог. Гард обессилел, его лихорадило, одежда оставалась мокрой, даже после сорокапятиминутного пребывания в теплой, сухой машине... однако, на сегодня с него хватит милосердных самаритян. А то, в своем теперешнем состоянии, он запросто свихнется.

— О'кей. Желаю удачи.

— Спасибо.

Он выбрался из машины и, покачиваясь, побрел.

Вот уже скрылся за горизонтом мистер Мосс в его доисторическом экипаже, а Гард все еще стоял на обочине, с промокшей сумкой в одной руке, босыми ногами, белыми, как храмовые лотосы Индии, в насквозь мокрой рубашке и брюках, уляпанных грязью; стоял и смотрел на указатель, сообщавший, где находится искомый дом. Роберт Фрост говаривал: «Дом — это место, где нас принимают, когда приходим мы». К счастью, он не упускает из виду, что дома-то у него нет. Самое худшее, что можно сделать, это вообразить, что дом твоего друга — твой дом, особенно если этот друг — женщина, с которой, случалось, ты делил ложе.

Дома нет, нет и все тут: но, главное, он в Хэвене.

Он двинулся к дому Бобби.

4

Пятнадцать минут спустя, когда небо на западе окончательно прояснилось и заходящее солнце окрасило размокшую землю розоватыми лучами, случилось нечто потрясающее: пронесся целый вихрь музыки, громкой и отчетливой в голове Гарда.

Он стоял, созерцая мокрые леса и пашни, которым лучи заходящего солнца придавали нечто торжественное, наводя на мысль о

закатах в библейском эпосе де Милля. Здесь, где начиналось девятое шоссэ, открывался величественный и строгий в своей красоте вид на запад, напоминавший, в лучах вечернего солнца, пасторальные пейзажи Старой Англии... Все окружающее, омытое обильным дождем, блестело, переливалось яркими цветами, казалось наполненным особой значимостью и вселенским смыслом всего сущего, так незабываемо переданным на полотнах да Винчи. Гард с радостью подумал о том, что не совершил самоубийства — не потому, что это было бы опрометчивым шагом; и не из-за каких-то творческих планов, а просто потому, что в противном случае он упустил бы момент красоты и совершенства. Стоя босиком, обессиленный, больной, дрожащий от озноба, он по-детски непосредственно восторгался.

С последними лучами заката на землю словно спустились тишина и покой. Никаких признаков техники или промышленности. Кое-где виднеется жилье: большие красные амбары около белых фермерских домиков, вспаханные поля, может быть, одна-две машины; и все.

Свет. Это свет так действует на него.

Необыкновенно умиротворяющий, старый, как мир, и насыщенный солнечный свет лился почти горизонтально через застывшие без движения облака, словно говоря о том, что этот длинный, утомительный и полный переживаний день подходит к концу. Этот древний свет, казалось, отрицал само Время, и Гарденер ожидал, что услышит звуки рога, объявляющие: «Все созданы». Затем лай собак, лошадиное ржание, и в этот момент музыка, современная дребезжащая музыка, волной пронеслась в его голове, сметая все мысли. Его руки сжали виски, стараясь отогнать это наваждение. Какофония длилась около пяти секунд, ну, может быть, секунд десять, и то, что он услышал потом, было вполне узнаваемо: доктор Хук напевал «Детка выводит мотив».

Напев негромкий, но достаточно ясный — как если бы он слушал маленький транзистор вроде тех, которые обычно брали на пляж, до того как панк-рок группы типа «Вокмен» и «Гетто-Бластеры» заполонили весь мир. Мотив приходил не извне, а так, словно он раздавался в голове Гарда... примерно там, где врачи заделали дыру в черепе металлической пластинкой.

*Королева птиц ночных
И поет во тьме ночной,
В песне смысл особый скрыт,
В ней молчание звучит,
Ну, а детка все выводит
Свой мотивчик голубой.*

Звуки доносились с почти нереальной отчетливостью. Это случилось и раньше. Однажды, в его голове заиграла музыка после того, как его дернуло током — а не был ли он тогда пьян? Дорогой мой, разве собаки писают в пожарный шланг?

Он сделал вывод, что подобные музыкальные феномены не были галлюцинациями в прямом смысле слова — люди ведь принимают радиоволны посредством зубных пломб, металлических оправ своих очков... В 1957 году одно семейство из Шарлотты, Южная Каролина, принимало трансляции классической музыки, передаваемой радиостанцией во Флориде. Это продолжалось неделю-полторы. Сначала звуки исходили от стеклянного кувшина в ванной комнате. Затем все стеклянные емкости в доме зазвучали на разные лады. До того, как все это закончилось, их дом наполнился симфониями, звучащими из стеклянной посуды. Так они без перерыва слушали Баха или Бетховена; музыка прерывалась только сообщениями точного времени. В конце концов десятки скрипок взяли долгую высокую ноту, и вся стеклянная посуда в доме потрескалась; на этом феномен прекратился.

Так что, Гарденер знал, что он не единственный, следовательно, он не сумасшедший — однако, все это несколько давит на нервы, правда, музыка не звучит так оглушительно, как в тот раз.

Песенка доктора Хука прекратилась так же быстро, как и началась. Гарденер терпеливо ждал, не возобновиться ли она. Нет. Вместо этого еще громче и настойчивее, чем раньше, раздавалось снова и снова: «Бобби в беде!»

Он отвел глаза от заманчивого ландшафта и зашагал по девятой дороге. Хотя он выбился из сил и его лихорадило, он шагал очень быстро — потом перешел на бег.

5

Когда Гард добрался до Бобби, было уже полвосьмого. Гард, задыхаясь, свернул с дороги; его раскрасневшееся лицо носило все признаки лихорадки. Дверь была слегка приоткрыта: и Бобби, и почтальон Полсон специально оставляли ее полуоткрытой, чтобы не открывать и закрывать дверь за Питером. В нескольких шагах припаркован голубой пикап Бобби. Откидной верх был поднят, чтобы дождь не залил сиденья. А вот и сам дом; свет горит в восточном окошке, у которого Бобби обычно сидит в качалке с книжкой.

Все выглядело вполне безмятежно; ничего тревожного. Лет пять назад — даже три года назад — Питер ознаменовывал приезд бы

любого незнакомца громким лаем, но теперь Питер состарился. Черт возьми, они все не молодеют.

Стоя напротив спокойного, уютного домика и умиротворенный пасторальной прелестью заката, Гарденер предположил, что сам же выдумал все опасности, грозящие Бобби. А может быть, настроение зависти от обстановки. Конечно же, нет ничего тревожного. Чувствуется, что перед ним жилье человека, находящегося в согласии с собой. Который, может быть, не пытается перевернуть мир, а делает свое дело. Дом рассудительной, относительно счастливой женщины. Похоже, в этом доме не бушуют страсти.

И все же что-то не так.

Он замер на месте, вглядываясь в сумерки.

(Но я ведь не чужак, а друг Бобби... Разве нет?)

Внезапно мороз пробежал по коже: бежать.

Взобраться на холм, и по дороге — куда глаза глядят. Потом он усомнился, что же он, собственно, рассчитывал увидеть; вполне возможно, беда именно в доме, что-то случилось с самой Бобби...

(Томминокеры, Гард, кажется, это связано с ними)

Его передернуло.

(Нынче ночью, верь не верь, Томминокер, Томминокер стукнул Бобби в дверь. Я хотел бы выйти)

Прекрати.

(но я не смею, Гард боится их там, за закрытой дверью)

Он облизал губы, пытаясь убедить себя, что в горле пересохло именно от лихорадки.

Берегись, Гард! Кровь на луне!

Страх все усиливался, и если бы не намерение спасти Бобби — своего единственного друга, — он бы бросился отсюда бегом. Ферма выглядела такой мирной и уютной, свет, льющийся из окошка, манил внутрь, все выглядело так хорошо... если бы не стены и стекла, асфальт шоссе и даже сам воздух не источали ужас и опасность... Казалось, они уговаривали его бежать, предупреждали, что что-то страшное происходит внутри дома, очень страшное, возможно, даже злобное и смертельно опасное.

(Томминокеры).

Но ведь и Бобби там. Неужто он прошагал весь этот путь, через грязь, дождь, усталость, чтобы убежать с порога? Плевать на весь этот бред! И Гард на цыпочках двинулся к дому.

Когда входная дверь открылась, сердце Гарда чуть не выскочило из груди; он подумал: это, должно быть, один из них, Томминокер; сейчас набросится на меня, втащит в дом и загрызет! Он чуть было не закричал.

Силуэт, появившийся в дверях, был слишком уж тонок, чтобы принадлежать Бобби Андерсон, которая никогда не была костлявой, она была вполне округлой, там, где это требовалось. Но дрожащий голос несомненно принадлежал Бобби... Гарденер слегка успокоился, потому что Бобби, казалось, была еще более напугана, чем он.

— Кто это? Кто здесь?

— Это я, Гард, Бобби.

Долгая пауза.

Недоверчиво:

— Гард? Это правда ты?

— Я, я, — он бросился к ней, спотыкаясь о гравий. Он задал вопрос, давно вертевшийся на языке, вопрос, из-за которого он не свел счеты с жизнью: — Бобби, с тобой все в порядке?

У нее перехватило горло, и Гард не мог ее толком разглядеть (густая тень окутывала крыльцо). Ему бросилось в глаза отсутствие Питера.

— Более-менее, — отозвалась Бобби, несмотря на то, что она невероятно похудела и голос дрожал от страха.

Она сошла по ступенькам, и тут-то Гард смог рассмотреть ее. С первого взгляда было заметно, что она похудела буквально вдвое. Это потрясло Гарда; дурные предчувствия снова зашевелились в нем.

Стоящая перед ним Бобби была несомненно рада ему. Но... Джинсы и рубашка висели на ней, как на вешалке; лицо осунулось, появились темные тени вокруг глаз; лоб стал больше, кожа побледнела и потеряла упругость. Ее непокорные волосы уныло висели вдоль щек и липли к шее, как мокрые водоросли. Рубашка застегнута не на те пуговицы. Молния на джинсах разошлась наполовину. Похоже, она давно не мылась... словно, если бы с ней случился провал памяти, и она забывала делать самые привычные вещи.

Внезапно в памяти Гарда всплыл портрет Карин Карпентер, сделанный незадолго до ее смерти, вызванной нервным истощением. Похоже на женщину, которая должна была уже умереть, но все еще жива, женщину с широкой удыбкой и безумными глазами. Именно так Бобби и выглядела.

Кажется, она потеряла не менее двадцати фунтов — похоже, что больше ей терять нечего: она и так чудом держалась на ногах; впрочем, Гард предположил даже, что все тридцать фунтов, судя по тому, как она выглядит.

Она дошла до предельного истощения. Ее глаза, подобно глазам бедной потерянной женщины с магазинной обертки, стали огромными и блестящими, а ее улыбка казалась лишенной смысла.

— Замечательно, — произнес грязный, покачивающийся скелет; Гард снова услышал дрожь в ее голосе — не от страха, а от истощения. — Подумать только, ты приехал. Я рада!

— Бобби... Бобби, Боже милосердный, что с тобой...

Бобби подала ему руку. Гард увидел тонкую, полупрозрачную, костлявую кисть, дрожащую на весу.

— Я значительно продвинулась вперед, — произнесла Бобби прерывающимся голосом. — Боже, как много я сделала, но пойдем туда, пойдем, ты посмотришь.

— Бобби в чем...

— Со мной все в порядке, — твердила Бобби, пока не рухнула Гарду на руки в полуобморочном состоянии. Она пыталась сказать что-то еще, но только беззвучно шевелила губами. Поддерживая ее, он заметил, какой плоской и дряблой стала ее грудь.

Гард взял ее на руки, удивляясь, до чего же она стала легкой. Да, она потеряла, по меньшей мере, тридцать фунтов. Невероятно, но, к сожалению, так оно и есть. В голове шевельнулась невероятная догадка: это вовсе не Бобби. Это я сам. Дошел до предела.

Неся ее на руках, он осторожно поднялся по ступенькам и вошел в дом.

Глава 8 МЕТАМОРФОЗЫ

1

Он уложил Бобби на кушетку и бросился к телефону. Он снял трубку, набрал ноль и попросил телефонистку соединить с ближайшим реанимационным отделением. Бобби нужно доставить в клинику Дерри, и прямо сейчас. Обморок, как предполагал Гарденер (хотя, по правде сказать, он был слишком утомлен и испуган, чтобы соображать). Что-то вроде нервного срыва. Кажется, Бобби не из тех, с кем это может случиться, но это так.

Бобби что-то проговорила. Сначала Гарденер не понял; ведь ее голос был не громче шепота.

— Что Бобби?

— Не надо звонить, — повторила Бобби. Она немного набралась сил за это время, но это маленькое усилие утомило ее. На бледном словно восковом лице горели, как в лихорадке, щеки, глаза стали

яркими и блестящими, как драгоценные камни — голубые бриллианты или сапфиры. — Нет... Гард, никому!

Она снова рухнула на кушетку. Гарденер повесил трубку и подошел к ней, совсем сбитый с толку. Одно ясно — Бобби нужен врач, и Гард его вызовет... но, именно сейчас, ее возбуждение казалось ему наиболее важным.

— Я здесь, с тобой, — сказал он, беря ее за руку, — если это тебя волнует. Ты тоже со мной Бог знает сколько возилась.

Андерсон покачала головой.

— Просто мне надо поспать, — прошептала она. — Поспать... и поесть завтра утром. Отоспаться. Не спала... три дня. Может, четыре...

Гарденер уставился на нее, не зная, что и думать. Он вспомнил как Бобби выглядит: нет повода сомневаться в ее словах.

— Что с тобой стряслось?

И почему? — добавил он про себя. — Снотворное? Колеса?

Он отбросил это предположение. Несомненно, Бобби могла без колебаний воспользоваться ими, если бы сочла нужным, но Гарденер прикинул, что даже после трех-четырехдневного голодания человек не тощает на тридцать фунтов. Итак, в последний раз они виделись три недели назад...

— Нет-нет, — сказала Бобби, — никаких наркотиков.

Глаза широко раскрыты и блестят. В уголке рта выступила слюна, и она судорожно глотнула. Внезапно Гарденеру показалось, что он уже где-то видел такое же выражение лица... Тогда оно слегка напугало его. Выражение лица точь-в-точь как у Энн. Состарившееся и беспомощное. Когда Бобби закрыла глаза, он отметил, как покраснели ее веки — признак полного истощения. Затем она снова открыла глаза и стала прежней Бобби... только совершенно беспомощной.

— Я тут собирался вызвать врача, — сказал Гард, потянувшись к телефону. — Ты ужасно выглядишь, Бо.

Тонкая, костлявая рука Бобби вцепилась в его запястье. Она сжала его руку с удивительной силой. Он присмотрелся к Бобби, и хотя она до сих пор выглядела ужасно истощенной и смертельно усталой, но лихорадочный блеск вернулся в ее глаза. Взгляд снова стал пристальным, ясным и разумным.

— Если ты позвонишь кому-нибудь, — проговорила она почти обычным, только слегка дрожащим голосом, — наша дружба на этом закончится, Гард. Я сдержу свое слово. Вызывай скорую помощь, клинику Дерри или хотя бы старого доктора Ворвика из города, и это будет концом наших отношений. Ты больше никогда не переступишь порог моего дома. Эта дверь закроется для тебя.

Гард уставился на Бобби с недоумением и ужасом. В какой-то момент он предположил, что она тронулась умом, он с радостью с этим согласился бы... но она была в здравом уме.

— Бобби, ты... Ты понимаешь, что говоришь?

Она понимала вполне; в этом то и был весь ужас. Она угрожала прекратить их дружбу, если Гарденер не сделает так, как она хочет, она впервые прибегала к такому способу давления на него. Что-то новое появилось в глазах Бобби Андерсон: кажется, сознание того, что их дружба — последнее, что представляет для него ценность в этой жизни.

Изменится ли что-нибудь, если я скажу тебе, как сильно ты стала похожа на свою сестру, Бобби?

Нет, — по ее лицу он видел, что уже ничто не способно изменить ее мнение.

— Ты не представляешь, как плохо ты выглядишь, — закончил он.

— Да, — согласилась Бобби, и тень улыбки показалась на ее губах. — Хотя, могу предположить, поверь уж мне. Твое лицо... лучше любого зеркала. Но, Гард, сон это все, что мне нужно. Сон и...

Глаза снова закрылись, но Бобби приподняла веки с видимым усилием.

— Завтрак, — договорила она, — сон и завтрак.

— Бобби, это далеко не все, что тебе нужно.

— Нет, все, — ее рука не выпускала запястье Гарденера, теперь она снова сжалась. — А еще, мне нужен ты. Слышишь? Я тебя звала...

— Да, — неловко подтвердил Гарденер, — я догадывался.

— Гард... — голос Бобби прервался. В голове у Гарденера все перемешалось. Бобби нужна медицинская помощь... но она сказала, что на этом кончится их дружба...

Она мягко прикоснулась губами к его грязной ладони. Он просто растерялся и уставился вопросительно в ее огромные глаза. Лихорадочный блеск исчез; теперь в них появилось умоляющее выражение.

— Подожди до завтра, — попросила Бобби, — если я к утру не поправлюсь... мне станет значительно лучше. Так ведь?

— Бобби...

— Хорошо? — она сжала его руку, требуя согласия.

— Ну... я подумую...

— Обещай.

— Обещаю.

Может быть, — мысленно добавил Гарденер. — Только если ты вскочишь на ноги и пустишься вскачь. Только если я встану ночью

посмотреть на тебя и увижу, что твои губы яркие, как будто ты ела чернику. Если только ты снова будешь на ногах.

Глупо. Рискованно, трусливо... но мир вообще держится на глупостях. Он вырвался из безжалостного черного урагана, убеждавшего его, что покончить с собой — наилучший выход из того тупика, куда завели его слабость и ничтожность, и уверявшего, что слабость и ничтожность совершенно не свойственны другим людям. Он уже было поддался этому; поверил, что так оно и есть. Еще один шаг — и он бы оказался в темной, холодной воде. Его спасло убеждение, что Бобби в беде (*Я звала тебя, и ты слышал, правда?*), и теперь он здесь. А теперь, дамы и господа, казалось, он слышит голос Аллена Лиддена, с его характерной интонацией ведущего конкурсов и викторин, самый сложный вопрос. Десять очков, если сможете ответить, почему Джима Гарденера так беспокоит угроза Бобби Андерсон прекратить их дружбу, если Гарденер сам решил покончить жизнь самоубийством? Почему? Никто не знает? Да, удивительно! Впрочем, я тоже не знаю!

— Хорошо, — сказала Бобби. — Большое спасибо.

То возбуждение, которое, казалось, заглохло ее изнутри еще минуту назад, сменилось утомлением. Правда, дыхание участилось, и на щеках проступил румянец. По крайней мере, обещание хоть чего-нибудь да стоило.

— Спи, Бобби, — он внимательно следил за всеми переменами в ней. Он очень устал, но можно ведь взбодриться кофе (надо бы сделать пару чашек из запасов Бобби; у нее где-то есть — она угощала его несколько раз, когда он заходил в гости). Теперь он дежурит у постели Бобби. А сколько ночей она провела, присматривая за ним... — Теперь спи, — он мягко высвободил запястье из ее пальцев.

Она медленно подняла веки. Улыбнулась, да так сладостно, что он как бы снова влюбился в нее. Да, она имела над ним определенную власть.

— Совсем... как в старые добрые времена, Гард.

— Да, Бобби. Как в старые добрые времена.

— Люблю тебя.

— И я тебя тоже. Спи.

Она глубоко вздохнула. Гард целых пять минут не мог отойти от нее, любуясь этой улыбкой мадонны; наконец, он решил, что она спит. Однако Бобби снова подняла веки.

— Невероятно, — прошептала она.

— Что? — Гарденер подался вперед. Он сомневался, правильно ли он расслышал.

— То, что оно... то, что оно может делать... то, что оно еще сделает...

Она разговаривает во сне, решил Гарденер, однако встревожился. Властное выражение снова появилось на ее лице. Вернее, не на самом лице, а где-то внутри нее, где-то под кожей.

— Ты должен найти это... Думаю, это как раз для тебя...

— Найти что?

— Посмотри в саду, — ее голос прерывался, — ты заметишь. Мы закончим копать вместе. Увидишь, это решит... все проблемы...

Гарденер склонился над ней:

— Что именно, Бобби?

— Сам увидишь, — повторила Бобби и заснула, едва договорив до конца.

2

Гарденер снова двинулся к телефону. Занято. Он попробовал снова, но на полпути передумал; вместо этого он подошел к креслу-качалке. Сначала надо бы осмотреться, подумал он. Осмотреться и попробовать решить, что надо делать и что все это значит.

Сглотнув, он почувствовал боль в горле. Его лихорадило, и, как он подозревал, болезнь уже делала свое дело. Это было уже не просто недомогание; он просто валился с ног.

Невероятно... что это... что оно может сделать...

Он сидел в кресле и размышлял. Надо бы выпить горячего крепкого кофе и принять полдюжины таблеток аспирина. Сбить температуру, на какое-то время снимет озноб и головную боль. Может быть, перестанет клонить в сон.

...Что оно еще сделает...

Гард закрыл глаза, пытаясь разобраться в своих мыслях. Надо собраться с мыслями, вот только бы не заснуть; ему, впрочем, никогда не удавалось заснуть сидя... Сейчас самое время появиться Питеру; пришел бы посмотреть на старого приятеля; как правило, пес вскакивал к Гарду на колени и лизал руки и лицо. Так было всегда. Питер никогда не изменял своим привычкам. Будь я проклят, если засну. Только пять минут, не больше. Нет вреда — нет вины...

Ты должен найти это. Думаю, это как раз для тебя, Гард...

Почти сразу дремота Гарденера перешла в сон, глубокий, как обморок.

ЩШШШШШШШШШ...

Он не спускал глаз со своих лыж: две узкие прямые полоски коричневого дерева скользнули по джунгли; огромная скорость, с которой он несся по снегу, почти загипнотизировала его. Он даже не осознавал, что впал в самогипноз, пока голос, прозвучавший слева, не сказал:

— Есть все-таки одна вещь, которую ты, ублюдок, никогда не удосуживался напомнить твоим дерьмовым коммунистам на анти-ядерных митингах: за все тридцать лет мирного развития атомной промышленности не было ни одного прокола.

На Теде был свитер грубой вязки и поношенные джинсы. Зависть берет, когда смотришь, как непринужденно и легко он скользит на лыжах. Гарденер, напротив, еле ковылял.

— Сейчас врежешься, — сказал голос справа. Гард оглянулся и увидел Трептрепла. Трептрепл, похоже, начинал разлагаться. Его жирная физиономия, всегда багровевшая от выпивки к концу застолья, теперь обрела оттенок желтовато-серых занавесок, висящих на грязном окне. Мясо начинало отделяться от костей, обвисать; кожа потрескалась. Трептрепл отдавал себе отчет, какое жуткое впечатление он производил на Гарденера. Затронутые тлением губы расплзлись в улыбке.

— Так вот, — сказал он, — я, между прочим, умер. И умер, действительно, от сердечного приступа. Несварение здесь ни при чем; желчный пузырь — тоже. Меня прихватило минут через пять после твоего ухода. Вызвали скорую, и санитарам кое-как удалось снова запустить мое сердце. Правда, я все равно отдал концы по дороге в клинику.

Его улыбка стала чем-то напоминать широко раскрытый рот дохлой форели, валяющейся на берегу отравленного озера.

— Я умер, ожидая светофора на Сторроу Драйв, — пояснил Трептрепл.

— Нет, — прошептал Гарденер. Это... Это как раз то, чего он всегда боялся. Вот он — заключительный неотвратимый результат пьянства.

— Да, — настаивал покойник, в то время как они неслись вниз по холму, стремительно приближаясь к деревьям. — Я позвал тебя в гости, напоил и накормил, а ты отплатил за это, убив меня в пьяном споре.

— Пожалуйста... я...

— Что ты? Что ты? — раздалось слева. Пестрые олени на свитере Теда исчезли. Вместо них появились желтые символы — предупреждение о радиоактивном заражении. — Ты ничто, вот что ты! Интересно, что же думают ваши современные луддиты о том, куда деваются все радиоактивные выбросы?

— Ты меня убил, — бубнил Трепл справа, — но ты за все заплатишь. Ты врежешься и разобьешься, Гарденер.

— Ты думаешь, что мы это подцепили в стране Оз? — застонал Тед. Внезапно мокнувшие язвы покрыли его лицо. Губы растрескались, вспухли и начали гноиться. Один глаз затянула молочная пленка катаракты. С нарастающим ужасом Гарденер замечал все симптомы последней стадии лучевой болезни.

Желтый рисунок на свитере Теда почернел.

— Ты разобьешься, можешь мне поверить, — угрожал Трептрепл, — разобьешься насмерть.

Гарденер закричал от ужаса; закричал совсем как тогда, когда стрелял в свою жену. Незабываемый оглушительный выстрел... Затем он видел, как Нора медленно заваливается на разделочный столик, прижимая руку к щеке, жестом, выражающим крайнее удивление.

— Бог мой! Я никогда!.. — кровь хлынула сквозь пальцы; тогда-то он сделал отчаянную попытку убедить себя, что это всего лишь кетчуп. — Успокойся, это просто кетчуп. Потом он истошно завопил, так же, как и сейчас.

— Если уж мы затронули эту тему, твоя ответственность за все содеянное закончится на склоне этого холма; помнишь, где ты катался, — кожа на лице Теда трескалась и отваливалась. Волосы выпадали в считанные секунды. Постепенно рот расходился в такой же, как у Трепла, оскал. Теперь, когда ужас дошел до предела, Гарденер заметил, что его лыжи несутся по склону независимо от его желания.

— Ты же знаешь, что тебе не остановить нас. Это никому не удавалось; и не удастся. Как видишь, ядерное оружие тоже вышло из-под контроля. Еще давно... да, где-то с 1939-го, если я не запамятовал. Мы достигли критического объема к 1965-му. Процесс пошел. Скоро все взорвется.

— Нет... Нет...

— Ты высоко поднялся, но чем выше поднимаешься, тем больше падать, — поучал Трепл. — Убийство того, кто тебя принял в своем доме, — худшее из убийств. И теперь ты разобьешься... Разобьешься!..

Как это верно! Он пытается свернуть, но лыжи упрямо несутся к деревьям. Теперь он снова увидел старую корявую сосну. Тед и

Трептрепл исчезли; его осенило: а что если они и есть Томминокеры, Бобби?

Перед его глазами снова оказалась красная полоска, пересекающая шершавую кору... все ближе, ближе. Он беспомощно несется прямо к дереву... мало-помалу он осознал, что дерево оживает и стремится поглотить его. Остальные деревья, казалось, расступались перед ним, давая дорогу; теперь красная полоска превращалась в контур губной помады, окаймляющий черную, бездонную, гнилую пасть; казалось, он слышал, как завывает ветер, там — внутри, и

4

в этот самый момент он не проснулся, как того следовало ожидать — принято считать, что даже наиболее невероятные сны воспринимаются как реальность, они имеют даже свою потустороннюю логику; однако этот сон был нереален, не мог быть реальным. Просто, на его место пришел другой сон. Так часто случается.

На сей раз ему снилась его старая лыжная передряга — второй раз за день, можете себе представить? Только на этот раз, дерево, в которое он должен был врезаться, превратилось в огромную пасть, намеревавшуюся поглотить его. Он проснулся в старом кресле-качалке, слишком измученный, чтобы заметить, что его горло настолько воспалилось, что, казалось, его натерли наждаком.

Гарденер вспомнил: «Вроде бы я собирался сварить кофе и принять аспирин. Почему я не сделал это?» Он хотел встать, но тут Бобби открыла глаза. Должно быть, он еще спит, иначе чем же объяснить зеленоватое свечение, льющееся из глаз Бобби. Гарду вспомнились рентгеновские лучи, исходящие из глаз Супермена в комиксах. Однако свет, льющийся из ее глаз, напоминал зеленоватые болотные огоньки; обычно так светятся светляки в гнилушках... Что-то не так, слишком уж похоже на огни Святого Эльма, возникающие на мачтах в жаркие, влажные ночи.

Бобби медленно села и осмотрелась... перевела взгляд на Гарденера. Он чуть было не сказал ей: «Пожалуйста, не свети на меня».

Не вымолвив ни слова, он уставился на свечение в глазах Бобби — в самом центре лучи зеленые, как изумруд, и яркие, как солнечный свет. Лучи слепили глаза; пришлось зажмуриться. Он попытался заслонить глаза рукой, но рука словно онемела. «Будет ожог, — решил он, — обязательно будет, в течение нескольких дней проявляются результаты облучения; сначала кажется, что это просто прыщи и что они скоро пройдут, но это первые признаки лучевой болезни, так что со временем они только прогрессируют...»

В его ушах снова раздался голос Трепла как отголосок прошлого сна, но теперь в его голосе звучало торжество: «Я ведь знал, что погибнешь, Гарденер!»

Свет коснулся его... словно омыл. Даже через зажмуренные веки он видел свет, казалось, даже темнота засветилась зеленым. Однако во сне мы не чувствуем боль; здесь ее тоже не было. Яркое зеленое свечение не было ни горячим, ни холодным. Вообще никаким. Кроме...

Горло.

Оно уже не болит.

Затем он услышал вполне ясно и разборчиво: «Снижены цены! Не упустите шанс! Кредит для всякого! Подлокотники! Надувные матрацы! Гостиная».

Снова эти загадочные голоса. Только ушли — и появились снова.

Например, как боль в горле.

И зеленый свет тоже исчез.

Гарденер открыл глаза... осторожно.

Бобби лежала на кушетке, глаза закрыты, крепко спит... Все так, как было. Так что же с зеленым свечением? Бог мой!

Он снова уселся в кресло. Сглотнул. Не больно. Лихорадка почти прошла.

Кофе и аспирин, решил Гарденер. Ты же собирался принять его, помнишь?

Да я уверен, что сидел в кресле, и только, подумал Гарденер, но ведь во сне-то никто не принимает кофе с аспирином. Я, наверно, принял это, когда проснулся.

Гард, ты спал.

Но этого не может быть. Наяву люди не видят зеленое свечение, излечивающее ангину и лихорадку. Во сне — да, наяву — нет.

Он скрестил руки на груди и снова задремал. Он и сам не знал — во сне или наяву он провел остаток ночи.

5

Когда Гарденер проснулся, яркий солнечный свет бил ему в лицо из распахнутого окна. Все тело жутко затекло, так что, встав на ноги, он застонал. Четверть девятого.

Он взглянул на Бобби, боясь увидеть, что она мертва. Однако она так глубоко и сладко спала, что действительно казалась мертвой. Кто угодно ошибся бы. Только грудь медленно поднималась и опускалась. Гарденер прикинул, что она делает не больше шести вдохов в минуту.

Правда, выглядела она лучше — незначительно, но все же лучше, чем та тень, что встретила его вчера вечером.

Сомневаюсь, буду ли я выглядеть лучше, подумал он и пошел в ванную комнату Бобби бриться.

Лицо, взглянувшее на него из зеркала, было испуганное, и он отметил с ужасом, что его нос кровоточит снова; немного, но вполне достаточно, чтобы залить верхнюю губу. Он отвернулся от буфета направо к раковине и открыл кран с горячей водой.

По многолетней привычке он подставил лицо под воду. В этой колонке вода всегда грелась так долго, что перед умыванием можно было успеть выпить чашку кофе и выкурить сигарету. И это было неплохо.

Ай!

Вскрикнув, он отдернул руку от воды.

Гарденер приблизил ошпаренную руку ко рту и смотрел, как вода вытекает из крана. Низко висящее на задней стенке комнаты зеркало уже запотело. Он отодвинулся, повернул ручку крана, заткнул раковину, налил немного горячей воды, добавил побольше холодной. Подушечка большого пальца левой руки немножко покраснела.

Он открыл шкафчик и перебрал вещи, пока не нашел бутылочку валиума с этикеткой, на которой стояла его собственная фамилия. Если состояние улучшается со временем, то это должно быть значительное улучшение, подумал он. Все еще полная. Что бы Бобби ни использовала, это наверняка было нечто противоположное валиуму.

Но этого он тоже не хотел. Ему нужно было то, что находилось за лекарством, если оно там было...

И — есть!

Он вытащил обоюдоострую бритву и пачку лезвий. И с грустью увидел слой пыли на бритве — она была здесь с тех пор, как он брился по утрам при Бобби. По крайней мере, хоть не выбросила, подумал он. Это было бы еще хуже, чем пыль.

Бритье улучшило его настроение. Он остановился на этом. Сконцентрировался, пока его мысли бежали своим чередом.

Он закончил, поставил позади валиума все принадлежности для бритья и вытерся. Затем он взглянул задумчиво на кран с красной шишечкой на конце и решил спуститься в подвал взглянуть, как она усовершенствовалась титан.

Он прошел на кухню, подумал, что действительно хорошо себя чувствует, особенно сейчас, когда боль в спине и шее от проведенной ночи в кресле-качалке у Бобби начала уходить. Мы, похоже, не из

тех ребят, что запросто засыпают сидя — он слегка усмехнулся над собой. Ты, пожалуй, лучше сечешь в кипятниках, дружок, так?

Но это были еще цветочки по сравнению со вчерашними насмешками над самим собой. Единственное, что он постоянно забывал в угаре похмелья и чудовищной депрессии после выпивки, было ощущение возрождения, которое приходило после. Вы могли проснуться однажды, понимая, что вы не запустили яда в систему ни вчера... ни неделю... ни даже целый месяц назад и чувствуете себя действительно хорошо.

То, чего он боялся — приступ гриппа или даже пневмонии, тоже ушла. Горло уже не болело, нос не заложен, нет лихорадки.

Одному Богу было известно, что он был отличной мишенью для инфекции, после того как он восемь дней беспробудно пил и провел ночь в жутких условиях и наконец прихрамал обратно в Мэн босиком в шторм. Но все это прошло за ночь. Иногда и Бог был благосклонным.

Он помедлил посреди кухни. Его улыбка медленно сползла, и появилось мгновенное чувство легкого беспокойства — вернулись фрагменты сна

(радиопередача вечером... Что-то заставило его выздороветь к утру) —

и затем исчезло снова, побледнело. Он забыл это, довольный тем, что чувствует себя хорошо и Бобби выглядит все лучше и лучше. Если Бобби не встанет в десять, то самое позднее пол-одиннадцатого он разбудит ее. Если Бобби почувствует себя лучше, и заговорит более разумно, то отлично. Они смогут обсудить, что это там случилось с ней (что-то действительно случилось, Гарденер думал, находясь в рассеянном любопытстве, получила ли она какие-нибудь ужасные известия из дома... бюллетень, что несомненно должна была послать сестра Энн). Они бы вышли прогуляться... Даже если бы она все еще немного походила на еле двигающуюся Бобби Андерсон, что приветствовала его прошлым вечером. Гарденер собирался позвать врача, хотела этого Бобби или нет.

Он открыл дверь подвала и нащупал рычаг старого медного выключателя на стене. Он сам прикреплял его. Выключатель был тот же. Света не было.

Вместо жиденькой струйки света от двух 6-ваттных лампочек, что с незапамятных времен составляли единственный источник света у Бобби в подвале, в помещение хлынул поток яркого белого света. Это выглядело, как огни в отделе магазина. Гарденер пошел вниз, пытаясь нащупать расхлябанные перила, но обнаружил толстые и прочные вместо старых. Они были прочно прикреплены к стене

латунной арматурой. Некоторые ступеньки, которые определенно разболтались, тоже были заменены.

Гарденер достиг самого низа и огляделся вокруг. Его потрясли неожиданно сильные ощущения — это был почти шок. Слегка пахло плесенью.

Она похожа на женщину на грани истощения, кроме шуток. Ходит по зазубренному краю. Она не могла точно вспомнить, когда она спала последний раз. Неудивительно. Я слышал о домашних усовершенствованиях, но это смешно. Она не могла это все сделать, хотя... Все-таки могла? Конечно, нет.

Но Гарденер подозревал, что она все-таки это каким-то образом сделала.

Если бы Гарденер проснулся здесь, как на волнорезе, забыв о прошлом, он мог бы и не понять, что находится в подвале Бобби, несмотря на то, что был здесь когда-то ранее. Только разум ему подсказывал, что это так, потому что он пришел сюда из кухни Бобби.

Затхлый запах не исчез совершенно, но уменьшился. Грязный пол подвала был чистым и опрятным.

Это следовало сделать, если вы планируете проводить много времени в подвале. Андерсон заменила старую землю и увлажнила пол. Гарденер полагал, что именно поэтому здесь такой влажный воздух.

Освещение было подвешено над головой. Арматура свисала со старых брусьев, рядом с цепями и множеством другой латунной арматуры. Они светились в темноте. Кроме того, были приспособления и на рабочем столе, все по парам, все блестело ярко. Гарденер подумал: как в операционной. Он прошелся взглядом по столу. Новому рабочему столу Бобби.

У Андерсон всегда был обычный кухонный стол, покрытый грязной бумагой. Он освещался рабочей лампой и был завален инструментами, многие из которых были в очень скверном состоянии, и пластмассовыми коробками со скрепками, болтами и прочей дребеденью. Это была маленькая мастерская женщины, которая не была спецом по части мелкого домашнего ремонта.

Теперь старый кухонный стол был убран и заменен тремя длинными светлыми столами, на которых обычно раскладывают печенье во время церковных распродаж. Столы были поставлены вдоль левой стороны подвала от стены до стены, как бы составляя один длинный стол.

Здесь было различное оборудование, инструменты и отдельные мотки проволоки — толстой и тонкой, кофейные коробки, полные

штифтов, скоб, крюков, задвижек, крепок — дюжинами каждый предмет. Или сотнями.

Затем еще были батарейки.

Под столом лежали картонки с огромными коллекциями батареек — долгоживущих, все в своих коробках: девятивольтовые, пальчиковые, плоские, самые разные. Сколько же сотен долларов стоит все это, подумал Гарденер. И еще сколько-то разбросано на полу. Какого, собственно, черта...

Изумленный, он шел вдоль стола, словно человек, оценивающий товары и решающий — брать или не брать. Похоже, Бобби сделала несколько изменений сразу... и Гарденер не был уверен, что понимает, в чем состоят многие из них. Остановившись взглядом на середине стола, Гарденер увидел большую квадратную коробку с панелью, на ней 18 различных кнопок. Возле каждой кнопки надпись — названия популярных песен: «Капли дождя падают мне на голову», «Нью-Йорк, Нью-Йорк», «Песня Лары» и т.д. Далеко лежала инструкция, которую Гарденер аккуратно взял со стола и прочитал. *Единственный и неповторимый звонок с серебристым звуком (сделано в Тайване).*

Гарденер не представлял себе, зачем Бобби дверной звонок со встроеными программами различных песен. Неужели ей казалось, что Джо Полсону будет приятно слушать «Песенку Лары», когда он с покупками подходит к двери. Но это было еще не все. Гарденер, на худой конец мог бы догадаться назначение дверного звонка с серебристым звуком, но при чем здесь Бобби? И к тому же, эта вещь размером с маленький чемоданчик, казалось, находится в процессе разработки.

Полдюжины проводков — 4 тонких, 2 потолще, лежали между радио (его инструкция также лежала аккуратно на столе), и разобранном серебристом звонком.

Гарденер смотрел на это какое-то время и затем отвлекся.

Срыв. У нее какой-то странный нервный срыв. В стиле Пат Саммерал.

Здесь было еще что-то, в чем он распознал печь с дополнительным проддувом. Вы прикрепляете ее к дымоходу, и она использует тепло, которое обычно тратится впустую. Это было одно из тех приспособлений, которые Бобби, вероятно, увидела в каталоге или в «Огаст Трастуорфи Хардуэй Мэгазин». Раньше она никогда бы по-настоящему этим не заинтересовалась, потому что, купив печь, ей нужно было бы ее использовать.

Но сейчас она купила ее и нашла ей применение.

Можете сказать, что это срыв и «ничего больше», но если по-настоящему творческий человек трогается умом, то это вряд ли

объяснимо словами «ничего больше». Сдвиг по фазе вообще мало-приятная вещь, но когда крыша едет у кого-то типа Бобби, то выглядит это удивительно. Нет, ты только посмотри на это дерьмо!

Ты этому веришь?

О, да. Я не думаю, что писатели и художники в чем-то лучше нас, или, скажем, более тонки, и таким образом более подвержены нервным срывам. Пожалуй, у художников очень художественные срывы. Что да — то да. Если кто-то не согласен, повторю: взгляните-ка на все это дерьмо!

Наверху был титан, белый цилиндрический бак справа от входной двери подвала. Все было так, но...

Гарденер прошелся, желая посмотреть, как Бобби удалось все так рационально изменить.

Она ударилась в домашние усовершенствования. Она, казалось, не видела разницы между установкой титана и изготовлением дверного звонка. Новые перила. Собранная с пола грязь в подвале. Бог его знает, что еще. И, к слову сказать, Гард, как она освоила всю эту хитрую технологию. Если это обучение по переписке из «Попьюлар Мехэникс», то она должна была бы прочесть всю эту ерунду от корки до корки.

Первое удивление в сумасбродной мастерской Бобби начало оборачиваться в тревогу. Неочевидные свидетельства одержимости Бобби, которые он увидел у нее на столе, — слишком аккуратно сложенное оборудование, листы инструкции, прикрепленные за четыре угла — всерьез встревожили его. И неочевидная мания, проявляющаяся в невозможности различить усовершенствования полезные и бессмысленные (*с очевидностью* бессмысленные, как был уверен Гарденер).

Что привело его в содрогание, так это сама попытка подумать о той громадной, неконтролируемой энергии, которая была здесь затрачена. Для того, чтобы все это сделать, насколько он смог увидеть, Бобби должна была бы гореть ярче факела. Установлены лампы дневного света, некоторые готовились к установке. Сделано несколько ездов в Огасту, которые были необходимы, чтобы приобрести все это оборудование, металлические изделия и батарейки. Плюс свежая земля вместо старой протухшей. Не забудь это!

Что заставило ее все это проделать?

Гарденер не знал этого, но ему не нравилось представлять Бобби кидающейся здесь взад и вперед, работающей над двумя разными самоделками сразу или над пятью, или над десятью. Образ был очень ярок. Бобби с засученными рукавами рубашки и расстегнутыми верхними тремя пуговицами, капельки пота стекают между ее

маленькими грудями, волосы забраны в небрежный хвост на затылке. Глаза горят, лицо бело, кроме двух алых пятен на щеках. Бобби — похожая на безумную колдунью, осунувшаяся, сваривающая, закручивающая болты, палящая провода, возящаяся в грязи, стоящая на стремянке, изогнувшись, как балерина. Пот течет по лицу, на шее напряглась жилка, когда она навешивает новые лампы. И одновременно с этим — не забудьте — Бобби, устанавливающая титан.

Гарденер притронулся к эмалированной стенке бака и мгновенно отдернул руку. Бак выглядел прежним, но не был таким на самом деле. Он был горяч, как адские угли. Гарденер присел и открыл крышку титана.

Вот тогда-то он и в самом деле приплыл на самый край света.

6

Раньше вода в колонке нагревалась газом, подаваемым под низким давлением через маломощные медные трубы, проложенные за домом.

Газ поступал обычно раз в месяц, подкачиваясь по мере надобности, поэтому резервуары обычно были пусты. Титан был так же бесполезен, как и неэффективен. Две вещи, которые часто сопровождали друг друга. Сейчас Гарденер подумал об этом. Первое, что заметил Гарденер, это было то, что медные трубы не были прикреплены к котлу, они висели свободно и их концы были забиты.

«Едрена мать! Как же она нагревает воду?» — задумался он и затем заглянул за крышку, и в какое-то мгновение застыл совершенно. Его разум просветлел окончательно.

Разрозненные, расплывчатые ощущения вернулись. Гарденер взлетел снова, как детский серебристый воздушный шар. Он знал, что испуган. Но это знание было стертым, едва ли важным в сравнении с тем грустным чувством освобождения от себя. *Нет, Гард, боже мой, нет* — печальный голос плакал в глубине его существа.

Он вспомнил поездку на Фрайбургскую ярмарку, когда он был совсем маленьким, не старше десяти лет. Он пошел к зеркальному лабиринту с матерью, и они потеряли друг друга. Тогда он впервые испытал странное чувство отделения от себя, взлета прочь или вверх над своим физическим телом и физическим (если можно так сказать) сознанием. Он видел свою мать, даже пять матерей, дюжину, сто матерей. Некоторые были маленькими, другие — высокими, некоторые толстыми, другие сухопарыми. И в то же время — пять,

дюжину, сто Гардов. Какое-то время он видел отражения, соединяющиеся вместе (свои и матери), достигающие друг друга. Он почти рассеянно ожидал слабого прикосновения, вместо этого — пустой воздух... или другое зеркало.

Ему показалось, что он начал паниковать, но это чувство не было паникой и, насколько он помнил, никто не паниковал выбираясь из лабиринта. Его мать нахмурилась на мгновение, но затем ее лицо разгладилось. И все. Но он *чувствовал* панику. Как сейчас. Ощущение будто твой собственный мозг проваливается куда-то. Как театральные декорации опускаются в невесомости.

Подожди, Гард, подожди, пока это все закончится.

Он присел на корточки, заглядывая в открытый люк в основании титана и подождал завершения, как он однажды ждал, пока его ноги не приведут к верному выходу из этого ужасного аттракциона на ярмарке.

Вместо удаленного нагревательного элемента было круглое пустое пространство в основании титана. Пустое место было скопищем запутанных проводов — красных, зеленых, голубых, желтых. В центре этой путаницы возвышалась картонка из-под яиц.

В каждой ячейке для яиц находились щелочные D-элементы — батарейки плюс клеммы. Крошечное воронкообразное приспособление, накрывающее клеммы и все провода, казалось, или начинались, или заканчивались под этой крышкой.

При дальнейшем рассмотрении с чувством, что в общих чертах походило на панику, Гарденер увидел, что показавшиеся ему запутанными провода вовсе не запутаны. Нет. В расположении проводов, входящих и выходящих в воронкообразные крошечки, был строгий порядок — не меньше двух и не больше шести проводков входило и выходило в одни или другие крышечки. Некоторые провода изгибались назад, в воронки, накрывая другие батарейки, но большинство огибало края, поддерживая стороны нагревательного отсека титана. Гарденер догадался, что она выдрала их из корейских электронных игрушек — слишком много дешевых серебряных спаянок... Какой-то кошмар. Но, тем не менее, это жуткое скопление как-то работало. Например, титан достаточно быстро нагревал воду до кипения.

В центре отделения, четко по краю картонки в своде проводов, пылал шарик света размером не больше 25-центовой монеты, но на вид яркий, как солнце.

Гарденер машинально прикрыл рукой глаза, чтобы отгородиться от этого адского пламени, которое сияло сквозь белую прочную решетку, отчего его тень отползла далеко по грязному полу к двери.

Жжет, как солнце.

Но вместо желтого это был ослепительно голубовато-белый свет, похожий на цвет сапфира. Пламя пульсировало и слегка трепетало, вдруг замирало, а затем снова дрожало и трепетало: движение пламени было циклично.

Но где же жар? Гарденер почувствовал возвращение к самому себе. Но где же жар?

Он протянул руку и притронулся к гладкой эмалевой поверхности бака — но лишь на секунду. Он отдернул ее, думая о парах воды, льющейся из крана в ванной. В титане была горячая вода, хорошо, но...

Она должна была выкипать и испаряться, брызгать паром на весь подвал. Но этого не происходило, и это было странно... И это было еще полбеды в сравнении с тем, что он не ощущал тепла из люка — оовсем. Он должен был обжечь пальцы о кнопку, нажатием которой открывался люк, а когда он был открыт, это крошечное солнце должно было бы обжечь кожу на лице. Итак...

Медленно колеблясь, Гарденер потянулся к титану левой рукой, продолжая правой прикрывать глаза от света. Его губы дрожали, он ожидал ожога.

Он сунул сложенные пальцы в люк и наткнулся на что-то мягкое. Он подумал, что это было немного похоже на то, если бы пальцы натолкнулись на натянутый нейлоновый чулок. Только это сравнение годилось — сначала поддалось, а затем остановило. Пальцы не смогли пройти сквозь это, как они не смогли бы пройти сквозь нейлон.

Но барьера не было. По крайней мере, насколько он видел.

Он перестал надавливать, и невидимая мембрана нежно отодвинула его пальцы обратно к люку. Он посмотрел на пальцы. Они дрожали.

Силовое поле. Вид силового поля, которое производило тепло. Господи, я попал в научно-фантастический рассказ из «Стартлинг Сториз». Примерно 1947 года, я полагаю. Хотелось бы мне знать, сделал ли я... Если да, то кто написал меня — Вирджил Файлэй, Хане Бок?

Рука задрожала сильнее. Он нащупал маленькую дверцу и захлопнул ее.

...Пройдя сквозь дрожащий поток белого света, он медленно опустил правую руку, но по-прежнему видел отблеск крохотного солнца в зрачках, как бывает, когда в глазах остается остаточное изображение вспышки после того, как она мелькнет перед лицом. Все, что видел Гарденер, это большая зеленая рука в воздухе с яркой эктоплазматической голубизной между пальцами.

Остаточное изображение исчезло. Дрожания не было. Гарденеру никогда в жизни так не хотелось выпить, как сейчас.

7

Он перехватил стаканчик в кухоньке. Бобби не пила много, но всегда держала то, что называлось основным в шкафчике за банками и мисками, — бутылку джина, шотландского виски, бутылку Бурбона, бутылку водки. Гарденер откупорил бурбон (сорт по сниженной цене — просители не выбирают) и налил чуть-чуть в пластиковый стакан и выпил.

Подумал бы лучше, Гард. Ты испытываешь судьбу.

Прямо сейчас он бы с удовольствием нагрузился, но ураган отправился куда-то в другое место... по крайней мере, на время. Он налил еще виски в стакан, на мгновение задумался и большую часть вылил в раковину, после чего поставил бутылку на место и добавил воды и ледяных кубиков, превращая жидкость в цивилизованный напиток.

Он подумал, что мальчик на пляже его бы одобрил.

Он считал, что сонное спокойствие, которое окружило его, когда он вышел из зеркального лабиринта и которое он опять почувствовал сейчас, предохраняло его от того, чтобы просто лечь на пол и визжать до потери сознания. Тишина — это было то, что надо. А испугало его то, как быстро сознание убедило его, что все эти вещи — это неправда, галлюцинации. Невероятно, но его сознание предположило, что под крышкой титана он увидел всего лишь очень яркую лампочку, например, двухсотваттную.

Это не была лампочкой и не было галлюцинацией. Это было что-то типа солнца, очень маленькое, яркое и горячее, плавающее в путанице проводов над яичной картонкой, заполненной батарейками. Сейчас ты сойдешь с ума, если хочешь, или увидишь Иисуса, если напьешься. Но ты видишь то, что видишь, кончай придуриваться, хорошо? Хорошо.

Он взглянул на Андерсон и увидел, что она спит как убитая. Он решил разбудить Бобби примерно в десять тридцать, если она не проснется сама. Он посмотрел на свои часы снова и с удивлением увидел — девять двадцать.

Он был в подвале гораздо дольше, чем предполагал.

Мысли о подвале, вызванные сюрреалистическим видением маленького солнца, держащегося в арке из проводов, горящего, как раскаленный теннисный мячик... и мысли о возвращении неприятного чувства, что его мозг разделяется. Он загнал это назад, но оно

не хотело уходить. Он нажал на себя сильнее, говоря, что он не собирается думать об этом, пока Бобби не проснулась и не объяснила ему, что там происходит.

Он посмотрел на руки и почувствовал, что вспотел.

8

Гарденер снова отхлебнул из стакана, когда увидел еще одно свидетельство неестественной активности Бобби.

Ее трактор «Томкэт» стоял перед большим навесом слева в саду — ничего необычного в этом не было, чаще всего она его там и ставила, если синоптики не обещали дождя. Но все-таки с 20 шагов Гарденер увидел, что Андерсон сделала какие-то серьезные изменения в моторе «Томкэта».

Нет, Гард, хватит, забудь, иди домой.

Это было нечто вроде бесплотного, бессвязного голоса — это был жесткий, грубый животный страх и ужас. На секунду Гарденер почувствовал себя на краю пропасти и подумал, что это было бы глубочайшим предательством — Бобби и себя самого. Мысль о Бобби удержала его вчера от самоубийства. И оставшись жив сам, он подумал, что удержал Бобби от того же. Существует китайская пословица: «Если вы спасли кому-то жизнь, вы ответственны за это». Но если Бобби нуждается в помощи, как он предполагает это осуществить? Не найдя выход сразу, как сейчас можно его обнаружить?

(но ты же знаешь, кто все это сделал, не так ли, Гард?)

Он допил остатки, поставил пустой стакан на верхнюю полку сзади и пошел по направлению к «Томкэту». Он отчетливо слышал стрекотание кузнечиков в высокой траве. Он не был пьян, даже не был слегка опьянен. Насколько он мог чувствовать, спиртное, казалось, не затронуло его нервную систему. Дал маху, как сказал бы британец.

(словно эльфы сделали туфли, тап-тап — тапетитап, пока сапожник спал)

Но Бобби не спала, не так ли? Она водила машину, пока не упала, буквально не упала в руки Гарденеру.

(топ-топ-топети-топ, тук-тук-тукети-тук, нынче ночью, верь не верь, Томминокер, Томминокер, Томминокер стукнул в дверь)

Стоя около «Томкэта» и заглядывая в открытый капот, он даже не дрожал, его просто трясло, как человека, умирающего от холода, верхние зубы бились о нижнюю губу, лицо побелело, а лоб и виски покрылись капельками пота.

(Титан и даже трактор был переделан весь. Вот что Томми-номеры успели сделать здесь)

«Томкэт» был небольшой машиной, которая была почти бесполезна для тех, у кого фермерство было основной работой. Он был чуть побольше сидячей сенокосилки, но меньше самого маленького трактора «Дэри» или «Фармала», но для того, кто держал участок, который был велик, чтобы называться делянкой, — это было в самый раз. У Бобби был сад, который простирался на полтора акра — фасоль, огурцы, горох, кукуруза, редиска, помидоры. Не было моркови, цуккини, капусты, кабачков. «Я не выращиваю то, что не люблю, — однажды сказала она Гарденеру, — жизнь слишком коротка для этого».

«Томкэт» был довольно подвижный, должен был быть. Даже состоятельный фермер-джентльмен, должен был иметь причины, объясняющие покупку 2,500 долларового мини-трактора для обработки одноакрового участка. Он мог косить траву одним приспособлением и срезать сено другим, он мог служить буксиром в плохопроходимой местности (она его так и использовала на склонах, и, насколько Гарденер знал, «Томкэт» застрял у Бобби только однажды) и зимой вычистить дорогу в течение получаса с помощью снегоборочного устройства. Он имел четырехцилиндровый мотор.

Точнее, *когда-то имел*.

Мотор был все еще здесь, но он был дополнен ужасным количеством самых невероятных приспособлений и штуковин — Гарденер вдруг поймал себя на том, что он думает о дверном замке на столе в мастерской, и терялся в мыслях, не хотела ли Бобби вскоре поставить его на «Томкэт». Возможно, это был радар или еще что-то. Он вдруг рассмеялся. И этот взрыв смеха отрезвил его.

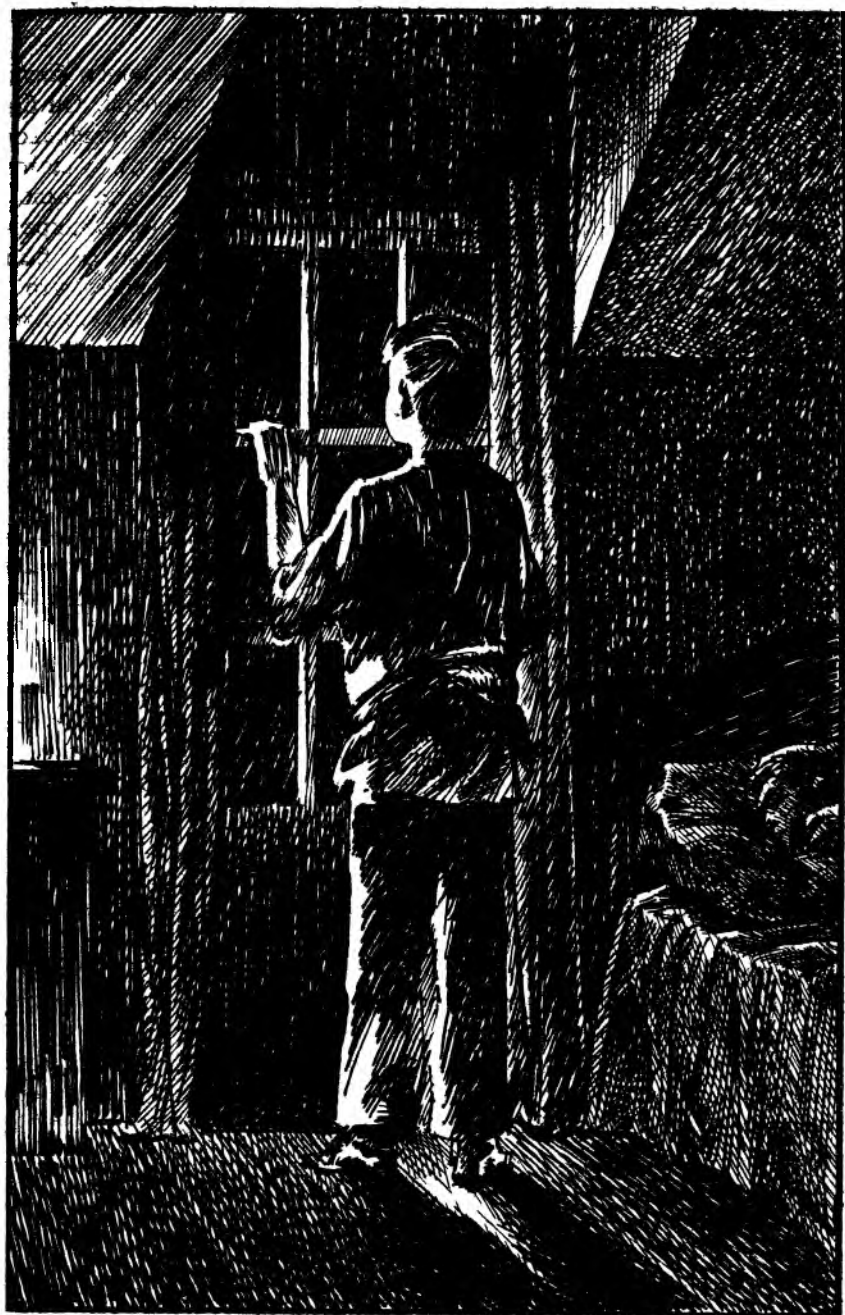
С одной стороны машины выступала майонезная банка. Она была наполнена жидкостью, слишком бесцветной для газаolina и закреплена в латунной установке.

Новейший карбюратор был заменен каким-то странным устройством. Чтобы освободить для него место, Бобби пришлось проделать отверстие в металлической оболочке двигателя.

И тут также были провода — провода везде, они сновали, вползая и выползая, поднимаясь и опускаясь, кружась, соединяясь, совершенно без всякого смысла... по крайней мере, насколько Гарденер мог видеть.

Он глянул на панель управления и застыл. Когда он рассмотрел ее как следует, его глаза расширились.

У «Томкэта» была рукоятка... и схема переключения передач, напечатанная на металлической пластинке, привинченной на щитке

А. Н. Миронов 93

над показателем масла. Гарденер видел эту пластинку достаточно часто. Он многократно садился за руль «Томкэта». Раньше она всегда была такой:

1	3
N	4
2	R

Теперь добавилось нечто новое — что-то, что было достаточно простым, но от этого не менее грандиозным:

1	3	
N	4	ВВЕРХ
2	R	

Ты не веришь в это, не так ли?

Я не знаю.

Подожди, Гард, летающие тракторы? Держите меня!

Но подключила же она солнце в миниатюре в своем титане.

Чушь. Я думаю, это проста яркая лампа ватт на двести.

Это не было лампой!

Ничего, ничего, успокойся. Ты согласишься в летающий трактор.

Заткнись.

Он снова стоял на кухне Бобби Андерсон, глядя длительное время на шкафчик с выпивкой. Он отвел глаза — это было нелегко — и вернулся в жилую комнату. Он увидел, что Бобби изменила положение и ее дыхание стало учащенным. Первый признак пробуждения. Гарденер взглянул на часы снова и увидел, что время около 10 часов. Он подошел к книжному шкафу возле письменного стола Бобби, желая найти что-нибудь почитать, пока она очнется, что-нибудь, что отвлечет его от всего этого хоть на какое-то время.

Что он увидел на столе Бобби, рядом с разбитой старой пишущей машинкой — это было наихудшее потрясение из всех. Потрясений достаточно, по крайней мере, тех, которые он едва отметил: рулон перфорированной бумаги для компьютеров висел на стене позади стола, и машинистка была похожа на гигантское рулонное бумажное полотенце.

БИЗОНЬИ СОЛДАТЫ
роман Роберты Андерсон

Гарденер отложил верхний лист, перевернув его, и увидел свое собственное имя — или, скорее, кличку, которую знали только они с Бобби.

Посвящается Гарду, который всегда рядом, когда он нужен.

Снова дрожь прошла по всему телу.

Он отложил второй лист, перевернув его.

1

В те дни, еще до того, как Канзас был залит кровью, бизонов было так много на полях — достаточно много: для бедняков, белых и индейцев, что людей предпочитали хоронить в бизоньих шкурах, а не в гробах.

— Однажды ощутив вкус бизоньего мяса, ты никогда снова не захочешь говядины, — говорили старики. И они верили в то, что говорили. Потому что эти охотники в степях, эти — бизоньи солдаты, казалось, существовали в мире волосатых, горбатых духов — все вокруг них хранило память о бизонах, запах бизонов — запах, да, потому что многие из них натирали шеи и лица бизоньим салом, чтобы солнце прерий не темнило им кожу. Они носили зубы бизонов на шейных шнурках и иногда в ушах, а некоторые носили бизоний пенис как гарантию долгой потенции.

Духи следовали за стадами, что кочевали по полувывтопанным травам, как облака, отбрасывающие на прерии свою тень. Облака остались, но огромные стада исчезли, как и бизоньи солдаты, сумасшедшие из пустыни, что не знала оград, люди, которые пришли из ниоткуда и вернулись назад в никуда, люди с бизоньими мокасинами на ногах и с костяными трещотками на шеях, духи без времени и места, что существовали еще до того, как вся страна была залита кровью.

Поздно вечером 24-го августа 1848-го года Роберт Хоул, который умрет в Геттисбурге через 15 лет, разбил лагерь рядом с небольшой речкой в жутком месте, известном как «Песочная гора». Речка была маленькой, но вода пахла вкусно...

Гарденер на 40 страниц углубился в рассказ и полностью погрузился в него, когда услышал сонный голос Бобби:

— Гард? Гард, ты еще здесь?

— Я здесь, Бобби, — ответил он и встал, опасаясь того, что сейчас будет, и почти веря, что сходит с ума. Могло быть и так, конечно. Могло не быть ни крохотного солнышка у титана Бобби, ни нового приспособления у «Томкэта», который обещал левитацию, но для него было легче поверить даже в эти вещи, чем в то, что Бобби написала роман на 40 страниц, который называется «Бизоньи солдаты», за три недели или прошедшие с тех пор, как Гарденер последний раз видел ее — роман, который был, совершенно случайно, — лучшая вещь, что она когда-либо написала. Невозможно. Черт, проще — да и разумнее — верить, что он сошел с ума и просто оставить все как есть...

Если бы он только мог.

Глава 9 АНДЕРСОН РАССКАЗЫВАЕТ

1

Бобби поднималась с постели медленно, морщась от боли, как старуха.

— Бобби, — начал Гарденер.

— Боже, у меня все болит, — сказала Андерсон. — И мне нужно пере... а, ничего. Сколько я проспала?

Гарденер глянул на часы.

— Я думаю, около четырнадцати часов. Чуть больше. Бобби, твоя новая книга...

— Да. Подожди с этим, пока я не вернусь. — Она медленно пошла к ванной, расстегивая на ходу рубашку, в которой спала. Пока она ковыляла к ванной, Гарденер хорошо разглядел — лучше, чем ему хотелось бы, — как она похудела. Это была худоба на грани истощения.

Она остановилась, как будто знала, что Гарденер смотрит на нее, и, не оборачиваясь, сказала:

— Знаешь, я все могу объяснить.

— Правда?

Андерсон пробыла в ванной слишком долго — гораздо дольше, чем требуется для того, чтобы сходить туалет и переодеться, а Гарденер был уверен, что только это она и собиралась сделать. На ее лице было написано выражение черт-меня-подери. Он прислушался, течет ли вода в душе, но душ не работал, и он начал беспокоиться. Бобби казалась почти сияющей, когда проснулась, но значило ли это, что она действительно так себя чувствовала? Гарденеру представилось, как Бобби выбирается через окошко ванной и, дико хохоча, убегает в лес, в одних голубых джинсах.

Правой рукой он потрогал шрам на левой стороне лба. В голове начало слегка пульсировать. Он подождал еще пару минут, затем встал и направился к ванной, стараясь ступать бесшумно, что ему не вполне удавалось. Видение Бобби, выбирающейся из окошка ванной, чтобы избежать объяснений, сменилось другой картиной — Бобби, спокойно перерезающая горло одним из бритвенных лезвий Гарденера, чтобы навсегда избавиться от каких-либо объяснений.

Он решил просто послушать. Если он услышит обычные звуки, то пойдет в кухню и поставит кофе, может быть, приготовит яичницу. Если же он ничего не услышит, то...

Его опасения были напрасны. Закрывающая дверь ванной, она не закрыла ее на задвижку. И, помимо прочих прелестей, двери, не закрытые на задвижку, по-видимому, сохранили свойство приоткрываться от малейшего ветерка. Вероятно, для этого ей потребовалось законопатить всю северную часть дома. *Может, таков был план на следующую неделю, подумал он.*

Дверь приоткрылась достаточно, чтобы увидеть Бобби, стоящую перед зеркалом, где недавно стоял он сам. В одной руке она держала зубную щетку, в другой — тюбик с пастой, еще не открытый. Она всматривалась в зеркальное отражение с почти гипнотической пристальностью. Ее губы были растянуты, обнажая зубы.

Она уловила движение в зеркале и обернулась, не особенно стараясь прикрыть истощенную грудь.

— Гард, как тебе кажется, с моими зубами все в порядке?

Гарденер посмотрел на ее зубы. Они казались ему такими, как всегда, хотя он не мог припомнить случая, чтобы ему приходилось так разглядывать их, — и это снова напомнило ему о той жуткой фотографии Карин Карпентер.

— Конечно. — Он старался не смотреть на ее ребра, на болезненно выпирающие тазовые кости над поясом джинсов, которые сваливались с нее, несмотря на ремень, затянутый так туго, что,

казался куском бельевой веревки, какой подпоясывались бродяги. — Я так думаю.

Он осторожно улыбнулся.

— Смотри-ка, ни одного дупла.

Андерсон попыталась ответить на улыбку Гарденера с губами, все еще прижатыми к деснам; результат получился полугротесковым. Она нажала указательным пальцем на коренной зуб.

— ачается, ада-а-так-деаю?

— Что?

— Качается, когда я так делаю?

— Нет. По крайней мере, я не вижу. А почему?

— Я просто видела это во сне. Это... — Она оглядела себя. — Выйди, Гард, я не одета.

Не беспокойся, Бобби. Я и не собираюсь кидаться на твои кости. Главным образом потому, что это было бы слишком близко к тому, что я действительно должен был бы делать.

— Извини, — сказал он. — Дверь была открыта. Я подумал, что ты уже выходишь.

Она закрыла дверь на задвижку.

Из-за двери она отчетливо произнесла: «Я знаю, что тебя занимает».

Он ничего не сказал, только остался стоять за дверью. Но он чувствовал, что она знает, *знает*, что он все еще стоит там. Как будто она видит сквозь дверь.

— Ты думаешь, не сошла ли я с ума.

Тогда он сказал:

— Нет. Нет, Бобби. Но...

— Я так же нормальна, как и ты, — сказала Андерсон из-за двери. — Я так одеревенела, что едва двигаюсь, у меня повязка на правом колене, я совершенно не помню почему, я голодна, как волк, и я знаю, что очень *фильно* потеряла в весе... но я *нормальна*, Гард. Я думаю, что до конца дня у тебя еще будут поводы задуматься, нормален ли *ты*. Ответ таков: мы оба нормальны.

— Бобби, что здесь происходит? — спросил Гарденер. У него вышло что-то вроде беспомощного вскрика.

— Я хочу размотать проклятую повязку и посмотреть, что под ней, — сказала Андерсон из-за двери. — Похоже, что я здорово звезданулась коленом обо что-то. Наверное, там, в лесу. Теперь я хочу принять горячий душ и надеть что-нибудь чистое. Пока я все это делаю, ты можешь приготовить нам завтрак. И я все тебе расскажу.

— Правда?

— Да.

— Хорошо, Бобби.

— Я очень рада, что ты здесь, Гард, — сказала она. — Раз или два у меня было плохое предчувствие. Как будто с тобой не все в порядке.

У Гарденера в глазах стало двоиться, троясь, затем уплывать в призмы. Он провел рукой по лицу.

— Ни боли, ни переутомления, — сказал он. — Сейчас приготовлю завтрак.

— Спасибо, Гард.

Он пошел на кухню, но очень медленно, потому что, как ни тер он глаза, его зрение все время пыталось отказать.

3

Войдя в кухню, он остановился и пошел обратно к запертой двери ванной, так как его посетила новая мысль. Сейчас в ванной шумела вода.

— А где Питер?

— Что? — переспросила она через шум душа.

— Я спросил, где Питер, — сказал он, повышая голос.

— Он умер, — откликнулась Бобби под барабанный шум воды. — Я плакала, Гард. Но он был... ты знаешь...

— ...старый, — пробормотал Гарднер, потом вспомнил и громко сказал. — Ведь он был старый?

— Да, — откликнулась Андерсон под шум воды.

Гарднер постоял немного под дверью, прежде чем отправиться обратно на кухню, размышляя о том, почему же он не верит словам Бобби о Питере и о том, как он умер.

4

Гарднер приготовил яичницу и поджарил бекон в гриле Бобби. Он заметил, что с тех пор, как он был здесь последний раз, на обычной печи была установлена микроволновая, и сейчас полоска света шла через всю рабочую площадь и кухонный стол, за которым Бобби ела чаще всего, обычно с книгой в свободной руке.

Он заварил крепкий черный кофе и уже переносил все на стол, когда вошла Бобби, в брюках и футболке с изображением мухи и подписью «Птица штата Мэн». Ее мокрые волосы были обернуты полотенцем.

Андерсон оглядела стол:

— А тостов нет? — спросила она.

— Приготовь свои, замороженные, — сказал Гарденер дружелюбно. — Я добирался за две сотни миль автостопом не для того, чтобы подавать тебе завтрак.

Андерсон уставилась на него:

— *Что ты сказал?* Вчера? Под дождем?

— Ну да.

— Господи, что наконец происходит? Мюриэл сказала, что у тебя чтения, и они заканчиваются 30 июня.

— Ты звонила Мюриэл? — он был до смешного тронут. — Когда?

Она махнула рукой, как будто это не имело никакого значения — вероятно, так оно и было.

— Что произошло? — спросила она снова.

Гарденер подумал, не сказать ли ей — он *хотел* сказать ей, но представил себе и испугался. Было ли это тем, для чего предназначена Бобби? Не была ли Бобби Андерсон, к которой он обращался, в действительности не более чем стенкой? Он сомневался, хотел сказать ей и — не сказал. Для этого еще найдется время потом.

Может быть.

— Потом, — сказал он. — Я хочу знать, что произошло здесь.

— Сначала завтрак, — сказала Андерсон. — Это приказ.

5

Гард дал Бобби большую часть яичницы и бекона, и она не теряла времени — набросилась на них, как женщина, которая долгое время не ела досыта. Глядя, как она ест, Гарденер вспоминал биографию Томаса Эдисона, которую читал в детстве, в десять-одиннадцать лет. У Эдисона как настоящего трудоголика бывали такие «запой», когда идея следовала за идеей, изобретение за изобретением. Во время этих спуртов он забывал о жене, детях, ванной, даже о еде. Если бы жена не приносила ему еду на подносе, он бы умер от истощения между электрической лампой и фонографом. Там была его фотография — с руками, запущенными в шевелюру, дико взлохмаченную, как будто он действительно пытался извлечь из-под волос и черепа мозг, который не давал ему покоя, — и Гарденеру вспомнилось впечатление, что человек этот выглядел очень нездоровым.

Он подумал, потирая левую сторону лба, что Эдисон страдал мигренью. Мигренью и глубокими депрессиями.

Но у Бобби он не заметил признаков депрессии. Она проглотила яичницу, съела семь или восемь ломтиков бекона с тостами с

маргарином и выпила два больших стакана апельсинового сока. Покончив с едой, она издала звучную отрыжку.

— Фи, Бобби.

— В Португалии хорошая отрыжка воспринимается как похвала хозяйке.

— А что же они делают после того, как хорошенько потрахаются? Пердят?

Андерсон запрокинула голову и расхохоталась. Полотенце свалилось у нее с головы, и Гарду неожиданно захотелось потащить ее в постель, мешок с костями она или нет — неважно.

С легкой улыбкой Гарденер сказал:

— Это было хорошо. Спасибо. Как-нибудь в воскресенье я сделаю тебе несколько великолепных яиц по-бенедиктински. А сейчас давай...

Андерсон протянула руку сзади него и достала полупустую пачку «Кэмела». Она закурила и подвинула пачку Гарденеру.

— Не стоит благодарности. Это единственная вредная привычка, от которой мне практически удалось отказаться.

Но прежде чем Бобби кончила свой рассказ, Гарденер выкурил четыре сигареты.

6

— Ты осмотрелся вокруг, — сказала Андерсон. — Я помню, что говорила тебе прямо, чтобы ты сделал это — и я знаю, что ты это сделал. Ты выглядишь точно так же как я, когда я нашла эту вещь в лесу.

— Какую вещь?

— Если бы я сказала тебе сейчас, ты бы решил, что я сошла с ума. Попозже я покажу тебе, а сейчас, я думаю, лучше просто поговорим. Скажи мне, что ты увидел вокруг этого места. Какие изменения?

Итак, Гарденер отмечал: усовершенствования в погребке, беспорядочные проекты, жуткое маленькое солнышко в нагревательном приборе. Странная работа по усовершенствованию двигателя «Том-кэта». Он с минуту колебался, думая о дополнении к диаграмме у рукоятки, и решил пропустить это. Он предполагал, что Бобби знала, что он ее по крайней мере видел.

— И когда-то посреди всего этого, — сказал он, — ты нашла время для написания еще одной книги. Длинной книги. Я прочел первые примерно сорок страниц, пока ждал твоего пробуждения, и

думаю, что она так же хороша, как и длинна. Возможно, это лучший роман из всех, что ты когда-либо написала... а ты писала хорошие романы.

Андерсон кивала, польщенная.

— Спасибо. Я тоже так думаю. — Она показала на последний ломтик бекона на блюде: — Хочешь?

— Нет.

— Точно?

— Точно.

Она отправила ломтик себе в рот.

— Сколько времени ты писала?

— Я не помню точно, — сказала Андерсон, — что-то около трех дней. Не больше недели, во всяком случае. Большую ее часть я сделала во сне.

Гард улыбался.

— Знаешь, я не шучу, — улыбнулась Андерсон.

Гарденер перестал улыбаться.

— Мое ощущение времени совсем заглохло. Я точно знаю, что не работала над ней 27-го. Это был последний день, когда время — последовательное время — казалось мне до конца понятным. Ты добрался сюда прошлой ночью, 4 июля, и она была готова. Значит... неделя, максимум. Но на самом деле я думаю, что на это ушло не больше трех дней.

Гарденер изумленно смотрел на нее. Андерсон спокойно огляделась, вытирая пальцы о салфетку.

— Бобби, это невозможно, — сказал он наконец.

— Если ты говоришь так, то ты не видел еще моей пишущей машинки.

Гарденер глянул мельком на старую машинку Бобби, когда садился, но и только — его внимание тут же приковала рукопись. Старый черный «Ундервуд» он видел уже тысячу раз, рукопись же была новая.

— Если бы ты повнимательней посмотрел, увидел бы рулон бумаги для компьютера на стене за ней и еще одно из этих приспособлений за ним. Упаковка от яиц, сверхмощные батареи и все. Что? Эти?

Она подтолкнула пачку к Гарденеру, он взял одну.

— Я не знаю, как она работает, я действительно не представляю, как работает ни одна из них, включая и ту, которая гонит сюда *весь* ток. Она улыбнулась, видя выражение лица Гарденера. — Я отключилась от центральной силовой установки, Гард. Я заставила их прекратить подачу... то есть, они охотно пошли на это, совершенно

уверенные, что я попрошусь назад через некоторое время... ну-ну, посмотрим... четыре дня назад. Это то, что я *помню*.

— Бобби...

— Здесь есть такая же машинка, как та штуковина в нагревательном приборе, и та, что за моей пишущей машиной сзади в коробке соединения, только та штука — дедушка всех остальных. — Андерсон засмеялась. Это был смех женщины, вспомнившей что-то приятное. Там 20 или 30 D-элементов в одной. Я думаю, Поли Эндрюс из Супермаркета считает, что я занимаюсь чепухой — я купила все батарейки, какие были у него на складе, а потом поехала в Огасту покупать еще.

— Не в тот ли это день было, когда я привезла грунт для погреба? — последнюю фразу, нахмурившись, она адресовала самой себе. Потом ее лицо прояснилось. — Я думаю, да. Историческая Гонка за Батареями 1988 года. Обежала около ста магазинов, вернулась с сотнями батарей, а потом остановилась в Альвионе и взяла грузовик плодородной земли, чтобы удобрить погреб. Я почти уверена, что оба эти дела я сделала в один день.

Она снова напряженно нахмурилась, и Гарденер в какой-то момент подумал, что Бобби выглядит снова испуганной и опустошенной — *конечно*, она все еще была опустошена. Истощение того типа, что Гарденер видел прошлой ночью, истощение до мозга костей. То, что она поспала одну ночь, неважно насколько долго и глубоко, не могло компенсировать это истощение. А потом этот безумный, подобный галлюцинации рассказ — о книге, написанной во сне; о том, что весь ток в доме от D-элементов, какие-то безумные поездки в Огасту.

Кроме того, доказательства были здесь, вокруг него, он *видел* их.

— ...то самое, — сказала Андерсон и засмеялась.

— Что, Бобби?

— Я сказала, что у меня была чертова пропасть работы с установкой того, что вырабатывает ток здесь, в доме, и там, на раскопках.

— Что за раскопки? Это там, в лесу, что ты мне хотела показать?

— Да. Скоро. Дай мне еще несколько минут. — когда Андерсон заговорила, ее лицо снова приняло удовлетворенное выражение. Гарденер внезапно подумал, что таким должно быть выражение лиц тех, кто знает что-то, что не *хотел* бы рассказывать, но *должен* рассказать — из тех наскучивших всем лекторов, которые были частью Антарктической экспедиции 1937 года и которые до сих пор хранят свои выцветшие слайды, доказывающие это. Измаилу-моряку, последнему со злосчастливого «Пекода», который заканчивает свой

рассказ предложением, кажущимся отчаянным криком, только небрежно замаскированным под некое подобие сообщения: «Я последний, кто может рассказать вам это». Было ли таким отчаянием и безумием то, что обнаружил Гарденер в веселых и бессвязных воспоминаниях Бобби о Десяти Станных Днях в Хэвене? Гарденер думал, что да... он *знал* это. Кто был лучше приспособлен к тому, чтобы видеть призраки? С чем бы ни столкнулась здесь Бобби, пока он читал стишки, чтобы увеселить матрон и их скучающих мужей, это почти свело ее с ума.

Слегка дрожащими руками Андерсон зажгла следующую сигарету, заставив задрожать огонек спички. Это было одной из таких вещей, которые можно заметить, только если ищешь и ждешь их.

— К тому моменту я вытащила их из коробки для яиц, и получилось, так, что батареей оказалось слишком много для одной или двух по крайней мере. Поэтому я взяла одну из сигарных коробок дядюшки Фрэнка — на чердаке их, таких старых, деревянных, должно быть около дюжины, может быть, Мейбл Нойз из магазина заплатила бы мне за них несколько долларов, но ты же знаешь, какая *она* скряга — и я набила их туалетной бумагой и попыталась устроить в бумаге гнезда для батареек, чтобы вставить их туда. Ну, знаешь... гнезда?

Андерсон сделала правым указательным пальцем быстрый тыкающий жест и, блестя глазами, взглянула на Гарда — уловил он или нет. Он кивнул. Чувство нереальности постепенно овладевало им, чувство, что его сознание готово просочиться сквозь череп и всплыть под потолок. *Пьяный смог бы определить это*, подумал он, и пульсация в голове усилилась.

— Но батарейки продолжали падать. Она загасили сигарету и тут же зажгла новую. — Они были дикие, совсем дикие. И я тоже. Потом меня осенило.

Они?

— Я поехала к Чипу Маккосланду. Ну, вниз по Проселочной дороге.

Гарденер кивнул головой. Он никогда не ездил вниз по Проселочной дороге.

— Ну, он живет там со своей мымрой и с десятком ребятишек. О, такая неряха... Гард, грязь с ее шеи... можно смыть, только если сначала применить отбойный молоток. Я думаю, он женился на ней раньше, и... не имеет значения... это просто... Мне было не с кем поговорить. Я имею в виду, что *они-то* не говорят так, как говорят друг с другом два человека... я смешиваю незначительные вещи с вещами, которые...

Речь Андерсон начала убыстраться и убыстраться, пока слова не стали перекрывать друг на друга. *Сейчас она быстро бормочет, подумал Гарденер с тревогой, а очень скоро может закричать или заплакать.* Он не знал, чего страшился больше, и снова подумал об Измаиле, бредущем по улицам Бедфорда, штат Массачусетс, от которого несло безумием сильнее, чем китовым жиром, хватающем тех, кому не посчастливилось проходить мимо него, и выкрикивающим: *Слушайте! Я последний из тех проклятых, кто остался, чтобы рассказать вам! Поэтому лучше слушайте, окаянные, слушайте, если не хотите схлопотать гарпун в задницу! Я расскажу вам историю об этом проклятом белом ките, и ВЫ БУДЕТЕ СЛУШАТЬ!*

Он прошел вдоль стола и тронул ее руку:

— Ты расскажешь это так, как захочешь. Я здесь и намерен тебя слушать. У нас есть время. Этот день у тебя выходной — ты сама сказала. Поэтому давай помедленнее. Если я усну, ты поймешь, что слишком далеко отошла от темы. Ладно?

Андерсон улыбнулась и расслабилась на глазах. Гарденер хотел снова спросить, что было в лесу. И, более того, — кто такие *они*. Но подумал, что лучше бы подождать. *Все неприятности случаются с тем, кто ждет,* подумал он, и, после паузы, собравшись с мыслями, Бобби продолжила.

— У Чипа Маккосланда три или четыре курятника — об этом я начинала говорить. За пару долларов я могла купить столько коробок от яиц, сколько хотела, даже несколько больших листов упаковок для яиц. В каждом из этих листов по десять дюжин ячеек.

Андерсон весело засмеялась и прибавила нечто такое, от чего у Гарденера тело покрылось гусиной кожей.

Хэвен не использует и одной из них пока, но когда я сделаю, я думаю, у нас будет достаточно энергии для всего Хэвена, так что мы обойдемся без внешней электроподачи. И еще останется для Альвиона и большей части Трои.

— Ну вот, у меня здесь проходит ток — Боже, я перескакиваю с предмета на предмет — и у меня уже есть приспособление, прицепленное к пишмашинке — и я действительно поспала, ну, во всяком случае, вздремнула — и примерно в это время мы вошли, да?

Гарденер кивнул, все еще пытаясь справиться с мыслью о том, что проскользнувшее утверждение Бобби о том, что из 120 D-элементов она может сделать «машинку», снабжающую энергией три близлежащих городка, может оказаться правдой и бредом в равной степени.

— Приспособление за пишущей машинкой работает... — Андерсон нахмурилась. Ее голова чуть приподнялась, будто она прислушивалась к голосу, которого не слышал Гарденер. — Легче показать тебе. Поди туда и вставь листок бумаги, ладно?

— Ладно, — он направился к двери в комнату, потом обернулся на Андерсон: — А ты не пойдешь?

Бобби улыбнулась:

— Я останусь здесь, — сказала она, и тогда Гарденер понял. Он понял это, и даже осознал на каком-то из ментальных уровней, где действует чистая логика, что так могло быть — не говорил ли сам бессмертный Холмс, что когда вы исключите невозможное, вы должны поверить в то, что останется, как бы невероятно оно ни выглядело? И ведь действительно был новый роман, лежащий там, на столе, около того, что Бобби иногда называла «мой словесный аккордеон».

Да, кроме машинок, пишущих книги сами по себе, старина Гард. Знаешь, что еще мог бы сказать бессмертный Холмс? Что факт существования романа, лежащего рядом с машинкой, плюс тот факт, что ты никогда не видел этого романа раньше, не значит, что этот роман новый. Холмс сказал бы, что Бобби написала эту книгу когда-то раньше. Потом, когда ты ушел, и Бобби подвинулась рассудком, она достала ее и положила рядом с машинкой. Она может верить в то, что тебе говорит, но это не значит, что это правда.

Гарденер дошел до того загроможденного угла комнаты, который служил Бобби рабочим местом. Он был довольно удобно расположен, так что она могла, просто качаясь на стуле, брать с книжной полки, все, что хотела. *Он слишком хорош для «романа из ящика».*

Он знал, что бессмертный Холмс сказал бы также и об этом: да, он бы согласился, что «Бизоньи солдаты» вряд ли «роман из ящика», но на утверждение о том, что можно написать роман за три дня и не сидя за машинкой, а чередуя короткий сон с приступами бешеной активности, ответил бы, что это, черт возьми, абсолютно невозможно.

Кроме того, роман вовсе не был вытащен из какого-нибудь ящика. Гарденер знал это абсолютно так, как он знал *Бобби*. Бобби была бы так же неспособна мириться с тем, что хороший роман лежит в ящике, как сам Гард был неспособен оставаться спокойным при обсуждении вопросов о ядерной энергии.

Отвяжись, Шерлок, и уезжай-ка в своем двухколесном кебе вместе с доктором Ватсоном. Боже, как хочется пить!

Желание — срочная потребность — пить вернулось в полной и пугающей мере.

— Ты там, Гард? — окликнула Андерсон.

— Да.

В это время он внимательно рассматривал моток компьютерной бумаги. Он свободно свисал вниз. Он посмотрел за пишущей машинкой и действительно обнаружил еще одно «приспособление» Бобби. Это было меньше — в половину коробки из-под яиц, в которой не были заполнены две последние ячейки. D-элементы стояли в остальных четырех, каждый плотно закрыт колпачком (приглядевшись, Гард решил, что это остатки оловянных консервных банок, аккуратно обрезанных), каждый с проводом, идущим из-под колпачка к «плюсу»... один красный, один синий, один желтый, один зеленый. Провода вели к другой плате, которая, как казалось, могла быть взята из радио. Она была установлена вертикально, зажата между двух коротких плоских кусочков дерева, приклеенных к панели. Эти кусочки дерева, немного похожие на желобки для мела у классной доски, были до смешного знакомы Гарденеру, но некоторое время он не мог опознать их. Потом вспомнил. Это были подставки, на которые выкладывают буквы, когда играют в «Эрудит».

Один единственный провод почти такой же толстый, как провод переменного тока, шел от платы к пишущей машинке.

— Вставь бумагу, — напомнила Андерсон. Она смеялась. — *Об этом-то я почти забыла* — ну, не глупо ли? Тут они не помогали, и я чуть не сошла с ума, пока не нашла решения. Один день я просидела на ликерах, желая, чтобы мне только попался один из этих проклятых словогрызов, а когда я добралась до туалетной бумаги... *эврика!* Как я была ошеломлена!.. Заправь бумагу, Гард!

Нет. Надо выбираться отсюда прямо сейчас. Поймаю машину, и — в Хемпден, а там так надерусь, чтобы никогда уже не вспоминать об этом. Я и знать уже не хочу, кто такие «они».

Вместо этого он потянул рулон бумаги, пропустил перфорированный край первого листа под ролик и повернул круглую ручку сбоку старой машинки, чтобы зажать лист. Сердце билось тяжело и учащенно.

— Готово! — крикнул он. — Хочешь, чтобы я... что-нибудь включил?

Он не видел никакого выключателя, а даже если бы и видел, то не захотел бы к нему прикасаться.

— В этом нет нужды, — откликнулась она. Гард услышал щелчок. За ним последовало жужжание — звук, напоминающий моторчик детского электропоезда.

Зеленый свет полился из пишущей машинки Андерсон.

Гарденер непроизвольно отшатнулся назад на негнущихся ногах. Этот свет струился между клавиш странными рассеивающимися потоками. По бокам «Ундервуда» были стеклянные панели, и сейчас они светились, как стенки аквариума.

Вдруг клавиши машинки стали сами собой нажиматься, двигаясь вверх и вниз, как клавиши механического пианино. Каретка стремительно сдвинулась с места, и буквы посыпались на строку:

На дне морском мой отец лежит

Щелк! Клац!

Каретка вернулась.

Нет. Я не вижу этого. Я не верю, что могу видеть это.

С двумя жемчугами в глазницах пустых

Тошнотворный зеленый свет сочился сквозь клавиатуру и проливался на слова, как свет люминесцентной лампы.

Щелк! Клац!

Пиво «Рейнгольт» всему пиву — пиво

Казалось, строка появилась через секунду. Клавиши стучали так быстро, что сливались воедино. Как будто смотришь новости, автоматически печатающиеся телеграфным аппаратом.

Вспомни «Рейнгольт», покупая пиво!

Боже мой, неужели она в самом деле делает это? Или это розыгрыш?

Своим пошатнувшимся перед лицом нового чуда умом он осознал, что изо всех сил стремится к точке зрения Шерлока Холмса — розыгрыш, конечно, это розыгрыш, плод нервного срыва бедной Бобби... очень плодотворного нервного срыва.

Щелк! Клац!

Пронеслась каретка.

Это не розыгрыш, Гард.

Каретка вернулась, и клавиши напечатали перед его вытаращенными, широко раскрытыми глазами:

Ты был прав в первый раз. Я делаю это из кухни. Сзади моей пишущей машинки — прибор, улавливающий мысли, — мыслечувствительный, так же как фотозлемент — светочувствитель-

ный. Эта штука улавливает мысли верно на расстоянии пяти миль. Если я нахожусь на большем расстоянии — она искажает. А если за пределами десяти миль — вообще не работает.

Щелк! Клац! Большой серебристый рычаг слева каретки дернулся дважды, проталкивая бумагу, — на которой сейчас было уже три отличных напечатанных абзаца — вверх на несколько строк. Затем последовало резюме.

Теперь ты видишь, что мне не надо было сидеть за машинкой, работая над романом — все без рук! Этот бедный старый «Ундервуд» носился как проклятый те два или три дня, а все то время, что он носился, я была в лесу, работала вокруг того места, или внизу, в подвале. Но, как я уже говорила, большую часть времени я проспала. Забавно... даже если бы кто-то смог убедить меня в существовании такой машины, я бы не поверила, что она будет работать на меня, так как я всегда отвратно диктовала. Я всегда говорила, что должна писать свои письма, потому что должна видеть слова на бумаге. Я и представить себе не могла, как можно надиктовать целый роман, например, машинистке, хотя некоторые писатели так всегда делают. Но, Гард, это совсем не похоже на диктовку — это прямой перехват из подсознания, больше напоминающий мечтание, чем писание романа... но то, что получается, — это не мечты, которые часто бывают нереальны и бессвязны. В действительности это никакая не пишущая машинка. Это машина грез. Однако, грезящая рационально. Есть что-то удивительно забавное в том, что они дали ее мне и что я смогла написать «Бизоньих солдат». Ты прав, это лучшее из всего, что я написала, но это все-таки только вестерн. Это все равно что изобрести вечный двигатель, чтобы твой ребенок больше не надоедал тебе просьбами сменить батарейку в его игрушечной машине! А ты можешь себе представить, что было бы, если бы у Фрэнсиса Скотта Фицджеральда была такая штука? Или у Хемингуэя? Фолкнера? Сэлинджера?

После каждого вопросительного знака машинка на мгновение замирала, а потом выбрасывала новое имя. После Сэлинджера она остановилась окончательно. Гарденер прочитывал все по мере написания, но механически, почти не понимая. Его глаза вернулись к началу отрывка. *Я подумал, что это какая-то хитрость, что она могла прицепить к машинке что-то, чтобы как-то написать те два коротких стихотворные отрывка. И она написала...*

Она написала: *Это не розыгрыш, Гард.*

Он внезапно подумал: *Бобби, ты можешь читать мои мысли?*

Да. Но только чуть-чуть.

Что мы делали 4 июля в тот год, когда я бросил преподавать?

Мы ехали в Дерри. Ты сказал, что знаешь парня, который продал бы нам несколько бутылок вишневой наливки. Он их и продал, но они все оказались никудышными. Ты был сильно пьян и хотел вернуться, чтобы разбить ему башку. Я не смогла отговорить тебя, и мы вернулись. И будь я проклята, если его дом не пылал. В подвале у него было много горючего, и он уронил окурок в ящик с ним. Ты увидел огонь и пожарные машины и стал смеяться так, что выпал на дорогу.

Чувство нереальности сейчас было сильным как никогда. Он боролся с ним, пытался держать его в руках, пока глаза искали в предыдущем отрывке что-то еще. Через пару секунд он нашел это: *Есть что-то удивительно забавное в том, что они дали ее мне, знаешь...*

А еще раньше Бобби сказала: *А батарейки все падали, они были дикие, совсем дикие...*

Его щеки горели, как в лихорадке, но лоб был холодным, как пакет со льдом — даже постоянная болезненная пульсация над левым глазом казалась холодной... короткие уколы, повторяющиеся с регулярностью метронома.

Глядя на пишущую машинку, полную какого-то ужасного зеленого света, Гарденер подумал: *Бобби, кто такие они?*

Щелк! Клац!

Клавиши разразились треском, буквы складывались в слова, а слова — в строки детской песенки:

*Нынче ночью, верь не верь,
Томминокер, Томминокер,
Томминокер стукнул в дверь*

Джим Гарденер закричал.

В конце концов его руки перестали трястись — настолько, что он смог поднести ко рту горячий кофе, не вылив его на себя и, таким образом не закончив утреннее сумасшедшее веселье еще несколькими ожогами.

Андерсон продолжала смотреть на него с противоположного конца кухонного стола понимающими глазами. Она хранила бутылку хорошего бренди в самом темном углу чулана, подальше от основной части алкогольных припасов и предложила сдобрить кофе Гарда изрядной дозой этого напитка. Он отказался, не просто с огорчением, а с превеликим трудом. Ему был *необходим* этот бренди — он мог бы притупить его головную боль, а может быть, совсем ее заглушить. И, что еще важнее, он помог бы ему вновь сфокусировать сознание. Он избавил бы его от этого чувства: я-только-что-побывал-на-краю-земли.

Была единственная проблема, относящаяся к тому пункту, не так ли? Правильно. Дело в том, что он не смог бы остановиться на единственном глотке бренди в кофе. Их и так уже было слишком много, начиная с того момента, как он открыл люк в дне титана Бобби, а затем поднялся наверх за виски. Тогда это было безопасно. Сейчас атмосфера была неспокойна, как перед торнадо.

Значит: больше не пить. Не позволять себе большего, чем ирландский кофе, до тех пор, пока он не поймет, что здесь произошло. Включая то, что случилось с Бобби. Это, конечно, главное.

— Прости меня за последнее, — сказала Андерсон. — Я не знаю, смогла бы я ее остановить. Я говорила тебе, что это машина грез; это еще и подсознательная машина. Я действительно не могу читать большую часть твоих мыслей, Гард, — я пробовала это делать с другими людьми, и в большинстве случаев это оказывалось так же просто, как воткнуть палец в свежее тесто. Ты можешь постичь суть всех путей, которые, как я думаю, ты зовешь ид... хотя там так ужасно, там все наполнено самыми страшными... их даже нельзя назвать идеями... *образами*, ты, наверное, сказал бы. Просто как детские каракули, но они живые. Как те рыбы, которых вытаскивают из глубин океана, они взрываются, если их извлечь. Бобби вдруг вздрогнула. Они *живые*, — повторила она.

С секунду не слышно было никаких звуков, кроме пения птиц за окном.

— В любом случае все, что я от тебя получаю — поверхностно, и большая часть всего *этого* разбита или искажена. Если бы ты был,

как другие, я бы знала тогда, что с тобой происходит и почему у тебя такой траурный вид...

— Спасибо, Бобби. Я знал, что существует причина, по которой я сюда приехал. И если это не уловка, то, должно быть, лезть. — Он усмехнулся, но это была нервная усмешка, и закурил еще одну сигарету.

Он молчал, поэтому Бобби продолжила:

— Я могу выдвинуть несколько предположительных догадок на основе того, что произошло с тобой до этого, но нужно будет, чтобы ты рассказал мне все в деталях... Я не смогла бы сунуться в чужие дела, даже если бы захотела. Я не уверена, что смогу выяснить это, даже если ты вытолкнешь все на поверхность своего сознания и расстелешь передо мной ковровую дорожку. Но когда ты спросил, кто они такие, этот мотивчик Томминокеров всплыл, как огромный пузырь. И он выплыл из пишущей машинки.

— Ну хорошо, — сказал Гарденер, хотя все вовсе не было хорошо... все было как раз нехорошо. — Но как их еще можно назвать, кроме Томминокеры? Эльфы? Гномы? Грем..

— Я просила тебя оглядеться, потому что хотела, чтобы ты получил представление о том, как далеко все это зашло, — сказала Андерсон, — и насколько далекоидущими могут быть последствия.

— Ну, это я хорошо понимаю, — сказал Гарденер, и улыбка слегка коснулась уголков его рта. — Еще немного таких далекоидущих последствий — и я созрею для смиренной рубашки.

— Твои Томминокеры пришли из космоса, — сказала Андерсон. — Я думаю, ты уже сделал этот вывод.

Гарденер допускал, что такая мысль мелькала в его сознании, но во рту у него было сухо, руки сцеплены вокруг кофейной чашки.

— Есть ли они вокруг нас? — спросил он, и, казалось, что его голос доносится откуда то издалека. Ему вдруг стало страшно оборачиваться, страшно, что он вдруг увидит какое-нибудь шишковатое существо с тремя глазами и рогом на месте рта, выходящее, вальсируя, из кладовой — что-то, навеянное киносериалами вроде «Звездных войн».

— Я думаю, что физически они умерли уже очень давно, — спокойно сказала Андерсон. — Может, умерли они задолго до того, как на земле появились люди. Но вот Карузо умер, а все еще поет на чертовой прорве записей, так ведь?

— Бобби, — сказал Гарденер, — расскажи мне, что произошло. — Я хочу, чтобы ты начала с самого начала, а закончила словами: и тогда ты появился на дороге, как раз вовремя, чтобы

подхватить меня, когда я потеряла сознание. — Можешь ты сделать это?

— Не полностью, — сказала она и усмехнулась. — Но я постараюсь.

8

Андерсон говорила долго. Когда она закончила, было уже за полдень. Гард сидел за кухонным столом и курил, только один раз он позволил себе выйти в ванную, чтобы принять еще аспирина.

Андерсон начала с того, как она споткнулась, рассказала о своем возвращении и о том, как выкопала кусок корабля — достаточно, чтобы понять, что она нашла нечто уникальное, — затем вернулась третий раз. Она не рассказала ни про бурундука, который был мертв, но не разлагался, ни про уменьшающуюся катаракту Питера, ни про визит к ветеринару Эйзериджу. Она обошла молчанием эти события, сказав только, что, когда она вернулась после первого дня работы над вещью, то обнаружила Питера мертвым на передней веранде.

— Он выглядел так, как будто уснул, — сказала Андерсон, и в ее голосе была нотка слащавости, так не похожая на Бобби, которую он знал, что Гарденер бросил на нее острый взгляд... а потом быстро перевел его вниз на свои руки. Андерсон слегка всплакнула.

Через некоторое время Гарденер спросил:

— А дальше что?

— И тут ты появился на дороге, как раз вовремя, чтобы подхватить меня, когда я потеряла сознание, — с улыбкой сказала Андерсон.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Питер умер 28 июня, — сказала Андерсон. Она не умела лгать, но тем не менее, это звучало гладко и правдоподобно. — Это последний день, который я помню ясно и последовательно. То есть до того, как ты появился вчера ночью. — Она улыбнулась Гарденеру открыто и бесхитростно, но это тоже была ложь — ее последовательные, ясные, упорядоченные воспоминания обрывались днем раньше, 27 июня, в тот момент, когда она стояла над этой огромной погребенной в земле штукой, сжимая черенок лопаты. Эти воспоминания заканчивались на ее шепоте: «Все прекрасно» и последующих раскопках. Оставались еще какие-то части рассказа, всевозможные части, но она не могла вспомнить их последовательно, а то, что она могла вспомнить, было как бы отредактировано... тщательно отредактировано. Например, она действительно не могла рассказать

Гарденеру о Питере. Пока еще нет. *Они* сказали ей, что она не может, но об этом ей и не надо было напоминать.

Они также сказали ей, что Джима Гарденера надо наблюдать очень, очень пристально. Конечно, недолгое время — скоро Гард будет

(частью нас)

в команде. Да. И это было бы *великолепно* — иметь его в команде, потому что если и был кто-то в этом мире, кого Андерсон любила, так это Джим Гарденер.

Бобби, кто такие — они?

Томминокеры. Это слово, всплывшее из темных глубин сознания Гарденера, как серебристый пузырь, вполне годилось для имени, почему нет? Конечно. Лучше, чем ничего.

— Ну так что же? — спросил Гарденер, закуривая ее последнюю сигарету. Он выглядел изумленным и встревоженным. — Не могу сказать, что я в состоянии проглотить все это...

Он диковато хихикнул.

— А может быть, просто моя глотка недостаточно широка для того, чтобы проглотить это целиком.

— Понимаю, — сказала Андерсон. — Я думаю, что главная причина, почему я помню так мало о событиях последней недели, это то, что они все... такие жуткие.

Ей не нравилось врать Гарду. Она чувствовала себя неудобно от этого. Но все вранье должно было довольно скоро закончиться. Гард должен был... должен был...

Хорошо... убежден.

Когда он увидел бы корабль. Когда он его *почувствовал бы*.

— Неважно, насколько я верю или не верю. Я думаю, что я вынужден поверить в большую часть всего этого.

— "Когда отбросишь невозможное, то, что останется, будет правдой, как бы невероятно оно ни выглядело".

— И ты тоже это поняла, да?

— Форму этого. Я могла бы еще не знать даже, что это такое, если бы не слышала, как ты это говорил один или два раза.

Гарденер кивнул.

— Да, думаю, это как раз подходит к нашей ситуации. Если я не буду верить в очевидность своих ощущений, я должен буду признать себя сумасшедшим. Хотя Бог знает сколько людей в мире были бы более чем счастливы оказаться на моем месте.

— Ты не сумасшедший, Гард, — спокойно сказала Андерсон и положила свою руку поверх его. Он вытащил руку и сжал ее в кулак.

— Да... знаешь, человек, который застрелил жену... найдется немало людей, для которых это было убедительным доказательством его невменяемости, понимаешь?

— Гард, это было 8 лет назад.

— Конечно. А тот парень, которого я толкнул в грудь, восемь дней назад. А еще я гнался за парнем через холл Трепла и через его столовую с зонтиком, я тебе не рассказывал? Последние пять лет мое поведение становится все более деструктивным...

— Привет, ребята! Национальный Час Жалости к Самому Себе приветствует вас! — весело защебетала Бобби Андерсон. — Сегодня у нас в гостях...

— Вчера утром я собирался покончить с собой, — спокойно сказал Гарденер. — И если бы в меня вдруг не вселилась уверенность — *твердая* уверенность в том, что тебе плохо, я бы уже кормил рыб.

Андерсон пристально посмотрела на него. Ее рука медленно сжимала его руку, пока не стало больно.

— Боже, что ты говоришь?!

— Конечно. Ты хочешь знать, как это приходит? Это казалось самым разумным из всего, что я мог предпринять в тех обстоятельствах.

— Ну, кончай.

— Я серьезно. Потом пришла эта мысль. Мысль, что тебе плохо. И я отложил это, чтобы позвонить тебе. Но тебя не было.

— Я, наверное, была в лесу, — сказала Андерсон. — И ты прибежал.

Она поднесла его руку к губам и нежно поцеловала.

— Если во всех этих сумасшедших делах и нет никакого смысла, то благодаря им ты хотя бы остался жив, мудила.

— Я, как всегда, под впечатлением поистине Галльским размахом твоих комплиментов, Бобби.

— Если ты когда-нибудь *сделаешь* это, я уже вижу это слово, выбитое на твоём могильном камне: МУДИЛА, и выбитое достаточно глубоко, чтобы не стерлось по крайней мере сто лет.

— Ну, спасибо, — сказал Гарденер. — Но пока тебе не придется об этом заботиться, потому что я все еще испытываю это чувство.

— Какое?

— Что с тобой не все в порядке.

Она попыталась отвернуться, отняла свою руку.

— Бобби, черт возьми, посмотри на меня!

Наконец, неохотно, она повернулась к нему, нижняя губа оттопырена в упрямой гримаске, которую он так хорошо знал, — но не

было ли в ней еще крохотной доли неуверенности? Ему казалось, была.

— Все это кажется таким чудесным — домашняя электростанция из D-элементов, самопишущиеся книги и Бог знает, что еще — так почему же мне кажется, что у тебя что-то не так?

— Я не знаю, — тихо сказала она и занялась тарелками.

9

— Конечно, я работала почти до изнеможения — это раз, — сказала Андерсон. Сейчас она стояла спиной к нему, и ему казалось, что ее это очень устраивает. Тарелки гремели в горячей мыльной воде. — И я не говорила, что контакт с космосом... хм, дешевая чистая электроэнергия и телепатия — это слишком много значит. Наш почтальон изменяет жене — я знаю об этом, хоть и *не хочу* этого знать, черт побери, я не хочу соваться в их дела, но это у него прямо здесь, Гард, как будто на лбу написано, не видеть это было бы так же невозможно, как не видеть неоновую вывеску высотой в сто футов. О, Боже, меня трясло и шатало.

— Я вижу, — сказал он и подумал: *Она не говорит правду, по крайней мере, всю правду. И я не думаю даже, что она ее знает.* — Остается один вопрос: что нам теперь делать?

— Я не знаю, — она оглянулась, увидела поднятые брови Гарденера и сказала: — Ты думал, что я собираюсь выдать тебе ответ в виде пассажи слов эдак на пятьсот? Я так не могу. У меня есть несколько мыслей — не более того. Может, даже не очень ценных. Я думаю, что сначала надо взять тебя, чтобы ты мог...

(быть убежден)

...взглянуть на это. А потом... ну...

Гарденер посмотрел на нее долгим взглядом. На этот раз Бобби не опустила глаза. Но что-то было не так, что-то было фальшивым и дисгармоничным. Как, например, нотка поддельной сентиментальности в голосе Бобби, когда она говорила о Питере. Может, слезы и были настоящими, но тон... тон был насквозь фальшивым.

— Ладно. Давай пойдем и в самом деле посмотрим на твой корабль.

— Но сначала ленч, — безмятежно сказала Андерсон.

— Ты *опять* голодна?

— Ну да. А ты?

— Боже, конечно же, нет!

— Ну тогда я поем за нас двоих, — сказала Андерсон и так и сделала.

Глава 10 ГАРДЕНЕР ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

1

— Великий Боже. — Гарденер тяжело опустился на свежий пенек. Как будто он проваливался в пустоту. Или получил сильнейший удар под дых. Нет; ощущения были несколько иными и более сильным. Как будто Джим проглотил шланг вакуумного промышленного насоса, включенного на полную мощность; теперь тот отсасывал воздух из груди. — Великий Боже, — повторил он ослабевшим бесцветным голосом. Похоже, это все, на что он был способен в тот момент.

— Это уже кое-что, неправда ли?

Они были на полпути вниз по склону, около того места, где Андерсон увидела мертвого бурундучка. Прежде склон был густо покрыт лесом. Сейчас между деревьями была прорублена просека, и Гарденер углядел вдали некий странный предмет, показавшийся ему странно знакомым. Тот стоял на краю котлована, выкопанного Андерсон, и казался маленьким на фоне обнажившегося из-под земли предмета.

Канава достигла 200 футов длины и 20 ширины с обоих концов. Разрез в форме женского бедра на протяжении 40 футов в ширину достигал 30 футов. Поверхность корабля, который горделиво вздымался из земли, напоминала гигантское серо-стальное чайное блюдо.

— Боже мой, — выдохнул Гарденер. — Вы только поглядите на эту штуку.

— Я уже глядела, — ответила Бобби с чуть заметной сдержанной улыбкой на губах. — Неделя, как я гляжу на нее. И эта вещь прекраснее всего, что я когда-либо видела. С ее помощью решатся многие вопросы, Гард. «Прискачет всадник...»

Это кратчайший путь во мгле. Гарденер посмотрел на Андерсон, которая должно быть витала в том темном неизвестном пространстве, откуда прибыл этот потрясающий корабль. Но лишь один взгляд в глаза Бобби остудил его фантазии. Взгляд был не просто устремлен куда-то вдаль. Глаза были похожи на два пустых окна.

— Что ты хочешь сказать?

— А? — переспросила женщина, оглядываясь вокруг, как будто выходя из глубокого забытья.

— Что ты этим хотела сказать — придет всадник?..

— Я хотела сказать, что это... про нас. Но мне кажется... мне кажется, что думала я именно о тебе. Пойдем со мной вниз, посмотрим.

Андерсон стала спускаться с небрежной грацией, достигнутой многочисленными предыдущими тренировками. Она прошла по крайней мере футов 30, когда поняла, что Джим не следует за ней. Женщина оглянулась. Джим лишь поднялся с пенька.

— Оно тебя не укусит, — крикнула Бобби.

— Не укусит? А что оно со мной сделает? — переспросил он.

— *Ничего!* Они все мертвы, Гард! Твои Томминокеры действительно жили, но они были смертны, а этот корабль провалился здесь по меньшей мере 15 миллионов лет. Здесь был ледник! И разбился о него, так и не сдвинув с места. Даже всем тем массам льда не удалось приподнять корабль. И ледниковые потоки расступились. Загляни в разрез, и ты все увидишь, это как застывшая волна. Доктор Борнс из университета рехнулся бы от всего этого... но они же действительно мертвы, Гард.

— А внутри ты уже была? — поинтересовался тот, не двигаясь с места.

— Нет. Люк — а мне кажется, я чувствую, что он есть — все еще погребен. Но это не меняет того, что я знаю. Они умерли, Гард. Умерли.

— Они умерли, на корабле ты не была, но ты, как и Томас Эдисон, в конце своего «запоя» и к тому же читаешь мысли. Я повторяю: что этот предмет сделает со мной?

И тут Роберте пришлось ужасно солгать — солгать спокойно и без сожаления. Бобби ответила:

— Ничего такого, что бы ты сам не захотел. — И стала спускаться вниз, больше не оглядываясь на Джима, чтобы узнать, следует ли тот за ней.

Гарденер постоял в нерешительности с несчастным видом еще некоторое время и направился за ней вслед.

2

Непонятым транспортным средством на краю траншеи была старая вагонетка, которая перед переселением к Бобби достойно служила в качестве вагона в компании «Кантри Сквайр». Андерсон пригнала ее из Нью-Йорка в тот же год что и бросила колледж. Это произошло 13 лет назад, и уже тогда машина была не нова. Бобби нещадно гоняла ее по дорогам до 1984 года, пока Элт Баркер, владелец единственных в Хэвене гаража и бензоколонки, не отказался опекать и обслуживать колымагу. Затем, после одного безумного выходного дня — они пили большую его часть, и до сих пор Гард был уверен, что только чудо спасло их от взрыва старой

паяльной лампы Фрэнка Гаррика, — они сняли часть крыши вагонетки и превратили ее в грузовичок придурковатого вида.

— Погляди-ка на это, старина Гард, — торжественно продекларировала Бобби Андерсон, глядя на остатки вагонетки. Затем она наклонилась вперед, и ее стошнило. Гарденер подхватил женщину и потащил к платформе (Питер беспокойно постоянно вертелся у него под ногами). К тому времени, как Джим добрался до цели, Бобби потеряла сознание. Он осторожно опустил ее на пол и вырубился сам.

В конце концов придурковатая платформа вышла из строя, и Андерсон поместила ее на блоки в конце сада, сетуя, что никто не купит ее даже за запчасти. Гарденер подозревал, что она сентиментальничала.

Сейчас механизм воскрес — хоть он и утратил первоначальный облик за исключением голубой краски и наружной обшивки под дерево, что являлось торговой маркой Кантри Сквайр. Практически вся передняя часть и дверца машиниста были убраны. На месте последней было расположено скопище копающих и землеуборочных приспособлений. Обеспокоенному взгляду Гарденера машина Бобби сейчас напоминала раскуроченный детский бульдозер. На месте решетки торчало острие гигантской отвертки. Мотор выглядел так, как будто был целиком выдернут из старой модели гусеничного трактора.

Бобби, откуда ты приволокла этот мотор? И как ты дотащи-ла его сюда? Боже мой!

И все же этот факт, примечательный сам по себе, только на мгновение приковал его внимание. Взгляд его продвинулся дальше по вскопанной земле до того места, где стояла Бобби, засунув руки в карманы и глядя в яму перед собой.

— Ваши мысли по этому поводу, Гард?

У него не было никаких мыслей по этому поводу, и он остался нем как рыба.

Яма была удивительно глубокой: 30 или 40 футов, как он прикинул. Если бы лучи солнца не падали прямо, Джим даже не разглядел бы ее дна. Между стеной котлована и гладкой поверхностью корабля был зазор фута в 3. И корпус тарелки был абсолютно гладким. Ни цифр, ни символов, ни рисунков или иероглифов.

На дне ямы предмет по-прежнему уходил под землю. Гарденер покачал головой, открыл было рот, но не смог издать ни звука.

То место корабля, о которое Бобби споткнулась в самом начале и вокруг которого стала расковыривать землю, приняв это за банку из-под консервов, оставшуюся после корчевщиков, находилось в 3

футах от Джима. Он уставился на него так же, как две недели назад это сделала Бобби... с одной лишь разницей: когда та впервые заметила краешек металлической обшивки корабля, она стояла на коленях. Гарденер стоял на ногах. Он лишь краем глаза отметил ущерб, нанесенный склону — деревья были срублены и оттащены в стороны, пни торчали как остатки гнилых зубов — он не думал об этом до сего момента. Джим пригляделся бы повнимательней, если бы Андерсон пояснила ему, какой объем склона ей пришлось попросту снести... Само существование холма затрудняло извлечение корабля из земли... поэтому она просто удалила половину для облегчения своей работы.

«Летающая тарелка, — слабо шевельнулась мысль, а потом: Я уже умер. Все это иллюзии смерти. Каждую секунду я могу очнуться и обнаружу, что умею дышать в соленой воде. Каждую секунду. Каждую невероятно долгую секунду».

За исключением того, что такое никогда не случится, потому что все, располагающееся перед глазами, было вполне реально. Действительно летающая тарелка.

И в какой-то мере этот факт был хуже всего. Не космический корабль, не инопланетный грузовой корабль, а именно *летающая тарелка*. Они были развенчаны представителями Воздушных сил, мудрыми учеными, психологами. Ни один уважающий себя писатель-фантаст не поместит героев своего произведения внутри нее, а если даже он это сделает, то ни один уважающий себя редактор не поставит на полях рукописи жирный знак одобрения. Летающие тарелки вышли из моды одновременно с Эдгаром Р. Бэрроузом и Отисом А. Клайном. Популярность темы дышала на ладан. Летающие тарелки уже ушли в историю; идея как таковая воспринималась не более чем шутка, всерьез воспринимаемая лишь чокнутыми, религиозными фанатиками и, конечно же, постоянно массирувавшаяся бульварными газетенками, публиковавшими каждую неделю историю о летающих тарелках типа «Шестилетняя девочка изнасилована инопланетянином, о чем в слезах сообщает ее мать».

Большинство подобных происшествий, по чертовски странному стечению обстоятельств, происходило либо в Бразилии, либо в Нью-Хэмпшире.

А здесь перед ними лежала эта штуковина — лежала с давних пор, и века проносились над ней, как минуты. Неожиданно на ум пришла строчка из Книги Бытия, заставившая Гарда вздрогнуть как от порыва холодного ветра: *и в те дни на земле жили титаны*.

С вопрошающим взглядом он повернулся к Андерсон.

— Она действительно существует? — он смог лишь прошептать.

— Вполне. Дотронься до нее. — Женщина постучала по тарелке костяшками пальцев, извлекая тот же звук красного дерева. Гарденер потянулся вперед... затем отдернул руку за спину.

Тень раздражения и досады пробежала по лицу Андерсон.

— Я же говорю, Гард, что она не кусается.

— И она не сделает со мной ничего такого, что я не захочу.

— Совершенно верно.

Гарденер задумался, насколько это возможно в состоянии все возрастающего смятения — однажды он уже поверил ей в том памятном эпизоде с выпивкой. Стоит крепко подумать обо всем, ведь он встречался с людьми — большинство из них его студенты колледжа начала 70-х, которые говорили те же слова о наркотиках. Многие из них закончили свой путь в клиниках или приютах для наркоманов с тяжелыми последствиями от употребления кокаина.

Бобби, скажи мне, неужели ты действительно хотела работать до изнеможения? Неужели ты хотела так похудеть и стать похожей на скелет? По-моему, я хочу знать только одно — ты была свободна в своем решении или тобой управляли? И солгала ли ты мне о Питере? И почему не слышно пения птиц в лесу?

— Ну давай же, — проговорила женщина теряя терпение. — Нам еще предстоит о многом поговорить и принять непростые решения. И мне не хочется, чтобы ты прерывал меня на середине своими заявлениями о том, что все увиденное здесь — галлюцинации после лишней бутылочки.

— Я буду последним дерьмом, если скажу это.

— Но именно это обычно и говорят люди. Ты же был хроническим алкоголиком. Мы оба это знаем.

Да, но прежняя Бобби никогда бы не стала говорить об этом... по крайней мере такими словами.

— Только дотронься, и ты сразу поверишь. Это все, о чем я прошу.

— Ты говоришь так, как будто это очень важно для тебя.

Андерсон нетерпеливо переступила с ноги на ногу.

— Ну, хорошо, — ответил Гарденер. — Ну, хорошо, Бобби.

Он приблизился и крепко ухватился за поверхность корабля, точно как Андерсон в самый первый день. Он совершенно точно видел, что выражение неприкрытой долгожданной радости разлилось по лицу Роберты. Как у человека, ожидавшего взрыва хлопушки.

Одновременно произошло несколько вещей.

Первая — ощущение вибрации под пальцами, как будто дотрагиваешься рукой до столба с высоковольтными проводами. На

секунду показалось, что она ввергла его плоть в оцепенение, с невообразимо высокой скоростью растекавшееся по телу. Затем это ощущение прошло. В тот же момент в голове Гарда грянула музыка. По сравнению с ней все, что он слышал прошлой ночью, показалось шепотом — сейчас он как будто находился внутри стереоприемника, включенного на полную мощь.

*День выключил меня, и, возможно,
с девяти до пяти я жду,
когда все будет кончено,
и я домой пой...*

Он открыл было рот, чтобы закричать, как все в одно мгновение смолкло. Гарденер узнал песенку, популярную в те времена, когда он ходил в начальную школу; и впоследствии он не раз напевал этот услышанный отрывок, поглядывая на часы. Последовательность событий была такова: секунда-две вибрации, примерно секунд 12 оглушающей уши музыки, затем кровотечение из носа.

Все верно, кроме того, что музыка оглушала. Мелодия раскалывала на части *голову*. Она совсем не проходила через уши. Она вонзалась в голову прямо из этого чертова куска стали во лбу.

Он увидел, что Андерсон отшатнулась назад и взмахнула руками, как будто отводя что-то от себя. Выражение радостного ожидания сменилось удивлением, ужасом, замешательством и гримасой боли.

Последним ощущением было прекращение головной боли.

Она исчезла полностью.

Но кровь из носа не просто текла: она лилась в три ручья.

3

— Вот, возьми. Боже мой, Гард, с тобой все в порядке?

— Все будет хорошо, — ответил Гарденер голосом, слегка приглушенным ее носовым платком. Он сложил его пополам и осторожно прижал к переносице. Затем задрал голову и почувствовал приторный вкус крови, текущей в горло. Бывало и похуже. Бывало... но недолго.

Они отошли шагов на десять от края разреза и уселись на поваленное дерево. Бобби озабоченно поглядела на него.

— Боже мой, Гард, я не знала, что произойдет что-либо *подобное*. Ты мне веришь, правда?

— Да, — ответил Гарденер. Он в точности не знал, *что* Бобби ожидала... но, пожалуй, не это. — Ты слышала музыку?

— Я не *слышала* ее напрямую, — ответила она. — Я получила представление о ней из твоей головы. Она почти разорвала меня.

— Правда?

— Да. — Бобби оживленно засмеялась. — Когда вокруг меня много людей, я отключаю их...

— Тебе удастся? — Он отнял платок от носа. Тот насквозь промок от крови — хоть отжимай. Но, слава Богу, кровотечение становилось слабее. Он отбросил платок и оторвал полоску от рубашки.

— Да, — подтвердила Андерсон. — Конечно... не совсем. Я не могу *полностью* закрыть дверь и отключить восприятие окружающих мыслей, но могу сделать их тише, как... как легкий шепот в глубине головы.

— Это невероятно.

— Это *необходимо*, — ухмыляясь, промолвила женщина. — Если бы я не могла делать это, я бы никогда не смогла выйти из этого Богом забытого дома. В субботу я ездила в Огасту и сняла мозговой барьер, чтобы почувствовать, каково же на самом деле.

— И ты прочувствовала.

— Да. Это похоже на ураган, бушующий в голове. Но самое страшное, насколько тяжело потом опять поставить защиту.

— Дверь... барьер... как тебе удастся его создавать?

Андерсон пожала плечами.

— Не могу объяснить, так же как и мальчишка, шевелящий ушами, не может объяснить, как у *него* это получается.

Она прокашлялась, чтобы прочистить горло и на секунду посмотрела вниз на ботинки, заляпанные грязью, как успел заметить Гард. Они выглядели так, как будто женщина не слишком часто снимала их за последние 2 недели.

Бобби слегка ухмыльнулась. Улыбка была одновременно смущенной и игривой, в этот момент она стала похожа на прежнюю Бобби. Ту, которая осталась другом для него, когда остальные отвернулись. Ее смущенная улыбка — Гарденер отметил ее в тот миг, когда впервые увидел Бобби, тогда еще первокурсницу. Сам он был новоиспеченным преподавателем, безжалостно разбивающим голову о тезисы к своей диссертации, которая, как он подозревал уже тогда, никогда не будет завершена. Угрожающе и с чувством раздражения он спрашивал первокурсников, что такое дательный падеж. Никто не отвечал. Он подумывал, как бы хорошенько встряхнуть их, когда Андерсон, Роберта, ряд 5, место 3, подняла руку и кратко ответила.

Ответила робко... но верно. И неудивительно, оказалось, что она единственная изучала в школе латынь. И та же смущенная улыбка, что и сейчас, была на ее лице тогда; вдруг Гард почувствовал нахлынувшую волну нежности и любви. Черт возьми, Бобби провела трудное время... но это **БЫЛА** Бобби. Никаких вопросов по этому поводу.

— Я всегда поддерживаю барьер, — говорила она. — Иначе это как подглядывать в чужие окна. Ты помнишь, я говорила тебе, что почтальон Полсон гуляет на стороне?

Гарденер кивнул.

— Но я не хочу об этом знать. Как не желаю знать, что какой-то бедняга страдает kleptomанией или какой-то парень тайно закладывает за воротник... Как твой нос?

— Кровь остановилась. — Гарденер положил окровавленный обрывок рубашки рядом с носовым платком. — Итак, ты постоянно держишь блок.

— Да. По многим причинам — моральным, этическим или просто чтобы не связываться с этим шумным дерьмом в голове — я постоянно поддерживаю его. В случае с тобой я сняла его, потому что ничего не могла подслушать даже когда хотела. Я *действительно* попробовала пару раз, и если это сводит тебя с ума, как я поняла... но только из любопытства, потому что... я не смогла ничего подслушать... ты такой один, подобных тебе больше нет.

— *Ни одного?*

— Ни одного. Этому должно быть объяснение, может, это что-то типа редкой группы крови. Может, так оно и *есть*.

— Прости, что я нулевой группы.

Андерсон засмеялась и поднялась на ноги.

— Ты в состоянии двигаться, Гард?

Это кусок металла в моей голове, Бобби. Он был готов произвести это вслух, но потом по какой-то причине передумал. *Это она не впускает тебя. Я не знаю, откуда мне это известно, но я знаю, что это так.*

— Да, все хорошо, — ответил он. — Я хотел бы (чего-нибудь крепкого)

чашечку кофе, вот и все...

— Ты получишь ее. Пошли.

В то время как одна часть Бобби относилась к Гарду с теплотой и заботливостью прежних времен, сохранявшиеся даже в худшие времена, другая ее часть (которая, по правде говоря, совсем не была Бобби Андерсон) отчужденно, как бы со стороны, пристально наблюдала за всем. Оценивая. Вопрошая. И первый вопрос действительно ли

(они)

она хотела, чтобы Гарденер находился здесь. Она

(они)

думала сначала, что теперь все ее проблемы будут решены, Гард присоединится к ней в раскопках, и ей больше не придется копать самой... ее первой составляющей... в одиночестве. Он был прав в одном: стремление сделать все самой почти убило ее. Но той перемены, которую Бобби так жаждала увидеть в нем, не произошло. Лишь это болезненное кровотечение из носа.

Он ни за что больше не дотронется до корабля, раз его нос так реагирует на это. Он не коснется его и уж тем более не войдет внутрь.

До этого может и не дойти. В конце концов Питер же не дотрагивался до корпуса. Питер и близко не хотел подойти к кораблю, но тем не менее его глаза... и омоложение...

Это не одно и то же. Он ведь человек, а не старый пес. И погляди-ка, Бобби, кроме кровотечения из носа и всплеска музыки в голове больше ничего не изменилось.

Никаких мгновенных изменений.

Действительно ли у него в черепе обосновалась летающая тарелка?

Возможно... Но почему такое нечто обязано делать различия?

Отчужденная часть Бобби не знала; она знала, что такое возможно. Корабль сам по себе излучал некую огромную, живую силу; то, что находилось в нем, погибло, Бобби была уверена, что не лгала в этом, но сам корабль был как бы живым, излучая невообразимой силы энергию через корпус... и женщина знала это; радиус действия корабля понемногу увеличивался, по мере того как все большая его часть освобождалась из-под земли. Эта энергия вступила в контакт с Гардом. Но затем она... что?

Как-то преобразовалась им. Вначале преобразовалась, а затем разрядилась в звучании мощнейшего радио.

Что же я сделала?

Роберта не знала, но была уверена, что это не столь важно.

Они скажут ей.

Когда наступит время, они скажут ей.

А тем временем он будет нести груз увиденного. Если бы она смогла *прочитать* его мысли! Было бы намного проще, если б она смогла, твою мать, просто прочитать его мысли!

Голос холодно заметил: *Заставь его напиться. Тогда ты сможешь залезть к нему в голову. Тогда тебе удастся залезть туда.*

5

Они вышли из «Томкэта», который не летал, а просто катился, как обычно, по земле, но вместо прошлого рева и дребезжания мотора сейчас ничто не нарушало давящей тишины.

Они выехали из леса и протиснулись в ворота ограды. Андерсон бросила машину там же, где та стояла сегодня утром,

Гарденер взглянул на небо, постепенно затягивавшееся облаками, и проговорил:

— Поставила бы ты ее под навес, Бобби.

— Сегодня будет ясно, — коротко бросила женщина. Она положила ключ в карман и направилась к дому. Гарденер покосился на сарайчик, двинулся за Бобби, а потом оглянулся назад. На двери появился висячий замок. Опять новое усовершенствование. Леса, прощу прощения за каламбур, казалось, кишели ими.

Что же у тебя там спрятано, Бобби? Машина времени? Что Новая Усовершенствованная Бобби могла прятать там?

6

Когда он зашел в дом, Бобби копалась в холодильнике. Затем она повернулась, держа в руках две банки пива.

— Ты пошутил про кофе или выпьешь вот это?

— А как насчет «Коки»? — спросил Гарденер. — Летящие тарелки идут лучше под «Коку» — таков мой девиз. — Джим диковато засмеялся.

— Ты прав, — сказала Бобби, затем замерла на полпути, ставя банки пива в холодильник и меняя их на «Коку». — Я это сделала, так ведь?

— А?

— Я вытащила тебя в лес и показала ту штучку. Корабль. Ведь так?

Боже, пронеслось в мыслях у Гарда. Боже мой.

В ту минуту, стоя с двумя банками в руках, она была похожа на больного неизлечимой болезнью.

— Да, — подтвердил Гарденер, чувствуя, что холодеет. — Так.

— Хорошо, — проговорила Бобби, расслабляясь. — Я так и думала.

— Бобби? С тобой все в порядке?

— Абсолютно, — ответила Андерсон и затем бросила небрежно, как будто говоря о малозначимой вещи: — Я просто не могу вспомнить, что я делала с того момента, как мы вышли из дома. Но, по-моему, это не столь важно, не так ли? Возьми свою коку, Гард, и давай выпьем за жизнь на других звездах, как ты считаешь?

7

И они выпили за иные миры, и затем Андерсон спросила, что же им делать с космическим кораблем, на который она наткнулась в лесу позади дома.

— *Не им, а тебе.*

— Я уже делаю, Гард, — мягко поправила она.

— Конечно, — ответил он слегка раздраженно, — но я имею в виду, что в итоге сделать с ним. Я буду счастлив дать тебе любой совет, какой пожелаешь, — ведь мы, спившиеся, сломленные поэты, набили руку на советах, — но в конце концов именно *тебе* придется что-то делать. Что-то более далеко идущее, чем просто ковыряние в земле. Потому что корабль принадлежит тебе. Он лежит на твоей земле, и он по праву твой.

Андерсон казалась шокированной.

— Ты ведь не думаешь, что корабль *принадлежит* кому-либо, ведь так? По какому праву, лишь потому что дядюшка Фрэнк завещал мне этот клочок земли? Потому что его предки происходят от приближенной к Георгу III кучки вельмож, выкинутых тем из Франции, после того как Францию вытурили из Индии? Мой бог, Гард, когда предки этой чертовой расы человечества стали ползать на коленках в пещерах и принюхивались к запахам, эта вещь уже 50 миллионов лет лежала в земле!

— Я уверен, что ты права, — сухо ответил Гарденер, — но не тебе менять закон. И потом, не собираешься же ты сидеть здесь и убеждать меня, что эта вещь не принадлежит тебе?

Андерсон выглядела одновременно расстроенной и задумчивой.

— Принадлежит? Нет, я бы так не сказала. Я за нее ответственна, пожалуй, но она не принадлежит мне.

— Ну что ж. Но если ты спрашиваешь моего совета, я тебе скажу. Позвони на военно-воздушную базу Лаймстоун. Скажи тому, кто поднимет трубку, что на твоей земле найден летающий объект, похожий на современную усовершенствованную летающую машину. Сперва у тебя будут проблемы, но в конце концов ты их убедишь. Затем...

Бобби Андерсон смеялась. Смеялась долго, взалхлеб и громко. Это был настоящий, искренний смех, и хотя в нем не было ничего скрытого, что-то все же заставило Гарденера почувствовать себя крайне неудобно. Женщина смеялась, и слезы текли по щекам. Он почувствовал, что каменеет.

— Прости меня, — проговорила Бобби, увидев выражение его лица. То, во что я никак не могла поверить, я слышу от тебя. Знаешь... это как... — Она захихикала снова. — Это шок. Как слушать из уст баптистского проповедника совет, что выпивка излечивает от неразделенной страсти.

— Я не понимаю, о что ты хочешь сказать.

— Ты прекрасно понимаешь. И все это я слышу от того парня, которого арестовали в Сибруке с пистолетом в кармане, от парня, который убежден, что родное правительство не станет счастливым, пока мы все не засветимся в темноте как цифры на электронных часах; и потом он увещевает меня обратиться на военно-воздушную базу и позвать их сюда, чтобы те позаботились о звездном корабле.

— Это твоя земля...

— Заткнись, Гард! Мой участок так же уязвим перед суверенным правом государства отчуждать знаменитые чем-то земли в свою собственность, как и любой другой. Это право возводит заслоны.

— А иногда ядерные реакторы.

Бобби снова присела и в наступившей тишине посмотрела на Гарда.

— Подумай, что ты несешь, — проговорила она мягко. — Дня через три после подобного звонка ни земля, ни корабль в ней уже не будут «моими». Еще через 6 дней они натянут колючую проволоку по всему периметру и поставят часовых через каждые 15 шагов. Через шесть недель, мне думается, 80% жителей Хэвена будут выселены, выкинуты... или просто исчезнут. И власти смогут это сделать. Ты, Гард, знаешь, что смогут. И в результате получится вот что: ты хочешь, чтобы я позвонила в Даллас и вызвала полицию.

— Бобби...

— Да. Вот чем это закончится. Я нашла звездный корабль, а ты настаиваешь, чтобы я сдала его в полицию Далласа. Неужели ты думаешь, что они приедут сюда и скажут: «Мисс Андерсон, пожа-

луйте с нами в Вашингтон, поскольку Высшее Военное Начальство хочет услышать ваши мысли по этому поводу — и не только потому, что земля, где он был найден, принадлежит вам — *принадлежал вам*, но главным образом потому, что Высшее Военное Начальство перед принятием решения хочет узнать ваше мнение. И Президент также хочет, чтобы вы посетили Белый дом и поделились с ним мыслями по этому поводу. Кроме того, он хочет сообщить вам, что очень любит «Римфайр Крисмас».

Андерсон запрокинула голову и засмеялась, но на этот раз дико, истерично, так, что от ее смеха бросало в дрожь. Гарденер едва заметил это. *Неужели он по правде думал*, что полиция придет сюда и будет церемониться? С таким непонятным предметом? Ответ отрицательный. Они отберут землю. И пинком вышвырнут Бобби и его... но даже этого может не хватить, им может понадобится нечто большее. Не захотят ли они создать здесь что-то среднее между русским ГУЛАГом и шикарным приютом «Клуб Мэд». Все бусинки вроде свободны, но однажды пойманные, никогда не освободятся.

Или даже *этого* окажется недостаточно... и не включайте в счет похорон цветы. Тогда и только тогда высокие чины среди доброжелателей смогут спать спокойно.

И в конце концов это ведь не артефакт, как этрусская ваза или предметы, оставшиеся после давно прошедшей Гражданской войны. Женщина, нашедшая это, теперь смогла снабдить весь дом энергией от D-элементов... и он еще не был готов поверить в это.

А что в самом деле *заставит* его работать? Микрочипы? Полупроводники? Нет. Этим добавленным внешним компонентом стала *Бобби, новая и усовершенствованная Бобби*. Или быть может, кто-то другой. И такой корабль... вы ведь не допустите, чтобы рядовой обыватель приближался к нему, не так ли?

— Чем бы еще это ни было, — шептал он, — эта чертова штука должна дьявольски усиливать работу мозга. Она превращает тебя в ученого гения.

— Нет. Ученого идиота, — проговорила спокойно Андерсон.

— Что?

— Ученого идиота. В Пайнлэнде, где находится государственное заведение для умственно отсталых, я видела шестерых. Еще учась в колледже, я два лета провела там, наблюдая их. Там был парень, который перемножал в уме шестизначные цифры и менее чем через 5 секунд давал правильный ответ... и в то же время пачкал штаны. И 12-летний мальчик-гидроцефал. С головой как тыква-рекордсмен. Но он мог вполне сносно печатать со скоростью 160 слов в минуту. Не мог ни говорить, ни читать, ни *думать*, но печатал как ураган.

Андерсон выудила из кармана сигарету и закурила. Ее глаза на изможденном, истончившемся лице смотрели на Гарденера в упор.

— Именно это случилось со мной. Ученая идиотка. Это *все*, чем я стала, и те знают это. Все трюки — печатание на расстоянии от машинки, новый нагреватель воды — я помню лишь их кусочки и фрагменты. Но делаю их я вполне осознанно, мне все-все ясно. А потом... — Она просяще взглянула на Гарденера. — Ты понял меня?

Он кивнул.

— Это исходит от корабля, как радиопередачи от радиобашни. И только потому, что радио способно улавливать передачи и пересылать их человеческому уху, оно ведь само не *говорит*. Правительство будет радо взять и запереть меня где-нибудь, а потом разрезать на кусочки, чтобы посмотреть, нет ли и физиологических изменений... когда несчастный случай позволит им произвести вскрытие, вот и все.

— Ты уверена, что не можешь проникнуть мне в голову, Бобби?

— Уверена. Но ты точно думаешь, что они не решатся пожертвовать несколькими людьми из-за этого корабля?

Гарденер медленно покачал головой.

— А поэтому следование твоему совету приведет именно к такому концу, — проговорила Бобби. — Вначале вызвать полицию Далласа. Затем быть взятой под стражу. А потом убитой ею.

Гард огорченно поглядел на нее и проговорил:

— Ну, ладно. Я похож на рыдающего дядюшку. Но где альтернатива? Тебе *придется* что-нибудь сделать. Боже, ведь эта штука *убивает* тебя.

— *Что?*

— Для начала: ты потеряла тридцать фунтов.

— Трид... — Андерсон выглядела непонимающей и испуганной. — Нет, Гард, никак не может быть. Пятнадцать, еще куда ни шло, мне представился удобный случай и...

— Пойди встань на весы, — ответил Гард, — И если ты даже в ботинках потянешь за девяносто пять фунтов, я готов съесть шкалу. Сбросишь еще фунтов пять и заболеешь. В твоем состоянии ты можешь получить сердечную аритмию и умереть за два дня.

— Мне нужно было сбросить несколько фунтов. И я была...

— Слишком занята, чтоб уделять внимание еде, не так ли?

— Ну, не так уж...

— Когда прошлым вечером я увидел тебя, ты выглядела как жертва Батаанского голодного марша. Ты узнала меня, но это *все*. При ходьбе ты даже не оставляешь следов на земле. Через пять

минут после того, как мы зашли в дом после созерцания твоей восхитительной находки, ты спросила, показала ли ее мне.

Бобби по-прежнему сидела, уставившись в стол, но Джим выдел выражение ее глаз: злое и застывшее.

Он легонько прикоснулся к ней.

— Я только хотел сказать, что та вещь в лесу, какой бы прекрасной ни была, делает с твоим телом и разумом такие вещи, которые отнюдь не идут на пользу.

Бобби отвернулась от него.

— Если ты хочешь сказать, что я ненормальная...

— Боже сохрани, я не говорю, что ты ненормальная! Но ты обязательно ею станешь, если не остановишься. Ты осознаешь, что у тебя появились провалы в памяти?

— Ты допрашиваешь меня, Гард.

— А для женщины, которая 15 минут назад спрашивала моего совета, ты выглядишь как чертовски враждебно настроенный свидетель.

Несколько мгновений они глядели друг на друга через стол.

Первой сдалась Андерсон.

— Провалы это не то слово. Не сравнивай, что происходит с тобой в подпитии с тем, что происходит со мной. Это не одно и то же.

— Я не собираюсь спорить с тобой о значении слов, Бобби. Это отговорка, и ты прекрасно это понимаешь. Та вещь опасна. И лишь это кажется мне важным.

Андерсон взглянула на него. Ее лицо было непроницаемым.

— Ты так думаешь, — проговорила она, не вопросительно и не утвердительно — слова звучали плоско и безжизненно.

— Ты не просто принимаешь чьи-то мысли, — сказал Гарденер. — Тобой управляют.

— Управляют. — Выражение лица женщины не изменилось.

Гарденер потер лоб.

— Да, управляют. И погоняют так, как плохой жестокий наездник прищипоривает лошадь, пока та не упадет замертво на дорожке... а затем в ярости хлещет кнутом мертвое тело из-за того, что проклятая лошадевка осмелилась умереть. Такой человек опасен для лошадей, а то, что внутри корабля... я думаю, оно опасно для Бобби Андерсон. Если бы я не появился...

— Что дальше? Если бы ты не появился, то что?

— Ничего, ты бы копала день и ночь, забыв о еде, и к этим выходным ты бы умерла.

— Не думаю, — холодно отозвалась Бобби, — но чтобы продолжить дискуссию, признаем, что ты прав. Я снова вышла на дорожку.

— Ты *не* вышла на дорожку, и с тобой *не* все в порядке.

Выражение ослиного упрямства снова вернулась на ее лицо, и это показало Гарду, что он плохо поработал и Бобби как бы не услышала его.

— Ну посмотри, — проговорил Гарденер, — я с тобой лишь один день. Впервые за историю человечества случилось невероятное, наиважнейшее и сводящее с ума событие. Когда все всплывет наружу, «Нью-Йорк Таймс» распишет все в подробностях, «Нейшнл Энквайер» подаст это как вопрос национальной важности. Под влиянием этого люди переменят свою чертову *религию*, ты понимаешь это?

— Да.

— Это не бочка с порохом, это атомная бомба. *Это ты понимаешь?*

— Да, — опять повторила женщина.

— Тогда убери это пьяное выражение со своего лица. Если мы хотим поговорить об этой штуковине, давай говорить о ней.

Андерсон вздохнула.

— Да-а. Хорошо. Извини.

— Я признаю свою неправоту по вопросу Военно-воздушных сил...

Они сказали это одновременно и одновременно засмеялись, что было здорово.

Все еще улыбаясь, Гард произнес:

— *Что-то* нужно сделать.

— Согласна, — поддакнула Бобби.

— Но боже мой, Бобби! Я провалился на экзамене по химии и едва ли преуспел в физике. Я не уверен, как, но я знаю, что корабль нужно... ну... заставить всплыть или что-то в этом роде.

— Нам нужны специалисты.

— Точно! — ухватился Гарденер. — Специалисты.

— Гард, все эксперты подконтрольны полиции Далласа.

Гарденер развел руками.

— Теперь, когда ты здесь, со мной все будет в порядке. Я это знаю.

— Похоже, будет по-другому. Теперь у *меня* начнутся провалы в сознании.

Андерсон произнесла:

— По-моему, игра стоит свеч.

— Ты это уже решила, ведь так?

— Я уже решила, чего мне *хочется*, да. Мне хочется без лишнего шума закончить раскопки. Выкапывать корабль целиком не имеет смысла. Мне кажется, что если мне — нам, я надеюсь, — удастся

углубиться еще футов на 40-50, мы дойдем до люка. И если мы проникнем внутрь... — Ее глаза вспыхнули, и Гарденер почувствовал ответный прилив восторга, зародившийся, как ему показалось, где-то в груди. Никакие возражения и доводы не могли затуманить сияние этой радужной перспективы.

— Если мы проникнем внутрь? — повторил он.

— Если мы проникнем внутрь, мы найдем пульт управления. А если нам повезет, я смогу поднять эту... штуку над землей.

— Ты думаешь, что сможешь?

— Я *знаю*, что смогу.

— А что потом?

— А что потом, я не знаю, — передернулась Бобби. Это было самой лучшей, самой продуманной и выпестованной ложью за все время... но Гарденер понял, что это *было* ложью. — Потом произойдет то, что и должно произойти... это все, что я знаю.

— Но ведь ты сказала, что решать буду я.

— Да, я сказала. Но как только уйдешь отсюда, все, что ты сможешь сделать — это никому *не* говорить ничего. Если ты решишь, что *должен*, как я смогу остановить тебя? Пристрелить из дробовика дяди Фрэнка? Я не смогу. Может, герой одной из моих книг и смог бы, но не я. Такова, к сожалению, действительность, и в ней нет верных ответов. Мне кажется, — я буду просто стоять и смотреть, как ты уходишь. Но кого бы ты ни позвал, Гард, — ученых из университета Ороно, биологов из Лаборатории Дженнинкса, физиков из МИТа, — кого бы ты ни позвал, в конечном итоге ты *действительно* вызовешь полицию Далласа. И придут люди с мотками колючей проволоки и полные машины вооруженных людей.

Она слегка улынулась.

— По крайней мере, мне не придется одной отправляться в «Клуб Мэд».

— Не придется?

— Нет. Ты по уши увяз в этом. Когда они выкинут меня отсюда, на сиденье позади меня будешь ты. — Бледная улыбка стала шире, но в ней не появилось веселья. — Добро пожаловать в обезьянник, друг мой. Ты разве не рад, что теперь с нами?

— Очаровательно, — произнес Гард в ответ, и неожиданно они оба рассмеялись.

Когда звуки смеха утихли, Гарденер обнаружил, что атмосфера на кухне разрядилась и стала проще.

Андерсон спросила:

— Как ты думаешь, если полиция займет корабль, что она с ним сделает?

— Ты слышала что-либо об «Ангаре 18»? — спросил в свою очередь Гард.

— Нет.

— Рассказывают, что «Ангар 18» располагался на базе ВВС где-то под Дэйтауном. Или Диаборном. А может, где-то еще. В любом случае, в США. И там хранились тела 5 маленьких человечков с рыбьими лицами и жабрами на шее. Пришельцы. Это байка вроде той, что кто-то нашел крысину голову в пакетики с быстроразагревающей едой или об аллигаторах в Нью-йоркской канализации. И только сейчас я начинаю задумываться, действительно ли это сказка.

— Хочешь, я расскажу тебе одну такую современную сказочку, Гард?

— Возложи сие знание мне на плечи.

— Ты никогда не слышал, — проговорила она, — историю о двух парнях, которые изобрели таблетки, заменяющие бензин?

Закат рассыпал по небу сполохи алого, желтого и пурпурного цветов. Гарденер сидел на толстом пне на заднем дворе Бобби Андерсон и наблюдал, как садится солнце. Они проговорили весь день, обсуждая, приводя доводы, а иногда и споря. Под конец совещания Бобби заявила, что опять жутко проголодалась. Она сварила огромную кастрюлю спагетти и пожарила большие свиные отбивные. Гарденер проследовал за женщиной на кухню, готовый в любой момент возобновить дискуссию — мысли перекачивались в голове как шары на бильярдном столе. Андерсон не допустила этого. Она предложила ему выпить и после долгого напряженного раздумья он согласился. Виски пошло хорошо, хотя на секунду ему показалось, что в нем не было необходимости — по крайней мере *жизненной* необходимости. И вот теперь, глядя на небо, умиротворенный сытной едой и стаканчиком, Гарденер понял, что Бобби права. Они поговорили обо всем и весьма плодотворно.

Наступило время принять решение.

Бобби съела огромный ужин.

— Ты переела, Бобби и тебя стошнит, — сказал Гарденер. Он старался быть серьезным, но не мог сдержать улыбку.

— Нет, — удовлетворенно ответила та. — Никогда не чувствовала себя так хорошо.

Она рыгнула.

— В Португалии таким образом благодарят за сытное угощение.

— А после траханья... — Гарденер задрал ногу и толчком распахнул окно. Бобби прыснула.

Они вымыли посуду («Неужели ничего еще не придумали, чтоб избежать этого, Бобби?» «Придумают, дай срок») и затем перешли в мрачноватую гостиную, нисколько не изменившуюся со времен дяди Фрэнка, и стали смотреть по телевизору вечерние новости. Ничего радостного не сообщали. На Ближнем Востоке тлело пламя конфликта, Воздушные силы Израиля сражались с сирийскими наземными силами в Ливане и случайно попали в школу, — Гарденер с содроганием смотрел на кричащих обожженных детей, русские по-прежнему сражались с повстанцами горного Афганистана, дела в Южной Америке шли удачно.

В Вашингтоне специалисты Ядерного исследовательского Центра подготовили список 90 ядерных объектов 37 стран, столкнувшихся с проблемами безопасности, расположив их в порядке возрастания «от умеренных до серьезных».

От умеренных до серьезных, великолепно, думал Гарденер, чувствуя, как старое чувство бессилия возникает и бродит внутри него, жала и рая как кислота. Если мы потеряем Топеку, это будет событие из категории умеренных. Если мы потеряем Нью-Йорк — из категории серьезных.

Заметив, что Бобби чуть грустно смотрит на него, Джим заволокновался.

— Битва не утихает? — спросила женщина.

— Верно.

Когда программа новостей завершилась, Андерсон сказала, что идет спать.

— В полвосьмого?

— Я сегодня устала. — Она глянула на него

— Хорошо. Я тоже завалюсь скоро. Я ведь тоже подустал. Это были безумные деньки, но все же я не уверен, что усну, пока весь этот вздор бродит у меня в голове.

— Тебе дать валиум? — Гарденер улыбнулся — Я смотрю, он все еще здесь. Но не стоит. Тебе, видимо, часто приходилось принимать его за последние две недели.

После того как Бобби улеглась, Джим выключил телевизор и уселся в кресло-качалку с «Бизоньими солдатами» в руках. Через некоторое время он услышал, что Бобби захрапела. Джим предположил, что храп был частью конспиративного плана держать его настороже, но в целом он не принимал это явление близко к сердцу, Бобби постоянно храпела из-за искривленной носовой перегородки, что волновало Джима, но прошлой ночью он отметил и кое-что похуже. Мертвую тишину, когда она спала на кушетке, к примеру. Это было *намного* хуже.

Гарденер на минутку приподнял голову и увидел Бобби в привычной сонной позе, почти обнаженную, в одних пижамных штанишках, одеяло в беспорядке зажато между ногами, одна рука под щекой, другая — поверх лица и большой палец практически во рту. Бобби была о'кей.

Итак, Гарденер вышел во двор, чтобы подвести итоги.

Всходы в саду у Бобби были превосходными — кукуруза выше, чем Гарденер когда-либо встречал по дороге с Аркадия-Бич, а томаты грозились стать рекордсменами-победителями. Некоторые из них вскоре будут доставать до груди взрослого мужчины, идущего между грядок. В центре сада теснились группы подсолнечников, зловещих как триффиды, качающие головами от дуновения ветерка.

Когда перед тем Бобби спросила его, слышал ли он что-либо о «бензиновой таблетке», Гарденер заулыбался и утвердительно закивал головой. Еще одна сказочка 20-го века, только и всего. Затем она спросила, верит ли он в это. Гард, все еще улыбаясь, ответил, что нет. Бобби перескочила на «Ангар 18».

— Ты хочешь сказать, что *веришь* в существование такой пилюли? Или *верила*? Это то, что бросаешь в бензобак и потом целый день ездешь?

— Нет, — ответила Бобби. — Ничто из того, что я прочла, не предполагает существование подобного.

Она подалась вперед, локти на коленях.

— Но я сказала, во что я *верю*: если она и есть, то не на рынке товаров. Какая-нибудь крупная картель или даже само правительство купило... или украло ее.

— Да, — проговорил Гарденер. Он уже не однажды думал о ненормальной иронии, сквозившей во всех ситуациях статус-кво: открыть границы США и лишить таможенников работы? Разрешить наркотики и закрыть агентство по борьбе с наркотиками? С таким же успехом можно попытаться подстрелить лунного человечка из мелкокалиберного ружья.

Гард захохотал.

Бобби, тоже слегка улыбаясь, поглядела на него:

— Что такое? Поделись.

— Я только что подумал, что если бы такая таблетка существовала, то мальчишки из Далласа подстрелили бы парня, который придумал ее, и запихнули бы его тело в «Ангар 18» по соседству с теми зелеными человечками.

— Не говоря уж о всей семье, — согласилась Бобби.

Сейчас Гарденер не смеялся. Сейчас все это не казалось ему таким веселым.

— В этом свете, — продолжала Бобби, — посмотри на то, что я здесь натворила. Я даже не могу назвать себя мастером на все руки, не говорю уж о специалисте, и силы, работающие через меня, оставили кучу хлама, который больше похож на хлам из «Бойз Лайф», то есть как после работы слабого неумелого ребенка.

— Их работы, — отозвался Гард.

Да, Андерсон согласилась. Их работы. У нее даже появилась слабая догадка, как им это удастся — они действуют по принципу «коллапсирующе-молекулярного взаимодействия». Это было на внеатомном уровне, совершенно ясно. Телепатическое печатание, объясняла женщина, в принципе зависело от коллапсирующе-молекулярного взаимодействия, но сам принцип работы отличался, и его-то она не могла понять. Внутри помещалась некая энергетическая установка, которая оживала как устройство, предупреждающее водителя о работе полицейского радара, но на большие расстояния она не реагировала.

— Сюда понаедут ученые из ФБР или ЦРУ, и они с готовностью поверят в это. Они будут ходить вокруг да около с видом, как будто им врезали по яйцам, и спрашивать друг друга, какого черта они могли так долго упускать из виду такую элементарную концепцию. А знаешь, что будет потом?

Гарденер мучительно долго думал о том же, одной рукой сжимая банку пива, которую ему дала Бобби, а другой подперев голову. И неожиданно для себя очутился на том ужасном вечере, слушая Теда, произносящего речь в поддержку «Ирокеза», в котором и сейчас тлеют стержни. *Но если мы дадим им то, чего они хотят, они вернутся через месяц или чуть позже и начнут скулить, что не могут пользоваться своими фенами, что их кухонные машины не работают, когда они хотят перемешать пучок вегетарианской пищи.* Гарденер увидел, как он сам ведет Теда к буфету Трепла — и увидел до того ясно, как будто все происходило... о черт, происходит сейчас. На столе, между жареным картофелем и

миской с сырым овощами лежало одно из новых хитроумных изобретений Бобби. Батарейки, соединенные вкруговую, присоединенные в свою очередь к обычному электрическому выключателю типа тех, что за доллар можно купить в любом магазинчике. Гарденер увидел себя поворачивающим выключатель, и вдруг все на столе — картофель, овощи, выпуск «Ленивой Сюзанны» с пятью способами очистки, остатки холодной вырезки, кости цыпленка, пепельницы, стаканы с выпивкой — поднялось на 6 дюймов над столом и зависло в воздухе; их тени чинно виднелись на холсте под ними. Тед минуту смотрел на это в диком удивлении. Затем он смахнул изобретение со стола. Провода порвались. Батарейки раскатились туда и сюда. Вся конструкция упала на стол с грохотом, стаканы расплескались, пепельницы перевернулись, и все посыпалось на стол. Тед снял спортивный пиджак и прикрыл остатки прибора, как будто то была тушка животного, раздавленного на дороге. Сделав это, он повернулся к своей небольшой внимающей аудитории и продолжил речь. *Эти люди надеются, что им и дальше будут давать кусок хлеба с маслом и они будут кушать его все время. Эти люди допускают, что всегда будут существовать запасные позиции. Они ошибаются. Запасных путей нет. Очень просто: или АЭС или ничего.* Гарденер почувствовал, как кричит вполне реально: *А как насчет тех предметов, которые ты только что уронил? Как насчет этого?* Тед наклонился и с грацией мага, выступающего перед ослепленной его блеском аудиторией, поднял пиджак. Пол под ним был чист за исключением двух маленьких ломтиков картофеля. Ни следа таинственного изобретения. Никакого следа вообще. *Как насчет чего?* — переспросил Тед, глядя прямо на Гарденера со смешанным выражением расположения и презрения. Он повернулся к присутствующим: *Кто-нибудь видел что-либо?... Нет* — хором, как дети проговорили те: Трепл, Патриция Маккардл и прочие; даже молодой бармен и Рон Каммингс вторили им. *Нет, мы ничего не видели, ничего вообще не видели, Тед, ни одной вещи, ты прав, Тед, АЭС или ничего.* Тед улыбался. *Теперь он будет нести отсебятину о маленькой таблеточке, которую можно положить в бензобак и ехать на машине целый день.* Тед рассмеялся. И все присоединились к нему. Все смеялись над Джимом.

Гарденер поднял голову и посмотрел печальными глазами на Бобби Андерсон.

— Ты думаешь, они будут... что? Классифицировать все?

— А как ты сам думаешь? — после небольшой паузы мягко сказала Бобби: — Гард?

— Да, — через довольно долгое время согласился Гарденер и вдруг почувствовал, что вот-вот разрыдается. — Да, верно. Они наверняка будут.

10

И теперь он сидел на заднем дворе на пне, не имея ни малейшего представления, что заряженный дробовик направлен ему прямо в затылок.

Он сидел и все думал о той вечеринке. Все привиделось настолько ужасно и очевидно, что, думалось ему, стоит простить то время, за которое он увидел и схватил суть. К этому кораблю в земле нельзя было относиться только с позиций обеспечения благополучия Бобби или даже Хэвена в целом. Невзирая на то, что он представлял собой и что он творил с Бобби или еще кем-либо, вступившим в определенный окружающий его район, окончательную судьбу корабля на земле нужно было определять исходя из приоритета благополучия *земли*. Гарденер присутствовал при работе дюжины комитетов, чьи цели ранжировались от вполне приемлимых до безумно-невероятных. Он выходил с протестом; прикладывал сил больше, чем мог, помогая оплачивать рекламу в газете по проведению неудачных кампаний о закрытии путем проведения референдума Мэн Янки; во времена студенчества он участвовал в маршах протеста против вовлечения США в войну во Вьетнаме; он был членом «Гринписа». И в полудюжине моментов, когда он как личность беспорядочно пытался думать о благополучии земли, его усилия, хоть и возникшие из индивидуальных размышлений, воплощались все же посредством коллектива.

Все зависит от тебя, старина Гард. Он вздохнул. Как будто всхлипнул. *Звони во все колокола о необходимости перемен, белый мальчик... обязательно звони. Но сперва спроси себя: кто хочет изменить этот мир? Голодающие, неимущие, бездомные, ведь так? Родители детей из Африки с раздутыми животами и мертвым взглядом. Чернокожие Южной Африки. ООП. Окажет ли Тед реальную помощь этим переменам? Прикуси язык! Ни Тед, ни русское Политбюро, ни Кнессет, ни Президент США, ни Семь Сестер, ни Ксерокс, ни Барри Малиноу.*

Нет-нет, только не те, кто стоит у руля, не те, кто имеет реальную силу и стоит у руля мировых событий. Их девиз «Не пугайте меня».

Было время, совсем недавно, когда он не колебался бы ни минуты. Бобби не стала бы искать никаких аргументов; Гард сам

был бы тем всадником, прищипоривающим коня до изнеможения и смерти... только теперь он был также в упряжи, бок о бок. Здесь, в конце концов, был источник чистой энергии, огромной и легко доступной. Через полгода все реакторы США могли бы быть остановлены. А через год — все ядерные станции мира. Дешевая энергия. Дешевая транспортировка. Вполне возможными окажутся полеты на другие планеты и даже солнечные системы — ведь этот корабль Бобби прибыл сюда, в Хэвен, штат Мэн, не на старом добром *Лоллипопе*. Ведь в принципе это — МАЭСТРО, ИГРАЙТЕ ТУШ — было ответом на все вопросы.

А есть ли оружие на корабле, как ты думаешь?

Он намеревался спросить у Бобби об этом, но что-то заставило его прикрыть рот. Оружие? Быть может. Если Бобби получала достаточно от той остаточной «силы» и была способна телепатически печатать на машинке, могла ли она создать что-либо похожее на пушку Флэша Гордон, но который при этом будет действующим? Трактор-убийцу? Кое-что, что вместо совершения работы под привычное *Брмммммммм* или *Вака-вака-вака* превращало бы людей в кучку тлеющего пепла? Вполне вероятно. А если и нет, не приспособит ли один из гипотетических Боббиных ученых кое-что из ее изобретений (типа водонагревателя или переоборудованного «Томкэста») в то, что действительно принесет вред людям? Наверняка. В конце концов задолго до того, как мысль о тостерах, фенах и плитусных обогревателях пришла кому-то в голову, штат Нью-Йорк с помощью электричества отправлял убийц в загробное царство.

Что настораживало Гарденера, так это то, что мысли об оружии обладали определенной привлекательностью. Частично, как предполагал он, это эгоизм. И если сверху спустят постановление надевать спортивный костюм перед обедом, он и Бобби разделятся во мнении, какую часть его нужно надевать. Но были и другие возможности. Одна из них, дикая, но не совсем отталкивающая, заключалась в том, что Бобби и он могли бы давать пинка тем ослам, которые этого заслуживали. Идейка о послании поздравительных песенок как Аятолла в Зоне Фантомов была так приятна, что Гарденер чуть было не захихикал. Зачем ждать, пока Израиль и арабы решат свои проблемы? И террористы всевозможного пошиба... прощайте, ребята.

Отлично, Гард! Мы покажем это по всему ТВ! Это похлеще Пророка из Майами! Вместо двух бесстрашных убийц-наркоманов мы покажем Гарда и Бобби, облетающих планету на летающей тарелке! Эй, кто-нибудь, дайте же мне телефон! Я звоню в Си-Би-Эс!

Не смешно, подумал Гарденер.

А кто смеется? Разве не об этом вы говорите? Ты и Бобби как герои «Одинокого всадника и Тонто»?

Ну и что, если так? Как много пройдет времени до того, как правильность выбора будет доказана? Сколько потребуется карманных бомб? Женщин, застреленных в туалетных комнатах посольств? Мертвых детей? Как долго мы дадим этому продолжаться?

Люби это, Гард. «О'кей, эй, вы все на планете Земля, ну-ка все хором вслед за Бобби и Гардом: «Ответ, друзья мои, витает в воздухе...»

Ты отвратителен.

А ты становишься очевидно опасным. Помнишь, как ты перепугался, когда полиция обнаружила пистолет у тебя в кармане? Как ты перепугался, потому что не помнил, как тот оказался у тебя? Ну вот опять. С одной разницей, что теперь речь идет о большем калибре. Боже милостивый, если ты когда-либо действительно существовал.

Когда Джим был помоложе, подобные мысли никогда бы не пришли ему в голову... а если бы и пришли, он отбросил бы их в сторону. По-видимому, так уже поступила Бобби. В конце концов именно она упомянула всадника на лошади.

Что ты имеешь в виду под всадником на лошади?

Я говорю о нас, Гард. Но кажется... кажется это в большей степени относится к тебе.

Бобби, когда мне было 25, я весь горел все время. В 30 я горел иногда. Но, похоже, кислород вот здесь внутри на исходе, потому что теперь я вспыхиваю, лишь когда пьян. И я очень боюсь залезать на спину этой лошади. И если история чему меня и научила, то это тому, что лошади имеют склонность нести.

Он заерзал на пне, и дробовик переместился вслед за ним. Андерсон сидела на табурете на кухне, слегка поворачивая ствол оружия в соответствии с каждым его движением. Она поняла немного из его мыслей; это срывало все планы и было ненормальным. Но она поняла достаточно, чтобы сделать вывод, что Гард вплотную приблизился к моменту принятия решения... а когда он примет его, женщина думала, что сумеет узнать, что же именно он решил.

Если он примет неверное решение, она прострелит ему голову и закопает тело в мягкой земле на задворках сада. Это будет тяжело, но если так будет нужно, она сделает.

Андерсон спокойно ждала этого момента, пытаясь уследить за жалкой путаницей его мыслей.

Ждать осталось уже недолго.

Что в действительности пугает, так это в первый раз в своей несчастной запутанной жизни рассматривать вопрос с позиции силы.

Он выпрямился с выражением страха на лице. Он притворялся, не так ли? Совершенно верно.

Но ты притворяешься, Гард. Ты даже болел за бейсбольные команды, которые были заведомыми аутсайдерами. Также как ты никогда не волновался, что окажешься в депрессии, если одна из них ворвется в Мировую Серию. То же самое происходило с кандидатами и партиями, которых ты поддерживал, не правда ли? Потому что если политик не испытает судьбу, тебе не придется пережить разочарование, что новые лица ничем не отличаются от старых.

Я не боюсь. Ни капли.

Еб твою мать, как бы не так. Всадник? Ты? Парнишка, что за шутки. Да у тебя случится сердечный приступ, если кто-то попросит тебя принять участие в троеборье. Твоя собственная персональная жизнь была ничем иным, как постоянным усилием уничтожить любую энергетическую базу, какая у тебя есть. К примеру, женитьба. Нора была упрямой, и тебе пришлось пристрелить ее, дабы избавиться, но когда деньги закончились, ты даже не цеплялся за это, ведь так? Ты человек, способный расправлять крылья при любой возможности, и я предоставляю ее тебе. Ты сжег себя на преподавательской работе, уничтожив таким образом иную энергетическую основу. Двенадцать лет ты заливал спиртным тот маленький огонек таланта, что Господь Бог дал тебе. Теперь так. Лучше беги, Гард.

Но так нечестно!

Ой ли? Разве здесь недостаточно правды, чтоб сделать выводы?

Может, да. Может, нет. Как бы там ни было, Джим понял, что решение уже принято. По крайней мере, ненадолго он останется с Бобби, делающей свое дело.

Счастливая уверенность Бобби, что все прекрасно, не соответствовала ее истощенности и потере веса. И то, что корабль из леса сотворил с Бобби, он может сделать и с ним. Что случилось — или не случилось — сегодня, ничего не доказывает; он не мог ожидать, что изменения в нем самом произойдут за один день. Хотя корабль и сила, исходящая от него, могут творить и добро. Это было главным и... пошли вы на хер, Томминокеры.

Гарденер поднялся и направился к дому. Солнце село, и сгустились сумерки. Спина заостенела. Он разогнулся, потянулся и

непроизвольно скривился, когда в позвоночнике что-то хрустнуло. Джим посмотрел на темный «Томкэт» и на дверь сарайчика с новым замком. Он подумал, не подойти ли и не заглянуть в одно из темных запыленных окон... и решил, что не стоит. Быть может, он боялся, что бескровное лицо с ухмылкой, обнажающей остроконечные зубы каннибала, появится за окном. *Привет, Джим, ты хотел поглядеть на настоящего Томминокера? Заходи! Нас здесь много!*

Гарденер вздрогнул — он почти что слышал звук от скребущих по жестянке тонких злых пальцев. Вчера и сегодня случилось слишком многое. Его фантазия истощена. Он не знал, можно ли надеяться на сон или хотя бы на отключку сегодня ночью.

12

Как только Гард вошел в дом, его тревога стала ослабевать. С этим пришла жажда выпить. Он скинул рубашку и зашел в комнату Бобби. Женщина лежала в той же позе, сбитое одеяло зажато между ужасно худыми ногами, руки выброшена вперед; она похрапывала.

Даже не пошевелилась! Боже, она, должно быть, устала.

Он долго стоял под душем, доводя воду до как можно более горячей (с новым нагревателем Бобби это означало едва повернуть рукоятку влево от «холода»). Когда кожа его покраснела, он вышел из такого же туманного и влажного воздуха в ванной комнате, какой был в туманном Лондоне в поздневикторианскую эпоху. Он вытерся полотенцем, почистил зубы пальцем — следует привезти сюда личные принадлежности, пронеслось в голове — и отправился спать.

Двигаясь в сторону кровати, он поймал себя на размышлениях о последних словах Бобби. Она верила, что корабль стал оказывать действие и на горожан. Когда Джим спросил, в чем это выражается, она стала рассеянной, а потом сменила тему. Гарденер предполагал, что в этом чертовом деле всякое возможно. Несмотря на то, что местечко Фрэнка Гаррика располагалось в глубинке, она приходилось на географический центр городка. У них была *деревенька* Хэвен, но в пяти милях севернее.

— Ты так говоришь, как будто эта штука в земле источает ядовитый газ, — проговорил он, надеясь, что со стороны выглядит не столь встревоженным, как было на самом деле. — Паракват из космоса. Они прибыли от агента Оранж.

— Ядовитый газ? — повторила Бобби. Она вновь ушла в себя. Ее лицо, такое исхудавшее, стало замкнутым и отдаленным. — Нет, не газ. Если хочешь это как-то назвать, называй испарениями. Но когда касаешься поверхности, это не только вибрация.

Гарденер промолчал, не желая портить ей настроение.

— Испарения? Даже не так. Но *очень похоже*. Если сюда придут специалисты с приборами, они не обнаружат никаких вредных веществ. И если здесь и есть физически улавливаемый и реальный остаток, то это лишь слабейший след.

— Тебе кажется, что такое возможно, Бобби? — спокойно спросил Гарденер.

— Да. Я не говорю, что происходит именно это, потому что я не знаю точно. У меня нет информации изнутри. Но мне кажется, что очень тонкий слой поверхности корабля — тончайший, толщиной не более пары молекул — все интенсивнее окисляется с тех пор, как я стала откапывать корабль из-под земли и воздух стал разрушать его. Это значит, что я получила самую сильную дозу... а затем все стало разноситься с воздухом, как радиоактивные осадки. Над городом оседает большое их количество, но в данном случае это означает «чертовски мало».

Бобби пошевелилась в кресле и уронила правую руку. Тот же жест Гарденер видел сотни раз прежде, и сердце готово было вырваться у него из груди, когда он заметил выражение горького сожаления на лице женщины. Она положила руку обратно на колено.

— Но, знаешь ли, я не уверена, что на этом все закончится. Есть такой роман Питера Страуба «Парящий Дракон», ты читал его? Гарденер покачал головой.

Ну, в нем говорится о чем-то похожем на твоих Агента Оранж и Паракват.

Гарденер улыбнулся.

— В романе происходит утечка экспериментального химиката в атмосферу; потом он выпал над частью сверхурбанизированного Коннектикута. Осадок *действительно* был отравляющим — что-то вроде сводящего с ума газа. Люди без причины вступали в драки, некоторые решали разрисовать дома — включая и окна — в ярко-розовый цвет, одна женщина прыгала, пока не умерла от коронарной недостаточности, и тому подобное.

Есть другой роман — этот называется «Мозговая волна» и написал его... — Андерсон нахмурилась, пытаясь вспомнить. Ее рука незаметно упала с подлокотника кресла опять, затем вернулась на место. — Мой однофамилец. Андерсон. Пол Андерсон. В ней Земля проходит через хвост кометы, и какие-то содержащиеся в ней компоненты делают животных умнее. Книга начинается с воспоминаний кролика, описывающего как он освободился из западни.

— Уже приятнее, — вторил ей Джим.

— Верно. Если твой ИК до прохождения кометы был 120, то после он поднимется до 180. Понял?

— Умные во всех отношениях интеллигенты?

— Да.

— Но вначале ты обозвала их учеными идиотами. И это прямо противоположно тому, что ты сейчас говоришь, не так ли? Это как... *способность*.

Андерсон отмела его рассуждения.

— Неважно.

И сейчас, лежа в кровати и погружаясь в сон, Гарденер желал это знать.

13

Ночью ему приснился сон. Довольно простой. Он стоял в темноте у сарая между домом и садом. Слева вырисовывался «Томкэт». Он думал о том же, что и сегодня вечером, — что он подойдет и заглянет в окно. И что же там увидит? Конечно же, Томминокеров. Но он не испугался. Вместо страха он чувствовал приятную умиротворяющую радость. Потому что Томминокеры не были монстрами или людоедами; они были похожи на эльфов из старой сказки о добром башмачнике. Джим заглянет в грязное окошко, как восторженный малыш глядит из окна спальни на картинке из «Ночи перед рождеством» (а кем был старый добрый Санта-Клаус, как не большим добрым Томминокером в красной шубе?), и увидит *их*, сидящих за столом, смеющихся и болтающих, собирающих всем скопом силовой генератор и левитирующие скейтборды и телевизоры, показывающие вместо обычных программ кино для интеллектуалов.

Он направился к сарайчику, и неожиданно тот осветился тем же ослепительно ярким светом, что исходил от переделанной пишущей машинки Бобби — как будто сарайчик превратился в сверхъестественный хэллоуиновский фонарь, только свет этот был не теплым и желтым, а ужасным, пронзительно зеленым. Он изливался между досками; он проходил через щели и падал на землю лучами цвета злых кошачьих глаз, он переполнял и окна. И теперь Джим испугался, потому что ни одно дружественное маленькое создание из космоса не может сделать такой свет; если бы у смертельной болезни — рака — был цвет, он был бы похож именно на этот свет, изливающийся из каждой дырочки, щелочки и трещинки и бьющий из окна сарая Бобби Андерсон.

Но тем не менее он продвинулся еще ближе к сараю, потому что во сне вы не всегда можете помочь себе. Он подвинулся ближе, более

не желая ничего видеть, как и ребенок не хочет выглядывать из окошка в канун Рождества и видеть Санта-Клауса, съезжающего по заледенелой крыше дома с несколькими отрезанными головами, из обрубков шей которых хлещет кровь, замерзая на морозе.

Пожалуйста, нет, пожалуйста, нет...

Но он подошел еще ближе, и с приближением к этой зеленой мгле оглушающая музыка заполнила его голову парализующим и подчиняющим волю потоком. Музыка Джорджа Торогуда и «Дестройерз», и Джим понял, что когда тот начнет свое соло на гитаре, его череп сначала задрожит, а затем просто лопнет подобно стакану с водой, как в тот раз, о чем он однажды рассказывал Бобби.

Ничего из ожидаемого не произошло. Страх испарился, все было кончено — он больше не боялся Томминокеров в сарайчике. Гард осязал их, мог чуть ли не почувствовать их дух, насыщенный и тяжелый, как у озона или крови.

И... зловещий звук чмокающий жидкости. Его Джим расслышал даже сквозь грохот музыки в ушах. Как старая посудомоечная машина, только это был не звук воды. Он был неправильным, неправильным, *неправильным*.

Когда Гарденер поднялся на цыпочки, чтобы заглянуть в окошко, с лицом таким же зеленым, как и тело, вынутое из зыбучих песков, Джордж Торогуд заиграл наконец соло, и Гарденер закричал от боли. *В это время* голова его разлетелась на кусочки, и он проснулся, сидя прямо на старенькой двуспальной кровати в комнате для гостей, весь в холодном поту и с трясущимися руками.

Он снова лег, повторяя: *Боже! Если тебе хочется кошмаров, ознакомься с этим. Не стесняйся.*

Джим ожидал, что вслед за первым последуют новые кошмары; он лег с твердой уверенностью в этом. Но снов ему больше не снилось.

В ту ночь.

На следующее утро он присоединился к раскопкам Бобби.

Книга вторая ИСТОРИИ ХЭВЕНА

*А террорист бомбит!
А президент убит!
Безопасность молчит!
Контрразведка горит!
А все пьяны в стельку,
Все измотаны,
Окаменели,
И не предвидится перемен,
Ведь все пьяны в стельку,
Все измотаны,
Все надрались на работе.*

The Rainmakers
«Выпивая на работе»

*Потом он бежал всю дорогу до города, крича:
«Это сошло с неба!»*

Creedence Clearwater Revival
«Это сошло с неба»

1 ГОРОД

1

Прежде чем стать Хэвеном, город четырежды менял названия.

Первое свое имя, Имение Монтвилл, он получил в 1816 году от своего основателя и первоначального владельца Хью Крейга. Крейг выкупил права на эту землю у федерации Массачусетса, частью которого тогда был Мэн. В прошлом Крейг участвовал в войне за независимость в чине лейтенанта.

Название Имение Монтвилл было насмешкой. Отец Крейга ни разу в своей жизни не был восточнее Дувра и остался истинным тори даже после развала Империи. Жизнь свою он закончил пэром Королевства, Двенадцатым графом Монтвилл. Тем самым Хью, на правах старшего сына, должен был унаследовать звание Тринадцатого графа Монтвилл. Однако взбешенный отец лишил его наследства. Ни мало не смущенный таким пренебрежением, Хью бодро присвоил себе звание Первого Графа Центрального Мэна, или же Герцога Абсолютной Пустоты.

Земля, которую Крейг называл Имение Монтвилл, занимала двадцать две тысячи акров. После удовлетворения просьбы Крейга о присоединении к Конференции, Имение Монтвилл стало сто девяносто третьим городом провинции Мэн, штат Массачусетс. Купить эту землю побудили Крейга две причины: дивный строительный лес и близость Дерри, откуда этот лес можно было сплавлять вниз по течению хоть до самого моря.

Дорога ли была земля, которая окончательно будет называться Хэвеном?

Хью Крейгу она обошлась в восемнадцать сотен фунтов. Хотя сам фунт тогда, конечно, стоил гораздо дороже.

Хью Крейг умер в 1826-м, и к этому времени уже сто три человека жили в Имении Монтвилл. Впрочем, на шесть или семь месяцев в году население удваивалось за счет лесорубов, но их никто не учитывал: всякую заработанную мелочь они забирали в Дерри, где обычно и обосновывались, когда чувствовали, что слишком стары для лесоповала. В то время возраст «слишком старый для лесоповала» составлял лет двадцать пять.

Как бы там ни было, начиная с 1826 года поселение города, который в конце концов стал называться Хэвен, начало разрастаться вдоль грязной дороги, ведущей на север к Дерри и Бангору. И как бы ее ни называли (в конце концов она стала девятым шоссе для всех, кроме самых древних старожилов вроде Дейва Ратледжа), эта дорога была единственной, по которой в конце месяца лесорубы направлялись в Дерри, чтобы попить и потратить на девиц свой заработок. Основные развлечения поджидали их в городе, но и по пути большинство было не прочь прочистить горло от дорожной пыли одной-двумя кружками пива в Кудерз или Лондин-Хаусе. Доход от этого был небольшой, но все же достаточный, чтобы сделать место привлекательным для малого бизнеса. Лавка на обочине дороги (ее управляющим стал племянник Хирама Кудера) была хоть и менее успешным, но довольно доходным предприятием. Вслед за лавкой в 1828 году открылись парикмахерская и аптека (под началом кузины Хирама Кудера). В то время никто бы не удивился, если бы, проходя мимо этого оживленного предприятия, увидел лесоруба, развалившегося на одном из трех стульев, с подстриженной головой, с зашитым порезом на руке, с парой больших пиявок над каждым из закрытых глаз; пиявок, изменяющих свой цвет от серого до красного по мере насыщения и, как тогда считалось, защищающих от инфекции, которая могла попасть в рану, а заодно излечивающих болезнь с кратким названием «больная голова». В 1830-м в южном конце деревни открылся продуктовый магазин и гостиница (под началом Джорджа, брата Хирама Кудера).

В 1831-м Имение Монтвилл превратилось в Кудерзвилл.

Никто этому особенно не удивился.

Название Кудерзвилл просуществовало до 1864 года, когда город стал называться Монтгомери, в честь Эллиаса Монтгомери, местного парня, погибшего в Геттисберге, и, как говорили, сыгравшего какую-то роль в сохранении Конфедерации. Идея переименования пришла по душе. Ведь старый сумасшедший англичанин Кудер,

давший предыдущее имя городку, обанкротился и покончил с собой еще два года назад.

Новая мания, необъяснимая как и большинство маний, охватила страну сразу после гражданской войны. Это не было всеобщее поклонение кринолину или отращивание бачков; это была мания переименования маленьких городов классическими названиями. Как следствие, появились Спарта, Мэн, Карфаген, Афины; и, конечно, на очереди была Троя. В 1878 году жители города проголосовали за новое название: на этот раз Монтгомери стал именоваться Илионом. Это заставило мать Эллиаса Монтгомери произнести полную слез тираду на городском митинге. Честно говоря, речь была сильно старческой, а не зазывной и звенящей, но что поделать, мать героя состарилась — ей исполнилось 75, если быть точным. Городская легенда говорит, что горожане слушали терпеливо, немного виновато и могли бы и отречься от своего решения (Миссис Монтгомери была, конечно, права, думали некоторые, когда говорила, что четырнадцать лет назад ее сыну было обещано ни много ни мало, а «вечная память», обещано на церемонии переименования 14 июля 1864 года), если бы мочевого пузыря дамы не заставил ее уйти в самый ответственный момент. Пока ее выводили из зала ратуши, старая женщина не переставая говорила пышные фразы о неблагодарных обывателях, которые еще пожалеют об этом дне.

Таким образом Монтгомери превратился в Илион.

Прошло двадцать два года.

3

Пришел проповедник возрождения, говоривший очень быстро, который по неясным причинам пропустил Дерри, а взамен выбрал Илион, и там и обосновался. Пришел он под именем Кольсон, но Метли Даплеси, считающий себя историком Хэвена, окончательно установил, что настоящее имя Кольсона Кудер и он не кто иной, как внебрачный сын англичанина Кудера.

Кто бы он ни был, он довольно быстро завоевал сердца христиан в городе в согласии с собственной жизненной гипотезой: вера нужна ко времени, когда зерно созрело и готово к сбору. Это повергло в отчаянье мистера Хартли, главу Методистов Илиона и Трои, и мистера Кровелла, который наблюдал за духовным благосостоянием Баптистов Илиона, Трои, Этны и Союза (в те дни шутили, что дом священника Кровелла принадлежит городу Трое, а его мусорные кучи принадлежат Богу). Тем не менее их увещевания были подо-

бны зову в дремучем лесу. Община проповедника Кольсона продолжала расти, и рост этот достиг максимума летом тысяча девятисотого года. Сказать, что в этом году урожай был небывалый — значит ничего не сказать. Истощенная земля севера Новой Англии, обычно скупая как Шейлок, принялась изливать свою силу с такой щедростью, что конца этому, казалось, не будет. Мистер Кровелл, баптист, чьи мусорные кучи принадлежали Богу, впал в такую депрессию, что уже не сумел из нее выйти и повесился в чулане собственного дома в Трое три года спустя.

Мистер Хартли, глава Методистов, испытывал нарастающую тревогу из-за того, что евангелистский пыл распространялся в Илионе подобно эпидемии холеры. Причиной этого, быть может, было то, что Методисты, если ничего необычного не происходило, были самая скромная паства Божья; слушают они не проповеди, а «мессы», молятся в тишине и собираются вместе лишь в нескольких случаях — когда говорят «Аминь» по окончании молитвы Господней и когда слушают свои гимны, хотя хором их и не поют. Однако теперь эти тихие люди отошли от своих принципов: делали они все, что угодно, начиная с громких разговоров и заканчивая ритуальными обращениями. За этим, как иногда говорил мистер Хартли, последуют обряды со змеями. А тем временем сходы, которые проходили по вторникам, пятницам и воскресеньям в шатре проповедника на Дерри Род, становились все шумней и разнузданней, едва не приводя к эмоциональному взрыву. «Если бы все это происходило под карнавальным шатром, все кричали бы об истерии, — как-то сказал мистер Хартли своему единственному другу Фреду Пэрри, местному пастору, когда они коротали вечер за рюмкой шерри. — Но ни у кого язык не повернется обозвать так сходы в шатре проповедника, поэтому вышли из положения и называют это святым огнем Прощенного Дня».

С течением времени подозрения мистера Хартли о Кольсоне сполна подтвердились, но прежде исчез сам проповедник, собрав неплохой урожай звонкой монеты и женского внимания. А еще чуть раньше он выкинул свою последнюю шутку с городом: переименовал его, на этот раз окончательно.

Той теплой августовской ночью проповедь свою Кольсон начал с того, что назвал такой урожай символом божьего покровительства, а затем отошел от абстракций и заговорил о городе. К этому моменту он уже снял свой сюртук. Его волосы, влажные от пота, ниспадали на глаза. Сестры начали подтягиваться поближе к алтарю, тем более что за проповедью обычно следовали громкие молитвы и святое обращение.

— Я считаю этот город посвященным, — говорил толпе Кольсон, стиснув большими руками края кафедры. Посвященным проповедник мог считать его лишь за то, что город удостоился чести принять на своей земле шатер Кольсона. — Я считаю этот город Хэвеном. Да! Эти места напоминают мне мой дом — Небо; ведь этот город мало отличается от тех полей, на которых жили Адам и Ева, прежде чем вкусили запретный плод. Освящаю! — ревел проповедник Кольсон. И даже по прошествии нескольких лет находились люди из общины, которые с восхищением вспоминали о способностях этого человека, хоть и можно считать его негодяем, так зажигательно говорить о Христе.

— Амин, — ответный крик общины. Ночь была теплой, но не это заставило покраснеть столь много женских лиц: такие проявления чувств стали уже обычными с тех пор, как проповедник Кольсон появился в городе.

— Этот город готов славить Господа!

— Аллилуйя! — все признаки ликования общины были налицо: тяжелое дыхание, сверкающие глаза, языки, нервно облизывающие губы.

— Город получил предзнаменование! — выкрикивал Кольсон, отступив чуть назад, усилив для лучшего впечатления голос и откидывая со лба прядь черных волос широким движением головы, открывающим взорам шнурок на шее. — Город получил предзнаменование — небывалый урожай, и это предзнаменование должно к чему-нибудь привести!

— Слава Иисусу!

Кольсон снова взошел на кафедру, стиснул ее руками и обвел всех строгим взглядом. «Так как же можно, чтобы освященный Божьим урожаем и Божьими небесами город назывался именем каких-то развалин, — вот что мне непонятно, собратья. По-моему, дьявол славно поработал с предыдущим поколением, вот что мне кажется».

И уже на следующий день начались разговоры о переименовании Илленз в Хэвен. Преподобный Кровелл протестовал против этого довольно равнодушно, преподобный же Хартли более решительно. Официальные лица заняли нейтральную позицию; их взволновало лишь то, что это будет стоить городу 20 долларов, которые пойдут на замену бумаг Конфедерации, и, быть может, еще 20 на замену знаков на городских дорогах. Не говоря еще о переделке всех городских документов.

Задолго до памятного мартовского собрания, на котором была обсуждена и принята статья 14: «Одобрить изменение названия

А. Н. Мухомов 93

города 193 штата Мэн с Илиона на Поднебесный», проповедник Кольсон потихонечку свернул свой шатер и растворился в ночи. Это произошло в ночь на 7 сентября, которую Кольсон заранее именовал Самой Урожайной для Паствы Возрождения в 1900 году. Он готовился к этой ночи по крайней мере месяц, называл ее самым важным сбором в году и, быть может, самым важным сбором из всех, которые он когда-либо устраивал, говорил, что, быть может, поселится здесь, к чему его все время призывает Бог — сердца многих женщин забились чаще при последнем известии. Это будет жертвой любви, любви к Богу, который ниспослал на город такое замечательное лето и богатейший урожай.

Впрочем, Кольсон не забыл и о сборе своего урожая. Начал он с предложения увеличить «пожертвования любви», раз уж он остается, а закончил тем, что «вспахал и удобрил» не две, не четыре, а целых шесть молодых девушек на поле позади шатра после окончания сбора.

— Уж мужчины-то любят похвалить свои достоинства, но большинство предпочитают не доставать свои орудия из штанов, а хвалить их, — разглагольствовал как-то старый Дюк Баррел у парикмахерской. Если бы кому пришлось устроить в городе конкурс на звание мистер Вонючка, то Дюк бы безоговорочно победил. От него несло, как от разбитого яйца, которое месяц провалялось в грязной луже. Все, конечно, общались с ним, но на расстоянии, и старались стать, по возможности, против ветра. — Я слышал о людях с двустовкой в штанах, по-моему, это нормально; однажды слышал о парне гораздом сразу до трех; но уж развратник Кольсон, по моему разумению, единственный, чьи штаны скрывают аж шесть стволов.

Трое из покоренных проповедником Кольсоном были девственницами до того, как их настиг хищный клюв почитателя Троицы.

И если не возникало сомнений в том, что та летняя ночь была для проповедника щедрой, то местные сплетники расходились в оценке щедрости денежной части. Все соглашались, однако, что за время подготовки к празднику, то есть где-то до десяти часов, за евангелистские песнопения до полуночи и за время оргии в поле до половины второго паства излила на своего кумира немало материальных благ. Некоторые еще отмечали, что вряд ли проповеднику жизнь в городе стоила хоть сколько-нибудь. Ведь женщины боролись за привилегию кормить его, владелец гостиницы разрешил жить в своем клоповнике в кредит... и уж, конечно, ночные оргии не стоили ему ни цента.

Утром 8 сентября шатер и проповедник исчезли. Он собрал славный урожай... хотя, впрочем, кое-что и посеял. Между 1 января

и городским митингом в марте 1901 года в округе родилось 9 внебрачных детей: три девочки и шесть мальчиков. Все девять обнаружили немалое сходство между собой: у шестерых глаза были небесно-голубыми, и все они родились с черными волосиками. Местные сплетники (а никто на свете не сумел бы так органично сочетать логику с похотью, как эти бездельники, развалившиеся в плетеных стульях, крутящие самокрутки либо посылающие коричневые плевки табачной жвачки точно в маленькую плевательницу) не преминули отметить, что трудно сказать, сколько молодых девиц отправились навестить родственников вниз по течению в Нью-Хэмпшир или еще ниже, в Массачусетс. Стоит заметить, что и замужние женщины рожали между январем и мартом. Конечно трудно было что-либо с уверенностью сказать об этом. Но местные сплетники-то помнили, что произошло 29 марта, когда Дэт Кларендон родила здорового малыша, весившего восемь фунтов. Непогода в тот день вовсю разыгралась, она шумела и стучала снегом с дождем по карнизам дома Кларендонов, и это был последний снег весны. Кора Симард, акушерка, принимавшая младенца, дремала у кухонной печи: она ждала своего мужа, который вот-вот должен был появиться из метели и отвезти ее домой. Кора видела, как Пол Кларендон подошел к кровати ребенка — с другой стороны печи, в самом теплом углу — и, остановившись, рассматривал нового сына более часа. Она ошиблась, когда посчитала взгляд Пола Кларендона полным любви и нежности. Глаза ее закрылись сами собой. Проснувшись, она увидела Кларендона на прежнем месте, но с опасной бритвой в руке. Он приподнял малютку за черные волосы и, прежде чем крик сорвался с ее губ, перерезал ему горло. Вышел из комнаты Кларендон без единого звука. Через малое время из спальни раздались булькающие звуки. Когда испуганный Ирвин Симард нашел-таки мужество зайти в спальню Кларендонов, он увидел мужа и жену на кровати, держащихся за руки. Кларендон перерезал горло жене, лег рядом, взял своей левой рукой ее правую руку и рассек собственное горло. Это случилось через два дня после общего одобрения изменения названия города.

4

Преподобный мистер Хартли стоял насмерть против присвоения городу имени, которое было предложено вором, блудником, лжепороком, и, с какой стороны ни посмотри, просто змеей, пригретой на груди. Его речь с кафедры была встречена благожелательными кивками паствы, которые Хартли замечал с каким-то мстительным

удовольствием, что вовсе не было прежде ему свойственно. Он пришел на митинг 27 марта, уверенный, что статья 14 будет безусловно провалена. Быть может, поэтому его не задела та краткость обсуждения между чтением городского клерка и лаконичным вопросом главы депутатов Лютера Рувелла: «Ваше мнение, люди?» Если бы у него было хоть немного догадливости, Хартли говорил бы неистово, пожалуй, даже ожесточенно как никогда в своей жизни. Но догадливостью он никогда не отличался.

— Кто за изменение названия навсегда, — спросил Лютер Рувелл, и это не громкое, но твердое «навсегда!» как обухом по голове оглушило Хартли. Так чувствует себя человек после удара под дых. Он дико осмотрелся вокруг, но было уже слишком поздно. Сила этого «навсегда!» настолько удивила, что он даже не смог сообразить, сколько человек из его общины последуют за ним и проголосуют против.

— Подождите, — просипел он, но его сдавленный голос никто не услышал.

— Кто против?

Разрозненные крики: «Никого!» Хартли попытался вскрикнуть, но из его горла вырвался лишь бессмысленный звук «Нак !»

— Продолжаем, — сказал Лютер Рувелл. — Теперь статья 15.

По телу мистера Хартли прошла теплая волна — чересчур теплая. Он почувствовал, что падает в обморок. Хартли стал проталкиваться сквозь плотные ряды мужчин в черно-красных рубашках и грязных штанах, сквозь тучи дыма от маисовых трубок и дешевых сигар. Он все еще находился на грани обморока, но теперь к этому прибавилась еще и невыносимая тошнота. Даже недели оказалось мало, чтобы Хартли осознал всю глубину своего шока, столь велик был его ужас. Даже через год он не вполне отдавал себе отчет в собственных эмоциях.

Он стоял на самой высокой городской точке, набрав полную грудь холодного воздуха, стиснутый объятиями смерти, и видел вокруг себя поля с тающим снегом. Местами его было уже слишком мало, чтобы скрыть проталины, и Хартли с непривычной для себя грубостью подумал, что это похоже на пятна дерьма на заду ночной рубашки. И тогда, в первый и единственный раз, он позавидовал Брэдли Кольсону — или Кудеру, коль это его настоящее имя. Кольсон сбежал из Илиона, о, простите, из Хэвена. Он сбежал, и сейчас Дональд Хартли обнаружил, что ему хочется того же. Ну почему они это сделали? Почему? Они же знали, кто он такой, знали! Так почему же они...

Сильная и теплая рука легла на его плечо. Рядом оказался его лучший друг Фред Пэрри. Лицо Фреда, такое домашнее и продол-

говатое, выглядело безнадежно огорченным, и Хартли неожиданно почувствовал невольную улыбку на своем лице.

— С тобой все в порядке? — спросил Фред Пэрри.

— Да. Был момент, когда я почувствовал себя легкомысленным: на голосовании. Я не ожидал, что все так обернется.

— Я тоже, — произнес Фред.

— И частью этого была моя паства, — сказал Хартли. — Или должна была стать. Все было так тихо, что они не могли не присоединиться, тебе не кажется?

— Ну...

Преподобный мистер Хартли слегка улыбнулся:

— К сожалению, я не такой знаток человеческой природы, каким себя считал.

— Пойдем обратно, Дон. Там сейчас решают, мостить или не мостить Ридж Роуд.

— Я еще постою здесь, — сказал Хартли, — и подумаю о человеческой природе.

Он перевел дыхание, и когда Пэрри уже повернулся, чтобы уйти, спросил, почти воззвал:

— Ты понимаешь, Фред? Ты понимаешь, почему они сделали это? Ты ведь на десять лет старше меня. Ты понимаешь?

И Фред Пэрри, который и сам вскрикнул «навсегда!» хоть и не среди первых, покачал головой как бы говоря нет, не понимает он всего этого. Он любил преподобного Хартли. Он уважал преподобного Хартли. Но, несмотря на это (а может быть, как раз из-за этого), он находил непонятное злое наслаждение, провозглашая название, предложенное Кольсоном: лжепророком, обманщиком, вором и подонком.

Нет, Фред Пэрри не понимал до конца человеческую природу.

2

БЕККА ПОЛСОН

1

Ребекка Баучерд Полсон была замужем за Джо Полсоном, одним из двух хэвенских почтальонов, представлявшим собой третью часть почтового персонала Хэвена. Джо обманывал свою жену, о чем Бобби Андерсон уже знала. Теперь об этом знала и Бекка Полсон. Она узнала это в последние три дня. Ей сказал Иисус. В последние три дня или

около того Иисус поведал ей самые ошеломляющие, ужасные, огорчительные вещи, какие только можно вообразить. Они вызвали у нее отвращение, они лишили ее сна, они разрушали ее психику... но не были ли они к тому же чем-то прекрасным? Упаси Боже! И почему бы ей не прекратить слушать, может быть, даже перевернуть Иисуса лицом вниз или крикнуть Ему, чтобы помолчал? Вовсе нет. С одной стороны, знать то, о чем ей сообщил Иисус, было страшным принуждением. С другой стороны, Он был Спаситель.

Иисус стоял на полсоновском телевизоре «Сони». Он стоял там уже шесть лет. До этого он отдыхал поверх двух «Зенитов». По подсчетам Бекки, Иисус стоял на этом месте лет шестнадцать. Это было довольно жизненное трехмерное изображение Иисуса. Эту картину старшая сестра Бекки, Коринна, жившая в Портсмуте, преподнесла им в качестве свадебного подарка. Когда Джо заметил, что сестра Бекки, пожалуй, слегка в стесненных обстоятельствах, Бекка посоветовала ему помолчать. Не то чтобы она была ужасно удивлена; нельзя ожидать от людей вроде Джо понимания, что этикетку с ценой не наклеивают на истинно Прекрасное.

На картине Иисус был одет в простую белую робу и держал пастуший посох. Христос на Беккином телевизоре был изображен с развевающимися волосами, как Элвис после возвращения из армии. Да, он выглядел вполне похожим на Элвиса. Его глаза были карими и мягкими. За ним в безупречной перспективе овечка, белая, как полотно в рекламе мыла по телевизору, держала путь за горизонт. Бекка и Коринна выросли на овечьей ферме в Новом Глостере, и Бекка по собственному опыту знала, что овцы никогда не бывают такими белыми и равномерно шерстистыми, как упавшее на землю облачко в ясный день. Но, рассуждала она, если Иисус мог обратить воду в вино и мертвое в живое, в общем-то нет причин, по которым Он не мог ликвидировать дерьмо, гроздьями засохшее вокруг ягнячьих хвостиков, если Он этого хотел.

Пару раз Джо пытался убрать картину с телевизора, и она подозревала, что теперь знает почему! Ничего себе! У Джо, конечно, было свои козыри.

— Пожалуй, неправильно, что Иисус стоит на телевизоре, когда мы смотрим «Магnum» или «Полиция Майами», — говорил он. — Почему бы и не поставить его на твое бюро, Бекка? Или... Вот что я скажу! Почему бы не поставить его на твое бюро до воскресенья, затем ты можешь принести его сюда и поставить назад, пока ты смотришь Джимми Сваггарта и Джека ван Аймпа? Бьюсь об заклад, Иисусу гораздо больше нравится Джим Сваггарт, чем «Полиция Майами».

Она отказалась.

В другой раз он сказал:

— Когда моя очередь устраивать по четвергам ночной покер, парням это не нравится. Никто не хочет, чтобы Иисус смотрел на него, когда он пытается передернуть.

— Может быть, они чувствуют себя неудобно, потому что знают: азартные игры — это дьявольское наваждение, — сказала Бекка.

Хороший покерный игрок, Джо сдержался.

— Тогда дьявольские штучки — и твой фен, и это гранатовое кольцо, которые ты так любишь, прости господи, — сказал он. — Лучше верни их назад в магазин и отдай деньги Армии Спасения.

Поэтому она позволила Джо отворачивать изображение Иисуса на одну ночь в месяц в четверг, когда к нему приходили играть в покер сквернословащие, залившиеся пивом друзья... но и только.

И теперь она знала действительную причину, почему он хотел избавиться от этой картины. Он все это время мог предполагать, что эта картина может быть магической. О, она считала, что — «святая» — слово получше, «магическая» — это для язычников, головорезов, каннибалов, католиков и тому подобных, но они почти пришли к тому же самому, разве нет? Как бы то ни было, Джо должен был чувствовать, что картина особая, что она могла бы быть средством, с помощью которого можно распознать его грех.

О, она предполагала, она знала: что-то происходило. Он больше не был с ней ночью, и хотя в этом было некоторое облегчение (секс был как раз таким, каким, по словам ее мамы, и должен быть, грязным, скотским, иногда болезненным, всегда унижительным), она время от времени ощущала запах духов на его воротничке. Она считала, что могла игнорировать эту связь — тот факт, что лапанья прекратились в то самое время, когда случайный запах духов начал появляться на его воротничках, — если бы изображение Иисуса на «Сони» не начало 7 июля говорить. Она могла бы даже игнорировать и третий фактор: в то же самое время, когда прекратились лапанья и появились запахи духов, старый Чарли Эстабрук из почтового офиса был отправлен в отставку, и из почтового офиса Огасты, чтобы занять его место, прибыла женщина по имени Нэнси Восс. Она предполагала, что Восс (которую Бекка теперь мысленно называла для простоты Нахалкой) была лет на пять старше, чем она и Джо, тогда ей было бы около пятидесяти, но она была щеголевойтой, хорошо державшейся женщиной. Бекка допускала, что сама она набрала немного веса, со ста двадцати шести до двухсот и трех, в основном после того как Байрон, их единственный ребенок, покинул дом.

Она могла игнорировать это, она игнорировала бы это, возможно, даже пришла бы к тому, чтобы терпеть это с облегчением; если Нахалке нравится животность сексуального контакта с его вседозволенностью и толчками и этой заключительной струей липкого вещества, запахом слегка напоминающего треску и выглядящего как дешевое посудомоечное средство, то это только доказывает, что сама Нахалка — немногим более чем животное. К тому же это освобождает Бекку от утомительных, чтобы не сказать — случайных, обязательств. Она могла бы это игнорировать, если бы изображение Иисуса не начало говорить.

В первый раз это случилось в четверг, как раз после трех часов дня. Бекка возвращалась в комнату из кухни с небольшой закуской (половина кофейного пирожного и кольцо, наполненное малиновым джемом) смотреть «Госпиталь». В действительности она уже не могла больше верить, что Люк и Лора когда-нибудь вернутся, но она была не в состоянии полностью перестать надеяться.

Она наклонялась к телевизору, когда Иисус сказал:

— Бекка, Джо вставляет это в Нахалкин низ почти всегда во время ленча, а иногда и после работы. Однажды он так обнаглел, что вставил ей, пока, как считалось, он помогает ей сортировать почту. И знаешь что? Она ни разу даже не сказала: «Хотя бы подожди, пока я разберусь с первым классом».

— И это еще не все, — сказал Иисус. Он прошел полкартины, Его роба развевалась вокруг ног, и сел на камень, выступавший из земли. Он держал свой посох между коленями и мрачно смотрел на Бекку. — В Хэвене многое происходит. Ты не поверишь и половине всего.

Бекка взвизгнула и упала на колени.

— О, мой Господь! — закричала она пронзительно. Одно из ее колен приземлилось прямо на кусок пирожного (размером и толщиной примерно с семейную Библию), прыснувшего малиновым наполнителем в морду Оззи, коту, который выполз из-под плиты посмотреть, что происходит. Оззи побежал, шипя, на кухню, и весь в красном и липком, капающем с усов, снова залез под плиту. Он провел там весь оставшийся день.

— Да, все Полсоны были недостаточно хороши, — сказал Иисус. Овечка побрела к Нему, и Он отогнал ее, с рассеянным нетерпением взмахивая посохом, что напомнило Бекке, даже в теперешнем ее застывшем положении, покойного отца. Овечка пошла, покрываясь рябью из-за трехмерного эффекта. Она исчезла, искривившись при переходе за край картины... но это был только оптический обман, Бекка это чувствовала. — Да уж! — провозгласил Иисус. Как тебе известно, Бекка, двоюродный дед Джо был убийца. Убил сына,

жену, а затем самого себя. И когда он пришел сюда, знаешь ли ты, что Мы сказали? «Мест нет», — вот что Мы сказали. — Иисус наклонился вперед, опершись на посох. — «Пойди посмотри на мистера Раскольника, там внизу», — сказали Мы. — «Ты найдешь свое загробное пристанище, так и быть. Но может оказаться, что твой новый хозяин в качестве платы потребует ад, и чтобы жар никогда не выключался», — сказали Мы.

Невероятно: Иисус подмигнул ей... и это было причиной, по которой Бекка, пронзительно крича, сбежала из дома.

2

Она остановилась на заднем дворе, тяжело дыша, ее мышино-белые волосы закрывали лицо, сердце билось так быстро, что это ее пугало. Никто не слышал ее криков и разговора, слава Господу; они с Джо жили далеко на Ниста Роуд, и их ближайшими соседями были Бродские, жившие в этом неряшливом фургоне. Бродские были в полумиле отсюда. Это было хорошо. Никого, кто, услышав ее, подумал бы, что миссис Полсон сошла с ума.

Но так оно и есть, разве нет? Если ты думаешь, что картина может говорить, значит, ты должна быть сумасшедшей. Папочка поставил бы тебе за такие вещи три синяка: один за обман, второй за то, что поверила в него, и третий — за то, что подняла голос. Бекка, картины не разговаривают.

Нет... не было этого, тут же заговорил другой голос. Этот голос идет из твоей собственной головы, Бекка. Я не знаю, как это может быть... как ты знаешь, некоторые вещи... но вот что произошло. Ты сделала так, что изображение Иисуса разговаривает с тобой, так же, как Эдгар Берген, бывало, на шоу Эда Салливена заставлял говорить Чарли Маккарти.

Но эта мысль казалась более пугающей, более дурной, чем мысль о том, что картина говорила сама по себе, и она отказалась верить разуму. В конце концов, чудеса случались каждый день. Был же этот мексиканский парень, который нашел изображение Девы Марии, запеченное в *энхилада* или что-то в этом роде. Были чудеса в Лурде. Не говоря уже о детях, о которых было в одной из газеток — у них были плачущие камни. Это были добропорядочные чудеса (эти дети были вполне нормальными), как вознесение в проповеди Пэта Робертсона. Голоса слышат спятившие.

Но случилось-то именно это. Да, ты только что слышала голоса, не так ли? Ты слышала его голос. Голос Джо. Вот откуда он шел. Не от Иисуса, от Джо.

— Нет, — захныкала Бекка. — В моей голове не было никаких голосов.

Она стояла на заднем дворе возле бельевой веревки, направив пустой взгляд на рошу на другой стороне Ниста Роуд. Она чуть колыхалась в летнем мареве. В тени этих деревьев, менее чем в полумиле отсюда, там, где летала ворона, Бобби Андерсон и Джим Гарденер все глубже и глубже раскапывали свою находку.

Сумасшедшая, прогудел в ее голове неумолимый голос умершего отца. Душевнобольная. Уходи отсюда, Бекка Баучерд, не то я поставлю тебе за такие разговоры три здоровых синяка.

— В моей голове не было голосов, — простонала Бекка. — Это изображение действительно говорило, я клянусь, я не могу чрево-вещать!

Лучше пусть это будет говорящая картина. Если это была картина, это было чудо, а чудеса идут от Бога. Чудо может свести с ума — и милый Боженька знал, что она чувствовала себя только что спятившей, но это не значит, что она уже начала слышать голоса или верить, что может слышать мысли других людей...

Бекка посмотрела вниз и увидела кровь, лившуюся из левого колена. Она снова вскрикнула и побежала назад в дом звать доктора, скорую помощь, кого-нибудь, все равно кого. Она снова была в комнате, и, прижав трубку к уху, торопливо набирала номер, когда Иисус сказал:

— Это только малина из твоего пирожного, Бекка. Почему бы тебе совсем не успокоиться, пока ты не получила сердечный приступ?

Она посмотрела на «Сони», со стуком уронив на столик телефонную трубку. Иисус еще сидел на скальном выступе. Было видно, как он скрестил свои ноги. По-настоящему удивительным было то, как он походил на ее отца... только он не казался угрожающим, готовым в любой момент рассердиться. Он смотрел на нее с каким-то раздраженным терпением.

— Постарайся это сделать и посмотри, прав ли я, — сказал Иисус.

Она мягко дотронулась до своей коленки, вздрагивая, предчувствуя боль. Ничего не было. Она увидела зернышки в красной жиже и расслабилась. Она лизнула малину на пальцах.

— К тому же, — сказал Иисус, — у тебя появились мысли о звучащих голосах и сумасшествии. Это именно я, и я могу говорить, с кем хочу, таким способом, каким хочу.

— Потому что ты Спаситель, — прошептала Бекка.

— Правильно. — сказал Иисус. Он смотрел вниз. Под Ним, на экране, пара одушевленных салатниц танцевала, приветствуя соу-

«Ранчо Укромной Долины», которым их готовились наполнить. — И я бы хотел попросить тебя выключить эту рекламу, если ты не против. Мы не можем говорить, когда идут такие вещи. К тому же это раздражает мои ступни.

Бекка приблизилась к «Сони» и выключила его.

— Господь мой, — прошептала она.

3

В следующий воскресный полдень Джо Полсон крепко спал в гамаке на заднем дворе с котом Оззи, разомлевшим на обширном животе Джо. Бекка стояла в комнате, отодвинув занавеску и глядя на Джо, спящего в гамаке, мечтающего о своей Нахалке, несомненно мечтающего кинуть ее в огромную кучу каталогов и циркуляров и затем — как бы назвали это Джо и его покерные приятели-свиньи — вставить ей пистон.

Она держала занавеску левой рукой, потому что правая была полна квадратных девятивольтовых батареек. Она несла батарейки в кухню, где что-то собирала на кухонном столе. Сделать это ее попросил Иисус. Она сказала Иисусу, что не умеет. Она неуклюжа. Ее папочка всегда ей это говорил. Она хотела добавить, как он иногда говорил, что удивляется, как она может вытирать свой собственный зад без подробной инструкции, но потом решила, что это не то, о чем говорят Спасителю.

Иисус посоветовал ей не быть глупой, если она будет следовать указаниям, она сможет собрать эту маленькую вещь. Она была в восторге, обнаружив, что Он абсолютно прав. Это было не только легко, это было интересно! Конечно, гораздо интереснее, чем готовить; у нее никогда не было настоящей сноровки ни для того, ни для другого. Ее пирожные опадали, а хлеб никогда не поднимался. Она начала делать эту вещицу вчера, взяв тостер, мотор от старого смесителя и замечательную панель, полную электронных штучек, от старого радио в сарае. Он думала, что будет ее делать еще долго, пока Джо не проснется и не придет в два часа смотреть по телевизору финал «Ред Сокс».

Она подняла маленькую газовую горелку и ловко зажгла ее спичкой. Неделию назад она бы рассмеялась, если бы вы сказали ей, что сейчас она будет работать с газовой горелкой. Но это было легко. Иисус точно сказал ей, где и как припаять провода к электронной панели от старого радио. Это было не все, что сказал ей Иисус в течение последних трех дней. Он говорил ей вещи, которые лишили ее сна, после которых она стала бояться ходить в поселок за

покупками, чтобы не показывать виноватого лица (я всегда узнаю, Бекка, когда ты делаешь что-то дурное, говорил ей отец, у тебя не то лицо, которое может хранить секреты); это впервые в жизни лишило ее аппетита. Джо, полностью отгородившийся своей работой, «Ред Соксом» и своей Нахалкой — это всерьез предвещало что-то неладное... хотя он видел, как Бекка грызла ногти той ночью, когда они смотрели «Хилл-стрит Блюз», а кусать ногти — раньше Бекка никогда этого не делала — это фактически была одна из вещей, которыми она изводила его. Джо Полсон глядел на это целых двенадцать секунд, после чего снова стал смотреть в телевизор «Сони» и растворяться в мечтах о вздымающихся белых грудях Нэнси Восс.

Помимо всего прочего Иисус рассказал ей о некоторых вещах, испортивших Бекке сон и заставивших ее грызть ногти в сорок пять лет.

В 1973 году Мосс Харлинген, один из покерных приятелей Джо, убил своего отца. Они охотились на оленя в Гринвилле, и считалось, что это была трагическая случайность, но выстрел в Абеля Харлингена не был несчастным случаем. Мосс просто лег со своей винтовкой за поваленное дерево и ждал, пока его отец не переберется через ручеек в пятидесяти ярдах ниже того места, где был Мосс. Мосс подстрелил своего отца так же легко, как глиняную утку в тире. Он думал, что убил своего отца из-за денег. У предприятия Мосса были два векселя, которые два разных банка требовали погасить в течение шести недель, и ни один, ни другой не давали отсрочки. Мосс пошел к Абелю, но отец отказался помочь, хотя мог. Поэтому Мосс убил отца и, после того как окружной следователь подписал заключение о несчастном случае, унаследовал кучу денег. Векселя были оплачены, и Мосс Харлинген в самом деле верил (возможно, не до глубины души), что совершил убийство ради наживы. Действительные мотивы были несколько другими. Когда-то давно, когда Моссу было десять, а его брату Эмери семь, жена Абеля на целую зиму уехала на юг, на Род Айлэнд. Внезапно умер ее брат, и нужно было поддерживать его жену. Когда мать уехала, у Харлингена было несколько случаев мужеложства. Педерастия прекратилась, когда мать мальчиков вернулась назад, и инциденты никогда не повторялись. Мосс все это забыл. Он никогда не вспоминал пробуждение в темноте, пробуждение в смертельном ужасе, тень отца в дверях. У него не было абсолютно никаких воспоминаний о том, как он лежал, прижав рот к руке, о соленых слезах стыда, о выпученных горячих глазах и опущенном вниз холодном лице, когда Абель Харлинген намазывал жир на свой член и с хрюканьем и вздохами всовывал

его в задний проход своему сыну. Все это произвело на Мосса так мало впечатления, что он мог не помнить, как до крови кусал свою руку, чтобы не закричать, и, конечно, не мог помнить беззвучный плач Эмери на соседней кровати: пожалуйста, папочка, не надо, папочка, пожалуйста, не меня сегодня, папочка, пожалуйста. Конечно, дети забывают все очень легко. Но какая-то память могла остаться, потому что когда Мосс Харлингген в самом деле нажал на спусковой крючок, целясь в этого сраного сукиного сына, когда все это сначала укатилось прочь, а затем прикатилось назад, исчезнув в конце концов в великой лесной тишине мэнской глухомани, Мосс шептал: «Не тебя, Эм, не сегодня».

Алиса Кимболл, которая преподавала в Хэвенской начальной школе, была лесбиянкой. Иисус сказал это Бекке в пятницу, через некоторое время после того, как леди собственной персоной, выглядя в своем зеленом костюме обширно, солидно и респектабельно, зашла, собирая пожертвования для Американского онкологического общества.

У Дарлы Гейнс, хорошенькой семнадцатилетней девочки, приносившей воскресную почту, между матрацем и кроватью было пол-унции травки. Иисус сказал это Бекке прямо после того, как Дарла в субботу приходила собрать деньги за последние пять недель (три доллара и пятьдесят центов на чай). Сказал, что она и ее мальчик курят марихуану в кровати Дарлы перед контактом, только они называют контакт — горизонтальным би-бопом. Они курят травку и занимаются горизонтальным би-бопом почти каждый день примерно с полтретьего до трех. Родители Дарлы работали в Дерри на обувной фабрике и не появлялись дома до четырех.

Хэнк Бак, еще один закадычный покерный друг Джо, работал в Бангоре в большом супермаркете и так ненавидел своего босса, что год назад, когда босс однажды послал Хэнка за ленчем в Макдональдс, высыпал ему в шоколадный коктейль пол-упаковки слабительного. С боссом приключилось нечто более импозантное, чем кишечное волнение; в этот день в три пятнадцать он наделал в штаны, что было эквивалентно атомной бомбе из говна. Эта, если угодно, Г-бомба вылетела, когда он нарезал ветчину в деликатесной Восточного супермаркета. Хэнк до окончания работы поддерживал строгое выражение лица, но когда он сел в автомобиль, чтобы ехать домой, он смеялся так, что чуть не изгадил свои собственные штаны. Дважды он съезжал с дороги, так он смеялся.

— Смеялся, — сказал Бекке Иисус. — Что ты об этом думаешь?

Бекка думала, что это низкий подлый трюк. И, казалось, подобные вещи были только началом. Казалось, Иисус знает что-нибудь

неприятное или огорчительное о любом, с кем Бекка вступает в контакт.

Она не могла жить с такими ужасными откровениями.

Она не могла жить без них тоже.

Одно было ясным: она должна что-то с этим делать.

— Ты, — сказал Иисус. Он говорил сзади нее, из картины на «Сони». Конечно, Он говорил. Мысль о том, что Его голос приходил из ее собственной головы, что она как-то... ну... как-то читала мысли людей... это была только страшная мимолетная иллюзия. Должна была быть иллюзия. Подобный вариант приводил ее в ужас.

Сатана. Колдовство.

— Действительно, — сказал Иисус, подтверждая Свое существование этим сухим, не бессмысленным голосом, так напоминающим отцовский, — ты почти справились с этой частью. Только припаяй красный провод в этой точке слева от длинной штуки... нет, не там... там. Умница! Не так много припая, осторожно! Это как крем для торта, Бекка. Легонько-легонько...

Странно было слышать Иисуса Христа, говорящего о креме для торта.

4

Джо проснулся в четверть второго, сбросил со своего живота Оззи, прогулялся до конца лужайки, смахивая с футболки кошачью шерсть, и там комфортабельно прожурчал в ядовитый плющ. Затем он поднялся в дом. «Янки» и «Ред Сокс». Отлично. Он открыл холодильник, скользнул взглядом по обрезкам провода напротив и только удивился, что Бекка работала в этом адском тусклом свете. Но в общем он не обратил на это внимания. Он думал о Нэнси Восс. Он желал знать, каково будет — спустить между грудей Нэнси. Он думал, что, может быть, в понедельник узнает. Он ссорился с ней; Боже, иногда они грызлись, как пара собак в августе. Похоже, это было не только с ними; в их возрасте каждый кажется замкнутым накоротко. Но когда доходит до секса... сукин сын! Он не был таким ебливым с восемнадцати лет, и она тоже. Казалось, никто из них не может насытиться. Он даже спускал ночью пару раз. Будто ему снова было шестнадцать. Он схватил кварту пива и пошел в сторону комнаты. Сегодня Бостон почти наверняка собрался выиграть. Его ставка была 8:5. В последнее время он казался озабоченным ставками. В Огасте был парень, который держал тотализатор, и Джо в последние три недели сделал почти пять сотен зеленых... Бекка не знала. Это было забавно; он точно знал, кто собирается выиграть и

почему, а затем он спускался в Огасту и забывал почему, а помнил только кто. Но это была важная вещь, не так ли? В прошлый раз парень из Огасты ворчал, выплатив три к одному за двадцатидолларовую ставку. «Метеоры» против «Пиратов», Гуден на насыпи. Это выглядело как верняк для «Метеоров», но Джо выбрал «Пиратов», и они победили, 5:2. Джо не знал, как долго парень из Огасты будет держать тотализатор, но если перестанет, что тогда? Всегда имеется Портленд. Там было два или три варианта. Похоже, в последнее время, когда он покидал Хэвен, у него начиналась головная боль — может быть, нужны очки — но когда все идет по кайфу, головная боль — небольшая плата. Еще немного денег — и они вдвоем смогут уйти. Оставив Бекку с Иисусом. Это тот, за кого Бекка пойдет замуж в любом случае.

Она холодна, как лед. А Нэнси? Сплошной огонь! И хороша! Как раз сегодня она затащила его назад в офис, чтобы что-то ему показать. Смотри! Смотри, что я придумала! Я думаю, что могла бы запатентовать это, Джо! Я так и сделаю!

— Что за идея? — спросил Джо. В действительности она его слегка бесила. В действительности он больше интересовался ее грудью, чем ее идеями, и, бесясь или нет, он уже доставал свой стальной. Это действительно было, как в молодости. Но того, что она показала ему, было достаточно, чтобы он забыл про свой стальной. По крайней мере на четыре минуты.

Нэнси Восс взяла у сына Лайонела трансформатор и как-то подцепила его к связке батарей. Это устройство было подсоединено к семи просеивателям муки с выбитыми перегородками. Просеиватели лежали на боку. Когда Нэнси включила трансформатор, несколько тонких, как нити, проводов, присоединенных к чему-то, выглядевшему как смеситель, начали зачерпывать почту первого класса из кучи на полу в просеиватели, по-видимому, случайным образом.

— Что эта штука делает? — спросил Джо.

— Отсортировывает почту. — Она показывала на просеиватели, один за другим. — Это Хэвен Виллидж... это Дерри Роуд, ты знаешь... это Ридж Роуд... это Ниста Роуд... это...

Сначала он не поверил. Он подумал, что это шутка, и ему стало интересно, как ей понравится шлепок по голове. «Зачем ты это сделал?» — обиделась бы она. «Некоторые люди понимают шутки», — ответил бы он, как Сильвестр Сталлоне в «Кобре», — но я к таким не отношусь. Вместо этого он увидел, что устройство действительно работает. Устройство как устройство, все в порядке, но звук проводов, шаркающих по полу, вызывал легкое отвращение.

Резкое шуршание, будто ноги большого старого паука. Оно работало, олл райт; побери его черт, если он понимал как, но это работало. Он видел, как один из проводов зацепил письмо Роско Тиболту и втокнул его в правильный просеиватель — отведенный для Хаммер Кат Роуд, хотя оно было неправильно адресовано в Хэвен Виллидж.

Он хотел спросить ее, как это работает, но не хотел выглядеть болваном и вместо этого спросил, где она взяла провода.

— Из телефонов, которые я купила в радиомагазине, — сказала она. — Они продавались! Здесь есть и другие части от телефонов. Мне все пришлось поменять, но это было легко. Это, знаешь, так... иди ко мне. Ты понял?

— Да, — медленно сказал Джо, думая о выражении лица у парня из Огасты, когда Джо вошел забрать свои шестьдесят долларов после того, как «Пираты» побили Гудена и «Метеоров». — Неплохо для женщины.

На секунду ее брови нахмурились, и он подумал: ты хочешь что-то сказать? Ты хочешь борьбы? Давай. О'кей. Это так же хорошо, как и все остальное.

Потом ее лицо смягчилось, и она улыбнулась.

— Теперь мы можем делать это даже дольше. Ее пальцы скользнули по твердому ребру в его брюках. Ты хочешь сделать это, да, Джо?

И Джо сделал. Они соскользнули на пол, и он забыл все, и что она его бесила, и как вдруг оказалось, что он, видимо, в мгновение ока может угадывать ставки во всем от бейсбола до скачек и гольфа. Он вошел в нее, и она застонала, и Джо забыл даже мрачный шуршащий звук проводов, когда они рассортировывали почту первого класса по просеивателям муки.

5

Когда Джо вошел в комнату, Бекка сидела в своей качалке, демонстративно читая последний выпуск «Аппер Рум». Всего за десять минут до того, как вошел Джо, она закончила присоединять устройство, о котором ей говорил Иисус, сзади телевизора «Сони». Она следовала Его инструкциям буквально, потому что Он сказал, что надо быть осторожным, если вы совсем не разбираетесь в задней части телевизора.

— Ты можешь поджариться, — предостерег Иисус. — Там намного интереснее, чем в магазине «Птичий глаз», даже если он выключен.

Сейчас телевизор был выключен, и Джо болезненно сказал:

— Пожалуй, ты знаешь, как включить этот проклятый телевизор, — сказала Бекка, говоря со своим мужем в последний раз.

— Пожалуй, — сказал Джо, говоря со своей женой в последний раз.

— Эээээээээээээарррррхмммммм! — крикнул Джо Полсон. Его лицо начало чернеть. Голубой дым валил от его волос и глаз. Его палец прирос к кнопке «Сони».

— Нет! — вскрикнула Беска, и картинка снова переключилась. Теперь она видела Мосса Харлинггена за поваленным деревом, взявшего своего отца на прицел и мурлыкающего: не тебя, Эм, не сегодня. Щелкнуло, и она увидела мужчину и женщину, копающих землю в роще; женщина за рулем чего-то, слегка похожего на вагонетку и слегка — на что-то из мультфильма Руба Голдберга, мужчина замыкает цепь вокруг пня. За ними выступал из земли огромный тарелкообразный объект. Он был серебристым, но тусклым; местами на нем горело солнце, но мерцания не было.

В комнате запахло кипящим пивом. Трехмерное изображение Иисуса задрожало и взорвалось.

Бекка пронзительно вскрикнула, поняв, что, как бы то ни было, все это она, она, она, и она убила своего мужа.

Она подбежала к нему, схватила за руку... и подключилась к цепи.

Иисус, Иисус, спаси его, спаси меня, спаси нас обоих, — думала она, когда электричество вошло в нее, вздернув ее на носки, как балерину на пуантах. И в ее мозгу возник взбешенный кудахтающий голос, голос отца: дура ты, Бекка! Страшная дура! Всегда и всему тебя учи!

Задняя панель телевизора, которую она прикрутила после того, как закончила свои добавления, вылетела с мощной голубой вспышкой. Бекка упала на ковер, увлекая за собой Джо. Джо уже был мертв.

Когда тлеющие обои позади телевизора подожгли ситцевые занавески, Бекка Полсон тоже была мертва.

3 ХИЛЛИ БРАУН

1

Знаменательный день, когда Хиллман Браун проделал свой наиболее впечатляющий фокус в качестве фокусника-любителя — *единственный* фокус за всю свою карьеру фокусника-любителя, приходился на воскресенье, 17 июля, как раз за неделю до взрыва Хэвенской ратуши. То, что Хиллману Брауну еще ни разу не удавалось проделать столь впечатляющий фокус, — неудивительно. Ведь и было-то ему всего десять лет.

Его имя было, кстати говоря, девичьей фамилией его матери, которая принадлежала к тем самым Хиллманам, что поселились в Хэвене, когда еще город звался Монтгомери; и хотя Мэри Хиллман без всяких сожалений превратилась в Мэри Браун — как никак, брак по любви! — ей хотелось сохранить это имя, да и муж согласился. Однако, не проведя и недели в доме, новорожденный для всех стал просто Хилли.

Он рос довольно нервным ребенком. Отец Мэри, Ив, говаривал, что его нервы чувствительны, как кошачьи усы, и что малыш промчится всю свою жизнь как угорелая кошка. Для Мэри и Брайена это сообщение было не из приятных, но, еще на первом году жизни

Хилли оно воспринималось как непреложный факт. Некоторые дети находят особое удовольствие в покачивании колыбельки; а некоторые — в сосании большого пальца. Хилли раскачивал свою колыбельку почти постоянно (при этом заливаясь злобным плачем) и непрерывно сосал оба больших пальца, — причем сосал их столь усердно, что на них выступили болезненные волдыри к тому моменту, когда Хилли исполнилось восемь месяцев.

— Теперь-то он перестанет, — доверительно сообщил им доктор Лестер, осмотрев волдыри, покрывавшие большие пальцы... волдыри, над которыми Мэри плакала, как над своими собственными. Но Хилли не перестал. Его стремление к комфорту пересиливало боль от кровоточащих пальцев. Со временем волдыри превратились в жуткие мозоли.

— Всю жизнь промчится как угорелая кошка, — пророчествовал, бывало, его дедушка, если подворачивался собеседник (и даже, если таковой не подворачивался; шестидесятитрехлетний Ив Хиллман был прилипчив, как банный лист). — Кошачьи усы вместо нервов, ох! Он заставит попрыгать папочку и мамочку; для Хилли это раз плюнуть.

Да уж, Хилли заставил их попрыгать. По обеим сторонам дорожки, ведущей к жилищу Браунов, стояли деревянные колоды, привезенные Брайеном по настоянию Мэри. На каждую колоду водрузили по клумбе, где и развели цветы и другие растения. В один прекрасный день, когда Хилли было года три, он выбрался из кровати, где ему предлагалось поспать («Почему я должен спать, мам?» — спросил Хилли. «Потому, что мне надо отдохнуть, Хилли», — ответила его измученная мама), вылез из окна и перевернул все двенадцать клумб. Когда Мэри увидела, что натворил Хилли, она безутешно разрыдалась, совсем как в то время, когда кровоточащие волдыри покрывали его пальчики. При виде ее слез Хилли тоже разревелся (при этом не выпуская оба больших пальца изо рта; он до сих пор не оставил привычку сосать их). Он-то ведь перевернул все клумбы и колоды без всякого злого умысла; просто в тот момент, эта затея показалась ему заслуживающей внимания.

— Ты за ценой не постоишь, Хилли, — сказал тогда его отец. Как в воду глядел. И ведь это было задолго до того знаменательного дня 17 июля 1988-го.

Далее, в возрасте пяти лет, Хилли предпринял катание на санках с обледеневшего спуска; в тот декабрьский денек его вынесло прямо на шоссе. Ему просто не приходило в голову, как он уверял несколько минут спустя свою еле живую от страха мать, что кто-то может проезжать по Дерри Род; он просто скользил по ледяной дорожке, выходявшей прямо на шоссе; так что остается только

удивляться, как быстро его снежокат проскочил спуск и оказался на дороге. Мэри видела, как громоздкий бензовоз прогрохотал вниз по девятому шоссе; тут она окликнула Хилли так громко, что в течение последующих двух дней ей пришлось перейти на шепот. В то вечер, теребя Брайна за руку, она рассказывала, что уже видела могильный холмик их сыночка на местном кладбище, — *ясно видела* и могильную плиту с надписью:

«Хиллман Ричард Браун, 1978-1983

Ушедший слишком рано».

«Хиллиииии!»

Хилли повернул голову на крик матери, прозвучавший громче пожарной сирены, отчего и упал со своих санок, как раз перед тем, как их вынесло на шоссе. Спуск был заасфальтирован, следовательно, и слой льда на нем был довольно тонкий, так что Хилли Брауну никогда бы не сошел с рук подобный трюк, если бы Милосердный Господь не благословил его, как обычно он благословляет наиболее непоседливых, шустрых и неосторожных детей — благословил удачным падением. Хилли сломал левую руку чуть выше локтя и разбил лоб; все это вместо ужасных увечий, на которые он сам себя обрек.

Снежокат вылетел на середину шоссе. Водитель бензовоза Веббер Фюел среагировал раньше, чем успел заметить, что в санках никого нет. Он резко крутанул руль, и его грузовик провальсировал в сугробах с неподражаемой грацией слона, исполняющего роль из балета «Фантазия». Он живописно завалился в канаву и прочно улегся на один бок. Через несколько минут водитель выбрался через свободную дверцу и бросился к Мэри Браун, оставив поверженный грузовик лежать на покрытой снегом полянке, и, подобно мертвому мастодонту, орошать землю, но не кровью, а дорогим горячим, хлеставшим из всех трех открывшихся люков. Мэри бежала к дому со своим потерявшим сознание отпрыском, причитая и заливаясь слезами. В ужасе и растерянности она решила, что его, должно быть, переехали, хотя совершенно отчетливо видела, что Хилли свалился с саней на обочине шоссе.

— Он мертв? — прокричал водитель с округлившимися глазами, бледный, как полотно; волосы буквально встали дыбом... Похоже, он сам был ни жив, ни мертв. — Пресвятая Дева, он мертв?

— Думаю, да, — причитала Мэри. — Похоже, он мертв; ну конечно же!

— Кто мертв? — поинтересовался Хилли, приоткрывая глаза.

— Хилли! Слава Богу! — закричала Мэри, сжимая его. Хилли истощно заорал. Как выяснилось позже, она соединила разошедшиеся концы сломанного левого предплечья.

Следующие три дня Хилли непробудно проспал в госпитале Дерри Хоум.

— В конце концов, это замедляет его развитие, — заявил Брайен Браун на следующий вечер за ужином.

Ив Хиллман, так уж случилось, ужинал с ними в тот вечер; с тех пор, как умерла его жена, Ив Хиллман частенько навещался к зятю и дочери; по сути дела он проводил у них пять вечеров в неделю.

— Хочешь пари? — пробормотал он с набитым ртом.

Брайен поднял на тестя скорбные глаза, но не проронил ни слова.

Вообще-то говоря, Ив был прав — это была еще одна причина, по которой он довольно часто вызывал раздражение Брайена. Во вторую ночь своего пребывания в госпитале, когда все дети в педиатрическом отделении уж спали, Хилли решил предпринять вылазку. Как ему удалось проскользнуть мимо дежурной нянечки — остается загадкой; однако факт есть факт. Свой побег он осуществил в три часа утра. Его не удалось обнаружить ни персоналу на этаже, ни персоналу в фойе. Подняли на ноги охрану. Весь госпиталь поставили с ног на голову; администрация, сначала удивленная, а затем перепуганная, металась в растерянности. Родители Хилли были немедленно извещены и примчались, не теряя ни минуты. Многострадальная мать уже привычно заливалась слезами, однако из-за сорванных связей, ее стоны и причитания произносились надсаженным шепотом.

— Мы предполагаем, он мог каким-то образом выбраться из здания клиники, — сообщил им главный администратор.

— Да как, черт возьми, *пятилетний ребенок мог выбраться из здания?* — взорвался Брайен. — В конце концов чем заняты эти ребята, которые должны присматривать за детьми?

— Ну, ну... вы же понимаете, мистер Браун, что здесь у нас не тюрьма...

Мэри перебила их:

— Так ищите же его! — Она перешла на громкий шепот. — На улице минус двадцать. На Хилли была только пижама. Он ведь может...

— О, миссис Браун, я полагаю, столь мрачные предположения преждевременны, — обронил главный администратор, умиротворяюще улыбаясь. Хотя в глубине души он понимал, что опасения имеют под собой почву. Первое, что он сделал узнав об исчезновении мальчика и решив, что тот должно быть ушел, это навел справки о температуре ночью. По чистой случайности вопрос был задан доктору Элорману, специализирующемуся на случаях гипотермии — а

такое не было редкостью при здешних зимах. Ответ доктора Элормана был просто убийственным:

— Если он вышел на улицу, то сейчас он, по всей вероятности, мертв.

Еще одно обследование госпиталя, предпринятое на сей раз местной полицией, ничего не дало. Мэри Браун дали снотворное и уложили в постель. Единственным фактом, вселяющим оптимизм, было то, что до сих пор еще не было найдено замерзшее тело, облаченное в больничную пижаму. Конечно же, главному администратору уже приходило на ум, что речка Пенобскот протекает совсем близко от госпиталя. Сейчас вода замерзла, следовательно, вполне вероятно, что мальчик попытался перейти на другой берег и провалился под лед. О, как он желал, чтобы чета Брайенов с самого начала определила свое отродье в Восточный медицинский центр.

В два часа дня Брайен Браун уселся в кресло напротив спящей жены, размышляя о том, как сказать ей, что их единственный ребенок мертв, в случае необходимости, разумеется. В это самое время больничный истопник заглянул в бойлерную, и его взору предстало следующее: маленький мальчик, одетый в одну только пижаму, свернулся клубочком, уютно пристроив загипсованную руку прямо в огромном теплом очаге, зябко поджав босые ноги.

— Эй! — воскликнул истопник. — Эй, мальчик!

— Ну что? — сказал Хилли, выбираясь наружу. Ноги были черны, как уголь; пижама промаслилась насквозь. — Местечко, что надо! Я думал, что потерялся.

Истопник схватил Хилли в охапку и потащил наверх к администратору. Хилли посадили в огромное кресло с подлокотниками (предусмотрительно подстелив в два слоя «Дэйли Ньюз»); вскоре секретарь вернулась с пепси-колой и прочей снедью. При других обстоятельствах главный администратор сделал бы это сам, чтобы продемонстрировать беглецу свое отеческое снисхождение. При других обстоятельствах — «и я полагаю», — думал главный администратор, — «и с другим мальчиком». В данном случае он просто боялся оставить Хилли одного.

Вернувшись с едой и питьем, секретарь была снова отослана — на сей раз за Брайеном Брауном. Конечно, Брайен был достаточно сильным и сдержанным человеком, но когда он увидел Хилли, сидящего в директорском кресле, его грязные ноги, не достигающие до пола, шуршащие под ним газеты и, наконец, то, с каким аппетитом он уписывал булки и пил пепси, он не смог сдержать поток благодарных слез. То же самое сделал и Хилли, — Хилли, который

никогда не совершил ничего плохого *умышленно*, — разразившийся бурным плачем.

— Господи, Хилли, где ты был?

Хилли ответил на этот вопрос достаточно подробно, как только мог, предоставляя Брайену и главному администратору отделять зерна от плевел, извлекая истину из его рассказа столь успешно, как только *они могли*. Сначала он поставил их в тупик заверением, что он трансформировался («Я превратился в эльфа», — заявил им Хилли) и забрался спать на одну из топок. По его словам, там было очень тепло, настолько, что он снял пижамную куртку, осторожно ставив ее, чтобы не потревожить свежую гипсовую повязку.

— А еще я очень люблю щенков, — добавил он. — Мы ведь заведем щенка, а, папочка?

Истопник, извлекий Хилли на свет божий, обнаружил там же его курточку. Она лежала на топке №2. Подняв ее, он увидел также и «щенков», приснувших в разные стороны при его появлении. Он решил не упоминать об этом чете Браунов, которые выглядели как люди, которые неспособны перенести еще одно потрясение. Истопник, добрая душа, прикинул, что им будет лучше и не знать, что их сыночек провел ночь прямо перед гнездом крыс, некоторые из которых по размерам действительно приближались к щенятам, что он успел заметить, когда они разбегались от луча фонарика.

2

Поинтересовавшись *его собственным* восприятием как подобных происшествий, так и более скромных (с меньшим количеством поднятых на ноги лиц), происшедших за следующие пять лет его жизни — вы получили бы ответ: «Полагаю, я всегда попадаю в переделки». Хилли считал себя предрасположенным к несчастным случаям. Правда, еще никто до сих пор не вложил в его уста эту меткую формулировку.

Когда ему исполнилось восемь (спустя два года после рождения Дэвида), он принес домой записку от Миссис Андерхилл, учительницы начальной школы; в записке предлагалось мистеру и миссис Браун пожаловать для небольшой беседы. Брауны пожаловали, правда, не без некоторых опасений. Они уже были в курсе, что на прошлой неделе хавенские третьеклассники подвергались тестированию для определения интеллектуального коэффициента. Брайен подозревал, что миссис Андерхилл намеревается им сообщить, что результаты Хилли значительно ниже средних, следовательно, необходимо его перевести в класс для отстающих. Мэри подозревала

(впрочем, так же оставляя их при себе), что Хилли недобрал словарный запас. Словом, ни тот ни другой не спали спокойно в ту ночь перед визитом.

Миссис Андерхилл просто ошарашила их, сказав, что Хилли показал результаты, превышающие высшее значение по данной шкале; судя по всему, парень просто гениален. — Вы обязательно должны отвести его в Бангор и проверить его по тесту Векслера, если вы действительно хотите определить уровень его умственного развития, — посоветовала миссис Андерхилл. — Проверить Хилли по тесту ИК Томпалла — это все равно, что определить интеллект по тесту, предназначенному для козы.

Мэри и Брайен посоветовались... и решили не раскручивать это дело. Надо сказать, что они не стремились определить, насколько одарен Хилли. Достаточно того, что он не отсталый... и, как сказала Мэри прошлой ночью, это многое объясняет: его непоседливость, его явную неспособность проспать более шести часов в сутки, его странные увлечения, которые появлялись и исчезали со скоростью света. Однажды, когда Хилли уже исполнилось девять, Мэри с Дэвидом вернулись с почты; она обнаружила полный разгром на кухне, которую оставила в полном порядке пятнадцать минут назад. Раковина была полна подмокшей муки. На разделочном столике — лужа растаявшего масла. Нечто пеклось в духовке. Быстро поместив Дэвида в манеж, она метнулась к духовке, предполагая увидеть там обуглившуюся массу. Вместо этого в духовке оказался поднос со сдобными булочками. Которые, как ни странно, оказались вполне вкусными. Они съели их на ужин... однако до того, Мэри нашла палача недоумевающего Хилли и отправила его в детскую. Она уселась за кухонный стол, не зная, плакать ей или смеяться, в то время как Дэвид — смирный и приятный во всех отношениях малый, представлявший собой мирную гавань по сравнению со штормовым морем — Хилли, — сидел, ухватившись за загородку манежа, не сводя с нее забавных глазенок.

Надо отметить, к чести Хилли, его нежную любовь к младшему брату. И хотя Брайен и Мэри опасались доверить Хилли младенца и оставить их в одной комнате дольше, чем на тридцать секунд, у них значительно легче было на сердце.

— Чтоб мне провалиться, вы можете смело отпустить Хилли с Дэвидом недельки на две в поход и они вернутся целыми и невредимыми, — говаривал Ив Хиллман. — Он любит малыша. И он *сумеет позаботиться* о нем.

Вернее не скажешь. В основном — если не во всем, — «злосчастный» Хилли стремился честно выполнить сыновний долг по отно-

шению к своим родителям. Просто не всегда получалось удачно, и они не верили в его силы. Но Дэвид, благословлявший землю, по которой ступал его брат, всегда видел Хилли в истинном свете и восхищался им...

Так оно и было до семнадцатого июля, до того самого дня, когда Хилли совершил свой первый фокус.

3

Мистер Робертсон Дэвис (да проживи он еще тысячу лет) в своей «Дептфордской трилогии» предположил, что наше отношение к магии и всему магическому напрямую зависит от нашего отношения к реальности (или тому, что принято считать реальностью), и обратное: наше отношение к реальности во многом определяется отношением к целому миру непознанного, в котором мы — не более чем дети в дремучем лесу, даже самые старшие и опытные из нас (даже сам мистер Дэвис, надо полагать); в дремучем лесу, где некоторые деревья жалят ядом, а некоторые заключают в себе и могут поверить вам огромное мистическое благо — таково свойство их коры, надо полагать.

Хилли Браун, казалось, был создан для того, чтобы существовать в мире чудес. Он и сам был в этом убежден, и его мнение никогда не менялось, несмотря на все те многочисленные «переделки», в которые он регулярно попадал. Хилли пленился загадочной прелестью мира, отражение которого он видел в блестящей поверхности елочных игрушек, которыми его родители каждый год украшали рождественскую елку (Хилли тоже было порывался им помочь, но опыт научил его, — также, как и его родителей — что соприкосновение рук Хилли с елочной игрушкой неизбежно ведет к гибели последней). Для Хилли мир казался ошеломляюще ярким, словно кубик Рубика, который он получил на свой девятый день рождения (кубик был ошеломляюще ярким ровно две недели, а далее его постигла обычная участь). Следовательно, его отношение к магии было вполне предсказуемо — он любил ее. Магия была просто создана для Хилли Брауна. К несчастью, Хилли Браун, подобно Дунстаблу Рамзи в «Дептфордской трилогии» Дэвиса, был не создан для магии.

Так уж случилось, что в десятый день рождения Хилли Брайен Браун отправился на Дерри Мэлл, чтобы купить дополнительный подарок для сына.

— Мой отец забыл купить что-нибудь для Хилли, Брайен, — сообщила Мэри в обеденный перерыв. — Он хотел бы, если уж ты

все равно заедешь на ярмарку, чтобы ты купил ему какую-нибудь игрушку. Он вернет тебе деньги, когда все утрясет со своей чековой книжкой.

— Согласен, — отозвался Брайен, подумав: *«Когда рак свистнет»*.

— Спасибо, дорогой, — она была действительно благодарна. Она прекрасно знала, что ее отец — который теперь обедал у них уже семь раз в неделю, вместо обычных пяти, — был как бельмо на глазу у ее мужа. Но он никогда и вида не показывал, и за это Мэри любила его еще больше.

— Что же, по его мнению, должно понравиться Хилли?

— Он сказал, что представляет это на твое усмотрение, — сказала Мэри.

«Как всегда», — подумал Брайен. Итак, в тот вечер он обошел всю распродажу, несколько магазинов с игрушками, высматривая всяческие игры, куклы (куклы для мальчиков проходили под эвфемизмом «действующие фигуры»), конструкторы, комплекты инструментов (Брайен, увидев обширный набор юного химика, представил себе Хилли, смешивающего эти вещества в пробирках, и поежился). Ничего подходящего; за свои десять лет жизни его старший сын достиг того самого возраста, когда он слишком развит для детских игрушек и еще слишком мал и недостаточно искушен в житейских делах для таких наборов юного химика или моделей самолетов на газовом топливе. Ничего не подворачивалось, а, между тем время шло. Торжество по поводу дня рождения Хилли было запланировано на пять вечера, а было уже двадцать минут пятого. Времени хватит только для того, чтобы добраться домой.

В этот самый момент на глаза попался набор фокусника. *«Тридцать новых фокусов!»*, — гласила надпись на коробке. Хорошо. *«Многие часы радости для юного фокусника!»* Тоже хорошо. *«Для 8-12 лет»*, — гласила надпись. Замечательно. *«Гарантированная безопасность для юных чародеев!»*, — вот это-то лучше всего. Брайен купил его и, спрятав под полый пиджака, понес в дом, пока возбужденный Ив Хиллман руководил Дэвидом, Хилли и тремя его друзьями, распеваящими хором «Крошка Бетси из Пике».

— Ты как раз появился к праздничному пирогу, — сказала Мэри, целуя его.

— Сначала разверни это, хорошо? — и он протянул жене набор фокусника. — Подходит?

Мэри окинула взглядом подарок и кивнула.

— Прекрасно, как раз то, что надо, — подтвердила она. — Когда настала очередь Хилли прищипливать хвост ослу, он запнулся за

ножку стола и всадил булавку в руку Стенли Джернигана, но пока этим неприятности ограничились.

Брайен воспрянул духом. *Все действительно шло нормально.* В прошлом году, уворачиваясь от Хилли во время «пятнашек», Эдди Голден запнулся о ржавую колючую проволоку, которую Хилли чудом перескочил (надо сказать, что Хилли просто не заметил кусок старой проволоки). Эдди пришлось доставить к врачу, который наложил ему три шва и сделал прививку против столбняка. Эдди дал плохую реакцию на противостолбнячную сыворотку, так что следующие два дня после дня рождения Хилли он провел в больнице.

Теперь Мэри улыбнулась и снова поцеловала Брайена.

— Папа благодарит тебя, — сказала она, — и я тоже.

Все свертки Хилли открывал с удовольствием, но, когда дошла очередь до «волшебного ящика», он просто возликовал. Он бросился к деду (который в этот самый момент пытался отхватить добрую половину праздничного пирога, и чуть было не порезался из-за бурной радости внука) и повис у него на шее.

— Спасибо, дедушка! Спасибо! Как раз то, что я хотел! Как ты догадался?

Ив Хиллман мягко улыбнулся внуку.

— Полагаю, я еще не забыл те времена, когда тоже был мальчиком, — сказал он.

— Потрясающе, дед! Ух! Тридцать фокусов! Смотри, Барни...

Стремясь показать подарок Барни Эпплгейту, он зацепил углом коробки мамину кофейную чашку; чашка опрокинулась, кофе вылился и ошпарил руку Барни. Тот завопил.

— Прости, Барни, — сказал Хилли, пританцовывая. В глазах горел огонь. — Только посмотри! Здорово! *Просто улет!*

Решив отложить до лучших времен те три-четыре подарка, которые Брайен и Мэри заблаговременно приготовили, выбрав по каталогу Шварца, Брайен и Мэри обменялись телепатическими взглядами.

«Ох, извини, дорогой», — говорили ее глаза.

«Ну что ж... Хилли есть Хилли», — ответил он.

И оба расхохотались, чем и привлекли на мгновение внимание собравшихся — Мэри никогда не забудет круглые, торжественные глаза Дэвида, — и снова все внимание обратилось к Хилли, открывавшему магический ящик.

— Я не удивлюсь, если мороженое в вафельных стаканчиках окончательно растает, — громко вставил Ив. Хилли, который пове-рил в этот вечер, что его дед самый замечательный человек на свете, побежал за мороженым.

Вышеупомянутый мистер Робертсон Дэвис, *кроме всего прочего*, предположил в своей «Дептфордской трилогии», что самые избитые истины, применимые к литературе, живописи, выезду лошадей на ипподроме, и также правдоподобному вранью, также применимы к магии: кто-то родился чародеем, а кто-то нет.

Вот и Хилли не был создан для чародейства.

В первой части «Дептфордской трилогии», в «Пятом ремесле», рассказчик, искусленный в магии (мальчик примерно одних с Хилли лет), проделывает ряд фокусов — довольно неудачно — на глазах снисходительной аудитории в лице одного мальчика (который значительно моложе фокусника, примерно как Дэвид), с неожиданным результатом: старший мальчик обнаруживает, что младший — рожденный иллюзионист. Малыш поверг в смущение рассказчика, сделав первую попытку спрятать в ладони шиллинг.

Правда, во втором случае аналогия нарушена; Дэвид не был наделен способностями Хилли к магии. Но Дэвид обожал своего брата и сидел смирно, внимательно и благоговейно наблюдая за ним; его не пугали вспышки огня, не смущало, когда Виктор, их домашний кот, выпрыгивал из волшебной шляпы (кстати, ее пришлось выкинуть в июне, после того, как Виктор нагадил в нее). Дэvidу нравилось все, что Хилли делал: рассказывал ли он об устройстве термодинамического двигателя, или перечитывал ему Евангелие от Матфея.

Не то, чтобы фокусы Хилли были полностью неудачны; на самом деле, *первое публичное выступление Хилли Брауна с демонстрацией фокусов*, которое состоялось на заднем дворе дома Браунов в тот самый день, когда Джим Гарденер покинул Трою, чтобы присоединиться к «Поэтическому Каравану Новой Англии», прошло с огромным успехом. С десятков ребят — в основном друзей Хилли, не считая нескольких ясельных знакомцев Дэвида, приглашенных за хорошее поведение, — ну и четверо-пятеро взрослых, все они наблюдали, как Хилли проделывает фокусы с исчезновением и появлением различных предметов. Большинство трюков сработало, правда, не из-за таланта или выдающихся способностей, а благодаря бодрому жизнерадостному настрою, с которым Хилли воспроизводил инструкции. Хотя, конечно, вся сметливость и настрой не создадут искусства без толики таланта, все же, сметливость и настрой *могут* создать великолепные подделки.

Настало время сказать, что набор юного фокусника, купленный Брайеном наудачу, имел одну особенность: его создатели, будучи невысокого мнения о тех, в чьи руки он должен был попасть, щедро

восполнили недостаток умения и способностей механическими приспособлениями. Например, вы «работаете» с Размножающимися Монетами. То же самое задумано с Гильотиной, крошечная модель которой (с надписью MADE IN TAIWAN на основании) снабжена отточенным лезвием. Когда какой-нибудь нервный зритель (например, Дэвид) кладет свой пальчик на плаху, поверх него в паз помещается сигарета, Хилли может спокойно отпускать смертоносное лезвие, которое разрубит сигарету... но оставит, чудесным образом, пальчик в целости и сохранности.

Конечно, не все фокусы зависели от механических приспособлений. Часами он репетировал двурушничество, позволявшее ему «извлекать» карты из-под стола. В чем он и преуспел, не зная, что подобные навыки могут пригодиться скорее шулеру, чем фокуснику. Когда аудитория превышала двадцать человек, интимная обстановка гостиной терялась, но в основном все карточные фокусы сходили гладко. Аудитория Хилли была достаточно мала, настолько, что ему удавалось околдовать ее — как взрослых, так и детей, — околдовать неуклюжим перемещением карт из середины колоды наверх, или поисками заколдованной карты Розали, спрятанной в колоду у нее на глазах, ну и, конечно же, заставляя валетов выпрыгивать из горящего карточного домика (самый лучший карточный фокус, изобретенный когда-либо).

Были, конечно, и неудачи. Хилли без ляпсусов, как сказал Брайен однажды ночью, все равно, что Макдональдс без гамбургеров. Когда он пытался вылить стакан воды в носовой платок, одолженный у Джо Полсона, почтальона, расставшегося с жизнью месяц спустя на «электрическом стуле», все успехи Хилли сводились к тому, что он промачивал насквозь оба платка и свои брюки на коленях. Виктор отказывался возникать из шляпы. Что до исчезающих монет, фокуса, попортившего Хилли немало крови, результаты всегда были плачевными. Они легко исчезали в его ладони (попросту приклеивались к ней, т.к. были вырезаны из золотой фольги и проходили под торговой маркой «Манчи Мани»), но стоило ему поднять ладонь, как они градом сыпались на пол, вызывая смех и длительные аплодисменты его друзей.

Но овация в конце представления была настоящей. Все были уверены, что Хилли настоящий волшебник «для своих десяти лет». И только трое не питали иллюзий по этому поводу: Мэри Браун, Брайен Браун, ну и сам Хилли.

— Ему *это* еще не надоело, а? — спросила Мэри своего мужа как-то ночью. Оба они понимали, что *это самое* было сродни лучу света, осветившего мозг Хилли Божьей милостью.

— Нет, — ответил Брайен, немного помолчав. — Мне так не кажется. Он трудится изо всех сил, правда? Работает как лошадь.

— Да, — отозвалась Мэри. — Это меня, конечно, радует. Хорошо знать, что он *может* делать вместо биття баклуш. И все-таки досадно... Он работает над этими фокусами, как выпускник над экзаменационными билетами.

— Понимаю.

Мэри вздохнула.

— Ну что ж, он устроил свое представление. Думаю, теперь он все это забросит и займется чем-то другим. *Непременно.*

5

Сначала казалось, что так оно и будет; интерес Хилли к «ящику» должен иссякнуть так же, как и его интерес к тетиной ферме, лунным камням и чревоуещанию. «Волшебный ящик» был задвинут под кровать на случай того, что как-нибудь среди ночи Хилли осенит гениальная идея. Все это было для Мэри как премьеры старой-престарой пьесы. Когда возбуждение окончательно уляжется, «волшебный ящик» бесследно канет в пыльные недра чердака.

Но отношение к этому у Хилли *не изменилось* — не изменилось и все. Следующие после выступления две недели были для Хилли периодом глубочайшей депрессии, причины которой оставались неизвестными для его родителей. Хотя, Дэвид-то, конечно знал, но в свои четыре года он не мог предпринять что-либо существенное; остальным же оставалось только ждать, когда Хилли воспрянет духом.

Хилли Браун тяжело переживал, что он потерпел неудачу в том, чего он *действительно очень хотел*. Конечно, он радовался аплодисментам и поздравлениям, однако почетный приз, присужденный из вежливости, не приносил глубокого удовлетворения: ведь была какая-то часть его личности, та часть, которая при других обстоятельствах могла бы сделать его великим артистом — вот она-то и не была удовлетворена почетным призом. Это самое «второе я» настаивало, что почетный приз должен был быть присужден людьми беспристрастными и полностью компетентными.

Короче говоря, такого почетного приза ему было явно недостаточно.

Конечно, Хилли не пускался в эти сложные рассуждения... тем не менее, он *пришел* к такому выводу. Знай его мама о подобных мыслях, она бы рассердилась на него за его гордыню... которая, как говорилось в Библии, есть один из смертных грехов и путь к

падению. Рассердилась бы даже больше, чем когда он выехал на шоссе перед бензовозом или пытался выкупать кота Виктора в бачке унитаза. *«Чего же ты хочешь, Хилли?, — закричала бы она, схватив его за руку. — Незаслуженной награды?»*

Ив, который видел и понимал многое, и Дэвид, который видел еще больше, могли ей рассказать.

«Он хотел, чтобы их глаза выскочили из орбит от удивления. Он хотел, чтобы все расхохотались, когда Виктор выскочил бы из шляпы с бантиком на хвосте и с шоколадкой в зубах. Он пренебрег бы всеми наградами и аплодисментами мира ради одного только возгласа смеха умирающей женщины, нашедшей в себе силы победить смерть, как говорилось в буклете о действии, которое возымел знаменитый фокус Гарри Гудини с исчезающим молоком. Потому, что почетный приз значит, что ты сделал что-то хорошее. Восторженные крики, смех, воодушевление — вот это, я понимаю, успех».

Однако, он подозревал — нет, он просто знал, — что этого ему никогда не достичь: желай не желай, от этого ничего не изменится. Горькая пилюля... Дело даже не в самом провале, а в сознании того, что тут уж ничего не изменишь. Что-то вроде того, когда перестаешь верить в Санта-Клауса...

Как бы то ни было, его родители считали, что вспышки интереса приходят и уходят с переменчивостью весеннего ветра: в конце концов в детстве так оно и бывает; похоже на то, что Хилли пришел к своему первому взрослому выводу: если ему не бывать великим фокусником, то лучше всего оставить это занятие. Конечно, так сразу он это не бросит, и фокусы останутся чем-то вроде хобби. Слишком уж сильно задела его неудача. Ранила его самолюбие. Лучше отложить это и попробовать что-нибудь другое.

Если бы взрослые могли высказывать свои заключения с подобной деликатностью, несомненно, мир стал бы значительно лучше. Робертсон Дэвис в своей «Дептфордской трилогии» подошел к этой мысли очень близко.

6

Четвертого июля Дэвид заглянул к Хилли в комнату и увидел, что Хилли снова трудится над своими фокусами. Перед ним стояла целая батарея всевозможных приспособлений... и даже батарейки от папиного радио, заметил Дэвид.

— Что делаешь, Хилли? — дружелюбно осведомился Дэвид.

Хилли нахмурился. Он вскочил на ноги и выставил Дэвида из комнаты столь стремительно, что тот шлепнулся на ковер. Это было так необычно, что Дэвид слишком удивился, чтобы заплакать.

— Иди отсюда! — закричал Хилли. — Не подсматривай новые фокусы! Медичи казнили тех, кого ловили на соглядатайстве, особенно если дело шло о трюках придворных фокусников!

Приведя эту историческую справку, Хилли захлопнул дверь перед носом у Дэвида. Дэвид онемел от растерянности, но не рассердился. Непредвиденная суровость его обычно ласкового и внимательного брата побудила Дэвида подняться по лестнице, включить телевизор и, наплакавшись, уснуть на середине «Улицы Сезам».

7

Интерес Хилли к чародейству вспыхнул с новой силой примерно в то же самое время, когда изображение Иисуса заговорило с Беккой Полсон.

Навязчивая идея запала в его голову: если старые механические фокусы, вроде Размножающихся монет, получаются у него хорошо, значит, ему следует изобрести свои собственные трюки, не останавливаясь на достигнутом. Самое лучшее, что только можно придумать! Лучше, чем «часы Торстона» или «подвесные зеркала Блэкстоуна»! И, если уж рассчитывать на фурор, смех, крики восторга и так далее, нужно освоить что-нибудь посolidнее простых манипуляций.

Потом он почувствовал в себе способности изобретателя.

А чуть позже он просто бредил изобретениями.

Конечно, это не первый раз, когда ему в голову приходили мысли об изобретениях, но его предыдущие идеи были благородными, абстрактными и невыполнимыми, как сон наяву; голова была забита всякими «научными» задачами — как сделать космический корабль из картонной коробки, лазерное оружие, подозрительно смахивающее на веточку дерева, обернутую фольгой... Время от времени ему приходили *ценные* мысли, идеи, почти имеющие практическое значение, но он всегда с ними расставался, не зная, как воплотить свои проскты в жизнь.

Теперь-то способы воплощения были ясны, как божий день.

«Потрясающие фокусы», думал он, привязывая и привинчивая друг к другу различные предметы. Когда мама сказала, что восьмого июля собирается в город за покупками (говоря об этом, она преследовала заднюю мысль: почти всю последнюю неделю Мэри мучилась

головной болью, и новость, что Джо и Бекка Полсон погибли в горящем доме, не улучшила ее самочувствие), Хилли попросил зайти ее в магазин радиопринадлежностей и присмотреть кое-что для него. Он вручил ей список и восемь скопленных долларов (все, что уцелело от денег, полученных ко дню рождения), попросив ее «быть столь любезной и одолжить ему» сколько не хватит.

Десять (10) контактных вилок пружинного типа \$0.70 (No1334567).

Три (3) «Т» проводников (пружинного типа) \$1.00 (No1334709).

Одна (1) защищенная вилка коаксиального кабеля \$2.40 (No19776-С).

Не будь у нее затяжной головной боли, вызвавшей своего рода протрацию, Мэри задумалась бы, для чего предназначается этот список, она, несомненно, обратила бы внимание на удивительно точную информацию, приведенную Хилли — прямо с инвентарными номерами, — это могло навести ее на мысль, что такие подробности можно узнать, только позвонив в магазин радиопринадлежностей. Тут бы ей и усомниться в том, что Хилли *окончательно забросил это дело*.

Именно так оно и было.

Однако она пробежала список глазами, сунула в карман и согласилась «быть столь любезной», чтобы одолжить недостающие четыре доллара.

На обратном пути, когда они с Дэвидом уже подъезжали к дому, некоторое сомнение все-таки закралось в ее голову. Поездка немного улучшила ее самочувствие; мигрень почти исчезла. И даже Дэвид, молчаливый и самоуглубленный, из-за того, что Хилли выставил его из комнаты, тоже взбодрился. Он сказал ей на ушко, что Хилли задумал свое ВТОРОЕ ГАЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЕ на заднем дворе.

— Он покажет массу новых трюков, — таинственно сообщил Дэвид.

— Да, что ты?

— Ага, — кивнул Дэвид.

— Ты думаешь, ему удастся?

— Не знаю, — сказал Дэвид, припомнив, как круто Хилли выставил его из комнаты. Он чуть было не расплакался, но Мэри не обратила на это внимания. Минут через десять, не подъезде к Хэвену, головная боль возобновилась... и вдобавок, еще сильнее, чем прежде, Мэри ощутила разброд в мыслях. С одной стороны, их было слишком много. С другой стороны, она не может толком уловить даже их общий смысл. Что-то вроде... Мэри собралась с мыслями; неясные ощущения понемногу обрели смысл. В старших классах она

занималась в драмкружке (кажется, Хилли унаследовал от нее слабость к театральному действию), и теперь снова всплыло забытое ощущение, с которым она прислушивалась к шуму в зале... Занавес еще опущен, нельзя разобрать, что говорят, но ты знаешь, что они там...

— Вряд ли будет очень здорово, — вымолвил, наконец, Дэвид. Он смотрел в окно; в его глазах внезапно мелькнули одиночество и подавленность. Дэвид видел Джастина Харда, запахивавшего трактором свое поле. Запахивающим, несмотря на середину июля. В этот момент четырехлетний Дэвид как бы видел насквозь сорокадвухлетнего Джастина Харда. Он понимал, почему тот запахивает в землю несжатую пшеницу, полосует огород на части, режет молодую кукурузу и дыни. Джастин Хард думал, что на дворе май. Май 1951 года. Собственно говоря, Джастин Хард давным-давно тронулся умом.

— Думаю, ничего хорошего не получится, — сказал Дэвид.

8

Если на ПЕРВОМ МАГИЧЕСКОМ ГАЛА ПРЕДСТАВЛЕНИИ Хилли было человек двадцать, то на втором — только семь: его папа, мама, бабушка, Дэвид, Барни Эпплгейт (ровесник Хилли), миссис Греншау из деревни (которая притащилась в надежде продать Мэри несколько Эвонов) и сам Хилли. Разница с предыдущим представлением заключалась не только в резком уменьшении аудитории.

На первом представлении зрители были возбуждены, даже чуточку нагловаты (саркастические аплодисменты приветствовали падение с ладони Хилли монеток из фольги). На этот раз аудитория была мрачна и рассеянна, все сидели как манекены в складных креслах, расставленных Хилли и его ассистентом (бледным и безмолвным Дэвидом). Его папа, который, на первом представлении, подбадривал сына смехом и аплодисментами, в этот раз прервал вступительную речь Хилли «о тайнах востока», сказав, что не может уделить этим тайнам много времени, и, если Хилли не против, ему, после стрижки газона, хотелось бы принять душ и выпить пива.

Да и погода изменилась. В день первого представления все вокруг было ясным, теплым и зеленым, особой свежей и нежной зеленью, которая появляется в Новой Англии в последние дни весны. Теперь же — горячий и душный день первой половины июля, когда безудержно горячее солнце палит с неба цвета хрома. Миссис Греншау развлекалась, просматривая свой же Эвонский каталог, и, судя по

всему, не могла дожидаться, когда все это кончится. Сидя на солнце, все чувствовали себя не лучшим образом. А каково маленькому мальчику, стоящему на сцене, сооруженной из ящиков, одетому в торжественный черный костюм, с приклеенными усами... зануда... пускает пыль в глаза... Миссис Греншау почувствовала, что она просто убивает его своим невниманием.

На этот раз техника исполнения была куда лучше — по-настоящему, на уровне, — но сам Хилли был расстроен и взбешен, обнаружив, что наводит на зрителей скуку. Он видел, что его отец косится в сторону, намереваясь удрать, это-то и убивало его, ведь больше, чем всех остальных, он хотел поразить своего отца.

«Какого рожна им надо?», сердито спрашивал он себя, обливаясь потом (впрочем, как и миссис Греншау в ее черном шерстяном костюме). «У меня все хорошо получается — даже лучше, чем у Гудини — но они не смеются, не ахают, не восторгаются. Почему? Где собака зарыта?»

В самом центре импровизированной сцены была платформа (тоже из ящиков для апельсинов), внутри которой было спрятано загадочное устройство, изобретенное Хилли. На него и пошли те батарейки, которые Дэвид видел в комнате Хилли в тот раз и детали старого маминго шкафа, того, что в холле. Доска, положенная на ящик из-под апельсинов, была спилена по углам, задрапирована куском материи. К своему изобретению, заставляющему вещи исчезать и появляться, Хилли присоединил педаль от швейной машинки и все то, что его мама купила в магазине радиопринадлежностей.

Хилли давно уже предвкушал этот фокус. Правда, он не учел, что к этому моменту зрители уже заскучали и упали духом.

— Итак, фокус первый: исчезновение помидора! — провозгласил Хилли. Он извлек помидор из коробки «магических принадлежностей» и выставил его на всеобщее обозрение. — Любой из зрителей может удостовериться, что это действительно помидор, а не только видимость. Пожалуйста! Вы, сэр! — он кивнул своему отцу, который лениво привстал и подтвердил:

— Это помидор, Хилли, я вижу.

— Прекрасно! Теперь — «Тайна Востока»... исчезновение!

Хилли положил помидор на середину белой доски и накрыл ее маминой шелковой косынкой. Он проделал магические пассы над ним и сказал заклинание: «Фокус-мокус!»; при этом Хилли незаметно надавил на замаскированную педаль от швейной машинки. Раздалось короткое, чуть слышное жужжание.

Бугорок под косынкой исчез. Доска оставалась гладкой и монолитной. Он приподнял ее и показал зрителям, чтобы они убедились,

что доска пуста, после чего он ждал возгласов удивления. Но пожал лишь скудные аплодисменты.

Только из вежливости, не более.

Вероятно, миссис Греншау подумала следующее: *«Люк. Люк и ничего другого. Просто диву даюсь, что сижу на солнцепеке и смотрю, как этот придурок проталкивает помидор в люк; и все для того, чтобы продать его маме флакон духов. Ну и ну!»*

Хилли потерял самообладание.

— А теперь — еще одна «Тайна Востока»! Возникновение исчезнувшего помидора! — Он нахмурился и бросил уничтожающий взгляд в сторону миссис Греншау. — И если некоторые из вас достаточно глупы, чтобы подозревать что-то вроде люка, ну что ж, я полагаю, что они знают человека, который может извлечь помидор обратно из люка. Но для этого ему придется основательно потрудиться, так ведь?

Выслушивая эту тираду миссис Греншау теребила подлокотники и смущенно улыбалась. Похоже, Хилли воспринимал ее мысли, как антенна радиоволны.

Он снова водрузил доску на ящик. Прodelал пассы. Нажал на педаль. Что-то круглое вздулось под голубым шелком. Торжествуя, Хилли сорвал косынку и продемонстрировал помидор.

— Та-да-та-да! — закричал он.

Вот теперь раскроются рты от изумления!

Еще немного вежливых аплодисментов.

Барни Эпплгейт зевнул.

За что Хилли с удовольствием бы его расстрелял.

Поначалу Хилли планировал приберечь трюк с помидором для эффектного финала; хорошо задумано, однако действительность вносит свои коррективы! Все получилось не так, как он предполагал. В своем простительном возбуждении из-за изобретения, которое действительно заставляло предметы исчезать (он уже подумывал, не предложить ли свое изобретение Пентагону, разумеется, после того, как выйдет его фотография на обложке «Ньюсуик», как величайшего фокусника в истории), Хилли упустил из виду две важные вещи. Во-первых, никто, будь то взрослый или ребенок, присутствуя на демонстрации фокусов, не поверит, что предметы действительно исчезают; во-вторых, повторяя однотипные фокусы, он лишает их новизны. Стирается свежесть восприятия.

Помимо Исчезающего помидора и Появляющегося помидора, Хилли прodelал уйму подобных фокусов с разными вещами...

Вежливые аплодисменты.

Исчезновение складного кресла; последующее появление складного кресла.

Зрители сидели сонные и поникшие, словно получившие солнечный удар... или, быть может, разморенные воздухом Хэвена, каким-то странным сегодня. Подобно тому, как нечто, приходящее из атмосферы, разъедает корпус корабля, было что-то, из-за чего тот день был особенно тяжелым; казалось, полное безветрие и зной подавляют морально и физически.

«Сделай же что-нибудь», думал паникующий Хилли.

Он планировал что-нибудь эффектное, типа исчезновения книжного шкафа, велосипеда (мамино), мотоцикла (папиного, правда, учитывая теперешнее настроение папы, он едва ли согласится выкатить мотоцикл на платформу). Вот то, что нужно для Великого Финала.

Исчезновение младшего брата!

— А теперь...

— Хилли, извини, но... — начал отец.

— Мой последний фокус, — быстро договорил Хилли; его отец откинулся на спинку кресла с видимым облегчением. — Мне нужен кто-нибудь из зрителей. Иди сюда, Дэвид.

Дэвид шагнул вперед с выражением страха и покорности, почти уравновесившими друг друга в этот момент. И, хотя он не мог объяснить толком, Дэвид знал, что это фокус будет последним. Слишком хорошо знал.

— Не хочу, — прошептал он.

— Ты должен, — твердо сказал Хилли.

— Хилли, я боюсь, — умолял Дэвид, с глазами, полными слез. — Что, если я не вернусь обратно?

— Вернешься, — прошептал Хилли. — Ведь все остальное возвращалось, правда?

— Да, но до сих пор ты не пробовал с чем-нибудь *живым*, — сказал Дэвид. Слезы градом потекли из его глаз.

Глядя на своего брата, которого он любил так сильно и явно (любовь к брату была наиболее успешным применением его способностей, все остальное, к чему он приложил руку, приносило неважные результаты, даже магия), Хилли почувствовал на мгновение пугающее сомнение. Все равно, что кошмар, посетивший вас на несколько мгновений. *«Ты ведь никогда не делал этого. Ты бы не пустил его одного на улицу с сильным движением, в надежде, что все машины остановятся вовремя, так ведь? Ты ведь даже не знаешь, где находятся те предметы, которые исчезают!»*

Потом он взглянул на рассеянных и скучающих зрителей, среди которых только Барни Эпплгейт был полуживым, прилежно морща лоб, — и снова раздражение вернулось. Он отвел глаза от заплаканных глаз Дэвида.

— Становись на платформу, Дэвид — строго прошептал Хилли. Мордочка Дэвида жалобно сморщилась... однако он вскарабкался на платформу. Он всегда слушался Хилли, которого боготворил всю свою короткую жизнь; и на этот раз не ослушался. Все же его ножки дрожали и подгибались, когда он ступил на платформу, накрывавшую ящик с загадочной машиной.

Дэвид повернулся к зрителям: маленький упитанный мальчик в голубых штанишках и майке с надписью ОНИ ЗВОНЯТ МНЕ. ДОКТОР ЛАВ. Слезы текли по его щекам.

— Улыбнись же, — прошептал Хилли, ставя ногу на педаль.

Задышавшись от рыданий, Дэвид кое-как изобразил подобие улыбки. Мэри Браун еще никогда не видела слез ужаса у своего младшего сына. Миссис Греншау поменяла кресло, (алюминиевые ножки которого она вдавила до половины в мягкую лужайку), явно собираясь уходить. Ей было уже все равно, удастся или нет продать что-нибудь из каталога. Эта попытка того явно не стоила.

— А теперь! — оглушил Хилли сонных зрителей. — Величайший секрет Восточных Магов! Известный только избранным и доступный единицам! *Исчезновение человека!* Смотрите внимательно!

Он окутал фигурку Дэвида косынкой. Когда она соскользнула к ногам Дэвида, зрители вздохнули с некоторым облегчением. Внезапно по спине Хилли пробежали мурашки; в глубине души снова шевельнулось предчувствие.

— *Хилли, пожалуйста... пожалуйста, я боюсь...* — шептал силуэт из-под косынки.

Хилли колебался. И внезапно подумал: *Исчезновение! Фокус дня! Ему Томминокер научил меня!*

На мгновение Хилли Браун лишился рассудка. Причем без всяких аллегорий.

— Фокус-покус! — прокричал он, сделал пассы над силуэтом на платформе и нажал на педаль.

Хум.мм.мм

Платформа чуть подпрыгнула, как пружинный матрац, когда на него ложишься.

Хилли снова надавил на педаль.

— Таа-даааа! — завопил он. Его наполняли страх и триумф, почти уравновешивающие друг друга, как дети на одной доске качелей.

Дэвид исчез.

На мгновение зрители стряхнули апатию. Барни Эпплгейт перестал ковырять в носу. Брайен Браун вскочил с кресла с открытым ртом. Мэри и миссис Греншау прервали свое таинственное совещание, а Ив Хиллман нахмурился и, судя по всему, забеспокоился... Впрочем, беспокойное выражение не сходило с его лица целыми днями.

«Аххх, — подумал Хилли, с душой, полной гордости. — Успех!»

Однако интерес зрителей к его триумфу был быстротечен. Фокусы с дематериализацией *людей* всегда более захватывающи, чем фокусы с исчезновением вещей и животных (извлечение кролика из шляпы все еще пользуется успехом, но чародеи на опыте убедились, что зрители всегда предпочитают исчезнувшей наполовину лошади, хорошенькую девицу с соблазнительной фигуркой, облаченной в трико)... но, по сути дела, это довольно однотипные фокусы. Аплодисменты стали громче (и Барни Эпплгейт от всего сердца завопил: «Уаяая, Хилли!»), но быстро смолкли.

Хилли видел, что его мать продолжала шептаться с миссис Греншау. Отец поднялся на ноги.

— Ты настоящий иллюзионист, Хилл, — пробормотал он. — Чертовски хорошее представление.

— Но...

По гравию зашуршали колеса машины.

— А вот и моя мама, — сказал Барни, вскочив столь стремительно, что чуть было не перевернул кресло миссис Греншау. — Счастливо, Хилли! Здоровские фокусы!

— Но... — Теперь у Хилли на глаза навернулись слезы.

Барни заглянул под платформу и помахал рукой.

— Пока, Дэвид! Молодец!

— Да нет же его там, проклятье! — взывал Хилли.

Но Барни уже удрал. Мама и миссис Греншау направились к двери, изучая каталог. Все случилось *слишком быстро*.

— Не взмокни, Хилли, — бросила Мэри через плечо. — И пусть Дэвид помоеет руки, когда пойдете в дом. Там внизу довольно грязно.

И только дедушка Дэвида, Ив Хиллман, оставался на лужайке. Он тревожно уставился на Хилли.

— Ну а ты почему не уходишь? — спросил Хилли с патетической горечью, которую, правда, портит дрожащий голос.

— Хилли, если твой брат *не там*, — непривычно тихо спросил Ив, — тогда где же он?

«Я не знаю», подумал Хилли, и страх перевесил обиду на его внутренних весах. А со страхом появилась вина. Как наваждение,

перед глазами стояло заплаканное, испуганное лицо Дэвида. И его собственная злость, побудившая сказать: «Улыбайся же!» и Дэвид улыбался сквозь слезы.

— Все в порядке, он там, — ответил Хилли. Он разразился рыданиями, сел на помост и спрятал горящее лицо в коленях. — Да, он там, ох; все разгадали мой фокус, и никому он не понравился; ненавижу магию, лучше бы ты никогда не дарил этот дурацкий волшебный ящик...

— Хилли... — начал было Ив, казавшийся огорченным и взволнованным одновременно. Что-то здесь было не так... здесь, да и во всем Хэвене. Он *это чувствовал*. — Что-то не так?

— *Уходи отсюда!* — рыдал Хилли. — *Я ненавижу тебя! Я НЕНАВИЖУ тебя!*

Дедушки больше чем все остальные становятся мишенью для обиды, упреков и разочарования. Ив Хиллман почувствовал все это сразу. Обидно слышать, что Хилли ненавидит его — он принял это близко к сердцу, несмотря на то, что мальчик сказал это споряча. Иву было стыдно, что его подарок вызвал эти слезы... не имеет значения, что выбрал и купил набор фокусника не он, а его зять. Когда подарок обрадовал Хилли, Ив считал его своим; теперь, когда внук уткнулся заплаканным лицом в колени, нельзя отказываться и слагать ответственность на других. И еще он почувствовал тревогу и неловкость, потому, что *нечто* происходило именно здесь... но что? В последнее время появилось чувство, что он дряхлеет — пока не очень заметно, но симптомы понемногу нарастают с каждым годом, — особенно это чувствуется в нынешнее лето. «Кажется, этим летом *каждый из нас* одряхлел... да, но в чем же это выражается? Во взгляде глаз? Ляпсусы и ошибки; забываются давно знакомые имена? Все это — да! Однако есть что-то еще. Так сразу и не угадаешь...»

И еще — смущение, столь не похожее на безразличие, овладевшее всеми зрителями на втором представлении, подсказывало Иву Хиллману, который был здесь единственным человеком, наделенным богатой интуицией (можно сказать, что он был единственным человеком, наделенным богатой интуицией, в теперешнем Хэвене — Джим Гарденер не в счет, ведь он крепко запил еще в семидесятых), подсказывало ему, что он делает нечто, о чем еще будет горько сожалеть. Вместо того чтобы согнуть свои искореженные артритом колени и заглянуть под импровизированную сцену, чтобы убедиться, что Дэвид Браун действительно там, он отступил. Он также отогнал мысль, что его подарок ко дню рождения оказался невольной причиной теперешних переживаний Хилли. Он отошел от Хилли, думая вернуться, когда мальчик возьмет себя в руки.

Когда дедушка оставил Хилли в одиночестве, вина и сознание собственной ничтожности удвоились... если не утроились. Подождав, пока Ив скроется из виду, Хилли вскочил на ноги и бросился к платформе. Он снова нажал на замаскированную педаль.

Хумммм

Он ждал, что силуэт Дэвида появится на доске. Тогда Хилли сорвал бы косынку и сказал: *«Ну, что ты видел? Это же не было НИЧТО, правда?»* Он бы извинился, что напугал Дэвида и причинил ему столько неприятностей. Или, может быть, он просто...

Ничего не изменилось.

Страх сдавил горло Хилли. Началось... или, может быть, оно и было все это время? Пожалуй, все так и было. Только теперь оно... нарастает, да, то самое слово. *Разрастается, набухает*, словно кто-то протолкнул в горло воздушный шарик и теперь надувает его.

По сравнению с этим новым страхом чувство вины и ничтожества сошло на нет. Он попытался слотнуть, но противное, душащее ощущение не проходило.

— Дэвид? — прошептал он, снова надавливая на педаль.

Хумммммм.

Он передумал бить Дэвида. Он бы *обнял* его. Когда Дэвид вернется назад, он упадет перед ним на колени, обнимет его и скажет, что Дэвид может получить все игрушки (кроме, быть может, Змеиноглазого и Хрустального шара) на целую неделю.

Опять ничего.

Косынка, которой был накрыт Дэвид, лежала, скомканная на доске. Из-под нее не вырастал силуэт Дэвида. Хилли стоял на заднем дворе в полном одиночестве, и июльское солнце нещадно пекло его голову; сердце бешено колотилось о грудную клетку, воздушный шар все разбухал у него в горле. *«Когда он раздуется и лопнет, — думал Хилли, — возможно я смогу заплакать».*

«Успокойся. Он вернется! Уверен, что вернется! Помидор вернулся, радио, складное кресло... Все, с чем я показывал фокусы, вернулось. Он... он...»

— Хилли, Дэвид, идите купаться! — закричала мама.

— Да, ма! — отозвался Хилли дрожащим, неестественно бодрым голосом.

— Сейчас идем!

И подумал: *«Пожалуйста, Господи, верни его назад, прости меня, Господи, я ничего не могу сделать, я подарю ему все игрушки;*

только, Господи, Милосердный Господи, ПУСТЬ ОНО ЕЩЕ РАЗ СРАБОТАЕТ И ВЕРНЕТ ЕГО НАЗАД».

Он снова надавил на педаль.

Хумммм.

Глазами полными слез он уставился на доску. На мгновение ему показалось, что что-то происходит; нет, только порыв ветра качнул доску.

Ужас, острый как стальная бритва, полоснул его нервы. Он уже собрался бежать к маме на кухню и вытаскивать из ванной мокрого и не одетого отца, которые были бы, несомненно, поражены случившимся. Кое в чем паника благотворительна, когда она приходит — все остальные мысли начисто отсекает.

К сожалению, ненадолго. Две мысли навязчиво крутились у Хилли в голове.

Первая: *«Я никогда не дематериализовывал что-либо живое. Даже помидор был сорванный, а папа говорит, что сорванные растения уже не живые».*

И вторая: *«А может ли Дэвид дышать там, где он сейчас? А что, если не может?»*

Он даже не задумывался над словом «исчезать», до этого момента. Но теперь...

Несмотря ни на что, паника не могла прогнать отчетливый мыслеобраз. Он видел Дэвида, лежащего на какой-то дамбе среди неведомого пейзажа, похожего на поверхность мертвой, отравленной планеты. Серая земля — сухая и холодная; трещины, распахнутые, как рты мертвых рептилий, покрывали землю. А над головой — небо чернее бархата, которым обтягивают ювелирные витрины; миллионы звезд смотрят вниз на Дэвида — и они гораздо ярче экваториальных звезд, потому что то место, которое Хилли отчетливо видел испуганными глазами своего воображения, было полностью или почти безвоздушным.

И посреди это гнетущего запустения лежал его четырехлетний братишка в голубых брючках и майке с надписью ОНИ ЗВОНЯТ МНЕ. ДОКТОР ЛАВ. Дэвид судорожно глотал открытым ртом, пытаясь дышать в пространстве, лишенном воздуха и удаленном от дома, может быть, на триллионы световых лет. Он задышался, багровел, а холод уже оставил свои злоеющие знаки на синеющих губах и лунках ногтей. Он...

К счастью, благотворительная прострация уничтожила способность видеть и размышлять.

Хилли снял доску, на которой он видел Дэвида последний раз, и принялся топтать замаскированную педаль швейной машинки; сле-

зы перешли в истерические рыдания. Только подойдя к нему, Мэри разобрала среди всхлипываний:

— *Все игрушки!* — рыдал Хилли. — *Все игрушки! Все игрушки!* Навсегда! *Все!*

И затем, переходя в крик:

— *Вернись, Дэвид! Вернись, Дэвид! Вернись!*

— Боже милосердный, что это значит? — закричала Мэри.

Брайен повернул сына за плечи и заглянул ему в лицо.

— Где Дэвид? Куда он делся?

Но Хилли уже отключился и больше не приходил в себя. Спустя некоторое время почти сотня мужчин и женщин, в том числе Бобби и Гард, обшаривали леса вдоль дороги, заглядывали в заросли в поисках Дэвида.

Если бы его спросили, Хилли сказал бы, что, по его мнению, они ищут слишком уж близко от дома.

Слишком уж близко.

4

БЕНТ И ДЖИНГЛС

1

Вечером, двадцать четвертого июля, неделю спустя после исчезновения Дэвида Брауна, рядовой Бентон Родес выехал на полицейской машине из Хэвена; было около восьми часов вечера. Питер Габбонс, прозванный сослуживцами Джинглс, чистил оружие. Сумерки осыпались, как зола. Конечно же, это метафора; зола, прах — как нечто, противоположное двум энергичным городским полицейским. Однако *тот* прах, *та* зола были самыми, что ни на есть настоящими. Родес снова возвращался в мыслях к отрубленной руке; кажется, теперь он вспомнил со всей ясностью, кому она принадлежала. Иисус Христос!

«*Прекрати об этом думать!*», приказал он себе.

«Хорошо», соглашался его ум и продолжал муссировать эти мысли. «Попробуй связаться по радио», советовал он. «Спорю, мы принимаем волны от той проклятой микроволновой антенны, которую они установили в Трое».

— Хорошо. Джинглс достал радио. — Говорит номер 16 с Базы. Это ты, Таг? Прием.

Он нажал кнопку и прислушался. Все, что ему удалось услышать, так это шорохи, вой и призрачный голос, слабо пробивающийся сквозь помехи.

— Мне попробовать еще раз? — спросил Джинглс.

— Нет. Скоро мы будем в зоне нормального приема.

Бент ехал с зажженными фарами, выжимая семьдесят миль, по третьей дороге. Он уже отъехал от Дерри на порядочное расстояние. Где же имеются дополнительные подразделения? Связь с Хэвеном поддерживается прекрасно, дело не в помехах; связь по радио просто неправдоподобно ясная. Впрочем, кажется, радио — не единственная неправдоподобная и жутковатая штука в Хэвене этим вечером.

Правильно! согласилось его подсознание. А между прочим, ты ведь сразу узнал то колечко? Несомненно, это кольцо рядового, даже если оно на женской руке. А ты видел, как перерубили сухожилие? Похоже на отрубленную баранью ножку, сразу из мясной лавки, так ведь? Ровнехонько. Одним махом! Раз.

Прекрати, я сказал! Заткнись!

Хорошо, хорошо, согласен. Забудь на минутку, что ты не хочешь об этом думать. Представь себе, что это жаренная отбивная. И столько крови!

Перестань, пожалуйста, перестань, поежился Джинглс.

Как скажешь... Знаю, что просто чокнусь, если буду думать об этом, но выбросить все это из головы не могу. Ее рука, кисть руки... тут что-то похуже несчастного случая. Я такого еще не видел... А где же остальные части? Оторванные головы, уши? Да, сэр, должно быть, из ряда вон выходящий взрыв!

— Где же наши? — вслух спросил Джинглс.

— Не знаю.

Почему дело зашло в тупик?

«А вот угадай», он мог сказать. «Никогда не угадаешь. Почему столько покалеченных после взрыва, но только один покойник? И между прочим, как это получилось, что реальный ущерб от грандиозного взрыва сводится к разнесенной крыше ратуши? К тому же, почему патологоанатом, он же полицейский эксперт Берринджер, не может идентифицировать тело, когда даже я знаю, кто это. Угадай, приятель!»

Он накрыл руку покрывалом. Ничего другого уже не осталось; все разнесено дочиста. Но ведь он накрыл *руку Рут*.

Он как сейчас видит тротуар хэвенской городской площади. Он сделал это, в то время, как придурок Эллисон, начальник добровольцев-пожарных стоял, ухмыляясь, как будто здесь банкет, а не взрыв, с которым погибла замечательная женщина. Верх идиотизма.

Питер Габбонс получил кличку Джинглс за свой голос (совсем, как у Энди Дэвина); и Джинглс — персонаж Дэвина, сыгранный давным-давно в многосерийном вестерне. Когда Габбонс приехал из Джорджии, Тат Эллендер, диспетчер, называл его так; с тех пор и повелось. И теперь, говоря высоким, странным голосом, совершенно не похожим на свой обычный «джинговский» голос, Габбонс заявил:

— Давай сюда, Бент. Я болен; мне плохо.

Родес рванул к нему в спешке; да так, что на одном повороте он чуть было не оказался в кювете. По крайней мере, Габбонс впервые вызвал его, это уже нечто.

Джинглс выехал справа. Бент Родес — слева. Голубые лучи фар выхватили из темноты нечто особенное. Бент высунулся из машины, прижав руку ко рту; он прислушивался к звукам, все еще доносившимся из-за поворота шоссе. Он взглянул на небо, точно благодаря его за освежающий ветерок.

— Так-то лучше, — вымолвил наконец Джинглс. — Спасибо, Бент.

Бентон повернулся к напарнику. Глаза Джинглса темнели на бледном лице, словно пустые глазницы черепа. Он, казалось, выдал всю информацию, которую следовало сказать, и не собирался, что-либо пояснять.

— Что там стряслось? — спросил Бент.

— Ты что, ослеп, парень? Крыша ратуши разлетелась, как осколки гранаты.

— Но как мог фейерверк взорвать крышу?

— Смог.

— Выбрось из головы. — Бент и сам пытался выбросить. Не получалось. — Ты этому веришь? Июльский фейерверк разнес крышу городской ратуши?

— Нет. Только испортил воздух.

— Извини, ты прав. — Бент помолчал. — Джинглс, а ты *ничего не чувствуешь*? Например, ты не чувствуешь здесь чего-то зловещего?

Джинглс задумался.

— Может быть. Кажется, я чувствую что-то вроде...

— Вроде чего?

— *Не знаю*. — У Джинглса задрожал голос, как у ребенка, готового расплакаться. Сверху на них смотрели равнодушные звезды. Тихая теплая ночь окутала их, как теплое одеяло. — Просто я чертовски рад, что сижу здесь, а не там...

И тут Джинглс, который знал, что вернется в Хэвен, чтобы на следующее утро участвовать в осмотре места происшествия и расследовании, *разрыдался*.

2

Последние отблески света погасли на темном небе. Бент был этому рад. Ему совсем не хотелось смотреть на Джинглса... и не хотелось, чтобы Джинглс видел его.

Между прочим, Бент, заговорило его сознание, ты ведь очень напуган, правда? Все это довольно жутко. Оторванные головы и ноги, еще обутые в маленькие ботиночки. А сами тела! Ты ведь видел? А глаза? Тот самый, один голубой глаз? Ты же видел его? Конечно, видел. Ты ведь скovyрнул его, наклоняясь накрыть руку Рут Маккосланд. Все эти оторванные руки, ноги, головы, изуродованные тела, и только один покойник — Рут. Просто загадка для журнального конкурса, ни больше, ни меньше.

Расчлененные тела, конечно, выглядели ужасно. Конечности, скрюченные в непродолжительной агонии, много-много конечностей — *тоже* ужасно. Но хуже всего — правая рука Рут с обручальным кольцом на среднем пальце; потому что ее рука казалась самой *реальной*.

Сперва, все эти головы, ноги, тела повергли его в шок — он стал размышлять о летних каникулах; почему же целый класс проходил мимо ратуши, когда она взорвалась? Затем потрясенный ум дошел до мысли, что даже дети устроены так, что нельзя отделить ноги или руки от тела без кровотечения.

Он осмотрелся и увидел Джинглса, держащего маленькую дымящуюся головку в одной руке, и почти наступившего на другую.

— Куклы, — проговорил Джинглс. — *Сранные куклы*. Для чего предназначались эти сранные куклы, а Бент?

Тот почти уже ответил, что не знает (хотя даже теперь вид тех кукол преследует его; они ходят за ним по пятам, появляясь в нужное время), когда заметил людей, жующих как ни в чем не бывало в хэвенской закусочной. Люди делали покупки. Ходили по рынку. Отчаяние и возмущение сжали его сердце ледяными пальцами. Ведь погибла женщина, которую почти все они знали и многие уважали и даже любили, — а они занимаются своими делами, как будто ничего не случилось.

Именно тогда Бент Родес захотел — *серьезно захотел* — уехать из Хэвена.

Теперь, выключив радио, которое не сообщало ничего, кроме бессмысленной статистики, Бент вернулся к своим мыслям: *Итак, при ней были куклы. Миссис Маккосланд. Рут, подумал Бент. Думаю, что знал ее достаточно хорошо, чтобы называть ее так. Хорошо. Насколько мне известно, все ее любили. Что, однако, не помешало им заниматься своими делами, когда... странно.*

— Кажется, угадал, — сказал Джинглс. — Это было что-то вроде хобби. Кажется, я об этом слышал в закускойной. Или от Кудера...

«Старческая болтовня за кружкой пива; похоже на них», подумал Родес, но ничего не сказал вслух, только кивнул.

— Да. Я уже понял, что это было. Ее куклы. Однажды весной мы говорили с Мс истром о миссис Маккосланд, и...

— С Монстром? — спросил Джинглс. — Монстр Дуган тоже знал ее?

— Думаю, достаточно хорошо. До того, как ее муж умер, они с Монстром были компаньонами. Кроме того, он говорил, что у нее сотня кукол, а может, и две. Говорил, что это было ее единственное увлечение; как-то раз она даже устроила выставку в Огасте; она очень гордилась той выставкой, как если бы это было единственное, что она сделала для города — а я полагаю, что для Хэвена она сделала немало.

«Думаю, что могу называть ее Рут», снова пронеслось в его голове.

— Монстр говорил, что все свободное время она тратила на кукол. — Бент добавил, поразмыслив: — По тому, как Монстр говорил об этом, я решил, что он... ну, влюблен в нее. Звучало, как фраза из старой киноленты, но это самое верное слово для определения отношения «Монстра» Дугана к Рут Маккосланд. — Возможно, ты был не единственным, кто приносил ему новости, но если это так, позволь дать тебе совет: будь мудрее.

— Да уж, звучит довольно скучно: Монстр Дуган — это как раз то, чего мне не хватало все эти дни, понимаешь?

Бент выдавил улыбку.

— Ее кукольная коллекция, — сказал Джинглс. Задумчиво кивнул. — Я догадался тогда, что это куклы.

Заметив, что Бент опустил глаза и чуть улыбнулся, он добавил:

— Сначала не понял, но, когда взошло солнце, я заметил, что на них нет крови. Просто в голове не укладывалось, как могло так много детей идти в тот момент мимо ратуши...

— Мы и до сих пор многого не знаем. Того или чего-то другого... Мы не знаем, что они там делали. Черт, а что же она там делала?

Джинглс был просто в отчаянии.

— Кто мог убить ее, Бент? Она была такой милой и достойной женщиной. Проклятье!

— Я думаю, ее действительно убили, — сказал Бент голосом, полным слез. — Как, по-твоему, похоже это на несчастный случай?

— Нет. Это был никакой не взрыв фейерверка. Помнишь, все, что удалось извлечь из пекла, пахло нефтью?

Бент покачал головой. Даже, если это так, он в жизни не сталкивался ни с чем подобным. Может, правильно советовал Берринджер, что дышать некоторыми испарениями очень вредно и что лучше стоять подальше, пока запах на городской площади не выветрится. Удивительно, что он так и сделал — может быть, чтобы не видеть, *что топка-то полностью уцелела*.

— Когда мы отчитались, — сказал Джинглс, — местные стервятники-журналисты требовали массу подробностей. Эллисон, Берринджер и другие. Кажется, они что-то узнали от Дугана.

Бент задумчиво кивнул.

— Все ужасно нелепо. Даже в воздухе *чувствуется* безумие. У меня действительно кружилась голова. А у тебя?

— Запахи, — неуверенно начал Джинглс.

— На хер запахи. У меня кружилась голова на *улице*.

— Ее куклы, Бент... Где они теперь?

— Не знаю.

— Я тоже. Теперь они уже никому не нужны. Прикинь, если кто-то так ненавидел ее, что готов был убить, возможно, он с радостью взорвал этих кукол вместе с нею. Как ты думаешь?

— Странно, — отозвался Бентон Родес.

— Но *похоже на то*, — сказал Джинглс, словно нашел подтверждение своим мыслям. Бент сообразил, что сейчас Джинглс старается выяснить, кто мог быть виноват, а кто нет. Он снова посоветовал Джинглсу связаться по радио.

Слышимость получше, но ничего существенного. Бент не мог припомнить случая, когда антенна в Трое давала такие сильные помехи.

3

Согласно свидетельству очевидцев, взрыв произошел в 3.05 после полудня; он занял не более доли минуты. Часы на ратуше пробили три раза, и потом это случилось. Спустя пять минут *КА-БАМ!* Когда Бентон Родес возвращался из Дерри, перед его глазами стояло жуткое зрелище, от которого мороз пробежал по коже. Он видел стрелки ратушных часов, застывшие на пяти минутах четвертого в

тот темный и душный летний вечер. Навязчиво маячит в глазах вывеска закусочной; а вот и аптека, магазин дамской одежды; дети, резвящиеся на школьном дворе. Какая-то дама на теннисном корте за ратушей... В углу корта гоняют мяч, прикрывая глаза руками... Все словно ждало взрыва.

Словно каждый в городе прислушивался, затаившись, как зверь в лесу ждет хруста веток под ногами охотника.

Бент облокотился на руль машины.

Девочки идут в кино. Покупатели ходят мимо витрин. В закусочной люди толпятся у стойки. Все это в 3.04, затем взрыв. А уже в 3.06 все снова заняты своим делом. Все, кроме тех, кто уже мертв. Эллисон и Берринджер рассказывают всем за кружкой пива о взрыве точки, который, похоже, не был просто взрывом; они даже не удосужились узнать, кто жертва...

А может быть они знали, что это должно случиться?

Какая-то часть его сознания согласилась с этим. Добрые обыватели Хэвена знали, что от Рут Маккосланд остался один только пепел и кисть руки, и все они остались равнодушны?

— Думаю, надо что-то делать с чертовой антенной, — сказал Бент. — Попытайся снова.

— Не знаю, куда все запропастились. — Джинглс взял рацию.

— Может быть, неполадка в другом месте...

— Да уж, неполадок хватает. Разорванные на куски куклы и все остальное. — Джинглс нажал кнопку. Тут свет фар выхватил середину дороги.

— Господи Милосер... — Рефлекс сработал, и он ударил по тормозам. Покрышки заскребли по асфальту так, что резина задымилась; был момент, когда Бент решил, что они погибнут. Полицейская машина остановилась в трех ярдах от заглохшего пикапа с прицепом, брошенного посреди дороги.

— Передай-ка туалетную бумагу, пожалуйста, — попросил Джинглс низким, дрожащим голосом.

Они выбрались из машины; бессознательное ощущение опасности побудило их вынуть оружие. Запах жженой резины висел в теплом летнем воздухе.

— Что за чертовщина? — бросил Джинглс, а Бент подумал: «Он тоже это чувствует. Тут что-то не так; словно мы столкнулись с заключительной частью того, что началось недавно в маленьком сонном городке; и он это почувствовал».

Потянул ветерок, и брезент, закрывавший кузов, зашуршал; казалось, что-то или кто-то заворочался на сиденье пикапа, издавая сухой звук, сходный с тем, что бывает, когда змея трется чешуйча-

тыми кольцами. Бент почувствовал, что его рука сама направляет оружие в сторону машины. Похоже на ствол реактивного противотанкового ружья. Он уже собрался падать ничком, как вдруг с удивлением обнаружил, что предмет, принятый им в темноте за противотанковое ружье, оказался всего лишь рифленой дренажной трубкой на деревянной опоре. Ничего страшного. *Но ему-то страшно. Просто жутко.*

— Слушай, я уже видел эту колымагу в Хэвене, Бент. Она была припаркована как раз напротив ресторана.

— Есть здесь кто-нибудь? — крикнул Бент.

Тихо.

Он перевел взгляд на Джинглса. А Джинглс, с потемневшими, широко открытыми глазами, оглянулся на него.

Внезапно Бенту пришло на ум: *Микроволновые помехи? Может быть именно это помешало нам проехать мимо?*

— Эй, там, в этой колымаге, лучше подай голос! — крикнул Бент. — Ты...

Визгливое, придурковатое хихиканье раздалось из темного кузова; потом все стихло.

— Боже Милосердный, это мне не нравится, — пробормотал Джинглс Габбонс.

Бент уставился на машину, вскинув оружие, тогда-то все вокруг вспыхнуло зловещим зеленоватым светом.

5 РУТ МАККОСЛАНД

1

Рут Арлен Меррилл Маккосланд было пятьдесят, но выглядела она на десять лет моложе, а в хорошие дни — на все пятнадцать. Каждый в Хэвене был согласен с тем, что, даже будучи женщиной, она была лучшим из всех констеблей города. Одни говорили, что это потому, что ее муж был главным полицейским штата. Другие же говорили, что это просто потому, что Рут — это Рут. В любом случае все были согласны с тем, что Хэвену повезло с ней. Она была твердой и справедливой. Она могла сохранять здравый смысл в критической ситуации. Это говорили о ней жители Хэвена и еще многие другие. В маленьком городке штата Мэн, управляемом мужчинами с самого

своего основания, такие отзывы кое-что значили. Это было достаточно справедливо, она была достойной женщиной.

Она родилась и выросла в Хэвене; она действительно была двоюродной внучкой преподобного мистера Дональда Хартли, который был так жестоко удивлен тем, что город проголосовал за то, чтобы опять сменить свое название в 1901 году. В 1955-м она получила грант на обучение в Мэнском университете — третья девушка в истории университета, которая стала полноправной студенткой в возрасте 17 лет. Она записалась на отделение права.

На следующий год она влюбилась в Ральфа Маккосланда, который тоже учился на отделении права. Он был очень высокий. Но со своим шестидесятипяти футовым ростом он был все же на три дюйма ниже своего друга Энтони Дугана (известного среди друзей как Буч, а среди двух-трех очень близких друзей — как Монстр), а над Рут возвышался на целый фут. Он был до странности — почти абсурдно — грациозен для такого большого мужчины и добродушен. Он хотел быть главным полицейским штата. Когда Рут спросила его почему, он ответил, что хочет быть как отец. Для того, чтобы стать сыщиком, ему не нужна была степень доктора права, объяснял он; чтобы стать главным полицейским штата требовалось только высшее образование, хорошие глаза, отточенные рефлексy и незапятнанная репутация. Но Ральф Маккосланд желал чего-то большего, чем просто порадовать отца, следуя по его стопам. «Любой, кто, занимаясь делом, не стремится пробиться вперед — либо лентяй, либо сумасшедший», — сказал он Рут однажды ночью за Кока-колой, которую они пили в «Медвежьем логове». Чего он ей не сказал, так как стеснялся своих амбиций, — так это того, что надеялся в один прекрасный день возглавить полицию штата Мэн. Но Рут об этом, конечно, знала.

Она приняла предложение Ральфа выйти за него замуж на следующий год с условием, что он подождет, пока она сама получит степень. Она говорила, что не хочет быть практикующим юристом, но *хочет* во всем помогать ему. Ральф согласился. Да и любой нормальный мужчина должен был бы согласиться, встретившись с чистыми глазами и интеллигентной красотой Рут Меррилл. Когда в 1959 году они поженились, она была адвокатом.

Она пришла к брачному ложу девственницей. В глубине души она была слегка встревожена — в такой глубине, над которой даже она не властна была распространить свой железный контроль — смутно беспокоясь: а что, *эта* часть у него так же велика, как и все остальные? — по крайней мере, так казалось, когда они танцевали и обнимались. Но он был с ней нежен, поэтому секундное стеснение быстро перешло в удовольствие.

— Сделай мне ребеночка, — шепнула она ему на ухо, когда он начал входить в нее.

— С удовольствием, леди, — сказал Ральф, слегка задыхаясь.

Но Рут так никогда и не почувствовала в себе движения плода.

Рут, единственная дочь Джона и Холли Меррилл, унаследовала порядочную сумму денег и прекрасный старый дом в Хэвен Вилледже, когда ее отец умер в 1962 году. Они с Ральфом продали их маленький послевоенной постройки домик с участком в Дерри и в 1963 году перебрались обратно в Хэвен. И хотя ни один из них не пожелал бы ничего, кроме абсолютного счастья другому, оба отдавали себе отчет в том, что в старом викторианском доме слишком много пустых комнат. Иногда Рут думала, что, может быть, абсолютное счастье возможно только лишь в контексте мелких диссонансов: грохот разбивающейся перевернутой вазы или аквариума, восторженный смеющийся крик как раз в то время, когда вы уплываете в приятную послеполуденную дрему, ребенок, объевшийся конфет в канун дня Всех Святых, которому поэтому обязательно приснятся кошмары ранним утром 1 ноября. В тоскливые моменты своей жизни (она признавала, что их было чертовски мало) Рут иногда вспоминала мусульманских ковроделов, которые всегда намеренно допускали ошибки в своей работе, чтобы восславить совершенное Божество, создавшее их, создания, подверженные промахам и ошибкам. Ей не раз приходило на ум, что в переплетениях честно прожитой жизни ребенок гарантировал такую обдуманную ошибку.

Но по большей части они *были* счастливы. Они вместе занимались самыми сложными случаями в практике Ральфа, и его показания в суде всегда были спокойными, взвешенными и сокрушительными. Не имело значения, был ли обвиняемый пьяным шофером, поджигателем или скандалистом, разбившим бутылку о голову своего собутыльника при пьяной разборке в придорожной гостинице. Если он был арестован Ральфом Маккосландом, его шансы избежать наказания были почти такими же, как у человека, находящегося в эпицентре ядерного взрыва, получить легкие поверхностные ранения.

В те годы, когда Ральф медленно, но верно взбирался по бюрократической лестнице полиции штата Мэн, Рут начала свою карьеру городского служащего. Нельзя сказать, что она думала об этом, как о карьере и, конечно же, она никогда не думала об этом в смысле политики. Не городская политика, но служба городу. Это была небольшая, но решающая разница. Она не была счастлива своей работой, как казалось людям, для которых она работала. Для полного удовлетворения ей не хватало ребенка. В этом не было

ничего удивительного или недостойного. В конце концов она была дитя своего времени, когда даже самые интеллигентные не были защищены против постоянного давления пропаганды. Она и Ральф были у врача в Бостоне, и после обширных исследований он уверил их в том, что они оба не бесплодны. Его совет им был — еще немножко подождать. Это была некоторым образом печальная новость. Если бы кто-нибудь из них оказался бесплодным, они бы усыновили ребенка. Как бы то ни было, они решили немного подождать и принять совет врача... или попробовать. И они снова начали обсуждать вопрос об усыновлении, хотя Ральф не знал и даже не догадывался к тому времени, что жить ему осталось недолго.

В эти последние годы своего замужества Рут уже осуществила усыновление в некотором смысле — она усыновила Хэвен.

Например, библиотека. С незапамятных времен Методистский пасторат был забит книгами. Некоторые, такие, как книги из Клуба детективов или сжатые Ридерз дайджесты, издавали явственный запах плесени, когда их открывали; другие разбухли до размеров телефонных справочников после того, как в 1947 году в пасторате прорвало трубы, но большинство из них сохранилось на удивление хорошо. Рут терпеливо сортировала их, оставляла хорошие, продавала плохо сохранившиеся в макулатуру, выбрасывая только то, что уже никак нельзя было спасти. Хэвенская общественная библиотека официально была открыта в обновленном и перекрашенном здании Методистского пастората в декабре 1968 года. Рут стала там добровольным библиотекарем и ушла оттуда только в 1973 году. В день, когда она покинула этот пост, попечители библиотеки повесили ее фотографию над каминной полкой в читальном зале. Рут запротестовала было, но потом смирилась, видя, что ей собираются воздать почести независимо от того, хочет она этого или нет. Им *необходимо* было воздать ей почести. Библиотека, в которой она начинала одна, сидя на холодном полу пастората, завернутая в одну из охотничьих курток Ральфа в красную клетку, выпуская при дыхании пар изо рта и из носа, терпеливо сортируя ящики с книгами до тех пор, пока не околечивали руки, была признана в 1972 году в Мэне лучшей библиотекой года из библиотек в маленьких городках.

В других обстоятельствах Рут может и получила бы от этого какое-то удовольствие, но в 72-73-м годах она вообще получала мало удовольствия от чего бы то ни было. 1972 год был годом смерти Ральфа Маккосланда. Поздней весной он начал жаловаться на сильные головные боли. В июне произошло кровоизлияние в правый глаз. Рентген обнаружил опухоль в мозгу. Он умер в октябре, не дожив двух дней до своего тридцать седьмого дня рождения.

В траурном зале Рут долго стояла, глядя в его открытый гроб. Последнюю неделю она почти все время проплакала и думала, что слез — океанов слез — хватит еще на недели и месяцы вперед. Но впредь заплакать на людях было для нее все равно что появиться перед ними голой. Смотрящим же на нее (и стоявшим чертовски близко) она казалась такой же замечательно сдержанной, как всегда.

— До свидания, дорогой, — сказала она наконец и поцеловала его в уголок рта. Она сняла полицейское кольцо со среднего пальца его правой руки и надела на свой палец. На завтра она поехала к Дж. М. Поллоку в Бангор и сделала его себе по размеру. Она носила его до самого последнего своего дня, и, когда в момент смерти ей оторвало руку, ни Бент, ни Джинглс не затруднились в идентификации этого кольца.

2

Библиотека не была единственным местом службы Рут. Каждую осень она собирала пожертвования для Онкологического общества, и в каждый из семи лет, когда она этим занималась, она набирала наибольшие суммы пожертвований среди всех Онкологических обществ маленьких городков Мэна. Секрет ее успеха был прост: она ездила *повсюду*. Она любезно и бесстрашно разговаривала с бровастыми сельскими жителями с потухшими глазами, которые часто выглядели столь же убудочно, как и их рычащие псы, которых они держали на задних дворах, заваленных мертвыми и разлагающимися трупами машин и сельскохозяйственных инструментов. И в большинстве случаев ей удавалось получить пожертвование. Может быть, некоторые были просто принуждены к этому внезапно — никто не приходил к ним с этим с тех пор, как было основано их дело.

Ее покусала собака только один раз. Но это был запоминающийся случай. Сама собака была небольшой, но у нее было *множество* зубов.

МОРАН — гласила надпись на почтовом ящике. Никого не было дома, кроме собаки. Собака вышла из-за угла дома, когда она стучала в некрашеную дверь террасы. Она протянула к ней руку, и собака мистера Морана немедленно укусила ее, отбежала от Рут и от возбуждения помочилась на террасу. Рут начала спускаться, доставая из сумочки платок и обматывая кровоточащую руку. Собака увязалась за ней и укусила снова, на этот раз за ногу. Рут пнула ее и бросилась прочь, но пока она хромала к своему «Дарту», собака подобралась сзади и укусила третий раз. Это уже был

серьезный укус, собака вырвала солидный кусок из ее левой икры (в тот день на ней была юбка; она никогда больше не надевала юбку, ездя на сбор пожертвований для Онкологического общества) и ретировалась в центр заросшего сорняками газона мистера Морана, где уселась, рыча и пуская слюни, кровь Рут стекала с ее вываленного языка. Вместо того чтобы быстренько залезть в машину и уехать, Рут открыла багажник «Дарта». Она достала «Ремингтон», который был у нее с 16 лет. И застрелила собаку, как только та вновь потрусил к ней. Она взяла труп собаки, положила на расстеленную в багажнике газету и поехала к доктору Даггетту, ветеринарному врачу Огастан, который опекал Питера, собаку Бобби, до того, как продал свою практику и уехал во Флориду. «Если эта сука была бешеная, у меня будет много неприятностей», — сказала она Даггетту. Ветеринар переводил взгляд с собаки, которой пуля попала точно между глаз и вышла сзади с левой стороны черепа, на Рут Маккосланд, которая, даже будучи искусанной и окровавленной, выглядела такой же милой, как всегда. «Я знаю, что там осталось не так много мозгов, как может потребоваться для вашей экспертизы, но это было неизбежно. Не посмотрели бы вы, доктор Даггетт?» Он сказал, что ей нужно к врачу — нужно было промыть раны и зашить голень. Даггетт был так взволнован, как это редко с ним бывало. Рут сказала ему, что с промыванием ран он прекрасно справится сам. Что же касается того, что она назвала вышивкой, то она обратится в пункт неотложной помощи в Дерри Хоум, как только сделает несколько телефонных звонков. Она попросила его осмотреть собаку, пока она будет звонить, и спросила, может ли она воспользоваться для этого его частным офисом, если это не расстроит его клиентов. Одна женщина вскрикнула, когда Рут вошла, это было неудивительно. Одна нога у нее была разорвана и окровавлена, руки в потеках крови. В руках она несла окоченевший завернутый труп собаки Морана. Даггетт сказал, что она, конечно, может звонить с его номера. Она так и сделала (постаравшись вернуть плату за первый звонок и перевести счет за второй на свой номер, поскольку не знала, как мистер Моран воспримет ее звонок). Ральф был у Монстра Дугана, занимался фотографиями к предстоящему слушанию дела об убийстве. Жена Монстра не заметила в голосе Рут ничего подозрительного, Ральф тоже; позже он сказал ей, что из нее могла бы получиться великая преступница. Она сказала, что должна задержаться для обсуждения дел Онкологического общества. Она сказала, что если он придет домой раньше нее, то пусть разогреет кусок мяса и поджарит себе овощи, как он любит, там в морозильнике их шесть или семь упаковок. Еще она

сказала, что в хлебнице есть кофейные пирожные, если ему захочется чего-нибудь сладкого. К этому времени доктор Даггетт вернулся в офис и занимался дезинфекцией ее ран, Рут была очень бледна. Ральф хотел знать, что ее задерживает. Она обещала рассказать ему обо всем, когда вернется домой. Ральф сказал, что будет ждать с нетерпением и что любит ее. Рут ответила, что тоже его любит. Затем, когда Даггетт закончил обрабатывать участок позади колена (руку он обработал, пока она говорила с Ральфом) и приступил к глубокой ране на икре (она действительно чувствовала, как кусок ее мяса чуть не отрывался), она позвонила мистеру Морану. Рут сказала ему, что его собака укусила ее три раза, и что один раз — это и то слишком, поэтому она застрелила ее, что она оставила карточку общества в его почтовом ящике, и что Американское Онкологическое общество было бы радо получить от него пожертвование, которое, как она думает, он и сделает. Последовала короткая пауза, после которой мистер Моран начал говорить. Скоро мистер Моран начал кричать. В конце концов мистер Моран начал визжать. Мистер Моран был так разъярен, что достиг простонародной плавности выражений, что приблизило его не к современной поэзии, но к Гомеровскому стиху. Никогда в жизни ему больше не удастся повторить ничего подобного, хотя несколько раз он будет стараться, но тщетно. Он будет вспоминать об этой беседе с печалью, почти что с глубокой ностальгией. Она выявила все лучшее в нем, не отрицая *ничего*. Мистер Моран сказал, что она может ожидать судебного преследования за каждый доллар, полученный в городе, и в придачу за те, что получены в деревне. Мистер Моран сказал, что обратится в суд и что он партнер по покеру лучшего в округе адвоката. Мистер Моран сказал, что когда он разделается с ней, она будет проклинать свою мать за то, что та отдалась ее отцу. Мистер Моран сказал, что хотя ее мать и *была* настолько глупа, чтобы сделать это, но он может сказать Рут, что лучшая ее часть была извергнута обратно в несомненно низкопробный член ее отца и растеклась по тому куску сала, каким было бедро ее матери. Мистер Моран сообщил также, что в то время как великая и могучая Рут Маккосланд почитает себя Королевой на Куче Дерьма, ей предстоит скоро обнаружить, что она не более чем маленькая какашка, плавающая в Большом Ночном Горшке Жизни. Мистер Моран также добавил, что в этом особом случае он будет держать руку на рычаге управления этим агрегатом и намерен нажать на него. Мистер Моран сказал еще очень многое сверх того. Мистер Моран не просто говорил, он *вещал*. Проповедник Кольсон (или Кудер?), будучи на вершине своей славы, не мог бы сравниться с мистером Мораном в

тот день. Рут терпеливо ждала, пока у него хотя бы на время пересохнет во рту. Тогда тихим и приятным голосом, по которому вовсе нельзя было предположить, что ее икра горит, как в огне, она сказала мистеру Морану, что хотя пока суд не внес полную ясность в этот вопрос, но вообще-то он обычно более склонен в случае нападения животного выносить решение в пользу посетителя, пусть даже и незваного, чем в пользу владельца. В настоящем же случае вопрос заключается в том, предпринял или нет владелец все разумные меры, чтобы убедиться...

— Что, вашу мать, вы несете? — завизжал Моран.

— Я пытаюсь сказать вам, что суд не ждет ничего хорошего от человека, который оставляет свою собаку непривязанной так, что она кусает женщину, занимающуюся делами благотворительной организации, такой, как Американское Онкологическое общество. С другой стороны, я пытаюсь дать вам понять, что в суде вас заставят *платить* за то, что вы ведете себя, как последний мудак.

Ошеломленное молчание на другом конце провода. Муза мистера Морана улетела навсегда.

Рут сделала короткую паузу чтобы перебороть волну слабости, когда Даггетт окончил дезинфекцию и наложил на раны легкие стерильные повязки.

— Если вы подадите на меня в суд, мистер Моран, сможет ли мой адвокат найти кого-нибудь, чтобы подтвердить, что ваша собака кусалась и раньше?

Молчание на другом конце провода.

— Может, двоих?

Полная тишина.

— А может, троих?

— Отвали, пизда ученая. — внезапно сказал Моран.

— Ладно, — сказала Рут. — Я не могу сказать, что мне было очень приятно говорить с вами. Но слушать вас и изложение ваших взглядов было очень поучительно. Иногда думаешь, что дошел до самого дна колодца человеческой глупости. И получить напоминание о том, что этот колодец, совершенно очевидно, бездонен, бывает очень полезно. Я боюсь, что мне пора отсоединиться. Я планировала объехать еще шесть домов сегодня, но, боюсь, должна отложить это на потом. Мне нужно ехать в Дерри Хоум в госпиталь чтобы наложить швы.

— Надеюсь, что они угробят вас к черту.

— Понимаю. Но *постарайтесь* помочь Онкологическому обществу, если сможете. Мы нуждаемся в любой помощи, какую только нам могут оказать, если мы хотим победить рак в наше время. Даже

негодяи и идиоты с вонючей пастью, ублюдочные сукины дети вроде тебя должны принимать в этом участие.

Мистер Моран не стал подавать на нее в суд. Неделью спустя она получила от него конверт Онкологического общества. Он не наклеил на него марку специально, как она подумала, и поэтому он был доставлен наложенным платежом. Внутри была записка и однодолларовая купюра с большим коричневым пятном. «Я вытер им задницу, сука!» — торжествующе сообщала записка. Она была написана большими наклоненными в разные стороны буквами, какие пишут первоклассники, у которых не все в порядке с моторными рефлексами. Она взяла долларовую бумажку за уголок и положила вместе с остатками утренней стирки. Когда банкнота очистилась (причем совершенно! — одной из многих вещей, которых не знал мистер Моран было то, что дерьмо отстирывается), она прогладила ее. Тогда она стала не только чистой, но и хрустящей, как будто вчера из банка. Она положила ее в парусиновую сумку, где хранила все собранные деньги. В своей записной книжке она отметила: *Б.Моран, сумма взноса — 1 доллар.*

3

Хэвенская городская библиотека, Онкологическое общество, Конференция Малых городов Новой Англии. Рут служила Хэвену, работая во всех этих организациях. Она также активно участвовала в деятельности Методистской церкви. Редкий ужин, даваемый церковью, обходился без приготовленной ею еды, а распродажа выпечки — без ее пирогов и булочек с изюмом. Она работала также в школьном правлении и в комитете по школьным учебникам.

Люди говорили, что не знают, как она может со всем этим управляться. Если бы ее спросили об этом прямо, она бы улыбнулась и ответила, что занятые руки — это самые счастливые руки. Вы бы могли подумать, что при такой массе работы у нее уже не остается времени на хобби... но на самом деле у нее их было целых два. Она очень любила читать (была почти без ума от вестернов Бобби Андерсон; у нее были все они, каждый подписан) и еще она собирала кукол. Психиатр связал бы ее коллекцию кукол с несбывшейся мечтой о ребенке. И хотя Рут не очень-то общалась с психиатрами, она бы с этим согласилась. В какой-то мере, во всяком случае. *Независимо от причины они делают меня счастливой, могла бы она ответить, если бы ей пришлось столкнуться с точкой зрения психиатра. И я думаю, что счастье — это нечто противоположное печали, горечи и злобе и должно оставаться неана-*

лизируемым как можно дольше. В первые годы жизни в Хэвене она и Ральф делили между собой кабинет наверху. Дом был достаточно велик, чтобы у каждого был свой кабинет, но они предпочитали быть вместе по вечерам. *Когда-то* большой кабинет представлял собой две комнаты, но Ральф сломал стенку между ними, и места стало даже больше, чем внизу в гостиной. У Ральфа была своя коллекция монет и спичечных коробков, стеллаж с книгами (все книги Ральфа были научными, большей частью по военной истории) и старое шведское бюро с убирающейся крышкой, которое Рут сама отреставрировала.

Для Рут он оборудовал то, что они потом называли «классной комнатой».

Примерно за два года до того, как Ральф стал страдать головными болями, он заметил, что Рут уже не хватает места для ее кукол (к тому времени уже появилась полка для кукол над ее столом, и они иногда оттуда падали, когда она печатала). Они сидели на стуле в углу, беспечно свешивали свои маленькие ножки с подоконников, и даже посетители, когда брали стулья, обычно сажали себе на колени трех-четырёх кукол. У нее ведь было много посетителей: Рут была еще и общественным нотариусом, и все время кому-то требовалось заверить у нее то купчую, то долговое обязательство.

Поэтому к Рождеству того года Ральф соорудил дюжину маленьких скамеечек для ее кукол. Рут была в восторге. Они напомнили ей маленькую, в одну комнату, школу, которую она посещала в Кросман Корнер. Она поставила их тесными рядами и усадила на них кукол. Даже потом эта часть кабинета Рут называлась классной комнатой.

На следующее Рождество — его последнее Рождество, хотя он еще прекрасно себя чувствовал и опухоль в его мозгу, впоследствии убившая его, была еще только маленькой точкой — Ральф подарил ей еще четыре скамейки, три новые куклы и классную доску, подходящую по размерам к скамейкам. Этого было достаточно, чтобы создать эффект настоящей классной комнаты. На доске было написано: *Дорогой учитель, я преданно люблю тебя. Тайный обожатель.*

Взрослые были в восторге от ее классной комнаты, как и большинство детей, и Рут всегда была счастлива видеть, как дети — девочки и мальчики — играют ее куклами, хотя некоторые из кукол были очень ценными, а многие старыми и хрупкими. Некоторые родители очень нервничали, видя, как их ребенок играет куклой из прокоммунистического Китая, или же куклой, принадлежавшей дочери Верховного судьи Джона Маршалла. Рут была добрая жен-

щина: если она чувствовала, что восхищение ребенка ее куклами действительно смущает родителя, она доставала Барби и Кена, специально припасенных для таких случаев. Дети играли с ними, но вяло, как будто понимали, что по-настоящему хорошие куклы почему-то находятся под запретом. Если же Рут понимала, что запрет родителей связан с тем, что они считают неудобным, чтобы их ребенок играл игрушками взрослой леди, она давала понять, что ни в коей мере не возражает этому.

— Вы не боитесь, что ребенок сломает их скамеечку? — спросила у нее однажды Мейбл Нойз. Лексикон Мейбл изобилует выражениями типа: «Смотрите и трогайте на здоровье, но если сломаете — платите». Мейбл знала, что кукла, принадлежавшая дочери судьи Маршалла, стоила по меньшей мере 600 долларов — она показала ее фотографию дилеру старинных кукол в Бостоне, и он оценил ее в 400, поэтому Мейбл думала, что ее продажная цена — 600. Еще там была кукла, принадлежавшая Энн Рузвельт... настоящая гаитянская кукла вуду... И Бог знает, какие еще, сидящие щека к щеке и нога к ноге с такими общеизвестными куклами как Энн и Энди Рэггеди.

— Ничуть, — ответила Рут. Она находила взгляды Мейбл такими же странными, как и Мейбл — ее взгляды. — Если Богу угодно, чтобы одна из этих кукол сломалась, он может сломать ее сам или же послать ребенка сделать это. Но до сих пор ни один ребенок еще ничего не сломал. Ну, открутили несколько голов, и Джо Пелл что-то сделал с устройством на спине у Миссис Бисли, и теперь она ничего не может сказать, кроме: не хотите ли принять душ? — вот и весь причиненный убыток.

— Вы меня извините, но я все-таки считаю, что это слишком большой риск по отношению к таким хрупким уникальным вещам, — сказала Мейбл. Она фыркнула. — Мне кажется, что единственная истина, которую я усвоила в своей жизни, это то, что дети ломают вещи.

— Ну, может, мне просто повезло. Но знаете, они *осторожны* с ними. Думаю, потому что они их любят. Рут сделала паузу и слегка нахмурилась. — Большинство из них любят, — добавила она через секунду.

Тот факт, что не все дети хотели играть с «ученицами» в классной комнате — некоторые, казалось, *боялись* их, озадачивал и огорчал Рут.

Маленькая Эдвина Турлоу, например. Эдвина разразилась бурными воплями, когда мама ввела ее за руку и буквально подтолкнула к куклам, рядами сидящим на скамейках, внимательно глядя

на доску. Миссис Турлоу считала кукол Рут *самыми прелестными, примиленькими, как играющий котенок, сладенькими, как сбитые сливки*; если бы существовали другие клише для выражения «очарования», миссис Турлоу, вероятно, употребила бы их применительно к куклам Рут. Она просто поверить не могла, что ее дочь их боится. Она подумала, что Эдвина «просто стесняется». Рут же, безусловно видевшая искру неподдельного страха в детских глазах, не сумела отговорить мать (которую она считала женщиной тупой, со свиными мозгами) от того, чтобы та *толкала* ребенка к куклам.

Поэтому Норма Турлоу поволокла маленькую Эдвину в «классную комнату», и вопли Эдвины были так громки, что Ральф выскочил из подвала, где он плел стулья. Потребовалось минут двадцать, чтобы успокоить истерику Эдвины, и, конечно, ее увели вниз, подальше от кукол. Норма Турлоу была очень смущена, и всякий раз, как она бросала мрачный взгляд в сторону Эдвины, та снова начинала истерически плакать.

Позднее, тем же вечером Рут поднялась наверх и грустно взглянула на свою классную комнату, полную молчаливых детей (в число «детей» входили и такие почтенные персоны, как Миссис Бисли и Мамаша Старый Капюшон, которая, будучи вывернутой наизнанку и слегка переделанной, становилась Страшным Серым Волком), задумавшись, как же они могли так напугать маленькую Эдвину. Сама Эдвина, конечно же, не могла ничего объяснить; даже самые осторожные расспросы возобновляли вопли ужаса.

— Вы действительно сделали этого ребенка несчастным, — наконец тихо сказала Рут, обращаясь к куклам. — Что вы ей сделали?

Но куклы только смотрели на нее своими стеклянными, пуговичными, пришитыми глазами.

— И Хилли Браун тоже не хотел к ним приближаться в тот раз, когда его мать зашла, чтобы ты заверила купчую, — сказал Ральф у нее за спиной. Она испуганно оглянулась и улыбнулась ему.

— Да, и Хилли тоже. — Были и другие. Немного, но достаточно, чтобы встревожить ее.

— Ну же, — сказал Ральф, обнимая ее за талию, — давайте, чучела! Кто из вас, морды, напугал девчушку?

Куклы смотрели молча.

И на мгновение... только на мгновение... Рут почувствовала движение страха, начавшегося где-то в желудке, потом поднявшегося вверх по позвоночнику, звеня позвонками, как костяной ксилофон... потом все прошло.

— Не беспокойся об этом, Рут, — сказал Ральф, наклоняясь к ней. Как всегда, его запах заставил ее почувствовать легкое голо-

вокружение. Он крепко ее поцеловал. И не только его поцелуй был крепким в этот момент.

— Пожалуйста, — сказала она, слегка задыхаясь, прерывая его поцелуй, — только не перед детьми.

Он засмеялся и сгрел ее в свои руки.

— А перед собранием Генри Стил Коммагера?

— Чудесно, — выдохнула она, сознавая, что была уже наполовину, нет... на три четверти... нет, на четыре пятых раздета.

Они срочно занялись любовью, к огромному удовлетворению обеих сторон. *Всех* их сторон. Легкое охлаждение было забыто.

Но она вспомнила об этом в ночь на 19 июля. 17 июля изображение Христа начало говорить с Беккой Поулсон. 19 июля куклы Рут Маккосланд начали разговаривать с ней.

4

Жители города были удивлены, но обрадованы, узнав, что два года спустя после смерти мужа в 1972-м, его вдова выдвинула свою кандидатуру на должность констебля города Хэвена. Молодой человек по фамилии Мамфри выступил против нее. Большинство сошлось на том, что этот парень был глуп; но оно также согласилось с тем, что этому трудно помочь: он был новичком в городе и еще не знал, как себя вести. Те, кто обсуждал эту проблему в «Хэвен Ланче», сошлись на том, что Мамфри более достоин сожаления, чем порицания. Он проходил как кандидат от демократов, и главный пункт его платформы оказался таким: когда речь идет о должности констебля, то выбранное лицо должно арестовывать пьяниц, превышающих скорость, хулиганов; долг его может состоять и в том, чтобы время от времени арестовывать и сажать в тюрьму опасных преступников. И, конечно же, жители Хэвена не должны выдвигать на такой пост женщину, не так ли?

Они должны были и сделали это. Маккосланд получила 407 голосов, Мамфри — 9. В числе этих девяти голосов, надо думать, были голоса его жены, брата, 23-летнего сына и его самого. Оставшиеся пять голосов были незначительны. Никто, конечно, не сознался бы, но сама Рут подозревала, что у мистера Морана там, в южной части города, друзей на четыре человека больше, чем она думала. Три недели спустя после выборов Мамфри и его жена уехали из Хэвена. Его сын, достаточно приятный молодой человек по имени Джон, решил остаться, хотя он все еще, после пятнадцати лет жизни в городе оставался новичком: Этот новичок, Мамфри, заходил постричься сегодня утром; помнишь, как его папаша выступал

против Рут и был побит? И с тех пор у Рут не было больше противников.

Горожане рассматривали выдвижение ее кандидатуры как официальное объявление об окончании траура. Одной из вещей (одной из многих), которую не удалось понять несчастному Мамфри, было то, что такое одностороннее голосование было способом жителей Хэвена выкрикнуть приветствие: Ура, Рут! Возвращайся!

Смерть Ральфа была внезапной и шокирующий, и была близка к тому — чертовски близка! — чтобы убить часть ее, мягкую и чарующую. Эта часть смягчала и украшала доминирующую сторону ее личности, как она чувствовала. Эта ее личностная доминанта была умной, осторожной, логичной и, — хотя она очень не любила это признавать, но знала, что это была правда, — иногда злой.

Она пришла к пониманию того, что, если она утратит эту чувствительную и податливую часть своей натуры, это будет все равно что убить Ральфа второй раз. И поэтому она вернулась к Хэвену, вернулась к службе.

В маленьком городке даже одна подобная личность способна решающим образом повлиять на ход вещей и на то, что любители жаргонных словечек называли бы «качеством жизни»; эта личность может стать настоящим сердцем города. Рут стала на правильный путь, став таким человеком для города, когда умер ее муж. Спустя два года — которые по прошествии казались ей долгим и мрачным временем, проведенным в аду, — она вновь обнаружила, что необходима, так же как человек обнаруживает в темном углу чердака часть карнавального костюма или изогнутое деревянное кресло-качалку, которые еще вполне пригодны в быту. Она извлекла это на свет божий, убедилась в его целостности, стерла пыль, отполировала и вернула к жизни. Должность городского констебля была только первым шагом. Она не могла бы сказать, почему это казалось ей таким правильным, но это было так — это было прекрасной работой, позволяющей помнить Ральфа и в то же время продолжать оставаться самой собой. Она думала, что найдет работу, которая была бы и скучной и неприятной... но это в равной мере можно было сказать и о сборах для Онкологического общества, и о службе в Комитете по отбору школьных учебников. Утомительность и неприятность работы не означали ее *бесплодности* — факт, о котором, кажется, многие люди не знают или охотно игнорируют его. Она также сказала себе, что если работа ей действительно не понравится, то нет такого закона, который заставил бы ее остаться на второй срок в этой должности. Она хотела работать, а не мучить себя. Если она возненавидит это дело, она уступит место Мамфри или кому-нибудь вроде него.

Но Рут поняла, что работа ей *нравится*. Среди всего прочего, она давала Рут возможность положить конец некоторым безобразиям, которым старый Джон Харли позволял проистекать и... развиваться.

Дел Каллум, например. Каллумы жили в Хэвене с незапамятных времен, и Делберт — бровастый механик, работавший у Элта Баркера на станции, был, возможно, не первым из Каллумов, вступившим в половую связь со своими дочерьми. Линия Каллумов была невероятно закручена и перекрещена; было по меньшей мере двое катастрофически отсталых в развитии Каллумов в Пайнленде, которых знала Рут (если верить городским сплетням, один из них родился с перепонками между пальцами рук и ног).

Инцест — это одна из освященных веками традиций, о которой нередко пишут романтические поэты. Его традиционность могла быть причиной, по которой Джон Хартли никогда не пытался всерьез с ним покончить, но «традиционность» такого гротескного предмета не имела значения для Рут. Она поехала к Каллумам. Там было много крика. Альвион Турлоу мог это ясно слышать, хотя Альвион и жил на четверть мили ниже по дороге и был глухим на одно ухо. За криками последовал звук завождающейся цепной пилы, потом — выстрел и крик. Потом цепная пила остановилась, и Альвион, вышедший на середину дороги и загородивший рукой глаза от солнца, глядя в сторону дома Каллумов, услышал девичьи голоса (у Делберта была чертова пропасть дочерей — целых шесть; и они действительно были его проклятием, равно как и он — их), срывавшиеся на крики о помощи.

Позднее, в «Хэвен Ланче», пересказывая свою историю перед очарованной аудиторией, старый Альвион сказал, что подумал было пойти домой и позвонить констеблю... но тут же понял, что, вероятно, констебль и стрелял.

Альвион остался стоять как столб, ожидая развития событий. Примерно через пять минут после того, как умолкла цепная пила, Рут Маккосланд проехала назад в город. Пять минут спустя после *этого* проехал Дел Каллум в своем пикапе. Его вымытая жена сидела на сидении рядом с дробовиком. Матрац и картонные ящики, набитые вещами и посудой, торчали из багажника. Делберта и Мэгги Каллум больше не видели в Хэвене. Три дочери Каллума старше 18 лет поехали работать в Дерри и Бангор. Три младшие были помещены в приюты. Большинство жителей Хэвена были рады тому, что семья Каллум покинула город. Там, в конце Ридж Роуд, они отравляли все, как ядовитая россыпь поганок, растущих в темном подвале. Люди толковали о том, что сделала Рут и как она это сделала, но сама Рут никогда об этом не говорила.

Каллумы были не единственными людьми, кого Рут Маккосланд, седеющая, подтянутая, пяти футов и пяти дюймов роста и 125 фунтов веса, выдворила из города или посадила на несколько лет. Например, компания хиппи-наркоманов, которая поселилась в пяти милях к востоку от фермы старого Фрэнка Гаррика. Эти недостойные, истасканные человеческие отбросы пробыли там всего около месяца и ушли они, подгоняемые пинками изящного ботинка Рут 5-го размера. Племянница Фрэнка, которая писала свои книги, вероятно, покуривала травку время от времени, как считали горожане (они считали, что все писатели должны курить наркотики, очень много пить или проводить ночи в сексуальных извращениях), но не продавала ее, в то время как хиппи в полумиле от нее занимались как раз этим.

Еще были Йоргенсоны на Болотной Миллер Роуд. Бенни Йоргенсон умер от удара, и через три года Айва снова вышла замуж и стала Айвой Хейни. После этого ее семилетнего сына и пятилетнюю дочь стали преследовать дома разные беды. Мальчик выпал из ванны, а девочка обожгла руку о печь. Потом мальчик поскользнулся на мокром кухонном полу и сломал руку, а девочка наступила на грабли, засыпанные листьями, и их рукоятка попала ей прямо по макушке. Последним, но отнюдь не наименьшим злоключением было падение мальчика с лестницы, ведущей в подвал, куда он спулся за растопкой; он упал и раскроил себе череп. Некоторое время казалось, что он не выживет. Это была целая череда бед.

Рут решила, что в доме Хейни бед уже достаточно.

Она поехала к ним на своем стареньком «Додж Дарте» и застала Элмера Хейни сидящим на веранде с недопитой четвертью «Миллер Лайт»; клюя носом, он читал «Солджерз оф Форчун». Рут предполагала, что именно он и был главным несчастьем дома Айвы, особенно маленьких Бети и Ричарда Йоргенсон. Она сказала ему, что подозревает, что некоторые отчимы причиняют *очень* много горя своим приемным детям. Она также сказала, что считает, что детям будет гораздо лучше, если Элмер Хейни уедет из города. Очень скоро. До конца недели.

— Не угрожай мне, — спокойно сказал Элмер Хейни. — Сейчас это мой дом. Тебе лучше убраться из него, пока я не размозжил тебе голову поленом, приставучая сука.

— Обдумайте это, — сказала Рут, улыбаясь.

Джо Полсон в это время припарковался у почтового ящика. Он слышал все, — Элмер Хейни говорил слегка в повышенных тонах, а у Джо было все в порядке со слухом. Из того, как он пересказывал эту историю в тот же день позже «Хэвен Ланче», следовало, что он

сортировал почту все то время, пока эти двое переругивались, и не рассортировал ее, пока они не закончили свою беседу.

— Тогда откуда ты знаешь, что она *улыбалась*? — спросил Элт Баркер.

— Это было слышно по ее голосу, — ответил Джо.

Через несколько дней Рут съездила в полицейские казармы в Дерри и поговорила с Бучем «Монстром» Дуганом. С его шестью футами и восемью дюймами роста и 280 фунтами веса он был самым огромным полицейским в Новой Англии. Ради вдовы Ральфа Монстр совершил бы что угодно, кроме, пожалуй, убийства (а может быть, и это тоже).

Еще через два дня они вновь посетили Хейни. У Монстра был выходной, и он был в гражданском. Айва Хейни была на работе, Бети в школе, а Ричард, конечно, еще был в больнице. Элмер Хейни, который *все еще* был без работы, сидел на веранде с четвертью «Миллер Лайт» в одной руке и с последним номером «Хот Ток» в другой. Рут и Монстр Дуган пробыли у него что-то около часа. В течение этого часа Элмер Хейни поимел очень много неприятностей. Те, кому довелось видеть его тем вечером покидающим город, говорили, что он выглядел так, будто кто-то пропустил его через сортировочную машину для томатов. Но единственным человеком, у которого хватило нервов, чтобы спросить, что, собственно, произошло, оказался сам старый Джон Харли.

— Ну, я вам скажу, — говорила Рут, улыбаясь. — Это было наимерзейшее дело из всех, что я когда-либо видела. Пока мы убеждали его, что его приемным детям будет гораздо лучше, если он уедет, он решил, что хочет принять душ. Как раз в то время, когда мы говорили с ним! И представьте себе, он выпал из ванны! Потом он обжег руку о печь, а на обратном пути поскользнулся на линолеуме. Потом он решил подышать воздухом, вышел и наступил на те же грабли, что и Бети Йоргенсон два месяца назад. Тогда-то он и решил, что ему пора собираться и уезжать. Я думаю, что он правильно сделал, бедняга. Где-нибудь в другом месте ему повезет больше.

5

Она была человеком, которого с наибольшим правом можно было назвать сердцем города, и, может быть, поэтому она была первой, кто почувствовал перемену.

Это началось с головных болей и плохих снов.

Годовные боли начались в июле. Иногда они были такими слабыми, что она едва замечала их. Затем, без всякого перехода, они перешли в сильные пульсирующие удары в области лба. Вечером 4 июля ей стало так плохо, что она позвонила Кристине Маккин, с которой собиралась поехать смотреть фейерверк в Бангор, и сказала, что не сможет.

Тем вечером она легла еще засветло, но уже успело стемнеть, когда она наконец смогла кое-как уснуть. Она предполагала, что жара и сырость не давали ей уснуть — по всей Новой Англии это не давало спать людям в тот вечер, как она думала, и это была не первая такая ночь. Это было, пожалуй, самое безветренное и жаркое лето на ее памяти.

Ей снились фейерверки.

Только эти фейерверки были не красные, белые и ярко-оранжевые; они все были тусклые и ужасно зеленые. Они взрывались по всему небу во вспышках света... только вместо того, чтобы потухнуть, морские звезды образовывались в небе, стекаясь друг к другу и превращались в гигантские язвы.

Оглядевшись вокруг, она увидела людей, среди которых жила всю свою жизнь, — Харли и Креншоу, Брауны и Даплисси, Андерсоны и Кларендонсы, — уставившихся на небо, лица их были освещены гниlostной зеленью. Они стояли перед почтой, аптекой, «Хэвен Ланчем», Северным Национальным банком; они стояли перед школой и станцией Элта Баркера, с глазами, полными зеленого света, и тупо открытыми ртами.

Зубы у них выпадали.

Джастин Херд повернулся к ней и усмехнулся, растягивая губы и показывая оголенные розовые десны. В безумном свете ее сна слюна на его деснах казалась соплями.

— Доброго здоровья, — прошепелявил Джастин, и она подумала: *Вон отсюда! Они все должны убраться отсюда сейчас же! Если они этого не сделают, они умрут так же, как и Ральф!*

Сейчас Джастин приближался к ней, и с растущим ужасом она увидела, что его лицо съезживается и меняется — оно становилось раздутым вышитым лицом Лумпкин, ее куклы-пугала. Она дико озиралась и видела, что все они становятся куклами. Мейбл Нойз повернулась к ней и уставилась на нее, ее голубые глаза были такими же расчетливо-жадными, как всегда, но губы сложились в купидонообразный бантик в улыбке китайской куклы.

— Томминокерыны, — прошепелявила Мейбл монотонным, отдающимся эхом голосом, и Рут проснулась, задыхаясь, выпучив глаза, в темноте.

Ее головная боль прошла, по крайней мере, на это время. Она перешла от сна к бессоннице с мыслью: *Рут, ты должна немедленно уезжать. Не собирая никаких вещей — надеть на себя что-нибудь, вскочить в «Дарт» и — ехать!*

Но она не могла так поступить.

Вместо этого она снова легла. Спустия долгое время она снова уснула.

6

Когда пришло сообщение о том, что горит дом Полсонов, Хэвенское добровольное пожарное отделение выехало... но они действовали удивительно медленно. Рут была там на десять минут раньше, чем прибыл первый пожарный кран. Она бы просто оторвала Дик Эллисону голову, когда он наконец прибыл, если бы не знала, что Полсоны уже оба мертвы... и, конечно, Дик Эллисон тоже знал это. Поэтому-то он и не торопился, но Рут от этого было не легче, а совсем наоборот.

Это знание. Что это было на самом деле?

Рут не знала, *что* это было.

Даже постижение самого *факта* знания было почти невозможно. В день, когда сгорел дом Полсонов, Рут поняла, что она уже знала вещи, которые не имела права знать, за неделю или раньше. Но это выглядело так *естественно!* Это не происходило под колокола и фанфары. Это знание было такой же частью ее — как и *каждого* жителя Хэвена теперь, — как и биение ее сердца. Она думала об этом не больше чем о своем сердцебиении, постоянно и глухо стучащем в ее ушах.

Но только она *должна была* думать об этом, не так ли? Потому что это изменяло Хэвен... и изменяло не в лучшую сторону.

7

За несколько дней до исчезновения Дэвида Брауна Рут с пугающей и давящей тоской поняла, что город отвернулся от нее. Никто не плевал в ее сторону, когда утром она шла из дома в свой офис в ратушу... никто не бросал камни... она чувствовала много прежней доброты в их мыслях... Но она знала, что люди оборачиваются, следя за ее движением. Она шла с высоко поднятой головой и спокойным лицом, как будто ее голова не раскалывалась и не пульсировала, как гнилой зуб, как будто она не провела прошлую ночь (и предыдущую, и ту, что перед *ней*, и...), ворочаясь и метаясь,

погружаясь в ужасные, почти незапоминаемые сны и выцарапываясь из них снова.

Они смотрели на нее... смотрели и ждали...

Чего?

Но она знала: они ждали ее «обращения».

8

В неделю, пришедшуюся между пожаром у Полсонов и ВТОРЫМ ПРАЗДНИЧНЫМ МАГИЧЕСКИМ ПРЕДСТАВЛЕНИЕМ Хилли, дела у Рут пошли совсем плохо.

Первое, это почта.

Она продолжала получать счета, циркуляры и каталоги, но не письма. Ни единого личного письма. Через три дня он зашла на почту. Нэнси Восс стояла за почтовым прилавком, как каменный идол, глядя на нее без всякого выражения. К тому времени, как Рут закончила говорить, ей казалась, что она действительно сможет почувствовать *вес* взгляда Восс. Казалось, что два маленьких пыльных камешка лежат на ее лице вместо глаз.

В тишине она могла слышать, как в офисе что-то жужжит и издает скрипучий паучий шум. Она не представляла, что это...

(разве что оно сортирует почту)

...могло бы быть, но ей не нравился этот звук. И ей не нравилось находиться рядом с этой женщиной, потому что она спала с Джо Полсоном и ненавидела Бекку, и...

Жара снаружи. Здесь еще жарче. Рут чувствовала, как пот выступает на теле.

— Вам нужно заполнить форму для жалоб, — медленно и бесцветно сказала Нэнси Восс. Она вытянула белую карточку из-за прилавка. — Вот здесь, Рут.

Ее губы растянулись в невеселой усмешке.

Рут увидела, что у женщины выпала половина зубов.

А за ними в тишине раздавалось: *Скрич-скрач, скричи-скрач, скрич-скрач, скричи-скрач.*

Рут начала заполнять форму. Подмышки ее платья потемнели от пота. Снаружи солнце било прямо на стоянку машин перед почтой. Было девяносто в тени, должно быть, и ни дуновения ветерка, которое могло бы освежить воздух, и Рут знала, что покрытие на стоянке размягчилось от жары так, что без труда можно было выковырнуть кусок пальцами и при желании сжевать!..

Изложите суть Вашей проблемы — гласила карточка.

Она подумала: *Я схожу с ума — в этом суть моей проблемы. И еще: впервые за последние три года у меня менструация.*

Твердой рукой она начала выводить, что за неделю не получила ни одного почтового сообщения первого класса, и хочет, чтобы этот вопрос был выяснен.

Скрич-скрач, скричи-скрач.

— Что это за шум? — спросила она, не поднимая глаз от формы. Она боялась поднять взгляд.

— Сортировочная машина, — монотонно пробубнила Нэнси. — Я ее придумала.

Она сделала паузу.

— Но ты ведь знаешь об этом, правда, Рут?

— Откуда я могу знать о таких вещах, пока ты мне не скажешь? — сказала Рут и огромным усилием сделала свой голос любезным. Ручка, которой она заполняла форму, дрожала, и она испачкала карточку. Но это не имело значения; ее почта не приходила, потому что Нэнси Восс выбрасывала ее. Это тоже была часть ее знания. Но Рут была стойкой; ее лицо оставалось спокойным и уверенным. Она твердо встретила глазами с Нэнси, хотя и боялась этого пыльного темного взгляда и его тяжести.

Взгляд Рут говорил: *Ну же, высказывайся. Я не боюсь тебя и тебе подобных... но если ты ждешь, что я убегу как мышь, то готовься к неожиданности.*

Взгляд Нэнси завилжал, и она опустила глаза. Она отвернулась.

— Позовите меня, когда заполните карточку, — сказала она. — У меня слишком много работы, чтобы стоять тут и прохлаждаться. После смерти Джо я просто завалена работой все время. Может быть поэтому ваша корреспонденция и не

(УБИРАЙСЯ ИЗ ГОРОДА, СУКА, УБИРАЙСЯ, ПОКА МЫ ЕЩЕ ПОЗВОЛЯЕМ ТЕБЕ ЭТО СДЕЛАТЬ)

приходит вовремя, миссис Маккосланд

— Вы так думаете? — сейчас ей требовались сверхчеловеческие усилия, чтобы сохранить приятный и любезный тон. Последняя мысль Нэнси подействовала на нее как аперкот. Это было так просто и ясно, как световая вспышка. Она посмотрела вниз на жалобную форму и увидела, что большая черная

(опухоль)

клякса расплзается по ней. Она смяла ее и выбросила.

Скрич-скрач, скричи-скрач.

Сзади нее открылась дверь. Она обернулась и увидела входящую Бобби Андерсон.

— Привет, Бобби, — сказала она.

— Привет, Рут.

(уезжай она права убирайся пока можешь пока тебе еще можно пожалуйста Рут я мы большинство из нас не терпим тебя не своя воля)

— Ты работаешь над новым романом, Бобби, — теперь Рут едва могла скрывать дрожь в голосе. Слышать чужие мысли было очень неприятно — казалось, что ты ненормален и галлюцинируешь. Слышать такие вещи от Бобби Андерсон...

Пока тебе еще можно. Из всех людей Бобби была, пожалуй, самой доброй...

Я не слышала ничего такого, — подумала она и жадно ухватилась за эту идею. — *Я ошиблась, только и всего.*

Бобби открыла свой почтовый ящик и вытащила связку писем. Она посмотрела на нее и улыбнулась. Рут увидела, что у нее не хватает нижнего коренного зуба слева и верхнего клыка справа.

— Лучше уехать сейчас, Рут, — мягко сказала она. — Прямо сейчас садись в машину и езжай. Ты со мной не согласна?

Тогда она почувствовала себя уверенно, несмотря на свой страх и раскалывающуюся голову, она была уверена.

— Никогда, — сказала она. — Это мой город. И если ты знаешь, что происходит, скажи другим, которые тоже знают это, чтобы не гнали меня. У меня есть друзья за пределами Хэвена, которые выслушают меня серьезно, как бы безумно ни звучало то, что я скажу. А тебе должно быть стыдно. Это ведь и твой город. Во всяком случае, он *всегда* был твоим.

На секунду ей показалось, что Бобби выглядит сконфуженной и слегка пристыженной. Потом она радостно улыбнулась, и в ее девчоночьей щербатой улыбке было что-то такое, что напугало Рут больше, чем все остальное. Это была больше рыба ухмылка, чем человеческая. Рут видела что-то от прежней Бобби в глазах этой женщины и слышала это в ее мыслях, но ничего от Бобби не было в этой ухмылке.

— Как хочешь, Рут, — сказала она. — Все в Хэвене любят тебя, ты знаешь. Я думаю, через неделю или две... ну, через три... ты прекратишь борьбу. Я подумала, что смогу предложить тебе выбор. Раз ты решила остаться, что ж, прекрасно. Через какое-то короткое время тебе будет... очень хорошо.

Она заехала в Кудерз за «Тампаксами». Но там не было ничего. Ни «Тампаксов», ни «Модесс», ни «Стэйфри» макси или мини, ни простых подушечек или тампонов.

Надпись, сделанная от руки, гласила: «Следующий завоз будет завтра. Простите за неудобство».

10

15 июля в пятницу начались неполадки с телефоном в ее офисе. Утром в трубке слышалось раздражающе громкое жужжание, которое она и ее абоненты должны были стараться перекрыть. К полудню добавился еще и треск. К двум часам из-за этого вообще стало невозможно пользоваться телефоном.

Придя домой, она обнаружила, что в ее телефоне нет вообще никаких звуков. Он умер окончательно и полностью. Она зашла в соседнюю квартиру Фэннин, чтобы позвонить на телефонную станцию. Венди Фэннин пекла хлеб на кухне. Она месила одну порцию теста, а ее миксер работал над другой.

Устало, уже без всякого удивления, Рут заметила, что миксер был включен не в розетку в стене, а в нечто другое, выглядевшее наподобие электронной игры со снятым корпусом. Оно испускало странное излучение, когда Венди сбивала тесто.

— Конечно, проходи и звони, — сказала Венди. — Ты же знаешь,

(уезжай Рут уезжай из Хэвена)

где он стоит, да?

— Да, — сказала она. Сначала она направилась к холлу, потом задержалась. — Я заезжала в Кудерз-маркет. Мне нужны были гигиенические салфетки. Но там нет никаких, знаешь.

— Знаю, — Венди улыбнулась, показывая улыбку, в которой зияли три бреши; неделю назад она была без единого изъяна. — Я взяла предпоследнюю коробку. Скоро она закончится. Мы изменимся еще немного, и в этом не будет надобности.

— Неужели? — спросила Рут.

— Ну да, — ответила Венди и отвернулась к своему тесту.

Телефон Венди работал отлично. Рут не была этим удивлена. Девушка со станции в Новой Англии, сказала, что мастер будет выслан. Рут поблагодарила ее, а затем Венди Фэннин.

— Пожалуйста, — сказала Венди, улыбаясь. — Все, что тебе нужно, Рут. Все в Хэвене тебя любят, ты же знаешь.

Рут задрожала, несмотря на жару.

Телефонная ремонтная бригада приехала и что-то сделала с телефонным кабелем у дома Рут. Потом телефон проверили. Он работал отлично. Затем они уехали, а через час телефон снова перестал работать.

Тем вечером на улице она чувствовала нарастающий шелест голосов в своем мозгу. Мысли, легкие, как листья под дуновением октябрьского ветра шелестели одна за другой.

(наша Рут мы любим тебя весь Хэвен любит)

(но если уезжаешь уезжай или изменяйся)

(если ты останешься никто не причинит тебе вреда уезжай или оставайся)

(да уезжай или оставайся но оставь нас)

(да оставь нас в покое Рут не вмешивайся дай нам быть дай)

(«превратиться» да дай нам «превратиться» дай нам спокойно «превратиться»)

Она шла медленно, голова пульсировала голосами.

Она заглянула в «Хэвен Ланч». Бич Джерниган, повар в буфете, поднял руку в приветствии. Рут тоже подняла руку в ответ. Его губы двигались, ясно артикулируя слова *Вот она идет*. Несколько человек за стойкой обернулись и помахали ей. Они улыбались. Она видела бреши на тех местах, где недавно были зубы. Она зашла в Кудерз-маркет. Она зашла в Методистскую церковь. Сейчас перед ней была городская ратуша с часами на квадратной кирпичной башне. Стрелки часов показывали 7.15 — 7.15 летнего вечера, и по всему Хэвену люди будут открывать холодное пиво и включать радио, чтобы услышать голос Неда Мартина и звуки «Марша Ред Сокс». Она увидела Бобби Тремэйна и Стефани Кольсон, медленно идущих к окраине города вдоль Девятого шоссе, держась за руки. Они ходили вместе уже четыре года, и удивительно, что Стефани еще не беременна, подумала Рут.

Просто июльский вечер с наступающими сумерками — все нормально.

Ничего не было нормально.

Хилли Браун и Барни Эпплгейт вышли из библиотеки. Младший брат Хилли, маленький Дэвид, плелся за ними, как хвост от бумажного змея. Она попросила посмотреть книги, которые они взяли в библиотеке, и мальчики показали их ей довольно охотно. Только в глазах маленького Дэвида Брауна она увидела нерешительное отражение своей паники... которую она передала ему. То, что она чувствовала его страх и ничего не предприняла, было основной причиной, за что она так корила себя через два дня, когда

малыш пропал. Кто-нибудь другой мог бы оправдать себя, сказать: *Ну, у меня хватает своих неприятностей, чтобы еще интересоваться делами Дэвида Брауна.* Но она была не из тех женщин, что могут обрести душевный комфорт в таких громких оправданиях. Она почувствовала, что мальчик был в ужасе. Хуже того, она почувствовала его смирение, его уверенность в том, что события уже не остановишь, что они просто будут развиваться так, как предопределен их ход — от плохого к худшему. И как бы в доказательство своей правоты — опля! — Дэвид исчез. И Рут, как и бабушка мальчика, принимала на себя часть вины за это.

От ратуши она повернула домой, сохраняя приятное выражение на лице, несмотря на сверлящую головную боль и испуг. Мысли завихрились, шелестели и плясали.

(любят тебя Рут) (ш-ш-ш ш-ш-ш пора спать)

(да пора спать и видеть сны)

(сны о предметах и способах)

(превратиться способами превратиться способами)

Она вошла в дом, заперла за собой дверь, поднялась наверх и зарылась лицом в подушку.

Видеть сны о способах превратиться.

О Боже, как она хотела бы точно знать, что это значило.

Если ты уходишь уходи если остаешься изменяйся.

Конечно, хотела она этого или нет, но это с ней происходило. Как бы упорно она ни сопротивлялась, но она тоже превращалась.

(да Рут да)

(спать... видеть сны... думать... превращаться)

(да Рут да)

Эти мысли, шелестящие и инородные, преследовали ее во сне и потом вплетались в темноту. Она легла поперек широкой кровати, полностью одетая, и крепко уснула.

Когда она проснулась, ее тело затекло, но мозг был ясным и свежим. Головная боль рассеялась, как дым. Ее менструация, так странно недостойная и стыдная после того, как она думала, что с этим навсегда покончено, прекратилась. Впервые почти за две недели она себя ощущала. Она примет холодный душ, а затем примется за обдумывание всего этого. Если необходима помощь со стороны — хорошо. Если она должна была провести несколько дней или несколько недель с людьми, думающими, что у нее не все дома, — пусть. Она провела всю жизнь, зарабатывая репутацию здравомыслящего и заслуживающего доверия человека. И насколько же хороша оказалась бы такая репутация, если бы она не смогла убедить людей не воспринимать серьезно все то, что звучит как совершенная глупость?

Когда она начала снимать одежду, в которой спала, ее пальцы неожиданно застыли на пуговицах.

Ее язык нащупал пустое место в ряду нижних зубов. Там ощущалась неясная тупая боль. Ее взгляд упал на покрывало. На нем, там, где лежала ее голова, она увидела выпавший ночью зуб. Внезапно все перестало казаться таким простым — совершенно все. Рут поняла, что головная боль вернулась.

11

Хэвену предстояло пережить еще большую жару — в августе будет неделя, когда температура перевалит за стоградусную отметку, между тем как июльская жара и духота с 12 по 19-е казалась более чем достаточной жителям городка.

Улицы колыхались в мареве. Пыльные листья безвольно висели на деревьях. Звуки доносились далеко в неподвижном воздухе; старый грузовик Бобби Андерсон, сейчас переделанный в копающую машину, был отлично слышен в Хэвен Вилледже в каждый из восьми дней этой жары. Люди знали, что нечто важное происходит у старого Фрэнка Гаррика — важное для всего города, но никто не упоминал об этом вслух, также как не упоминали о вовлеченности в это Джастина Херда, ближайшего соседа Бобби, совершенно безумного. Джастин строил приборы — это было частью его «превращения», но так как он сошел с ума, некоторые из его произведений были потенциально опасны. Одним из них была машина, резонирующая гармонические колебания земной коры — колебания, возможно, способные вызвать землетрясение, достаточно сильное, чтобы расколоть штат напополам так, чтобы восточная часть сползла в Атлантический океан.

Джастин сконструировал эту машину, чтобы выгонять проклятых кроликов и сурков из их нор. Они пожирали весь его салат-латук, черт побери. *Я встрясу маленьких ублюдков, думал он.*

Однажды Бич Джерниган приехал к Джастину, когда того не было, — он отправился на вспашку своего западного поля (в тот день он вспахал 12 акров кукурузы, обильно потея, с губами, застывшими в постоянной маниакальной гримасе, так как он беспокоился о спасении трех грядок салата) — и разобрал машину, состоящую из элементов стерео. Когда Джастин вернется и не обнаружит своей машины, он, быть может, решит, что это проклятые кролики и сурки растащили ее, а может быть, примется за сооружение новой... в этом случае Бич или кто-нибудь еще снова

разберет ее. Или, может быть, если им повезет, он почувствует призвание к сооружению чего-нибудь менее опасного.

Солнце восходило каждый день на небе цвета бледного фарфора и казалось подвешенным к крыше мира. За «Хэвен Ланчем» в скудной тени выступающего карниза, тяжело дыша, рядом лежали собаки, им было слишком жарко даже вычесывать блох. Улицы были большей частью пустынные. Время от времени кто-нибудь проезжал через Хэвен в Дерри или Бангор и обратно. Но это происходило не очень часто, потому что по шоссе ехать было гораздо быстрее.

Те же, кто проезжал через Хэвен, замечали неожиданное и странное улучшение в приеме радиопередач — так, шофер грузовика на Девятом шоссе, которому надоело слушать I-95, переключился на рок-волну, как оказалось, транслируемую из Чикаго. Два старика, направляющиеся в Бар Харбор, поймали программу классической музыки из Флориды, но эта неестественная, сверхчистая работа радио ухудшилась, когда они покинули пределы Хэвена.

Некоторые из проезжающих испытали более неприятные эффекты: часто головные боли, тошнота, иногда — очень сильная тошнота. В этом винили дорожную еду, которая испортилась от жары.

Маленький мальчик из Квебека, направлявшийся со своими родителями на «Старое Садовое взморье», потерял четыре молочных зуба в те десять минут, за которые их фургон проезжал из одного конца Хэвена в другой. Мать мальчика клялась по-французски, что такого она не видела никогда в жизни.

Один математик из МТИ, направлявшийся в на двухдневную конференцию по полулогическим числам, внезапно понял, что он стоит на грани принципиально нового способа рассмотрения математики и математической философии. Его лицо посерело, его кожа, покрытая потом, внезапно похолодела, так как он совершенно отчетливо понял, как быстро такая концепция сможет доказать, что каждое четное число большее двух является суммой двух простых чисел; как может быть использована эта концепция в делении угла на три части, как...

Он остановился у края дороги, выбрался из машины и бросился в канаву, его стошнило. Он стоял, дрожащий, с трясущимися коленями, над блевотиной (куда выпал также и один из его зубов, но он был так возбужден, что не заметил его потери), его пальцы зудели от желания схватить мел и покрыть доску синусами и косинусами. Видение Нобелевской премии пульсировало в его перегретом мозгу. Он кинулся обратно в машину и помчался в Ороно, разгоняя свой ржавый «Субару» до 80 миль в час. Но к тому времени, как он достиг Хэмпдена, его славные видения померкли, а в Ороно

от них не осталось ничего, кроме слабого мерцания. Он предположил, что это был мгновенный тепловой удар. Только рвота была реальностью, так как он чувствовал ее запах от своей одежды. В первый день конференции он был бледен и молчалив, мало выступал, оплакивая свое великолепное эфемерное видение.

Тем же утром Мейбл Нойз прекратила свое существование, бродя по подвальному помещению своего дома. Было бы неверно говорить, что она случайно убила себя или погибла от несчастного случая. Ни одна из этих фраз не могла бы объяснить то, что с ней случилось. Мейбл не получила пулю в голову, чистя оружие, не сунула палец в электрическую розетку; она просто распалась на молекулы и в мгновение ока прекратила существование. Это было быстро и совсем не больно. Была вспышка голубого света, и она исчезла. От нее ничего не осталось, кроме тлеющей лямки от бюстгальтера и приспособления, напоминающего серебристую полировальную машинку. Может, приспособление как раз этим и было. Мейбл предназначала его для исполнения грязной и утомительной работы и удивлялась, как это она не додумалась до такой машинки раньше, — или почему, скажите ради Бога, их нигде было *купить*, если их так просто делать и эти болваны там, в Корее, могли бы выпускать их тоннами. Она начала сознавать, сколько вещей она может сделать, используя приспособления, имевшиеся в ее магазине. *Замечательных вещей*. Она просматривала каталоги, и была изумлена, что этих вещей в них нет. Боже мой, думала она, кажется, я скоро стану *богатой*! Только она успела соединить какие-то проводки в серебристой полировальной машинке, как распалась на элементарные частицы быстрее чем за 0.0006 наносекунд.

По правде говоря, в Хэвене по ней не очень скучали.

Город безвольно лежал на дне неподвижной, стоячей воздушной ямы. Из леса за домом Гаррика доносились звуки работающих машин, так как Бобби и Гарденер принялись за раскопки.

Во всем остальном целый город, казалось, дремал.

12

В этот полдень Рут не задремала.

Она думала об звуках, доносящихся от дома Бобби Андерсон (она больше не думала о нем, как о ферме старого Гаррика), и о самой Бобби Андерсон.

Теперь в городе существовал общий источник знания, бассейн мыслей, которыми все они делились. Месяц назад Рут сочла бы

такую мысль сумасшедшей. Сейчас она была несомненной. Как нарастающие, шелестящие голоса, Знания были *там*.

Частью знания было то, что начала все это Бобби. Пусть неумышленно, но она привела все это в движение. Сейчас она и ее друг (этот друг был Рут совершенно неизвестен; она знала о нем только потому, что видела его там сидящим с Бобби на веранде вечерами) работали по 12-14 часов в сутки, ухудшая ситуацию. Она не была уверена, что друг Бобби понимал, что он в действительности делает. Он был как-то в стороне от общей сети.

Как они ухудшали ситуацию?

Она не знала. Она даже не знала наверняка, что они делают. Это было также закрыто, и не только для нее, но и для всех в Хэвене. В свое время они узнают; они не придут к этому знанию, они *станут* им, так как по всему городу у всех существ женского пола от 8 до 60 лет приблизительно в одно и то же время прекратились менструации. Нужно было что-то делать с этими раскопками — это Рут знала определенно. Однажды в полдень она слегка вздремнула и увидела во сне, как Бобби и ее друг из Трои выкапывают серебристый цилиндр около двухсот футов в диаметре. По мере того как они его выкапывали, она увидела цилиндр меньших размеров, стальной, приблизительно десяти футов в диаметре и пяти в высоту, с соскообразным выступом в центре, на котором был выгравирован знак «+». Когда она проснулась, то поняла, что видела во сне гигантскую щелочную батарейку, погребенную в землю и гранит на участке позади дома Бобби, эта батарея была больше, чем коровник Фрэнка Спрюса.

Рут знала, что бы ни выкапывали там, в лесу, Бобби и ее друг, это не было, конечно, гигантским D-элементом. Кроме как... на самом деле она как раз думала, что это *как раз* им и было. Бобби открыла какой-то гигантский источник энергии и стала его пленницей. Эта же самая сила одновременно гальванизировала и пленила весь город. И она час от часу становится сильнее.

Ее сознание шептало: *Ты должна позволить всему идти своим чередом. Ты просто должна стать в стороне и не вмешиваться пусть оно идет своим путем. Они любили тебя, Рут, это действительно так. Ты слышишь их голоса, как поднимающийся октябрьский ветер, вздымающий опавшие листья, не просто сдувающий их, чтобы они потом падали на землю, но сгоняющий их в циклон; ты слышишь их внутренние голоса, и, хотя иногда они звучат искаженно и сконфуженно, я не думаю, что они могут лгать; и когда эти поднимающиеся голоса говорят, что они любили тебя, что они все еще любят тебя, они могут говорить правду. Но если ты вмеша-*

ешься в то, что здесь происходит, я думаю, что они убьют тебя, Рут. Это сделает не дружок Бобби — его это как-то не трогает. Он не слышит голосов. Он не превращается. Только пьет. Голос Бобби говорил: Гард напился. Но что до всех остальных... если ты вмешаешься в их дела... они убьют тебя, Рут. Нежно. С любовью. Поэтому оставайся в стороне. Пусть это произойдет.

Но если она поступит так, ее город будет разрушен... не изменен — как снова и снова изменялось его название, не поврежден, как повредил его этот сладкоречивый проповедник, а *разрушен*. И она будет разрушена вместе с ним, потому что силы в ее сердцевине уже разбужены. Она чувствовала это.

Хорошо, тогда... что же делать?

В настоящий момент ничего. Дела могут пойти лучше сами по себе. Между прочим, нет ли какого-нибудь способа экранировать свои мысли?

Она начала экспериментировать со скороговорками: *Карл у Клары украл кораллы. На дворе трава на траве дрова*. После небольшой практики она поняла, что может заставить одну из них крутиться в мозгу постоянно. Она отправилась в город, купила мясного фарша и два початка кукурузы на обед и любезно поговорила с Мейдж Тиллеттс за прилавком и с Дейвом Ратледжем, сидящим на своем обычном месте перед магазином и медленно плетущим стул своими старыми, узловатыми артритными руками. Только старый Дейв не выглядел таким уж старым, каким выглядел обычно в те дни. Ничего подобного.

Оба они смотрели на нее настороженно, удивленно и озадаченно.

Они слышат меня... но не очень хорошо. Я могу заглушать их! Действительно, могу!

Она не знала, насколько успешно — и не стоило делать на эту ее способность большую ставку, — но это *работало*. Это не значило, что они не смогут расшифровать ее, если возьмутся за ее мозг объединенными силами. Она чувствовала, что такое возможно. Но, по крайней мере, это было *что-то*, одна стрела в прежде пустовавшем колчане.

В эту субботнюю ночь она решила, что подождет до полудня четверга — приблизительно шестьдесят часов. Если ситуация будет продолжать ухудшаться, она поедет в полицейские казармы в Дерри, найдет кого-нибудь из старых друзей мужа — Монстра Дугана для начала — и расскажет, что происходит в их штате на расстоянии сорока миль вглубь штата по Девятому шоссе.

Может, это и не лучший план, но его нужно осуществить.

Рут Маккосланд уснула.

Ей снились батареи в земле.

6 РУТ МАККОСЛАНД ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

1

Исчезновение Дэвида Брауна полностью перечеркнуло план Рут. После того, как он пропал, она поняла, что не сможет уехать из города. Потому что Дэвид пропал, и они все знали об этом... но они также знали, что он все еще где-то здесь, в Хэвене.

При «превращении» всегда наступает время, которое можно было бы назвать «пляской лжи». Для Хэвена это время началось с момента исчезновения Дэвида и получило свое развитие на протяжении последовавших поисков.

Рут только засела за местные новости, как зазвонил телефон. Было ясно, что у Мэри Браун истерика.

— Успокойся, Мэри, — сказала Рут и подумала, как хорошо, что она успела поужинать. В ближайшее время ей, возможно, будет не до еды. Единственное, что ей удалось узнать у Мэри, это то, что с ее мальчиком Дэвидом случилось что-то ужасное, и это началось на волшебном представлении на заднем дворе, и что у Хилли тоже истерика.

— Позови Брайена, — сказала Рут.

— Но ты придешь, ведь правда? — рыдала Мэри. — Пожалуйста, Рут, до темноты. Мы еще можем найти его, я знаю, что можем.

— Конечно, я приду, — сказала Рут. — А теперь позови Брайена.

Брайен был ошеломлен, но смог более ясно изложить картину случившегося. Это звучало безумно, но разве что-нибудь еще могло удивить Хэвен за эти дни? После волшебного представления публика разошлась, оставив Дэвида и Хилли убираться. И вот теперь Дэвид пропал. Хилли потерял сознание и не помнит вообще ничего из того, что происходило днем. Единственное, что он твердо помнит, это то, что, когда он увидит Дэвида, он должен будет отдать ему все свои игрушки. Но не помнит, почему.

— Тебе лучше приехать как можно скорее, — сказал Брайен.

Выходя, она задержалась на пути к ее «Дарту» и взглянула на Мэн-стрит Хэвена с явной ненавистью.

До темноты оставалось еще два часа, и Рут не теряла времени. Она забрала Брайена, Ива Хилмана, Джона Голдэна от дороги и увела их вместе с Генри Эпплгейтом, отцом Барни, на задний двор Браунов. Мэри хотела принять участие в поисках, но Рут настояла, чтобы она осталась с Хилли. При ее теперешнем состоянии она была бы скорее обузой, чем подмогой. Они, конечно, уже начали поиски, но производили их бестолково, почти по-идиотски. Родители пришли к выводу, что Дэвид перешел через дорогу и ушел в лес, и все уже перестали его искать, хотя продолжали бесцельно болтаться вокруг.

Рут поняла кое-что из их слов; кое-что из их наполовину безумного, наполовину испуганного вида; больше всего она поняла из их разумов.

Их двух разумов: человеческого и чужеродного. Существует момент, когда «превращение» может обратиться в сумасшествие — сумасшествие шизофрении, когда исходные разумы пытаются сопротивляться коллективному чужеродному разуму, объединяющему их в одно целое и... поглощающему их. Это было время необходимого принятия. Таким образом, это и был момент пляски лжи.

Мейбл Нойз могла бы начать все это, но люди недостаточно любили ее, чтобы начать плясать. Хиллманы и Брауны были любимы. Они были крепко связаны с историей Хэвена, их очень любили и очень уважали.

И, конечно, Дэвид Браун был всего лишь маленький мальчик.

Чисто человеческий разум, «Разум Рут» говорил: он мог уйти в высокую траву на поле заднего двора Браунов и уснуть. Более похоже на правду, нежели идея Мэри о том, что он ушел в лес — для этого ему нужно было перейти дорогу, а он был послушным мальчиком. Так говорили и Мэри, и Брайен. И, что более важно, все остальные. Ему говорили снова, и снова, и снова, чтобы он не переходил дорогу без взрослых, так что лес казался маловероятным.

— Мы обследуем лужайку и поле участок за участком, — сказала Рут. — И мы будем не просто ходить, мы будем смотреть.

— Но если мы не найдем его? — глаза Брайена смотрели испуганно и умоляюще. — Если мы не найдем его, Рут?

Она могла не отвечать ему, ей стоило лишь подумать. Если они не найдут Дэвида сразу, ей придется начать звонить. И это будут очень большие поиски — люди с фонарями и охотничьими рожками, идущие между деревьев. Если Дэвида не отыщут к утру, она

позвонит Орвэлу Дэвидсону в Общество и попросит его привести своих сыщиков. Для большинства из них это была знакомая процедура. Они знали все о поисковых работах, и многие в них не раз участвовали; они достаточно практиковались во время охотничьего сезона, когда лес наполнялся чужаками, несущими свои крупнокалиберные винтовки и одетыми в новенькие оранжевые фланелевые балахоны из «Эл.Эл.Бинз». Обычно потерявшихся находили живыми, только сильно перепуганными.

Но иногда их находили мертвыми.

И иногда их не находили вообще.

Они не найдут Дэвида Брауна, и они знали это еще до начала поисков. Их разумы очистились, как только появилась Рут. Это был акт инстинкта, произвольный и слепой. Они соединили свои разумы и искали Дэвида. Их голоса слились в хор, настолько мощный, что, если бы Дэвид находился в радиусе 70 миль, он бы схватился руками за голову и закричал от боли. Он бы услышал их и узнал, что его ищут, на расстоянии и в 5 раз большем.

Нет, Дэвид Браун, не заблудился. Он просто был... не здесь.

Поиски, к которым они готовились, были совершенно бесполезны.

Но, поскольку это понимал лишь мозг Томминокера, а они все еще продолжали думать о себе, как о «человеческих существах», они начали пляску лжи.

Превращение требует большой лжи.

И то, что они говорили себе, что они остались такими же, как всегда, было самой большой ложью.

И они все это знали. Даже Рут Маккосланд.

3

К половине девятого, когда сумерки стусились настолько, что почти напоминали ночь, число участвовавших в поисках возросло с пяти до дюжины. Новички прибыли быстро — даже слишком быстро для того, чтобы это показалось нормальным. Они распределились по всем дворам и полям на стороне Браунов, начав со сцены Хилли (Рут сама забралась под нее с мощным фонарем, полагая, что, если Дэвид Браун где-то неподалеку, то он должен быть здесь, спящий — но там была только примятая трава и странный электрический запах, который заставил ее наморщить нос) и расширяя район поисков, отходили оттуда по лучам в разные стороны.

— Ты думаешь, что он в лесу, Рут? — спросила Кейси Тримейн.

— Должно быть, — ответила она устало. У нее снова заболела голова. Дэвид был

(не был)

в лесу так же как Президент Соединенных Штатов. Тем не менее..

Глубоко в ее мозгу скороговорки обгоняли друг друга с неутомимостью белок, крутящихся в колесе.

Сумерки были не настолько густыми, чтобы она не смогла заметить, что Брайен Браун закрыл лицо рукой и отвернулся от остальных. Воцарилось неловкое молчание, которое Рут наконец нарушила.

— Нам нужно больше людей.

— Вызвать полицию, Рут? — спросила Кейси.

Она оглядела их, смотревших на нее. Их лица были безмолвны и спокойны.

(нет Рут нет)

(чужаков не надо чужаков мы справимся)

(мы справимся с этим делом нам не нужно чужаков пока)

(пока мы не сбросим старую кожу и не наденем новую пока)

(мы не «превратимся»)

(если он в лесу мы услышим его он позовет)

(позовет своим разумом)

(не надо чужаков Рут тсс-с-с тсс-с-с ради твоей жизни Рут мы)

(мы все любим тебя но не надо чужаков)

Эти голоса пронзили ее мозг, пронзили безмолвную, влажную темноту: она взглянула и увидела лишь темные силуэты и белые лица, силуэты и лица, которые сейчас показались вполне человеческими. «У кого из вас еще сохранились ваши зубы?» — истерично подумала Рут Маккосланд.

Она открыла рот, думая, что закричит, но ее голос прозвучал — по крайней мере в ее собственных ушах — нормально и естественно. В ее мозгу скороговорки

(Карл у Клары что-то украл. Клара у Карла что-то украла)
завертелись быстрее, чем когда-либо.

— Я не думаю, что они понадобятся нам сейчас, Кейси, правда? Кейси взглянула на нее, слегка недоуменно.

— Как скажешь, Рут.

— Отлично, — сказала она. — Генри... Джон... и вы остальные. Идите звонить. Нужно 50 мужчин и женщин, знающих лес, перед тем как мы в него войдем. Каждый, кто появится здесь, должен принести фонарь, иначе он и близко не подойдет к лесу. Пропал маленький мальчик, и нам не надо, чтобы потерялся еще и взрослый мужчина или женщина.

Пока она говорила, ее голос становился все уверенней; трясущий страх исчез. Они смотрели на нее с уважением.

— Я позвоню Эдли Маккину и Дику Эллисону. Брайен, вернись и скажи Мэри, чтобы она сварила побольше кофе. У нас впереди длинная ночь.

Они разошлись в разных направлениях; мужчины, которые должны были позвонить, направились к дому Генри Эпплгейта. Дом Браунов был ближе, но ситуация ухудшилась, и никто из них не хотел сейчас туда идти. Тогда как Брайен говорил своей жене, что Рут Маккосланд решила, что их четырехлетний сын, возможно, заблудился в

(не там)

большом лесу.

Рут страшно устала. Она хотела бы поверить, что просто сошла с ума; если бы она смогла поверить, все было бы проще.

— Рут?

Она обернулась. Ив Хиллман стоял перед ней, его тонкие белые волосы шевелились вокруг его черепа. Он выглядел обеспокоенным и напуганным.

— Хилли опять в обмороке. Его глаза открыты, но... — он пожал плечами.

— Мне очень жаль, — сказала Рут.

— Я заберу его в Дерри. Брайен и Мэри хотят, конечно, остаться здесь.

— Почему бы не начать с доктора Уорвика?

— Лучше в Дерри, — Ив не мигая смотрел на Рут. Его глаза были глазами старика, покрасневшими, слезящимися, их синева поблекла до практически несуществующего цвета. Поблекшие, но не глупые. И внезапно Рут поняла, и невероятное возбуждение ударило ей в голову так, что она даже запрокинулась назад: она едва может читать его мысли! Что бы ни происходило здесь в Хэвене, Ив как и друг Бобби, был свободен. Это все происходило вокруг него, и он знал о нем — что-то — но не был частью этого.

Она ощутила, как возбуждение постепенно стало перерастать в зависть.

— Я думаю, что ему будет лучше вне города. Ты не против, Рутти?

— Да, — медленно ответила она, думая о тех пронзающих голосах, подумав в последний раз о том, что Дэвид был не здесь, и отбросив эту лунатичную идею навсегда. Конечно он был. Разве они не были людьми? Они были. Были. Но...

— Да, я думаю, ему будет лучше.

— Ты можешь поехать с нами, Рутти.

Она посмотрела на него долгим взглядом.

— Хилли что-то сделал, Ив? В твоей голове я вижу его имя. Больше я ничего не вижу — только это. Оно мерцает как неоновая вывеска.

Он взглянул на нее, казалось, он совсем не был удивлен ее способностью, с помощью которой она — чувствительная Рут Мак-косланд — могла читать его мысли, или верила, что могла это делать.

— Возможно. Он ведет себя так, как будто сделал. Это... этот полубомрок, в котором он... если это то, что... он мог сделать что-то, о чем он сейчас сожалеет. Даже если и так, это была не его вина, Рутти. Что бы ни происходило здесь в Хэвене... именно оно сделало это.

Хлопнула калитка. Она взглянула в сторону Эпплгейтов и увидела, что несколько мужчин возвращаются.

Ив оглянулся вокруг и снова взглянул на Рут.

— Пойдем с нами, Рут.

— И оставить город? Ив, я не могу.

— Хорошо. Если Хилли вспомнит что-нибудь...

— Свяжись со мной, — сказала она.

— Если смогу, — проворчал Ив. — Они могут сделать это очень трудным, Рутти.

— Да, — ответила Рут. — Я знаю.

— Они идут, Рут, — сказал Генри Эпплгейт, и посмотрел на Ива Хиллмана холодным, оценивающим взглядом. — Много хороших людей.

— Отлично, — ответила Рут.

Ив какое-то время смотрел на Эпплгейта немигающим взглядом, потом двинулся прочь. Спустя примерно час, когда Рут организовывала участвующих в поисках, готовя их к первой экспедиции, она увидела, как старенький «Вэлиент» Ива отъехал от дома Браунов и направился в сторону Бангора. Маленькая, темная фигурка — Хилли — застыла на пассажирском сиденье как манекен из магазина.

Удачи вам обоим, подумала Рут.

Когда автомобиль старика исчез за первым холмом, Рут посмотрела вокруг и увидела человек двадцать пять мужчин и примерно полдюжины женщин, стоящих по обе стороны дороги. Они стояли не двигаясь, просто смотрели на

(любили)

нее. Вновь она подумала, что их силуэты меняются, дрожат, становятся нечеловеческими; они на самом деле «превращались»,

становились чем-то таким, о чем она даже не отваживалась подумать... также как и она сама.

— Чего уставились? — с нехарактерной для нее резкостью спросила она. — Пошли! Ищите Дэвида Брауна!

4

Они не нашли его ни этой ночью, ни в понедельник, с его жарким давящим белым молчанием. Бобби Андерсон и ее приятель тоже принимали участие в поисках; грохот копающих машин за фермой старого Гаррика на время умолк. Приятель, Гарденер, выглядел бледным, больным и понурым. Рут сомневалась, выдержит ли он весь день, когда впервые увидела его. Если он проявит признаки того, чтобы выпасть из поисковой цепи, оставляя брешь, благодаря которой они смогут не заметить пропавшего мальчика, Рут отправит его назад в дом Бобби... но он держался, несмотря на свой измотанный вид.

К этому моменту сама Рут уже пережила слабый припадок, вызванный двойным напряжением от попытки найти Дэвида Брауна и сопротивляться медленному изменению ее мозга.

Ей удалось ухватить пару часов в понедельник утром перед рассветом, чтобы забыться тяжелым сном, а потом она опять была на ногах, выпивая чашку за чашкой кофе и выкуривая сигарету за сигаретой. Она даже не допускала мысли о том, чтобы вызвать помощь извне. Если бы она так поступила, чужаки очень быстро — в течение нескольких часов, думала она — разобрались бы, что Хэвен изменил имя на Кошмарвиль. Стиль жизни Хэвена — если можно было бы так выразиться, — а не пропавший мальчик, стал бы предметом их интереса. И тогда Дэвид пропал бы навсегда.

Хотя солнце уже давно село, было еще по-прежнему тепло. Вдалеке слышался гром, но ни ветра, ни дождя не было. Сверкали зарницы. В зарослях, буреломах и поднимающейся молодой поросли роились и жужжали комары. Хрустели ветки. Люди чертыхались, проваливаясь в лужи и перебираясь через поваленные деревья. Лучи фонарей выписывали бессмысленные зигзаги. Чувствовалась суетливость, но не сплоченность — в конце концов, у них было всего несколько фонарей против воскресной полночи. Психическая связь не принесла в Хэвен чувства мира и гармонии, казалось, совсем наоборот. Рут изо всех сил старалась заставить их двигаться.

После полуночи — скоро уже должно было начаться утро понедельника — мир просто уплыл от нее. Это произошло быстро, как большая ленивая рыба исчезает с мощным и внезапным движением

хвоста. Она увидела, как фонарь выпал из ее пальцев. Это выглядело так, как будто она смотрела кино. Она почувствовала горячие струйки пота на щеках, лоб внезапно похолодел. Постоянно растущая жуткая головная боль, мучившая ее весь день, исчезла с внезапным безболезненным хлопком. Она услышала это, как будто кто-то в глубине ее мозга натянул дребезжащую струну. В какой-то момент она вдруг ясно увидела яркие разноцветные ленты потоков, протекающих через дрожащие серые каналы ее мозжечка. Затем у нее подкосились колени. Рут упала вперед в глухой кустарник. В отблесках света фонаря она смогла разглядеть шипы, они выглядели длинными и жестокими, но кустарник показался ей мягким, как пуховая подушка.

Она попыталась позвать на помощь и не смогла.

Они и так услышали.

Послышались приближающиеся шаги. Перекрещивались лучи фонарей. Кто-то

(Джуд Таркингтон)

столкнулся с кем-то еще

(Хэнком Баком)

и между ними сверкнула мимолетная искра ненависти.

(отойди с дороги ты чучело)

(я заеду тебе сейчас этим фонарем Бак клянусь Богом я это сделаю)

Потом мысли сфокусировались на ней с истинной и непритворной

(мы все любим тебя)

лаской — но, о, это была ласка стального зажима, и она пугала ее.

Руки нашли ее, перевернули и

(мы все любим тебя и мы поможем тебе «превратиться»)

аккуратно подняли ее.

(И я люблю вас... сейчас, пожалуйста, найдите его. Сконцентрируйтесь на этом, сконцентрируйтесь на Дэвиде Брауне. Не противьтесь, не спорьте)

(Мы все любим тебя Рут)

Она увидела, что многие из них плакали, и именно сейчас она заметила (как бы ей этого ни хотелось), что остальные сердито ворчали, поднимая и опуская губы, и поднимая их снова, как собаки вот-вот готовые броситься в бой.

5

Эд Маккин отвез ее домой, и Хейзл Маккриди уложила ее в постель. Она погрузилась в дикие, путанные сны. Единственное, что

она смогла вспомнить, был образ Дэвида Брауна, цепляющегося за остаток своей жизни в почти лишенном воздуха пространстве — он лежал на черной земле под черным небом, усыпанным ослепительными звездами, земля была жесткой, пересохшей и потрескавшейся. Она видела кровь, выливающуюся у него изо рта и из носа, лопнувшие глаза. Она проснулась, сидя в кровати и задыхаясь.

Потом она позвонила в ратушу. Хейзл взяла трубку. Практически все дееспособные мужчины и женщины города были в лесу заняты поисками, сказала Хейзл. Но, если они не найдут его до завтра... Хейзл не закончила фразу.

Рут вновь присоединилась к поискам, которые передвинулись уже на глубину десять миль в лес, в десять утра во вторник.

Ньют Берринджер, взглянув на нее, сказал:

— Тебе

(нечего делать здесь, Рут)

— и ты знаешь об этом, — закончил он вслух.

— Мне есть что делать, — ответила она с нехарактерной для нее резкостью. — И дай мне спокойно заняться этим.

Она провела здесь весь долгий, душный день, переключаясь до тех пор, пока почти совсем не охрипла. Когда сумерки вновь стали сгущаться, она позволила Бичу Джернигану отвезти ее обратно в город. В кузове грузовика Бича было что-то, накрытое брезентом. Она не представляла себе, что бы это могло быть, да ей и не хотелось думать об этом. Она отчаянно хотела остаться в лесу, но силы оставили ее, и она подумала, что, если с ней снова случится припадок, они не позволят ей вернуться. Она заставила себя поесть и поспать около шести часов.

Она сделала себе сэндвич с ветчиной и не стала пить кофе — напротив, ей хотелось молока. Она прошла в классную комнату, присела и разложила свой небольшой завтрак на своем столе. Она сидела, разглядывая своих кукол. Они в ответ разглядывали ее стеклянными глазами.

Не шутить, не хохотать, пришло ей в голову. Квакеры сели заседать. Покажешь зубы иль язык...

Мысль исчезла.

Она прикрыла глаза, она не совсем еще проснулась и медленно возвращалась к реальности, и чуть позже взглянула на часы. Ее глаза расширились от удивления. Она принесла сюда свой завтрак в половине девятого. Он был до сих пор здесь, под рукой, но сейчас было уже четверть двенадцатого.

И...

...и несколько кукол были передвинуты.

Немецкий мальчик в своих альпийских шортах — Ледорхозе-нах — сидел напротив Эффанби-леди вместо того, чтобы сидеть между японской куклой в кимоно и индийской куклой в сари. Рут поднялась, ее сердце быстро и гулко стучало. Китайская кукла Хоупи сидела на подоле холщового удуна — гаитянской куклы с белыми крестиками вместо глаз. И русский мужик-моховик лежал на полу, уставясь в потолок, голова его свернулась набок, как у повешенного.

Кто передвигал моих кукол? Кто был здесь?

Она дико озиралась по сторонам, сейчас ее напуганный, спутанный рассудок ожидал увидеть Элмера Хейни, избивавшего своих пасынков, а теперь стоящего в полутемной большой комнате навер-ху, которая была студией Ральфа, ухмыляясь своей впалой, тупой улыбкой. Я сказал тебе, женщина: не лезь не в свое дело, сука.

Ничего. Никого.

Кто был здесь? Кто передвинул...

Мы сами передвинулись, дорогая.

Хитрый, хихикающий голос.

Ее рука поднялась к губам. Ее глаза расширились. И тогда она увидела расползающиеся и шатающиеся буквы, нацарапанные на доске. Их писали с такой силой, что мел несколько раз ломался; его неаккуратные обломки валялись в канавке для мела.

ДЭВИД БРАУН НА АЛЬТАИРЕ-4

Что? Что? Что это...

Это значит, что он слишком далеко, сказала китайская кукла и внезапно показалось, что сквозь поры ее матерчато-деревянного тела стал просачиваться зеленый свет. Когда она взглянула на куклу, онемев от ужаса, ее деревянное лицо расколосось, открывая зловещую, зевающую гримасу. Низенькая скамеечка вывалилась из-под нее и ударилась об пол с сухим пустым стуком. Ушел далеко, слишком далеко, слишком далеко...

Нет! Я не верю! — вскричала Рут.

Целый город, Рут... ушел далеко... слишком далеко... слишком далеко...

Нет!

Потерялся... потерялся...

Глаза куклы Грейнер из папье-маше внезапно наполнились жидким зеленым огнем. Ты тоже потерялась, сказала она. Ты такая же сумасшедшая, как и весь город. Дэвид Браун это только оправдание, чтобы остаться здесь...

Нет...

Но все куклы теперь шевелились, этот зеленый свет передавался от одной к другой, пока вся ее классная комната не заполнилась им. Он то усиливался, то ослабевал, и она подумала с тошнотворным ужасом, что это похоже на то, если бы она находилась внутри страшного изумрудного сердца.

Они уставились на нее своими безжизненными глазами и теперь она поняла, почему куклы так смертельно напугали Эдвину Турлоу.

Сейчас это были голоса ее кукол, хитро шепчущих, болтающих друг с другом, болтающих с ней... Но это были и голоса ее города, и Рут Маккосланд знала об этом.

Она подумала, что, возможно, эти голоса — остатки рассудка города... и ее собственного рассудка.

Надо что-то сделать, Рут. Это произнесла китайская фарфоровая кукла, огонь сочился из ее рта; это был голос Бича Джернигана.

Нужно предупредить кого-то. Это была французская гуттаперчевая; голос принадлежал Хейзл Маккриди.

Но они никогда не позволят тебе уйти, Рут. Это была кукла, изображающая Никсона, его два поднятых вверх набитых пальца показывали «виктория!» он говорил голосом Джона Эндерса из средней школы.

Они любят тебя, Рут, но, если ты попытаешься уехать сейчас, они убьют тебя. И ты знаешь это, не так ли? Ее Кьюпи, кукла 1910 года, с резиновой головой в форме перевернутой капли; голос принадлежал Джастину Хеду.

Надо послать сигнал.

Сигнал, Рут, да, и ты знаешь как...

Используй нас, мы покажем тебе как, мы знаем...

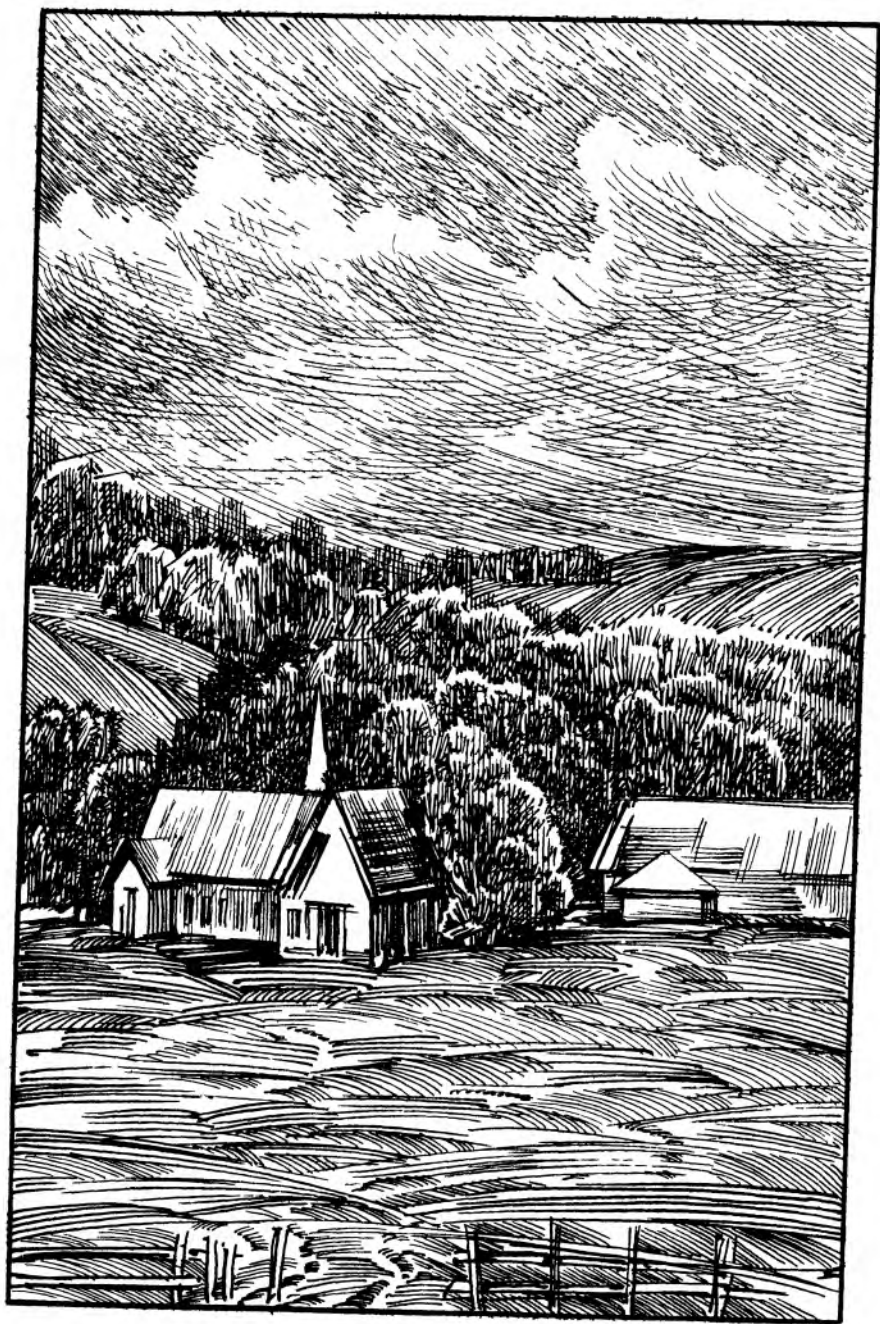
Она неуклюже шагнула назад, попробовала закрыть уши руками, как будто так она могла заткнуть эти голоса. Губы ее дрожали. Она была в ужасе, и что напугало ее больше всего, так это то, как она могла ошибиться в этих двулличных голосах, приняв их за остатки рассудка. Все сумасшествие Хэвена было сконцентрировано сейчас здесь.

Сигнал, используй нас, мы покажем тебе как, мы знаем и ты ХОЧЕШЬ знать, ратуша, Рут, башенные часы...

Шуршащие голоса стали монотонно распевать: Ратуша, Рут! Да! Да, она! Ратуша! Ратуша! Да!

— Прекратите! — вскричала она. — Прекратите, прекратите, пожалуйста, не надо...

И затем, впервые с тех пор, когда ей было одиннадцать и она потеряла сознание после выигранного соревнования по бегу среди девочек на одну милю на Летнем методическом пикнике, Рут Маккосланд грохнулась в обморок.

Позже, когда уже была ночь, она еле пришла в себя и, спотыкаясь, побрела вверх в свою спальню, не оглядываясь назад. Фактически она боялась оглянуться. Она смутно осознавала, что голова ее пульсировала, как это бывало в те моменты, когда она, выпив слишком много, просыпалась разбитой. Она также осознавала, что старинный викторианский дом раскачивается и трещит, как старая шхуна в бурную погоду. Пока Рут лежала без чувств на полу классной комнаты, ужасная гроза обрушилась на центральную и восточную части штата Мэн. Холодный среднезападный фронт наконец добрался до Новой Англии, вытесняя неподвижную массу тепла и влажности, покрывавшую землю последние полторы недели. Изменения погоды сопровождались в некоторых местах чудовищными грозами. Хэвен был избавлен от самых худших из них, но снаружи все равно бушевала стихия, и было ясно, что это продлится несколько дней.

Однако эта внешняя мощь не имела большого значения; Хэвен теперь сам обладал уникальными источниками силы. Значение имело то, что изменилась погода. Когда это произошло, не только Рут проснулась в Хэвене с жуткой, изнуряющей головной болью.

Все от мала до велика в городе проснулись с одинаковым чувством, ощущая, как сильные порывы ветра уносят зараженный, испорченный воздух на восток, прогоняя его за океан и разрывая его на безвредные лохмотья.

Рут проспала до часу дня среды. Она поднялась с остатками головной боли, но две таблетки анальгина избавили ее от них. К пяти она чувствовала себя лучше, чем когда-либо за последнее время. Тело ее болело, мускулы были одеревеневшими, но это было ничто по сравнению с теми событиями, которые потрясли ее с начала июля. Однако это не могло полностью избавить ее от ощущения хорошего самочувствия. И даже ее страх за Дэвида Брауна не мог целиком испортить его.

Но у всех, кого она встречала, был странный изумленный взгляд, как будто все они только что пробудились от кратких, волшебным образом распределенных ролей.

Рут шла в ратушу, в свой офис, наслаждаясь ветром, игравшим ее волосами у висков, любуясь облаками, несущимися по небу свежего, голубого цвета; небо выглядело почти осенним. Она уви-

дела, как двое детей запускали воздушного змея на большом поле позади средней школы, и рассмеялась в голос.

Но позже было не до смеха, когда она разговаривала с маленькой группой людей, которую она быстро собрала — три члена городского управления Хэвена, управляющий городом и, конечно, Брайен и Мэри Браун. Рут начала с извинений за то, что до сих пор не вызвала полицию и высшие власти и даже не сообщила об исчезновении мальчика. Она была уверена, говорила она, что они отыщут Дэвида быстро, возможно, в первую же ночь, и, уж точно на следующий день. Она знает, что это не оправдание, но это та причина, которая заставила ее так поступить. И это, говорила она, ее самая непростительная ошибка за все те годы, что она была констеблем Хэвена, и, если Дэвид Браун пострадал в результате этого... она никогда себе этого не простит.

Брайен лишь кивнул с подавленным, отсутствующим и больным видом. Однако Мэри перегнулась через стол и взяла ее за руку.

— Тебе не стоит обвинять себя, — мягко сказала она. — Существовали и другие обстоятельства. Мы все это знаем.

Остальные кивнули.

Я больше не слышу их мыслей, вдруг поняла Рут, и ее мозг откликнулся: А ты слышала, Рут? Правда? Или это была галлюцинация, вызванная твоим беспокойством за Дэвида Брауна?

Да. Да. Я слышала.

Было бы проще поверить, что это было галлюцинацией, но это было неправдой. И, осознав это, она поняла еще одно: она по-прежнему может сделать это. Это было похоже на слабый шум в ракушке, если приложить ее к уху, этот звук дети считают гулом океана. Она не представляла себе, где могли бы быть их мысли, но она по-прежнему слышала их. А они слышали ее?

ВЫ ЕЩЕ ЗДЕСЬ? — мысленно крикнула она так громко, как только могла.

Рука Мэри Браун дернулась по направлению к виску, как будто что-то больно кольнуло ее. Ньют Берринджер нахмурился. Хейзл Маккриди, чертившая в блокноте какие-то каракули, сидевшая напротив, взглянула так, как будто Рут крикнула вслух.

О да, они еще слышат меня.

— Что сделано — то сделано, — сказала Рут. — И сейчас настал срок — крайний срок — поставить полицию в известность относительно Дэвида. Разрешаете ли вы мне так поступить?

При нормальных обстоятельствах ей в голову никогда бы не пришло задать такой вопрос. К тому же они платили ей жалкие гроши зарплаты за то, чтобы она отвечала на вопросы, а не задавала их.

Но теперь в Хэвене было все по-другому. Вне зависимости от свежего ветра и чистого воздуха, все теперь в Хэвене было другим.

Они взглянули на нее удивленно и слегка шокировано.

И теперь, голоса ясно вернулись к ней: Нет, Рут, нет... не надо чужаков... мы справимся... нам не нужны чужаки пока мы не станем... тсс-с-с... ради твоей жизни, Рут... тсс-с-с...

Снаружи один из порывов ветра сильно ударил в окна офиса Рут, задребезжали стекла. Эдли Маккин обернулся на звук... Обернулись остальные. Затем Эдли улыбнулся странной и загадочной улыбкой.

— Конечно, Рут, — сказал он. — Если ты полагаешь, что настало время уведомить власти, действуй. Мы доверяемся всецело твоему мнению, не так ли?

Все согласились.

Погода переменилась, дул сильный ветер. С середины дня среды полиция штата стала ответственна за поиски Дэвида Брауна.

8

В пятницу Рут осознала, что среда и четверг были лишь обманчивой передышкой в происходящем процессе. Она также неотвратимо приближалась к чужеродному безумию.

Слабая часть ее мозга осознала этот факт, оплакивала его... но ничего не могла поделать. Оставалось только надеяться, что голоса ее кукол содержали хоть немного истины, наряду с безумием.

Наблюдая как будто со стороны, она увидела, как ее руки взяли острейший кухонный нож — она разделявала им рыбу — с разделочной доски. Она взяла его с собой наверх в классную комнату.

Классная комната была наполнена раскаленным зеленым светом. Светом Томминокеров. Все в городе теперь называли их именно так, и это было неплохое имя, не правда ли? Да. Не хуже чем все остальные. Томминокеры.

Послать сигнал. Все, что тебе нужно сейчас сделать. Они хотят избавиться от тебя, Рут. Они любят тебя, но их любовь стала смертоносной. Я полагаю, ты обнаружишь здесь искаженное чувство уважения. Потому что они еще и боятся тебя. Даже теперь, когда ты такая же одуревшая, как и остальные, они боятся тебя. Может быть, кто-то услышит сигнал... услышит... увидит... поймет.

Теперь на ее доске были кое-как нарисованы часы башни ратуши... небрежная работа первоклассника.

Рут не смогла бы работать с куклами в классной комнате... при этом ужасном зеленом свете, набухающем и пульсирующем. Она отнесла их, одну за одной, в студию мужа и разрежала их животы, как хирург — французской мадам, клоуну 19-го века, Кьюпи, всем им — одной за другой. Каждой кукле она вкладывала внутрь небольшое приспособление, сделанное из ячеек, проводов, контактов и кнопок электронного калькулятора, и картонную трубку из рулона туалетной бумаги. Она быстро зашивала разрезы грубой черной ниткой. Как только ряд голых кукол, лежащих на столе мужа, стал расти, они стали напоминать мертвых детей, возможно, ставших жертвами какого-то мерзкого преступления, раздетых и ограбленных после смерти.

Каждый разрез в середине оставался незащитным, так что катушка от туалетной бумаги торчала снаружи, как цилиндр странного телескопа. Картон-рулоны будут обеспечивать канал, по которому пойдет поток силы, как только она будет сгенерирована. Она не понимала, как она додумалась сделать эти приспособления... казалось, что это знание возникло из воздуха. Того же воздуха, в котором Дэвид Браун

(на Альтауре-4)

исчез.

Когда она протыкала ножом их плоские, беззащитные животы, зеленый свет гас.

Я

(посылаю сигнал)

убиваю единственных детей, которые у меня были.

Сигнал. Думай о сигнале, а не о детях.

Используя длинные провода, она аккуратно соединила кукол между собой в цепь. Очистив концы проводов от изоляции, она затолкала поблескивающую медь в воспламенитель от М-16, который она отобрала у четырнадцатилетнего Горбуна, сына Бича Джернигана (прозванного так, потому что одно плечо у него слегка поднималось над другим) примерно за неделю до того, как началось это безумие. Она с некоторым колебанием оглянулась на свою классную комнату с пустыми скамьями. Сквозь сводчатый проход проникало достаточно света, чтобы она смогла разглядеть рисунок часов башни ратуши. Она сделала его в один из этих темных

провалов во времени, которые, по-видимому, становились все дольше и дольше.

Стрелки нарисованных часов показывали три.

Рут отложила свою работу и отправилась спать. Она спала, но сон ее был нелегок; она вздрагивала, переворачивалась, стонала. Даже во сне голоса вертелись в ее голове — мысли о готовящейся мести, о пироге, который надо испечь, сексуальные фантазии, беспокойство о ненормальном образе жизни, идеи странных приспособлений и машин, мечты о силе. И под всем этим, в самом низу, тоненькие, бестолковые, занудные, как грязный поток, мысли, приходящие из голов ее приятелей, горожан, но не человеческие мысли, и в ее кошмарном сне часть Рут Маккосланд, которая упорно старалась ухватиться за здравомыслие, знала правду — это были нарастающие голоса не тех людей, с которыми она прожила все эти несколько лет, а голоса чужаков. Это были голоса Томминокеров.

10

В четверг днем Рут поняла, что изменение погоды ничего не решит.

Приехала полиция штата, однако, более обширных поисков не предприняла — рапорт Рут, подробный и полный, как всегда, ясно давал понять, что Дэвид Браун, четырех лет, совершенно точно заблудился не в районе их поисков, если только он не был похищен — вариант, который стоило сейчас принять к рассмотрению. К рапорту были приложены топографические карты. На них ее аккуратным разборчивым почерком были сделаны пометки, которые давали понять, что она тщательно руководила поисками.

— Ты сделала все аккуратно и тщательно, Рути, — сказал ей вечером Монстр Дуган. Он хмурился так сильно, что каждая складка выглядела как трещина, оставшаяся от землетрясения. — Как всегда. Но я никогда не предполагал, что ты способна вытворять трюки в духе Джона Уэйна, такие как этот.

— Буч, прости.

— Да ладно... — Он пожал плечами. — Что сделано, то сделано, ха?

— Да, — болезненно улынулась она. Это было одно из любимых выражений Ральфа.

Буч задал много вопросов, кроме того единственного, на который ей нужно было ответить: Рут, что стало с Хэвсом? Мощные встряски очистили атмосферу города, и никто из чужих не чувствовал, что в Хэвене было что-то не так.

Но ветры не положили конец неприятностям. И отвратительное колдовство продолжалось. Что бы это ни было, казалось, что оно продолжится в любой момент. Рут полагала, что этот момент наступил. Ей стало интересно, что смогла бы обнаружить команда докторов при физическом осмотре населения Хэвена. Недостаток железа у женщин? Внезапную потерю волос у мужчин? Повышенную остроту зрения (особенно периферийного) в сочетании с удивительно большим количеством отсутствующих зубов? Людей, выглядевших прекрасно, но на самом деле являющихся призраками, которые при общении с вами, кажется, могли почти — ха-ха — читать ваши мысли?

Сама Рут потеряла еще два зуба ночью в среду. Один она обнаружила на подушке в четверг утром, нелепое для ее возраста подношение сказочной фее. Другой она так и не нашла. Она предположила, что проглотила его. Это было неважно.

11

Побуждение взорвать ратушу стало сводящим с ума ядовитым плюсом, неустанно зудящем в ее рассудке. Кукольные голоса шептали и шептали. В пятницу она предприняла последнюю попытку спастись.

Она решила в конце концов уехать из города — он больше не был ее городом. Она полагала, что, оставшись, она непременно попадет в одну из ловушек, расставленных для нее Томминокерами... как она угодила в ловушку с Дэвидом Брауном, почти как кролик в силки.

Ей казалось, что ее старенький «Додж» не заведется. Они должны были заглушить его. Однако он завелся.

Потом она стала думать, что ей не позволят выехать из Хэвена, что они остановят ее, улыбаясь как блаженные и внушая ей свое бесконечное зудение: мы-все-любим тебя-Рут. Но ее не остановили.

Она проехала по Мэн-стрит и выехала из города. Рут сидела прямо как стрела, костяшки ее пальцев побелели, на лице была печальная улыбка, скороговорки

(он украл дрова она украла траву)

кружились в ее голове. Она заметила, что ее пристальный взгляд прикован к часам на башне ратуши,

(сигнал Рут послать)

(да, взрыв, замечательно)

(бах, взорвать ее, взорвать ее и все дела, на Альтаир-4)

и что она противится изо всех сил. Желание взорвать башню, чтобы привлечь внимание ко всему, происходящему здесь, было безумным. Это было, как поджечь свой дом, чтобы зажарить цыпленка.

Когда кирпичная башня скрылась из вида, она почувствовала облегчение.

На Дерри Роуд она поборолла в себе желание заставить «Дарт» двигаться как можно быстрее (несмотря на свой возраст, он ездил еще на удивление быстро). Она ощущала себя беглецом из клетки со львами — беглецом, которому удалось спастись благодаря счастливому случаю, нежели хитрости. Когда город остался позади и зудящие голоса исчезли, у нее появилось чувство, что кто-то должен обязательно броситься в погоню за ней.

Она снова и снова кидала быстрые взгляды в зеркало заднего вида, ожидая увидеть автомобили, догоняющие ее и собирающиеся вернуть ее обратно. Они должны были потребовать, чтобы она вернулась.

Они слишком любили ее, чтобы позволить ей уехать.

Но дорога оставалась пустой. Не было ни Дика Эллисона, кричащего ей из одной из трех городских пожарных машин, ни Ньюта Берринджера в своем огромном салатном «Олдсмобиле-88». Ни Бобби Тримейна в его желтом «Челленджере».

Когда она достигла границы между Хэвенем и Альвионом, она увеличила скорость «Дарта». Чем ближе становилась граница, — о которой она начала думать, верно или нет, как о некоторой точке, в которой ее бегство станет необратимым, — тем больше последние две недели казались ей просто страшным, беспорядочным сном.

Не могу вернуться. Не могу.

Ее нога нажимала на педаль акселератора все сильнее и сильнее.

Наконец проявилось что-то, о чем твердили голоса, и что хранилось в ее подсознании. Она, в конце-то концов, продолжала получать всю информацию во сне так же, как и наяву. Когда знак, обозначающий границу города

А
Л
Ь
В
И
О
Н

приблизился, ее нога оставила педаль газа «Дарта» и нажала на тормоз. Рут позволила машине остановиться и обернулась. Позади

нее столбом стояла пыль, белая, как сухое молоко, и такая же сухая. Ветра не было. Здесь все еще был мертвый воздух Хэвена. Эта пыль, подумала она, еще долго будет висеть здесь.

Она сидела, вцепившись руками в руль, удивляясь, почему она остановилась.

Удивляясь. Почти зная. Начиная
(превращаться)

понимать. Или догадываться.

Барьер? Ты думаешь? Что они поставили барьер? Что им удалось собрать весь Хэвен в какой-то... муравейник или накрыть его колпаком? Рут, это смешно!

Но это было так, и не только в соответствии с логикой и накопленным опытом, а и в соответствии с тем, что это доказывали ее ощущения. Пока она сидела за рулем, слушая радио (мягкий джаз, который передавала небольшая станция колледжа в Берген-филде, Нью Джерси), грузовик Хиллкреста с цыплятами, возможно, направляющийся к Дерри, прогрохотал мимо нее. Двумя секундами позже фургон промчался в другом направлении. За рулем сидела Нэнси Восс. Наклейка на заднем бампере гласила: ПОЧТОВЫЕ РАБОТНИКИ ОТПРАВЯТ ЭТО ЭКСПРЕССОМ.

Нэнси Восс не посмотрела на Рут, просто проехав по своим делам — в этом случае, видимо, в Огасту.

Видишь? Ничего не останавливает их, подумала Рут.

Нет, снова зашептал ее рассудок. Не их, Рут, а тебя. Это остановит тебя, и остановит приятеля Бобби Андерсон, может быть, еще одного — двоих. Давай! Рули прямо туда на скорости пятьдесят миль в час, если ты не веришь! Мы все любим тебя, и мы очень не хотим видеть, что с тобой произойдет... но мы не будем — не можем — это предотвращать.

Вместо того чтобы поехать, она вышла из машины и подошла к границе, между Хэвеном и Альвионом. Ее тень тянулась далеко сзади нее, жаркое июльское солнце пекло голову. Вдалеке слышался слабый, но постоянный шум механизмов, работавших в лесу за домом Бобби. Снова копают. Поиск Дэвида Брауна закончился. Она почувствовала, что они приближаются к... к чему-то. И это вызывало панику и спешку.

Она подошла к разделительному знаку... прошла мимо... продолжала идти... и почувствовала дикую, нарастающую надежду. Она уже не в Хэвене! Она в Альвионе! Сейчас она закричит, побежит к ближайшему дому, ближайшему телефону. Она...

...замедлила шаг.

Удивленное выражение появилось на ее лице... и потом переросло в выражение ясной и страшной уверенности.

Идти становилось труднее. Воздух становился плотным и пружинистым. Она чувствовала его нажим на щеках, на коже лба; она чувствовала, как он давит ей на грудь.

Рут опустила голову и продолжала идти, губы ее скривились в гримасу боли, на шее выступили вены. Она выглядела как женщина, пытающаяся идти против ураганного ветра, хотя листья деревьев, стоящих на одной стороне дороги, висели без движения. Картина, которая пришла ей сейчас в голову, и та, которая пришла в голову Гарденеру, когда он пытался добраться до дна нагревателя воды у Андерсон, были абсолютно одинаковыми — они отличались только степенью. Рут показалось, что дорога целиком была заблокирована невидимым нейлоновым чулком, достаточно большим, чтобы вместить в себя титана в образе женщины. Я слышала о чулках-невидимках, подумала она истерично, но, действительно, это же смешно.

Ее грудь стала болеть от давления. Внезапно ноги ее стали скользить в пыли. Ее охватила паника. Она перешла ту грань, где ее способность двигаться вперед могла противостоять эластичному сопротивлению невидимого барьера. Теперь ее уже толкало назад.

Она попыталась повернуться и отойти сама, прежде чем это произойдет, но потеряла равновесие и была грубо отброшена обратно, откуда она пришла, ее ноги заскользили, глаза расширились от ужаса. Как будто она натолкнулась на огромный резиновый шар.

В этот момент ее ноги полностью отделились от земли. Она упала на колени, сильно ударившись и разорвав платье. Она поднялась и вернулась к машине, тихо плача от боли.

Она просидела за рулем около двадцати минут, ожидая, пока утихнет боль в коленях. Время от времени по Дерри Роуд проезжали в обоих направлениях автомобили и грузовики, и один раз, пока она сидела, Эшли Руол проехал мимо не велосипеде. Он вез удочку. Он заметил ее и помахал ей рукой.

— Пшивет, мишиш Маккошланд! — прошамкал он и улыбнулся. Его шепелявость не удивила ее ничуть, подумала она тоскливо, понимая, что все зубы этого парня выпали. Не некоторые. Все.

И она почувствовала, как холод пронзил ее, когда Эшли прокричал: «Мы все любим Ваш, Мишиш Маккошланд...»

Прошло много времени, прежде чем она завела свой «Дарт», развернулась и поехала обратно в жаркой тишине в Хэвен. Когда она проезжала по Мэн-стрит к своему дому, ей показалось, что огромное количество людей наблюдает за ней, и их глаза были наполнены знанием, скорее хитрым, нежели мудрым.

Она взглянула в зеркало заднего вида и увидела башню с часами на другом конце короткой Мэн-стрит.

Стрелки приближались к трем часам пополудни.

Она заехала на стоянку напротив Фэннинов, осторожно переехала через бордюр и заглушила двигатель. Она даже не потрудилась вытащить ключ. Она просто сидела за рулем, идиотский красный огонек горел на приборной доске, и просто смотрела в зеркало, в то время как ее мысли витали где-то далеко. Когда она пришла в себя, часы на ратуше прозвонили шесть. Она потеряла три часа... и еще один зуб. Часы нельзя уже было найти нигде, а зуб, передний резец, лежал на подоле ее платья.

12

Всю ночь с ней беседовали куклы, и ей казалось, что не все, что они говорили ей, было полностью ложью... это было ужаснее всего. Она сидела в зеленом, лихорадочном свете их излучения и слушала их безумные сказки.

Они сказали ей, что она была права, думая, что сходит с ума; рентгеновский снимок ее мозга, как и любого другого в Хэвене, заставил бы невролога вопить о помощи. Ее мозг изменялся. Он... «превращался»

Ее мозг, ее зубы — ах, простите, скажем так, бывшие зубы — «превращались». И ее глаза... они изменяли свой цвет, правда? Да. Их яркий карий цвет бледнел до светло-коричневого... и тогда, в «Хэвен Ланч», разве она не заметила, что пронзительно голубые глаза Бича Джернигана тоже меняют свой цвет? Становятся бледнее?

Светлые глаза... нет зубов... Господи, что же с нами происходит?

Куклы посмотрели на нее стеклянным взглядом и улыбнулись.

Не волнуйся, Рут, это всего-навсего вторжение из космоса, о котором уже столько лет снимаются дешевые фильмы. Ты это понимаешь, ведь так? Вторжение Томминокеров. Если ты хочешь увидеть пришельцев из космоса, о которых рассказывают научно-фантастические фильмы, посмотри в глаза Бича Джернигана. Или Венди. Или в свои.

— Вы говорите о том, что меня съедают, — прошептала она в летней темноте, когда ночь пятницы перешла в субботнее утро.

Ну да, Рут! А как ты думаешь, чем было превращение? Куклы захохотали, и сознание Рут вновь медленно покинуло ее.

Когда она проснулась субботним утром, солнце уже встало, небрежный детский рисунок, изображающий башенные часы ратуши, был на доске классной комнаты, и на рабочем столе Ральфа лежали добрые две дюжины калькуляторов. Они были в холщовой сумке, с которой она собирала пожертвования для Общества борьбы с раком. На некоторых калькуляторах были наклейки. БЕРРИНДЖЕР. МАККРИДИ. НЕ ВЫНОСИТЬ ИЗ ОФИСА УПРАВЛЕНИЯ. НАЛОГОВЫЙ ОТДЕЛ. Значит, она совсем не спала. Вместо этого она опять впала в один из этих сомнамбулических периодов, и, похоже на то, украла из всех служебных помещений города калькуляторы.

Зачем?

Тебе не надо знать зачем, Рут, — прошептали куклы, и она понимала все лучше и лучше с каждым днем, лучше и лучше с каждой минутой, что именно так страшно напугало маленькую Эдви́ну Турлоу. Твое дело только послать сигнал... и умереть.

Насколько эта мысль принадлежит мне? И насколько она принадлежит им, управляющим мной?

Неважно, Рут. Это должно в любом случае произойти, так сделай же так, чтобы это произошло скорее. Перестань размышлять. Позволь этому произойти... потому, что часть тебя хочет, чтобы это произошло, не правда ли?

Да. Большая часть ее.

Она хотела быть частью того, что должно было произойти.

Картонные трубки должны были направить силу в башенные часы мощным потоком разрушительной силы, и башня взлетит, как ракета; ударная волна пройдет по улицам этого мерзкого Хэвена, разрушая его, а разрушения она и хотела; это желание было частью ее превращения.

Вечером Буч Дуган позвонил ей, чтобы сообщить последние новости в деле Дэвида Брауна. Выяснилось много необычного. Брат мальчика, Хиллман, находился в госпитале в состоянии, близком к каталепсии. Дед мальчика был ненамного лучше. Он начал твердить всем, что Дэвид Браун не просто потерялся, а натуральным образом исчез. Иными словами, волшебство стало реальностью. И, сказал Буч, он всем рассказывал, кто слушал, что половина народа в Хэвене сходит с ума, а другая половина уже сошла.

— Он отправился в Бангор и рассказал обо всем одному парню по имени Брайт из «Ньюз», — рассказывал Монстр. — Им нужно было человеческое и интересное, а взамен они получили сумасшедший бред. Старик становится просто квазаром, Рут.

— Лучше посоветуй ему не вмешиваться, — сказала Рут. — Они впустят его, но никогда не выпустят.

— Что? — вскричал Монстр. Его голос вдруг стал исчезать. — Черт подери эту связь, Рут.

— Я говорю, что завтра могут быть новости. Я еще надеюсь. — Она сжала виски и посмотрела на кукол, лежащих в ряду на столе Ральфа и соединенных проводами, как бомба террористов. — Завтра ожидай сигнала.

— Что? — голос Монстра почти пропал в нарастающем шуме ухудшающейся связи.

— Пока, Буч. Старый ты чертяка. Слушай завтра. Я думаю, ты услышишь это и в Дерри. Ровно в три.

— Рут, я не слышу... перезвоню... скоро...

Она повесила бесполезный телефон, взглянула на своих кукол, прислушалась к нарастающим голосам и стала ждать, когда придет время.

15

Воскресенье было как картинка из книжки — летний день в штате Мэн: ясное, светлое, теплое. Без четверти час Рут Маккосланд, одетая в симпатичное синее летнее платье, в последний раз вышла из дома. Она заперла входную дверь и приподнялась на цыпочки, чтобы повесить ключ на маленький крючок. Ральф всегда говорил, что любой мало-мальски грамотный взломщик первым делом заглянет за дверь в поисках ключа, но Рут продолжала вешать туда ключ, и дом так никто не ограбил. Она предполагала, по сути, что это был вопрос доверия... и Хэвен никогда не обманывал ее. Она положила кукол в старый рюкзак Ральфа. Его она стащила по ступенькам вниз.

Мимо проходил, насвистывая, Бобби Тримейн.

— Вам помочь с этим, миссис Маккосланд?

— Нет, спасибо, Бобби.

— Хорошо, — улыбнулся он ей. Его улыбка была слегка беззубой — не полностью, а слегка, как изгородь вокруг часто посещаемого дома, без нескольких кольев. — Мы все любим вас.

— Да, — сказала она, втаскивая рюкзак на переднее сиденье. Боль иглой пронзила ее голову. — О, как я хорошо знаю это...

(что ты думаешь Рут куда ты идешь)
(на дворе трава на траве дрова)
(скажи нам Рут скажи нам что куклы тебе велели сделать)
(Карл у Клары украл кораллы)
(давай Рут скажи нам то ли это чего мы хотим или ты оттягиваешь это)
(не хочешь ли ты познакомиться с Карлом и Кларой, Кларой и Карлом)

(это то, чего мы хотим, правда? Никаких изменений, правда?)
Она взглянула на Бобби и улыбнулась. Улыбка Бобби Тримейна слегка заколебалась.

(любите меня? да... но вы все еще боитесь меня, и вы правы)
— Иди, Бобби, — мягко сказала она, и Бобби ушел. Он оглянулся через плечо один раз, его юное лицо выражало недоверие и беспокойство.

Рут поехала к ратуше.

Церковь была по-воскресному тихой и пыльной. Ее шаги отдавались гулким эхом. Рюкзак был слишком тяжел, чтобы его нести, и она волочила его по натертому полу за собой. Он издавал звук, похожий на шуршание змеи. Она перетащила его через три ряда ступеней, крепко ухватившись за шнур, стягивающий его отверстие. Голова ее снова стала болеть пульсирующей болью. Она прикусила губу, и два зуба с легкостью гнилушек скривились на сторону, она выплюнула их. В горле пересохло. Пыльный солнечный свет падал из высоких окон третьего этажа.

Она втащила свою ношу в короткий раскаленный от жары коридор. Здесь было всего лишь две комнаты — по одной на каждой стороне. В них хранились все городские записи. Если ратуша была мозгом Хэвена, то здесь, в неподвижной чердачной духоте, была его бумажная память, концентрирующая даже те времена, когда Хэвен собственно был Илионом, Монтгомери, Кудерзвиллом, Монтвиллом.

Голоса продолжали шептать и гудеть вокруг нее.

Сейчас она стояла перед последним окном, глядя вниз, на короткую Мэн-стрит. Около пятнадцати машин стояло перед магазином Кудера, который по воскресеньям был открыт с полудня до шести вечера — там царило оживление. Люди заходили в «Хэвен Ланч» на чашку кофе. Взад вперед проезжали автомобили.

Это выглядит так обычно... так чертовски обычно!

Она ощутила легкое сомнение... но тут Музи Ричардсон взглянула вверх и помахала рукой, как будто бы она могла видеть ее, смотрящую в грязное окно третьего этажа.

И Музи была не одна, многие из них смотрели на нее.

Она попятилась назад, повернулась и взяла шест для окон, стоящий в дальнем углу, где заканчивался коридор. Она зацепила крюком шеста кольцо, торчащее в середине потолка, и стащила вниз складную лестницу. Сделано. Она отложила шест в сторону и задрала голову, всматриваясь в глубину башни. Она слышала механическое жужжание и поскрипывание часового механизма на фоне легкого посапывания спящих летучих мышей. Их было много наверху. Городу следовало бы вычистить их оттуда уже давно, но окулирование было слишком вонючим... и дорогим. Когда механизм часов снова остановится, следовало бы очистить башню от мышей, прежде чем запустить его вновь. Определенно, это должно произойти скоро. Что же касается членов городского управления, то они, как и любой другой служащий, полагали, что, если часы звонят двенадцать раз в полночь и три раза днем, а все остальное время идут, то причин для беспокойства нет.

Рут обмотала шнур рюкзака трижды вокруг руки и стала медленно подниматься по вертикальной лестнице, таща рюкзак за собой между ног. Он подпрыгивал и опускался рывками, как будто в нем было что-то живое. Шнур врезался ей в запястье намного сильнее, чем она предполагала, и вскоре ее рука онемела, приобретя багровый оттенок. Она задыхалась, с трудом хватая воздух, и это причиняло ей боль где-то внутри.

Наконец, тень полностью поглотила ее. Она шагнула с лестницы на пол чердака ратуши и обеими руками втащила рюкзак. Рут слабо осознавала, что ее десны и уши начали слегка кровоточить, и ощущала во рту кислый, медноватый привкус крови.

Вокруг нее стоял отвратительный запах склепа, запах испарений старого кирпича в сухой, темной, неподвижной летней жаре. Слева от нее слабо угадывался огромный круг — обратная сторона циферблата часов, смотрящих на Мэн-стрит. В более процветающем городе не было бы сомнений, что все четыре стороны должны иметь циферблат, но башня ратуши Хэвена имела только один. Его диаметр насчитывал двенадцать футов. За ним, еще более смутно различимые, были колеса и шестерни, которые медленно вращались. Она разглядела откуда появится молот и ударит в колокол. Выбоина на нем была глубокой и старой. Часы работали очень громко.

Двигаясь поспешно и порывисто — она была теперь сама как часы, которые были заведены, и, уж конечно, ее-то башня была полна летучих мышей, разве нет? — Рут размотала шнур со своей руки, почти вытягивая его из глубокой, спиралевидной вмятины на запястье, и открыла рюкзак. Она принялась доставать кукол одну за другой, двигаясь с максимальной быстротой. Она уложила их в

круг, ногами наружу, так чтобы их ступни соприкасались друг с другом. То же она проделала и с руками. В темноте они выглядели так, как будто устраивали спиритический сеанс.

Она прикрепила М-16 внутри вмятины на большом колоколе. Когда пробьет час и молот ударит...

...Бум.

А теперь я буду сидеть здесь, — подумала она. — Сидеть здесь и ждать, пока ударит молот.

Монотонная усталость вдруг накатилась на нее. Рут потеряла сознание.

16

Она приходила в себя медленно. Вначале ей показалось, что она лежит в своей постели дома, уткнувшись лицом в подушку. Она была в постели, и все это было всего-навсего кошмарным сном. Однако ее подушка не была такой колючей и жаркой, а одеяло не имело привычки шевелиться и дышать.

Она протянула руки и почувствовала горячее тельце, покрытое кожей, с костями и плотью. Летучая мышь расположилась чуть выше ее правой груди, у нее под мышкой... она вдруг поняла, что позвала ее... что каким-то образом она позвала их всех. Она чувствовала шершавый мозг грызуна, его темные, инстинктивные и неразумные мысли. Они были только о крови, насекомых и блуждали в слепой темноте.

— О, Боже, нет! — она закричала... морщинистые, чужеродные движения мыслей существа сводили с ума.

Она непроизвольно сжала руки, и бумажные кости в крыльях существа хрустнули в ее пальцах. Мышь запищала, и она ощутила острую боль, иглой вонзившуюся в ее щеку, когда та укусила ее.

Теперь они уже все визжали, все, она поняла, что их на ней дюжины, может быть сотни. На другом ее плече, на ногах, в волосах Она увидела, что подол ее платья извивался и дрожал.

— О, нет! — снова пронзительно завопила она в пыльную полутьму часовой башни. Все мышцы летали вокруг нее. Они визжали. Тихий звук, издаваемый их крыльями, нарастал, превращаясь в гром, как нарастающий шепот голосов Хэвена. — О, нет! О, нет! О, нет!

Мышь, запутавшаяся в ее волосах, визжала.

Другая налетела на ее лицо, обдавая дыханием, зловонным, как курятник.

Мир кружился и вращался вокруг нее. Каким-то образом ей удалось подняться на ноги. Она попыталась прикрыть руками

голову, мышцы вились повсюду вокруг нее черным облаком, и теперь уже не было разницы между мягким, порхающим грохотом их крыльев и голосами

(мы все любим тебя, Рут!)

голосами

(мы ненавидим тебя, Рут, не вмешивайся, не смей вмешиваться)

голосами Хэвена.

Она забыла о том, где она. Она забыла о люке, открывшем свою пасть прямо у ее ног, и, когда она качнулась по направлению к нему, она услышала, как бьют часы — но звук был приглушенный, неестественный, потому что молот ударил по ее детонатору и...

...и ничего не произошло.

Она обернулась, мышцы кружились вокруг нее, сейчас ее недоумевающие глаза заливала кровь, но сквозь красную пелену она увидела, как молот ударил снова, и еще один раз, и мир все еще оставался целым.

Неисправный, — подумала Рут Маккосланд. — Он был неисправный.

И рухнула в люк.

Мыши слетели с ее тела, платье сорвалось с нее, с ноги слетела туфля. Она ударилась о лестницу, наполовину повернулась и упала на левый бок, сломав при ударе ребра. Она попыталась перевернуться, и каким-то образом ей это удалось. Большинство мышей нашли дорогу обратно через люк в гостеприимную темноту часовой башни, но штук пять или около того еще кружились, удивленные, под потолком коридора третьего этажа. Звук их голосов, таких чужих и насекомолюбивых, таких жужжащих и подогретых отсутствием рассудка. Эти голоса она слышала в своей голове, начиная примерно с 4 июля. Город не просто сходил с ума. Это было бы плохо, но то, что происходило, было хуже... о Боже, намного, намного хуже.

И все было напрасно. Воспламенитель от М-16 Горбуна Джернигана оказался в конце концов просто неисправным. Она потеряла сознание и вновь очнулась через несколько минут, когда мышь, примостившись на переносице, слизывала кровавые слезы с ее щек.

— Нет, ты, ЕБ ТВОЮ МАТЬ! — вскричала она и разорвала ее пополам, у нее началась агония. Мышь издала звук толстой, разрывающейся бумаги. Ее мышинные кишки потекли на ее испачканное в паутине, повернутое вверх лицо. Она даже не смогла разжать губ, чтобы взмолиться — Господи, позволь мне умереть, пожалуйста, не позволяй мне быть такими, как они, не дай мне «превратиться» — иначе внутренности умирающего существа попали бы ей

в рот. И тогда М-16 Горбуна сработал от удара с абсолютно недраматичным хлопающим звуком. Зеленый свет сначала показался в проеме люка, затем заполнил весь мир. В какой-то момент Рут смогла четко увидеть кости мышей, просвечивающие, как на рентгеновском снимке.

Потом зеленый свет сменился чернотой.

Было 3.05 пополудни.

17

Люди лежали по всему Хэвену. Кто-то спустился в подвал со смутным чувством, что сейчас самое время достать припасы, кто-то — просто с мыслью, что там прохладнее. Бич Джерниган лежал за кассой в «Хэвен Ланч», заложив руки за голову. Он думал о вещи в кузове своего грузовика, о вещи, накрытой брезентом.

В 3.05 основание башни ратуши взорвалось, усеяв всю округу кирпичной пылью. Мощный взрывной порыв воздуха пронесся по всей окрестности — он выбил почти все окна в Хэвене и добрую их половину в Трое и Альбионе. Зеленый свет хлынул в образовавшиеся проломы в кирпиче, и башня ратуши начала подниматься — сюрреалистическая ракета с часами. Она поднималась на столбе зеленого холодного огня — действительно холодного. Куклы еще потребуются, также как и рука Рут Маккосланд... да и весь город, ежели на то пошло.

Башня поднималась на этом зеленом факеле, ее стены стали приобретать выпуклую форму — сейчас еще сохранялась иллюзия: кирпичная ракета, улетающая в дневное небо... и в грохоте взрыва можно было расслышать часы, отбивающие удар за ударом. С двенадцатым ударом — полночь? полдень? — она взорвалась, как злосчастный «Челленджер». Кирпичи летали повсюду — позже Бентон Роудс увидит некоторые повреждения, но самые серьезные из них были быстро устранены.

Летающие кирпичи пробивали стены домов, окна подвалов, изгороди. Кирпичи сыпались с неба, как бомбы. Минутная стрелка часов — кружева, сработанные из железа, — прогудела в воздухе, как смертоносный бумеранг, и похоронила себя в одном из древних дубов, стоявших напротив городской библиотеки.

Кирпичная кладка и расщепленные панели грохнулись обратно на землю.

Затем — тишина.

После небольшого промежутка времени люди по всему Хэвену стали осторожно подниматься на ноги, оглядываться вокруг, подме-

тать осколки стекла или оценивать размеры ущерба. Разрушение пронеслось по всему городу, однако никто не пострадал. И во всем городе был только один человек, который действительно видел эту кирпичную ракету, взлетающую в воздух, как грандиозный бред сумасшедшего.

Этим человеком был Джим Гарденер. Бобби отправилась вздремнуть — Гарденер уговорил ее сделать это. Никто из них не собирался работать в полуденную жару — особенно Бобби. Она немного оправилась от того жуткого состояния, в котором ее обнаружил Гарденер, но передвигалась еще с трудом, к тому же у нее резко начались месячные.

Интересно, — размышлял он мрачно, — когда ей потребуется переливание крови вместо просто пары железосодержащих таблеток в день? Но это было маловероятно, и он это знал. У его бывшей жены были ужасающе болезненные менструальные проблемы, возможно, потому, что ее мать принимала диэтилstilбестрол. Таким образом, он получил бесплатный курс по функциям человеческого тела, функциям, которые его тело никогда не смогло бы выполнить, и он знал, что предположения непрофессионалов о менструации — ежемесячный поток крови из влагалища — просто не соответствуют действительности. Большинство материалов, из которых состояли менструации, были далеко не кровью, а бесполезными тканями. Таким образом, менструация являлась эффективным очистительно-восстановительным процессом, благодаря которому женщина имела возможность вынашивать ребенка.

Нет, он сомневался, что Бобби истечет кровью до смерти... за исключением разрыва матки, что было очень маловероятно.

Говно собачье. Ты не можешь знать, что в этой ситуации вероятно, а что нет.

О'кей. Довольно справедливо. К тому же он знал, ежели на то пошло, что женщины не созданы для того, чтобы менструировать день за днем и неделю за неделей. По сути, и кровь, и ткани были одной и той же вещью — материалом, из которого была сделана Бобби Андерсон. Это выглядело как каннибализм, но...

Нет. Это не было каннибализмом. Это было, как будто кто-то включил ее термостат до конца шкалы, и она сжигала себя. Она почти опрокидывалась пару раз во время периодов жары на прошлой неделе, и Гарденер знал об этом, и, хотя это звучит абсурдно, поиски маленького Брауна на самом деле явились некоторым отдыхом для Бобби.

Гарденер слабо верил в то, что ему удастся заставить ее поспать. Но где-то без четверти три Бобби сказала, что она действительно

слегка устала и, возможно, смогла бы немного вздремнуть. Она спросила Гарденера, не собирается ли он также прервать на часок изнуряющую работу.

— Да, — ответил он. — Я сначала несколько минут посижу на веранде и почитаю. И прикончу это шампанское, пока буду там.

— Хорошо, только не болтайся там слишком долго, — сказала Бобби. — Полуденный отдых тебе тоже не повредит.

Но он проболтался там достаточно долго, попивая шампанское, почти до трех, когда грохот прокатился по полям и холмам между ними и городом — примерно пять миль.

— Что за твою мать...

Грохот становился громче... и внезапно он увидел это, что-то кошмарное, это начиналась белая горячка, точно, это она, точно, мать ее. Это была не пишемашинка-тепелат или нагреватель воды из воздуха — это была, твою мать, кирпичная ракета, взлетающая из Хэвен Виллэдж, и это было действительно так, эй, все сюда, друзья, соседи, у меня точно съехала крыша.

Только перед тем, как она взорвалась, озарив небо зеленым огнем, он узнал ее и понял, что это была не галлюцинация.

Это была сила Бобби Андерсон; это было то, что они собирались использовать, чтобы остановить ядерную гонку вооружений, кровавый поток всемирного безумия. Это было именно оно, поднимающееся в небо на столбе пламени: кто-то ненормальный в городе каким-то образом заложил взрывчатку под ратушу и поднес к ней спичку и только что отправил башню с часами Хэвена в небо, как долбаную римскую свечу.

— Вашу мать, — с тихим ужасом прошептал Гарденер.

Вот оно, Гард! Вот будущее! Ты этого хотел? Потому что эта женщина там сходит с ума и ты это знаешь... все признаки налицо. Хочешь ли ты отдать эту мощь в ее руки? Хочешь?

Она не сумасшедшая, — испуганно ответил Гарденер. — Совсем не сумасшедшая, и не думаешь ли ты, что то, что ты сейчас видел, изменяет положение вещей? Нет, это только подчеркивает его. Если не я и Бобби, то кто? Полиция Далласа, вот кто. Все будет хорошо, я буду следить за ней, я буду держать ее в руках...

О, это все чудно придумано, пьяный ты мудака, просто великолепно!

Невероятная вещь в небесах взорвалась, заполнив небо зеленым огнем, Гарденер прикрыл глаза. Он поднялся на ноги.

Вбежала Бобби.

— Какого дьявола, что это было? — спросила она, но она знала... она знала, и Гарденер, с холодной внезапной уверенностью, знал, что она знала.

Гарденер смог выстроить барьер в своем мозгу — последние две недели он учился делать это и достиг полного успеха. Барьер состоял всего лишь из постоянного повторения старых адресов, обрывков стихов, строф песен... но он срабатывал. Как он обнаружил, было совсем не сложно запускать такую отражающую смесь; это не намного отличалось от того постоянного течения мыслей, которое происходит все время в голове почти каждого человека (он может быть изменил бы свое мнение, если бы знал о мучительных попытках Рут Маккосланд скрыть свои мысли. Гарденер и не представлял от скольких неприятностей его избавляла эта железная полоса в его голове). Он заметил, что Бобби подозрительно и загадочно смотрела на него, и, хотя она стала смотреть в другую сторону, как только увидела, что Гарденер наблюдает за ней, он знал, что она пытается прочесть его мысли... усиленно пытается... но у нее ничего не выходит.

Он использовал барьер впервые, чтобы солгать Бобби, с тех пор как создал его 5 июля, почти три недели назад.

— Я точно не знаю, — сказал он. — Я задремал в кресле. Я слышал взрыв и видел мощную вспышку пламени. Вроде как зеленого цвета. Вот и все.

Глаза Бобби изучали его лицо, затем она кивнула.

— Хорошо, я думаю, нам следует поехать в город и посмотреть.

Гарденер слегка расслабился. Он не знал точно, почему он солгал, может, потому, что это казалось безопаснее... и она верила ему. И он не хотел подвергать опасности это доверие.

— Ты не против поехать одна? То есть, если тебе нужна компания...

— Нет, все в порядке, — ответила она почти возбужденно и ушла.

Возвращаясь на веранду, после того как он проводил взглядом отъезжающий грузовик, он пнул свой стакан. Пьянство становилось неуправляемым, и было самое время остановиться. Потому что здесь действительно происходило что-то удивительное. И это стоило посмотреть, а когда ты напиваешься, ты слеп.

Это был зарок, который он давал и раньше. Иногда он даже держался какое-то время. Но не сейчас. Когда Бобби вернулась поздно вечером, Гарденер сидя спал пьяный на веранде.

Тем не менее сигнал Рут был принят. Получивший его был обеспокоен своими размышлениями, хотя все еще увлечен проектом Бобби, который тревожил его достаточно для того, чтобы напиваться все больше и больше. Но он был принят и хотя бы частично понят: ложь Гарденера была тому доказательством, если не чем-нибудь

еще. Но Рут, возможно, была бы более счастлива другим своим достижением.

С голосами или без голосов, но леди умерла в здравом уме.

Глава 7 БИЧ ДЖЕРНИГАН И ДИК ЭЛЛИСОН

1

Никто в Хэвене не испытывал большего восхищения перед «превращением» чем Бич Джерниган. Если бы Томминокеры Гарда пришли лично к нему с ядерным оружием под мышкой и попросили установить это в каждом из семи крупнейших городов мира, Бич в ту же секунду сел бы на телефон заказывать билеты на самолет. Даже в Хэвене, где тихий фанатизм становился привычным образом жизни, приверженность Бича была неординарной. Если бы он только узнал о все увеличивающихся сомнениях Гарда, то попросту убрал бы того. Надолго. И в тот же день, а то и еще быстрее.

Для подобных чувств у Бича были все основания. В мае — почти сразу после дня рождения Хилли Брауна — у Бича появился непроходящий сухой отрывистый кашель. Его это беспокоило тем сильнее, что не было ни температуры, ни насморка. Джерниган стал волноваться *гораздо сильнее*, когда с кашлем стало отходить немного крови. Когда ты содержишь закусочную, тебе *совсем* некстати постоянный кашель. Клиентам это не нравится. Это их нервирует. Рано или поздно кто-нибудь заявит в комитет здравоохранения, и скорее всего ресторанчик прикроют на неделю до выяснения результатов медицинского обследования. Закусочная под названием «Хэвен Ланч» была не так чтобы очень прибыльна (Бич все 12 часов подавал быстроприготавливаемые блюда так что за неделю имел чистыми 65 долларов — и если бы местечко не было таким уютным и чистым, он бы попросту прогорел) и нельзя было допустить, чтобы ее закрыли на неделю, да еще и летом. Оно пока не наступило, но приближалось семимильными шагами. И поэтому Бич отправился к старому Доку Ворвику, а тот направил его на рентген в Дерри Хоум; когда снимки пришли к Доку, тот рассматривал их секунд 20, затем велел позвать Бича и проговорил:

— Плохо дело, Бич. Садись.

Бич сел. Джерниган понял, что если бы в кабинете отсутствовало кресло, то он свалился бы на пол — ноги сразу ослабели и подко-

сились. В нынешнем мае в Хэвене еще не умели пользоваться телепатией, по крайней мере кроме той, которой обычные люди неосознанно пользовались все время до того дня, но и этого вполне хватило. Прежде чем Док Ворвик произнес что-либо, Бич уже знал: это даже не туберкулез, это обширный рак легких.

Но то было в мае. Сейчас, в июле, Бич был свеж как огурчик. Док предупредил, что, вероятно, к 15 июля его положат в клинику, но время подошло, а Джерниган ел за четверых, ревел на всех как здоровый медведь и вообще чувствовал в себе силы перегнуть даже Бобби Тремэйна. Он не пошел в госпиталь на повторный рентген. Ему больше не было нужно третье лицо, подтверждающее, что крупное темное пятно в левом легком исчезло. Да и теперь Бич смог бы сам смастерить рентгеновский аппарат в один из дней, было бы желание. Поскольку он знал наверняка, как это делается.

Но сейчас, после взрыва, другие вещи нужно было мастерить... причем очень быстро.

Они провели собрание. Все жители городка. Не то что бы они собрались все вместе, как в прежние времена на городском собрании; теперь это было не нужно. Бич продолжал готовить гамбургеры в своем «Хэвен Ланч», Нэнси Восс продолжала сортировать марки на почте (с тех пор, как умер Джо, стало возможным приходить независимо от того, наступила ли суббота или нет), Бобби Тремэйн лежал под своим «Челленджером» и приспособливал смеситель, с помощью которого он мог бы на одном галлоне делать миль семьдесят. Конечно, это не бензиновая таблетка Бобби Андерсон, но близко к тому. Ньют Берринджер, который чертовски хорошо знал, что сейчас нельзя было потерять ни минуты, приближался на предельной скорости к магазину Эпплгейта. Но независимо от того, чем они были заняты или где они находились, люди были связаны друг с другом сетью невидимых нитей тех самых молчаливых голосов, что так напугали Рут.

Через 45 минут после взрыва около 70 человек собрались у Генри Эпплгейта. Генри был владельцем самого большого и прекрасно оснащенного магазина инструментов, такого, что станция техобслуживания компании «Шелл» по сравнению с ним просто никуда не годилась в отношении ремонта, регулировки и отлаживания машин. Кристина Линдли, которой было всего лишь 17, но год назад завоевавшая приз на 14-ом ежегодном конкурсе фотографов штата Мэн, вернулась из города почти через 2 часа, перепуганная, задыхающаяся (и довольно возбужденная, по правде говоря). Они с Бобби Тремэйном на некоторых участках выжимали из «Доджа» сумасшедшую скорость более 110 миль в час, так что тот превращался просто в желтую размытую полосу.

Девушку послали в город сделать 2 фотографии башни с часами ратуши. Это была деликатная и тонкая работа, поскольку теперь башня представляла нагромождение хаотично разбросанных обломков фундамента, осколков кирпича и искореженных остатков часового механизма; ничего не оставалось, как сделать снимки с прежних фотографий уже несуществующего здания.

В спешке Кристина пролистала альбом с городскими пейзажами. Ньют мысленно передал ей, где искать — в личном офисе Рут Маккосланд. Она сразу забрала 2 фотографии, хотя те были вполне хорошими черно-белыми снимками. Хотелось создать совершенную иллюзию башни, на которую бы смотрели люди... но сквозь которую можно было бы при необходимости пролететь на самолете.

Другими словами, они намеревались спроецировать на небо гигантский волшебный слайд.

Неплохой фокус.

Когда-то этому мог бы позавидовать Хилли Браун.

Под конец, когда Кристина уже стала терять надежду, она отыскала то, что нужно: великолепное изображение Хэвен Виллэдж с четким изображением ратуши и башни... с такой точки, что отчетливо виднелись две ее стороны. Великолепно. Это даст им необходимую глубину изображения. Аккуратная подпись Рут гласила, что фотография взята из «Янки Мэгазин», 5/87.

«Поехали, Крис», — проговорил Бобби, даже не затрудняя себя открывать при этом рот. Тот переминался с ноги на ногу как маленький мальчик, которому не терпится в туалет.

«Да, все в порядке. Это будет...»

Она внезапно замолчала.

«Ой, — проговорила она. — Мамочки».

Бобби Тремэйн быстро подошел. Что, черт возьми, произошло?

Девушка указала пальцем на фотографию.

— *Вот дерьмо!* — громко взревел Бобби Тремэйн и Кристина согласно кивнула головой.

2

К семи часам этого вечера, работая быстро и в полной тишине (нарушаемой нетерпеливым ворчанием кого-либо, когда тот замечал, что один из них работает недостаточно быстро) они сделали аппарат, напоминающий огромный проектор на крышке громадного промышленного пылесоса.

Люди проверили, как он работает, и в результате огромное неподвижное женское лицо появилось в небе над участком Генри.

Собравшиеся молчаливо, но с одобрением глядели на стереоскопическое изображение бабушки Генри. Устройство работало. И теперь, как только девушка привезет фотоснимок — *фотоснимки*, потому что им предстояло создать именно стереоскопическую модель городской ратуши, они могли...

В это мгновение послышался ее голосок — слабый, но подкрепляемый мысленным усилием Тремэйна.

Плохие новости.

— Что это было? — переспросил Кьюл Арчинбург. — Я не все расслышал.

— Твою мать, ты оглох, что ли? — огрызнулся Энди Баркер. — Жители *трех графств* слышали, как эта сучка рванула крышу. За две сотни миль. — он сжал кулаки.

— Заткнитесь оба, — сказала Хейзл Маккриди, повернувшись к Келли. — Девчонка проделала чертову уйму работы. — Она осторожно мысленно попыталась дотянуться до Кристины Линдли, чтобы встряхнуть ее и заодно объяснить, в чем дело. Кьюл Арчинбург...

Девчонка

(думала)

звучала расстроено, почти на грани истерики, а это не принесет им пользы. В таком состоянии она обязательно сорвется к чертовой матери, а у них на это просто не было времени.

— Не ее вина, что на снимке видны часы.

— Что ты имеешь в виду? — переспросил Келли.

— Она отыскала такой снимок, что лучше не надо, — ответила Хейзл. — От церкви и кладбища все будет в точности соответствовать, и лишь от дороги чуть-чуть исказиться. Посторонних на пару дней не будем пускать на тыльную сторону, пока Крис все не подгонит, но если заинтересуются печью... и Рут... Я думаю, с этим нужно кончать. Закрывать некоторые дороги? — она поглядела на Ньюта.

— И систему канализации, — с готовностью подсказал тот. — Просто, как дважды два.

— Но я все еще не понял суть проблемы, — проговорил Келли. Энди Баркер грязно выругался.

Келли резко повернулся к механику, и Ньют бросил им:

— Прскратите, вы, оба.

Затем, обращаясь к Келли:

— Проблема в том, что Рут взорвала башню сегодня в 3.05. На единственной хорошей картинке, которую нашла Кристина, виден циферблат.

— И показывает он без четверти 10.

— Ого! — произнес Келли. Холодная испарина покрыла его лицо. Он вытащил платок и промокнул лоб. — Вот черт! И что мы теперь будем делать?

— Импровизировать, — спокойно произнесла Хейзл.

— Вот сучка! — выкрикнул Энди. — Я прибью ее, если только она еще не сдохла!

Хейзл бросила:

— Все в городе любили ее, и ты это помнишь, Энди.

— Верно. Но я надеюсь, что в преисподней дьявол будет долго тыкать ее вилкой в бока. — Энди выключил машину.

Изображение бабушки Генри пропало. Хейзл с облегчением вздохнула — было немного не по себе от вида этого окаменевшего лица, зависшего над лугом, на котором паслись коровы — их, должно быть, долго держали в хлеву, — проходящие прямо сквозь лицо или же сквозь старомодную большую брошь, украшавшую высокий воротничок женского платья.

— Все будет отлично, — нарушил тишину спокойный голос Роберты Андерсон — и все в городе, включая Кристину Линдли, услышали его и успокоились.

3

— Отвези меня домой, — попросила Кристина Бобби Тримейна. — Быстрее. Я придумала, что делать.

— Ты уже дома, — он взял девушку за руку и стал подталкивать к двери.

— Подожди, — произнесла она.

— Чего?

— Не кажется ли тебе, что я могу принести *нужную* фотографию? — закончила она.

— *Черт возьми!* — ответил Бобби и шлепнул себя по лбу.

4

Тем временем Дик Эллисон, начальник добровольной пожарной дружины, сидел в своем офисе, потел, несмотря на работающий кондиционер, и отвечал на телефонные звонки. Один был от констебля городка Трои, второй — от шефа объединенной полиции, третий — из полиции штата, четвертый — из воздушной полиции.

Вероятно, потеть бы ему пришлось в любом случае, но одной из причин, по которой кондиционер не мог помочь ему, была сорванная взрывной волной с петель дверь его офиса. Большая часть штука-

турки отвалилась от стен, обнажив прутья арматуры, торчавшие как ребра. Мужчина восседал посреди хаоса и отвечал оппонентам что это, совершенно верно, *было* звуком взрыва и вполне вероятно *имелись* жертвы, но на самом деле дела обстоят *лучше*, чем могло показаться по звуку. И пока он вешал эту лапшу на уши парня по имени Джон Леандро из Бангорской «Дэйли Ньюз», на голову ему упала пробковая потолочная панель. Дик отодвинул ее в сторону, издав при этом волчий рык, прислушался, рассмеялся и ответил в трубку, что это была всего лишь доска объявлений. Чертова доска снова упала. Эта сраная штучка расположена как раз у него за спиной, понимаешь ли, скупой платит дважды, всегда втолковывала ему мать и...

Рассуждения заняли следующие 5 минут, пока утомленный вконец Леандро не распрощался. Когда Дик в свою очередь опускал трубку на рычаг, большая часть потолка в коридоре рухнула вниз с рассыпчатым звуком *кrrr-ампп!*

— *Ах, ты жопа сраная, мудака вонючий!* — взревел Дик Эллисон и со всей силы грохнул кулаком левой руки по столу. И хотя он сломал себе все 4 пальца, но в неистовом и яростном взрыве эмоций даже не заметил этого. Если бы в эту секунду кто-нибудь вошел в офис, Эллисон зубами разорвал бы тому горло, набрал бы полный рот теплой крови и плюнул бы обратно в агонизирующее лицо. Он взвыл, завизжал и затопал ногами по полу, как капризный ребенок, которого наказали и вывели из комнаты вон. Дик действительно выглядел очень молодо, как подросток.

Но в то ж время он выглядел очень опасным.

Томминокер, Томминокер, Томминокер стукнул в дверь.

5

В перерыве между телефонными звонками Дик заглянул в офис к Хеизл, отыскал в ящике «мидол» и взял 6 штук. Затем он нежно прижал к себе левую покалеченную и ноющую руку и тут же забыл о ней. Будь он все еще человеком, такое было бы невозможно; не так-то просто не обращать внимания на боль от сломанных пальцев. Но он уже «превратился». А это включало возможность концентрировать и отключать волю вопреки боли.

Что очень пригодилось.

В перерывах между телефонными разговорами с чужаками — а иногда во время них — Дик переговаривался с теми, кто, не покладая рук, трудился в саду Генри Эпплегейта. Он сообщил им, что к 16.30, самое позднее, к 17.00 прибудет полицейский наряд из

полицейский штата. Будет ли проекция готова к этому времени? После этих слов Хейзл объяснила свои затруднения. Дик снова впал в неистовство, больше напоминающее ярость. Но когда Хейзл объяснила ему, что придумала Кристина Линдли, тот успокоился... самую малость. В доме Крис была оборудована темная комната. Там девушка не торопясь аккуратно делает негатив с того позитива из «Янки мэгэзин» и слегка увеличит его. Но не потому что изображение должно быть более детальным для слайд-проектора (слишком сильное увеличение придаст иллюзии ненужную рыхлость и зернистость), но потому лишь, что *ей* для работы нужно более детальное изображение. Она перевернет негатив, вещал голос Хейзл в голове у Дика, а потом запылит стрелки. Бобби Тремэйн нанесет их опять с помощью рентгеноножа так, что часы будут показывать 3.05. У него твердая рука и есть немного таланта. Хотя сейчас сильная рука важнее.

— Я думал, что если с позитива делать негатив, то отпечаток получится неясным, — произнес Дик Эллисон. — Особенно если фотоснимок цветной.

— Она во много раз усовершенствовала свои приспособления, — ответила Хейзл. Не стоило и говорить, что у семнадцатилетней Кристины к этому моменту была, вероятно, самая лучшая фотолаборатория в мире.

— И сколько времени это займет?

— Она думает, что управится до вечера, — ответила Хейзл.

Дик выругался, так громко, что все присутствующие в саду Генри вздрогнули.

— Нам понадобится 30 D-элементов, нарушил тишину спокойный голос Бобби Андерсон. Будь умницей, Дик. Мы все понимаем насчет полиции. Повесь им лапшу на уши, понял?

Эллисон помедлил с ответом.

— Да, хорошо. Бак и Рой, и младший Сэмплз.

— Точно. И *держи* их. В действительности меня волнует только их радио, а не они сами — для начала власти пошлют лишь одну, от силы две группы. Но если те увидят... если передадут по рации...

Невнятные звуки одобрения прокатились по группе людей, похожие на шум прибора на океанском побережье.

— Можем ли мы как-нибудь убрать их передатчики из города? — спросила Бобби.

— У меня...

Раздался ликующий голос Энди Баркера:

— У меня есть идеяка получше. Пусть Бак Питер прямо сейчас отправляется на бензоколонку.

— Верно! — Заглушила его воодушевленная Бобби. — Великолепно! Здорово! А когда они поедут из города, кто-нибудь... Я думаю, Бич...

Бич был польщен оказанной честью.

6

Бент Родес и Джинглс Габбонс из Полиции штата Мэн прибыли в Хэвен в 5.15. Они подъехали, ожидая увидеть дымные, неинтересные последствия взрыва печи — хлам от взрыва, разнесенный с крыши и 20 или 30 ротозеев рядом на тротуаре. Вместо этого они обнаружили городскую башню, разнесенную на кусочки подобно римской свечке. Куски камней перегораживали улицу, стекла в домах были выбиты, везде были разломанные куски кукол... и чертовски много людей, торопящихся по своим делам.

Дик Эллисон приветствовал полицейских с радушием, как будто те приехали на традиционный ужин республиканцев, а не на место катастрофы ужасной силы.

— Боже правый, что здесь приключилось? — спросил его Бент.

— Ну, по-моему, на самом деле дела обстояли чуть похуже, чем я сказал вам по телефону, — ответил Дик, глядя на заваленную обломками кирпича улицу и изображая на губах нелепую улыбочку а-ля мальчиш-плохиш. — Пока не увидишь своими глазами, предположить такое трудно.

Джинглс пробормотал:

— Я вижу, но глазам своим не верю.

Оба полицейских относились к Дику Эллисону как к запутавшемуся жителю маленького городка, помешавшемуся на торговле. С этим было все в порядке. А тот стоял позади них, наблюдая, как мусора глазек на хаос. Улыбка сползла с лица Эллисона и оно стало очень холодным.

Среди всех крошечных правдоподобных кукольных конечностей Родес заметил человеческую руку. Когда он повернулся к Дику с лицом блее мела, то выглядел значительно моложе.

— Где Маккосланд? — спросил он высоким голосом, оборвавшимся на последнем слог.

— Ну, знаете ли, это тоже может быть частью вашего задания, — начал Дик. — Видите ли...

Насколько было возможно, Дик попрiderжал их в городе. Без четверти восемь, в сгущающихся сумерках представители полиции штата Мэн отбыли. К тому же Дик знал, что, оставшись еще ненадолго, те начнут проявлять беспокойство, почему не прибывают дополнительные подразделения, вызванные ими.

Оба полицейских переговорили по радио с Базой Дерри, потом отложили микрофоны и переглянулись, удивленные и расстроенные. Ответы с другого конца провода были верными, *но голос казался немного странным*. Однако в тот момент ни один из них не обратил внимания на такой пустяк. Им было о чем поразмыслить. Например, о силе взрыва. Или о том, что они знали имя жертвы. Или же как оформить основу будущего крупного дела, чтобы загодя избежать процедурных рогаток, которые могут быть кем-то в последствие поставлены на пути следствия.

Кроме всего прочего, началось сказываться их пребывание в Хэвене.

Они чувствовали себя подобно человеку, накладывающему ви-ниловую пломбу на большой деревянный пол в комнате без вентиляции. Оба полицейских еще не телепатировали — до этого было далеко, да и они должны были исчезнуть задолго до момента, когда это станет возможным — но тем не менее чувствовали себя как-то странно. Что-то затормаживало их, и они как будто должны были прорваться сквозь нечто, но воспринимали это как обычное повседневное дело.

Дик Эллисон прочел их мысли, сидя через дорогу в закусочной «Хэвен Ланч». Да, мусора слишком заняты и немного взвинчены и не заметили, что голос

(Тэга Эллендера)

с которым они связались, сегодня вечером звучал несколько необычно. Причина была проста. Полицейские на самом деле переговаривались с Баком Питером; радиоволны уходили и возвращались не из Дерри, а из гаража Элта Баркера, где, сгорбившись, над микрофоном трудился Бак Питер, а за его спиной стоял Энди Баркер. Бак передавал инструкции и информацию Энди по радио (которое тот собрал в свободное время; в результате получилось нечто такое, что могло помочь войти в контакт с представителями разумной жизни на Уране, если бы только там нашлась парочка приятелей для отправки ответа). Несколько горожан концентрировали мысленные усилия на Бенте Родесе и Джинглсе Габбонсе. Они

отсылали Баку всю информацию об Эллендере, с кем те *предполагали* переговорить, считывая ее из голов полицейских. Бак Питер умел талантливо подражать голосам людей (он пользовался большим успехом, разговаривая голосом Президента и таких всеобщих любимчиков как Джимми Кэгни и Джон Уэйн, ежегодно выступающих на Гранд Стейдж Спетэкьюлар). Он, конечно же, не был Ричем Литтлом, и никогда бы им не стал, но если уж и «делал кого-либо», то вполне грамотно и узнаваемо. Всегда.

Гораздо важнее было то, что «слухачи» передавали Баку, как тот должен ответить на каждую реплику с другого конца провода, поскольку каждый разговаривающий прикидывает в уме ответ, который он ожидает получить на свой вопрос или утверждение. И если Бент и Джинглс купились на этого самозванца — а в целом именно так и обстояли дела — то в большей степени не благодаря таланту Бака, а по причине вполне ожидаемых ответов «Тэга». Более того, Энди удавалось сделать с помощью наложения статических помех голос Бака немного неясным — помех этих было достаточно, чтобы голос «Тэга» звучал так всякий раз, когда чертовщина типа *«Боже, это совсем не похоже на Тэга, по-моему, он простыл»* возникала в голове одного из полицейских.

В четверть восьмого, когда Бич принес Дику чашечку кофе, тот спросил:

— Ты все установил?

— Все.

— И ты уверен, что механизм сработает?

— Он прекрасно работал... не хочешь ли посмотреть? — Бич только что хвостом не вилял.

— Нет. На это нет времени. Что с оленем? Достали?

— Да. Билл Элдерли выследил его, а Дейв Рутледж подстрелил.

— Неплохо. Пора двигать.

— О'кей, Дик. — Бич снял передник и повесил на гвоздик за дверь. Затем повернул стрелку на табличке над входом с «открыто» на «закрыто». Обычно та спокойно висела на двери, но поскольку сегодня стекло было разбито, она раскачивалась и билась под напором ветра.

Бич помедлил и оглянулся на Дика с трудноскрываемым гневом.

— Она не предполагала делать *ничего* подобного, — проговорил он наконец.

Дик пожал плечами. Неважно: все уже сделано. — Она уже сделала это. И это важно. У ребят с картинкой все идет хорошо. А что касается Рут... никого подобного ей в городе нет.

— Но есть еще тот парень-чужак в местечке старого Гаррика.

— Он все время пьет. И он *хочет* копать. Скоро мусора уедут, и нужно чтобы все произошло *как можно дальше* от нас. — О'кей, Дик. Будь осторожен.

Дик улыбнулся.

— Нам всем нужно быть сейчас осторожными. Это как пить дать.

Он наблудал, как Бич залез в грузовик и выехал задом на место перед фасадом «Хэвен Ланч», который последние 12 лет был домом старого Чеви. В то время как машина медленно двинулась по улице, осторожно огибая кучи битого стекла, Дик заметил тень под брезентом в кузове и рядом что-то еще, завернутое в лист прочного пластика. Самый крупный олень, какого Билл Элдерли смог найти за столь короткое время. Охота на оленей в июле грубейшим образом нарушала закон штата Мэн.

Когда пикап Бича скрылся из вида (ЗАНИМАЙТЕСЬ ЛЮБОВЬЮ, А НЕ ВОЙНОЙ. ГОТОВЬТЕСЬ И К ТОМУ, И К ДРУГОМУ. НАЦИОНАЛЬНАЯ СТРЕЛКОВАЯ АССОЦИАЦИЯ — гласила наклейка на задней двери), Дик вновь вернулся к закусочной и взял в руки недопитую чашку кофе. Как обычно, Бич варил крепкий и хороший кофе. Сейчас чашечка чудного кофе пришлось Эллисону очень кстати. Дик более чем устал — он истощился. Несмотря на то, что небо еще было светлым да и он сам принадлежал к тому сорту людей, которые не могут заснуть, пока по телевизору Нейшнл Антем не завершит работу последнего канала, сейчас он хотел одного — лечь спать. Сегодня выдался тяжелый и устрашающий день; он не завершится, пока Бич не сделает задуманное. Не то что бы горожане Хэвена могли прибрать тот беспорядок, в создании которого преуспела Рут Маккосланд перед тем, как будут уничтожены двое полицейских. Люди могли сокрыть множество вещей, но не то что эти присланные мусора находились на пути из Хэвена, где другой полицейский (всего лишь констебль городка, но мусор есть мусор, а эта еще в добавление ко всему была однажды замужем за Ральфом Маккосландом) погиб в результате взрыва.

Все перечисленное означало, что настоящее веселье еще предстоит.

— Если это можно назвать весельем, — кисло проговорил Дик в пустоту. — ...мать, если даже я могу назвать это весельем.

В желудке от кофе появилась изжога. Но он продолжал по-прежнему потягивать его.

Издали раздался мощный рев мотора. Дик повернулся на стуле и поглядел, как полицейские выезжают из города и мигалка на крыше их машины отбрасывает голубые, перемежающиеся с черными тенями сполохи на окружающие развалины.

Кристина Линдли и Бобби Тремэйн стояли плечом к плечу, глядя на белый листок бумаги в ванночке, и затаив дыхание ожидали, появится изображение или нет.

Понемногу оно стало появляться.

Контуры ратуши и башни с часами. Живые, реальные цвета. И стрелки часов показывали 3.05. Бобби издал долгий, низкий рык радости.

— Великолепно, произнес он.

— Не совсем, — ответила Кристина. — Еще кое-что.

Он возмущенно повернулся к ней.

— Что? Что-то не так?

— Ничего. Все в порядке. Просто нам осталось сделать еще одну вещь.

Она не была некрасивой, но, поскольку носила очки и имела волосы мышиного цвета, всегда считала себя уродиной. Девушке стукнуло уже 17 лет, но никто ни разу не назначал ей свидания. Сейчас это уже не имело значения. Крис расстегнула юбку, отшвырнула ее прочь, стянула трусики, купленные по сниженным ценам в магазине Дерри, и переступила через них. Затем она осторожно взяла из ванночки фотоснимок и, поднявшись на мыски, повесила его просохнуть. После, расставив ноги, она повернулась к Бобби.

— Мне это нужно.

Он взял ее стоя. У стены. Когда порвалась девственная плева, она до крови вцепилась пальцами ему в плечи. И когда они кончили одновременно, то сделали это рыча и раздирая тела друг друга, и это было очень, очень приятно.

Пока они возвращались обратно в Эпплегейт Плейс, Бобби подумал: «Как в старые добрые времена» и попытался понять смысл этих слов.

В результате он пришел к выводу, что на самом деле они ничего не значат.

Бич довел скорость своей скрипучей колымаги до 65 — самое большее, на что та была способна. Одной из немногих вещей, которые он не умел понять даже в свете новоприобретенных знаний, было как обращаться с бомбометателем. Но он верил, что в нужный момент умение придет и старушка Бетси выпутается ради него и на сей раз.

Когда он подъехал к городской черте Троя, все еще не видя за собой отблесков полицейской мигалки и не слыша сирены, то сбавил скорость до 55 (с заметным облегчением, поскольку мотор основательно перегрелся). Когда он с тем же результатом добрался уже до Ньюпорта, то снизил скорость до 45. Тем временем быстро наползала темнота.

Бич только-только пересек границу Дерри и стал волноваться по-крупному, не выбрали бы эти пидоры-мусора другую дорогу — хотя непохоже на то, ведь здесь был кратчайший путь, — когда услышал невнятный шелест их мыслей.

Он откинулся назад с поднятой головой и прищуренными глазами, прислушиваясь и убеждаясь, что не ошибся. Его рот, деформированный и впалый из-за отсутствия зубов, выглядел как рот дряхлого старика. Что-то о

веснушках

Рут. Они. Точно. Мысли стали разборчивее

их можно было заметить даже под кровью

и Бич кивнул. Это точно они. И быстро приближаются. Но если действовать быстро и четко, то у него еще останется время.

Бич проехал вперед по дороге еще с четверть мили, описал круг и остановился в виду последнего, третьего шоссе, развернув свой пикап поперек дороги и заблокировав ее. Затем он снял брезент с оружия в кузове, дрожащими пальцами дергая тугие узлы, в то время как голоса в голове становились все громче, громче и громче. Когда огни полицейской машины замерцали на листьях деревьев, Бич поднял голову. Он повернулся к цепи из шести трансформаторов-преобразователей, которые были закреплены на доске, привинченной к кузову таким образом, что легко поворачивалась, и включил их один за другим. Он услышал гудение, с которым они заработали... затем этот звук, равно как и все остальные, потонул в визге тормозов и сцеплений. Теперь вспыхивающий белый электрический свет с короткими пульсациями синего осветил задний борт пикапа, и Бич сжался в машине, прикрывая голову руками. Ему показалось, что произошел взрыв; он проклинал все на свете, потому что поставил машину слишком близко у поворота и в результате полицейские будут только ранены, а он сам убит на месте, и те увидят остатки его машины и скажут: *Ну а на этот раз что? И...и...*

...твою мать, Бич, они спасли тебе жизнь... твою мать... будь ты проклят, проклят, проклят...

Визг тормозов стих. Запах паленой резины был одуряюще силен, но столкновения, к которому он готовил себя, не произошло. Мигал синий свет. Микрофон тихонько потрескивал.

Он смутно слышал хриплый голос полицейского: «Что это за дерьмо?»

Встряхнувшись, Бич тихонько осторожно расправил плечи и выглянул из-за грузовичка. Их машина остановилась в конце длинной, хорошо различимой даже в сумерках двойной черной полосы, оставленной покрышками при торможении и заносе. Они находились под косым углом от него на расстоянии не далее девяти футов. *Если бы они двигались на скорости хотя бы на 5 миль быстрее...*

Да, но этого они не сделали.

Звуки. Двойной звук захлопывающихся дверей, и мусора вышли из машины. Тихое невыразительное жужжание трансформатора, дающего энергию его оружию — машинки, которая не многим отличалась от тех, что Рут помещала внутрь своих куколок. И жужжание мух. Они почуяли запах крови под брезентом, но никак не могли достать до оленьей туши.

Скоро придет ваш час, — подумал, ухмыляясь, Бич. — *Жаль, что вам не удастся попробовать тех двух парней.*

— Этот пикап я уже видал, там, в Хэвене, — сказал опять хриплоголосый. — Припаркованным перед закуской.

Бич слегка повернул кусок дренажной трубы на рычаге. Глядя в нее, он видел их обоих. И даже если один из них отклонится от невидимой оси прицела, будет не страшно; оружие обладало некоторым эффектом рассеивания.

Ну-ка, пареньки, отойдите от машины, — подумал Бич, на ощупь отыскивая кнопку дверного звонка и устанавливая большой палец на ней. Его оскал обнажил розовые десны. — *Никак не хотят отойти. Ну, трогайтесь, о'кей?*

— Кто там? — закричал второй полицейский.

Там Томминокеры, стучатся к тебе в дверь, ты, вонючая башка, — подумал Бич и захихикал. Он не смог удержаться. Он попытался изо всех сил подавить смех.

— Если кто есть в машине, лучше отзовись!

Спрятавшийся мужчина захихикал громче — ну никак невозможно было удержаться. Вероятно, это было к лучшему, поскольку полицейские переглянулись и, вытаскивая пистолеты, двинулись к пикапу. Все ближе к нему и дальше от своей машины.

Бич выждал ровно столько, чтобы быть уверенным, что он не заденет легковушку — ведь ему наказали ни в коем случае не трогать ее, и теперь он не собирался содрать даже самый верхний тончайший слой хромирования с бампера. Когда копы стали ясно различимы, Бич нажал кнопку. *Пока, говнюки,* — подумал он, и

теперь он не просто захихикал, а *загоготал и загикал*. Толстый ствол зеленого пламени вылетел из жерла в темноту, охватил полицейских, и поглотил их. Бич заметил несколько ярко-желтых вспышек внутри зеленого столба и понял, что те несколько раз нажали на курки.

Бич вдыхал сильный запах работающего трансформатора. Неожиданно раздалось *хлоп!* и с того места, где стоял один из них, взвилась и рассыпалась искрами сигнальная ракета. Часть искорок упала ему на рукав, продолжая тлеть, и Бич сдул их. Постепенно столб зеленого пламени, вырывающийся из жерла трубы, потускнел. Полицейские исчезли. По крайней мере, *почти* исчезли.

Бич как можно проворнее выпрыгнул из задней двери грузовичка. Бог тому свидетель, это не была основная магистраль, и сейчас, на ночь глядя, вряд ли кто поедет за покупками в Дерри, но рано или поздно *кто-нибудь* проедет мимо. И он должен...

На дороге одиноко стоял дымящийся ботинок. Бич взял его, но чуть не уронил. Он не ожидал, что тот окажется таким тяжелым. Заглянув внутрь, он понял, в чем дело. Человеческая ступня все еще оставалась внутри.

Бич отнес ботинок к кабине и зашвырнул внутрь. Нет нужды сжигать и его: в Хэвене существовали более простые способы избавиться от подобных предметов. *Если бы мафия только узнала, что есть у нас, провинциалов-янки, они бы просто сдохли от зависти*, — подумал Бич и снова хихикнул.

Он надавил на ручку задней двери. С противным скрипом та распахнулась. Мужчина поднял запеленатую тушу оленя. И чья же была идея? размышлял он. Старины Дейва? Неважно. В Хэвене теперь все идеи служили одной цели.

Завернутая в пластик туша была тяжелой и отталкивающей. Бич захватил ее за задние ноги и потянул. Она подалась под усилием, и голова оленя глухо шлепнулась на дорогу. Бич опять огляделся, высматривая мерцающий свет фар с обеих сторон, ничего не увидел и потащил оленя через дорогу со всей быстротой, на какую был способен. С ворчаньем он опустил оленя на землю и принялся стаскивать то, во что тот был завернут. Когда ему это удалось и обнажилось вычищенное и потрошеное туловище, Бич поднял его обеими руками. Вены на шее набухли подобно проволоке, губы, вновь покрывшиеся кожицей, обнажили бы зубы, если бы хоть один из них остался в деснах. Голова оленя с наполовину отросшими рогами свесилась с его правой руки. Застывшие глаза смотрели вверх, на небо.

Бич, пошатываясь, спустился шага на три по пологому склону и бросил мертвого оленя в канаву, где тот с шумом и приземлился.

Отступив назад, принялся сворачивать мешок. Вернувшись к машине, он опустил его на переднее сиденье рядом с собой. Лучше бы было швырнуть его назад — он вонял — но была вероятность, что пластик сдует ветром и потом кто-нибудь подберет его. Он заторопился, обошел машину, и, кривясь, на ходу принялся сдирать запачканную спереди кровью рубашку. Дома нужно будет переодеться.

Мужчина сел в кабину и завел мотор Старушки Бетси. Задним ходом развернул машину в сторону Хэвена и затем приостановился на мгновение, инспектируя место действия и проверяя, соответствовали ли события, о которых оно повествовало, тому, что было задумано. Ему казалось, что все нормально. Вот пустая полицейская машина, стоящая в конце явно видимого следа торможения посередине пустынной дороги. Мотор не работает, мигалка горит. В канаве валяется полупотрошенная туша крупного оленя. Такое не останется незамеченным долгое время, тем более в июле.

Было ли здесь что-либо, указывающее на Хэвен?

Бич так не думал. Здесь было повествование о двух полицейских, возвращавшихся назад после ознакомления с несчастным случаем в Хэвене, повлекшим единственную человеческую жертву. И наткнулись на компанию парней-браконьеров с тушей подстреленного оленя. Что случилось с полицейскими? Вы задали вопрос, не так ли? И вероятный ответ с течением времени станет все более и более очевиден. Вы ведь говорили о браконьерах, струсивших браконьерах, которые пристрелили парочку мусоров и закопали тех в лесу. При чем здесь Хэвен? Бич искренне надеялся, что все поверят, что тут совсем другое дело, и близко не связанное с происшествием в городке.

Вот теперь в зеркале заднего обзора он заметил приближающийся свет фар. Он медленно тронулся и обогнул полицейскую машину. Она осветила его двумя десятками синих вспышек, а затем осталась позади. Бич посмотрел направо, где лежал форменный черный ботинок с форменной синей стелькой, торчащей подобно хвосту бумажного змея и захихикал. *Готов поспорить, что утром, когда ты надевал этот башмак, мистер печальный полицейский осел, тебе и в голову не могло прийти, где он завершит свой путь сегодня вечером.*

Бич Джерниган заржал опять и рывком включил вторую скорость. Он направлялся домой и никогда до этого дня он не чувствовал себя так чертовски хорошо.

8 ИВ ХИЛЛМАН

1

Первая полоса, «Бангор Дэйли Ньюз», 25 июля 1988

**Двое полицейских исчезли в Дерри.
В штате объявлен розыск.**

После того как вчерашним вечером, немногим позже 21.30 в Дерри была обнаружена покинутая полицейская машина, в восточных и центральных областях штата Мэн объявлен новый, второй за это лето, розыск. Первый имел отношение к исчезновению 4-летнего Дэвида Брауна из Хэвена, который все еще не найден. Странно, но полицейские Бентон Родес и Питер Габбонс исчезли, когда они возвращались из того же самого города после предварительного расследования обстоятельств пожара, повлекшего за собой одну человеческую жертву. (Читайте об этом на этой же странице).

При последующем разбирательстве происшествия, которое одно информированное лицо в полиции охарактеризовало как «наихудшая новость для нас в настоящее время», возле полицейской машины была обнаружена выпотрошенная туша убитого оленя, что наводит на мысль о...

2

— Эй, посмотрите на это, — на следующее утро сказал Бич Дик Алиссону и Ньюту Берринджеру, сидя за чашкой кофе. Они находились в «Хэвен Лаңче», просматривая только что купленную газету. — Мы думали, что они не увидят связи между этими событиями. Дьявол!

— Успокойся, — ответил Ньют, и Дин подтвердил это кивком. — Никто не собирается связывать исчезновение четырехлетнего малыша, который скорее всего заблудился в лесу или был схвачен и увезен каким-нибудь извращенцем, с исчезновением двух громил из полицейского управления штата. Я прав, Дик?

— Абсолютно.

Не прав.

Первая страница, «Бангор Дэйли Ньюз», ниже сгиба

Хэвенский констебль, погибшая при странных обстоятельствах, была самой популярной женщиной в городе. (Джон Леандро).

Рут Маккосланд, одна из трех женщин-констеблей в Мэне, погибла вчера в Хэвене — своем родном городе — в возрасте 50 лет. Ричард Эллисон, глава Добровольного пожарного отделения Хэвена, говорит, что скорее всего миссис Маккосланд погибла в результате возгорания нефтяных паров, скопившихся в подвале мэрии из-за неисправности клапанов. Эллисон сказал, что загорание в подвале, где скопилось много бумаг городского архива, не сулит ничего хорошего.

— Она могла зажечь спичку, — сказал Эллисон. — По крайней мере это гипотеза, которой мы сейчас придерживаемся.

На вопрос, были ли найдены какие-нибудь улики, говорящие в пользу того, что имел место поджог, Эллисон ответил, что нет, хотя исчезновение двух полицейских, присланных для проведения расследования несчастного случая, не позволяет ответить определенно. Поскольку никто из полицейских не смог предоставить обстоятельный протокол, то я ожидаю, что скоро сюда придут инспекторы из пожарного управления штата. В данный момент я более обеспокоен тем, чтобы полицейские нашлись живыми и здоровыми.

Ньютон Берринджер, выборный глава Хэвена, сказал, что весь город глубоко скорбит по поводу смерти миссис Маккосланд. Она была великой женщиной, сказал Берринджер, и мы все любили ее. Эти слова повторяют все жители Хэвена, многие из которых были в слезах, когда они говорили о миссис Маккосланд.

Ее государственная служба в Хэвене началась на посту...

Человеком, заметившим эту связь, был, разумеется, дед Хилли, Ив. Ив Хиллман, который по праву мог называться городом в изгнании, Ив Хиллман, который вернулся со Второй мировой с двумя маленькими стальными пластинками в голове, полученными им, после того как германская бомба разорвалась неподалеку от него во время сражения у Балже.

Он провел утро понедельника, последовавшего за взрывоопасным хэвенским воскресеньем, там же, где он проводил каждое свое утро — в комнате 371 в госпитале Дерри, присматривая за Хилли. Он поселился в меблированной комнате на Лауер Мэн-стрит и там проводил ночи — свои главным образом *бессонные* ночи после того, как сиделки выпроваживали его.

Иногда он лежал в темноте, и ему казалось, что он слышит хохочущие звуки, разносящиеся из канализационных труб и думал: *Ты спятил, старина*. Но это было не так. Иногда же ему самому хотелось этого.

Он пытался разговаривать с некоторыми из медсестер. О том, что, по его мнению, случилось с Дэвидом — о том, что, он точно знал, случилось с Дэвидом. Они жалели его. Сперва он не замечал этой жалости; глаза его открылись лишь после разговора с репортером. Он думал, что сиделок восхищает его верность Хилли, и сочувствуют ему, потому что Хилли, по-видимому, потихоньку отходил... но кроме этого они считали его сумасшедшим. Мальчики не исчезают в результате фокусов, разыгрываемых во время представлений в дальнем углу двора. Не нужно ходить в детский сад, чтобы понять это.

После одиночества в Дерри, наполовину свихнувшись от беспокойства за Хилли и Дэвида, презрения к себе за то, что сейчас казалось ему трусостью с его стороны, и страха за Рут Маккосланд и других жителей Хэвена, Ив немного выпил в маленьком баре в середине Лауер Мэн-стрит. Попутно он разговаривал с хозяином и выслушал историю об одном парне по имени Джон Смит, который некоторое время был учителем неподалеку в Кливз Майлз. Смит в течении нескольких лет находился в коме и был выведен из нее с помощью какого-то психического фокуса. Несколько лет назад он спятил — пытался убить некоего Стилсона, который был конгрессменом от Нью-Хэмпшира.

— Не знаю, насколько правдива эта часть об этих психических штучках, — сказал хозяин, протягивая Иву свежее пиво. — Думаю, что этой чепухой насчет психики нам просто промывают мозги. Но если у вас имеется какая-нибудь дикая история, которую вы хотите рассказать...

Ив намекнул, что у него есть такая история, которая может заткнуть за пояс «Ужасы Амитивилля».

— Тогда Брайт из «Бангор Дэйли Ньюз» — тот самый парень, который выслушивает ее. Это он написал статью о Смите в газете. Он заглядывает сюда время от времени пропустить пару другую кружек пивка, и, я скажу тебе по секрету, он считает, что этот Смит прозрел.

Ив быстро выпил три кружки пива — другим словами, как раз нужную дозу для того, чтобы ему показалось, что простые решения возможны. Он подошел к телефону-автомату, выложил всю имеющуюся у него мелочь на полочку и позвонил в редакцию «Бангор Дэйли Ньюз». Дэвид Брайт был на месте, и Ив поговорил с ним. Он не стал рассказывать ему свою историю, по крайней мере по телефону, но сказал, что у него есть кое-что в запасе и он не знает, что делать со всем этим, но считает, что людям необходимо узнать об этом и как можно быстрее.

Брайт выглядел заинтересованным. Более того, казалось, что он сочувствует. Он пригласил Ива при первой возможности заехать в Бангор (то, что Брайт не завел речи о том, чтобы приехать в Дерри и взять интервью у старика могло бы навести Ива на мысль, что он, возможно, переоценил заинтересованность и сочувствие Брайта), и Ив спросил, будет ли нормальным, если он заедет этим же вечером.

— Да, вполне, я буду здесь еще в течении двух дней, — сказал Брайт. — Вы приедете до полуночи, мистер Хиллман?

— Можете не сомневаться, — резко ответил старик и повесил кружку. Когда он выходил из Вэллей Спа на Лауер-стрит глаза его горели, шаг был пружинистым. Он помолодел лет на двадцать по сравнению с тем моментом, когда он шаркающей походкой вошел в этот бар.

Но до Бангора было 25 миль, и три кружки пива потихоньку выветрились из него. Когда Ив подъезжал к зданию редакции, он был снова трезв. Хуже того, в голове у него был туман и путаница. Он отдавал себе отчет в том, что рассказывает он отвратительно, снова и снова возвращаясь к волшебному представлению, к тому, как выглядел Хилли, и своей уверенности, что Дэвид Браун исчез на самом деле.

Наконец он остановился... но только это не была остановка, а скорее полное высыхание все более слабеющего потока.

Брайт стучал карандашом по краю стола, не подымая глаз на Ива.

— А вы никогда не заглядывали под платформу в те моменты, мистер Хиллман?

— Нет... нет. Но...

Сейчас Брайт смотрел прямо на него, у него было доброе лицо, но с выражением, которое открыло Иву глаза — этот человек считал, что Ив безумен, как мартовский заяц.

— Мистер Хиллман, все это очень интересно... — Не обращайтесь внимания, — сказал Ив, вставая.

Кресло, в котором он сидел, откинулось резко назад и чуть не упало. Он смутно различал стрекот принтеров, звонки телефонов,

людей, спящих по комнате с пачками бумаг в руках. Более всего он осознал, что уже полночь, что он устал и его уже тошнит от страха, и что этот парень напротив считает его ненормальным.

— Не обращайтесь внимания, уже поздно и, наверное, вам хотелось бы вернуться домой, к семье.

— Мистер Хиллман, если бы вы взглянули на это с моей точки зрения, то вы бы поняли...

— Я уже смотрю на это с другой стороны, — сказал Ив. — Мне кажется, в первый раз. Я тоже должен идти, мистер Брайт. Мне еще предстоит долгая дорога, а посещения больных начинаются в девять. Извините, что отнял у вас время.

Он быстро покинул редакцию, по дороге с бешенством напоминая себе, что он должен был бы помнить с самого начала, что большего дурака, чем старый дурак, нет. А сегодняшний ночной разговор выставил его самым большим старым дураком во всем мире. По крайней мере, теперь уже нечего пытаться рассказывать людям о том, что случилось в Хэвене. Он стар, и будь он проклят, если ему еще раз придется оказаться в таком же положении, как сейчас.

Никогда в жизни.

6

Эта решительность сохранялась у него в течении 56 часов — до тех пор, пока он не увидел заголовки газет за понедельник. Взглянув на них, он почувствовал, что не прочь посмотреть на человека, занимающегося расследованием исчезновения двух полицейских. В «Ньюз» написано, что его зовут Дуган, и упомянуто, что он так же хорошо знал Рут Маккосланд — настолько, что даже оторвался от горячего материала, чтобы произнести краткую речь на ее похоронах. Вероятно, знал ее *чертовски* хорошо — так думал Ив.

Но когда он пытался отыскать в себе жар и возбуждение предыдущего вечера, то он нашел только кислую тоску и безнадежность. Две статьи на первой полосе газеты отняли последние остатки смелости, остававшиеся у него. *Хэвен* превращается в змеиное гнездо, и сейчас змеи начинают кусаться. Я должен убедить кого-нибудь в этом, но как я сделаю это? Как я смогу убедить кого-то, что в городе происходят странные вещи, связанные с телепатией и Бог знает еще с чем? Как, если я едва ли смогу вспомнить даже то, что я знал об этом? Как, если я сам никогда не видел этого? Как? И самое главное, как я смогу сделать это, если все эти дьявольские штуки происходят перед носом у всего города, а они даже не замечают это? Тут целый город неподалеку просто превращается в

сумасшедший дом и никто не имеет ни малейшего представления, что же случилось.

Он снова вернулся к обзорной странице. Ясные глаза Рут смотрели на него с одной из тех странных газетных фотографий, которые представляют собой, не более чем кучу близко расположенных точек.

Ее глаза, такие ясные, искренние и прекрасные, спокойно смотрели на него. Ив подумал, что добрая дюжина мужчин Хэвена была влюблена в нее, но она никогда даже не догадывалась об этом. Казалось, что ее глаза отрицают саму мысль о смерти, объявляют ее смехотворной. Но, однако, она была мертва.

Он вспомнил, как они с Хилли выходили из дома, когда собиралась поисковая партия.

Ты могла бы пойти с нами, Рут.

Ив, я не могу... Свяжись как-нибудь со мной.

Он попытался однажды, считая, что, если бы Рут присоединилась к нему в Дерри, она была бы вне опасности. . и смогла бы подтвердить его рассказ. В своем состоянии горя и замешательства, Ив не был уверен, что именно было наиболее важным для него. В конце концов, это не имело значения. Он трижды пытался позвонить в Хэвен, последний раз после разговора с Брайтом, но ни один из звонков не прошел. Однажды он попытался заказать разговор, а телефонистка сказала ему, что, вероятно, линия неисправна. Не мог бы он позвонить попозже? Ив ответил да, но не стал. Вместо этого он лежал в темноте, прислушиваясь к канализационным смешкам.

Сейчас, спустя немногим менее трех дней, Рут связалась с ним. Посредством обзорной страницы.

Он посмотрел на Хилли. Хилли спал. Доктора отказывались считать это комой — они говорили, что его энцефалограмма не походила на энцефаллограмму коматозного больного, а скорее на энцефалограмму человека, находящегося в глубоком сне. Ива не волновали названия. Он знал что Хилли ускользал, и было ли это погружение в состояние, называемое аутизмом — Ив не знал что означает это слово, но он слышал как один из докторов, разговаривая с коллегой, произнес его тихим голосом, поскольку оно не предназначалось для его ушей — или состояние, называемое комой, никакой разницы между ними не было. Все это только слова. Ускользание — это то, к чему все сводилось, и уже это было достаточно страшно.

Во время поездки в Дерри мальчик вел себя, как будто бы он находился в состоянии глубокого шока. Иву смутно казалось, что если увезти его из Хэвена, то это улучшило бы положение, но ни

Брайен, ни Мэри, страшно обеспокоенные исчезновением Дэвида, казалось не замечали, как странно выглядел их старший сын.

Отъезд из Дерри не помог (Хилли все меньше отдавал себе отчет в происходящем вокруг него). Острота восприятия Хилли и адекватность его сознания продолжали снижаться. В свой первый день в госпитале он проспал 11 часов из 24. Он мог отвечать на простые вопросы, но более сложные ставили его в тупик. Он жаловался на головную боль. Он совершенно не помнил волшебное представление, и, казалось, считал, что его день рождения прошел только неделю назад. В ту ночь в глубоком сне он достаточно отчетливо произнес одну фразу: *Все игрушки!* У Ива по спине поползли мурашки. Это была фраза, которую он выкрикивал, когда все они выбежали из дома и обнаружили, что Дэвид исчез, а Хилли бьется в истерике.

На следующий день Хилли проспал 14 часов, и его сознание казалось еще более затуманенным, когда он находился в состоянии сонливого бодрствования. На вопрос детского психолога, занимавшегося его лечением, каково его второе имя, он ответил «Джонотан». Это было вторым именем *Дэвида*.

Сейчас он спал практически круглые сутки. Иногда он открывал глаза, казалось, что он даже смотрит на Иву или на одну из сиделок, но когда с ним заговаривали, он только улыбался своей мягкой улыбкой и отключался вновь.

Ускользал. Он лежал, как заколдованный мальчик в сказочной крепости, и только капельница у него над головой и редкие объявления по громкоговорителю в больничном коридоре разрушали иллюзию.

Вначале казалось, что основы невропатологии здорово пошатнулись: темная, неопределенная тень в области серого вещества мозга Хилли наводила на мысль, что необычная сонливость мальчика может быть вызвана опухолью. Но, когда два дня спустя Хилли снова отправили на рентгенограмму (на эти снимки не обращали внимания, объяснил оператор рентгеновской установки Иву, потому что никто *не ожидал* обнаружить опухоль в голове у десятилетнего ребенка, тем более, что не было никаких первоначальных симптомов в подтверждение этого не было), тень исчезла. Невропатолог начал спорить с оператором, и по оправдывающемуся голосу оператора Ив заключил, что дело плохо. Невропатолог сказал, чтобы были сделаны новые снимки, но он полагал, что они тоже ничего не дадут.

В первый раз, сказал он, пленка, должно быть, была с дефектом.

— Я подозревал, что все окажется не так гладко, — сказал он Иву.

— Это почему?

Невропатолог, здоровый мужчина с жесткой рыжей бородой, улыбнулся.

— Потому что эта тень была слишком *большой*. Если говорить откровенно, ребенок с опухолью такой величины должен был бы болеть в течении очень долгого времени... если бы он вообще был жив.

— Понятно. Значит вы так и не знаете, что же случилось с Хилли.

— Мы работаем сейчас над двумя-тремя идеями, — сказал невропатолог, но его улыбка стала менее широкой, и он отвел взгляд в сторону, а на следующий день детский психолог появился вновь. Психологом была очень толстая женщина с очень темными волосами. Она спросила, где родители Хилли.

— Пытаются отыскать своего второго сына. — Ив ожидал, что такой ответ собьет ее с ног.

Но нет.

— Вызовите их и скажите, что мне нужна их помощь, чтобы привести в порядок их первого сына.

Они приехали, но напрасно. Они изменились за это время, они выглядели необычно. Психолог также почувствовала это, и после первой своей обоймы вопросов она начала удаляться от них. Ив буквально *почувствовал*, как она это делала. Иву самому пришлось здорово постараться, чтобы не встать и не выйти из комнаты. Ему не хотелось, чтобы странные взгляды останавливались на нем; выражения их лиц, казалось, говорили о том, что он избран для какой-то цели. Женщина в вышитой блузке и потертых джинсах когда-то была его дочерью, она и *выглядела* как его дочь, но теперь она уже не была ею. Большая часть Мэри была мертва, а то, что осталось уже умирало.

Детский психолог больше не приглашала их.

Потом она еще дважды приходила обследовать Хилли. Последний раз это было субботним вечером накануне того, как хэвенская мэрия взлетела на воздух.

— Чем они кормят его? — внезапно спросила она.

Ив сидел у окна, горячее солнце разморило его, и он понемногу засыпал. Вопрос этой толстой женщины заставлял его внезапно проснуться.

— Что?

— Чем они кормят его?

— Ну, обычной больничной едой, — ответил он.

— Сомневаюсь.

— Не стоит, — сказал он. — Я здесь достаточно часто обедал, чтобы точно узнать это. Почему вы спросили?

— Потому что у него выпало десять зубов, — кратко ответила она.

Ив сжал кулак, несмотря на тупую артритную боль, и с силой ударил себя по колену.

Что же ты собираешься делать, старина? Дэвид исчез, и было бы лучше, если бы ты сумел убедить себя, что он мертв, не так ли?

Да. Это сделало бы жизнь проще. Горше, но проще. Но он не мог поверить в это. Какой-то частью своего мозга он был уверен, что это была только смелая вера в лучшее, но почему-то Ив так не считал — в свое время Ив много раз совершал подобную ошибку, но в данном случае не похоже, что это были лишь благие пожелания.

Это было сильное, пульсирующее предчувствие в его сознании: Дэвид жив. Он потерялся, ему угрожает смерть, о, это весьма вероятно, но его еще можно спасти. Если. Если ты думаешь решиться на что-нибудь. И если ты сумеешь решиться на правильный поступок. У тебя мало шансов, старый пердун, оставляющий темные пятна на своих штанах, когда не может вовремя попасть в сортир. Мало шансов.

Поздно вечером в понедельник он очнулся от неглубокого сна, дрожа, в больницы палате Хилли — медсестры часто делали ему поблажки и разрешали оставаться в палате после окончания приемного времени. Ему приснился жуткий кошмар. Ему снилось, что он находится в каком-то темном, каменистом месте — остроконечные горные вершины врезались в черное небо, усеянное звездами, и ветер, пронизывающий как игла, выл в узких скалистых расщелинах. Внизу, при свете звезд, он мог различить огромную, плоскую долину. Она выглядела безводной, холодной и безжизненной. Огромные извилистые трещины пересекали ее, передавая ей вид плохо замощенной дороги. А откуда-то раздавался тонкий голосок Дэвида: «Дедушка, помоги, мне больно дышать! Дедушка, помоги, мне больно дышать! Помоги! Я боюсь! Я не хотел делать этот фокус, но Хилли заставил меня, а сейчас я не найду дороги домой!»

Он сидел в холодном поту и смотрел на Хилли. Пот бежал по его лицу как слезы.

Он встал, подошел к Хилли и нагнулся над ним.

— Хилли, — сказал он, и это было уже не в первый раз. — Где твой брат? Где Дэвид?

Но только в этот раз глаза Хилли открылись. Его водянистый, невидящий взгляд заставил Иверетта похолодеть — это был взгляд слепой сивиллы.

— Альтаир-4, — спокойно и совершенно отчетливо произнес Хилли. — Дэвид на Альтаире-4, он там же, где Томминокер, Томминокер, Томминокер стукнул в дверь.

Его глаза закрылись, и он снова погрузился в глубокий сон. Ив стоял над ним, лицо его было голубовато-розового оттенка. Некоторое время спустя его бросило в дрожь.

8

Он был городом в изгнании.

Если Рут Маккосланд была сердцем и совестью Хэвена, то Ив Хиллман в свои 73 года (и он был далеко не старым маразматиком, как он опасался последнее время) был его памятью. Ему многое пришлось повидать за свою долгую жизнь, и еще больше ему пришлось выслушать; он всегда был хорошим слушателем. Покинув больницу в понедельник вечером, он сделал крюк, чтобы зайти в «Дерри Мистер Пейпервэк», где он за девять долларов купил Атлас штата Мэн — собрание подробных карт, которые аккуратными квадратами охватывали площадь штата, каждый квадрат по 600 квадратных миль. Пролистав его, на карте №23 Ив обнаружил городок Хэвен. В книжном магазине он купил циркуль и уже дома, не задумываясь, зачем он делает это, начертил круг вокруг городка. Он, разумеется, поместил иглу циркуля в Хэвен Вилледже, фактически на краю города.

Дэвид на Альтаире-4, он там же, где Томминокер, Томминокер, Томминокер стукнул в дверь.

Ив сидел, сощурившись на карту и начерченную на ней окружность, раздумывая, имеют ли слова Хилли какое-нибудь значение.

Нужно было взять красный карандаш, старина. Нужно очертить Хэвен красным. На этой карте... на каждой карте.

Он нагнулся ниже. Дальние предметы он видел все еще настолько хорошо, что мог бы отличить горошину от кукурузного зернышка, если бы вы положили их на ограду в сорока ярдах от него, но на близком расстоянии он уже ни черта не видел, а свои очки он оставил у Брайена и Мэри — и теперь он считал, что если он пойдет к ним забрать их, то у него появятся заботы поважнее, чем чтение мелкого шрифта. Пока было бы лучше — безопасней — обходиться без очков.

Почти уткнувшись носом в страницу, он разглядывал места, по которым прошла нарисованная циркулем окружность. Она пересекала Дерри Роуд немного северней Престонского Ручья и немного восточнее от леса, который он и его друзья в детстве называли Большим Индейским Лесом. На карте он был обозначен как Горящий лес. Ив слышал пару раз и это название.

Ив уменьшил раствор циркуля в четыре раза и начертил вторую окружность. Он заметил, что дом Брайена и Мэри находится как раз

внутри этой второй окружности. На запад от нее лежал небольшой отрезок Ниста Роуд, идущий от Дерри Роуд к тупику возле каменоломни, находящемуся на опушке того же самого леса, зови его Большим Индейским или Горящим, это в сущности один и тот же лес.

Ниста Роуд. Ниста Роуд... Что-то было связано с Ниста Роуд, но что? Нечто, случившееся задолго до его рождения, но о чем еще будут вспоминать долгие годы спустя. Ив закрыл глаза, и казалось, что он уснул, одинокий практически лысый старик, в аккуратной рубашке армейского образца и брюках цвета хаки с тщательно разглаженными стрелками.

И неожиданно он вспомнил и удивился, почему это сразу не пришло ему на ум. Семья Кларендонов. Конечно же это они. Они жили на пересечении Ниста Роуд и Старой Дерри Роуд, Пол и Фэй Кларендон. Фэй, которая увлеклась сладкоголосым бродячим проповедником и которая спустя девять месяцев после того, как проповедник покинул город, родила мальчика с темными волосами и ясными небесно-голубыми глазами. Пол Кларендон, который долго рассматривал ребенка, лежащего в колыбели, а потом взял свою стальную бритву...

Кое-кто из жителей потом качал головой и обвинял во всем проповедника — его звали Кольсон. По крайней мере, он так говорил.

Кое-кто качал головой и обвинял Пола Кларендона; они говорили, что он всегда был сумасшедшим, и Фэй не должна была выходить за него замуж.

Кое-кто, разумеется, обвинял Фэй. Ив вспомнил, как один пожилой мужчина в парикмахерской — это было годы спустя, но у города типа Хэвена долгая память — назвал ее «просто легкомысленная шлюха, от которой не жди ничего, кроме беды».

А кое-кто — шепотом, неуверенно обвинял лес.

И внезапно глаза Ива открылись.

Да. Они обвиняли лес. Его мать называла таких людей темными и суеверными, но его отец, попыхивая трубкой, медленно качал головой и говорил, что в этих старых байках содержится обычно зерно истины и что лучше не испытывать судьбу. Именно поэтому, говорил он, он всегда крестится, когда черная кошка перебегает ему дорогу.

— Пф-ф! — фыркала мать Ива; Иву тогда было что-то около девяти лет, вспоминал он сейчас.

— И я догадываюсь, из-за чего твоя мама всегда бросает щепотку соли через плечо, когда она опрокидывает солонку, — мягко произнес отец Ива, обращаясь к нему.

— Пф-ф! — снова сказала она и удалилась внутрь дома, оставив своего мужа сидеть на крыльце и курить трубку. Ив сидел рядом с ним и внимательно вслушивался в его рассказы. Ив всегда был хорошим слушателем... за исключением одного переломного момента, когда кому-то было очень нужно, чтобы Ив выслушал его. Безвозвратно утеранный момент, когда слезы Хилли заставили его в замешательстве отступить.

Теперь же Ив слушал. Он слушал, что говорила ему его память... память города.

9

Большой Индейский лес назывался так, потому что именно здесь умер Большой Атлантис. Это бледнолицые назвали его Большим Атлантиком — его имя на тикмакском наречии было Бабаджоба, что означало «Высокие воды». «Большой Атлантис» было пренебрежительным переводом его имени. Племя первоначально занимало территорию, которая сейчас составляла большую часть округа Пеннобскот; большие поселения индейцев располагались в Олдтауне, Скоухегане и в Больших лесах, которые начинались в Лудлоу — именно в Лудлоу индейцы хоронили умерших от гриппа, который свирепствовал в 80-х годах, после чего они переехали южнее. Тогда и во время дальнейшего упадка племени их вождь был Бабаджоба. Он умер в 1885 году и на смертном ложе объявил, что лес, куда он привел свой умирающий народ, проклят. Это стало известно благодаря двум европейцам, которые присутствовали при его смерти — один был этнографом из Бостонского Колледжа, а другой — из Смитеонового института — и забредших на эту территорию в поисках индейских изделий, поскольку северо-восточные племена быстро вырождались и вскоре должны были исчезнуть. Было однако не понятно: сам ли Большой Атлантис наложил проклятие, или он просто заметил уже существующее положение.

В любом случае, единственным памятником ему был Большой Индейский Лес — даже место его могилы было неизвестно. Название этого огромного лесного участка все еще оставалось самым употребительным в Хэвене и в других городах округа, но Ив понимал, почему картографы составлявшие атлас штата Мэн, не захотели помещать слово «Индейский» на его страницах. Люди стали очень чувствительны к подобным намекам.

В старых байках обычно содержится зерно истины, как сказал его отец.

Ив, который также крестился, когда черная кошка перебегала ему дорогу (и, по правде говоря, даже тогда, когда какая-нибудь только собиралась проделать это, просто для надежности), считал, что его отец прав, и это зерно действительно в них есть. А Большой Индейский лес, было ли на него наложено это проклятие или нет, никогда никому не принесил большой удачи.

Не повезло Бабаджбоке, не повезло Кларендонам. Также никогда особенно не везло охотникам, которые забредали туда попытать счастья, вспоминал Ив.

За эти годы там произошло два... нет, три... минутку.

Глаза Ива расширились, и он про себя присвистнул, мысленно перелистав свою воображаемую картотеку с надписью «Несчастные случаи на охоте, Хэвен». Он с ходу мог припомнить дюжину происшествий, большинство из которых было связано с неудачными выстрелами, случившихся в Большом Индейском Лесу, и дюжину охотников, которых вытаскивали из леса ругающихся, истекающих кровью, находящихся в бессознательном состоянии или просто мертвыми. Некоторые застрелились, используя заряженные ружья в качестве шестов, перебираясь через поваленные деревья, или же роняя эти ружья, или еще из-за какой-нибудь дурацкой мелочи. Кого-то сочли самоубийцей. Но Ив вспомнил сейчас и два случая преднамеренного убийства произошедших во время охотничьего сезона — оба совершенные в драке, один раз из-за карточной ссоры в чьем-то лагере, другой раз из-за спора между двумя приятелями, чья пуля уложила оленя рекордных размеров.

Также охотники просто терялись. Господи, сколько их было! Чуть ли не каждый год поисковые партии отправлялись разыскивать какого-нибудь придурка, из Нью-Джерси, Массачусетса или Нью-Йорка, а бывало, что такие партии собирались по два-три раза в год. Никто из потерявшихся не был найден.

Большинство из них были горожане, которые, начнем с того, непонятно что забыли в лесу, но так было не всегда. Опытные охотники говорили, что компасы ведут себя скверно, а то и вовсе не работают в Проклятом Лесу. Отец Ива говорил, что, вероятно, в лесу должна находится прорва железной руды, и это она выводит из строя компасы. Разница между горожанами и лесными ветеранами заключалась в том, что горожане выучились обращаться только с компасом, а затем уже целиком положились на него. Потому, когда он начинал врать и показывал север вместо востока и восток вместо запада, или когда стрелка начиналась крутиться будто при игре в «Бутылочку», то они чувствовали себя как человек, застрявший в сортире с расстройством желудка и без единого клочка бумаги. Тогда

люди поумнее просто с ругательством запихивали компас в карман и пытались с помощью полдюжины других существующих способов отыскать дорогу. Если не оставалось ничего другого, нужно было искать просеку, которая вывела бы вас из леса. Рано или поздно вы бы вышли на дорогу или к столбам высоковольтной линии передачи.

Однако Ив знал нескольких людей, которые всю свою жизнь жили и охотились в Мэне, и которых все-таки пришлось выводить из леса с помощью поисковых партий, если вследствие глупой случайности они не смогли выбраться оттуда сами. Делберт Маккриди, которого Ив знал с детства, был одним из них. Дел ушел в Большой Индейский Лес со своим дробовиком в четверг 10-го ноября 1947 года. После того, как прошло двое суток, а он все еще не появился, миссис Маккриди вызвала Альфа Тремэна, который был тогда констеблем. Поисковая партия из 20 человек отправилась в лес в том месте у каменоломни Даймонд, где начиналась Ниста Роуд, а к концу недели партия разрослась до двух сотен.

Все собирались уже считать Дела — чьей дочерью, разумеется, была Хейзл Маккриди — пропавшим, когда тот, спотыкаясь, выбрел из леса вдоль берега Престонской протоки. Он был бледным, потрясенным и весил на двадцать фунтов легче, чем до своего похода в лес.

Ив навестил его в больнице.

— Как это могло случиться, Дел? Ночь была ясная. Звезды. Ты же можешь ориентироваться по звездам?

— Ну, — Дел выглядел здорово пристыженным — По крайней мере раньше мог.

— Опять же, мох. Ведь ты рассказал мне, как отыскивасшь север по мху, растущему на деревьях. Мы были мальчишками тогда.

— Ну, — повторил Дел. И все. Ив дал ему время и затем снова поднажал.

— Что же случилось?

В течении долгого времени Дел молчал. Затем еле слышным голосом он сказал:

— Меня закрутили.

Ив не стал прерывать наступившую паузу, хотя далось ему это нелегко.

— Сначала все было в порядке, — наконец Дел заговорил вновь. — Я проохотился все утро, но ничего сверхъестественного не замечал. Днем я пообедал и выпил бутылочку пива, которое готовит моя мамаша. После этого мне захотелось спать, и я прилег на часок. Снились мне какие-то забавные сны, я их не могу припомнить, но я знаю, что-то необычное в них было. А, вот, посмотри! Это случилось, пока я спал.

Дел Маккриди приподнял верхнюю губу, и Ив увидел дыру в верхнем ряду зубов.

— Потерял зуб?

— Да... Он лежал у меня на коленях, когда я проснулся. Должно быть, выпал, пока я спал, но у меня никогда не было проблем с зубами, не считая того случая, когда у меня не мог прорезаться зуб мудрости, что чуть не свело меня в могилу. Ну, а к тому времени уже начало темнеть...

— *Темнеть!*

— Я понимаю, как это звучит, не беспокойся, — резко ответил Дел — но это была резкость сильно смущенного человека. — Я просто проспал весь день, а когда я поднялся, Ив...

Его глаза на какую-то жалкую секунду встретились с глазами Ива и затем вновь повернулись в сторону, как будто он не мог вынести взгляд своего старого приятеля больше, чем одну секунду.

— Похоже, что кто-то стащил у меня мозги. Эльфы, может быть.

Ив засмеялся, но без особого веселья.

— Я начал блуждать, думая, что я следую по направлению к Полярной звезде, и когда я к девяти часам или около того не вышел на Хэммер Кат Роуд, я как бы протер глаза и увидел, что это совсем не Полярная звезда, а какая-то из планет — Марс или Сатурн, не знаю. Я лег спать, и после этого и до того момента, когда я вышел из леса неделей позже, я ничего не помню, кроме каких-то кусков и обрывков.

— Ну, — Ив остановился. Это было совершенно не похоже на Дела, чей рассудок был столь же уравновешен, как и плотницкий уровень. — Ну, Дел, может быть ты запаниковал.

Глаза Дела вновь встретились с глазами Ива, но на этот раз в них кроме смущения была и толика настоящего юмора.

— Человек не может паниковать в течении всей недели, — сухо сказал он. — Это несколько утомительно.

— Значит, ты просто...

— Да. Я просто, — согласился Дел — не знаю, правда, что именно. Я помню, что когда я проснулся, мои ноги и зад онемели и продолжали спать. И я помню, что мне снилось какое-то гудение — типа того, которое можно услышать возле высоковольтных линий в тихий день, — и это все. Я забыл все свои индейские штучки и бродил по лесу, как человек, никогда до этого *не видевший* леса. Когда я наткнулся на Престонскую протоку, я все же сообразил пойти вдоль нее, и я проснулся окончательно только здесь, и мне кажется, что теперь я стал посмешищем для всего города, но я рад, что остался жив. Только милостью божьей я жив.

— Ты не посмешище, Дел, — сказал Ив, и, разумеется, это была ложь, поскольку Делу затем пришлось стараться в течении пяти лет, чтобы преодолеть эту славу, но после того, как он убедился, что остряки из парикмахерской жить ему спокойно не дадут, он переехал в Ист Эддингтон, где он открыл гараж с небольшой мастерской по починке моторов. Ив время от времени наведывался к нему в гости, но Дел больше в Хэвен не приезжал. Иву казалось, что он понимал почему.

10

Сидя в номере, Ив как можно тщательнее осмотрел компас и нарисовал самый маленький кружок. Внутри этого кружка величиною с детский мраморный шарик находился всего один дом, и он подумал: *Этот дом ближайший к центру Хэвена. Забавно, что раньше я об этом никогда не задумывался.*

Это было местечко старого Гаррика, расположенное на Дерри Роуд, за которой широко раскинулся Большой Индейский Лес.

Я должен закрасить этот последний кружок красным, если другого цвета нет.

Племянница Фрэнка, Бобби Андерсон, теперь жила там — не потому, конечно, что фермерствовала — она писала книги. Ив едва ли перекинулся с Бобби несколькими словами, но в городе она имела хорошую репутацию. Она вовремя оплачивала свои счета и, к тому же, не была сплетницей. А еще она писала старые добрые романы-вестерны, ну просто пальчики оближешь, рассказы не из тех, полных выдуманных монстров и грудой грязных ругательств, которые пишут ребята из Бангора. Чертовски хорошие вестерны, говорят люди. Особенно для девушки.

Люди в Хэвене хорошо относились к Бобби Андерсон, но и то сказать: она жила в городе тринадцать лет, и они должны были бы подождать и осмотреться.

Гаррик, самый из них покладистый, был безумным, как помойная крыса. Он всегда мотался по прекрасному саду, но это не помогало его душевному здоровью. Он всегда норовил рассказать кому-нибудь о своих видениях. Обычно они были связаны с пришествием. В конце концов, дело закончилось тем, что даже самые ярые христиане ретировались, едва завидя грузовик Фрэнка Гаррика (с бампером, залепленным плакатами, которые гласили что-то вроде: «Если Сегодня состоится Взятие Живым на Небеса, кто-нибудь Подхватит Мой Руль»), едущий вниз по главной улице деревушки.

В конце шестидесятых старику втемяшились в башку летающие блюдца. Что-то там об Илии, зрящем колесо в колесе и взятом на небо ангелами, которые управляют огненными колесницами, приводимыми в движения электромагнитной энергией. Он был сумасшедшим и умер от сердечного приступа в 1975 году.

Но перед смертью, — подумал Ив с поднимающейся холодностью, — он потерял все зубы. Я заметил это, и я помню как Джастин Хард внизу на дороге продолжал это комментировать, а... а теперь Джастин самый близкий, кроме самой Бобби, то есть и Джастина тоже нельзя назвать эталоном здравомыслия и разумности. Несколько раз я видел его, прежде чем уехал, он даже напомнил мне о старом Франке.

Странно, что он никогда не связывал воедино все те необычные вещи, которые произошли в трех внутренних кружках до этого; впрочем, и никто вокруг не связывал. Дальнейшие размышления привели его к выводу, что в конце концов в этом не было ничего странного. Жизнь, в особенности долгая — составлена из миллионов событий, она покрывает множеством вытканых узоров свой гобелен и такой узор, как этот — смерти, убийства, потерянные охотники, сумасшедший Фрэнк Гаррик, может быть, даже и этот странный пожар у Полсонов — появляется только тогда, когда его ждешь. Однажды увидя его, вы удивляетесь, как же раньше его не знали. Но если бы вы не были...

И вот новая мысль осенила: Бобби Андерсон, вероятно, тоже была не совсем в себе. Он вспомнил, что в начале июля, а, возможно, даже раньше, из Большого Индейского леса раздавались звуки работающих мощных машин. Ив слышал звуки, но выбросил их из головы — Мэн густо оброс лесом, а звуки были слишком привычными. Компания «Новоанглийская бумага» производит лесозаготовки, вероятнее всего.

Теперь, когда он увидел схему, Ив осознал, что звуки раздавались не столь глубоко в лесах, где находились заготовительные участки фирмы. Эти звуки доносились из местечка Гаррика. И он понял также, что за более ранними звуками — циклическим жужжанием цепной пилы, треском и хрустом валящихся деревьев, кашляющем рычанием бензопилы — последовали звуки, которые он совсем не связывал с местными работами. Последние звуки были... чем же? Землеройными машинами, вероятно.

Достаточно однажды увидеть всю картину целиком, чтобы все встало на свои места, подобно тому, как с последним десятком кусочков складывается большая мозаика-головоломка.

Ив сидел, смотря на карту и кружки. Цепенящий ужас, казалось, наполнял его вены, пронизывая его холодом до мозга костей.

Но однажды, увидя картину целиком, вы не сможете забыть ее. Захлопнув и сбросив на пол атлас, Ив лег в постель.

11

Где он не мог заснуть.

Что они делают там сегодня вечером? Смотрят что-нибудь? Заставляют людей исчезать? Что?

Каждый раз, когда он почти погружался в сон, приходил образ: обитатели Хэвен Вилледж, стоящие на главной улице с наркотическим, сонным выражением лиц, все обращены на юго-запад, точно как молящиеся мусульмане поворачиваются к Мекке.

Когда кусочки становится на место в мозаике-головоломке, вы начинаете видеть, что она, собственно, из себя представляет, даже если на коробке нет инструкции. Лежа на этой узкой кровати недалеко от места, где Хилли лежал в коме, Ив Хиллман думал, что видит картинку вполне прилично. Не всю ее, заметьте, но большую ее часть. Он видел ее и знал совершенно точно, что никто ему не поверит. Никто, если не будет доказательства. А он не посмеет пойти на попятную, не посмеет попасть в сферу их достигаемости. Они не дадут ему уйти во второй раз.

Что-то. Что-то в Большом Индейском лесу. Что-то в земле, на ферме Фрэнка Гаррика повелевало его племянницей, которая писала эти самые вестерны. Что-то, что вчистую разлаживало компасы и человеческие рассудки, если слишком близко к нему подойти. Судя по всему, такие странные хранилища могли быть повсюду на земле. Самое малое, это могло объяснить то, почему люди в некоторых местах все время оказывались так чертовски обгажены. Что-то плохое. Преследующее. Может быть, даже и отвратительное.

Ив шевелился, мучимый бессонницей, переворачивался с боку на бок, смотрел в потолок. Что-то было в земле. Бобби Андерсон это обнаружила и выкопала, она и тот человек, который поселился у нее на ферме. А звали этого человека... звали его...

Ив нащупывал это имя, но никак не мог полностью вспомнить. Он вспоминал, как Бич Джерниган поджал губы, когда этот тип, друг Бобби явился однажды в «Хэвен Ланч». Завсегдатаи как раз наблюдали за человеком, выходящем с рынка с сумкой, полной продуктов. Жил он в Трое, как сказал Бич, в маленькой хибарке с дровяной печкой и пластиковыми занавесками на окнах.

Кто-то сказал, мол, парень-де образованный.

Бич сказал, что образование еще никого никогда не избавляло от ответственности.

Никто в «Хэвен Ланче» не стал с этим спорить, вспоминал Ив.

Нэнси Восс также не одобрила его. Она сказала, что друг Бобби застрелил собственную жену, но был выпущен из-за того, что он был профессором колледжа. «Если вы способны написать по-латыни «овечья шкура», то в этой стране вы сможете улизнуть откуда угодно», — так она сказала.

Они смотрели, как человек садится в грузовик Бобби и направляется вниз на ферму старого Гаррика.

— Я слышал, что он не дурак выпить, — сказал старый Дэйв Ратлидт, сидя в своем излюбленном уголке. — Да любой, кто его знает подтвердит, что он самый что ни на есть завзятый пьяница, как пить дать.

При этом раздался взрыв недоброжелательного, грязного деревенского хохота. Им не понравился друг Бобби, ни одному из них. Почему? Потому что застрелил жену? Из-за того, что пил? Из-за того, что жил с женщиной, на которой не был женат? Ив знал почему. В «Ланче» в тот день были люди, которые не только *избивали* своих жен, но делали это в самых изощренных формах. Здесь это считалось хорошим тоном: ты обязан вправить мозги своей старухе, если она становилась слишком умной. Здесь были люди, которые с одиннадцати утра до шести вечера накачивались пивом и с шести вечера до полуночи дешевым виски и выпили бы даже отраву для мух, процедив ее через носовой платок, если бы им не удалось достать виски. Люди, которые вели половую жизнь кроликов, прыгая из норы в нору. Как же все-таки его звали?

Ив погружался в сон. Он видел их, стоящих на тротуарах, на лужайке перед публичной библиотекой, в маленьком парке, сонно прислушиваясь к этим звукам. И вновь пробуждение.

Что ты обнаружила, Рут? Почему они убили тебя? Он переметнулся на левый бок.

Дэвид жив... но чтобы вернуть его, я должен начать с Хэвена. Переметнулся на правый бок.

Они убьют меня, если я вернусь. Было время, когда я был почти так же уважаем здесь, как сама Рут... по крайней мере, мне всегда хотелось так считать. А теперь они ненавидят меня. Я видел это в их глазах в ту ночь, когда они стали искать Дэвида. Я вызволил Хилли из-за того, что он был болен, и ему был нужен доктор, да... но было чертовски хорошо иметь причину для того, чтобы уйти. Может быть, они дали мне уйти только потому, что Дэвид отвлек их внимание. Может быть, они просто хотели от меня избавиться.

С другой стороны, мне посчастливилось выбраться. Снова мне никогда не выбраться. Так как же я могу вернуться?

Я не могу.

Ив метался и ворочался, его разрывал на части зов двух велений совести — ему надо вернуться в Хэвен, если он хочет спасти Дэвида до того, как тот умрет, но если он вернется в Хэвен, он будет убит и быстро схоронен на чьем-нибудь околном поле.

Незадолго до полуночи он впал в беспокойную дремоту, которая вскоре перешла в глубокий сон без сновидений, сон полного изнеможения.

12

Он проспал больше, чем когда-либо, проснувшись во вторник в четверть одиннадцатого. Он чувствовал себя свежим и здоровым первый раз за долгое время. Сон сослужил ему добрую службу, кроме того: во время него он придумал, как ему, может быть, удастся съездить в Хэвен и вернуться обратно. *Может быть.* Ради Дэвида и Хилли он должен пойти на риск.

Он подумал, что сможет приехать и уехать из Хэвена в день похорон Рут Маккосланд.

13

Буч Монстр Дуган был самым большим человеком, которого когда-либо видел Ив. Ив подумал, что отец Джастина Харда Генри в подметки ему не годился — Генри был шесть футов шесть дюймов высотой, весил 380 фунтов и обладал такими широкими плечами, что едва протискивался в двери — но рядом с этим малым он показался бы ребенком.

Когда Ив пожал ему руку, он увидел, что слухи о нем распространились. Это было написано у Дугана на лице.

— Садитесь, мистер Хиллман, — сказал Дуган, и сел сам на вращающийся стул, который казался сколоченным из гигантского дуба. — Чем я могу служить?

Он ждет, что я начну нести бред. — спокойно подумал Ив, — так же, как мы всегда ждали этого от Фрэнка Гаррика, когда ему удавалось пристать к нам на улице. И мне кажется, что я его не стану разочаровывать.

Ступай осторожно, Ив, и тебя не сбить с пути. Ты знаешь теперь, куда ты хочешь идти, в любом случае.

— Ну, может быть, вы сможете как-нибудь помочь вот с чем, — сказал Ив. По крайней мере, он не выпил; попытка разговаривать с репортером после всех тех кружек пива была жестокой ошибкой. — Газета сообщает, что вы завтра собираетесь на похороны Рут Маккосланд.

Дуган кивнул.

— Да, я собираюсь. Рут была моим личным другом.

— А другие из казарм Дерри поедут? В газете написано, что ее муж был полицейским и *сама она* тоже. Конечно, констебль в городе — не велика шишка, но вы понимаете, что я имею в виду. Там *будут* и другие, не так ли?

Дуган теперь насупился, и нахмурился всем своим огромным лицом.

— Мистер Хиллман, если вы на что-то намекаете, то я этого не понимаю.

И я занят сегодня утром, если ты этого не понял, — добавило выражение его лица. — Я потерял двух полицейских, это больше всего смахивает на то, что они наткнулись на каких-то парней, промышлявших оленей, и браконьеры в панике застрелили их. Я и так сижу, как на иголках, а тут в довершение всего умерла моя старая подруга Рут Маккосланд, и у меня нет ни времени, ни терпения для этого куска дерьма.

— Я знаю, что вы не понимаете. Но вы поймете. У нее были какие-то другие друзья, которые придут?

— Да. Человек шесть или больше. Я сам собираюсь, выведу немного раньше, так что смогу поговорить с некоторыми людьми об этом деле.

Ив кивнул.

— Я знаю об этом деле, — сказал он, — и я догадываюсь, что вы знаете обо мне. Или думаете, что знаете.

— Мистер Хиллман.

— Я разговаривал глупо, и не с теми людьми, и не впопад, — сказал Ив тем же спокойным голосом. — При иных обстоятельствах я обдумал бы это лучше, но я был выведен из равновесия. Один из моих внуков потерялся. Другой в чем-то вроде комы.

— Да, я знаю.

— Я был в таком помрачении, что я не знал, схожу я с ума или уже сошел. Так или иначе я поболтал с некоторыми сиделками, а потом я приехал в Бангор и поговорил с репортером Брайтом. Я бьюсь об заклад, что вы слышали большую часть того, что я ему сказал.

— Мне кажется, вы считаете, что в деле об исчезновении Дэвида Брауна был какой-то заговор.

Ив с трудом удержался от смеха. Слово было одновременно странным и удачным. Он сам бы об этом никогда бы не подумал. О, заговор продолжается, отлично! Самый что ни на есть *адский* заговор.

— Да, сэр. Я считаю, что был заговор, и думаю, что эти три случая гораздо более взаимосвязаны, чем вы предполагаете — исчезновение моего внука, исчезновение тех двух полицейских и смерть Рут Маккосланд — такой же моей подруги, как и вашей.

Дуган выглядел несколько пораженным... и в первый раз взглянул обескураженно. Первый раз Ив ощущал, что Дуган в *самом деле* видал его, Иверетта Хиллмана, а не какого-то сумасшедшего старого пердуна, который ворвался сюда, чтобы пустить к черту часть его утреннего времени.

— Вероятно, будет лучше изложить мне суть того, что вы считаете, — сказал Дуган и вынул блокнот.

— Нет. Вы можете убрать блокнот назад. — Дуган молча смотрел на него в течение секунды. Он не спрятал блокнот, но положил карандаш.

— Брайт подумал, что я сумасшедший, и я не рассказал ему и половины того, что знал, — сказал Ив. — Так что я не намерен вам что-либо рассказывать. Но вот, что интересно: я думаю, что Дэвид все еще жив. Я не думаю, что он все еще в Хэвене, но считаю, что если я вернусь туда, я смогу набрести на мысль о том, где он *находится*.

А теперь у меня есть причины, и вполне основательные, как я считаю, полагать, что меня не очень-то хотят видеть в Хэвене. У меня есть причины думать, что если я вернусь туда под давлением обстоятельств, я, вероятнее всего, должен буду исчезнуть, как Дэвид Браун. Или со мной произойдет несчастный случай, как с Рут.

Лицо Буча Дугана изменилось.

— Я думаю, — сказал он, — что должен попросить объяснить все это, мистер Хиллман.

— Я не стану этого делать. Я не могу. Я знаю только то, что знаю, и верю только в то, во что верю, но у меня нет ни крупинки доказательств. Я знаю, какой чушью должны выглядеть мои слова, но если вы посмотрите мне в глаза, то поймете, по крайней мере, одно: я *уверен* в том, что говорю.

Дуган вздохнул.

— Мистер Хиллман, если бы вы занимались тем, чем я, то вы бы знали, насколько искренними выглядят подчас самые завязтые лгуны.

Ив начал что-то говорить, и Дуган покачал головой.

— Забудьте об этом. Дешевый ход. Мне удалось поспать только шесть часов с воскресной ночи. Я становлюсь слишком стар для этих марафонов. Факт остается фактом, я *верю*, что вы не врете. Но вы лишь намекаете, все время ходите вокруг да около. Иногда люди делают так, когда они напуганы, но в основном они так поступают, когда им нечего сказать. Кроме того, у меня нет времени, чтобы вас уговаривать. Я ответил на ваши вопросы. Может быть, следовало бы лучше изложить свое дело.

— С удовольствием. Я пришел сюда по двум причинам, полицейский Дуган. Первая — удостовериться в том, что завтра в Хэвене собирается множество полицейских. Вероятность того, что случатся какие-то события, становится гораздо меньшей, когда вокруг куча полицейских, вы согласны со мной?

Дуган ничего не сказал, лишь посмотрел на Ива без всякого выражения.

— Вторая причина — рассказать вам, что я завтра также буду в Хэвене. Хотя я и не буду на похоронах Рут. Я собираюсь захватить с собой ракетницу. И если во время похорон вы или кто-то из ваших людей увидите ракету в небе, вы будете знать, что я свихнулся от этого безумия, в которое никто не верит. Вы пойдете за мной?

— Вы сказали, что возвращение в Хэвен может быть для вас, э... не совсем безболезненным. — Лицо Дугана было все еще бесстрастным, но это не имело значения. Ив понял, что он вернулся к своей первоначальной мысли, что Ив безумец.

— Я сказал, при *давлении* обстоятельств. При *этих* же обстоятельствах, я думаю, что смогу выйти сухим из воды. Рут любили в Хэвене — вот то, что, как мне кажется, я не должен был вам говорить. Большинство горожан придут, чтобы проститься с ней. Я не знаю, любят ли они ее все еще после того, как она умерла, но это не имеет значения. Как бы то ни было, они придут.

— Почему вы так выражаетесь? — спросил Дуган. — Или это еще одна из вещей, о которых вы не хотите говорить?

— Нет, я не имею этого в виду. Будет *неправильно* смотреться, если они не придут.

— Неправильно для кого?

— Для вас. Для других полицейских, которые были друзьями ее и ее мужа. Для политиков из Комитета Демократической партии. Меня не удивит, если Конгрессмен Бреннан пришлет кого-нибудь из Огасть, она *очень* много сделала для него, когда он выставял свою кандидатуру в Вашингтоне. Ведь ее знали не только в округе, и с этим им тоже приходится считаться. Я надеюсь, что они, устраивая

хорошее шоу, будут так заняты тем, чтобы все выглядело *должным образом*, что даже и не узнают, что я в Хэвене.

Буч Дуган скрестил руки на груди. Вначале Дуган тешил себя фантазиями о том, что Дэвид Брайт, который обычно аккуратно интерпретировал человеческое поведение, на этот раз ошибся. Хиллман был настолько в здравом рассудке, насколько и *он сам*. Теперь он был обеспокоен не потому, что Хиллман был слегка не в своем уме, но потому что оказался сумасшедшим *в самом деле*. И все же было что-то странно убедительное в спокойном, уверенном голосе старика и его постоянном пристальном взгляде.

— Вы говорите так, как будто все в Хэвене в чем-то замешаны, — сказал Дуган, — а я считаю, что это невозможно. И хочу, чтобы вы знали это.

— Да, так бы сказал любой нормальный человек. Вот так они умудрялись так долго выходить сухими из воды. Пятьдесят лет назад людям казалось, что атомная бомба невозможна, и они бы здорово позабавились над идеей телевизора, не говоря уж о видеомэгнитофоне. Не многое изменилось, полицейский Дуган. Большинство людей видят не дальше горизонта, и все. Если кто-нибудь скажет, что и за горизонтом что-то есть, его просто не станут слушать.

Ив встал и протянул свою руку Дугану, ожидая что Дуган пожмет ее. Его удивило, что Буч не сделал этого.

— Ну вот, я так и знал, едва посмотрев на вас, что вы считаете меня психом, — сказал Ив со слабой и печальной улыбкой, — и я догадываюсь, что сказал достаточно для того, чтобы удвоить впечатление. Но я узнал то, что хотел узнать и сказал то, что хотел сказать. Сделайте старику одолжение, посматривайте иногда на небо. Если вы увидите пурпурную ракету...

— Леса этим летом сухие, — сказал Дуган, и даже слова, едва выходя из его уст, казались беспомощными и странно не имеющими значения, почти фривольными. Он осознал, что его неудержимо тянет поверить.

Дуган откашлялся и встал из-за стола.

— Если у вас и вправду есть ракетница, то, используя ее, вы можете вызвать адский лесной пожар. Если у вас нет разрешения использовать такую штуку — а мне, черт побери, известно, что у вас его нет, — вас можно бросить за решетку.

Улыбка Ива чуть расширилась, но в ней все так же не было юмора.

— Если вы увидите ракету, — сказал он, — то мне кажется, кутузка в Бангоре была бы самой незначительной из всех моих неприятностей. До свидания, полицейский Дуган.

Ив вышел и аккуратно закрыл дверь. Дуган мгновение стоял, ошеломленный и встревоженный, как еще никогда в жизни. *Пусть катится*, — подумал он и затем начал двигаться по комнате.

Что-то обеспокоило Буча Дугана. Исчезновение двух полицейских, которых он знал и любил, временно заставило его выкинуть это из головы. Визит Хиллмана снова напомнил ему об этом, и это заставило его пойти вслед за стариком.

Это было воспоминание о его последнем разговоре с Рут. Ее участие в поисках Дэвида Брауна совсем не напоминало прежнюю Рут Маккосланд, которую он знал. Только единственный раз, как он мог вспомнить, она была непрофессиональна.

Затем, за ночь до того, как она умерла, он спрашивал ее о расследовании, чтобы получить информацию и дать ее, вмешивался, словом, не в свое дело. Он знал, что у обоих не было ничего, но иногда можно превратить во что-либо ценное чистую гипотезу, как солону в золото. Во время того разговора он упомянул этого типа, деда мальчика. К тому времени Буч поговорил с Дэвидом Брайтом из «Ньюз» — то есть они пили пиво с ним — и тот подкинул мысль Ива о том, что весь город непостижимым образом свихнулся.

Рут не смеялась над этой историей и не болтала о помрачении рассудка Ива Хиллмана, как он ожидал. Он не совсем понял, *что именно* она сказала, потому что как раз перед этим связь стала портиться. *В этом* не было ничего очень необычного: большинство линий, проходящих в таких маленьких городишках, как Хэвен, все еще крепились на столбах, и регулярно связь летела ко всем чертям. Вы и ваш собеседник чувствовали себя детьми, играющими в телефон, сделанный из пустых жестянок, связанных проволочкой.

Лучше попроси его, чтобы он держался подальше от этого, сказала Рут — он был почти уверен в этом. И потом, как раз перед тем, когда ее голос вообще пропал, ему показалось, что она сказала что-то о нейлоновых чулках. Он, должно быть, неправильно расслышал, но он не мог ошибиться в ее тоне — печаль и огромная утомленность, как будто ее неудача в попытке найти Дэвида Брауна вынула из нее всю душу. Секундой позже связь полностью прервалась. Он не пытался снова дозвониться до нее, потому что дал ей всю информацию, которая была у него, точнее, немного меньшую. На следующий день она умерла.

Лучше всего сказать ему, чтобы он держался от этого подальше. Вот в чем он был почти уверен.

Сейчас, у меня есть основания... полагать, что меня не хотят видеть в Хэвене.

Сказать ему, чтобы он держался подальше.

Я могу исчезнуть, как Дэвид Браун.

Держался подальше.

Или со мной произойдет несчастный случай, как с Рут Макколланд.

Подальше.

Он нашел старика на автостоянке.

У Хиллмана был старый фиолетовый «Вэльянт» с сильно заржавевшими боковыми крыльями. Дверца со стороны руля была открыта, Ив смотрел снизу вверх на Дугана, нависшего над ним.

— Я поеду с вами завтра.

Глаза Ива расширились.

— Вы же даже не знаете, куда я еду.

— Нет. Но если я буду с вами, мне не нужно будет беспокоиться, что вы подожжете половину лесов в восточном Мэне, чтобы отправить мне послание, подобно Джеймсу Бонду.

Ив испытывающе смотрел на него и затем покачал головой:

— Я бы чувствовал себя лучше, если бы кто-то был со мной, — сказал он, — особенно такой парень размером с Гориллу Монсуна, который время от времени будет щелкать затвором. Но те, в Хэвене, не настолько тупы, Дуган. Они никогда не были тупы, и мне кажется, что в последнее время тупости у них значительно прибавилось. Они ожидают увидеть вас на похоронах. Если они вас там не увидят, то у них появятся кое-какие подозрения.

— Господи! Хотел бы я знать, каким образом вам удастся нести всякую чушь, но при этом еще и высказывать чертовски разумные вещи.

— Может быть, потому что вы тоже знаете, — сказал Ив, — насколько все это странно. Как странно начались все эти штуки в Хэвене.

Затем со странным предчувствием он добавил:

— Или вы, может быть, знали Рут достаточно хорошо, чтобы почувствовать, что с ней в последнее время было не все в порядке.

Два человека стояли смотря друг на друга на парковочной стоянке, усыпанной гравием, солнечный свет падал на них, их тени четкими черными пятнами ложились на гравий.

— Сегодня вечером я пушу слух, что я заболел, — сказал Дуган. Например, у меня отравление. Слух поползет по казармам. Что вы об этом думаете?

Ив кивнул с внезапным облегчением — облегчение было настолько сильным, что Ив поразился. Мысль о том, чтобы тайком пробраться в Хэвен, настолько пугала его, что ему не хотелось бы признаваться в этом, особенно себе. Он наполовину убедил этого громилу-полицей-

ского, что нечто происходит там: это было видно по его лицу. «Наполовину убежденный» — это конечно немного, но это все же гигантский шаг по сравнению с тем, что было раньше. И, разумеется, он сделал этот шаг не в одиночку, Рут Маккосланд помогла ему в этом.

— Отлично, — сказал он. — Однако слушайте меня, полицейский Дуган, и слушайте внимательно, поскольку наши жизни, может быть, будут зависеть от этого завтра. Не говорите никому из тех, кто завтра придет на похороны, что ваше отсутствие там это одна из операций, которую вы проводите. Позвоните сегодня нескольким людям и скажите, что вы жутко заболели, и, что, может быть, придете завтра на похороны, если удастся подняться с постели, но вы сомневаетесь в этом.

Дуган нахмурился.

— Зачем это нужно, чтобы я... — Но внезапно он понял, и уставился на Ива, открыв рот. Старик спокойно смотрел на него.

— Господи, вы хотите сказать, что Хэвенские жители умеют *читать мысли*? То есть, если мои люди узнают, что я в действительности здоров, то люди из Хэвена выведывают эту новость прямо из их голов?

— Я это не говорю, полицейский Дуган, — сказал Ив. — Вы сами сказали это.

— Мистер Хиллман, я всерьез думаю, что вы, должно быть, представляете, что...

— Я не ожидал, когда я пришел к вам, что вы захотите поехать со мной. Я, в общем, и не добивался этого. Самое большее, на что я надеялся, так это на то, что вы будете настороже и увидите мою ракету, если со мной случится беда.

И это, по крайней мере, будет держать то змеинное гнездо в напряжении еще некоторое время.

Но если человеку предлагаешь много, то он требует еще больше. Поверьте мне еще только в одном. Пожалуйста. Во имя Рут... если именно это убедило вас поехать со мной, то я еще раз воспользуюсь этим. И еще: неважно, что это будет, но завтра вы почувствуете нечто необычное.

— Я уже достаточно почувствовал сегодня, — сказал Дуган.

— Понимаю, — сказал Ив и подождал, пока Дуган примет решение.

— У вас есть на примете какое-то определенное место, куда мы поедем, — спросил Дуган спустя некоторое время. — Или вы просто собираетесь шататься по городу, пока вам это не надоест?

— У меня есть на примете такое место, — спокойно сказал Ив. Он подумал: *О, да. Да, сэр. За фермой старого Гаррика, на опушке*

Большого Индейского леса, где компасы не стоят и ломаного гроша. И я верю, что мы набредем на довольно-таки хорошую дорогу через лес к этому — чем бы «это» ни было, потому что снаряжение и прочие вещи, которые использовала Бобби Андерсон и ее друг, оставляет след широкий, как шоссе. Нет, я не верю, что случится какая-нибудь неприятность, совсем не верю.

— О'кей. Дайте мне адрес, по которому вы остановились в Дерри, и я захвачу вас в девять часов на своей машине. Мы доберемся в Хэвен как раз незадолго до того, как начнется служба.

— Автомобиль — моя забота, — спокойно сказал Ив. — Не этот, конечно, его хорошо знают в Хэвене. Я возьму машину напрокат. А вам надо появиться в девять, потому что мы сделаем крюк.

— Я довезу вас в Хэвен и при этом останусь в деревне незамеченным. Вы об этом не должны беспокоиться.

— Не буду. Но я хочу, чтобы мы объехали весь город и въехали бы со стороны Альвиона, и мне кажется, я знаю, как это сделать.

— Какого дьявола мы должны въезжать именно с этого конца?

— Потому что это самый удаленный конец от того места, где они будут, и именно оттуда я хочу вернуться в Хэвен. Настолько далеко от них, насколько мне удастся.

— Вы в самом деле испуганы, правда?

Ив кивнул.

— А почему надо арендовать автомобиль?

— Шеф, а вам не кажется, что вы задаете слишком много вопросов?! — При этом Ив так комично завращал глазами, что Буч Дуган улыбнулся.

— Работа такая, — сказал он. — Почему вы хотите взять автомобиль напрокат? Вроде бы никто в Хэвене и знать не знает мою машину.

Он замолчал в раздумье.

— По крайней мере сейчас, когда Рут умерла.

— Потому что у меня такая навязчивая идея, — сказал Ив Хиллман. Его лицо вдруг исказила улыбка, и сладкая. — А человек должен расплачиваться страхом за свою навязчивую идею.

— К завтрашнему дню в это время, я думаю, у вас будет куда лучшее понятие о том, что такое сумасшествие. — Сказал Ив и тронул с места свой старый «Вальянт», прежде чем Дуган смог открыть рот.

Бучу фактически больше нечего было спросить. Он ощущал подавленность, как если бы он купил Бруклинский Мост в свой первый день в Нью-Йорке, хотя и знал, что такая штука, не подлежит продаже. *Никого нельзя прибрать к рукам, кроме того,*

кто хочет быть прибранным, подумал он. Старик был странным образом убедителен, но Буч Дуган знал, что сам он в этом *не убежден*. Он вздрогнул. Из-за того, что он любил Рут Маккосланд и через год или около того, вероятно, нашел бы в себе достаточно сил, чтобы сделать ей предложение. Из-за того, что, когда умирает кто-то, кого ты любишь, это оставляет черную дыру в самом твоём сердце, и единственный способ заткнуть эту дыру — бежать от признания того, что его или ее унесла какая-то нелепая случайность. Лучше для тебя, если ты поверишь, хоть немного, что кто-то или что-то, до чего ты можешь добраться, ответственен за это. Это уменьшает дыру в твоём сердце. И об этом хорошо знает любая деревенщина.

Охваченный тоской, неожиданно почувствовавший себя гораздо старше своих лет, Дуган устало плелся в казармы.

Ив приехал в больницу и почти весь остаток дня просидел с Хилли. Около трех часов он написал две записки. Одну положил на тумбочку Хилли, и, чтобы ее не унес случайно игривый легкий ветерок, бившийся в окно, придавил ее маленьким горшком с цветами. Другая записка была длиннее, и, закончив писать, он сложил и сунул ее в карман. После этого он ушел из больницы.

Он приехал в маленький дом в Промышленном Парке Дерри, надпись на двери извещала: «Мэнское Медоборудование». И ниже: «Специализируемся в дыхательных упражнениях и дыхательной терапии с 1946 года».

Он сообщил человеку в доме, что ему нужно. Человек ответил, что ему следовало бы съездить в Бангор и поговорить с ребятами из клуба аквалангистов. Ив объяснил, что акваланг не совсем то, что он хочет, его интересовало снаряжение, как можно более пригодное на суше. Они поговорили еще некоторое время, и Ив уехал, подписав договор об аренде на тридцать шесть часов автомобиля с довольно специализированным снаряжением. Клерк «Мэнского Медоборудования» стоял у двери, провожая его взглядом и почесывая затылок.

15

Сиделка прочла записку оставленную около кровати Хилли.

Хилли...

Некоторое время я не смогу видиться с тобой, но я хочу сказать тебе, что уверен — ты выкарабкаешься из этой передрыги, и если я смогу тебе в этом помочь, мне кажется, я буду просто самым

счастливым дедом в мире. Я верю, что Дэвид еще жив, и не думаю, что ты виноват в том, что он потерялся первым.

Я люблю тебя, Хилли, и надеюсь, что мы вскоре увидимся.

Дед.

Но больше он никогда не увидел Хилли Брауна.

9 ПОХОРОНЫ

1

Начиная с девяти часов все те, кто жил в пригороде и знал Рут Маккосланд, начали стягиваться в Хэвен. Вскоре все места для парковки вдоль Мэн-стрит оказались заняты. В «Хэвен Ланче» торговля шла довольно оживленно. Бич был занят яйцами всмятку, беконом, колбасой и жарким. Кофе он варил чашку за чашкой. Конгрессмен Бреннан не пришел, но прислал представителя.

«Тебе придется прийти самому, Джо, — думал Бич со злорадной усмешкой, — и выбрось из головы все новые мысли о том, как бы сбежать».

Денек выдался живым и ясным, гораздо больше напоминавшим конец сентября, чем конец июля. Небо было ярко-голубым, температура где-то градусов 20, а скорость восточного ветра была около двадцати миль в час. Снова в городе появились чужие, и снова Хэвен одаривал их такой славной погодой. Скоро будет уже не важно, славная ли погода, обменивались взглядами горожане; скоро они будут платить за свое счастье.

Хороший день, сказали бы вы, славный летний денек в Новой Англии, который так любят туристы. Такие дни пробуждают зверский аппетит. Те, кто приехал из-за пределов Хэвена, заказывали обильные завтраки, как это склонны делать люди с пробудившимся аппетитом, но Бич заметил, что тарелки возвращались съеденные лишь наполовину. Приезжие быстро теряли аппетит, глаза их тухли и они, за редким исключением, становились опустошенными и смертельно усталыми.

«Хэвен Ланч» был полон, но шума почти не было.

Должно быть, местный воздух отличается от того, к которому они привыкли, — думал Бич. Он вообразил, как пойдет в кладовку,

где под кучей скатертей лежит аппарат, избавивший его от двух назойливых мусоров. Бич представил, как вынесет его оттуда — большую базуку, пахнущую смертью — и в восхитительной вспышке зеленого огня увидит, как помещение очистится от чужаков. Нет, не сейчас. Время еще не пришло. Но вскоре это обязательно случится. В следующем месяце. А сейчас... Он взглянул на тарелку, которую очищал, и увидел зуб в чьей-то яичнице.

Томминокеры появились, мои друзья, — подумал Бич. — Пока они окончательно не перебрались сюда, я не думаю, чтобы они стали суетиться со стуком, я думаю, их уже сдуло через проклятую дверь прямо вниз.

Бич слегка позеленел. И смахнул зуб с тарелки вместе с остальными отбросами.

2

Дуган мог вести себя очень тихо, когда хотел, а этим утром ему этого-то и хотелось. Кроме того, этого хотелось и старику. Дуган приехал к дому Ива Хиллмана в Нижнем Мэне ровно в восемь и обнаружил «Джип Чероки», стоящий на обочине. На заднем сиденье у него была ружейная сумка, а на крыше была прикручена толстая веревка.

— Ты взял это на прокат в Бангоре?

— Арендована в Дерри, — сказал Ив.

— Должно быть, дорого?

— Не слишком, дорогуша.

На этом разговор и закончился. Через час и сорок минут они оказались где-то рядом с дорогой Альвион—Хэвен. Старик предупреждал, что придется немного проехать по бездорожью, и, как выяснилось позже, если уж это не было классическим преуменьшением, то уж совсем неясно, что еще могло бы им быть. Так, по крайней мере, показалось Бучу. Он просидел за рулем в этой части Мэна двадцать лет и до сегодняшнего дня был уверен, что знает здешние места как свои пять пальцев. Теперь он знал лучше. Хиллман знал их как свои пять пальцев, а Буч Дуган по сравнению с ним обладал лишь зачатками знаний, и не более.

Они проехали дорожный пост на 69 шоссе, с него свернули на асфальтовую двухрядку, оттуда на гравийную к западу от Трои, затем на грязную дорогу, посередине которой пробивалась трава, и в конце концов на заросшую лесовозную дорогу, которой, судя по ее виду, никто не пользовался где-то с 1950 года.

— Ты хоть представляешь, куда мы премя? — вырвалось у Буча, когда «Чероки», пробивающийся сквозь бревенчатый завал на дороге, занесло, и комья грязи и раздробленные щепочки полетели из-под всех четырех колес.

Ив только кивнул. Он цеплялся за большой руль «Чероки», как большая лысая обезьяна.

Лесистые дороги переходили одна в другую, в конце концов машина вскарабкалась на присыпанную листвою осыпь щебня, и оказалась, как, осмотревшись, понял Буч, на Дороге №5 города Альвиона. Хотя Бичу и казалось это невозможным, старик сделал то, что обещал: он показал путь вокруг Хэвена, который ни разу не заходил в город.

Теперь Ив остановил в сотне футов от обозначения городской границы Хэвена. Он приглушил двигатель и приоткрыл окно. Не доносилось ни звука, лишь мерно урчал мотор. Не слышно было птичьего пения, и Бичу показалось это странным.

— А что в ружейной сумке сзади? — спросил Бич.

— Самые разные вещи. Пускай сейчас это тебя не волнует.

— Чего ты ждешь?

— Колокольного звона, — сказал Ив.

3

Но это не был тот колокольный звон церкви методистов, под который Ив вырос и ждал сейчас, который звонил без четверти десять, созывая на Оплакивание — и искренних плакальщиков, и тех, у кого уже наготове были бурные потоки крокодильих слез — в Методистскую Церковь, где начинался первый из трех актов спектакля (Акт II: У могилы; Акт III: Поминки в Городской Библиотеке).

Преподобный Гуринджер, робкий человек, который и мухи не обидит, несколько недель назад ходил по городу и говорил всем, что он устал от этого буханья.

— Так почему бы тебе что-нибудь с ним не сделать, Гу? — спросила Памелла Сарджент.

Преподобного Лестера Гуринджера еще ни разу в жизни не называли «Гу», но в его тогдашнем состоянии затаенной обиды он едва обратил на это внимание.

— Быть может и сделаю, — сказал он, мрачно глядя сквозь толстые линзы очков. — Очень даже может быть.

— Есть идеи?

— Время подскажет, не так ли? — изящно ответил он.

— Конечно, Гу, — сказала она. — Конечно.

На самом деле у преподобного Гуринджера была идея, касающаяся этих колоколов — даже удивительно, как он раньше не додумался, настолько она проста и великолепна. Главная прелесть идеи состояла в том, что она не требовала обсуждения ни с дьяконом, ни с «Женской помощью» (организация привлекала лишь два типа женщин — толстых слюнявых баб с грудями не меньше бочонка и плоскогрудых девиц с усохшим задом вроде Памеллы Сарджент с ее мундштуком из поддельной слоновой кости и режущим слух кашлем курильщика), или с некоторыми из наиболее активных членов его общины... общение с которыми всегда выливалось для него в сильное и болезненное расстройство желудка. Он не любил просить. Нет, это то, что преподобный Лестер Гуринджер способен сделать и сам, и он это сделает. И плевать на всех, кто не поймет, в чем шутка.

— Если ты, Пэм, еще раз назовешь меня Гу, — шептал он, вывинчивая пробки в церковном подвале, так как его идея могла потребовать большого напряжения, — я заткну дыру в писсуаре в доме священника и хорошенько промою тебе мозги... если их раньше не смое в унитаз.

Он захихикал и снова занялся пробками. Преподобный Лестер Гуринджер за все свою жизнь не подумал, и уж тем более не произнес ничего более грубого, но сейчас он лишь почувствовал себя более свободным и оживленным. Ведь Лестер, собственно говоря, готовился посоветовать тому из Хэвена, кто не оценит новый колокольный перезвон, откусать пирожок с хером жареным внутри.

Но все в городе считали, что это нововведение не лишено великолепия. Так оно, в сущности, и было. И сегодня преподобный Гуринджер почувствовал, как сжалось от гордости его сердце, когда он слегка коснулся нового выключателя в ризнице и звук колоколов поплыл над Хэвеном, и все услышали мелодии разных гимнов. Теперь колокольный звон можно было задавать заранее, и Гуринджер выбрал те гимны, которые особенно подходили к Оплакиванию. Туда вошли старые методистские и баптистские гимны, например: «Христос — наш лучший друг» и «Это мир моего Отца».

Преподобный Гуринджер стоял никем незамеченный, потирал руки и наблюдал, как люди стали стягиваться к церкви группами, и по двое, и по трое, привлекаемые колоколами, только колоколами и их звоном.

— Черт побери! — воскликнул преподобный Гуринджер. Никогда в жизни он не чувствовал себя лучше, поэтому он решил отправить Рут Маккосланд в последний путь подобающим образом. Он намеревался поставить смесь из разных панегириков.

В конце концов, все так любили ее.

Колокола.

Дэйв Рутледж, старейший городской житель, повернулся к ним и улыбнулся беззубым ртом — даже если бы колокола звучали нестройно, он все равно бы улыбался, потому что он мог слышать их. В начале июля Дэйв полностью оглох, нижние конечности его стали холодными, а циркуляция крови почти прекратилась. В конце концов ему было уже девяносто, и поэтому он был похож на старого пса. Но в этом месяце его слух и кровообращение волшебным образом исправились. Люди говорили ему, что он выглядит на десять лет младше, но ведь он еще, слава богу, и чувствовал себя младше лет на двадцать. После этого любому колокольный звон покажется самой мелодичной музыкой на свете.

Дэйв поднялся и поплелся к церкви.

Колокольный звон.

В январе помощник, которого конгрессмен Бреннан отправил в Хэвен, находился в Дипломатическом Корпусе. Там он и познакомился с прекрасной молодой женщиной по имени Аннабель. Этим летом она посетила Мэн, чтобы побыть с ним, и этим утром за компанию приехала в Хэвен. Он обещал, что у них будет целый вечер в баре «Бухта», прежде чем они вернутся в Огасту. Поначалу эта идея ей не понравилась, потому что ее слегка подташнивало в ресторане и она даже не смогла закончить завтрак. И все из-за низкорослого повара, выглядевшего как постаревшая и потолстевшая копия Чарльза Мэнсона. Когда казалось, что на него никто не обращает внимания, он иногда слегка улыбался очень странной улыбкой — и уже одного этого хватало, чтобы все вообразили, что он солит яйца мышьяком. Но мелодичный перезвон колоколов, который она не слыхала со времени детства в Небраске, очаровал ее воображение.

— Бог мой, Марти, как может позволить себе городишко, который является лишь точкой на карте, такие великолепные колокола?

— Быть может, умер какой-нибудь богатый летний турист и оставил их в дар городу, — неопределенно высказался Марти. Его не интересовал колокольный звон. С самого приезда сюда у него болела голова, и боль становилась все сильнее. Хотя один из гимнов увлек-таки его. «Пойдем, пойдем в церковь». «Мы можем уехать

отсюда и направиться в бар «Гавань», где моя башка придет в норму, — раздумывал он, — какой поганый все-таки городишко»

Они вместе пошли по улице, ее одежда была черной (но, как она лукаво ему сообщила по пути, белье было из белого шелка... насколько незначительно это было), его — темно-серой. Жители Хэвена, одетые во все самое лучшее, шли вместе с ними. Марти отметил удивительно большое количество голубоватых полицейских мундиров.

— Смотри, Марти! Часы!

Аннабель показывала на башню ратуши. Она была сделана из твердого красного кирпича, но на секунду покачнулась и поплыла перед глазами Марти. Быть может, что-то не в порядке с глазами. Он проходил проверку три месяца назад, и парень сказал, что его здоровья достаточно и летчику, но может быть, он ошибся. Половина служащих в Америке употребляют кокаин. Он читал об этом в «Тайме»... и почему его мозг бредит таким странным образом? Это были колокола. Казалось, что за счет эха они приумножаются в голове. Десять, сто, тысяча, миллион, и все играют «Когда мы все поклонимся в ноги Иисусу».

— Так что же часы? — спросил он прерывисто.

— Стрелки совсем смешные, — сказала она. — Они похожи на... нарисованные.

6

Звон колоколов.

Эдди Стамфел из казарм Дерри и Энди Ридерут из Арно переходили улицу — они оба знали и любили Рут.

— Красиво, тебе не кажется? — с сомнением спросил Эдди.

— Может быть, — сказал Энди. — Но я как раз думал, что цветущие поля и прекрасные созвучия уходят от нас из-за нашей тупоголовости, а эти звуки напоминают мне испорченный телефон. По-моему, сегодня в городе случится какая-то неприятность. Может быть, это и глупо, но я это чувствую.

— Эта неприятность уже произошла с моей головой, — поморщился Эдди. — Она болит, как последняя дрянь.

— Ну, подними голову и пойдем, — сказал Энди. — Хоть Рут была и хорошей женщиной, но она умерла. И, между нами говоря, мне безразлично, как она жила свою жизнь, лишь бы выбраться отсюда.

Они вместе вошли в Методистскую церковь, но не один из них не взглянул на преподобного Лестера Гуринджера, который стоял

около выключателя, контролирующего этот дивный колокольный перезвон, улыбался, потирал руки и принимал комплименты от всех и каждого.

7

Звон колоколов.

Бобби Андерсон вышла из голубого грузовика «Шевроле», хлопнула дверцей, и, прежде чем медленно пойти по тротуару к церкви, расправила свою темно-голубую одежду на бедрах и посмотрелась в зеркало бокового обзора грузовика. Она шла с опущенной головой и поникшими плечами. Как сейчас необходим был ей отдых, чтобы продолжить жизнь, и Гард, чтобы хоть чуть-чуть рассеять ее наваждение.

(Да, это наваждение, не стоит обманывать себя).

Но Гард оказался негодным тормозом. Он не присутствовал на похоронах, потому что отсыпался сейчас после грандиозной пьянки, положив свое истощенное лицо, обрамленное седыми волосами, на руки и распространяя вокруг себя тяжелый запах перегара. Да, верно, Андерсон устала, но ее еще тяготило то, что она почувствовала утром — неявное ощущение большого горя. Частью из-за Рут, частью из-за Дэвида Брауна, да и вообще из-за города. Но больше всего, как ей показалось, она виновата в этом сама. «Превращение» продолжалось — для любого горожанина, за исключением Гарда — и это радовало, но она оплакивала свое собственное «я», которое блекло, как утренняя дымка. Она знала, что «Бизоньи солдаты» — ее последняя книга... и, в чем был весь смех, ей сейчас казалось, что Томминокеры написали большую ее часть, вот так.

8

Колокола, колокола, колокола.

И Хэвен ответил им. Это было I Актом шарады под названием «Погребение Рут Маккосланд или Как мы любим эту женщину». Для того, чтобы прийти туда, Нэнси Восс пришлось закрыть почту. Правительство бы это не одобрило, но когда не знаешь, то и душа не болит. Они узнают все в избытке чуть позже, думала она. Вскоре они получат из Хэвена большое экспресс-послание. Они и все остальные правительства на этом грязном вертящемся шарике.

Франке Спрюз, владелец самой крупной в Хэвене маслوبيки, ответил колоколам. Джон Мэмфи, чей отец столкнулся с Рут за пост городского констебля, ответил им. Эшли Равалл, с чьей помощью

она ушла из города за два дня до смерти, ответил им вместе со своими родителями. Эшли плакал. Здесь были и Док Ворвик и Джад Таркингтон; Эдли Маккин пришел с Хейзл Маккреди на руках; колоколам ответили и Ньют Берринджер и Дик Эллисон, которые поддерживали предшественника Рут, Джона Хартли, медленно шагавшего между ними. Джон был очень слаб и выглядел почти прозрачным. У его жены Мэгги вообще не хватило сил дойти сюда.

Они пришли, отвечая на призыв колоколов — Тремэйны и Зарлоу, Эпплидейты и Гольдманы, Диплисси и Арчинбурги. Жители старого доброго Мэна, сказали бы вы, выходцы из французов, ирландцев, шотландцев и канадцев. Сейчас они были разные, но как только все они вступили в церковь, их сознания стали единым мозгом, замечающим чужаков, замечающим малейшую фальшивую ноту в мыслях... они пришли вместе, они слушали, и колокола отзывались в их крови.

9

У Ива Хиллмана, сидящего за рулем «Чероки», широко открылись глаза при звуках далекого колокольного наигрыша.

— Что, черт возьми...

— Церковные колокола, что же еще? — сказал Буч Дуган. — Звучит красиво. Я полагаю, что они готовы начать погребение.

Они хоронят Рут на городском кладбище... какого черта я должен сидеть сейчас с сумасшедшим стариком за городской чертой?

Уверенности его как не бывало, но было уже поздно что-либо менять.

— В наше время колокола методистской церкви никогда так не звонили, — сказал Ив. — Что-то в них изменилось.

— Ну так что?

— Ну так ничего. Или ну так все. Поехали, полицейский Дуган. Он повернул ключ, и двигатель «Чероки» заработал.

— Я еще раз спрашиваю, — настойчиво сказал Дуган. — Что мы ищем?

— Я и сам толком не знаю. — «Чероки» проехал мимо обозначения города. Теперь они выехали из Альвиона и въехали в Хэвен. Ива посетило болезненное предчувствие, что, несмотря на все меры предосторожности, ему этот город уже не покинуть. — Узнаем, когда увидим.

Дуган не ответил, лишь собственная жизнь была дорога ему, и он еще раз удивился тому, как смог ввязаться в это — должно быть,

он такой же сумасшедший, как старик за рулем и как остальные. Он усиленно стал тереть рукой лоб прямо над бровями.

Там зарождалась боль.

10

Всхлипывания, красные глаза и приглушенные рыдания сопровождали действия преподобного Гуринджера, чья лысая голова мягко отражала широкий спектр цветов от солнца, пробивавшегося сквозь витражи. Он начал погребальную церемонию, которая состояла из гимна, молитвы, еще одного гимна, чтения любимого отрывка Рут из Библии и еще одного гимна. Чуть ниже его был полукруг из больших гирлянд летних цветов. Они распространяли вокруг себя сладко-душистый аромат, ветерок разносил его из открытых верхних окон по всему помещению.

— Мы пришли сюда, чтобы вспомнить Рут Маккосланд и отметить ее кончину, — начал Гуринджер.

Сидящие горожане сжимали носовые платки в кулаках, и их глаза — влажные в большинстве своем — наблюдали за Гуринджером с почтительным вниманием. Они выглядели здоровыми, эти горожане — цвет лица у них был хороший, кожа незапятнанная. Но любой, кто до этого бывал в Хэвене, мог бы заметить, что община как бы распалась на две части. Чужаки не смотрелись здоровыми. Их вид был жалок. У них были ошеломленные глаза. Дважды за время панегирика люди торопились выйти из церкви и забежать куда-нибудь за угол — их тошнило. У других же, которых тошнота донимала не так сильно — в животах непрерывно урчало, что было недостаточно серьезно, чтобы уйти, но все равно достаточно неприятно.

Несколько чужаков лишились своих зубов еще до захода солнца.

У нескольких началась головная боль, которая прекращалась сразу по выезде из города — пострадавшие считали это действием аспирина.

А у нескольких во время гуринджеровского восхваления Рут Маккосланд возникли замечательные идеи. В некоторых случаях идеи приходили настолько внезапно и казались настолько глобальными и фундаментальными, что авторы их чувствовали помутнение в голове. Таким людям стоило больших усилий не вскочить немедленно с церковной скамьи и не выбежать на улицу, выкрикивая «Эврика» во всю мощь легких.

Жители Хэвена замечали такие случаи, и это их немало забавляло. Вдруг чье-нибудь равнодушно-апатичное лицо, которое мгновенно

вление назад напоминало пудинг, резко преображалось. Глаза расширялись, рот приоткрывался — безошибочные признаки того, что человека посетила Великая Идея.

Эдди Стэмфелл из казарм Дерри, к примеру, задумал новую национальную систему связи для полицейских, благодаря которой ни один полицейский в мире не почувствует себя одиноким. И он представил, как все тайное станет явным благодаря новой системе и все эти назойливые штатские со своими полицейскими отрядами с радиосвязью почувствуют себя кусками дерьма. Новые варианты и модификации стали приходить к нему в голову так быстро, что он не успевал их осмыслить, если бы идеи были водой, он бы давно утонул. За это я должен стать знаменитым, лихорадочно думал Эдди. Преподобный Гуринджер был забыт, Энди Райдерт, его друг, был забыт, его неприязнь к этому полоумному городишке была забыта, Рут тоже была забыта. Идея захватила его мозг. Я стану знаменитым, я революционизирую работу полиции в Америке... а быть может и во всем мире. Черт побери! Черт побери!

Горожане, которые прекрасно знали, что великая идея Эдди покажется ему глупой в полдень и будет бесславно забыта в три, слушали, улыбались и ждали. Ждали окончания всего этого, чтобы вернуться к собственным занятиям.

Тогда они смогут вернуться к «превращению».

11

Они катились вниз по грязной дороге — Дорога №5 Альвиона, которая в городской черте Хэвена стала Огненной Дорогой №16. Дважды от нее ответвлялись грунтовые дороги, пропадающие в зарослях, и каждый раз Дуган внутренне готовился к еще одной поездке-костоломке. Но Хиллмана не привлекла ни одна из них. Он доехал до девятого шоссе и только тогда свернул направо. Ив разогнал «Чероки» до пятидесяти и начал углубляться в Хэвен.

Дуган испугался. Он так и не понял почему. Старик сошел с ума, это уж точно: его идея о том, что Хэвен превратился в змеиное гнездо являла собой пример паранойи в чистом виде. Все так, Монстр почувствовал неуклонное, пульсирующее возрастание нервного напряжения снаружи. Это отозвалось лишь смутными, едва заметными откликами в его нервных волокнах.

— Ты все время трешь лоб, — сказал Хиллман.

— У меня голова болит.

— Станет еще хуже, если только ветер не усилится, так мне кажется.

Еще один шаг по направлению к абсолютному маразму. Какого черта он здесь делает? И почему он чувствует себя так погано?

— У меня такое состояние, как будто бы кто-то подsunул мне пару таблеток снотворного.

— Ого.

Дуган взглянул на него.

— Но ты-то себя так не чувствуешь? Ты ведь совершенно невозмутим.

— Я, конечно, немного испуган. Но у меня нет ни нервного напряжения, ни головной боли.

— А почему твоя голова должна болеть? — сердито спросил Дуган. Их разговор как будто бы был взят из «Алисы в Стране Чудес». — Головная боль не заразная.

— Если вы с шестью приятелями красите что-нибудь в закрытой комнате, то к концу работы у всех заболит голова, не так ли?

— Да уж, пожалуй. Но это не...

— Нет, это не так. Нам еще повезло с погодой. Так и есть, по-моему, эта штука порядком чадит, и ты это чувствуешь. Это по тебе заметно.

Хиллман сделал паузу, и выдал еще одну вещицу из «Алисы в Стране Чудес».

— Есть ли стоящие идеи, полицейский?

— То есть?

Хиллман удовлетворенно кивнул:

— Хорошо. Если появятся — дай знать. У меня в сумке для тебя кое-что есть.

— Это маразм, — сказал Дуган срывающимся голосом. — То есть это абсолютное сумасшествие. Разворачивай эту штуку, Хиллман. Я хочу обратно.

Ив немедленно сосредоточился на единственной фразе в мозгу, так остро и точно как только мог. За последние три дня в Хэвене он понял, что Брайен, Мэри, Хилли и Дэвид могут лишь пассивно читать чужие мысли. Он почувствовал это, хотя до конца осознать и не смог. К слову, он понял, что они не могли попасть в его мозги до тех пор, пока он сам это им не разрешал. Он начал думать, не связано ли это с куском металла в его черепе, сувениром Германской мины. С ужасающей ясностью ему представилось картофельное пюре и серо-черная штука, вращающаяся на снегу. Он тогда еще подумал: «Вот это для меня. Кажется я труп». Дальше был провал в памяти, вплоть до того, как он очнулся во французском Госпитале. Он вспомнил, как болела его голова, вспомнил сиделку, которая целовала его, чьи груди пахли анисом, и то, как она говорила,

коверкая слова, как для маленького ребенка. «Ge t'aime, mon amour. La guerre est fini. Ge t'aime. Ge t'aime les Etats-Unis».

«La guerre est fini, — думал он сейчас. — La guerre est fini».

— Что это? — резко спросил он Дугана.

— Что ты имеешь вви...

Ив направил «Чероки» на обочину, подняв тучу пыли. Они уже удалились полторы мили от городской черты, а до фермы Гэрри оставалось мили три или четыре.

— Быстро, не думая, скажи мне о чем я думал!

— Tout fini, ты думал la guerre est fini, но ты с ума сошел, люди ведь не умеют читать мысли, они не...

Дуган замолк. Он медленно повернул голову и уставился на Ива. Ив явственно ощущал подрагивание его напряженной шеи. На лице его были заметны лишь огромные глаза.

— La guerre est fini, — прошептал он. — Вот что ты думал, и еще что она пахла лакрицей.

— Анисом, — улыбнулся Ив. Ему вспомнились белые бедра и ее тесная промежность.

— И я увидел мину на снегу. О, Господи, что же будет?

Ив представил трактор.

— А теперь?

— Трактор, — выдохнул Дуган. — «Фармэлл». Но ты не те шины представил. У моего папы был «Фармэлл». Это шины «Дикси Филд-Босса». Они не подойдут к...

Дуган неожиданно повернулся, вцепился в ручку дверцы, открыл ее, и выпрыгнул. Его вырвало.

12

— Рут однажды попросила меня зачитать эту цитату из Библии, если мне выпадет честь вести ее погребение, — говорил преподобный Гуринджер таким мягким голосом, что этому позавидовал бы и преподобный Дональд Хартли, — и я очень горжусь ее пожеланием. По-моему...

(la guerre ты думал la guerre)

Гуринджер остановился, и легкая тень удивления пробежала по его лицу. Человеку со стороны могло бы показаться, что кто-то выпустил с неприличным звуком немного газа, и неподобающий запах послужил причиной остановки.

— Она заслуживает еще нескольких строк. Они...

(трактор «Фармэлл» трактор)

Еще один укол воображения Гуринджера, и это снова отразилось на его лице.

— не из тех стихов, я полагаю, которые любая христианка должна заслужить, прежде чем просить. Вслушайтесь в то, что я вам сейчас прочитаю, и согласитесь, что это вполне относится к Рут Маккосланд.

(это шины «Дикси Филд-Босса»)

Дик Эллисон покосился влево и поймал взгляд Ньюта, устремленный вдоль прохода. Ньют выглядел испуганным. У Джона Хартли же в замешательстве приоткрылся рот и глаза поползли на лоб.

Гуринджер было сориентировался в пространстве, но быстро снова потерял ориентировку: он чувствовал такое возбуждение, что из главы церемонии превратился в студента-богослова, испугавшего толпы. Но этого почти никто не заметил: чужаков гораздо больше занимали самочувствие или великие идеи. Жители же Хэвена сплотились, как только почувствовали опасность, перескакивая из одного мозга в следующий, пока не зазвучали единым хором — это был новый колокольный перезвон, звучащий в диссонанс.

(кто-то наблюдает за ними)

(лезет не в свое дело)

Бобби Гремайн взял руку Стефани Кольсон и сжал ее. Она ответила легким пожатием, сопровождаемым взглядом больших коричневых глаз — испуганных глаз лани, услышавшей щелчок затвора охотничьего ружья.

(на 9 шоссе)

(так близко к кораблю)

(и сам полицейский)

(мусор, да, но необычный мусор — мусор Рут, которого она любила)

Рут хорошо знала эти голоса. И вот теперь они звучали в мозгах чужаков, людей новых для Хэвенской инфекции. Некоторые из них напоминали людей, очнувшихся от легкой дремоты. К этому типу относилась и подружка Представителя Брэндона. Она, как ей казалось, была за много миль от этого городка — работала незначительным клерком в Вашингтоне, и ей как раз пришла в голову идея об усовершенствовании учета данных, и эта идея должна содействовать быстрому продвижению по службе. И вдруг мысль, которая не была ее мыслью, она могла поклясться в этом

(кто-то же должен их быстро остановить!)

вспыхнула в мозгу, и она даже посмотрела по сторонам, чтобы убедиться, что не крикнула это в действительности.

Но тишина нарушалась лишь проповедником, снова пришедшим в себя. Она взглянула на Марти, но Марти сидел в полном изумлении, уставившись в витраж, как загипнотизированный. Ей показалось это скучно, и она вернулась к собственным мыслям.

— Кто же может найти такую добродетельную женщину? — читал Гуринджер немного неровным голосом. Он колебался в неверных местах и даже несколько раз замолкал. — Цена ей куда выше звезд. Сердце ее мужа полностью доверилось ей, и он не пожалел об этом. Она принесла ему лишь добро и ни капли зла за все годы совместной жизни. Она разыскивала шерсть...

Чувствительное ухо уловило новый взрыв инородных мыслей:

(извини, но я просто не мог)

(...)

(что?)

(...)

(...святой Христос, это же Вилинг! Как...)

(...)

Разговаривают два голоса, но слышно лишь один, подумала мозговая сеть, и все глаза начали сосредоточиваться на Бобби. В Хэвене был лишь один человек, который умел делать свой мозг непроницаемым, и его сейчас здесь не было. Два голоса — не твоему ли пьяному другу принадлежит голос, который мы не можем услышать?

Бобби быстро поднялась и стала пробираться вдоль скамей, с ужасом сознавая, что все люди наблюдают за ней. Гуринджер, осел, снова сделал паузу.

— Простите меня, — бормотала Бобби. — Простите меня... Извините.

В конце концов она выбралась на улицу. Остальные — Бобби Тремэйн, Ньют, Дик и Брайен Браун — потянулись за ней. Ни один из чужаков этого не заметил. Их снова затянуло в странные мечты.

13

— Мне очень жаль, — сказал Буч Дуган. Он хлопнул дверцей, достал носовой платок из заднего кармана и промокнул рот. — Со мной такого никогда не было. Мне уже лучше.

Ив кивнул.

— Я ничего не буду объяснять. Нет для этого времени. Но мне бы хотелось, чтобы ты послушал одну вещь.

— Что?

Ив включил радиоприемник Чероки» и начал крутить ручку настройки. Дуган прислушался. Ему никогда не приходилось слышать такого количества станций, даже в ту ночь, когда они перескакивали с одной на другую, взмывая на гребень волны и погружаясь в море голосов. Сейчас такого ощущения не возникало: большинство станций отвечали просто гудками.

Ив выбрал станцию Си-энд-Ди. Песенка Джаддов как раз кончалась. Той ночью это было на станции И-Ди. Бич Дуган с трудом верил тому, что слышал: «Дубле-Дубле Ви Ааса» — песенка группы наглых девчонок в сопровождении скрипок и банджо.

— Святой Христос, это же Вилинг! Как... — закричал Дуган.

Ив выключил радио.

— А теперь я попрошу тебя послушать мою голову.

Дуган на секунду вытаращил глаза, абсолютно пораженный. Даже в «Алисе в Стране Чудес» он не встречал подобного сумасшествия.

— Бога ради объясни, о чем ты говоришь?

— Не спорь со мной, а сделай, о чем попросили. — Ив отвернулся от Дугана, показав свой затылок. — У меня в голове застряли два кусочка металла. Память о войне. Большой вот здесь. Видишь место, где волосы не растут?

— Да, но...

— Время деньги! Приложи ухо к шраму и слушай!

Бич подчинился... и почувствовал какое-то нереальное очищение. Из обратной стороны головы старика лилась музыка. Она была тихой и удаленной, но вполне различимой. Это была песня Фрэнка Синатры «Нью-Йорк, Нью-Йорк».

Бич Дуган захихикал, потом засмеялся. Вскоре он хохотал, обхватив руками живот. Он оказался по ту сторону добра и зла со стариком, чей затылок превратился в музыкальную шкатулку. Бог ты мой, да это будет почище чем «Верить или Нет» Рипли.

Бич смеялся, задыхался, ревел со слезами на глазах и...

Старик залепил ему пощечину. Шок от того, что его отшлепали, как малого ребенка, настолько удивил Бича, что его истерика мгновенно уступила место боли. Он уставился на Ива моргающими глазами, одной рукой держа за щеку.

— Это началось за полторы недели до того, как я покинул город, — мрачно сказал Ив. — Взрывы музыки в моей голове. И они усилились перед поездкой, я должен был обратить на это внимание, но я этого не сделал. А сейчас все еще усилилось. Все, понимаешь. У меня нет времени слушать твоё визгливое бормотание. Тебе лучше?

Кровь прилила к лицу Дугана, поэтому красный след от ладони Ива стал почти незаметен. Визгливое бормотание. Это все прекрасно описано. Сначала его вытошнило, а потом с ним случился приступ истерии, как с девчонкой-тинэйджером. Но старик не ограничился тем, что изобличил его — он переключил Дугана на вторую передачу.

— Теперь-то ты веришь, что здесь что-то происходит? Что в Хэвене что-то случилось?

— Да. Я... — Он сглотнул.

— Да, — повторил он.

— Хорошо. — Ив нажал на газ и с ревом выехал обратно на дорогу. — Эта... штука... она изменяет любого в городе, Дуган. Любого, но не меня. Я заполучил музыку в голову, но этим дело и кончилось. Я не читаю мысли... И мне не лезут в голову идеи.

— То есть?.. Что за идеи?

— Всякие. — Спидометр «Чероки» достиг отметки «шестьдесят», перевалил через нее и пошел взбираться выше. — Штука в том, что у меня нет доказательств, что здесь что-то происходит. Ни одного. Ты думаешь, что я совсем выжил из ума, не так ли?

Дуган кивнул. Он пытался устроиться поближе к боковому окну. Его желудок снова заставил почувствовать тошноту. Солнце было таким ярким, ослепляя отражением от ветровичка и хромированных частей.

— Репортер и няньки думали так же. Но все равно что-то есть в лесу, и я буду искать это, и я отберу у них кое-что, и я помогу тебе, и мы сделаем несколько вещей, о которых не принято громко говорить, и может быть, мы сможем найти моего внука Дэвида, а может быть, и нет, но в любом случае нам следует покончить с тем, что здесь происходит, пока не поздно. Следовало бы? Мы должны.

Теперь стрелка спидометра дрожала чуть ниже семидесяти.

— Далеко еще? — поинтересовался Дуган сквозь стиснутые зубы. Его должно было снова вырвать, и довольно скоро, он лишь надеялся, что это произойдет раньше, чем они приедут к месту назначения.

— Ферма старого Гаррика, — сказал Ив. — Меньше мили отсюда. Слава Богу, — подумал Дуган.

14

— Это не Гард, — сказала Бобби. — Гард валяется полумертвый на веранде собственного дома.

— Откуда ты знаешь? — спросил Эдли Маккин. — Ты же не можешь читать его.

— Немного могу, — сказала Бобби. — И с каждым днем немного больше. Он все еще на веранде, говорю тебе. Грезит о лыжной прогулке.

Секунду они смотрели на Бобби молча — десяток мужчин, стоящих напротив методистской церкви.

— Но кто же тогда? — спросил в конце концов Джо Саммерфильд.

— Я не знаю, — сказала Бобби. — Но только это не Гард.

Бобби слегка покачнулась на ногах. По лицу ей можно было дать лет пятьдесят, но уже никак не тридцать семь. От истощения у нее были коричневые подглазицы. Мужчины старались не замечать этого.

Из церкви доносились голоса, поющие «Святой, Святой мы обожаем тебя».

— Я знаю, кто это, — вдруг сказал Дик Эллисон. Его глаза сузились и затуманились от ненависти. — Только еще один человек может им быть. Только еще у одного человека в городе в голове металл.

— Ив Хиллман! — закричал Ньют. — Господи.

— Пора трогаться, — сказал Джад Таркингтон. — Ублюдки уже рядом. Эдли, захвати несколько ружей из арсенала.

— О'кей.

— Возьмите их, но не используйте, — сказала Бобби. Ее глаза с ненавистью смотрели на мужчин. — Ни против Хиллмана, ни против мусора. Главное — не трогайте мусора. Нам не нужна еще одна шумиха в Хэвене. До того как

(превращение)

это все кончится.

— Я схожу за своей трубкой, — сказал Бич. Его лицо не горело рвением.

Бобби схватила его за плечо.

— Нет, ты не пойдешь, — сказала она. — Никакого шума означает, что ни один мусор больше не должен пропасть.

Она снова посмотрела на них, потом на Дика Эллисона, который кивнул.

— Хиллман должен исчезнуть, — сказал он. — Но не здесь. Это может сойти. Ив сумасшедший. Сумасшедшему старику может взбрести в голову все, что угодно. Сумасшедший старик может решить бросить все и уехать в Зайн, Юта или Гранд Форкс, Айдахо, чтобы дожидаться там конца света. Мусор может поднять шум, но это будет в Дерри, и все представляют, что из этого выйдет. И никакая сволочь больше не уползет из нашего гнезда. Вперед, Джад.

Неси ружья. Бобби, подгони свой снаряженный грузовик к черному входу «Завтрака». Ньют, Эдли, Джо едут со мной. Ты, Джад, с Бобби. Остальные в «Кадиллак» Кьюла. Пошли!

И они двинулись.

15

Шшшшшшш...

Морщин все больше, а сны все те же. Те же проклятые странности. Снег стал розовым. Он пропитался кровью. Не из него ли она текла? Бог ты мой! Поверит ли кто, что в старом пьянице столько крови?

Они катались на лыжах на среднем уклоне. Он сознавал, что стоило бы остаться еще по крайней мере на денек на склонах для новичков, что он торопится, и, более того, что этот кровавый снег очень опасен, особенно когда вся эта кровь твоя.

Он взглянул вниз, преодолел взрыв боли в голове, и глаза его широко открылись. На чертовом склоне стоял «Джип»!

Визг Анн-Мари: «Сопротивляйся Бобби, Гард! Сопротивляйся Бобби!»

Но зачем сопротивляться Бобби, если это лишь сон. Сны стали старыми знакомыми за последние недели, как и блуждающие взрывы музыки в его голове; это сон, и не существует никакого «Джипа», никакого прямого, как стрела, склона, никакого...

Это сон? Или явь?

Нет, подумал он, это плохой вопрос. Лучше спросить: Много ли у этого яви?

Солнечный зайчик от хрома прыгнул прямо в глаз Гарденеру. Он поморщился и взялся

(снежные поля? нет, нет, это сон, ты в летнем Хэвене)

за перила веранды. Он мог припомнить почти все. Довольно туманно, но все же мог. Никаких белых пятен с того момента, как он вернулся в Бобби. Музыка в голове, но никаких белых пятен. Бобби пошла на похороны. Позже она вернется и снова начнется совместная жизнь. Он все вспомнил так легко, как мог бы представить часовню ратуши, взметнувшуюся в полуденное небо, как толстозадая птичка. Все встало на свои места, сэр. За исключением этого.

Стоя на веранде и опираясь на перила, он пожирал глазами, несмотря на ослепительный блеск, одинокий Джип. Он сознавал, что выглядит как выходец из ночлежки. Слава Богу, больше стало правды в рекламе — вот что мне кажется.

Человек с сидения пассажира повернул голову и увидел Гарда. Парень был такой огромный, что напоминал сказочного богатыря. На нем были темные очки, поэтому Гарденер не мог с уверенностью сказать, встретились ли их глаза. Но предчувствие подсказывало — встретились. В любом случае это было не важно. Этот взгляд был ему хорошо знаком. Как ветеран полусотни пикетов, он прекрасно его знал. Он знал его еще и как пьяница, не один раз просыпавшийся в участке.

Вот, в конце концов, и даллаская полиция приехала, подумал он. Его обуревали чувства злости и сожаления... но самым сильным было чувство облегчения. По крайней мере, на некоторое время.

Он мусор... но что он делает в «Джипе»? Господи, ну и морда у него... Он больше этого проклятого дома! Должно быть, это сон. Должно быть.

«Джип» не остановился, он проехал по дороге и пропал из виду. Гарденеру стал слышен лишь удаляющийся шум мотора.

Выбрось это из головы. Беги в леса. Они знают, ну и что. О, Господи, если правительство получит это...

Его прежний испуг разливался в нем, подобно желчи, облегчение рассеялось, как дым. Ему представился Энергетик Тед бросающий его пиджак в кучу другого тряпья на левитационной машине и вопрошающий: «Что это за приспособление?»

Испуг уступил место застарелой, тошнотворной ярости.

Эй, Бобби, пошла вон! пронзительно закричал он в мозгу, как мог громче.

Кровь хлынула у него из носа, он слабо пошатнулся, гримаса отвращения исказила его лицо, и он схватился за носовой платок. Что же все-таки случилось? Пусть у них будет это. Это дьявол, как ни посмотри, ты-то это знаешь. Ну так что, если Далласская полиция получит это? Это приведет Бобби и всех в городе в полицию Далласа. Особенно ее компанию. Тех, что бывают с ней ночью, когда она считает меня спящим. Тех, с кем она встречается в сарае.

Это случилось дважды, и оба раза около трех ночи. Бобби считала Гарденера крепко спящим — из-за тяжелой работы, невероятного количества алкоголя и «валиума». Количество таблеток в бутылочке «валиума» неуклонно уменьшалось, кто спорит, но не потому, что Гарденер глотал их. Каждый вечер таблетка отправлялась в унитаз.

Почему он украдкой так поступал? Он и сам не понимал, как и то, почему он соврал Бобби об увиденном в воскресный полдень. Да уничтожение таблетки «валиума» и не было, по большому счету говоря, враньем, потому что Бобби не спрашивала, принимает ли

он их; она лишь видела понижающийся уровень таблеток, и это приводило ее к неверному заключению, в чем Гарденер ее не разубеждал.

Как, впрочем, он не рассеивал ее уверенность в его крепком сне. На самом деле его мучила бессонница. И никакое количество выпитого не укладывало его надолго. Результатом было лишь постоянное, мучительное бодрствование, кое-где прикрытое, как грязными чулками, тоненькой серой вуалью сна.

Когда он в первый раз увидел отражение фар на стене гостевой комнаты ранним утром, он выглянул наружу и увидел большой «Кадиллак», катящийся к дому по дороге. Он посмотрел на часы и подумал: Должно быть, это мафия... Кто еще может прикатить к затерянной в лесах ферме на «Кадиллаке» в три ночи?

Но когда машина оказалась в свете веранды, он заметил у «Кадиллака» номера KYLE-1 и засомневался, что мафия ездит с именными номерами.

К четырем мужчинам и одной женщине, вышедшим из «Кадиллака», присоединилась Бобби. Бобби была одета, но босонога. Двух мужчин Гарденер знал — Дика Эллисона, шефа местного отделения добровольной пожарной службы, и Кьюла Арчинбурга, местного агента по продаже недвижимости, который управлял толстозадым «Кадиллаком». Двое других были тоже смутно знакомы. Женщина же была Хейзл Маккриди.

Через некоторое время Бобби повела их к дальнему сараю. Тому, что с крейговским замком на двери.

Гарденер думал: Может быть, мне стоит выйти. Посмотреть, что происходит. Вместо этого он снова лег. У него было никакого желания и близко подходить к сараю. Он боялся его. Или того, что было внутри. Он снова задремал.

Следующим утром не оказалось ни «Кадиллака», ни следов компании. Бобби выглядела довольно бодро и куда больше походила на себя прежнюю, впервые с тех пор, как Гарденер вернулся. Он решил для себя, что это был сон, или что-то — если и не белая горячка, то нечто похожее — выползшее из бутылки. И вот четыре ночи назад KYLE-1 снова появился. Те же люди вышли из него, встретились с Бобби и направились к сараю.

Гард рухнул в кресло-качалку Бобби и почувствовал бутылку виски, брошенную туда этим утром. Гарденер медленно поднял ее, выпил и почувствовал жидкий огонь, расплзающийся из желудка по всему телу. Звук «Чероки» уже растворялся, как во сне. Если все это было. Как там эта строчка из песенки Пола Саймона? *Теперь Мичиган кажется мне сном.* Да, сэр, Мичиган, странные корабли,

закопанные в земле, «Джипы Чероки» и «Кадиллаки» посреди ночи. Выпей чутко, и все растворится во сне.

За исключением того, что сном не является. Людей, собирающих плату, таких, как те, кто приезжал на «Кадиллаке» с номерами KYLE-1. Как далласская полиция. Таких, как старый добрый Тед с его реакторами. Что ты позволяешь им, Бобби? Почему ты предпочитаешь их, а не остальных местных гениев? Старая Бобби не пожелала бы и тронуть это дерьмо, но Новой Улучшенной Бобби это нравится. Где же найти разгадку всему этому? Существует ли она?

— Повсюду дрянь! — громко выкрикнул Гарденер. Он медленно допил остаток виски и швырнул бутылку через перила веранды в кусты.

— Повсюду дрянь! — повторил он и отключился.

16

— Этот парень видел нас, — сказал Буч в то время, как «Чероки» пробирался по диагонали через огород Андерсон, сбивая огромные кукурузные стебли и подсолнухи, изрядно возвышающиеся над крышей «Джипа».

— Я был неосмотрителен, — сказал Ив, поворачивая рулевое колесо. Они неожиданно появились на дальней стороне огорода. Колеса «Чероки» проехали по ряду тыкв, которые должны были созреть совсем скоро. Их кожица была довольно тусклой, но когда они лопались открывались режущие глаз плотно-розовые внутренности. — Если им неизвестно, что мы сейчас в городе, то я во всем ошибаюсь... Смотри! Я же тебе говорил! Широкая дорога с глубокими колеями выворачивала из лесу. Ив свернул на нее.

— У него на лице была кровь. — Дуган сглотнул. Было тяжело. Головная боль усилилась, и было ощущение, что зубы очень быстро вибрируют. Его внутренности снова взбунтовались. — А его рубашка выглядела так, словно кто-то швырнул его в...

— Останови. Меня опять тошнит.

Ив нажал на тормоз. Дуган открыл дверцу и вывалился наружу, выплюнув из себя на землю тонкую желтую струю, а затем закрыл на секунду глаза. Мир бросало и разворачивало. Голоса шелестели в его голове. Очень много голосов.

(Гард видел их, он взывает о помощи)

(сколько)

(двое в «Чероки» которым они управляют)

— Эй, — Буч услышал свои слова как будто издалека, — я не хочу испортить вечеринку, но меня тошнит. Сильно тошнит.

— Я думаю, ты сможешь, — голос Хиллмана доносился из длинного зала с множественным эхо.

Буч как-то ухитрился влезть на пассажирское место, но у него уже не хватило силы захлопнуть за собой дверцу. Он чувствовал себя слабым как новорожденный котенок.

— У нас нет времени создавать какую-либо защиту, и мы как раз в том месте, где эта штука сильнее всего. Соберись. У меня кое-что есть для твоего восстановления. Самое меньшее из того, что я могу сделать.

Ив нажал на кнопку электрического опускания заднего стекла «Чероки», вышел, открыл заднюю дверцу и вытянул ружейную сумку. Он протащил ее вдоль Джипа и поднял на сидение.

Он бросил взгляд на Дугана, и ему крайне не понравилось увиденное. Лицо полицейского было бледнее воска. Его глаза были приоткрыты, веки покраснели. Его рот был полуоткрыт, он дышал частыми неполными вдохами. У Ива хватило времени удивиться, как что бы это ни было смогло так скрутить Дугана, когда сам он не чувствовал ничего, ну абсолютно ничего.

— Держись, дружище, — сказал он, и разрезал перочинным ножом завязку у сумки.

— ...тошнит... — просипел Дуган, и его вырвало коричневатой жидкостью. Ив заметил в грязи три зуба.

Он достал светлый пластиковый баллон кислородной поддержки — клерк в Мэнском Медоборудовании называл его «флэт-пэк». Он содрал золотую фольгу, в которую был завернут конец шланга, выходящего из флэт-пэка, открыв переходник из нержавеющей стали с разъемом. Теперь он принес пластиковую маску, которая казалась золотой — такими были укомплектованы реактивные авиалинии. К этому присоединялась сегментовидная белая пластиковая труба, на конце которой был белый пластиковый переходник-клапан.

Если эта штука не заработает так, как говорил доктор, то парень умрет у меня на руках.

Он присоединил переходник маски к переходнику кислородной поддержки — он надеялся, что эти непростые действия сохранят жизнь Дугана. Он услышал негромкое шипение кислорода снаружи золотой маски. О'кэй. Чем дальше, тем лучше.

Он закрепил с помощью эластичных ремней маску так, что она полностью закрыла рот и нос Дугана. И стал озабоченно ждать, что же произойдет. Если это не выведет Дугана из шока за тридцать —

сорок секунд, ему придется оберегать лишь собственную задницу. Дэвид, конечно, пропал, а Хилли смертельно устал, но это не дает ему права убить Дугана, который даже не знает, в какое дерьмо он вляпался.

Прошло двадцать секунд. Затем тридцать.

Ив включил заднюю скорость «Чероки», рассчитывая развернуться на краю огорода Андерсон, когда Дуган глубоко вздохнул, затем вздрогнул и открыл глаза. Они были голубыми и широко открытыми и выглядели очень смущенными поверх края золотой маски. На щеки его вернулся слабый цвет.

— Какого черта, — руки его взялись за маску.

— Не тронь ее, — сказал Ив, сжав своей рукой с искривленными суставами одну из рук Буч. — Тебя отравил наружный воздух. Ты торопишься получить еще дозу?

Буч убрал руки от маски. На его лице что-то дернулось, как будто он спросил «Долго еще будет такая дрянь?»

— Минут двадцать пять, как парнишка говорил. Вот нужный клапан. Хотя сейчас, хоть потом ты можешь отсоединить его. Но сразу присоединяй обратно, как только почувствуешь себя плохо. Ну что, продолжим, если вы в состоянии. Это не может быть далеко... и, по-моему, я знаю где.

Буч Дуган кивнул.

«Чероки» снова накренился вперед. Дуган бросил взгляд на окружающий лес. Нет зверей. Ничего нет... Это было необычно. Очень плохо и очень, очень необычно.

Где-то глубоко в его мозгу были едва слышны чужие мысли, как шепот коротковолновых передач.

Он взглянул на Ива.

— Какая же все-таки пляска с греблей здесь происходит?

— Это-то и нужно выяснить. — Не отрывая взгляд от плохой дороги, Ив рылся в сумке. Дуган поморщился, когда «Чероки» со скрежетом перевалился через пень чуть выше остальных.

Ив достал кольт 45 калибра. Он выглядел таким старым, что, казалось, использовался еще в Первой Мировой.

— Это твой? — спросил Дуган. Кислород привел его в порядок удивительно быстро.

— Да. — В общем-то и сам Хиллман напоминал антикварный предмет.

— Может быть тебе придется использовать его сегодня, — сказал Ив, и передал пистолет.

— Что...

— Осторожно, он заряжен.

Впереди поверхность мягко понижалась. Вдруг из-за деревьев блеснул гигантский блик: отражение солнца от необъятного металлического объекта.

Ив, испуганный до смерти, надавил на тормоз.

— Какого черта? — донеслось до него бормотание Дугана.

Он открыл дверцу и выбрался. Как только его ноги коснулись земли, он заметил, что она покрыта сеткой мелких пыльных трещинок и очень часто вибрирует. В следующую секунду музыка вдруг стала такой громкой, что оглушила, подобно порыву урагана. Продолжалось это секунд тридцать, но боль осталась, и, похоже, это навсегда. В конце концов можно просто не обращать внимания на нее.

Он заметил Дугана, стоящего у «Чероки», с маской, закрепленной под подбородком. В одной руке он держал за ремень флэт-пэк, в другой — кольт. На Ива он поглядывал с опасением.

— Со мной все в порядке, — сказал Ив.

— Правда? У тебя из носа кровь течет, как у того парня на ферме, которую мы проезжали.

Ив провел пальцем под носом и посмотрел на следы крови. Он вытер палец о штаны и кивнул Дугану.

— Не забудь снова надеть маску как только станет хуже.

— Уж будь спокоен.

Ив забрался в «Чероки» и снова порывлся в своей сумке чудес. Он достал дисковую камеру «Кодак» и нечто среднее между пистолетом и феном.

— Это твоя ракетница? — спросил Дуган, слегка улыбаясь.

— Угу. Ну-ка, подыши еще газом, полицейский. Ты бледнеешь.

Дуган снова подсоединил разъем, и оба мужчины двинулись в направлении блестящей штуки в лесу. В пятидесяти футах от «Чероки» Ив остановился. Когда штука открылась полностью, стало понятно, что она не просто огромная, а поражающая воображение — океанский лайнер почувствовал бы себя карликом рядом с ней.

— Сожми мою руку, — отрывисто бросил он Дугану.

Дуган повиновался, но хотел понять почему.

— Так я отпугиваю всю дрянь. — Дуган сжал его руку. Рука Ива буквально горела, измученная артритом, но он все равно ее сжал. Через мгновенье двое мужчин снова направились вперед.

Бобби и Джад взяли ружья из арсенала и положили их в багажный отсек пикапа. Это не заняло много времени, но Дик и

другие были уже в пути, и Бобби гнала грузовичок на пределе своих возможностей. Тень грузовичка, все уменьшающаяся по мере приближения полудня, бежала сзади.

Вдруг Бобби застыла с руками на руле.

— Ты слышал?

— Что-то слышал, — сказал Джад. — Это ведь твой дружок, не так ли?

Бобби кивнула

— Гард видел их. Он нуждается в помощи.

— Сколько их?

— Двое. В «Джипе». Они направлялись туда, где находится корабль.

Джад даже топнул ногой.

— Сволочи. Грязные сволочи.

— Мы поймаем их, — сказала Бобби. — Не волнуйся.

Через пятнадцать минут они уже были на ферме. Бобби поставила свой фургон сзади арчинбальдовского «Кадиллака» и «Новые» Эллисона. Она смотрела на группу мужчин и думала, сколько же ночей они провели здесь вместе... те, кто вскоре приобретет

(«обратиться» первым)

необыкновенную силу. Но здесь никогда не было Бича, а Джо Саммерфильд и Эдди Маккин никогда не входили в сарай.

— Возьмите ружья, — сказал Джад. — Джой, помоги. Запомните: не стреляйте до тех пор, пока это действительно не понадобится, и не пристрелите мусора, что бы ни случилось.

Она взглянула на веранду и увидела Гарда, лежащего на спине. Рот Гарда был приоткрыт, и оттуда доносился нездоровый храп. Глаза Бобби потеплели. В Хэвене было немало людей — возможно, заводилками выступали Дик Эллисон и Ньют Берринджер, — которые считали, что ей уже давно следовало избавиться от Гарда. В полный голос ничего не было сказано, но зачем в Хэвене повышать голос? Бобби и так сознавала, что если бы она пустила Гарду пулю в лоб, то через час у нее был бы целый взвод желающих помочь в похоронах. Они не любили Гарда за его пластинку в голове, которая делала его невосприимчивым к «превращению». Она же затрудняла чтение его мыслей. Но он был ее отдыхом. И, быть может, даже чем-то большим. Все объяснялось еще проще: она все еще любила его.

Для этого в ней осталось достаточно человеческого. И все они не могли не оценить, что Гард, пьяный или трезвый, предупредил их об опасности.

Джад и Джо Саммерфильд вернулись с винтовками. Шесть штук разных калибров. Пять из них достались людям, которым, по мнению Бобби, можно было полностью доверять. Шестую, 22-го калибра, он дала Бичу, который чувствовал себя неуверенно без этого заряженного железа в руках.

Занятая раздачей ружей, она не заметила, что Гард полуоткрыл свои красные глаза и наблюдает за ними. И ни один не услышал его мыслей. Он раздумывал, как бы припечатать их всех.

— Пошли, — сказала Бобби. — И запомните, мне нужен полицейский. Они двинулись тесной группой.

18

Ив и Буч стояли на краю зазубренного разлома, как оказалось при ближайшем рассмотрении, разбегающегося на три сотни ярдов слева направо и достигающего пятидесяти футов в наиболее широкой части. Рядом стоял старый прицеп андерсоновского грузовичка, накренившийся на одну сторону и поэтому производящий впечатление усталого и негодного. Тут же стоял мощный погрузчик с огромными клыками захвата. Были и другие орудия лесоразработок. С одной стороны Ив разглядел механизм для связывания бревен, с другой же — обстругиватель. Рядом с его выходным отверстием высилась немалая куча мелких опилок.

На поляне валялось несколько канистр с бензином, и черных круглых баков с надписью «Дизтопливо». Первая мысль, которая пришла Иву, когда он услышал в лесу шум, была, что «Бумагам Новой Англии» понадобился лес; но не слышно было ни одной операции лесоразработки. Были слышны лишь звуки земляных работ.

Это блюдо. Это чудовищное блюдо, сверкающее на солнце.

Глаз не мог остановиться: он снова и снова осматривал его из конца в конец. Гарденер и Бобби удалили большую часть холма. Девяносто футов отшлифованного серебристо-серого металла выступали из земли, освещенные зелено-золотым солнечным светом. Если бы кто-нибудь заглянул в разлом, то увидел бы еще сорок футов или даже чуть больше.

Но ни один из них не подошел к краю достаточно близко.

— Святой Боже, — сказал Дуган. Его глаза, возвышающиеся над краем маски, округлились, — Святой Боже, это космический корабль. Как ты думаешь, это наши или русские? Господи Иисусе, да он больше «Куин Мэри», это не могли сделать русские, это не могли... не могли...

Он вновь замолчал. Несмотря на кислород вернулась головная боль.

Ив поднял дисковую камеру и сделал семь снимков с такой быстротой, что палец едва успевал нажимать на спуск. Потом отошел на двадцать футов влево и снял еще пять, стоя на обстривателе.

— Стань правее, — сказал он Дугану.

— А?

— Сдвинься вправо! Ты должен попасть в последние три для перспективы.

— Забудь об этом, Папаша! — Хоть и приглушенные маской, пронзительные нотки довольно явственно звучали в голосе Дугана.

— Ну, давай. Всего-то четыре шага.

Дуган двинулся вправо крошечными шажками. Ив поднял камеру — «Подарок Отцу от Брайена и Мэри» — и сделал три заключительных кадра. Дуган был огромным человеком, но корабль из земли нивелировал его до размеров шмеля.

— О'кей, — сказал Ив. Дуган быстро вернулся на старое место. Он двигался малыми осторожными шагами, не выпуская из виду огромный круглый объект.

Ив представил, что снимки не выйдут. Его руки сжались в кулаки сами собой. Ведь корабль — а это без сомнения был космический корабль — должен испускать радиацию, которая засвечивает пленку.

А если даже что-нибудь получится, кто в это поверит? Кто в мире, где даже ребенок каждое воскресенье ходит в кино и видит штуки типа «Звездных войн»?

— Я хочу выбраться отсюда, — сказал Дуган.

Ив еще секунду смотрел на корабль, воображая Дэвида внутри, скитающимся по незнакомым коридорам и проходящим сквозь двери, не приспособленные для человеческой формы, умирающим от истощения в темноте. Нет... если бы даже он был внутри, то давно бы уже умер от голода... от голода или от жажды.

Потом он положил маленькую камеру в карман штанов, вернулся к Дугану и достал ракетницу.

— Вот. Я думаю...

Он замолчал, глядя в сторону «Чероки». Там была цепь из мужчин и одной женщины, стоящих под деревьями, некоторые были вооружены. Ив узнал всех... и в то же время никого.

Бобби двинулась по направлению к двум мужчинам. Остальные последовали за ней.

— Хелло, Ив, — достаточно приветливо сказала Бобби.

Дуган поднял кольт, жалея, что в руке у него не привычный служебный револьвер.

— Стоять, — сказал он. Ему не понравилось, как маска заглушает слова, лишая их власти. Он стянул ее.

— Эй, вы. Те, что с винтовками, бросьте их. Вы арестованы.

— Ты безоружен, Буч, — любезно сказал Ньют Берринджер.

— Проклятый громкоговоритель! — прорычал Буч. Дик Эллисон хмуро посмотрел на него.

— Ты бы лучше снова надел маску, Буч, — сказал Эдли Маккин с лживой, слащавой улыбкой. — Мне кажется ты потеряешь ее.

Бучу стало нехорошо, как только он снял маску. Из-за постоянного шепота чужих мыслей он чувствовал себя еще хуже. Он натянул ее, соображая при этом, сколько воздуха могло остаться в флэт-пэке.

— Сними ее, — сказала Бобби. — А ты, Ив, положи ракетницу. Никто не хочет причинить вам зло.

— Где Дэвид? — грубо спросил Ив. — Я хочу его видеть, сука.

— Он на Альтаире-4 с роботом Робби и доктором Мебиусом, — захихикал Кьюл Арчинбург. — Он отдыхает среди Криловских банков памяти.

— Заткнись, — сказала Бобби. Она почувствовала себя неуверенно, и ей было стыдно за себя. Сука? Почему старик так назвал ее. Сука? Ей захотелось объяснить ему, что ей стыдно и что она не сука. Это ее сестра Энн...

Ее облик стал каким-то виноватым и полным досады — горе старика, горе Гарда и ее собственное горе — все смешалось. Она почувствовала замешательство. В этот момент Ив Хиллман поднял ракетницу и выстрелил. Если бы это сделал Дуган, она узнала бы его намерение еще до того, как он начал действовать; другое дело старик.

За выстрелом последовал звук *шшаааа!* и струя огня. Бич Джеринган, оказавшийся на пути этой струи, повалился на спину, и винтовка вылетела у него из рук. Его глаза затуманились, закипели и лопнули, ослепленные горящим фосфором. Щеки его начали оплывать. Он открыл рот и стал раздражать собственную грудную клетку, в то время как раскаленный воздух расширился и превратил в лохмотья его легкие. Все это не заняло и нескольких секунд.

Людская цепь дрогнула и потеряла общность, когда все попятились с лицами, искаженными ужасом. В мозгу у них умирал Бич Джерниган.

— Вперед, — пронзительно крикнул Ив Дугану, и побежал к «Чероки». Джад Таркингтон попытался остановить их. Ив ткнул еще теплым стволом ракетницы ему в лицо, пробив щеку и сломав нос. Джад попятился назад, запутался в собственных ногах и растянулся во весь рост.

Бич догорал на грязной маслянистой земле. Он расцарапал себе горло скрученной жирной рукой, по телу его прошла дрожь, и он затих.

Дуган встрепенулся и побежал за стариком, который пытался открыть водительскую дверцу «Чероки».

Бобби почувствовала, что мысли Буча отдаляются, затихают. Она повернулась и увидела, что и старик, и полицейский на грани спасения.

Господи Иисусе, парни, остановите их!

Это избавило всех от паралича, но Бобби кинулась первой. Она подскочила к Иву и двинула прикладом винтовки по затылку. Лицо Ива сильно ударилось о крышку «Чероки». Кровь хлынула из носа и он, ошеломленный, упал на колени. Она подняла приклад для повторного удара, когда Дуган, стоя с другой стороны «Чероки», выстрелил из кольта сквозь пассажирское окно.

Бобби показалось, что большой горячий молоток ударил ее пониже правого плеча. Ее правая рука беспомощно повисла, и винтовка вывалилась из рук. Молоток заставил ее тело на мгновение онеметь, но потом тепло вернулось, как будто бы внутри у нее пылала огромная печь.

Она опрокинулась назад, ее левая рука коснулась места, где молоток обжег ее, ожидая найти там кровь, но ничего не нашла, по-крайней мере, пока ничего — только дыру в рубашке и теле под рубашкой. У дыры были твердые края, которые горели и пульсировали. Кровь вытекала вниз из ее спины, много крови, но из-за шока все онемело, и боли она почти не чувствовала. Ее левая рука обнаружила маленькое входное отверстие и огромное выходное, через которое мог бы вылезти и новорожденный.

Она увидела Дика Эллисона с белым и охваченным паникой лицом.

Ведь это неправильно, Господи, совсем неправильно. Мы должны схватить его прежде, чем он прикончит нас. О, проклятые ищейки, проклятые ищейки, проклятые ищейки!

— Не пристрелите его! — взвизгнула Бобби. Боль прокатилась по ее телу. Кровь тонкой струйкой стекала из ее рта. Пуля пробила ее правое легкое.

Эллисон колебался. Ньют и Джо Саммерфильд приблизились прежде чем Дуган успел снова поднять пистолет. Он повернулся к ним, и Ник ударил его прикладом своей винтовки по руке с кольцом. Второй выстрел Дугана ушел в грязь.

— Брось, полицейский, брось или ты труп! — пронзительно крикнул Джон Эндерс, учитель начальной школы. — Четыре ствола направлены на тебя.

Дуган осмотрелся. Он увидел четырех мужчин с винтовками и Эллисона, хотя еще не пришедшего в себя, но уже готового стрелять.

Они все равно тебя убьют. Может, лучше умереть как Джон Уэйн. Дерьмо, они все сумасшедшие.

— Нет, — сказала Бобби. Она лежала рядом с колесом Джипа.

Кровь не переставая сочилась у нее изо рта. Рубашка на ее спине намочила.

— Мы не сумасшедшие. И у нас нет цели убить тебя. Можешь проверить.

Дуган неуклюже прозондировал ее мозг и убедился, что она действительно это имеет в виду... но где-то в уголках ее мозга таилось что-то такое, что заставило бы его насторожиться, не будь он таким новичком в хитростях с чтением мыслей. Это было как дополнительный пункт мелким шрифтом в напечатанном без единой задоринки контракте. Он обдумает это позже. Ребята, похоже, новички, и есть шанс унести ноги целым и невредимым.

Вдруг Эдли Маккин содрал золотую маску с его лица. Сразу же Буч почувствовал приступ головокружения.

— Так ты мне больше нравишься, — сказал Эдли. — Без этого проклятого молочного воздуха у тебя в голове станет поменьше мыслей об освобождении.

Буч поборол головокружение и снова взглянул на Бобби.

— Мне кажется она умирает.

— Думай что хочешь.

Он выпрямился и отступил назад, в то время как неожиданная мысль пришла ему в голову. Он посмотрел на Бобби внимательней.

— А что будет со стариком? — спросил он решительно.

— Не... — Бобби закашлялась, кровь потекла сильнее. Пузыри надулись у ее ноздрей. Кьол и Ньют кинулись к ней. Она лишь отмахнулась. — Не твоя забота. Я и ты садимся на передние сидения «Джипа». Ты правишь. А если тебе придет в голову устроить что-нибудь веселенькое, на заднем сидении будут сидеть трое с ружьями.

— Я хочу знать, что дальше будет со стариком, — повторил Буч.

Бобби с большим трудом приподняла свое ружье. Левой рукой она смахнула с глаз свои потные волосы. Ее правая рука бесполезно

свисала. Все было так, словно ей хотелось, чтобы Дуган рассмотрел ее повнимательней, оценил ее.

И Буч рассмотрел. Холод, который он рассмотрел в ее глазах, был реальностью.

— Мне не хотелось бы убивать тебя, — сказала она мягко. — И ты это знаешь. Но если ты скажешь еще хоть слово, я заставлю этих мужчин умертвить тебя прямо здесь. Мы похороним тебя вслед за Бичем и пойдем своей дорогой.

Ив Хиллман с трудом поднялся на ноги. Он выглядел ошеломленным, не уверенным в том, где он находится. Он стер со лба кровь так, как будто это был пот.

Еще одна волна головокращения накрыла Буча, и его посетила бесконечно удобная мысль. Это сон. Всего лишь сон.

Бобби улыбнулась, но без юмора.

— Думай так, если хочется, — сказала она. — Только залезай в «Джип».

Буч забрался внутрь и принял к рулю. Бобби двинулась к месту пассажира. Она снова начала кашлять, разбрызгивая кровь, ее колени подгибались. Двум другим пришлось помочь ей.

Не обращай внимания на «мысль». Бобби умирает, я знаю.

Бобби повернула голову и взглянула на него. Мелодичный потусторонний голос

(думай как хочешь)

снова прошелестел в его голове.

Арчинбург, Саммерфильд и Маккин втиснулись на заднее сиденье «Чероки».

— Трогай, — прошептала Бобби. — Потихе.

Буч начал разворачиваться. Он еще увидит Ива Хиллмана, но не вспомнит — позже большая часть мозга Буча будет стерта как мел на школьной доске. Старик стоял, освещенный солнцем, с гигантским блюдцем сзади. Он был окружен здоровыми мужиками, а пятью футами левее лежало что-то, напоминающее обтесанное бревно.

Ты не так уж плохо действовал, старик. В свое время ты, должно быть, был неплохим кавалеристом... и ты до сих пор уверен, что мы не сошли с ума в этом аду.

Хиллман взглянул вверх и пожал плечами, как будто хотел сказать: «Ну что ж, мы пытались».

Снова головокращение. Взгляд Буча затуманился.

— Я не уверен, что смогу вынести, — сказал он, его голос слышался как бы с огромного расстояния. — Эта штука... Из-за нее меня тошнит.

— Осталось ли немного воздуха в его маленьком ранце, Эдди? — прошептала Бобби. Ее лицо было смертельно бледным. На этом фоне кровь на губах смотрелась очень ярко красной.

— В маске что-то шипит.

— Надень ее.

Через некоторое время после того, как маска закрыла рот и нос Дугана, ему стало лучше.

— Пользуйся, пока можешь, — прошептала Бобби и потеряла сознание.

20

— Песчинка к песчинке. Пылинка к пылинке. Так мы вверяем тело нашего друга Рут Маккосланд земле, а душу ее Богу!

Плакальщицы двинулись к маленькому, уютному кладбищу на холме к западу от городка. Они собрались грустной кучкой вокруг открытой могилы. Гроб Рут поддерживался над ней полосьями. Здесь собралось гораздо меньше плакальщиц, чем в церкви: многие из чужаков, замученных либо головной болью, либо расстройствами желудка, либо захваченные странными идеями, воспользовались перерывом, чтобы ускользнуть.

Свежий летний ветерок мягко шевелил цветы у изголовья могилы. Преподобный Гуринджер поднял голову и обратил внимание на желтую розу, которую ветер катил вниз по траве холма. За пределами белой кладбищенской ограды, уже изрядно попорченной непогодой, он мог видеть часовую башню Ратуши. Она мягко колыхалась в ярком освещении, словно он смотрел на нее сквозь горячий воздух. Однако, подумал Гуринджер, это была чертовски правдоподобная иллюзия. Эти, в городе, оказались лучшими кудесниками, которых только знала история, и сами об этом не подозревали.

Он на секунду встретился глазами с Фрэнком Спрюсом — и во взгляде Фрэнка он прочитал явное облегчение; ему показалось, что Фрэнка посетило точно такое же видение, как и его. Множество чужаков вернутся туда, откуда они явились, и расскажут своим друзьям, что смерть Рут Маккосланд потрясла маленькое общество до основания; они с трудом вспомнят, что здесь было на самом деле. И ни один из них ничего не поймет. Гуринджер следил за реальными событиями у корабля со все возрастающим вниманием. Некоторое время назад дела там стали совсем плохи. Теперь все снова под контролем, но Бобби Андерсон умрет, если ее не доставить в сарай вовремя, и это очень плохо.

Однако события под контролем. И «превращение» продолжится. И только это важно.

Гуринджер держал открытую Библию в руке. Ее страницы немножко трепало ветром. Теперь он поднял другую руку в воздух. Плакальщицы вокруг могилы Рут опустили головы.

— Пусть Господь благословит тебя и охранит тебя, пусть Господь поднимет свое лицо и освятит тебя, и одарит тебя миром. Аминь.

Плакальщицы дружно подняли головы. Гуринджер улыбнулся.

— Для тех, кто захочет остановиться на минутку и помянуть Рут Маккосланд, в библиотеке пройдут поминки, — сказал он.

Акт II подошел к концу.

21

Кьюл мягко залез в карман штанов Бобби и рылся там до тех пор, пока не нащупал связку ключей. Он достал ее, перебрал ключи и выбрал один для висячего замка на двери сарая. Он вставил ключ в гнездо, но поворачивать его не стал.

Эдли и Джо Саммерфильд прикрывали Дугана, который все еще сидел за рулем Джипа. Бучу становилось все труднее и труднее получать воздух из маски. Стрелка указателя поставки уже пять минут как прошла красную черту. Кьюл присоединился к ним.

— Ступай проконтролируй пьянчугу, — сказал Кьюл Джо Саммерфильду. — Такое впечатление, что он в обмороке, но я не особенно верю ублюдку.

Джо пересек двор, взобрался на веранду, и, морщась от выдыхаемого Гардом перегара, внимательно его осмотрел. Гарденер в этот момент не притворялся: он выдул полную бутылку виски и пребывал в состоянии пьяного затмения.

Пока двое других мужчин ждали возвращения Джо, Кьюл сказал:

— Скорее всего Бобби умрет. Если это случится, я беру бразды правления в свои руки.

Вернулся Джо:

— Он невменяем.

Кьюл кивнул и повернул ключ в замке сарая, тем временем Джо составил компанию Эдли в наблюдении за полицейским. Кьюл открыл замок и отворил одну створку двери. Изумрудно-зеленый свет хлынул оттуда, он был столь ярок, что, казалось, затмевал солнце.

Донесся неясный, прерывающийся, жидкий звук — как будто внутри сбивали масло. Звук был явно механического происхождения.

Кьюл невольно отступил назад, и на лице его разом отразились испуг, изумление и благоговенье. От запаха, которым оттуда повеяло — сильным, зловонным и органическим — легко можно было потерять сознание. До Кьюла, да и до всех остальных, дошло, что теперь здесь вырастала двухсердечная природа Томминокеров. Пляска лжи была почти закончена.

Звук сбиваемого масла, этот запах... и еще какой-то звук, будто слабое, хилое твяканье щенка.

До этого Кьюл уже дважды бывал в сарае, но почти ничего не мог об этом вспомнить. Он знал, конечно, что это важное место, замечательное место и что оно ускоряет его собственное «превращение». Но то человеческое, что еще в нем осталось, безумно боялось этого места.

Он вернулся к Эдли и Джо.

— У нас нет времени ждать остальных. Если мы хотим, чтобы остался хоть один шанс спасти Бобби, мы должны немедленно внести ее внутрь.

Полицейский, как он заметил, стянул маску. Она, использованная, валялась на сидении рядом с ним. Это хорошо. Как сказал Эдли еще в лесу, ему будет труднее думать об освобождении без искусственного воздуха.

— Держи мусора на мушке, — сказал Кьюл. — Джо, помоги мне с Бобби.

— Помочь тебе внести ее в сарай?

— Нет, помоги мне отвезти ее в Рошфордский зоопарк и показать ей трахающегося льва! — взорвался Кьюл. — Конечно в сарай!

— Я не... Я не думаю, что хочу входить туда. По-крайней мере не сейчас. — Джо взглянул на зеленый свет за плечами Кьюла с кривой улыбкой, в которой легко читался стыд и брезгливость.

— Я помогу тебе, — мягко сказал Эдли. — Бобби наш давний, хороший товарищ. Просто непростительно, если она умрет раньше, чем все это подойдет к концу.

— Хорошо, — сказал Кьюл. — Смотри за мусором, — бросил он Джо. И если ты проשляпишь что-нибудь, то, клянусь Богом, я убью тебя.

— Не сомневайся, Кьюл, — сказал Джо. Стыдливая усмешка все еще кривила его губы, но в глазах легко читалось облегчение. — Я не подведу. Я глаз с него не спущу.

— Так и будет, — слабо сказала Бобби. Это привело всех в движение.

Кьюл посмотрел на нее, затем на Джо. Джо опешил от неприкрытого презрения в глазах Кьюла... но ему не улыбалось идти в сарай, к свету, к этим маслянистым, хлюпающим звукам.

— Пошли, Эдли, — в конце концов сказал Кьюл. — Давай наконец-то внесем Бобби внутрь. Раньше сядем — раньше выйдем.

Эдли Маккин, коренастый, лысый, приближающийся к пятидесяти, на мгновение сник.

— Там... — Он облизал губы. — Кьюл, там плохо? Внутри?

— Я почти не помню, — сказал Кьюл, — Но я знаю, что чувствовал себя чудесно, когда вышел. Как будто у меня прибавилось знаний. И возможностей воплотить их в жизнь.

— Ох. — Голос Эдли был едва живой.

— Ты станешь одним из нас, Эдли, — все тем же тихим голосом сказала Бобби.

Лицо Эдли, на котором еще сохранялось выражение испуга, вдруг стало решительным.

— Хорошо, — сказал он.

— Давай попробуем не причинить ей боли, — сказал Кьюл.

Они внесли Бобби в сарай. Джо Саммерфильд на секунду отвлекся от Буча Дугана и наблюдал их исчезновение — создавалось впечатление, что они действительно исчезли, как только шагнули внутрь, как пропадают наблюдаемые объекты в ослепляющей короне.

Он отвлекся совсем ненадолго, ничего больше Бучу Дугану и не потребовалось бы в старое доброе время. Но сейчас хоть он и отметил про себя эту возможность, Буч был не в состоянии ее использовать. В ногах совсем не было силы. Сильная тошнота в желудке. В голове у него что-то шумело и колотилось.

Я не хочу туда входить.

Он бы ничего не смог поделать, если бы они решили задержать его внутри. Он был как котенок.

Он отдался на волю течения.

Через некоторое время он различил голоса и поднял голову. Удалось ему это лишь со второй попытки, потому что голова была такой тяжелой, словно кто-то через ухо полностью заполнил ее цементом.

Оставшаяся группа проходила через лабиринт сада Бобби Андерсон. Они грубо подталкивали старика. Ноги Хиллмана подкосились, и он упал. Один из них — Таркингтон — ударил его ногой, и Буч явно уловил ход его мыслей: он оскорблял того, кого считал убийцей Бича Джернигана.

Хиллман споткнулся перед «Чероки». В этот момент открылась дверь гаража. Оттуда вышли Кьюл Арчинбург и Эдли Маккин. Маккин больше не выглядел испуганным — его глаза пылали, а на губах играла большая усмешка, открывающая гнилые зубы.

Но это не все. Что-то еще.

Потом Буч понял.

За те несколько минут, что мужчины пробыли внутри, на голове Маккина появилась немалая порция волос.

— Я еще как-нибудь с удовольствием туда войду, Кьюл, — сказал он. — Нет проблем.

Это было уж слишком, но теперь все желали снова отдаться на волю течению. Буч сдался.

Мир потускнел до такой степени, что остались лишь маслянистые звуки да блики зеленого света на веках.

22

Акт III.

Они сидели в городской библиотеке — теперь она будет называться «Мемориальная Библиотека Маккосланд», все согласились с этим. Они пили кофе, охлажденный чай, Кока-колу, имбирный эль.

Никто не пил алкогольных напитков. Даже в память о Рут.

Они ели крошечные треугольные рыбные бутербродики с мясом тунца, они ели бутерброды с пастой из сырного крема и оливок, они ели сандвичи с пастой из сырного крема и стручкового перца. Они ели холодную вырезку и желатиновый салат с кругляшками моркови внутри, подобно ископаемому в куске янтаря.

Они разговаривали о подобающих случаю великих делах, но в комнате стояла полнейшая тишина — если бы кто-нибудь издал хоть какой-нибудь звук, слушатели были бы ошеломлены. Напряжение, которое было написано на многих лицах в церкви, когда ситуация в лесу была близка к выходу из под контроля, сейчас сгладилось. Бобби была в сарае. Назойливый старик там же. И, в конце концов, назойливого полицейского тоже поместили в сарай. Общий мозг потерял след этих людей, когда они вошли в ослепляющее зеленое сияние.

Они ели и пили, и слушали, и говорили, хотя никто не сказал ни слова, и это было в порядке вещей: последние чужаки покинули Хэвен после гуринджеровского благословения у могилы, и теперь Хэвен принадлежал только им.

(теперь будет хорошо)

(да, они поймут, что делать с Дуганом)

(ты уверен)

(да, они поймут, они будут думать, они поймут)

Тиканье «Сес Томаса» на каминной полке, который был пожертвован школой грамотности в прошлом году, было самым громким звуком в комнате. Еще можно было услышать тонкое звучание

китайской вазы. И еще, за открытым окном, очень далекий шум самолета.

Ни одной птичьей трели.

Почти полная тишина.

Они ели и пили, и они почувствовали, когда Дугана выводили из сарая Бобби в час тридцать пополудни. Люди поднялись, и сразу завязался разговор, настоящий разговор. Мужчины натягивали свои котелки. Женщины прятали в сумочки недоеденные сандвичи. Клодетт Равалл, мать Эшли, заворачивала в алюминиевую фольгу остатки запеканки, которую она до этого принесла. Они вышли наружу и направились к своим домам с улыбками.

Акт III завершился.

23

Гарденер обозревал окружающий закат с сильной головной болью и таким чувством, будто происходили какие-то события, которые сейчас вспомнить он не в состоянии.

В конце концов нужно это сделать, Гард, — думал он. — Ведь у тебя был очередной провал в памяти. Согласен?

Он ухитрился выбраться с веранды и шатко убраться от возможных взглядов с дороги за угол дома, прежде чем его вырвало. Он заметил в рвоте кровь, но в этом не было ничего удивительного. Не в первый раз, хотя сейчас крови было и больше, чем раньше.

Сны, Господи! У него были какие-то жуткие, хотя сейчас по большей части забытые, кошмары. Люди, приходящие и уходящие, такое огромное количество людей, что все, что им было нужно — это духовой оркестр и далласская полиция.

(Полиция. Далласская полиция была здесь сегодня утром, а ты напился и теперь не увидишь их из-за своей проклятой трусости).

Трус. Кошмары. Вот в чем все дело.

Он отвернулся от лужи блевотины между ногами. Окружающий мир колебался и терял четкость с каждым ударом сердца, и Гарденер осознал, что еще никогда не был так близок к смерти. В конце концов он решится на самоубийство... ох, только нужно делать все помедленнее. Он оперся о стену дома и положил голову на руки.

— Мистер Гарденер, с вами все в порядке?

— Ааа! — заорал он, вскочив, как подброшенный пружиной. Его сердце едва не проломило грудную клетку, затем остановилось, ему показалось, что навсегда, а потом начало биться с такой быстротой, что он едва различал отдельные удары. Боль в голове разом возросла до предела. Он пошатнулся.

A.H. МУРОМОВ 93

Это был Бобби Тремэйн, выглядел он удивленным, быть может происходящее даже казалось ему забавным... но сожаления за испуг Гарденера не было и в помине.

— Мне, право, совсем не хотелось вас испугать, мистер Гарденер.

Ты, падло, конечно хотел, и я прекрасно это понимаю.

Младший Тремэйн несколько раз мигнул. «А он ведь кое-что уловил», — подумал Гарденер. С удивлением он почувствовал, что в штанах сухо.

— Где Бобби? — спросил Гарденер.

Я...

— Я знаю, кто ты. Я знаю, где ты. Прямо передо мной. Где Бобби?

— Ну, я же вам говорю, — сказал Бобби Тремэйн. Его лицо стало совсем открытым, с огромными глазами, очень-очень честным, и Гарденер сразу, без малейшего усилия вспомнил свои студенческие годы. Так выглядели те, кто весь долгий зимний уик-энд катались на лыжах, пили и крутили романы, когда потом им приходилось объяснять, что они не могли заниматься научными исследованиями поскользку в субботу у них умерла мать.

— Ну, давай, говори. — Гарденер прислонился к бревенчатой стене домика, рассматривая подростка в красных закатных отблесках. За его плечами виднелся сарай с амбарным замком и крепко заколоченными окнами.

Ему вспомнилось, что сарай видел он и во сне.

Сон? А может быть, тебе уж очень не хочется признать, что это было реальностью?

На секунду подросток оказался полностью смущенным циничным выражением Гарденера.

— У Мисс Андерсон случился солнечный удар. Какие-то люди нашли ее недалеко от корабля и доставили в Дерри Хоум.

— С ней все нормально? — немедленно поинтересовался Гарденер.

— Я не знаю. Они все еще с ней. Она еще не пришла в себя. То есть, не пришла в себя где-то до трех часов. В это время я уехал сюда.

Гарденер оттолкнулся от стены дома и двинулся за угол, голова его была опущена, он пытался справиться с похмельем. Он почувствовал, что подросток лжет, быть может, неправду он сказал о том, что произошло с Бобби, но Гарденер чувствовал, что суть, ядро сказанного — это правда. Бобби было больно, ее тошнило и еще что-нибудь подобное. Это объясняло некоторые из приходов и уходов, которые он видел во сне. Видимо, Бобби позвала их с помощью своего мозга. Позвала с помощью мозга, лучший фокус недели. Только в Хэвене леди и джен...

— Куда Вы направляетесь? — спросил Тремэйн очень высоким голосом.

— В Дерри... — Гарденер уже стоял у начала дороги. Там был припаркован пикап Бобби. За ним стоял желтый «Додж Челленджер» молодого Тремэйна. Гарденер повернулся к подростку. Закатный свет расцветил лицо юноши красными бликами и черными тенями, это делало его похожим на индейца. Гарденер посмотрел повнимательней и понял, что никуда он не поедет. Ведь этот подросток со скоростной машиной и плечами футболиста приехал сюда не только для того, чтобы сообщить неприятные новости и увидеть, что Гард выпил достаточно алкоголя для полного отключения.

Я могу и поверить в то, что Бобби была в лесу, работала как безумная, и ее настиг солнечный удар, пока ее временный друг валялся на веранде пьяный как свинья. Ну так что? Итак, это хороший трюк, потому что она думала побывать на погребении Рут Маккосланд. Она ушла в Хэвен, пока я тут в одиночестве размышлял о воскресных событиях... Я начал думать, а потом начал пить, ведь так я делаю почти всегда. Конечно, Бобби могла сходить на похороны, вернуться сюда, переодеться и отправиться на работу в лес, где и получила солнечный удар... Все верно, за исключением мелочи — все это случилось не там.

Подросток жлет. Это написано на его лице, и я страшно доволен, что он не может читать мои мысли.

— Мне кажется, что для мисс Андерсон будет лучше, если вы останетесь здесь и займетесь своими делами, — внятно сказал Бобби Тремэйн.

— Ты думаешь?

— Да, мы все так думаем. — Подросток выглядел сейчас еще более напряженно, чем обычно — осторожный, немного угловатый на своих ногах. «Не думаю, чтобы у Боббиного любимца-пьянчуги остались зубы или когти, чтобы ими царапаться». Это замаскировало другую, еще более грязную мысль, и Гарденер внимательно посмотрел на подростка в свете, который перешел в оранжевые и ярко-розовые тона. Плечи футболиста, красивое лицо с крепким подбородком, который не постеснялся бы изобразить и Алекс Гордон с Берни Вриктоном, широкая грудь и узкая талия. Бобби Тремэйн, Стопроцентный Американец. Без сомнения все кольсоновские девицы ахали по нему. Но этот впалый нерешительный рот, подумалось Гарденеру, вступает в противоречие со всем остальным. Они ведь из тех, кто скрывает выпавшие зубы.

О'кей, но зачем он здесь?

Чтобы быть моим тюремщиком. Чтобы быть уверенным, что я здесь останусь. Не важно как.

— Что ж, хорошо, — сказал он Тремэйну пьяным примиряющим голосом. — Если вы все так думаете.

Тремэйн слегка расслабился.

— Это действительно так.

— Ну что, пошли внутрь и поставим кофе. Оно бы мне не помешало. Уж очень голова болит. А в Дерри мы поедем пораньше утром... — Он остановился и взглянул на Тремэйна. — Ведь ты здесь, чтобы помогать мне, не так ли? Это ведь часть твоего задания?

— А... да, сэр.

Гарденер кивнул. И взглянул на сарай и в причудливом свете заката заметил зеленую «зарю» в щели между досками. На секунду он был близок к тому, чтобы вспомнить свой мерцающий сон — умершие сапожники машут молотками у неизвестных приспособлений в зеленом ослепительном блеске. Он никогда еще не видел такого яркого сияния и обратил внимание, что, когда Тремэйн смотрел в этом направлении, его глаза легко пробегали, не замечая ничего необычного.

Уж не знаю, чем они там занимались, но посмеялись за зеленой дверью они немало... зеленая дверь, что за секреты ты скрываешь?

А еще был звук. Слабый... ритмичный... едва различимый... но почему-то неприятный.

Гарденер двинулся по направлению к дому. Тремэйн почтительно последовал за ним.

— Хорошо, — сказал Гарденер, будто разговор и не прерывался. — Я кое-где использую твою помощь. Бобби чуть не две недели мечтала о таком люке, через который можно будет спускаться вниз... и через который было бы удобно выходить наружу.

— Да, я знаю, — без колебания сказал Тремэйн.

— Но для этого нужно постоянно работать вдвоем.

— О, с тобой постоянно кто-нибудь да будет, — сказал Тремэйн, и лицо его озарила открытая улыбка. Холодок пробежал у Гарденера по спине.

— О?

— Да! Будь уверен!

— Пока Бобби не вернется.

— Точно, — согласился Тремэйн.

Хотя он не думает, что Бобби вернется. Когда-нибудь.

— Пошли, — сказал он. — Кофе. А потом, быть может, немного перекусим.

— Это звучит заманчиво.

Они вошли внутрь, оставив сарай слушать свои же маслянистые и бормочущие звуки в сгущающейся темноте. Как только пропало солнце, зеленые лучики, пробивающиеся из щелей, стали становиться все ярче, и ярче, и ярче. Сверчок прыгнул на кляксу зеленого света, упавшую на землю, и свалился замертво.

10 КНИГА ДНЕЙ — ИСТОРИЯ ГОРОДА ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1

Четверг, 28 июля

Ровно в 3.05 Буч Дуган проснулся в своей постели в Дерри. Он отбросил одеяло и спустил ноги на пол. Его лицо опухло от сна, а расширенные глаза смотрели удивленно. Одежда, в которой он вчера ездил в Хэвен, была свалена в кресле у столика. Ручка выглядывает из нагрудного кармана рубашки. Вот и ладно. Ему понадобится ручка.

Буч поднялся на ноги, подошел к креслу, взял ручку и, сбросив рубашку на пол, уселся за стол... Он долго всматривался в темноту, что-то обдумывая.

Побывав на участке Андерсон, Буч вернулся только тенью самого себя. Он очень осунулся, казалось даже, стал ниже ростом. Ему словно отшибло память. Он не мог с точностью установить последовательность простейших событий. Он затруднился бы назвать свое второе имя и совсем не мог вспомнить, как доехал до Хэвентроя на «Чероки», взятом напрокат Хиллманом. Возвращение же в Дерри совершенно изгладилось из его памяти. Тем не менее, все это было.

Он припарковал «Чероки» перед жилищем старика, выйдя из машины, захлопнул дверцу и пересел в свою машину. Проехав два квартала, он остановился и простоял достаточно долго, чтобы, чуть помедлив (неудивительно — в его-то состоянии), уронить ключи от «Джипа» в сток канализации.

Добравшись до квартиры, он свалился в постель и забылся тяжелым сном, пока внутренние часы, заведенные в его подсознании, не разбудили его как раз во время.

Сознание слегка просветлело... мысли начали проявляться. Буч прищурился, пошарил блокнот и вырвал из него листочек. Он написал:

«Во вторник вечером я сказал, что не пойду на ее похороны, потому, что болен. Так оно и было. Правда, дело не в больном желудке. Я хотел сделать ей предложение, но все откладывал. Боялся, что она откажет. Если бы я не трусил, быть может, она осталась бы в живых. Теперь, когда она умерла, похоже, мне не для чего жить».

Извините за доставленные хлопоты».

Он просмотрел записку и подписался:

«Антони Ф.Дуган».

Буч отложил записку и ручку и откинулся на стуле, тупо глядя в окно.

Наконец упало последнее перышко, сломавшее спину верблюда.

Он решился. Остатки сознания вспыхнули и погасли, погасли навсегда.

Буч Дуган поднялся на ноги и направился в уборную. Потом, вспомнив код стенного сейфа, вернулся за своим верным «Магнумом-357». Автоматически накинул и застегнул ремни, потом уселся на столик, задумавшись.

Поразмыслив несколько минут, он нахмурился, потом встал, выключил свет в уборной, закрыл дверь, снова подошел к столику и снова уселся. Проверил зачем-то, хорошо ли видно записку, достал из кобуры свой «Магнум», легко пристроил его дуло к виску и спустил курок. Кресло опрокинулось и с грохотом упало на пол, с вполне обыденным, совсем не драматичным звуком — словно кто-то, уходя, хлопнул дверью.

2

Пятница, 29-ое июля

Передовица «Бангор Дейли Ньюз».

Беспорное самоубийство городского полицейского из Дерри, расследовавшего исчезновение двух рядовых.

Не подлежит сомнению, что Антони «Буч» Дуган из городской полиции Дерри застрелился из табельного оружия в четверг рано утром. Его смерть глубоко потрясла его коллег из городской полиции, встревоженных недавним исчезновением двух рядовых...

3

Суббота, 30-ое июля

Гарденер сидел на пне в лесу, сняв рубашку; он уписывал бутерброд с тунцом и яйцом, отваренным вкрутую, запивая все это

холодным кофе, щедро сдобренным бренди. Как раз напротив него, на другом пне сидел Джон Эндерс — школьный директор. Эндерс почти не занимался физическим трудом, как многие люди его профессии, так что теперь, хотя время подошло только к полудню, он выглядел усталым, разгоряченным и почти выбился из сил.

Гарденер кивнул ему.

— Неплохо, — похвалил он. — Куда лучше, чем у Тремэйна, между прочим. Тремэйн выпарил всю воду, пытаясь вскипятить ее.

Эндерс растроганно улыбнулся.

— Спасибо.

Гарденер окинул взглядом часть огромного сферического предмета, выступающего из земли. Канава становилась все шире и шире, и им приходилось использовать все больше и больше той серебристой проволоки, которая худо-бедно удерживала сферу от проседания (он понятия не имел, как это происходит, знал только, что объем «подкопа», без того внушительный, уже почти удвоился, и еще вчера две женщины из города привезли новую партию проволоки, аккуратно свернутую и упакованную, как новенькие металлические занавески). А им понадобится еще больше, они ведь «вгрызаются» все дальше в глубь холма... а эта штука все уходит и уходит вниз, и нет ни конца, ни края... Уже весь дом Бобби мог бы скрыться в ее тени.

Он снова взглянул на Эндерса. Эндерс уставился на эту штуку с выражением преклонения и религиозного трепета — ни дать ни взять начинающий друид, совершивший свое первое паломничество к святилищу Стоунхеджа.

Гарденер поднялся на ноги, слегка потянувшись.

— За дело, — сказал он. — Давай-ка чуть-чуть рванем эту штуку.

Еще неделю назад они с Бобби дошли до того момента, когда «корабль» оказался неподвижно засевшим в твердой почве холма, как кусок стали в бетоне. Сама почва не повреждала корабль; чтобы побеспокоить его гладкую жемчужно-серую поверхность, нужно было что-то посущественнее; оставался только взрыв. Слишком уж плотно корабль засел в почве. Вот почву и надо разнести к черту. При других обстоятельствах эта работа была бы как раз для команды строителей, знающих, как пользоваться динамитом — *большим количеством* динамита.

Однако, динамит считается устаревшим, потому-то его не найдешь среди имеющихся в наличии взрывчатых веществ в городе Хэвене. Впрочем, Гарденер толком не уяснил, какие взрывчатые вещества есть в Хэвене, а каких — нет, какие можно использовать

для этих целей, а какие — не стоит, да он и не стремился разобраться. Да и вообще, это — спорный вопрос, сколько людей — столько и мнений. Если бы знать, как этим пользоваться, то огромная часть тяжелой работы была бы проделана в мановение ока, с помощью каких-то новых и усовершенствованных взрывных устройств. Он помнил те времена, когда действительно маялся дурью, размышляя, стоит или не стоит Бобби ломать голову над вопросами устройства и производства оружия. Теперь все это казалось таким далеким, а тот Джим Гарденер — таким наивным.

— Ты сможешь это сделать, Джонни? — спросил он директора школы.

Эндерс поднялся, заложив руки за спину. Несмотря на жуткую усталость, он все же выдавил улыбку. Казалось, один вид корабля подбадривает его. Кровь выступила в уголке глаза, совсем как красная слеза. Должно быть, лопнул сосуд. *Все из-за того, что вертимся около этого проклятого корабля* — подумал Гард. Сперва Бобби Трэмэйн взялся «помогать» ему и потерял за два дня несколько последних зубов; они полетели, как горох из стручка, а все потому что рядом стоит эта штука.

Сначала он хотел сказать Эндерсу, что что-то неладно с его правым глазом, но передумал, предоставляя ему заметить это без посторонней помощи. Похоже на то, что его это даже не беспокоит. Это потрясло Гарда больше всего.

«С чего бы это? Или ты обманываешь себя, считая, что даже кошки человечнее нас — людей? Если это так, то тебе лучше поумнеть, старина Гард».

Он вовремя посмотрел под ноги, до того, как край подкопа обвалился. Оглядевшись, Гард поднял дешевенький транзистор, сделанный из ядовито-желтого пластика. Так и лезет в глаза! А, ведь там, под ядовито-желтой пластмассой — всякие детали, и, конечно же, батарейки.

Хмыкнув, Гарденер отошел от края подкопа. На сей раз завывающая музыка оставила его спокойным, он не мог отвести глаза от огромного, гладкого, серого бока корабля. Зрелище не вдохновляло, вызывая, однако, трепет, переходящий в дрожь все нарастающего страха.

«Но ведь ты все еще надеешься. Совершишь, если скажешь, что нет. Ведь разгадка именно здесь... где-то здесь».

«Странно», подумал он. Надежда нарастает вместе со страхом...

Раскопки холма существенно обнажили поверхность корабля — правда, не настолько, как ему того хотелось; с другой стороны, ему вовсе не светит оказаться втянутым в какую-нибудь гигантскую

воронку. Да и приближаться к металлической обшивке небезопасно. Теперь, когда он часто прикасался к ней, его кровотечения участились (а не прикасаться было выше его сил); шум радио стих; тут он поймал себя на мысли, как много крови может литься из носа или из ушей. И еще: много же, однако, времени он выторговал себе пожить на этом свете, впрочем, это вопрос настроения. С того самого утра, когда он проснулся на волнорезе в Нью-Хэмпшире, он живет как бы взаимы. Он болен и знает это, правда, не настолько болен, чтобы оценить комизм ситуации, в которой он оказался: он, как одержимый, раскапывает эту чертову кучу, применяя все известные инструменты и приспособления, словно рекламируя «Весь Универсальный Каталог» Хьюго Герисбака, причем, судя по всему, он загонит себя до смерти, работая словно в гипнотическом трансе; надо думать, он не доживет до того момента, когда можно будет войти внутрь через ход, который Бобби надеется найти. Но надо попытаться. Ставка достаточно высока.

Наступив на веревочный хомут, затянутый крепким узлом, он сунул назойливое радио в карман рубашки.

— Будь добр, Джонни, спусти-ка меня вниз.

Эндерс начал вращать колесо лебедки, и Джим медленно заскользил вниз, на дно траншеи. Гладкая серая поверхность перед его глазами заскользила все выше, выше, выше. «Пожелай они расправиться с ним, проще всего это было бы сделать сейчас», — прикинул Гард. Просто послать телепатический приказ Эндерсу: *«Ты можешь отойти от колеса, Джон. Мы с ним покончили»*. И он грохнется с сорокафутовой высоты на твердую, как бетон породу, таща за собой веревочную петлю.

Конечно же, ему приходится полагаться на их милость... он даже предположил, что они осознают, что он может быть полезен, хоть и оказывает сопротивление. Молодой Тремэйн был здоров и силен, как бык, но за два дня он полностью выбыл из строя. Эндерс, судя по всему, не выдержит еще одного дня работы, но Гарденер готов был спорить на все, что имеет (а что он имеет, ха-ха?), что завтра найдется кто-нибудь еще, добровольно пожелавший вести счет его попыткам.

С Бобби все о'кей.

А ведь она была очень плоха, просто довела себя до ручки. Если бы ты не явился вовремя, она бы уработалась насмерть.

Но она-то болталась здесь куда дольше, чем Эндерс или молодой Тремэйн.

Мысли безжалостно возвращались к одному и тому же: *Бобби входила в сарай, как и другие. Тремэйн и Эндерс никогда не... стоп,*

ты же этого не видел. Может быть, есть какая-то разница. Она-то ведь оправилась.

Так что же там происходит? Десять тысяч ангелов танцуют на острие иглы? Там рассказывает привидение Джеймса Дина?

Туринская Плащаница? Что?

Он не знает.

Наконец ноги коснулись дна.

— Я уже внизу! — крикнул он.

Лицо Эндерса, казавшееся таким маленьким, склонилось над краем обрыва. Где-то наверху маячил кусочек голубого неба. Крошечный, как лоскуток. Дала себя знать клаустрофобия — она нашептывала что-то свое в его уши — голосом грубым, как наждак.

В этом месте пространство между поверхностью корабля и земляной стеной, затянутой металлической сеткой, было очень узким. Гарденеру пришлось протискиваться боком между обшивкой корабля, которой нельзя было касаться, и металлической сеткой, покачиваясь от головокружения.

Земля под кораблем была очень темной. Он потрогал ее и отдернул руку. Земля стала почти мокрой. Всю последнюю неделю она увлажнялась все больше и больше с каждым днем.

Сегодня утром он проделал небольшое квадратное углубление со стороны дюйма в четыре, чтобы положить туда взрывчатку. Теперь он достал инструменты, включил фонарик, направив свет на углубление.

Оно было доверху заполнено водой.

Он вскочил на ноги и закричал:

— Спускай сюда шланг!

— ...чего?.. — донеслось сверху. Голос Эндерса звучал изумленно. Гарденер вздохнул, удивляясь, как долго тот может бороться с общим истощением. Чего только нет в «Полном Каталоге Инструментов Хьюго Гернсбака», но вот никто не додумался провести связь между низом и верхом. Вместо этого, они предпочитают надрывать плотки.

Да ведь ничто из их блестящих идей не затрагивает подобных случаев, и ты это знаешь. Ну а им нечего беспокоиться о связи, раз они могут читать мысли! Это ты здесь выючная лошадь, а не они.

— Шланг! — завопил он. — Спусти же вниз этот несчастный шланг, твою мать!

— Ох... ладно...

Дожидаясь, пока спустится шланг, Гард стоял, размышляя о том, что оказался далеко не в самом лучшем месте, и желая убедить себя, что все это — всего лишь кошмарный сон.

Ничего хорошего. Конечно, корабль пришельцев — чертовски экзотично, но есть и детали, чересчур осязаемые для сна: резкий запах пота, исходящий от Джона Эндерса, запах спиртного, исходящий от него самого, влажная глина, скользящая под ногами, наконец, само ощущение от прикосновения к твердой и влажной слежавшейся земле.

А где Бобби, Гард? Она мертва?

Нет. Он уверен, что она жива, правда, тяжело больна. Что-то случилось с ней в среду. Что-то случилось с ними со всеми в среду. Гарду не удавалось собраться с мыслями и проанализировать случившееся, но ясно, что это не было просто общей подавленностью или дневным кошмаром.

В этом случае было бы куда лучше. Как будто что-то обрушилось с силой на них в прошлую среду — и пропустило через безумную мясорубку и выжало из них все соки. И все это, как предполагал Гард, нанесло вред Бобби... вызвало болезнь... общее недомогание, во всяком случае.

Правда, они не говорили об этом.

Бобби Тремэйн: *«А что, Бобби? Нет, мистер Гарденер, с Бобби ничего страшного — просто легкая сердечная недостаточность. Она мигом оправится. Ей нужен отдых! И вы знаете это лучше, чем кто-либо другой, я полагаю!»*

Здорово звучит. Очень убедительно. Так убедительно, что, можно подумать, старина Тремэйн и сам в это верит, пока не заглянешь ему в глаза.

Ньют Берринджер: *«В следующий раз, надо думать, он попытается убедить нас в том, что мы — полиция Далласа».*

Очень смешно, не так ли? Они полиция Далласа? Вот уж забавно. Забавно до слез.

Возможно, думал Гард, именно так оно и есть. Хоть плачь.

Теперь, когда он стоял на дне глубокой расселины по соседству с гигантским летающим кораблем и ждал, когда спустится шланг, на ум пришли ассоциации с гнетущим финалом «Фермы животных» Джорджа Оруэлла; он был готов разрыдаться от безысходности. Странно, вот, оказывается, что чувствуешь в моменты, когда обнаруживается, что у тебя все-таки есть сердце. *«Мутные глаза Кловеры перескакивали с одной морды на другую. Животные переводили взгляд с людей на свиней, затем — со свиней на людей, но уже невозможно было понять, кто есть кто».*

«Господи, Гард, да прекрати же!»

Наконец-то прибыл шланг — славная семидесятифутовая штука, пожертвованная добровольным формированием пожарных. Шланг,

конечно же, был приспособлен для *распыления* воды, а не для *втягивания* ее внутрь, однако, вакуумный насос можно без труда приспособить для этих целей.

Эндерс судорожно спускал его вниз. Конец раскачивался из стороны в сторону, задевая за обшивку корабля. Всякий раз раздавалось глухое гудение, звуки ударов оглушительно отдавались, подтверждая догадки о пустоте внутри. Эти звуки раздражали Гарда, и он пытался предотвратить каждый удар.

Бог мой, надеюсь, он не специально раскачивает эту штуку.

Бам... бам... бам. И чего шланг все еще мотается? Он что, не способен издавать другие звуки, кроме звука, напоминающего стук земли о крышку гроба?

Бам... бам... бам.

Господи, мне бы прыгнуть и покончить бы со всем этим, когда была возможность. Просто шагнуть бы с того дурацкого волно-реза на Аркадия Бич. Четвертого июля, так ведь? Я мог быть образцовым покойным американцем.

Ну, а теперь пойдем дальше. Когда ты вернулся в дом вечером, то вылакал весь валиум в аптечке. Ты отдал бы концы и правильно бы сделал, раз у тебя кишка тонка или не брать все это в голову, или положить этому конец. Добрым хэвенским обывателям пришлось отложить поминки по тебе, старина Гард. Ты думаешь, им очень надо то, что ты сейчас делаешь? Да если бы не было рядом захворавшей старушки Бобби, думаю, ты был бы уже готов. Если бы она не стояла между тобой и ими...

Бам... бам... бам.

Стоит ли Бобби между ним и остальными хэвенцами? Да. Но если она умрет, как долго он еще протянет на этих раскопках?

Недолго, парень. Совсем недолго. Думаю, минут пятнадцать.

Бам... бам... бам...

От этого монотонного, мертвящего звука просто сводило челюсти; Гард приподнялся на цыпочки и поймал конец шланга до того, как он снова ударился об обшивку корабля. Он подтянул шланг вниз, пристроил его конец к ямке с водой, потом взглянул на крошечное лицо Эндерса, маячившее далеко наверху.

— Качай, давай! — гаркнул он.

— А?

«Господи милосердный», — подумал Гарденер.

— *Да качай же, мать твою!* — взвыл Гард, и тут же почувствовал, действительно почувствовал, что его голова просто отваливается. Он пошатнулся и закрыл глаза.

— Ох... сейч...

Гарденер поместил конец насоса поглубже в выкопанную вчера ямку. Вода чуть-чуть запузырилась, всколыхнулась лениво. Она казалась только прохладной, но его руки заоченели в один момент. И хотя глубина, на которой он находился, была не более сорока футов, но, так как они в ходе предварительной расчистки срыли еще и весь холм, то место, где Гард стоял теперь, было до второй половины июня футов на девяносто ниже уровня поверхности. Смерив длину выкопанной части корабля, можно было бы установить точные цифры, но Гарду было не до того. Простейший признак указывал на то, что они, надо думать, добрались до артезианских вод: пористая порода заполнялась водой. Можно предположить, что нижняя часть корабля (примерно две трети) погружена в огромное подводное озеро.

Руки так заоченели, что он уже не чувствовал их.

— Ну, давай же, чертова кишка, — пробормотал Гарденер. Словно обидевшись, шланг задергался и фыркнул. Гард не слышал, как заработал насос, но догадался, что Эндерс там, наверху, взялся за дело. Уровень воды в ямке снизился, и он увидел свои ооченевшие руки, красные, как гусиные лапки. Гард наблюдал за тем, как убывает вода.

Если мы пробили артезианскую скважину, это здорово замедлит всю работу.

Да уж. Мы можем потерять целый день, выхлебывая воду насосом. Выйдет задержка, но ведь их-то ничто не остановит, Гард. Понимаешь?

Шланг начал затягивать мокрый песок; ямка была пуста.

— *Вытаскивай!* — крикнул Гарденер. Эндерс перегнулся через край и уставился на него. Гарденер показал на насос и махнул рукой. Эндерс недоуменно вылупил глаза, потом знаком показал ему, что все «о'кей». Затем отошел от края и скрылся из виду. Через пару секунд шланг перестал вибрировать. Потом медленно пополз вверх.

Теперь Гарденер мог поклясться, что его конец не мотался из стороны в сторону, как это было раньше.

Он вынул радио из кармана и включил его. Взрывной механизм был пущен и отсчитывал секунды. До взрыва оставалось десять минут. Он опустил радио на дно ямки, потом засыпал его кусочками породы. Если рванет, то разнесет породу фута на три в глубину, удалить обломки не составит труда, хорошо, если пойдут трещины в породе, и можно будет рассматривать отдельные куски. А корабль не пострадает. Судя по всему, ему вообще ничто не грозит.

Гарденер встал на веревочную петлю и крикнул:

— *Вытаскивай меня!*

Ничего не произошло.

— *Тащи меня наверх, Джонни!* — завопил он. И снова это проклятое чувство, словно в голову загоняют клин.

Опять ничего.

Повозившись в ледяной воде, Гарденер здорово замерз. Несмотря на это, его лоб покрылся каплями пота. Он посмотрел на часы. *Прошло уже две минуты.* С часов взгляд перешел на кучку камней, засыпавших взрывное устройство. Масса времени уйдет на то, чтобы разбросать камни и выключить радио.

А иначе не остановишь того, что происходит *внутри* дьявольского механизма. Он знал, что время не ждет.

Он поднял глаза: Эндерса нет и в помине.

Вот они и расправились с тобой, Гард.

Ручейки пота стекали в глаза. Он стер их тыльной стороной руки.

— **ЭНДЕРС! ЭЙ, ДЖОННИ!**

«Выкарабкайся по канату, Гард».

«Сорок футов? Размечтался. В колледже мог бы. А сейчас — нет».

Он снова посмотрел на часы. Уже три минуты.

Да, вот оно как. Хорошо задумано. Жертвоприношение Великому Кораблю. Маленькая подачка Томминокерам.

— Чего, уже пора?

Он задрал голову, чувствуя, что страх перерождается в ярость.

«Я уже пять минут, как включил эту штуку, ты, безмозглый придурок! Вытаскивай же меня, не дожидаясь, пока старину Гарда разнесет в клочья!»

Рот Эндерса округлился от удивления; забавно, ничего не скажешь. Он исчез из виду, и Гард уставился на свои часы, не обращая внимания на пот, попавший в глаза.

Веревочная петля под ногами дернулась и потянула его вверх. Он закрыл глаза и уцепился за трос. Внезапно он почувствовал огромное облегчение после пережитого ужаса. Может быть, совсем не плохо иногда заглянуть в лицо смерти...

Он добрался доверху, вылез на траву, отряхнул брюки и двинулся к Эндерсу.

— Извини, — пробормотал Эндерс, виновато улыбаясь. — Я думал, мы договорились, что ты сначала дашь мне знать...

Гарденер закатил ему оплеуху. Прежде, чем Гард сообразил, что он сделал, Эндерс растянулся на земле, очки свалились с носа, кровь выступила на разбитых губах. И хотя Гард не замечал за собой особо выдающихся телепатических способностей, он ясно почувствовал, что все глаза Хэвена обратились на них, а все уши наострились, прислушиваясь.

— Ты, ублюдок, оставил меня там, внизу, с этой включенной штукой, — начал он. — Если ты... или кто-то еще из этого города рискнет повторить что-то вроде этого, то лучше тебе убраться прямо сейчас. Ты слышишь?

Ярость вспыхнула в глазах Эндерса и ослепила их. Он снова водрузил очки на переносицу; с таким же успехом он мог бы одеть их на ногу. Размазывая грязь по лысине, он выдавил:

— Думаю, ты не соображаешь, кому это говоришь.

— Даже лучше соображаю, чем ты думаешь, — ответил Гарденер. — Слушай, Джонни. Если то, что осталось от тебя, способно послушать, а я думаю, что способно, навостри уши. Я хочу разобратся с тем, что там внизу. И я требую хоть какого-то к себе внимания, черт побери. Мы с тобой считай что мертники; я единственный в этом городе, кто не прошел мимо и кто не свернул себе на этом шею. *Поэтому-то я и требую к себе внимания и уважения. Ты меня слышишь?*

Эндерс взглянул на него, но Гарденеру казалось, что он смотрит куда-то мимо него, прислушиваясь к другим голосам. Гард и сам ждал их решения. Он был слишком зол, чтобы подбирать слова.

— Ну, что же, — мягко сказал Эндерс, вытирая кровоточащие губы тыльной стороной ладони. — Это твоя точка зрения. Ты имеешь на нее право. Мы тут оба мертники, и мы оба убедились, что ты имеешь право на немного больше... как ты выразился?

Тень презрительной улыбки проступила на разбитых губах. Улыбки такого сорта Гарденеру частенько приходилось видеть. Именно так улыбались Трепл и Маккардл. Так улыбались ребята, облученные насмерть, когда речь заходила о развитии атомной энергии.

— Я сказал «внимание и уважение». Ты мог бы вспомнить его. Ты ведь учишь прилежных ребят в своем колледже, а, Джонни? Там, в доме есть словарь. Принести его тебе, придурок?

Он шагнул к Эндерсу и, с явным удовольствием, заметил, как тот отпрянул назад, и чуть презрительная улыбка сошла с его губ. Она сменилась выражением нервозности и замешательства.

— *Внимание и уважение*, Джонни. Ты ведь запомнил. Крепко запомнил. Если не ко мне, так к Бобби.

Они стояли посреди разбросанных инструментов глаза — в глаза: у Эндерса — маленькие, с нервно подергивающимися веками, у Гарденера — расширенные, налитые кровью и все еще мутные от ярости.

«Если Бобби умрет, вся твоя болтовня о внимании и уважении сведется к выбору быстрой и безболезненной смерти. Это что

касается цены твоих соображений, правда ведь? Скажем так, это — просто хроника предполагаемых событий, понимаешь ли ты это, лысый придурок?

— Я — мы ценим твои доходчивые объяснения, — сказал Эндерс. Он нервно сжимал губы над беззубыми деснами.

— Надеюсь.

— Возможно, тебе самому тоже не помешают доходчивые объяснения. — Он снял очки и механическим жестом принялся их вытирать о вымокшую от пота рубашку (по ходу Гарденер заметил, что они становятся еще грязнее, чем были); когда Эндерс поднял глаза, Гард заметил в них злобный блеск. — И тебе не стоит... раздавать затрещины, как сейчас, Джим. Я тебе советую — мы все тебе советуем — никогда этого не повторять. В данное время... эх... перемены... да, определенные *перемены*... происходят в Хэвене...

— Не городи чепуху.

— И нынешние перемены делают людей... ну, как бы это... довольно вспыльчивыми. Так что ударить кого-либо — может оказаться... *большой ошибкой, смертельной ошибкой*, можно сказать.

— Тебя не раздражают звуки?

Эндерс забеспокоился.

— Я не понял...

— Неужели ты не слышишь, как работает часовой механизм?

Он отскочил от обрыва, не бегом, но и не мешкая. Эндерс бросил очумелый взгляд на корабль и бросился вдогонку за Гардом. Споткнувшись о лопату, он свалился в грязь и ушиб подбородок, после чего и скорчил гримасу. В этот же момент землю потряс глухой, грохочущий раскат, вырывающийся из глубины. Гард уловил противные, пронзительные звуки, которые, по видимому, издавали оторванные куски породы, стучаясь о поверхность корабля. Некоторые из них даже выбрасывались высоко в воздух, падая у края ямы, или возвращаясь в нее. Гард увидел, что один, срикошетивший от корпуса корабля, отлетел на порядочное расстояние.

— Ты — мелочный, уколобый, нахальный *сукин сын!* — завопил Эндерс. Он все еще лежал в грязи, потирая подбородок.

— Мелочный, черт возьми, — отозвался Гарденер. — Ты чуть было не оставил меня там, внизу.

Эндерс уставился на него.

Гарденер постоял еще с минуту, размышляя, потом подошел к нему и подал руку.

— Давай-ка, вставай, Джонни. Что было — то было, что было — то прошло. Если Сталин и Рузвельт смогли договориться, чтобы

одолеть Гитлера, я думаю, что уж нам-то сам Бог велел поладить, чтобы выпарапать эту дрянь из земли. Что скажешь?

Эндерс ничего не ответил, но, помедлив, взял руку Гарда и поднялся на ноги. Он брезгливо отряхнулся, внезапно напомнив Гарденеру кошку своей недовольной миной.

— Хочешь убедиться, что мы сделали все как надо? — спросил Гарденер. Сейчас он почувствовал себя значительно лучше, чем за все предыдущие месяцы, а может быть и годы. Стычка с Эндерсом значительно улучшила его самочувствие и, как ни странно, принесла ему некоторое умиротворение.

— Что ты имеешь в виду?

— Да так, ничего, — ответил Гарденер и двинулся к обрыву. Он уставился вниз, ожидая увидеть воду, услышать бульканье и всплески. Глухо, как в танке. Похоже, они снова промахнулись.

Внезапно он осознал, что стоит, перегнувшись, над сорокафутовым обрывом, заложив руки за спину, а за его спиной — человек, которому он только что расквасил физиономию. *«Если бы Эндерс захотел, он мог бы зайти со спины и толкнуть меня в эту пропасть»*, — подумал он, и словно услышал, как Эндерс сказал: *«Раздавать оплеухи сейчас может оказаться крупной ошибкой»*.

Но он не обернулся, а призвал на помощь свое шестое чувство, граничащее с ясновидением; он словно развернул свое зеркальце бокового обзора и, глядя в него, установил, что тот, кто был сзади него, не собирается сталкивать его в пропасть.

Когда наконец он оглянулся, Эндерс, выглядевший, как побитая кошка, копался в инструментах. Гард предположил, что его снова начали одолевать галлюцинации.

— Ну, что скажешь? — довольно приветливо обратился к нему Гарденер. — Там, внизу, масса разбитой породы. Вернемся к работе или будем дуться и таить обиду?

Эндерс вошел под навес, взял подъемное устройство, которое они использовали для перемещения больших камней и двинулся с ним к Гарденеру. Тот взвалил его на плечи. Он уже было шагнул к тросу, завязанному петлей, затем оглянулся на Эндерса.

— Не забудь вытащить меня обратно, когда я дам знать.

— Не забуду. — Глаза Эндерса — или это только так казалось из-за стекол очков — были довольно мрачными. Правда, Гард обнаружил, что его это не очень волнует. Он встал в импровизированное «стремя», затянул его, пока Эндерс отходил к лебедке.

— Запомни, Джонни. Внимание и уважение. Сегодня это — залог успеха.

Джон Эндерс молча принялся опускать его вниз.

Воскресенье, 31 июля

В воскресенье утром, в четверть двенадцатого Генри Бак, для друзей — просто Ханк, совершил очередную дурацкую выходку, довершившую картину всеобщего безумия, охватившего Хэвен и его окрестности

«Люди в Хэвене стали довольно вспыльчивы», как сказал Эндерс Гарденеру. Рут Маккосланд видела достаточно свидетельств «вспыльчивости» во время поисков Дэвида Брауна: люди ругались, чертыхались. Одним словом, были готовы рвать и метать. По иронии судьбы, сама Рут — Рут и те светлые и ясные моральные установки, которые она всегда олицетворяла в жизни этих людей — предотвратили перерастание поисков во всеобщую потасовку.

Вспыльчивые? «Остервеневшие» — подходит больше.

Вся атмосфера в городе была сродни комнате, наполненной газом, в котором стоит только чиркнуть спичкой... или случайно сделать что-нибудь вполне невинное, но столь же смертельно опасное, чтобы жуткий взрыв разнес комнату вместе с маленьким шалуном; и уничтожил весь дом в придачу.

Однако, роковая искра все еще не вспыхнула. В этом была заслуга Рут. Правда, Бобби тоже внесла свою лепту. Итак, после того достопамятного визита в сарай к Бобби подлюжины мужчин и одна женщина принялись трудиться, как оглашенные, ни дать, ни взять — хиппи-шестидесятники, постоянно вмазанные ЛСД; все их усилия сконцентрировались на том, чтобы помочь Хэвену пережить первый этап трудностей и бед, связанных с «превращением».

К счастью для жителей Хэвена, впрочем, как и для жителей штата Мэн, Новая Англия, а, возможно, и для всего континента, если не для целой планеты, что глобальный взрыв все-таки не случился. Наверное, я не первый, кто скажет вам, что во всей вселенной не существует ни одной планеты, вокруг которой не дрейфовали бы в открытом космосе огромные мертвые цилиндры, как напоминание о цивилизациях, уничтоженных в минувших войнах, возникших почти что на пустом месте и превративших какой-нибудь провинциальный городок вроде Хэвена в филиал Содомы и Гомморры, в тот момент, когда для них настал судный день. Никто наверняка не знает, когда наступит конец — *если он наступит*. И вот тогда-то, в конце июня, наступило такое время, когда целый мир мог, проснувшись, обнаружить, что все, что есть вокруг, поставлено на грань уничтожения из-за ужасного, самоубийственного конфликта, разразившегося в Мэне (закрытом городе,

работающем на ядерную индустрию) — страшные перемены, вызванные чем-то столь же важным, как, например, маленькой стычкой во время обеденного перерыва в Хэвенской закусочной.

Конечно же мы можем разнести себя вдребезги и без посторонней помощи, по причинам, выглядящим совершенно тривиальными и нелепыми в масштабе световых лет и с точки зрения наблюдателей из другой галактики, с точки зрения того, кто наблюдает издалека, с Магелланова Облака, того, что на Млечном Пути, например, вторжение русских войск для захвата иракских нефтяных скважин или решение НАТО установить в Западной Германии американские ракеты, кажется столь же ничтожным поводом для конфликта, как если бы тот, кто нажмет на «красную кнопку», злоупотребил бы кофе или выпивкой. Результат один и тот же, если смотреть в масштабе галактики.

Как бы то ни было, напряженный период в городе Хэвен закончился только в июле — к тому времени, когда почти каждый из жителей остался без зубов, и произошел ряд других, не менее странных мутаций. Те, кто побывали в сарае у Бобби и подверглись воздействию зеленого свечения, ощутили перемены дней на десять раньше, но постарались их скрыть.

Размышляя о природе загадочных перемен, можно было сделать вывод, что люди стали если не мудрее, то, во всяком случае, более разумные.

Вот потому-то мстительная выходка Ханка Бака, направленная против Альберта «Питса» Барфилда, стала последним из ряда вон выходящим безумством в Хэвене, и, в свете происходящего, получила широкий общественный резонанс.

Ханк и Питс Барфилд, бывало, перекидывались в покер по четвергам, в своем узком кругу, к которому принадлежал и Джо Полсон. К тридцать первому июля партии покера пришлось прекратить, и не потому, что та сучка Бекка Полсон совсем свихнулась и поджарила своего мужа. Просто дальнейшая игра потеряла смысл: какой уж тут покер, когда все игроки стали телепатами?

Ну так вот, Ханк имел зуб против Питса Барфилда, и чем больше он об этом думал, тем больше разрасталась обида. Все эти годы Питс преуспевал, причем, не совсем честным путем, надо думать. Кое-кто подозревал это — Ханк мог припомнить, как однажды вечером у Кьюла Арчинбурга Мосс сказал:

— То, что он мошенник также верно, как и то, что ты родился, Ханк. Дело в том, что этот ублюдок *собаку на этом съел*. Будь он хоть чуть-чуть послабее, я бы застукал его на этом.

— Но, если ты так думаешь, почему не выходишь из игры?

— Чушь. В этих играх все честно, пока светит солнце, а когда наступает ночь... Ей-богу, я могу переиграть любого из них, ну, почти любого...

Ого!

— Впрочем, один маленький прокол — и колосс на глиняных ногах рухнет; он и так стоит не очень крепко... осталось только подтолкнуть, но это надо сделать вовремя. Похоже, сейчас он переживает не лучшие времена... Кстати, ты заметил, что он куда-то смывается каждый четверг вечером? Сыграем еще раз?

Этот разговор состоялся лет семь назад. Уже тогда Ханк неоднократно замечал частые отлучки Питса. В то же время у него были основания полагать, что все это — не более, чем пунктик, на котором заикнулся Мосс; сам Мосс *был* первоклассным игроком в покер, он просто не знал себе равных, он мог вытрясти карманы всякого, кто садился с ним за карты. Однако, за минувшие годы многие высказывали подобные подозрения, и почти все они были чертовски славными ребятами, вполне достойными доверия. Те ребята, с которыми Ханк любил пропустить кружку-другую пива, да и вообще, мог бы пойти с ними в разведку — все они выходили из игры. И делали они это смирно, спокойно, без скандала или разборок, так что не было ни малейшего намека на то, что Питс Барфилд может быть призван к ответу. В конце концов они вступали в Бангорский клуб игроков в кегли, где и проводили вечера по понедельникам; да и вообще, их женам не улыбалось, что они возвращались два раза в неделю поздно ночью. Их расписание изменилось, и они больше не могли задерживаться допоздна. Предложений находилось достаточно: например, наступила зима (даже, если на дворе только май месяц), и им просто необходимо поработать на своих участках, занесенных снегом.

Итак, они выходили из игры, осталась только крошечная группка из трех-четырех человек, которая все еще держалась, правда уже с меньшим успехом, зная, что те аутсайдеры или приняли все, как есть, или разнюхали обман столь же ясно, как и могли почувствовать амбре, постоянно исходившее от давно немой туши Барфилда. Они это поняли — и Хим, и Кьюл и Джо тряслись за свою шкуру. Причем, тряслись все эти годы.

После того, как результаты пресловутого «превращения» дали себя знать, у Ханка открылись глаза: он уяснил всю правду, уяснил раз и навсегда. Оказывается, что Питс не только нечист на руку, но, время от времени, смотрел сквозь пальцы на шулерство. И весьма снисходительно позволял себе нечто вроде этого. Он перенял эти фокусы во время несения службы в Берлине в первые месяцы

после ввода союзнических войск в поверженную Германию... И теперь, долгими, душными и жаркими июльскими ночами Ханк лежал в кровати без сна, с раскалывающейся от зноя головой, лежал и представлял, как Питс сидит в своем уютеньком коттедже, разутый и полуодетый, и ухмыляется блаженной физиономией, показывая при этом полусгнившие зубы. Такая улыбочка обычно проступала, когда он мечтал вслух или про себя о том, какие штучки он может провернуть при первом же удобном случае.

Головная боль и галлюцинации наяву преследовали Ханка добрых две недели... а потом, в одну из удушливых ночей, пришел ответ. Пожалуй, ему стоит отослать старину Питса послужить еще. А что? Мысль что надо. Правда, на сей раз это будет *своеобразный вояж*. А пункт назначения может отстоять от Хэвена приблизительно на пятьдесят световых лет, или пять тысяч, а лучше — на пять миллионов. Итак, почему бы ему не отправиться в Зону Призраков, другое измерение, так сказать? Ханк вполне может это осуществить. Он сел на кровати и расплылся в улыбке. Головная боль прошла в один миг.

— Ну, и что за вояж он предпримет, мать его так? — пробормотал он; потом взялся всесторонне обдумывать этот вопрос. Ничего сложного. Уже к трем утра ответ был найден.

Он отловил Питса только через неделю после того, как идея осенила его измученную жарой голову. Питс восседал, откинувшись, в плетеном кресле, стоявшем на тротуаре, и рассматривал фотографии в журнале «Галлери», те, где обнаженные девицы.

Дело было в воскресенье, последний день июля, на улицахлюдно и очень жарко, как во включенной духовке. Все видели, как Ханк подошел к Альберту «Питсу» Барфилду и облокотился на спинку его кресла. Прохожие «почувствовали», как одна единственная мысль пульсирует в сознании Ханка, они так же видели внушительный гетто-бластер, который он держал за рукоятку и револьвер в переднем кармане его брюк, а потому все они кинулись враспынную.

Питс весь ушел в созерцание разворота, главным украшением которого был портрет предприимчивой девицы по имени Кэнди (питавшей слабость, как утверждала надпись, к «морякам и вообще мужчинам, с руками сколь сильными, столь и нежными»). Питс достаточно скрупулезно оценивал ее статьи и потому не отреагировал вовремя на угрожающие действия Ханка. Исходя из размеров револьвера, которым запасася Ханк, люди пришли к выводу (хотя они даже рта не раскрывали, разве только для принятия пищи), что мысль, осенившая Ханка поздно ночью, будет иметь для старины Питса самое роковое значение.

Кресло с треском вылетело из-под Питса.

— Эй, Ханк! Ты что...

Ханк достал оружие — «сувенир», оставшийся со времен службы в армии. Это еще раз напомнило ему, что он-то отслужил свой срок не где-нибудь, а в Корее; это вам не хухры-мухры, вроде войск для поддержания порядка...

— Лучше сиди на месте, приبلудный сукин сын, — остановил его Ханк, — в противном случае, им придется отмывать витрину от твоих кишок.

— Ханк... Ханк... что...

Ханк выудил из кармана рубашки пару миниатюрных наушников. Он подсоединил их к большому радио, включил его, и втиснул голову Питса в дужку наушников.

— Это тебе, Питс. Надеюсь, эта штука поможет тебе сориентироваться, когда ты отправишься отсюда восвояси.

— Ханк... пожалуйста...

— Я не собираюсь обсуждать это с тобой, Питс, — пояснил Ханк по-мужски открыто и вполне искренне. — Даю тебе пять секунд, чтобы одеть наушники, затем тебе предстоит пережить небольшую телепортацию.

— Господи, Ханк, да ведь из-за этой грошовой партии в покер... — завопил Питс. Пот градом катился по его физиономии, пропитывая насквозь ворот и грудь его рубахи цвета хаки. Его немая туша убийственно благоухала; помимо этого, от него несло перегаром, как из винной бочки.

— Один... два...

Питс озибался, как затравленное животное. Улица вокруг них опустела, словно по волшебству. Несмотря на десятки машин, припаркованных у рыночной площади, по главной улице проехала одна единственная машина. Вокруг ни души. Давящая тишина завесой опустилась на окрестности. Теперь и Питс, и Ханк могли слышать тихую музыку, доносившуюся из наушников. «Лос Лобос» выражали сомнение, сможет ли волк выжить.

— Это же просто масть пошла тогда, я был совершенно не при чем! — сорвался на визг Питс. — Бога ради, кто-нибудь, наденьте наручники на этого типа!

—...три...

Теряя рассудок от страха и отчаяния, Питс выкрикнул:

— Ты, чертов неудачник!

— Четыре, — сказал Ханк, поднимая свой армейский револьвер.

Рубаха Питса была хоть выжимай, округлившись от страха глаза вылезали из орбит, от него несло, как от взмыленной лошади. Он осторожно схватил наушники.

— *Хорошо! Хорошо! Согласен! Уже одеваю, видишь?*

Он одел наушники. Все еще держа его на мушке, Ханк нагнулся к гетто-бластеру, в котором уже была поставлена кассета, на ленте которой было записано всего одно довольно многозначительное слово: «Посылаю».

Ханк нажал кнопку «Play».

Питс разразился криком. Вскоре крик начал стихать, словно что-то, находящееся внутри Питса, теряло силы и исчезало. То же самое происходило с его внешней оболочкой: он весь словно тускнел, становился бесплотным... словом, становился *потусторонним*. Переставая принадлежать к нашему измерению, Питс Барфилд выгорал, как фотография. Кожа вылиняла до молочной белизны, теперь уже и губы шевелились, не издавая звуков.

Последний кусочек реальности, спасительной, грубой реальности — нижняя половина двери бара, казалось, распахнулась за его спиной. Его не покидало ощущение, что реальность — Хэвенская реальность — трансформировалась, повернувшись по какой-то неизвестной оси (как в трюке с книжным шкафом, оказавшимся замаскированной дверью). Теперь за спиной Питса простирался зловещий пурпурно-черный пейзаж.

Полетевший неизвестно откуда порыв ветра взъерошил волосы Ханка, звук, похожий на выстрел из оружия с глушителем, застрял у него в горле, мусор на асфальте — фантики, окурки, разорванные упаковки от сигарет, несколько долек хрустящей картошки — все это стремительно потянулось в отверстие, словно в сопло пылесоса. Ничего удивительного, что воздушный поток устремился в безвоздушное пространство другого измерения. Кое-какие бумажки приставали к ногам Питса. А некоторые, как подумал Ханк, проходили *прямо через него*.

Затем, словно став легким, как перышко или как фантики, усеивавшие асфальт, Питс был втянут в отверстие. И его иллюстрированный каталог потянулся вслед за ним, шурша страницами «*Все к лучшему, ублюдок, — думал Ханк, — теперь тебе будет, что почитать в твоей ссылке*». Кресло, на котором сидел Питс, опрокинулось на асфальт, поползло к отверстию и ушло в него до половины. Теперь воздушный поток начал затягивать Ханка. Он нагнулся к бластеру, готовясь нажать на кнопку «Stop».

Но до того, как нажать ее, он услышал высокий, тонкий детский крик, доносящийся *оттуда*. Он взглянул *туда*, подумав: «*Это ведь не Питс*».

И снова:

—...Хилли...

Ханк нахмурился. Детский голос. Именно *детский*, и звучит так, словно он его уже слышал. Вроде, как...

— ...ну, скоро там? Я хочу домо-оой...

С резким, пронзительным дребезжанием выпало оконное стекло рыночного павильона, треснувшее от взрыва в городской ратуше в прошлое воскресенье. Град осколков обрушился туда, где стоял Ханк, чудом оставив его невредимым.

— ...пожалуйста, здесь трудно дышать...

Упаковки с фасолью, уложенные пирамидкой на окне павильона, падали рядом с Ханком и всасывались в другое измерение, через нечаянно открытое им отверстие. Пятифунтовые сумки с отобранными продуктами ползли по асфальту, издавая сухой, шуршащий звук.

«Пора заткнуть эту прорву», подумал Ханк, и, словно подтверждая эту мысль, один сверток шмякнул его по голове, отскочил, а потом втянулся в пурпурно-черную бездну.

— Хиллиииииииииииииииии.

Ханк надавил на выключатель. Отверстие исчезло. Дерево треснуло, и кресло разломилось надвое, точно по диагонали. Одна половинка осталась на асфальте. Другая исчезала, как не бывало.

Рэнди Крюгер, купивший рыночный павильон в конце пятидесятых, встряхнул Ханка за плечи.

— Ты заплатишь мне за разбитую витрину, Бак, — пригрозил он.

— Как скажешь, Рэнди, — согласился Ханк, потирая шишку, вскочившую на макушке.

Крюгер устался на ровнехонько отхваченную половинку кресла, лежавшую на асфальте.

— И за кресло, тоже, — добавил он, уходя. Тем и кончился июль.

5

Понедельник, 1 августа

Джон Леандро замолчал, допил пиво, а затем спросил Дэвида Брайта:

— И что, по-твоему, он скажет?

Брайт задумался. Он с Леандро сидел в «Баунти Таверн», дико разукрашенном Бангорском пабе, имевшем только два преимущества — он был почти напротив издательства «Бангор Дейли Ньюз», а по понедельникам вы можете пригласить друзей и пропустить бутылочку пива.

— Думаю, он начнет с того, что спешно пошлет тебя в Дерри закончить незавершенную часть Календаря Общины, — сказал Брайт. — Ну а дальше, поинтересуется, полагаю, не хочешь ли ты посоветоваться с психиатром.

Леандро выглядел абсолютно убитым. В его двадцать четыре года два предыдущих материала — исчезновение (читай: предумышленное убийство) двух рядовых и самоубийство полицейского — только разожгли его аппетит к сенсациям. Он не слишком надрывался, когда надо было писать отчеты в «Дерри Амвэстс» о мрачных и утомительных полночных поисках трупов двух рядовых. Чего ради доводить себя до ручки, если поиски не увенчались успехом? Брайт устыдился своей грубости — правда, все упирается в то, что сам Леандро порядочный хам. Быть нахалом в двадцать четыре года — это еще куда ни шло. Но он-то уверен, что Джонни Леандро таковым и останется в сорок четыре... шестьдесят четыре... восемьдесят четыре, если доживет.

Хам в восемьдесят четыре года; в этом есть нечто чересчур экстравагантное и даже пугающее. Обогнав эту мысль, Брайт заказал еще пива.

— Я пошутил, — пояснил Брайт.

— Так ты не думаешь, что он отправит меня доводить дело до конца?

— Нет.

— Но ты же только что сказал...

— Я пошутил насчет визита к психиатру, — терпеливо пояснил Брайт. — *Только насчет этого.*

Местоимение «Он» подразумевало редактора газеты. За долгие годы наблюдения за редакторами, Брайт уяснил, что есть один признак, который роднит их с Господом Богом, он предполагал, что Джонни Леандро скоро и сам поймет это. Репортеры предполагают, а редакторы, вроде Питера Рейнольта неизменно располагают.

— Но...

— У тебя нет ничего, чтобы довести дело до конца, — отрезал Брайт.

Если бы избранные жители города Хэвена — те, кто побывал в сарае Бобби Андерсон — могли бы слышать, что отпустил в ответ Леандро, то счет его оставшейся жизни пошел бы на дни... а, может быть, даже на часы.

— Я попробую поискать в *Хэвене*, — ляпнул он, и допил теплый «Хейникен» в три больших глотка. — Там все завязано. Прикинь: ребенок исчез в *Хэвене*, женщина умерла тоже там, Родес и Габбонс возвращались из *Хэвена*. Дуган покончил с собой. Почему? Потому

что он любил тетушку Маккосланд, как он объяснил в записке. Кстати, Рут Маккосланд — тоже из Хэвена.

— Не забудь о любящем дедушке, — добавил Брайт. — Он дошел до того, что считает исчезновение его внука заговором. Я заметил, он стал разговаривать сам с собой о Фу Манчу и белых рабах.

— Это еще что такое? — театрально спросил Леандро. — *Так что же происходит в Хэвене?*

— Гнусные проделки коварного доктора, — изрек Брайт. Пиво принесли, но теперь ему уже расхотелось пить. Упоминание о любящем старом дедушке явно было бестактностью. Хотелось просто встать и уйти. Чертовски неловко было вспоминать об Иве Хиллмане... Конечно, он как всегда в своем репертуаре, но вот что-то в его глазах...

— И что же?

— Доктор Фу Манчу.

Брайт перегнулся через стол и хрипло прошептал:

— Белые рабы. Запомни, кто тебе об этом сказал, когда будешь давать материал в «Нью-Йорк Таймс».

— Это не смешно, Дэвид.

«Восьмидесятичетырехлетний хам, — снова подумал Брайт. — Могу себе представить».

— А если так: — продолжал Брайт, — маленькие зеленые человечки. Вторжение на землю уже началось правда, еще никто не знает. ТА-РА-ТА! *Никто не верил этому молодому, отважному журналисту. Роберт Редфорд в роли Джона Леандро в этой сногшибательной саге.*

Подошел бармен и поинтересовался, будут ли они заказывать что-нибудь еще?

Леандро встал, его лицо передернулось. Заплатив три доллара по счету он сказал:

— У тебя недоразвитое чувство юмора, Дэвид.

— Или так, — мечтательно произнес Брайт. — Они были *заодно*, и доктор Фу Манчу, и зеленые человечки — пришельцы из космоса. Сделка, заключенная с дьяволом. Никто, кроме тебя, Джонни, не знает об этом.

— Плевать, поручит мне это дело Рейнольдт или нет, — сказал Леандро, так что Брайт понял, что недооценил наглость Джонни — просто уникальный нахал!

— Мой отпуск начинается со следующей пятницы. Тогда и отправлюсь в Хэвен. Займусь этим в свободное время.

— Ага, — возбужденно подхватил Брайт. Он не смог удержаться, хотя и знал, что рано или поздно Леандро даст ему по морде. Но тут уж не остановишься. — Уверен, что это экранизируют. Да и

Редфорд не возьмется за роль, если не будет звездой номер один. Одинокий Волк! Ух! Кстати, не забудь одеть специальные часы, когда направишься туда.

— Какие часы? — спросил Леандро, свирепея. Плевать он хотел на все это, хотя, конечно, лавры делить ни с кем не охота.

— Ну знаешь, такие специальные часы, которые обычно одевают супермены, отправляясь совершать подвиги. Когда приближаешься к «объекту», они подают сигналы, которые не слышит никто, кроме тебя, — пояснил Брайт, демонстрируя свои часы (пролив при этом полкружки пива). — Они начинают зззззззззззз...

— Мне плевать, что предпримет Рейнольд и сколько глупостей ты скажешь за этот вечер, — отрезал Леандро. — Но вам будет, над чем поразмыслить.

Он повернулся и шагнул к выходу.

— Между нами говоря, я думаю, что ты циничный придурок с убогой фантазией.

Высказав свое мнение, Джонни Леандро повернулся на каблуках и хлопнул дверью.

Брайт поднял кружку и кивнул бармену.

— Выпьем за всех циничных придурков в мире, — предложил он. — Да, у меня убогая фантазия, нет воображения, но, зато есть великолепное чутье на хамство.

— Что вы говорите! — отозвался бармен. Ему казалось, что он уже видел это где-то раньше... Хотя он никогда не работал в Хэвенском баре.

6

Четверг, второе августа

Когда все собрались в конторе Ньюта Берринджера, их было шестеро. Дело было в пять часов вечера, но часы на башне — сама башня казалась вполне реальной, несмотря на то, что птица, если бы таковая нашлась теперь в Хэвен Вилледж, могла бы запросто пролететь сквозь нее, — неизменно показывали пять минут четвертого. Все шестеро побывали в сарае у Бобби, Эдли Маккин дополнил этот список только недавно. Остальными же были: Ньют, Дик Эллисон, Кьюл, Хейзл и Фрэнк Спрюс.

Они обсуждали свои проблемы, не произнося вслух ни слова.

Фрэнк Спрюс поинтересовался, как чувствует себя Бобби.

Ньют предположил, что еще жива, ничего более определенного. Ей следовало бы снова выйти из сарая. Но, судя по всему, она этого не сделает. Так или иначе, можно предугадать, чем это обернется.

Затем бурно обсуждалась позавчерашняя проделка Ханка Бака, главным образом то, что Ханк услышал голос из другого мира. Судьба Питса Барфилда никого особенно не волновала. Возможно, он получил по заслугам, а, может быть, с ним обошлись слишком круто. Неважно. Что сделано, то сделано. К Ханку не было предпринято никаких карательных мер, он возместил ущерб Рэнди Крюгеру (оплатил сломанное кресло, разбитую витрину и товары, канувшие в другое измерение). Крюгер предъявил чек к оплате в Бангорском банке. Он получил деньги и *счел инцидент исчерпанным*.

Впрочем, они не смогли бы предпринять что-нибудь против Ханка, если бы и сочли нужным: единственная камера предварительного заключения была полуразрушена взрывом, уничтожившим Рут, так что Ханк, здоровый сорокалетний бугай, мог бы разобрать ее по кирпичику за десять минут. А они не хотели подводить Ханка под федеральный суд. Прикиньте, как сформировать обвинение?! Могло быть два решения: или оставить его в покое, или отослать на Альтаир-4. К счастью, они подробно разобрались в его образе мыслей и мотивах. Они пришли к выводу, что действовал он в состоянии аффекта, когда гнев и растерянность дошли до предела, впрочем, как и у всех в городе. Надо думать, Питс исчерпал терпение горожан. Ничего радикального Ханк уже не предпримет (они ведь отобрали у него радио и взяли с него слово, не делать ничего подобного); итак, они перешли к следующему вопросу, который интересовал их куда больше: ...голос, который доносился *оттуда*.

Несомненно, это Дэвид Браун, как заключил Фрэнк Спрюз. Кто-то сомневается?

Все согласны.

Дэвид Браун пребывает на Альтаире-4.

Никто не знал толком, *где находится Альтаир-4 и существует ли он вообще*; да это их и не волновало. Само название словно всплыло из старых фильмов и стало такой же метафорой, как и Томминокеры, пришедшие из старых стихов. Можно подумать (а может быть и нет), что Альтаир-4 — что-то вроде пространственной (космической) кладовки, где скапливаются пропавшие предметы и существа. Словом, филиал Дантова ада, черная дыра, материализованное небытие. Ханк отправил туда Питса, но прежде он провел постепенную дематериализацию этого вонючего сукина сына.

С Дэвидом Брауном было все по-другому.

Долгое, задумчивое молчание.

(да, похоже на то)

Это нельзя было назвать молчанием; скорее — групповое мышление, когда мысли одного дополняют другого.

(да, но почему же оба)

Они флегматично переглянулись. Они могли *чувствовать* какие-то эмоции, но дело приняло очень уже печальный оборот.

Хейзл довольно безразлично предложил вернуть его обратно. Это обрадовало бы Брайена и Мэри. Да и Рут тоже. Она очень этого хотела. Как вы знаете, мы все ее любили. Она бы обрадовалась, как мать, которая узнает, что ее сын помирился со своим лучшим другом.

Эдли отверг эту мысль, и все усталились на него. Впервые он вступил в обсуждение. Он смущался, хотя и лез во все дыры. Ни одна газета или ТВ-станция в штате не смогут обойти своим вниманием «чудесное возвращение». Все думают, что он уже мертв: еще бы, четырехлетний малыш, пропавший четыре недели назад. Если он объявится, это будет сенсацией.

Все кивнули.

Что же он *предлагает*? Вернулся к делу Ньют. Где же он находился, *по его мнению*?

Хейзл предположил потерю памяти. Похоже на правду, да и газетчики восприняли бы амнезию, как что-то само собой разумеющееся. Под влиянием обстоятельств.

(да, но не в этом дело)

И снова множество голосов слилось в один. Голоса проносились, образуя страшные сочетания слов и образов. Все упиралось в то, что место действия находилось невообразимо далеко, да и в городе *не нашлось ни одного человека*, имевшего опыт подобных перемещений... и все были обескуражены, не зная, как подступиться к технической стороне дела. И уж кто был бы сейчас не к месту в Хэвене, так это свора репортеров с телеоператорами. Да и башню с часами не очень-то запечатлеешь на пленке — она ведь стала не более реальной, чем мираж в пустыне. Нет уж, лучше оставить Дэвида Брауна там, где он сейчас есть; печально, но обстоятельства таковы. Если он до сих пор жив, то как-нибудь переживет там. Из своих скудных познаний об Альтаире-4 они могли заключить, что время протекает там с другой скоростью — на Альтаире-4 и года не пройдет, когда Земля завершит цикл своего существования. Так что для Дэвида Брауна прошло всего-то несколько минут. Конечно он может умереть, неизвестные микробы могут атаковать его иммунную систему, какие-нибудь крысы-мутанты, населяющие все-ленскую кладовку, могут попасть на него и сожрать: да и смерть от потрясения тоже нельзя исключать. Но, похоже, он выживет, а если и нет — не важно.

Кьюл высказал предчувствие, что мальчик может оказаться очень кстати.

(как)

Может быть, как отвлечение.

(что ты имеешь в виду)

Кьюл и сам не мог объяснить, что он имеет в виду. Было просто такое чувство, что если бы чужие сунулись в Хэвен, то можно было бы привлечь к исчезновению мальчика всеобщее внимание, тогда сработали бы загадочные механизмы, сработали бы даже лучше, чем можно надеяться — возможно, тогда они бы вернули Дэвида назад, или хотя бы переместили его поближе. Главное — выиграть время. Чтобы «превратиться». Время — всегда проблема.

Кьюл выражал эту мысль довольно путано, но все остальные согласно кивали его мыслям. Было бы как нельзя лучше задержать Дэвида Брауна в полете подольше, скажем так.

(Только, чтоб Мэри не знала. Она еще не в курсе всех деталей «превращения». Желательно скрывать это от нее как можно дольше).

У всех шестерых округлились глаза. Слабый, но отчетливый голос, произнесший эти слова, не принадлежал ни одному из них. Этот голос принадлежал Бобби Андерсон.

«Бобби! — пронеслось в сознании Хейзл, вскочившего с кресла. — Бобби, ты в порядке? Как поживаешь?» Нет ответа.

Бобби здесь не было — не осталось даже следа ее биополя в воздухе. Одним словом, ни что не говорило о том, что она или ее другое «я», может пребывать где-то поблизости. Они недоуменно переглядывались, обмениваясь впечатлениями и ловя друг друга на уверенности, что это была именно Бобби. Если бы это послышалось кому-то одному, то сошло бы за галлюцинацию, за очень правдоподобную галлюцинацию.

«Но как это скроешь от Мэри», сердито подумал Дик Эллисон. «Теперь ничего не скроешь от любого горожанина».

Тут подключились размышления Ньюта:

«Мы можем, может быть не полностью, но мы сможем оградить наши мысли от других. Хотя бы затруднить их восприятие. Потому что...

(потому, что мы были)

(были там)

(были в сарае)

(в сарае Бобби)

(мы надевали там наушники)

(и ели, ели, чтобы «превратиться»)

(возьмите еду и ешьте ради меня)

Легкая вибрация пробежала по каждому из них.

«Нам придется вернуться, — подумал Эдли Маккин. Правда?»
— Да, — сказал Кьюл. — Так мы и сделаем. За все время совещания это была единственная реплика, произнесенная вслух; на этом и порешили.

7

Пятница, третье августа

Энди Бузман, еще три недели назад бывший единственным агентом по торговле недвижимостью в Хэвене, пока не прикрыл дело, теперь решил, что телепатия — это нечто, что может очень пригодиться парню вроде него и из чего можно довольно быстро извлечь выгоду. Он даже не представлял себе *насколько быстро* это принесет свои плоды или как отразится на его дальнейшей судьбе... словом, настал момент, когда он отправился к Бобби помочь и пропустить рюмку-другую (если удастся).

Вся беда в том — как он выяснил из разговора с Эндерсом и Тремэйном — это длительное пребывание рядом с кораблем, которое повлечет за собой губительные результаты. Корабль был все равно что мощнейший в мире генератор энергии; излучение от его поверхности поражало кожу, сосуды, губы... Какие-то странные мысли дремотно проплывают в голове, не давая сконцентрироваться на том, что делаешь. А иногда напротив: все мысли отшибало начисто, как микроволновое излучение прерывает пучок ультрафиолетовых лучей. Но главное — *сам факт* физического присутствия около корабля, казавшегося материализовавшимся миражем. Он-то и внушал чувство, граничащее с трепетом, религиозным восторгом, ужасом и удивлением. Теперь Бузман понимал, что побудило сынов Израиля пронести через пустыню свою реликвию — Ковчег Завета. Как сказал на одной из проповедей Гуринджер, те святотатцы, кто отваживался заглянуть туда, чтобы только удостовериться, правда ли то, что об этом говорят, падали мертвыми.

Потому что там был Бог.

Энди предполагал, что в корабле тоже скрывается нечто вроде Бога. Даже, если божество покинуло корабль, Оно оставило там некое свидетельство о себе... часть Своей сущности... и размышления об этом окончательно сбивают с толка. Надо думать, это выше того, что может постигнуть человеческий разум.

Да, и еще обескураживающая форма общения с Гарденером. Что-то вроде того: ты стучишься в закрытую дверь, и она открывается. Кричишь ему, чтобы он передал тебе инструменты, а он делает себе то, что ему нужно.

И... никак не реагирует. И невозможно подключиться к нему, чтобы просто послушать поток его мыслей. Так бывает, когда снимаешь трубку спаренного телефона, чтобы послушать разговор, а в трубке — никого. Ни одной души. Молчание. Только телефонная трубка.

Какие-то вибрации исходили от поверхности корабля, так что жужжание передавалось даже проволочной загородке, упиравшейся во влажную, темную почву.

Бузман включился в обмен мыслями. «Я здесь».

— Дело сделано, — сказал Гарденер. — Тащи меня наверх.

Он очень сильно устал. Бузман догадался, что вчера Гард порядком заложил, судя по звукам, долетавшим до его слуха около полуночи. А, заглянув к нему в комнату сегодня утром, он заметил пятна крови на подушке Гарденера.

— Поднимай сейчас же.

Эпизод с Эндерсом научил всех, что, когда Гарденер просит вытащить его, не стоит терять время.

Он подошел к лебедке и взялся за ручку. Боль отдалась в стертых до крови руках; ничего не поделаешь — все упирается в нехватку батареек. Осталось потерпеть еще какую-то неделю, и все пойдет как по маслу... вот только Бузман сомневался, что увидит это. Слишком уж истощает излучение корабля. Да и общение с Гарденером тоже утомительно, правда, в другом смысле — все равно что сидеть на вулкане. Только вспомнить, как он избил беднягу Джона Эндерса, и только потому, что тот замешкался и не понял, что эта штука включена; да, Гарденер совсем замкнулся в своей работе, буквально отупел от раздражительности, что и говорить. Всплывавшие на поверхность его сознания мысли, целиком или обрывочно, были краткими и сухими, как газетные заголовки, а больше — ничего. Может быть это все из-за случая с Эндерсом — Бузман прикинул, что *можно было* не хлопать ушами, когда напарник остался на дне котлована с пущенным взрывным устройством. Впрочем, это не оправдание. Джонни ведь не мог видеть, что происходит на дне. В любом случае, Гарденер мог предпринять все что угодно, и никто не мог его остановить: поблизости-то никого не было.

Энди Бузман почти пожелал, чтобы Бобби поскорее умерла, тогда-то они смогут отделаться от него. В этом он солидарен с другими хэвенцами, разрабатывающими проект; правда, это замедлит все дело, но, в конечном итоге, окупится.

Тогда он избавится от напарника, который *зверски* давит на нервы.

Вот, например, сегодня утром. Полуденный перерыв. Бузман сидит на пенке и ест что-то вроде бутерброда, состряпанного из орехов, масла и крекеров, запивая все это ледяным кофе из термоса. Конечно, он предпочитает горячий кофе холодному, даже в жару, но, как только выпали зубы, он нашел, что горячее питье не для него.

Гарденер сидел в позе лотоса (ни дать, ни взять йог!) прямо на мягкой влажной почве, ел яблоко и запивал его пивом. Бузману еще не встречался *ни один «орел»*, который мог бы есть яблоко и запивать его пивом, *особенно на завтрак*, но Гарденер поступал именно так. Отсюда Бузман заметил дюймовый шрам на левом виске Гарденера. А под зарубцевавшейся кожей — стальная пластинка. Она...

Гарденер обернулся и перехватил его взгляд. Бузман растерялся, думая, что Гард начнет кричать и ругаться. Или просто подойдет к нему и попытается ему врезать, также как и Джонни Эндерсу. «Ну, если он рискнет, — подумал Бузман, сжимая пальцы в кулак, — он убедится, что я не слабак».

Но, вопреки предчувствиям, Гард заговорил мягким и спокойным тоном — только затаенная циничная усмешка залегла в уголках его рта. В следующую минуту Бузман сообразил, что Гарденер не говорит, а передает мысли. Человек, сидящий со скрещенными по-турецки ногами на грязной и влажной земле, причем, кажется, тронувшийся умом, с лицом, испещренным, словно оспой, солнечными зайчиками, отражавшимися от мерцающей поверхности корабля, декламировал наизусть, как школьник.

Да, «дьявольски невыносимый тип» — вот определение, вполне выражающее чувства Бузмана. Он искренне пожелал смерти Гарденера.

— ...Том отложил кисть с видимым отвращением на лице, но со скрытым рвением в глубине души, — декламировал Гарденер, с полузакрытыми глазами, подставив лицо ласковому утреннему солнцу. Затаенная улыбка не сходила с его губ. — И когда последний пароход «Биг Миссури» отчалил навстречу солнцу, отставной художник уселся в тени на бочку, поджал ноги, извлек свое яблоко и стал замышлять избиение младенцев.

— К чему, — начал было Энди, но Гарденер, чья усмешка перешла в неподдельную, но, тем не менее, циничную ухмылку, перебил его.

— В материале нет недостатка; мальчишки проходили мимо каждую минуту; они искали развлечений, но оставались белить забор. Как только Бен закончил, Том уступил следующую вакансию Билли Фишеру за ножик с хорошей рукояткой и чехлом; когда он

закончил свою долю, Джонни Миллер обрел право на еще несколько досок в обмен на дохлую крысу, которую можно было крутить на веревочке...

Гарденер допил пиво, рыгнул и потянулся.

— Ты мне так и не принес дохлую крысу, которую можно крутить на веревочке, но я уловил твои мысли, Бузи, полагаю, что только начало, а?

— Не понимаю, о чем ты, — медленно протянул Бузман. За плечами у него было всего-то два года колледжа, бизнес-курсы, после которых он сразу же пошел работать. Семейные обстоятельства (у отца — перебои сердца и хроническая жуткая гипертония) не позволили ему совершенствовать свое образование, так что шибко умные интеллектуалы вроде этого, невероятно раздражали его. Только и знают, что выламываться и цитировать по памяти строки какого-то автора, умершего Бог знает когда, воображая при этом, что прочие им и в подметки не годятся.

Гарденер заговорил:

— Хорошо. Это вторая глава из «Тома Сойера». Когда Бобби вернулась в Ютику, классе в седьмом, эта затея называлась... ну, что-то вроде конкурса юных дарований. Туда входило и конкурсное задание по декламации. Она не хотела в этом участвовать, но ее сестра Энн решила, что она должна, ну просто обязана, что так будет лучше для нее, а если уж сестрица Энн что-нибудь решила, то это, приятель, *решено окончательно*. Бузи, Энн была настоящим цербером, да и сейчас им осталась. По крайней мере, могу предположить. Я не видел ее целую вечность, ох-охо, надо сказать, что от нее лучше держаться подальше. Уверен, что она осталась такой же, какой и была. Люди такого сорта меняются очень редко.

— Не называй меня «Бузи», — сказал Энди, надеясь, что его голос звучит более угрожающе, чем обычно. — Я этого не люблю.

— Когда мы с Бобби познакомились (это было на вступительном конкурсе), она как раз писала о мучительных попытках декламировать «Тома Сойера». Я просто отпал.

Гарденер поднялся на ноги и подошел к Энди, чем весьма насторожил бывшего агента по торговле недвижимостью, бросавшего тревожные взгляды.

— Мы встретились с ней после уроков; я спросил, помнит ли она еще «побелку забора» наизусть. Еще как помнила. Ничего удивительного... Есть кое-что, что не забывается никогда. Например, когда твоя матушка или сестрица истязают тебя мучительными затеями, вовлекая в наводящие ужас Конкурсы Юных Дарований. Момент, когда ты выходишь на сцену и предстаешь перед всем

сборищем, может стереться из памяти. Но то, что ты выучил, так втемяшивается в твою голову, что ты вспомнишь эти строки даже на смертном одре.

— Слушай, — прервал его Энди, — вернемся к работе...

— Я попросил ее припомнить несколько предложений, а потом и присоединился к ней. Мы чуть не лопнули со смеху... помню даже, как чернильница опрокинулась к ней на колени. Мы слово в слово декламировали бессмертные строки Марка Твена. Так уж получилось, что мы сразу нашли друг друга. А что? И я, и Бобби были очень застенчивыми детьми. Ее сестрица стерегла ее, как дракон заколдованную принцессу, моя матушка выполняла сходные функции, так что мы понимали друг друга без слов. Люди вроде моей матушки и ее сестрицы одержимы бредовой идеей, что единственное, что необходимо застенчивому ребенку, что несомненно, принесет ему пользу — так это участие в затеях, внушающих ему наибольший ужас — возьмем, например, конкурс юных дарований. Так что, можешь мне поверить, все мытарства Тома Сойера мы принимали близко к сердцу. Вообще, подобные эпизоды для декламации — излюбленный вариант, бытующий на конкурсах. Пожалуй, только «Сердце-обличитель» может с ним соперничать.

Гарденер набрал воздуха в легкие и завопил:

— *Негодяи! Будет вам притворяться! Я сознаюсь!.. оторвите половицы!.. вот здесь, здесь!.. это стучит его мерзкое сердце!*

Энди просто передернуло. Он выронил термос и облился холодным кофе.

— Хо-хо, Бузи, — отметил Гарденер, как бы между прочим. — Пропали твои полиэстровые слаксы.

— Надо сказать, что в отличие от Бобби я не дрожал, — продолжил Гарденер свой рассказ. — Более того, я выиграл второй приз. Но это не изжило мой страх выступления перед обширной аудиторией... Пожалуй, только усугубило его. Когда я выхожу читать стихи перед толпой, я вижу эти кровожадные взгляды... и всегда вспоминаю «побелку забора». А еще я вспоминаю Бобби. Бывает, этого вполне достаточно, чтобы выбить меня из колеи... Ну, как бы то ни было, мы с Бобби нашли общий язык.

— Не понимаю, какое отношение это имеет к работе! — истошно закричал Энди. Он знал, что его голос звучит довольно противно, но ничего не мог поделать. Казалось, сердце выскочит из груди и застрянет в горле. Был момент, когда ему показалось, что Гард действительно спятил.

— Разве ты не уяснил, что надо сделать, чтобы побелить забор? — спросил Гарденер, посмеиваясь. — Ну, тогда ты просто глуп, Бузи.

Он кивнул в сторону корабля, выступающем из земли под углом сорок пять градусов.

— Мы выкапываем эту штуку, а не белим забор, но это не принципиально. Я распрощался с Бобби Тремэйном и Джоном Эндерсом, а если ты завтра вернешься, я потребую определенную мзду. Дело в том, что я пока еще не требовал *никакой платы* за участие в раскопках. Так вот, ты скажешь тому, кто придет сюда завтра, что мне позарез нужна дохлая крыса на бечевке, Бузи... или стеклянные шарики, на худой конец.

Гарденер остановился на полпути к краю траншеи и оглянулся на Энди. Моральное поражение проступало в уныло опущенных плечах и растерянном, жалком выражении лица, которое тот тщетно пытался скрыть.

— Спокойнее, спокойнее, Бузи, — проговорил Гарденер так мягко, что Энди просто растерялся. — Завтра ты заберешь Бобби из сарая. Хорошо бы узнать, помнит ли еще Обновленная, Уверенная в Себе Бобби, как она декламировала «побелку забора» из «Тома Сойера».

И, ничего не объясняя, он встал в веревочную петлю и стал ждать, когда Энди спустит его вниз.

По мнению Энди, все это не шло ни в какие ворота. «И, — добавил он про себя, вращая ручку, — это еще только первая бутылка пива. *А выпив за ленчем штук пять-шесть, он озвереет в конце*».

Гарденер по-немногу опускался вниз; Энди боролся с неодолимым искушением отойти от лебедки. Это разом бы решило все проблемы.

И все-таки, он не мог — как бы то ни было, Гарденер *принадлежал* Бобби Андерсон; до тех пор, пока Бобби не умрет, или не выйдет из сарая, все должно идти своим ходом.

— Давай, Бузи. Сейчас здорово рванет; надо отойти подальше.

Подняв Гарденера наверх, Энди поспешно дал ему руку, чтобы вытащить на землю.

— Я же сказал, чтобы ты не звал меня «Бузи», — огрызнулся он.

Гарденер скорчил забавную гримасу.

— Помню, — откликнулся он.

Они отбежали в сторону. Минуты три спустя в траншее грянул оглушительный взрыв, потрясший землю. В небо взметнулся фонтан земли и камней, некоторые из которых, падая, гулко ударялись о поверхность корабля.

— Ну, давай... — начал было Бузман.

Гарденер дернул его за руку. Взъерошенная голова, воспаленное лицо, вытаращенные глаза блуждают.

— *Шшш!*

Энди высвободил руку.

— Да объясни же, что с тобой стряслось?

— А ты ничего не слышал?

— Да нет...

И тут только он уловил шипящий звук, словно от огромного закипающего чайника, вырывающийся из траншеи. Им овладело дикое возбуждение, граничащее с помешательством. Что-то большее, чем простая паника...

— *Это они!* — прошептал он, повернувшись к Гарденеру. Его глаза расширились до размера бильярдных шаров. Пересохшие губы дрожали. — Они не умерли... мы их разбудили... *они идут!*

— Иисус же обещал второе пришествие, — вяло заметил Гарденер.

Шипение все усиливалось. Послышались грохочущие раскаты — не взрывы, а, скорее, звуки падения чего-то тяжелого. В следующий момент упал и Энди. Какая-то сила подкосила его ноги и поставила на колени.

— *Это они, это они, это они?* — заикался он.

Гарденер взялся за пышущую жаром и покрытую испариной руку и поставил Энди на ноги.

— Это не Томминокеры, — сказал он. — Это вода.

— А?

Бузман отупело уставился на него, видимо не понимая смысла.

— Во-да! — крикнул Гарденер, слегка встряхивая Бузмана. — Мы только что обзавелись собственным бассейном, Бузи!

— Чего...

Шипение перешло в мягкое журчание и бульканье. Струи били из траншей, рассыпаясь на мельчайшие холодные брызги. Словно ребенок прижал пальцем открытый кран с водой и любит мелкими брызгами, расходящимися веером во все стороны. Вода била со дна траншеи, вырываясь через бесчисленные трещины, образовавшиеся от взрыва.

— Вода? — вопросительно промямлил Энди. Он все еще не мог собраться с мыслями.

Гарденер промолчал. Он наблюдал за каплями, плясавшими над траншеей... примечательно, что струйки, стекавшие вниз по корпусу корабля, напоминали параллели на гигантском глобусе... да, конечно, они располагаются вдоль силовых линий.

«Я вижу, — подумал Гарденер. — Я вижу сильное излучение исходящее от корабля; оно-то и располагает капли по порядку. Бог мой...»

Грянул следующий взрыв. Гарденеру показалось, что земля ушла из под ног. Поток воды пробил дно траншеи, завершив то, что не осилил динамит. Вода сдвинула огромный кусок породы, к которому было не подступиться. Не встречая преград, вода перестала фонтанировать. Последние мельчайшие брызги сверкнули на солнце и исчезли.

Наконец-то корабль освобожден из своей каменной тюрьмы. Он чуть-чуть, почти незаметно, подвинулся. Гард понял, что он поднимается из земли — даже тень медленно шевельнулась, дрогнула и поползла все дальше и дальше. Было слышно, как хрустят обломки породы, раздвигаемые кораблем. Если бы все хвэнцы могли видеть, как он взмост в небо, раскаленный и сверкающий, похожий на огромную серебряную монету, зависнет сначала горизонтально, а потом беззвучно умчится в небо.

Господи! Прав он или нет, но как же ему хотелось этого.

Гард тряхнул головой, отгоняя наваждение.

— Давай посмотрим, — предложил он.

Не дожидаясь Бузмана, он подошел к траншее и заглянул в нее. Оттуда доносился шум воды, но разглядеть что-то определенное не удавалось. Он зажег прожектор, припасенный для ночных работ. Луч покрывал примерно десять футов. Вполне достаточно, опусти его еще на десять футов, он окажется под водой. Ну что ж, в траншее образовалось довольно симпатичное озеро, кроме шуток. И вода все пребывает.

Вскоре Энди присоединился к нему. Его лицо сморщилось от слез.

— Вся работа насмарку! — рыдал он.

— Ты запаса трамплином для прыжков в воду, Бузи? Мы можем окунуться в четверг или пятницу...

— Заткнись! — взъелся на него Энди Бузман. — Заткнись, я ненавижу тебя!

Истерика охватила Гарденера. Он уселся на пенек, размышляя вслух, как глупо ходить над чистейшим подводным озером все эти годы, жалуясь на загрязненные водоемы. Он захохотал и продолжал смеяться, даже когда Энди подошел к нему и врезал по физиономии. Уже свалившись на землю, Гард продолжал смеяться.

8

Четверг, четвертое августа

Было уже четверть девятого, когда Гарденер мало-мальски пришел в себя и стал размышлять, что же все-таки произошло. Вспом-

нилось только то, как он сидел на кушетке, роясь в аптечке Бобби, и массировал внушительный кровоподтек на скуле, по которой его треснул Бузман.

Стоп. Вот связка ключей от «Кадиллака» Арчинбурга. Те же самые ключи. Он вспомнил, как они мозолили ему глаза на том памятном полуночном совещании в сарае. Гарденер потер лоб, выглянув в окно гостиной и обнаружив пачку чипсов на подоконнике. Кто же их мог принести?

Тут ему попались на глаза несколько фигур, стоявших в тени на дальнем конце двора. Постояв немного, они направились в сарай. Когда они распахнули дверь, оттуда вырвался сноп ослепительно яркого света, залившего весь двор и осветившего окно гостиной. Они вошли внутрь. Свечение спустилось куда-то вниз и исчезло. Они оставили дверь открытой. Даже изобретательные сказочники таинственного Мэна не смогли бы объяснить, как удалось открыть снаружи дверь, запертую изнутри.

Теперь, сидя в качалке и глядя в окно, Гарденер думал: *Должно быть, входя внутрь, они были слишком заняты, чтобы помнить о таких условностях, как стук в дверь и разрешение войти.*

Он прикрыл глаза рукой. Нахлынуло знакомое наваждение. Всплыли события прошлого. Ветер снова засвистел в ушах. Гарденер знал, что последует за этим... Впрочем, он уверен, что они ничего не сделают Бобби.

Проснуться в комнате для гостей и увидеть людей, вошедших в сарай, облюбованный Томминокерами. Можно было заглянуть туда, но я не отважился и знать не хочу, что там происходит.

И все же, он сомневался, что жюри Йельского конкурса молодых поэтов приняло бы это во внимание. Но, — подумал Гарденер, — это то место, где Гарденер пребывает в данный момент, как они бы сказали. Возможно, позже они назовут это моим периодом, посвященным Томминокерам. Или временем «Сарая». Или...

Ворота отворились и какая-то машина затарахтела во дворе у Бобби. Затем мотор заглох.

Человек в полосатой майке, выбравшийся наружу, оказался тем самым милостивым самаритянином, подобравшим Гарденера на шоссе в тот дождливый и неприветливый денек четвертого июля. Гарденер узнал его с первого взгляда. *Кофе*, — пронеслось у него в голове. — *Ты напоил меня горячим кофе с сахаром. Было вкусно*. Он выглядел как персонаж из романа Джеймса Дики о городских мальчиках и их путешествии на каноэ вниз по реке, предпринятом как-то в выходные. Гард и не предполагал, что он из Хэвена, хотя — разве он не упоминал Альвион?

Крыша поехала, — подумал Гарденер. — А почему бы и нет? Обыкновенная вылазка, не правда ли? Занесла шальным ветром с Альвиона.

— Всем привет, — сказал водитель. — Спорю, ты меня не помнишь.

И мысленно добавил: *«Нечего меня дурачить, парень».*

— А вот и узнал, — сказал Гарденер, и имя волшебным образом всплыло в его сознании, всплыло даже после всех этих перипетий и мытарств — месяц, богатый событиями, которых бы хватило на десяток лет, а то и больше.

— Фриман Мосс. Ты подобрал меня на шоссе и подвез до развилки. Я направлялся навестить Бобби. Правда, догадываюсь, что это тебе известно.

— Ага.

Мосс вернулся к машине и открыл капот. Покопавшись там, он двинулся к багажнику.

— Помоги мне, а?

Гарденер сошел со ступенек, потом остановился, еле заметно улыбаясь. «Сначала Тремэйн, потом Эндерс, затем Бузман с его достойными жалости бледно-желтыми штанами из полиэстра».

— Непременно, — сказал он. — Только ответь, пожалуйста, на один вопрос.

— Ну? Попробую, если смогу.

Мосс поднял крышку вместительного багажника. Чего там только не было; взору Гарденера предстала уйма всяческих инструментов: баки, насосы со шлангами, батарейки, проволока, мотки бечевки... Одним словом, новый и усовершенствованный набор для раскопок.

Гарденер невесело усмехнулся.

— Скажи, а ты, случайно, не принес мне дохлую крысу, которую можно крутить на веревочке?

9

Пятница, пятое августа

Никакого регулярного воздушного сообщения с Хэвеном до конца шестидесятых не было, пока не открылся маленький аэропорт на военной базе в Бангоре. Если бы *в те дни* кто-нибудь обнаружил корабль, возникли бы серьезные трудности; теперь же, когда самолеты проплывали над головой по пять раз на дню, заставляя вибрировать стекла, ситуация упрощалась. Хотя военные пилоты не намеревались садиться где попало без особой необходимости, те напористые ребята, которые летали на F-4, не были буквоедами, а

по сему, иногда позволяли себе лишнего. Да и чего ждать от этих подросших мальчишек, которые еще не присмирели. Когда закрылся Доу, оставалось еще несколько маршрутов, правда базу перенесли севернее, прямо к Лорингу, тому, что в Лимстоне.

После нескольких перебросок и реорганизаций военная база превратилась в коммерческий аэродром, получивший название «Бангор Интернейшенал Эйрпорт». Чересчур громкое название для аэропорта, который обслуживает ежедневно несколько захудалых рейсов из Бостона и местные перевозки в Огасту из Портленда. Как бы то ни было, надо отметить, что воздушное сообщение действительно возросло, и к 1983 году БИА обзавелся внушительным парком самолетов. Помимо обслуживания двух коммерческих авиалиний, он так же направлял множество международных грузовых рейсов, и, в конце концов, оправдал свое громкое имя.

В начале семидесятых коммерческие авиалинии в основном обходили Хэвен стороной. Но пилоты и навигаторы регулярно принимали сообщения из Квадрата-3, так была закодирована местность, включавшая в себя почти весь Хэвен, весь Альвион, ну и район Китайских озер. Здесь частенько собиралась густая облачность, известная как «кукурузные хлопья», «туманность», «кисель», или еще живописнее, как например «хоровод призраков». Короче говоря, «Квадрат-3» стал Бермудским Треугольником местного значения. Компасы зашкаливало. Случалось, из-за перебоев с электричеством, подводило оборудование.

В 1973 году самолет «Дельта», направлявшийся в Бостон, потерял управление и чуть было не столкнулся с другим, направлявшимся из Лондона в Чикаго. Что-то случилось с напитками на обоих самолетах, они словно взбесились. Стюардесса обварилась горячим кофе. Никто, кроме экипажа, не понял, как близко к гибели они находились. Второй пилот на «Дельте» вылил себе на колени горячий напиток и истерически хохотал всю дорогу до Бостона, и окончательно завязал с полетами двумя днями позже.

В 1974 году чартерный рейс «Биг Скай» с разбитными игроками, следовавшими из Лас-Вегаса, на борту поднялся в воздух в Бангоре, но где-то над Хэвеном у него сдал один двигатель и пришлось вернуться в Бангор. Стоило самолету приземлиться, двигатель заработал, как ни в чем не бывало.

Еще один подобный инцидент, не завершившийся, правда, катастрофой, случился в 1975 году. А с 1979 года маршруты всех коммерческих полетов стали проходить через другой район. Если бы обратились за разъяснениями к контролерам FAA, они бы только пожали плечами и назвали бы это аномалией. Это слово они

употребляют довольно часто. То тут, то там встречаются *такие места*, никто не может объяснить почему — легче перенести маршруты и забыть об этом.

В 1982 году частный грузовой рейс, проходивший над «Квадратом-3», тоже завернули контролеры из Огасты, Ватервиля и Бангора. Дело в том, что в самом центре К-3, согласно карте ECUS-2 FAA, объявился огромный сверкающий НЛО без пилота.

С тех пор ничего подобного не появлялось. Так продолжалось до пятого августа, когда ближе к вечеру Питер Байли увидел нечто подобное.

Байли был пилотом частного самолета, прошедшим в воздухе уже две сотни часов. Он летал на «Сесне-Ястребе» и, как он сам говорил, это стоило ему немало банановой кожуры (так он называл деньги). Можно догадаться, что деньги он ставил невысоко. Итак, он делал сто пятьдесят миль в час при хорошей видимости и без проблем шел на высоте 17.000 футов. «Сесна» не поскупилась на навигационные приборы, так что сбиться с курса было практически невозможно (хотя, такое излишество, как навигационная антенна, стоило немало банановой кожуры). Другими словами, это была великолепно оснащенная машина, которая прекрасно смогла бы летать сама по себе — правда, такой хороший пилот, как Байли, никогда не помешает.

Если бы Питер Байли был каким-нибудь неопытным сопливом, страхование было бы вполне оправдано. Но в случае с ним это был грабеж среди бела дня, так что он доводил своих осторожных партнеров до белого каления, отказываясь подписать страховой полис, который страховые компании старались всучить ему.

Среди его друзей было немало летчиков, да таких, кого бы он сам застраховал. Зачастую в их лицензии значилось куда меньше часов, чем у него; отсюда вывод, что им сам Бог велел раскошелиться и отстегнуть горстку-другую банановой кожуры на уплату страховочных взносов. Среди них попадались такие деятели, услугами которых, как он говорил, он бы не воспользовался, имей они даже последний в мире самолет, а его жена умирала бы в Денвере от кровоизлияния в мозг. Собственно говоря, не в сумме дело. Обиднее всего, что *он*, Питер Байли, *он*, уважаемый и опытный нейрохирург, который без труда зашибает триста тысяч банановых шкурок в год, должен подчиняться унижительным формальностям, если хочет летать. Перед терпеливыми слушателями (которые, однако, страстно желали перекинуться в карты или, что еще лучше, остаться в баре и пропустить пару стаканчиков «Кровавой Мэри») он частенько развивал мысль, что эти *формальности хороши на случай заведомого риска*, например, для новичков и орлов, имеющих пристращие

к бутылке, которым машину просто так не доверишь. Ерунда! Если это не гнусная дискриминация, то тогда он не знает, что справедливо, а что нет. Если бы он не был так занят, он бы показал этим ублюдкам, где раки зимуют и *был бы прав*.

Среди партнеров Байли по гольфу встречались и юристы, большинство из которых знало, что все это — демагогия. Уровень риска иногда не зависит от объективных обстоятельств, и те, кто его определяет — тоже не дураки. Одним словом, лучше заручиться страховкой. К тому же, Питер Байли был *медиком*, а статистика утверждает, что из медиков получаются самые неважные пилоты в сравнении со всеми другими профессиональными группами, какие только есть.

Выпустив пар, Байли направился в клуб, бормоча:

— Я бы с этими дальновидными сукиными сыновьями не полетел бы и в Денвер, даже если бы моя жена умирала от кровоизлияния в мозг.

Питер Байли, между нами говоря, был как раз из тех пилотов, для которых были изобретены таблицы риска и страховки. Несомненно, в богоспасаемой Америке найдется немало врачей, могущих потягаться с летчиком-ассом. Но Байли не из тех. Находчивый, предусмотрительный, решительный, собранный и опытный за операционным столом, когда перед ним лежит пациент со вскрытым черепом и костными осколками, врезавшимися в мозг, Байли виртуозно владел скальпелем, пинцетом и лазерным ножом, что, впрочем не мешало ему оставаться довольно неуклюжим пилотом, постоянно нарушающим инструкции, технику безопасности, разрабатанную FAA и, вопреки уговорам с партнерами, манкирующим показателями высоты. Конечно, смелости ему было не занимать, но, имея всего-то две сотни часов в лицензии, он считал себя опытным и бывалым пилотом только из-за богатого воображения. Что касается обоснованного риска, можно привести старый афоризм: пилот может быть тем или иным, но должен быть профессионалом.

В тот день он летел один над Тетерборо, направляясь из Нью-Йорка в Бангор. В Бангоре он собирался взять машину и добираться до госпиталя в Дерри. Его вызвали проконсультироваться в случае с маленьким Хиллиманом Брауном. Случай интересный, да и плата подходящая (к тому же, он слышал много хорошего о соревнованиях по гольфу в Ороно), так что он согласился.

Всю дорогу стояла отменная погода, видимость была прекрасная и путешествие было для Байли сущим удовольствием. Как обычно, он манкировал показаниями приборов и пропускал тревожные сигналы (ему казалось, что все обойдется, хотя в предыдущий раз он

здорово стукнулся лбом о циферблат прибора и разбил его). Он мог отклониться от указанной 11.000 футовой высоты, как вверх, до 15.000 футов, так и вниз, до 6.000 футов. Полагаясь на удачу, он избегал столкновений с другими самолетами... впрочем, Бог милует дураков, а Байли, к несчастью, был слишком туп, чтобы придавать значение цифрам.

Он также не придерживался маршрута, и, как оказалось, его занесло к Хэвену. Так вот, пролетая над Хэвеном, он почувствовал, что мощный луч резкого света ударил ему в глаза, практически ослепив. Казалось, на него направили мощнейший в мире прожектор.

— *Что за чертовщина...*

Он посмотрел вниз и обнаружил гигантский источник этого света. Он мог бы обойти его стороной, лететь своей дорогой и выяснить подробности в другой раз (а мог бы и столкнуться с тяжело загруженным авиалайнером), но он был так заинтересован, что, потеряв осторожность, «Сесна» вернулась назад.

— Ну и где же...

Свет вспыхнул снова достаточно ярко для того, чтобы у него в глазах зарыбило от голубых отблесков. Пульсирующие лучи пробивались даже в кабину пилота.

— *Иисусе!*

Там, под ним расстился ковром темно-зеленый лес; сквозь ветки деревьев виднелся гигантский серебристый предмет. Чтобы рассмотреть его получше, Байли пошел на снижение.

Итак, во второй раз за этот день Байли снизился до 6.000 футов и принялся кружить над лесом. Голова заняла — он приписал это усталости и небывалому возбуждению. Сначала ему пришлось в голову, что это водонапорная башня, но какой дурак поставит ее посреди леса?

Он облетал объект снова и снова, уже на высоте 4000 футов. Он знал, что может снизиться на этой машине настолько, насколько отважится (а он и так уже спустился ниже, чем отважился бы опытный пилот, но «Ястреб» — как-никак, отличная машина, так что на нее простительно положиться, как на друга).

Искусственный объект, отметил он, почти свихнувшись от возбуждения. Огромный объект тарелкообразной формы, предположительно земного происхождения, может быть, очередная затея правительства? Да, но будь он на месте властей, он бы закамуфлировал его... *И земля вокруг вскопана, да и траншею хорошо видно.*

Байли решил облететь еще раз — будь он неладен, если не докопается до сути! Но тут взгляд остановился на измерительных

приборах, и сердце упало. Стрелка компаса металась по циферблату, как оглашенная, пока ее не зашкалило, а индикаторы топлива в баках тревожило замигали красным. На высотомере стрелка дернулась к отметке 22.000 футов, задержалась на мгновение и замертво уткнулась в ноль.

Мощный мотор в 195 лошадиных сил стал давать угрожающие перебои. Пропеллер «закашлял». Сердце Байли тоже заколотилось. В голове помутилось. Он не мог отвести глаз от красных и зеленых вспышек — сигналов бедствия. Приборы словно говорили безумному летчику: «Очнись же, идиот, или ты грохнешься на матушку Землю». Когда он попытался подняться до пяти тысяч футов, Байли увидел своими глазами, что самолет прямо-таки застрял на четырех тысячах, ну, может, чуть больше. Он заметил, что термометр, фиксирующий температуру воздуха снаружи, начал выкидывать фокусы: сначала он перескочил с 47 до 58, потом упал до 5. Задержавшись на секунду на низком значении, он сразу же показал 999. Красные цифры тревожно задрожали, и термометр отказал.

— Бога ради, что происходит? — закричал Байли и растерянно уставился на передний зуб, выпавший у него изо рта, который, стукнувшись о высотомер, упал на пол кабины.

Опять забарахлил двигатель.

— Твою мать, — прошептал он. Теперь он просто оцепенел от ужаса. Кровь из раны в десне сочилась на подбородок. Отдельные капли падали на его новехонькую рубашку.

Зловещее сияние опять вспыхнуло под корпусом самолета.

Двигатель отказал. Машина начала терять высоту. Забыв все свои навыки, Байли уцепился за штурвал изо всех сил, но безрезультатно. Уже ничего не поделаешь. «Сесна» падала — 4.000 футов... 3.500... 3.000. Байли вслепую нащупал кнопку и надавил на «АВАРИЙНЫЙ ЗАПУСК». Пропеллер сделал пару оборотов и снова замер. Теперь «Сесна» уже спустилась до 2.500 футов. Старое шоссе, ведущее в Дерри, неотвратно приближалось. Байли уже мог разглядеть расписание служб, вывешенное на ограде методистской церкви.

— Мамочка, — прошептал он. — Я же разобьюсь.

Он попытался стряхнуть оцепенение и снова нажал кнопку. Двигатель кашлянул, завелся было, но быстро заглох.

— Нет! — завопил Байли. Глаза вытаращились и налились кровью. В одном глазу лопнули сосуды, и кровь потекла по щеке. Паника захватила все его чувства, и он ничего не замечал. Он хватил кулаком по приборной доске.

— Давай же, ты, хреновая колымага.

Двигатель заработал, пропеллер закрутился, как ни в чем не бывало, отражая лучи солнца. Байли вцепился в штурвал. Ожившая машина перестала падать.

— Чертова колымага! Чертова колымага! Чертова колымага! — вопил он. Выступившая кровь окончательно залила левый глаз, да и сам он дошел до точки и уже не воспринимал события адекватно, но будь время и возможность обмозговать происходящее, он бы не додумался не до чего существенного в этой идиотской ситуации.

Он облокотился на штурвал; верный «Ястреб», предоставленный самому себе, взмывал ввысь под немислимым углом, и, надо сказать, исправно справлялся со своей заботой. Хэвен Вилледж уходила все дальше вниз, и Байли видел людей, удивленно запрокинувших головы. Он был еще достаточно низко, чтобы кто-то, кому это придет в голову, мог записать его номер.

«Давай, давай! — подумал он мрачно. — Давай, записывай, мне наплевать; я и так завязываю с «Сесна Корпорейшн», много толку в том хламе, которым они напичкали корпус самолета. Да я засуну в глотку этим безалаберным сукиным детям каждую банановую кожуру, которую они получают!»

«Ястреб» медленно шел на подъем; двигатель работал исправно. Голова Байли просто отваливалась, но тут его осенило — мысль, убийственно простая, как все гениальное, пронеслась в его сознании. Он неожиданно осознал психологическую подоплеку двухкамерности человеческого мозга. Именно такое устройство обеспечивает накопление генетической памяти, что радикально расходится с бытующими сейчас туманными представлениями; да, да, как функция перекомпоновки фрагментов ДНК и биологического сохранения наследственной информации. Уяснив это, легко объяснить суть такого явления, как увеличивающаяся генерирующая способность corpus callosum в течение периодов нарастания активности не имеющей выводного протока железы, что ставило в тупик исследователей человеческого мозга уже лет тридцать.

Питер Байли внезапно ощутил, что стоит на пороге настоящего открытия — *может быть, открытия века.*

И в тот же момент он пережил нечто, похожее на взрыв, разнесший его мозг на части. Ослепительно белый свет вспыхнул в его голове — точно такой же, как излучение, испускаемое тем загадочным объектом в лесу.

Если бы он опрокинулся вперед и повернул штурвал, для жителей Хэвена события приняли бы худший оборот. Вместо этого он откинулся назад, с головой, мотающейся на безжизненно-вялой шее, и струйками крови, стекающими с век. Глаза с застывшим в них

полуудивленным полуотупевшим выражением, легко читающимся на всем лице, усталились в стенку кабины пилота.

Даже если бы автопилот был подключен заблаговременно, не много бы изменилось: топливо все равно подходило к концу. Погодные условия прекрасные, но это ни о чем не говорит — так бывало и раньше. Итак, самолет уже минут пять летел на мертвом уровне — 5.500 футов. Радио нарушало покой мертвого нейрохирурга, настойчиво рекомендуя ему набрать соответствующую высоту.

Воздушные потоки отнесли самолет в сторону от Дерри. Он летел, медленно описывая мертвую петлю, к Инопорту. Крен становился все круче, перерастая в спираль. Спираль превратилась в штопор. Когда мальчишка, рыбачивший с моста у развилки на шоссе №6, взглянул вверх, то увидел самолет, падающий с неба: мальчик вытаращил глаза, наблюдая за стремительным падением. Так он и простоял, разиня рот, пока самолет не грохнулся на северное поле Эзры Докери и не взорвался столбом пламени.

— Боже милостивый! — завопил парнишка. Он пристроил свою удочку на берегу и бросился, сломя голову, на Ньюпортскую автостанцию, чтобы вызвать пожарных. Только он убежал, рыба клюнула и стащила удочку в воду. Правда, он так и не нашел свою удочку, но возбуждение от борьбы с огнем, ползущим по полю Докери, равно как и извлечение обугленного тела пилота из под обломков «Сесны» он запомнил надолго.

10

Суббота, шестое августа

Ньют с Диком сидели в хэвенской закусочной. На столике лежала свежая газета. Передовица излагала информацию о разрыве отношений с Ближним Востоком; правда, статья, занимавшая их внимание в то утро, была напечатана в нижнем правом углу. Заголовок гласил: В АВИАКАТАСТРОФЕ ПОГИБ НЕЙРОХИРУРГ. И снимок самолета. Ничто не напоминало великолепную модель «Сесна-Ястреб», кроме, пожалуй, уцелевшего хвоста.

Почти не тронутые тарелки с завтраком были сдвинуты на край стола. Молли Фендерсон, племянница Бича, заняла его место у плиты, когда Бич умер. Молли всем взяла: и эффектная и обходительная, правда, ее яичница полностью несъедобна и выглядит как кусочек пепелища. Дик рискнул ее попробовать, но не предусмотрел, что раньше ему не приходилось пожирать золу, угольки и т.д.

«Может быть», — подумал Ньют.

Дик взглянул на него, приподняв брови.

«Они извлекли какое-то месиво, *вроде фарша*. По крайней мере, там так написано».

У Дика светло желудок. Он попросил Ньюта придержать язык, раз уж они сидят за столиком кафе. Помолчав немножко, Ньют, выдал: «Человек двадцать-тридцать, по всему судя, видели, как самолет пикировал над самой деревней, чуть не задевая деревья».

«И все из города?» — поинтересовался Дик.

«Да».

«Стало быть, это для нас не проблема?»

«Сомневаюсь, — подумал Ньют, прихлебывая кофе. — Не случайно так произошло... Думаешь, это повторится?»

Дик качнул головой.

«Не должно. В газетах пишут, что он сошел с курса».

«Ага. Так говорят. А ты согласен?»

«Вполне».

Они ушли не заплатив. С деньгами в Хэвене создалась интересная ситуация. У Дика Эллисона хранились большие картонные коробки с мелкими купюрами, в частности, с монетами, разложенными строго по достоинству — двадцатки, десятки и доллары. Хэвен — маленький город. Когда кому-то была нужна мелочь, они приходили и брали, сколько надо. Дом-то не заперт. Одним словом, в Хэвене (городе машинисток-телепатов и нагревающих воду кипятильников, не включенных в розетку) установился полный коммунизм.

Выйдя из закуской, они уставились на городскую башню. Башня парила над площадью мерцающим маревом миража. То она казалась вполне реальной, столь же твердой и осязаемой, как Тадж-Махал, правда, не столь прекрасной. В следующий момент она бесследно растворялась, и над развалинами ратуши было только синее небо. Затем видение появлялось вновь. Длинная утренняя тень, стелившаяся по площади, покачивалась, как занавеска на сквозняке. Ньют рассудил, что явление, когда *тень* от башни есть, а самой башни нет, — довольно абсурдно, так же абсурдно, как улыбка чеширского кота, существующая независимо от него.

«Господи! Если я буду засматриваться на эти чудеса слишком долго, то рано, или поздно свихнусь», — подумал Дик.

Ньют поинтересовался, позаботился ли кто-нибудь принять меры на случай износа.

«Томми Жаклин и Хестер Бруклин поехали в Дерри, — ответил Дик. — Они намеревались объехать пять близлежащих станций автосервиса, ну и всякие магазины запчастей. Я отстегнул им почти семь тысяч и попросил привезти по крайней мере штук двадцать

батареек, если удастся. Они-то надеялись сделать покупки, а потом распределить батарейки. А люди-то в соседних местах думают, что хэвенцами овладела мания на почве батареек».

«Томми Жаклин и Хестер Бруклин? — недоверчиво уточнил Ньют. — Бог мой, да ведь они еще дети! Томми уже получил водительские права, а Дик?»

«Нет, — замялся Дик. — Но ему уже пятнадцать, да и водит он осторожно. К тому же, он крупный и выглядит старше своих лет. Справятся...»

«Господи, как рискованно!»

«Да уж, по...»

В основном они общались, передавая мысли: во-первых, мысли куда выразительнее слов, а во-вторых, почти все люди в Хэвене уже освоили этот способ общения. При всех своих заблуждениях, Ньют понимал, что Дику и самому не хотелось посылать пару подростков в Дерри на пикапе Фаткинса. Конечно, им нужны батарейки, *очень* нужны, однако, становится все труднее и труднее отыскать среди людей, живущих в Хэвене, тех, кто согласен покинуть его пределы. Если бы какой-то эксцентричный старикашка, вроде Дейва Рутледжа, или старый простак, вроде Джона Харли, попытался бы покинуть город, то он был бы уже мертв — а возможно, уже и разложился бы, — даже не доехав до пригородов Дерри. Еще молодые люди, как Дик или Ньют, продержались бы подольше, но вернулись бы они... если, конечно, вернулись, уже в агонии; все это из-за мутаций, изменивших их физически, мутаций, которые стремительно начались в сарае Бобби. Неудивительно, что Хилли Браун в глубокой коме, он выбыл из строя, когда события только начали закручиваться по-настоящему. Томми Жаклину — пятнадцать, Хестер Бруклин — прекрасно развита для своих тринадцати. На их стороне, по крайней мере, молодость, что даст им шанс уехать и вернуться назад живыми, причем, обойдясь без космического скафандра и костюма NASA, чтобы уберечь их от губительного воздействия чуждой и враждебной атмосферы. Да... Даже если бы у них было соответствующее обмундирование, это бы не сняло проблему. Вероятно, ребята были бы защищены на какое-то время, палубное воздействие смягчилось бы. Но представьте парочку покупателей в магазине запчастей в Дерри, облаченных в полное снаряжение космонавта, выходящего в открытый космос. Сразу возникнут вопросы. И немало.

«Мне бы этого не хотелось», подытожил Ньют.

«Черт, да и мне тоже, — согласился Дик. — Я не собираюсь тут сидеть сложа руки и ждать, пока они вернутся. Я вышлю Дона

Ворвика на самую границу Хэвена, чтобы он мог помочь им, если что...»

«Если они вернутся».

«Ох... если. Надеюсь... уверен, они вернутся, правда, могут пострадать».

«Чего именно ты боишься?»

Дик мотнул головой. Он не знал ничего определенного, да и Док Ворвик отвергал даже малейшие догадки... только спросил Дика, связавшись с ним телепатически, что он, Дик, думает по поводу пловца, прыгнувшего с высоты в бассейн, где вместо воды — гравий.

«Ну...» — растерянно протянул Ньют.

«Ну, ничего, — закончил Дик. — Мы же не можем оставить это так, как есть».

Он кивнул на вибрирующую башню с часами.

Ньют закончил: «Мы чуть не провалились в мох. Пойдем лучше. Мне кажется, нам придется все это бросить».

«Может быть, а может, и нет. Но батарейки нужны не только для этого, ты ведь понимаешь. Мы должны действовать осторожно. Это ты тоже понимаешь».

«Яйца курицу не учат, Дик».

(*Да пошел ты*)

«Уж кому бы это говорить, так не тебе, придурку», — хотел сказать Ньют, но проглотил эту реплику, хотя за весь этот день у него нашлось немало поводов разозлиться на Дика Эллисона. Хэвен перешел на питание от батареек, словно детская машинка, и тут уж ничего не поделаешь. Их нужно все больше, а пересылка по почте не приемлема — слишком уж медленно, да и при сложившемся положении, даже если найдется кто-то, кто вышлет им батарейки, ничто не гарантирует, что они их получат. Они могут исчезнуть куда угодно, этого не предусмотреть.

Так что, что бы там ни говорил Дик Эллисон, Ньюту Берринджеру, ох, как несладко. Они пережили крушение самолета, но если что-то стрясется с Томми и Хестер, каково будет им?

Впрочем, ничего конкретного не приходило в голову. Одно ясно: он не успокоится, пока ребята не вернутся в Хэвен, туда, где атмосфера не так враждебна к мутантам.

11

Воскресенье, седьмое августа

Гарденер стоял и смотрел на корабль, прикидывая — уже в который раз — выйдет ли из этой затеи что-нибудь путное... а если

нет, как избежать губительных последствий. Два дня назад, даже будучи в доме, он слышал, как кружил над лесом тот злосчастный самолет. Правда, он выбежал во двор слишком поздно, чтобы увидеть, чем кончился его третий заход! Похоже, пролететь трижды над кораблем никому не обойдется безнаказанно; Гард был почти уверен, что пилот засек и сам корабль, и раскопки. Эта мысль неожиданно принесла ему странное, горькое облегчение. Вот вчера, например, прочитав эту историю, как она была изложена в газетах, он сделал определенные выводы. Чтобы уяснить связь, не надо иметь высшее образование. Бедняга доктор Байли был просто потрясен увиденным, потерял бдительность, и этот отщепенец армады космических бродяг безжалостно заstopорил всю аппаратуру (и двигатель тоже).

Так что же, он, Гарденер, стал соучастником убийства? Похоже на то; безразлично, был он женоубийцей или нет, а Гарду это совсем не нравилось.

Фриман Мосс, загадочный мясник из Альвиона, что-то не показывался сегодня утром — Гарденер был просто уверен, что излучение от корабля уже повлекло губительные изменения: у Мосса, наверное, начали выпадать зубы и лопаться сосуды, как это было у всех его предшественников. Итак, впервые после исчезновения Бобби Гарденер оказался в одиночестве. На первый взгляд, все кажется просто. Но копни поглубже, так сразу всплывают старые домыслы и головоломки.

По мнению Гарденера, история с погибшим нейрохирургом и разбившимся самолетом не просто печальная, а, если смотреть в самую суть — которую Ньют и Дик проигнорировали, дело обстоит значительно хуже, просто хуже некуда. Ближний Восток снова превратился в пороховую бочку; если он взорвется, то, на этот раз, дело дойдет до ядерного оружия. Союз Озабоченных Ученых, некоторые из которых своей деятельностью и приблизили *черный день*, приложил все усилия, чтобы воспрепятствовать ядерному пожару завтра, как говорилось в газетах. Ну что ж, счастливые деньки еще вернутся. А корабль, возможно, еще внесет свою лепту во всеобщее благоденствие... да, но чего же хотят Фриман, Кьюл Арчинбург, Бузи и прочие? Иногда у Гарденера появлялась болезненная уверенность, что для Нового и Изменившегося Хэвена *далеко не самое главное* «убрать бочонок с порохом, на котором сидит вся планета». Ну, и что с того? А дальше-то?

Не ясно. Телепатический канал связи молчал.

Его взгляд перешел на насос, примостившийся в грязи у края траншеи. Раскопки корабля — дело пыльное, грязное, придется

повозиться с камнями и выкорчевать пеньки, что дастся с трудом, особенно когда ты полупомешан от огорчения. А теперь еще и мокрая работа — воды-то хватает. Последние два раза он возвращался домой, уляпанный с ног до головы глиной. Грязь плохо, но глина еще хуже. Она скользит над ногами и намертво прилипает к одежде.

Оборудование для откачки было действительно солидным, пожалуй, слишком громоздким, но оно работало. Теперь оно тянуло несколько тонн, но молчаливый и работающий Фриман Мосс перетащил его на себе со двора Бобби... всю пятницу он вкалывал без передышки, да еще и пять сотен батареек пошло на это, *но он это сделал*, сделал то, что заняло бы у бригады строителей неделю, а то и больше.

Мосс проделал титаническую работу, которая бы не увенчалась успехом, не приспособь он устройство, вроде детектора металла, магнита, чтобы переместить все компоненты на строительную площадку — через двор, потом через сад, через все канавы и колдобины и, наконец, на поляну. Зрелище стоило того: в теплом летнем воздухе медленно парили внушительные предметы, а тени плыли за ними по земле. Мосс оперировал перемещениями, держа в одной руке детектор металла, а в другой — переговорное устройство, вроде рации. Неподъемные предметы поднимались в воздух, слушаясь вогнутой антенны из нержавеющей стали, пристроенной к рации, с одной стороны, и клавиш на детекторе — с другой. Таким образом, Мосс не только поднимал их в воздух, но и заставлял их маневрировать то вправо, то влево. Гарденер наблюдал за ними, (уже потерявший способность удивляться чему-нибудь), чуть раскисший от заслуженной выпивки; забавно, не правда ли: Мосс, уподобившийся бывалому цирковому укротителю, руководит перемещением через лес прирученных механических слонов на арену воображаемого цирка, пощелкивая при этом кнутом — гибридом рации и детектора.

Гарденер, в свое время наворочавшийся неподъемного оборудования, знал, как важна рациональная конструкция, не обладающая лишним весом. Однако, покопавшись в своем практическом опыте, он не смог придумать ничего существенного, но, все же, он оценил изобретательность Мосса, который при помощи такого простого устройства, как то, которое он использовал в пятницу, смог реализовать трудоемкую затею в ничтожно короткий срок.

И все же, на его взгляд, все это смахивало на мираж, иллюзию — так же как и городская башня, которая, впрочем, также требовала прорву электроэнергии.

— Ну, вот, — сказал Мосс, протягивая Гарденеру тяжелый рюкзак. — Одевай.

Гард продел руки в лямки и водрузил его на спину. Повел плечами — давит... лямки так и врезаются. Заметив это Мосс, слегка усмехнулся.

— К концу дня он значительно полегчает, можешь мне поверить. *Об этом* не беспокойся.

Он пристроил шнур к транзистору и одел на голову Гарденера наушники.

— А что в рюкзаке? — поинтересовался тот.

— Батарейки. Ну, вперед.

Мосс подключил свое устройство, прислушался, кивнул, потом направил вогнутую антенну на первый двигатель. Он поднялся в воздух и завис там. Держа регулятор в одной руке, а усовершенствованный детектор металла — в другой, Мосс двинулся к двигателю. С каждым его шагом, мотор перемещался на то же расстояние. Гард замыкал шествие.

Мосс «провел» мотор между домом и сараем, согнал с дороги кота, а затем направил его через сад, когда-то засаженный Бобби. За последние полтора-два месяца в нем протоптали довольно широкую дорожку, по краям которой, однако, растения продолжали бурно расти, даже слишком бурно (сказывалось влияние корабля и всех перемен, произошедших за последнее время). Кое-какие подсолнухи достигали в высоту трех с половиной метров, что навело Гарденера на мысль о «Дне Триффидов». Как-то ночью, примерно с неделю назад, он проснулся в холодном поту от томительного кошмара. В ту ночь ему снилось, как подсолнухи в саду выкопались из земли и принялись разгуливать, как ни в чем ни бывало, причем, их середки испускали зловещее зеленоватое сияние, словно маяки с прожекторами, упрытанными в зеленое стекло.

Лето шло к концу, в этих краях близилось время собирать урожай. Странно, в этом году об урожае никто даже не вспоминает. А между тем, земля еще никогда не давала такого обильного урожая, и, уж конечно, овощи и фрукты никогда не достигали размеров торпед. Помидоры раздувались до размеров баскетбольных мячей, кукурузные стебли вымахали не ниже подсолнухов. Гарденер сорвал один початок; ого, — почти шестьдесят сантиметров. Одного большого початка хватит, чтобы насытить двух голодных мужчин. Но, откусив разок от верхнего края молочных зерен, он долго морщился и отплевывался. Мясистые зерна были просто отвратительны на вкус. Да, Бобби может снять богатый урожай со своего огорода, но гигантские овощи абсолютно несъедобны... а, быть может, и отравлены.

Мотор мягко плыл над тропинкой, раздвигая стебли кукурузы, попадавшие на его пути. Гард заметил разломы и пятна машинного масла на огромных, ядовито-зеленых с жесткими прожилками, возмущенно шуршащих листьях. Уже в дальнем конце сада мотор начал «съезжать» вниз. Мосс убрал антенну, и мотор приземлился с мягким, глухим звуком.

— В чем дело? — встревожился Гарденер.

Мосс только нахмурился и, порывшись в кармане, вытащил монетку в десять центов. Он впихнул ее в прорезь регулятора, поддел разок-другой и вынул наружу шесть батареек «дабл-А Дюраселлс» из ячейки. Беспольные батарейки полетели в траву.

— Дай-ка мне еще, — сказал он.

Гарденер спустил рюкзак с плеч, перехватился за лямки и, поставив его на землю, расстегнул крышку. Заглянув во внутрь, он увидел целую прорву батареек, у него зарябило в глазах. Что-то похожее он видел на Большом Конкурсе в Атлантик Сити, когда один чудаковатый умелец оплатил стоимость машины не в долларах, а батарейками, доставшимися ему в качестве приза.

— Боже милосердный!

— Где уж мне до Бога, — отозвался Мосс. — Ну-ка, выуди мне с полдюжины.

Очухавшийся Гарденер достал батарейки и понаблюда, как Мосс пристроил их в ячейку. Потом он опустил крышку, плотно ее прикрыл, поправил наушники и сказал:

— Пошли.

Еще сорок ярдов по лесу — и снова перемена батареек, потом еще шестьдесят ярдов — другая. На открытой местности мотор пожирал меньше энергии, но, чтобы переправить его через изгородь и установить на место, потребовалось сорок две батарейки.

Туда и обратно, туда и обратно, и так раз за разом, они перенесли по частям все оборудование для насоса и установили его около траншеи. Рюкзак за плечами Гарденера становился все легче и легче.

На сороковом заходе Гарденер попросил Мосса дать ему попробовать. Огромный промышленный насос, казавшийся гигантом перед старым жалким устройством, немало послужившим Гарду и Эндерсу, возвышался металлической громадой в сотне ярдов от траншеи. Да... теперь можно запросто выкачать все озеро... Мосс в очередной раз переменял батарейки. Севшие «дабл-А» усеивали всю тропинку, подобно обкатанной морями гальке на Аркадия Бич. Случайные ассоциации вызвали в памяти Гарденера образ того парнишки с фейерверком. Того парнишку, чья мать снилась... или что-то еще. Парнишка, который знал об Томминокерах.

— Ладно, попробуй, — Мосс протянул ему устройство. — Можно было сделать вспомогательную систему, но я думаю, что она может подняться. Неси в руке и поднимай вот так...

Увидев удивленный взгляд Гарденера, он добавил:

— Ох, забыл... наушники не играют существенной роли, просто я привык к ним. Можешь их одеть, но вряд ли это тебе существенно поможет. Ты ведь не такой, как мы.

— Это я уже усек. Я один из тех, кто не намерен покупать вставные челюсти, когда все станет на свои места.

Мосс задумчиво поглядел на него, но промолчал.

Гард протер носовым платком наушники. Когда он одел их, то услышал отдаленный шуршащий звук, вроде того, который вы слышите, поднеся раковину к уху: кажется, что где-то вдалеке плещется море. Он установил антенну так же, как это делал Мосс, а потом осторожно поднял ее. Отдаленный шум прибора, раздававшийся в наушниках, изменился. Насос слегка сдвинулся — он мог поклясться, что так оно и было. Но потом произошли сразу два непредвиденных события. Горячая кровь хлынула у него из носа, заливая губы и подбородок, а голова наполнилась голосами, твердящими на разные лады. «КОВЕР ДЛЯ ВАШЕЙ БЕРЛОГИ ИЛИ ДЛЯ ВСЕГО ДОМА — ПОЧТИ ЗА БЕСЦЕНОК!» — надрывался диктор, сверля своим пронзительным, поющим голосом мозги Гарденера; потом — неясный шум и обрывки слов. «А ТЕПЕРЬ МЫ ПРЕДЛАГАЕМ НОВОЕ ОСНАЩЕНИЕ ДЛЯ ВАШЕГО ПЫЛЕСОСА! БУДЬТЕ УВЕРЕНЫ, ВЫ И НЕ ЗАМЕТИТЕ, КАК ВЫПЛАТИТЕ ВСЮ СТОИМОСТЬ».

— Уууу, Бога ради, заткнись! — застонал Гарденер. Он сорвал наушники и схватился за голову. Слава Богу, паскудный голос диктора наконец заглох. Он мотал головой и размазывал кровь по щекам.

Фриман Мосс уставился на него круглыми глазами.

— Ты чего, а? — спросил он.

— Да вот, — слабо отозвался Гарденер, — Это что-то вроде аллергии на рок-н-ролл. Если не возражаешь, я присяду на минутку, а, Мосс? Я тут чуть было не наложил в штаны.

— А у тебя из носа течет кровь...

— О, как вы догадались, мистер Шерлок Холмс? — спросил Гарденер.

— Пожалуй, лучше мне заняться этим снова.

Гарденер был более, чем счастлив, уступить ему эту почетную обязанность. Остаток дня ушел на то, чтобы переправить все оборудование к траншее; Мосс так обессилен, что под конец Гарду пришлось практически тащить его на плечах.

— Такое ощущение, словно на меня обрушилась пара кубометров дров и вышибла мне мозги, — жаловался, задыхаясь, тот.

После такого заявления Гард и надеяться не смел, что он вернется на следующий день. Но Мосс пунктуально появился к семи часам. На сей раз он оставил свой грузовик и приехал на «Понтиаке». Он открыл дверцу и вышел, держа корзинку с провизией в руках.

— Давай сюда. Поесть не помешает.

Гарденер, надо сказать, уважал Мосса больше, чем троих предыдущих «помощников»... похоже на то, что он был ему глубоко симпатичен.

Когда они направились к кораблю, шлепая по утопанной тропинке, Мосс осмотрел его с головы до брюк и ботинок, заляпанных вчерашней глиной.

— Ты, я вижу, тоже оклемался.

И это, собственно говоря, было все, что мистер Фриман Мосс сказал ему в тот день.

Опустив несколько шлангов в траншею, они заготовили еще с десяток на смену, чтобы откачивать воду непрерывно. Эти «кишки», как называл их Мосс, представляли собой огромные матерчатые кольца, которые, по мнению Гарденера, когда-то верно служили пожарным. Они приняли все меры, чтобы откачивать воду равномерно и не затопить участок Бобби.

— Уф, давай-ка еще несколько штук сюда, туда и туда тоже, — сказал Мосс; это было, собственно говоря, все, что он мог предложить по этому поводу.

Еще не начав качать, он снабдил Гарденера набором V-образных зажимов, предназначавшихся для могущих дать течь насосов.

— Если они разлезутся, то фонтанов будет не меньше, чем в Версале или Сан-Суси. Если ты видел когда-нибудь отбившийся от рук пожарный шланг, то представляешь, чем это чревато. А у нас нет лишних помощников, стоящих наготове и перекрывающих дырявые шланги с утра до ночи.

— Ну что ж... добровольцы не ломаются к нам толпой...

Фриман Мосс молча окинул его взглядом. Потом выдавил:

— Смотри в оба, Гард. И имей в виду, что нам час придется надрываться, чтобы ликвидировать течи.

— А разве ты не можешь следить за напором, вместо того чтобы дурью маяться со всеми этими зажимами?

Мосс обиженно вытаращил глаза.

— Будь уверен, — сказал он, — что ни ты, ни я не сможем уследить за мощнейшим напором воды в насосе; а течь мы не засечем до Судного Дня.

Гарденер взял его за руку, усмехаясь.

— Ладно, я ведь только спросил, — виновато пояснил он.

— Мир.

В ответ тот только хмыкнул в своей неподражаемой манере.

Уже к половине десятого вода с огромной скоростью убывала из траншеи, освобождая корабль. Вода была холодной и прозрачной, как слеза — действительно, как слеза, точнее не скажешь. Можно сказать, что они создали рукотворную реку. Им оставалось только сидеть в тени, на темной, влажной земле, усеянной хвоинками и шишками, и наблюдать за работой насоса; довольно утомительно сидеть, не спуская глаз с пульсирующих пожарных шлангов, и укорачиваться от сбивающих с ног струй, вырывающихся время от времени из прорех. Мосс из предосторожности, регулярно перекрывал насос, чтобы они могли поменять прорвавшиеся шланги или поставить зажимы; как правило, после этих манипуляций им приходилось перебираться в другое место, так как их лежбище оказывалось мокрым, как после тропического дождя.

К трем часам поток начал выворачивать близлежащие кусты, а часов в пять Гарденер услышал глухой треск падающего дерева. Он вскочил на ноги и вытянул шею, но все случилось слишком быстро, так что поток уже унес дерево.

— Судя по звуку, это старая сосна, — прокомментировал Мосс. Теперь настала очередь Гарденера молча уставиться на Мосса.

— А может, и ель, — усомнился Мосс с абсолютно серьезным лицом. Гарденеру показалось, что он шутит, разыгрывает его, ну хоть чуть-чуть.

— Как ты думаешь, вода уже достигла дороги?

— Подозреваю, что так оно и есть.

— Так что же, она размочит дорогу?

— Нет. Горожане уже протоптали новую магистраль. И ничего особенного. Полагаю, движение будет прервано на пару дней, но и в лучшие времена здесь редко кто проезжал, а уж теперь...

— Да, я это заметил, — подтвердил Гарденер.

— Чертовски здорово, с моей точки зрения. С отдыхающими всегда одни неприятности... Прикинь, Гарденер, — я чуть перекрою напор в насосах, но они все равно будут выкачивать пятнадцать или даже семнадцать галлонов в минуту, и так — всю ночь. При том, что работают все четыре насоса, это составит три тысячи восьмисот галлонов в час, а сколько за ночь? Не плохо для бросовой техники, а? Давай-ка, пойдем отсюда. К тебе корабль благоволит, а у меня вот подскочило давление. Если ты не против, я выпью одну бутылочку твоего пива, домой-то доберусь еще не скоро.

Мосс появился и на следующий день, в субботу, в своем старом «Понтиаке», и привез еще несколько насосов мощностью тридцать пять галлонов в минуту, три тысячи восемьсот галлонов в час.

Ну а на следующее утро, в воскресенье, его не было. Он вышел из игры, покинув Гарденера и предоставив ему возможность размышлять над старой, как мир, альтернативой.

Вариант первый: «Делай свое дело, как обычно».

Вариант второй: «Беги отсюда». Он уже пришел к выводу, что, если Бобби умрет, потребуется не более получаса, чтобы организовать несчастный случай со смертельным исходом, который положит конец его мытарствам. Если он решил бежать, известно ли это им заранее? Гарденеру так не казалось. Он, как и все уцелевшие хэвенцы, играет в покер довольно старомодным способом: не открывая карт. Ох, к слову, *как далеко* ему удастся уйти, чтобы скрыться от их губительного излучения. Да и удастся ли вообще вырваться за пределы весьма ограниченного пространства, в котором только и может обитать мутировавший хэвенец?

Гард предполагал, что далеко он не уйдет. Ну, Дерри, Бангор, даже Огаста... но все это слишком близко. Портленд? Может быть? *Возможно.* На ум ему пришла аналогия с курением.

Когда ребенок начинает курить, он рад, если может выкурить сигарету до половины и не вывернуться наизнанку. Шесть месяцев практики дают ему возможность выкуривать от пяти до десяти штук в день. Дай сигарету трехлетнему ребенку — и ты получишь кандидата на рак легких, выкуривающего по две с половиной пачки в день.

А теперь переставим события местами. Скажи ребенку, сделавшему несколько первых затяжек и позеленевшему от тошноты, что он должен бросить курить, тогда, вероятно, он падет ниц и поцелует тебе задницу. Застукай его, выкуривающего пять-десять сигарет в день, и ты натолкнешься на его безразличие... он пояснит, что приспособился к этой дозе, что и компенсирует ему отказ от сладостей, когда он взволнован или расстроен.

Исходя из своего собственного опыта, Гарденер знал, что увещевать курильщика бесполезно. Скажи ему прекратить забивать гвозди в крышку собственного гроба, и он схватится за грудь, как от инфаркта... а все это — для того, чтобы ты не выхватил пачку сигарет из нагрудного кармана его рубашки. Курение, как Гарденер знал из своего более успешного опыта борьбы с этой привычкой, это, все равно что попытка дополнить и скрасить свое физическое существование. В первую неделю без сигарет курильщик страдает от жажды, головных болей, мышечных спазм. Доктора приписывают

витамины В12, чтобы сгладить самые тяжелые симптомы. Однако, они знают, что ничто не компенсирует экс-курильщику отказ от сигарет, ничто не купирует чувство потерянности и депрессию в течении еще шести долгих месяцев, до того момента, когда курильщик полностью освободится от моральной и физической зависимости.

Вот и Хэвен, — думал Гарденер, пуская на полную мощность, — ни дать, ни взять — накуренная комната. Сначала их мучило... словно компанию школьников, впервые затягивающихся в кустах за школой. Но теперь-то, они свыклись с этим воздухом, почему бы и нет? Все они теперь заядлые курильщики. Это в воздухе, которым они дышат, и один Бог знает, какие перемены свершаются и еще свершатся в их сознании и телах. Ведь губительные перемены уже дают себя знать через полтора года постоянного курения. Ведь пишут же об участившихся случаях мозговых опухолей среди поселения городов с повышенным уровнем загрязненности воздуха или, не дай Бог, районов, подвергшихся излучению ядерных реакторов. А какие же перемены произойдут с нами?

Гарденер терялся в догадках — ему пока что не удалось отметить какие бы то ни было существенные изменения, кроме выпадения зубов и нарастающей флегматичности. Но ему казалось, что это не зайдет слишком далеко, если он будет держаться на порядочном расстоянии от корабля. Возможно, все это началось после облучения, но тут ему пришла мысль, что они слишком быстро потеряли к нему интерес... как только проявились первые симптомы.

Он перевел все четыре насоса на предельную скорость; тут же прорвало один шланг. Он приступил к обычной работе, проверяя зажимы, которые еще держались на шлангах.

Покончив с этим делом, он пришел к выводу, что у него есть два выхода: держать язык за зубами, или выложить все, как есть, причем во весь голос. Он предполагал, что, по разным причинам, он будет хранить молчание. Ведь это, по сути, значило отойти от дел — описать последний месяц изнурительной работы и те изменения, которые может вызвать самоубийственный курс мировой политики с «последним доводом королей»; описать печальную судьбу его лучших друзей и, в первую очередь, верную подругу Бобби Андерсон, которая, вот уже две недели, in absentia.

Вариант третий: положить этому конец. Взорвать это ко всем чертям. Разрушить эту штуку. Превратить это все в не более чем досужую сенсацию, вроде предполагаемых пришельцев в «Ангаре-18».

Несмотря на всю ту глухую ярость, которую он питал к ядерной энергии как таковой и тем свиньям-технократам, которые создадут

ядерные реакторы и в упор не видят (отказываются видеть) ту опасность, того демона, вырывающегося из лампы, то в Чернобыле, то еще где, несмотря на жуткую депрессию, в которую его повергали заявления ученых о ссудном часе, который мог бы наступить за две минуты до полуночи, он ясно осознавал, что самое лучшее, что он может сделать — это разрушить корабль. Окисление, которое ускользнет, из-за снятия земляного покрова (в этом он не сомневался), затронет поверхность корабля, и тогда уж, как из рога изобилия хлынут паранормальные явления, перед которыми то, что до сих пор происходило в Хэвене — просто ерунда; кстати, одному Богу известно, *что там внутри*. Должен же там быть какой-то груз? Нейрохирург, погибший в крушении, старик и городской полицейский, может быть, и леди-констебль, миссис Рут Маккосланд, может быть, два других исчезнувших полицейских, а может, даже и ребенок Браунов... кто может оказаться внутри этой штуки, на которую он уставился, как ненормальный, которая выглядывает из земли, как морда огромной белой акулы? Кто-то из них? Или все они? А может, и никто из них?

В одном Гард был уверен — это еще не конец.

То, что корабль, выступающий из земли — только часть чего-то целого — несомненно... но он так же — всего лишь обломок судна, прибывшего из непознанных миров, находящихся где-то невообразимо далеко, в вечной тьме, своего рода дверь из нашего измерения в то, другое... дверь, через которую могут войти существа, чье сознание может так же отличаться от человеческого, как человеческий ум отличается от ума термитов. Вот он — огромный, просто ирреальный объект, сверкающий под жаркими солнечными лучами в это воскресное утро... однако, может статься, это просто передаточный пункт, через который демоны проходят из тех миров в наш. В этот момент он почувствовал, как тревога сдвинула его горло, словно он встретился глазами со взглядом неведомого существа, смотрящего на него из земли.

Положить этому конец, *но как?* Взорвать это, *но чем?* Даже гипотетически, как это сделать? Если динамит еле-еле осилил породу, в которой покоился корабль, не причинив ему ни единого повреждения, что он может придумать. Взять взрывчатку с Лимстонской военно-воздушной базы, стащить атомную бомбу? Такое бывает только в фантастических романах. Вот так потеха будет, возможно, последняя в его жизни, если он завладеет ядерным оружием и пустит его в ход, желая всего-то уничтожить корабль, наделает таких дел, при всем-то его пацифизме... а кораблю — хоть бы хны!

Скудный выбор, ничего не скажешь, а третий вариант — вообще никуда... а тем временем его руки проявившие большую мудрость, чем его ум, покуда он ломал себе голову, выполняли обыденную утреннюю работу — регулировали напор в насосах и проверяли наполнение шлангов. Теперь он наклонился, проверяя уровень воды. К счастью, нашелся мощный прожектор, осветивший траншею почти до дна — уровень воды быстро падал. Он предвидел, что взрывы и отгрузка разбитой породы возобновятся в среду, четверг, самое позднее... рано или поздно они возобновятся и работа пойдет быстрее. Насыщенная водой порода — мягкая и пористая, так что выкопать яму для взрывчатки займет немного времени, впрочем, там должны образоваться естественные углубления, в которые можно заложить взрывное устройство. Словом, предстоит продвигаться вглубь.

Гарденер постоял, нагнувшись над разрезом в земле, направлял луч прожектора в темную глубину. Затем он выключил прожектор и снова отправился проверить зажимы. Ну, что ж, уже половина девятого: пора идти выпить.

Он повернулся.

Перед ним стояла Бобби.

У Гарденера отвисла челюсть. Кое-как закрыв рот, он уставился на нее, приняв все это за мираж. Но Бобби стояла, твердо опираясь на землю ногами, к тому же, Гарденер заметил, что ее волосы значительно поредели — сквозь них просвечивала бледная и ослепительно-белая кожа. Теперь лоб отодвинулся до середины головы, словно на картинах Леонардо да Винчи, напоминающих о нелепой средневековой моде. Сквозь просвечивающую кожу выступали кости черепа; одним словом, она была похожа на человека, перенесшего длительную, изнуряющую болезнь. Левая рука — на перевязи. И...

Она накрасилась. Просто нашлаклевана. Да я уверен, что она накладывала грим горстями, словно заделывая шрамы от оспы. Но это она... Бобби... даже не представлял.

Слезы навернулись Гарденеру на глаза. Бобби стала двоиться и расплываться. Только сейчас он почувствовал как одиноко ему было все эти две недели.

— Бобби? — спросил он хрипло. — Это правда ты?

Бобби улыбнулась той сладостной улыбкой, которая, бывало, так ему нравилась, и которая уберегла его от многих идиотских выходов. Это — Бобби. Это — Бобби, и он ее любит.

Он шагнул к ней, взял за плечи и уткнулся заплаканным лицом в ее шею. Так бывало и раньше...

— Привет, Гард, — выговорила она сквозь слезы.

Теперь и он зарыдал в полный голос. И стал целовать ее. Целовать ее. Целовать ее.

Обхватил ее обеими руками. Она закинул левую руку к нему на плечи.

— Нет, — выговорил он, целуя ее. — Нет, ты не можешь.

— Шшш. Я должна. Это мой последний шанс, Гард. *Наш* последний шанс.

Они целовались снова и снова, не в силах оторваться друг от друга. Теперь ее рубашка была расстегнута и смята, и он осыпал поцелуями тело, которое самая буйная фантазия не сделала бы соблазнительным: бледное и истощенное, с опавшими мышцами и обвисшими грудями, но он любил ее, целовал, целовал... два безумца с лицами, промокшими от слез, прильнули друг к другу.

«Гард, дорогой мой, дорогой, ты всегда...»

«Тшшшшшшш».

«Ох, пожалуйста, я люблю тебя».

«Бобби, я люблю...»

«Любишь...»

«...поцелуй меня...»

«...поцелуй...»

«Да...»

Под ними ковер из опавшей хвои, а вокруг — сладостная тьма. И ее слезы. И его слезы. А губы слиты в неотрывном поцелуе. Взяв ее, Гарденер почувствовал две вещи: как он истосковался по ней и какое безмолвие вокруг, не слышно ни одной птицы. Лес мертв.

И поцелуй.

12

Чтобы стереть ее коричневатую крем-пудру с обнаженного тела, Гарду пришлось воспользоваться заношенной рубашкой. Большая часть грима смазалась с ее лица. Неужели она пришла сюда, предвидя, что отдастся ему? Теперь об этом лучше не думать. По крайней мере, сейчас.

Что и говорить, сейчас они оба служили манной небесной для мушек, комаров и гнуса, но Гарду было не до этого. Да и ей тоже. *Может быть, корабль сыграл свою побуждающую роль, —* думал он, глядя на корабль, *— а что, чем черт не шутит?*

Он перевернул свою рубашку и, осторожно приподняв лицо Бобби за подбородок, принялся счищать с него грим. Впрочем, почти вся пудра и помада растеклись от пота... или были смыты слезами.

— Я поранил тебя, — сказал он.

«Но ты же любил меня», — ответила Бобби.

— Что?

«Ты же слышишь меня, Гард. Я знаю, что слышишь».

— Ты сердился? — спросил он, опасаясь, что, рухнувшие было барьеры, встанут между ними снова, а этого бы не хотелось. — Ты не хочешь со мной разговаривать?

Он помолчал.

— Я не виню тебя. За все эти годы мы наговорили друг другу уйму всякой ерунды, подружка.

— Я *говорила* с тобой, — сказала она, смутившись, что лежит в его объятиях уже после того, как закончились любовные игры. Гарденеру понравилось ее всегдашняя застенчивость.

— Я *передавала тебе свои мысли*.

— А я не слышал.

— А раньше ты слышал... и отвечал мне. *Мы разговаривали*, Гарденер.

— Мы были ближе к... этому. — Он махнул рукой в сторону корабля.

Она мягко улыбнулась и уютно прижалась щекой к его плечу. Под слоем грима ее кожа казалась такой ранимой, такой уязвимой...

— А что? Я поранил тебя?

— Нет. Ну, да. Немножко. — Она улыбнулась. Это была старая славная улыбка Бобби Андерсон, которая освятила бы и преисподнюю, и все же слезы беззвучно полились по щекам.

— Хуже того. Самое лучшее мы оставили на потом, Гард.

Он мягко поцеловал ее, но теперь ее губы были другими. Это были губы Новой и Изменившейся Роберты Андерсон.

— В начале, в конце или в середине, мне только и остается, что любить тебя, пусть это не беспокоит Бобби.

— Я знаю, что плохо выгляжу, — отозвалась Бобби, — очевидно, я переусердствовала с краской, как ты уже заметил. Ты был прав, я довела себя до точки, и теперь у меня полный физический срыв.

Гарденер выругался про себя, надеясь, что Бобби не прочтет его мысли. Скрытность постепенно стала его второй натурой.

— Лечение было... радикальным. В результате остались только кое-какие проблемы с кожей и выпадением волос. Но они снова вырастут.

— О, — сказал Гарденер, думая: *Не ври по пустякам, Бобби*.

— Ну, я рад, что у тебя все в порядке. Но, по-моему, тебе лучше отлежаться еще пару дней, чтобы встать на ноги.

— Нет, — спокойно сказала Бобби. — настало время для решительного броска, Гард. Мы почти у цели. Мы начали это вместе: ты и я...

— Нет, — сказал Гарденер. — Это ты начала все это, Бобби. Ты, буквально, запнулась за него. Тогда, когда Питер был еще жив. Помнишь?

Упомянув о Питере, Гарденер увидел боль в глазах Бобби. Потом она исчезла. Она вывернулась из рук Гарденера.

— Ты уже слишком долго находишься здесь... Ты спас мне жизнь. Без тебя меня бы здесь не было. Давай же возьмемся за это вместе, Гард. Держу пари, что осталось всего-то футов двадцать пять туда, вниз.

У Гарденера было предчувствие, что она права, но, как ни страшно, это не принесло ему облегчения. Точно чья-то рука сдвинула ему сердце, а потом — еще и еще, а боль была еще хуже той, чем от проломленной когда-то головы...

— Если ты так думаешь, я приму к сведению.

— Что ты говоришь, Гард? Мы раскопаем его. Ты и я.

Он уселся, задумчиво глядя на Бобби, отмечая, уже в который раз, как жутко и уныло в лесу, где не поет ни одна птица.

Страшно, такое ощущение, что мы в мертвой зоне, отравленной радиацией. Если люди достаточно сообразительны, чтобы уйти из зараженных мест, если их, конечно, предупредят вовремя, то не скажешь же ты сойке, или красному зимородку не смотреть на огненный «гриб». Они смотрят и падают на землю замертво, с выпученными глазами. Или летают, ослепленные, натываясь на дома, деревья и провода, пока не выбьются из сил или не сломают себе шеи. Как ты думаешь, Бобби, это — космический корабль? Или это гигантский контейнер с ядерными отходами, захороненный в укромном месте? Контейнер, давший пробоину? А что, похоже? Да, но почему же тогда деревья такие же, как всегда, и почему этот стальной ястреб рухнул с неба в пятницу?

— Что ты сказал, Гард? Еще одну милю?

Так где же верное решение? Где та самая золотая середина? Ты бежишь отсюда? Передаешь все это полиции Далласа, чтобы они смогли погубить еще и части Даласской полиции? Так что же? Что? Какие предположения, Гард?

Внезапно ему пришла одна идея... ну, скорее, проблеск идеи.

Но проблеск — лучше, чем ничего.

Он обнял Бобби за плечи.

— О'кей. Еще одна миля.

Ее губы расплзлись в улыбке... на лице появилась забавная гримаса удивления.

— И много ты их потерял, Гард?

— И много чего я потерял?

— Да зубов, — сказала Бобби. — Один у тебя выпал совсем недавно. Посмотри, ну прямо спереди.

Смущенный, слегка испуганный, Гарденер поднес руку ко рту. Верно: там, где еще вчера оставался резец, теперь — пустота.

Ну вот, началось. После месяца работы рядом с этой штукой, он, как дурак, решил, что обрел некоторый иммунитет. Началось; вот и он вступил на путь превращения в Нового и Изменившегося.

На его собственный путь «превращения».

Он выдавил ответную улыбку:

— Я и не заметил, — сказал он.

— А ты не чувствуешь никаких перемен?

— Нет, — правдиво ответил Гарденер. — Уже никаких. А что ты говорила на счет того, что хочешь выполнять какую-то работу?

— Я буду делать все, что смогу, — сказала Бобби. — С этой рукой...

— Ты можешь проверять шланги и предупреждать меня о пробоинах. И еще — говорить со мной.

Он взглянул на Бобби со смущенной улыбкой.

— Все те, другие, ребята понятия не имели, как надо разговаривать. Думаю, что они были вполне откровенны, но... — Он поешил-ся. — Ты понимаешь?

Бобби улыбнулась, и Гарденер снова увидел отражение той прежней Бобби, той женщины, которую он любил. Он вспомнил теплую и уютную кожу у нее на шее, и сердце сжалось.

— Думаю, что справлюсь, — сказала она, — и я прожужжу тебе все уши, если хочешь. Мне тоже было очень одиноко.

Они стояли рядом, улыбаясь друг другу, и все было так же, как раньше, но лес вокруг был безмолвен: в нем не было ни одной птицы.

«Любовь кончилась, — подумал он. — Все вернется на круги своя, ну, кроме выпавших зубов; я предвижу, что этот придурок вернется к вечеру. Возможно, прихватит с собой кузена или шурина. Заглянув в мои карты, они, возможно, сочтут этот проблеск идеи глупостью, и все пойдет своим чередом. А все же, это забавно. Мы всегда предполагали, что пришельцы вторгнутся, по крайней мере, в виде живых существ. А не в виде совершенно других энергетических образований. Герберт Уэллс предсказывал вторжение призраков».

— Я хочу заглянуть в траншею, — сказала Бобби.

— Ладно. Тебе понравится, как спадает вода...

И вместе они направились к кораблю.

Понедельник, восьмое августа
Жара спадает.

В понедельник температура за окном кухни Ньюта Берринджера была семьдесят девять по Фаренгейту в четверть восьмого утра, но Ньют не видел термометр; он стоял в ванной, облаченный в пижамные брюки, неторопливо накладывая на лицо грим, принадлежавший его последней жене, причем делая это столь тщательно, что толстый слой крем-пудры покрывал лицо, как гипсовая маска. Он всегда считал косметику женской блажью, но теперь пытался воспользоваться ею по назначению — не для того, чтобы приукрасить себя, а чтобы замаскировать наихудшее (ох, наконец-то получилось); со временем он понял, что накладывать грим, это все равно, что отрубать голову. Эта штука на деле куда сложнее, чем кажется.

Он старался скрыть, что за последнюю неделю или около того кожа на щеках и на лбу стала тонкой и просвечивающей. Конечно, он знал, что визит в сарай к Бобби не обойдется даром ни ему, ни другим; тогда они были возбуждены и напуганы, но с тех пор, как они покинули сарай, у него уже раза три было такое чувство, что он стал футов на десять выше и готов заняться любовью с целым взводом спортсменов. Он был достаточно осведомлен, чтобы понять, что происходило в сарае, но сначала он решил, что все дело в том, что в это лето ему не удалось позагорать. Раньше он мог покрыться загаром даже в холодный и ветреный мартовский вечер; его жена Элинор частенько шутила, что ему не обязательно подставлять себя лучам солнца, чтобы покоричневеть, как индейцу.

Однако в прошлую пятницу вечером он понял, что не может больше обманывать самого себя. Теперь он мог разглядеть сквозь кожный покров все вены, артерии и капилляры на щеках, словно он превратился в муляж для студентов-медиков. Теперь он мог заглянуть вовнутрь самого себя, ха-ха! Прижав пальцем кожу на щеке, он мог разглядеть кости скул. Похоже на то, что он... *растворяется*.

«Только не это, — думал он. — Господи, только не это».

Но в субботу, взглянув на себя в зеркало, он утратил последние сомнения, разглядев язык при закрытом рте. Метнувшись из ванной он наскочил на Дика Эллисона.

Сначала, когда Дик казался издали вполне нормальным, Ньют пережил ужасный момент, решив, что он один такой. Но потом, когда ясные и твердые мысли Дика проникли в его сознание, он вздохнул с облегчением: «Господь с тобой, Ньют, но тебе не стоит

ходить в таком виде. Ты всех перепугаешь. Пойдем, я позвоню Хейзлу».

(Звонить по телефону было уже не нужно, но старые привычки живут долго).

Когда они пришли к Дику на кухню, там, при свете лампы, Ньют заметил присмотревшись к Дику, что тот заgrimирован.

Хейзл, как пояснил Дик, показал ему, как накладывать грим. Да, это случилось со всеми, кроме Эдли, который впервые вошел в сарай только неделю назад.

«Чем же это кончится, Дик?» — смущенно спросил Ньют. Зеркало в прихожей притягивало его, как магнит, он представлял, что увидит язык, просвечивающий сквозь губы и щеки, увидит, как движется кровь по капиллярам под кожей лба. Прижав пальцем кожу на лбу, он рассмотрел кости черепа. На коже, придавленной пальцем осталась вмятина. На это больно смотреть.

«Не знаю, — ответил Дик. Он набирал номер Хейзл. — Впрочем, это не имеет значения. Рано или поздно это произойдет с каждым. Как и все остальное. Ты понимаешь, о чем я».

Все в порядке, он-то понимал. «Первые перемены, — думал Ньют, смотрясь в зеркало в то жаркое утро в понедельник, — всегда хуже; они шокируют, потому, что тебе кажется, что... ну, это случилось только с тобой».

Со временем он понял, что человек может привыкнуть ко всему, даже самому худшему, и деловито накладывал грим перед зеркалом.

Итак, он стоял в ванной, слушая сводки по радио. Одно радует, что горячий воздух с юга отступает, дня через три пойдут дожди, и жара спадет. Жара под девяносто градусов была для Ньюта убийственной — от нее его геморрой расходился еще больше, да и нашлак-левать шею, уши, нос, лоб, щеки и подбородок трудно, когда с тебя пот льется градом. Отвлекишись от погоды, и продолжая накладывать грим, он думал о том, что срок годности у этой косметики уже вышел (коробка с косметикой провалялась в шкафчике в ванной с тех пор, как умерла Элионор, то есть с февраля 1984 года).

Но он надеялся, что ему не придется пользоваться гримом слишком долго... перемены все нарастают, да и скоро все в Хэвене станут не лучше его. Один из оставшихся зубов, державшийся на честном слове, выпал, после чего струйка черной крови хлынула на пижамные штаны. Словно подтверждая свои доводы, Ньют Берринджер равнодушно стер ее и продолжал старательно накладывать косметику покойной жены на свое исчезающее лицо.

Вторник, девятое августа

Старый доктор Ворвик медленно накрыл простыней Томми Жаклина. Простыня чуть шевельнулась, потом замерла. Ясно просматривался заострившийся нос Томми. Да, он был красивым пареньком, но вот нос крупноват, совсем как у его деда.

«Его деда, — печально подумала Бобби Андерсон. — *Кто-то должен сказать его деду об этом, но найдется ли доброволец?*» Впрочем, это ее не беспокоило: она знала, что смерть Жаклина-младшего — только начало и что за то время, пока она с Гарденером доберется до дна, — за это время еще много чего случится.

Но она надеялась, что они успеют добраться вовремя.

«В сарай еще кто-нибудь заглянет... Это — все, что они могут сделать».

Она беспомощно теребила рубашку, потом чихнула.

В тот момент в маленькой импровизированной клинике доктора Ворвика, устроенной за его приемной, было абсолютно тихо; мертвая тишина нарушалась только прерывистым, как при астме, дыханием Хестер Бруклин, лежавшей на другой койке.

Кьюл:— А что, Томми *совсем мертв*?

— Нет, я просто накрыл его забавы ради, — сухо отрезал доктор Ворвик. — Заткнись лучше. Я уверен, что он отошел уже в четыре часа. Потому-то я и пригласил вас всех сюда. Черт возьми, вы ведь отцы города, не так ли?

В этот момент его взгляд остановился на Хейзл и Бобби.

— Простите. И еще две матери города.

Бобби невесело усмехнулась. В Хэвене стерлись различия между двумя полами. Нет ни отцов, ни матерей. Только бродят исчезающие бесполое существа, которые, можно сказать, встали на Великую Тропу «превращения».

Окинув взглядом Кьюла, Дика, Ньюта и Хейзл, она заметила, что все шокированы не меньше, чем она. Слава Богу, что хоть в этом она не одинока. Томми и Хестер вернулись вроде бы в полном порядке. Томми занемог через три часа после выезда из Трои; наверное, первые симптомы появились уже в дороге, так что он гнал, как только мог, чтобы успеть назад.

«*Этот мальчишка — просто герой, — подумала Бобби. — Душа, что самое лучшее, что мы можем сделать для него, это похоронить с почестями...*»

Она перевела взгляд на умирающую Хестер: «маска Гиппократ» уже появилась у нее на лице — кожа словно покрыта воском, глаза

закрыты, дыхание прерывистое. Им следовало вернуться — они могли вернуться, как только начались головные боли и стали рваться и кровоточить сосуды, но они даже не думали об этом. Вопреки кровотечению Хестер, страдавшая кровотечениями почти в течение всего времени «перемен» (в отличие от пожилых женщин, месячные у девушек-подростков практически не прекращались... да и теперь не прекращаются), попросила Томми остановиться у Большого универмага в Трое, чтобы купить гигиенические подушечки. Кровотечения почти обессилили ее. Однако, попутно они зашли в несколько магазинов и купили с десяток батареек.

Затем началась жуткая головная боль у Томми — еще хуже, чем у Хестер. К тому моменту им удалось купить еще дюжину батареек, а в магазине нового оборудования им попалась целая сотня, правда маломощных. Теперь они должны были добраться назад как можно быстрее. У Томми начались галлюцинации; ведя машину, он еле удерживался от того, чтобы не съехать в кювет, не врезаться в столб. Ему мерещились чудовища с серебряными долларами вместо глаз и батарейками вместо зубов, которые заглядывали в окна машины.

Когда они свернули на девятое шоссе, что ведет от Дерри до Хэвена, у Томми открылось кровотечение.

Он смущенно повернулся к Хестер и спросил, не даст ли она ему несколько подушечек. Он мог бы объяснить, для чего они ему нужны, если бы она спросила, но все же жутко смутился и не мог поднять на Хестер глаз: она дала ему штук пять, и он отошел на минутку в заросли. Он вернулся и повел машину, цепляясь, как пьяный, за руль дрожащими руками.

— Садись за руль ты, Хестер, — сказал он. — Мне что-то плохо.

К тому моменту, когда они въехали в город, Томми уже потерял сознание. Да и сама Хестер видела все как в полутьме; она знала, что в четыре часа вечера летом очень светло, но доктор Ворвик вынырнул, словно из густых сумерек. Она чувствовала, как он открыл дверь, обхватил ее за талию, приговаривая: *«Все в порядке, ты вернулась назад, теперь можно отпустить руль, мы в Хэвене»*. Она еще могла адекватно оценивать события, когда лежала на добрых и надежных руках Хейзл Маккриди, но, перенесенная в клинику, она, так же как и Томми, впала в забытие. Она уже не видела как склонился над ней док и как его седые волосы коснулись ее щеки.

Эдли Маккин прошептал:

— А что с девочкой?

— Ну, кровяное давление падает, — сказал Ворвик. — То есть, кровообращение останавливается. Она молодая и сильная. Крепкая

деревенская девочка. Я знал ее родителей и деда с бабушкой. Она выкарабкается.

Он обвел их своими мягкими, водянисто-голубыми глазами, взгляд которых словно проникал сквозь грим. В них светилось нечто, значительно подбодрившее их.

— Но я сомневаюсь, что зрение восстановится. — Мертвая тишина. Бобби прервала молчание.

— Это не так.

Док Ворвик взглянул на нее.

— Она снова будет видеть, — сказала Бобби. — Когда «перемены» завершатся, она прозреет. У нас у всех появится иное зрение.

Ворвик смотрел на нее, не моргая, потом его веки дрогнули.

— Да, — сказал он. — Я охотно верю. И все равно, очень досадно.

Бобби согласилась. «Тем хуже для нее. А для Томми совсем плохо, никакого тебе ложа из роз от благодарного народа. Я присмотрю за ними...»

Она попыталась посмотреть людям в глаза, но они косились в сторону, избегая ее.

— Ну, хорошо, — сказала Бобби. — Я попыталась. Кто со мной? Эдли Маккин подал голос:

— Думаю, могу поехать с тобой, если хочешь; составлю компанию.

Бобби одарила его своей «улыбкой мадонны» и похлопала по плечу.

— Спасибо, Эд.

Они вышли на улицу. Все остальные неотрывно следили за ними; когда Эд и Бобби скрылись из виду, все взоры обратились к Хестер Бруклин, лежащей в забытьи. На ум приходили софизмы о цене человеческой жизни, измеренной в батарейках...

...да, конечно, батарейки того стоят...

15

Среда, десятое августа

Несмотря на всю усталость, смущение, несмотря на то, что он накрепко вошел в роль Гамлета и — что еще хуже — не переставал чувствовать, что события в Хэвене идут к самому худшему, Джим Гарденер ухитрялся солидно выпивать, с того самого дня, как они с Бобби лежали, обнявшись на ковре хвои. Одной из причин был чисто спортивный интерес. Слишком уж много головных болей и кровотечений из носа. Несомненно, это влияние излучения, испускаемого

кораблем. Он не забыл, когда Бобби попросила его коснуться обшивки — в тот момент он ясно ощутил быстрые пронизывающие вибрации, но все же он достаточно поумнел, чтобы понять, что алкоголь тоже делает свое дело. И делает очень старательно — сегодня кровь шла носом уже трижды. Повышалась утомляемость, и хотя он себя убеждал, что приговоренный к веревке не утонет, он понимал, что выпивка добром не кончится.

Печальные размышления прервались, когда Бобби чихнула.

Этот звук, такой знакомый, пробудил в памяти вереницу воспоминаний, и внезапно пришедшая идея осветила его мозг, как взорвавшаяся бомба.

Он зашел на кухню и заглянул в стенной шкаф, проверяя, что Бобби одевала вчера вечером. Бобби не заметила этого досмотра. Она читала во сне.

В прошлый вечер Бобби исчезла без всяких объяснений — Гарду показалось, что она взвинчена и расстроена, и, хотя они оба работали изо всех сил весь день, за ужином у нее не было аппетита. Уже в сумерках она оделась и ушла в жаркую, душную темноту. Гард слышал, что она вернулась около полуночи, заметил также, что она зажгла свет в сарае.

Весь следующий день она казалась измученной, говорила только для того, чтобы не молчать... Гард пытался расшевелить ее, но безрезультатно. Проглотив суп за ужином, она только мотнула головой, когда Гарденер предложил свежую котлету, как в старые добрые времена.

Глаза Бобби, смотрящие сквозь плотный слой грима, казались влажными от слез. Когда Гард заметил это, она выложила на стол пригоршню таблеток и чихнула несколько раз подряд.

— Сенная лихорадка должно быть. Пойду спать, Гарденер. Извини, если испортила вечер, но я засыпаю.

— Хорошо, — отозвался Гард.

Теперь все изменилось. Приход *новых* времен отразился даже на их манере одеваться. Они надевали что-нибудь, только когда это было необходимо. На фоне всех свершившихся событий это стало совершенно неважно.

Словно подтверждая эту мысль, Бобби дважды чихнула во сне.

— Не надо, — прошептал Гарденер. — Пожалуйста, не надо.

Он сунул платье обратно в шкаф, не желая держать его в руках. Он тихо закрыл дверь, боясь что скрип разбудит Бобби.

Она взялась за что-то, что ей не по плечу. И это изматывает ее. Дело достаточно официальное, раз для него ей потребовалось платье. Она поздно возвращается и заходит в сарай. И не заходит

в дом, чтобы переодеться. Идет туда, словно выполняя свой долг. Почему?

Ответ был прост — «утешение».

А если Бобби, которая всегда жила одна, нуждается в утешении, кто может ей дать его? Гард? Не смешите, Гард сам *нуждается* в заботе, если на то пошло.

Его потянуло выпить. С тех пор, как он ввязался в это сумасшедшее дело, тяга к спиртному усиливалась.

Забудь об этом. Он двинулся на кухню, где у Бобби хранилась выпивка.

Тут он рассмотрел нечто, выпавшее из платяного шкафа. Наклонился, поднял и задумчиво взвесил в ладони этот предмет. Ну конечно же зуб. Второй зуб мудрости. Ощупав десны, он нашел свежую ранку. Закрыв кухонную дверь, Гард прислушался. В спальне ворочалась Бобби, посапывая.

Сенная лихорадка, она сказала. Может быть. Может быть.

Ему вспомнился Питер, ставящий передние лапы на колени к Бобби, сидящей в качалке у окна. Питер ухитрялся испачкать лапы даже в сухую погоду. Вряд ли Бобби могла схватить насморк в сухую и жаркую погоду. Впрочем, у нее и тогда бывала сенная лихорадка. Обычно она трепала Питера за уши, укоряя *«Ты что, Питер, хочешь чтобы я зачихала?»*

Когда она спрашивала: *«Несчастье не приходит одно, верно, Пит?»*, Пит улыбался так выразительно, как только может улыбаться гончая.

Он вспомнил, что проснулся в тревоге, когда Бобби вернулась вчера, а вернее, сегодня ночью (всему виной тот зловещий зеленый свет, льющийся из ее глаз), когда за окном раздавались раскаты грома и сверкали вспышки молний.

Ему пришло на ум, что *иногда и Питер* нуждался в заботе и уюте.

Особенно во время грозы. Пит смертельно боялся громких звуков. А раскаты грома повергали его в ужас.

Боже милосердный, а не перевела ли она Питера в сарай? А если это так, то ПОЧЕМУ?

Он обнаружил зеленые пятна от травы на платье Бобби.

И волосы.

Очень знакомые коричневые и белые шерстинки. Стало быть, Питер в сарае, и он провел там все это время. *Бобби врала*, когда говорила, что Питер отдал концы. Одному Богу известно, что еще она скрывает... но почему?

Почему?

Гард понятия не имел.

Он повернулся и подошел к буфету и отыскал там непечатую бутылъ шотландского виски, вынул пробку. Встряхнул бутылку, приговаривая:

— Вот он, лучший друг человека.

Он отхлебнул из горлышка, потом проглотил, смакуя...

Первый глоток.

Питер. Что за ерунду ты затеяла с Питером, Бобби?

Он намерен напиться.

Вдрызг.

И прямо сейчас.

Книга третья ТОММИНОКЕРЫ

*Встречайте нового босса.
Точно такого, как старый босс.*

The Who,
«Теперь нас не обманешь»

*Наверху, на высокой горе:
Гром, колдовская пена,
Пусть люди узнают мудрость мою,
Заполни землю туманом.
Беги сквозь джунгли...
Беги без оглядки.*

Creedence Clearwater Revival,
«Беги сквозь джунгли»

Я спала, и я мечтала. В это время нигде не было маскировки. Я была злобной женско-мужской карликовой фигурой, принципом неразрушения удовольствия; и моим двойником был Сол, женщино-мужчина, мой брат и моя сестра, и мы танцевали в каком-то открытом месте, под огромными белыми зданиями, которые были наполнены отвратительными, угрожающими, черными машинами, вмещавшими разрушение, но в мечтах он был я, или она была я, были дружны, мы были не враждебны, мы были вместе в язвительной злобе. В мечтах была ужасная тоскливая ностальгия, страстное желание смерти. Мы сошлись вместе и целовались любя. Это было ужасно, и даже в мечтах я это знала. Потому что я распознал в этой мечте те другие мечты, которые были у всех нас, когда сущность любви, нежности сконцентрирована в поцелуе или ласке, но сейчас это была ласка двух получеловеческих созданий, праздновавших разрушение.

Дорис Лессинг,
«Золотой дневник»

Глава 1 СИССИ

1

— Надеюсь, вам понравился полет? — сказала стюардесса 40-летней женщине, покидавшей самолет «Дельта» рейса 230 вместе с тонкой струйкой других пассажиров, которые торчали всю дорогу до Бангора, пункта назначения рейса 230.

Сестра Бобби Андерсон, которой было 40, но которая рассуждала как 50-летняя и выглядела так же (Бобби сказала бы, что то редкое время, когда она была в форме, Энн мыслила как женщина, которой 50, хотя ей было 13 или около того), остановилась и пригвоздила стюардессу таким взглядом, который мог бы остановить часы.

— Хорошо, я скажу тебе бэби, — сказала она. — Мне жарко. У меня привкус во рту, потому что самолет опоздал с прилетом в Ла Гарбасс и затем в Логан. Все время трясло и, вообще я ненавижу самолеты. Стажера отправили назад в Ливенсток Гласс, и за время полета я получила только стакан апельсинового сока. Мои трусики прилипли к заднице и теперь в этом маленьком городишке все дураки начнут трепать языками как петухи в Новой Англии. Другие вопросы?

— Нет, — ответила стюардесса.

Ее глаза остекленели, и она внезапно ощутила себя так, как если бы сделала три быстрых круга с Бум-бум Манчини в день когда, он был сильно пьян. Это был эффект Энн Андерсон, который она производила на людей.

— Всего хорошего, дорогуша.

Энн прошла мимо служащего и направилась к выходу, раскачивая в руке большую кричаще-бордовую багажную сумку. Служащая даже не пожелала ей хорошей остановки в Бангоре. «Пустой номер», — подумала она. Леди выглядела так, как будто она всегда была сильно не в духе. Она шла прямо, но выглядела как женщина, которая двигалась, несмотря на свою боль, и была похожа на

русалочку, прогуливающуюся по берегу, хотя на каждом шаге в ноги ей впились ножи. Служащая подумала, — *если эта детка започлужила свою Верную Любовь, то, я надеюсь, он-то хорошо все взвесил.*

2

Служащая «Эвиса» сказала Энн, что не дает автомобилей напрокат, если Энн не сделала заказ заранее, так что она сожалеет и просит прощения. Летом в Штате Мэн автомобили напрокат были большой редкостью.

Это было ошибкой с ее стороны. Первой ошибкой.

Энн мрачно улыбнулась, мысленно всплеснув руками. Ситуация была жизненно важной для Энн, ухаживающей за своим отцом до самой его смерти, мучительной смерти первого августа, восемь дней назад. Она отказалась уступить его клинике, предпочитая сама ухаживать за ним, лечить пролежни, менять белье и посреди ночи давать лекарства. Конечно, это она довела его до финального удара, заставив переживать о продаже дома на Лейтон-стрит. (Он не хотел этого, но она решила, что будет так, как решила она. Последний чудовищный удар, случившийся после трех предыдущих, произошедших в течение двух лет, произошел через три дня после того, как дом был выставлен на продажу.) Она не предполагала этого: несмотря на то, что посещала церковь Св. Барта в Ютике всегда с раннего детства и была одной из ведущих прихожанок в этой прекрасной церкви, она верила в то, что идея Бога это кусок дерьма. Когда Энн было 18 лет, она подчинила себе мать, а сейчас уничтожила отца и равнодушно смотрела на его гроб. Ей понадобилось десять минут, чтобы сломить сопротивление служащей, унехав нарастающий в той страх, несомненно, так же, как голодный хищник учуял бы запах крови. Она отвергла предложенную легковую машину, которую «Эвис» держал в резерве для случайных — совершенно случайных — знаменитостей, проезжающих через Бангор и торопящихся. Через двадцать минут автомобиль был готов, и Энн спокойно выехала за пределы Бангор Интернэшнл на роскошном «Гатласе», зарезервированном для бизнесмена, прилетающего на самолете в 6.15. В это время служащей уже не будет на работе, кроме того, она была выведена из равновесия и ее ничего не заботит, даже если бы «Гатлас» был предназначен для президента США. Она дрожь проследовала во внутренний офис, закрыла дверь, заперла ее, поставила к ней стул и закурила; тут один из приборов повалился на нее. Тогда она разрыдалась. Энн Андерсон производила подобный эффект на множество людей.

Когда произошло съедение служащей, было три часа.

Энн поехала напрямик в Хэвен. На карте, которую она получила в конторе «Эвиса», указывалось, что ехать нужно около 50 миль, но она хотела быть абсолютно свежей для встречи с Робертой.

На перекрестке улиц Хомонд и Юнион стоял полицейский — светофор был испорчен, и она подумала, что это типично для маленьких городишек, — и она остановилась на полпути спросить у него расположение ближайшего отеля или мотеля в городе. Полицейский намеревался запротестовать, навести порядок в движении и спросить объяснений, но поймал ее взгляд — пламенный взгляд, проникающий в рассудок — и решил, что займет меньше времени, дав ей указания и избавившись от нее.

Эта дама смотрела, как та собака, которую полицейский знал в детстве, собака, которая ради забавы рвала штаны детям, идущим мимо в школу. Незачем ввязываться в перебранку, когда с температурой и язвой и так было горячо.

Он направил ее в отель «Ситискейп» на седьмом шоссе и был рад увидеть зад ее удаляющейся машины.

Отель «Ситискейп» был полон, но это не беспокоило сестру Энн, она сняла двухкомнатный номер, затем пристала к хозяину, чтобы ей предоставили другой номер, так как в этом трещал кондиционер и еще цвета в телевизоре очень плохие. Она сказала, что все актеры смотрятся так, будто они наелись дерьма и собираются умирать.

Окончательно устроившись, она мастурбировала неумолимо, неистово, до полной кульминации с помощью вибратора, близкого по размерам к одной из морковей-мутантов в саду Бобби (она получила сильный оргазм жестоко-мрачного типа; она никогда не была в постели с мужчиной и никогда не собиралась), приняла душ, подремала, затем пошла обедать.

С мрачным видом она изучила меню, затем обнажила зубы в беззлобной усмешке официанту, который подошел за ее заказом.

— Принесите мне сырых овощей, покрытых листьями.

— Мадам, желает соль?

— Мадам, желает связку сырых овощей. Я не беру дерьма, которое вы предлагаете всем. Вымойте их перед тем, как подать, а то еще получу какую-нибудь болезнь. И пришлите мне «сомбреро».

— Да, мадам, — сказал официант, облизнув губы. Люди смотрели на них, и некоторые из них смеялись... но те, кто заглянул ей

в глаза, быстро умолкали. Официант пошел было прочь, но она позвала его обратно, ее голос был громок, ровен и неоспорим.

— «Сомбреро»... — сказала она, — ...готовится со сливками. Повторяю: со *сливками*. Если вы мне принесете «сомбреро» с молоком, дружок, я вылью все это на вас.

Кадык официанта запыгал вверх-вниз, как обезьяна под хлыстом. Он попытался напустить на себя аристократический вид и жалко улыбнулся, что было главным оружием против грубых посетителей. Затем губы Энн расплзлись в мертвой усмешке. Это была усмешка убийцы.

— Я найду способ, дружок, — сказала сестра Энн мягко. Официант поверил ей.

5

Она возвратилась в свою комнату в 7.30, разделась, сняла платье и посмотрела наружу из окна четвертого яруса. Несмотря на свое название, отель «Ситискейп» был фактически на окраине города. Вид, открывшийся Энн снаружи, был за исключением маленького светлого участка почти полностью темным.

Капсулы амфетамина были в ее сумочке. Энн взяла одну из них, открыла ее, высыпала белый порошок на зеркало от пудреницы, провела заметную линию коротким ногтем и втянула половину от этого. Ее сердце тут же забилося в груди, как у зайца. Румянец расцвел на ее бледном лице. Она начала пользоваться наркотиками после того, как отца постиг удар. Сейчас она обнаружила, что не может заснуть без этой дряни, что было диаметрально противоположно болеутоляющему действию. Она стала маленькой девочкой — очень маленькой девочкой. Ее мать раздраженно орала на нее: «Заткнись, не перечь, а то получишь взбучку».

Энн тогда правильно предполагала, и это было верно сейчас...

Мать бы не посмела сказать это сейчас, конечно.

Энн мельком взглянула на телефон. Только что она вспомнила Бобби, один взгляд на него заставил ее вспомнить о Бобби, о том, как она отказывалась прийти на похороны отца не словами, а трусливым образом, что было для нее типично, просто не обращая внимания на настойчивые попытки Энн обращаться к ней. Она звонила дважды в течение следующих суток, затем стало ясно, что это бесполезно. Телефон не отвечал все время. Она звонила после того, как умер ее отец, в 1.04 утра второго августа.

— Я хотела бы попросить Роберту Андерсон, пожалуйста, — сказала Энн. Она стояла около телефона-автомата в прихожей солдатского госпиталя в Ютике. Ее мать сидела не далеко на пласти-

ковом стуле в окружении бесконечных братьев и сестер с бесконечно ирландско-картофельными лицами, все плакали и плакали, и плакали. — Прямо сейчас.

— Бобби? — спросил пьяный голос на другом конце. — Ты хотела старого хозяина или нового, усовершенствованного?

— Избавь меня от своего дерьма, Гарденер.

— Ее отец...

Пьяный, это был Гарденер, теперь она узнала его, прервал ее.

— Сейчас невозможно говорить с Бобби.

Была одна вещь среди телефонных переговоров, которую она ненавидела больше всего, — это прерывность разговора.

— Она где-то шляется с далласской полицией, у них у всех новенький и лучшенький босс.

— Ты скажи ей, что ее сестра Энн...

Клик!

Холодный гнев свернулся комком в ее горле. Она повесила трубку и посмотрела на нее, как женщина смотрит на змею, которая хочет ее укусить. Ее ногти медленно багровели. Вещь, которую она больше всего ненавидела, это когда клали трубку на полуслове.

6

Она позвонила еще раз, но в это время, после длинной паузы, телефон выдал странный гудок в ее ухо. Она повесила трубку и возвратилась к своей плачущей матери и своим родственникам.

— Ты застала ее, Сисси? — спросила мать.

— Да.

— Что она сказала? — Ее глаза выпрашивали у Энн хороших новостей. — Она сказала, что возвратится на его похороны?

— Я не могу дать однозначный ответ, — сказала Энн и все ее бешенство на Роберту — Роберту, которая имела смелость пробовать ускользнуть, — внезапно лопнуло в ее голове, но не громко. Энн никогда не будет тихой и громкой.

Акулья усмешка появилась на ее лице, и так тихие родственники стали безмолвными и тревожно посмотрели на Энн. Две пожилые леди ставили свои розы.

— Она сказала, что была рада, что он умер. Затем рассмеялась и повесила трубку.

Это было мгновение оглушающей тишины. Паула Андерсон закрыла уши руками и пронзительно закричала.

Энн не сомневалась — по крайней мере сначала, — что Бобби хотела бы быть на похоронах. Энн надеялась, что она была бы там. Энн всегда получала, что она хочет, это делало мир прекрасным для нее, и это были дорогие вещи, понравившиеся ей. Когда Роберта придет, она будет поставлена перед лживым рассказом Энн — вероятно рассказала бы не их мать, которая слишком растрогалась бы от радости увидеть ее, а сослался бы на это (или, что вероятно, даже вспомнил бы об этом), конечно, один из твердящих одно и то же дядюшек. Бобби отрицала бы, тогда твердящие одно и то же дядюшки ушли бы. Если твердящие одно и то же дядюшки не будут очень пьяны, то всегда была хорошая вероятность с младшими братьями — они помнили бы утверждение Энн, а не отрицание Бобби. Это хорошо. Прекрасно даже. Но не совсем. Это было время ожидания, что Роберта возвратится домой. Не совсем для похорон; для добра. Она должна посмотреть. Оставить это для Сисси.

Сон не легко приходил к Энн этой ночью в «Ситискейпе». Частично из-за чужой кровати, частично из-за еле слышного бормотания телевизора в другой комнате и из-за ощущения близкого присутствия других людей, (предыдущие попытки заснуть были в другой комнате этого муравейника, где комнаты не квадратные, а шестиугольные) частично из-за того, что завтра ожидался чрезвычайно напряженный день, но, главным образом, из-за попытки Бобби игнорировать ее. Это были то, что она ненавидела больше всего, от таких маленьких глупостей больше всего неприятностей. До сих пор Бобби была основной ее помехой, из-за нее потребовалась эта дурацкая поездка, в то время, когда прогноз погоды предвещал полосу сильной жары, какой не было в Новой Англии с 1974 года.

Через час после ее обмана матери, дядюшек и тетюшек по поводу приезда Бобби, она попробовала проверить телефон, на этот раз из лавки гробовщика (ее мать уже приковыляла домой, где, как предполагала Энн, они присели с ее сестрой Бетти, выпили на пару дерьмового винца... и голосят над покойником, которого сами и съели).

Она позвонила оператору и внесла переполох на линии.

— Мне требуется срочная проверка работы линии, определите нарушение и скорректируйте, — сказала Энн. — У меня умер отец, и я хочу достать мою сестру рано или поздно.

— Да, мадам. Вы дадите мне номер вашего телефона?

— Я звоню из похоронного бюро, — сказала Энн. — Я пришла выбирать гроб для моего отца, затем я пойду спать. Я позвоню утром. Просто обеспечьте мне звонок, милая.

Она повесила трубку и повернулась к гробовщику.

— Сосновый гроб, — сказала она. — Самый дешевый, который есть.

— Но, мисс Андерсон, может, вы все-таки подумаете?

— Я не хочу думать, — пролаяла Энн. Она начала чувствовать приближение приступов мигрени.

— Но... — гробовщик был поражен.

— Я только прошу прислать мне самый дешевый сосновый гроб и хочу уйти из вашей гребаной лавки, у вас воняет покойниками...

— Но вы посмотрите...

— Я вижу, что вы утомили меня, — сказала Энн и вытянула свою чековую книжку из сумочки. — Сколько?

9

Следующим утром телефон Бобби работал, но не отвечал. Это продолжалось весь день. Энн раздражалась все больше и больше. Около 4 часов пополудни, очнувшись и переполнившись раздражением, она позвонила в главный узел штата Мэн и сказала оператору, что она хотела бы номер хэвенского полицейского департамента.

— Так... там нет полицейского департамента, но у меня есть номер хэвенского констебля, хотите?

— Да. Давайте это мне.

Оператор продиктовал ей телефон. Энн позвонила. Телефон звонил... звонил... звонил. Тон звонков был точно такой же, как тон, когда она звонила домой, где ее мягкотелая сестра скрывалась последние 13 лет или около того. Кто-то мог бы подумать, что звонки были в той же самой телефонной трубке.

Она фактически забавлялась этой мыслью, чтобы через мгновение отмести ее в сторону. Но подавившись такой параноидальной мыслью даже на мгновение, она почувствовала, что ее жизнь опять стала «не такой», и пришла в обычное раздраженное состояние. Звонки звучали одинаково потому, что, похоже, эта маленькая захолустная телефонная компания закупила одинаковое телефонное оборудование, вот и все.

— Ты застала ее? — спросила Паула, робко подходя к двери.

— Нет. Она не отвечает. Городской констебль не отвечает, я думаю, весь гребаный город попал в бермудский треугольник. Господи!

Она сдула локон волос со своего потного лба.

— Каких друзей? С кем эта сумасшедшая проводит ночи?

— Сисси? Ты не знаешь?

— Я знаю, кто одно время отвечал на телефонные звонки, — жестко ответила она. После жизни в их семье — это облегчение для меня разговаривать с мужскими пьяными голосами.

Ее мать ничего не сказала, она дошла до слез; дрожа замолкла, одна рука застыла на воротничке ее черного платья, и это сделало ее похожей на Энн.

— Нет, он там, и они вместе, и знают, что я звоню, чтобы связаться, и почему и они стараются оправдаться, что так срано со мной поступили.

— Сисси, я требую, чтобы ты не употребляла таких выражений!

— Заткнись, — завопила на нее Энн. Энн снова набрала номер телефона. В то время, когда она звонила на центральный узел, она спросила номер хэвенского мэра. Они не знали ни одного из них, был только номер городского управляющего или, как там можно назвать, этого мудака. Приглушив негромкое звяканье, похожее на царапанье крысы по стеклу, когда оператор смотрит на свой компьютерный экран, ее мать исчезла. Из другой комнаты доносились театральные рыдания и завывания, свойственные ирландцам в городе. Энн подумала, что подобно ракете «Фау-2» ирландские поминки подогреваются огненной жидкостью, и в обоих случаях жидкость одна и та же. Энн закрыла глаза. Ее голова гудела. Она поставила зубы вместе. Это послужило причиной резкого металлического привкуса. Она закрыла глаза и вообразила, как хорошо, как прекрасно было бы прооперировать лицо Бобби ногтями.

— Ты по-прежнему здесь, дорогуша, — сказала она, не открывая глаза. — Или ты уже рванула в ватерклозет.

— Да, у меня...

Оператор ушел, а робот извергал из себя монотонные ругательства. Энн набрала номер. Она предполагала совершенно точно, что ответа не будет, но трубку подняли сразу.

— Городское управление. Ньют Берринджер здесь.

— Хорошо, я там некоторых знаю. Меня зовут Энн Андерсон. Я звоню из Ютики, штат Нью-Йорк. Я пыталась звонить вашему констеблю, но, очевидно, он уехал на работу. Голос Берринджера был ровным.

— Ой! Мисс Андерсон. Она внезапно умерла в прошлом месяце. Офис пустует. Вероятно, до сих пор все на митинге в соседнем городке.

Это мгновенно остановило Энн и сосредоточило внимание на другом, что больше заинтересовало ее.

— Мисс Андерсон? Откуда вы знаете, что я мисс, Берринджер?

Паузы не возникло. Берринджер сказал:

— Вы не сестра Бобби? Если это так, то, если бы вы были замужем, вы не были бы Андерсон, не так ли?

— Откуда вы знаете Бобби?

— Каждый в Хэвене знает Бобби, мисс Андерсон. Она наша знаменитость. Мы гордимся ею.

Эта мысль для Энн была ложкой дегтя. Наша знаменитость. Мы гордимся ею.

— Хорошая работа, Шерлок. Я пыталась дозвониться до нее или до кого-нибудь другого, чтобы он передал ей, что ее отец умер и похороны состоятся завтра.

Она надеялась на вежливую официальную сентиментальность — в конце концов он знал Бобби, но не получила.

— Были небольшие неполадки с телефоном в ее районе, вот и все, — сказал Берринджер. Энн снова была на мгновение выбита из колеи (Энн никогда не оказывалась выбитой из колеи надолго). Разговор продвигался не так, как она ожидала. Ответы этого мужчины были странными, слишком сдержанными, даже для Энн. Она попыталась представить его. Получилось что-то странное, если судить по его голосу.

— Дайте мне ее телефон! Ее мать выплакала свои глаза в другой комнате, она почти свалилась от нервного напряжения, и, если Роберты не будет здесь во время похорон, я думаю, она свалится.

— Так я не имею права дать ее телефон, мисс Андерсон, — возразил Берринджер, выходя из себя и медленно растягивая слова. — Она взрослая женщина. Но я несомненно передам ей ваше сообщение.

— Может быть, лучше дадите номер? — сказала Энн, мысленно стиснув зубы. — Наш номер не изменился, но она так редко звонила, что могла и забыть его. Это...

— Не надо, — перебил Берринджер. — Если она не помнит, есть возможность оставить для вас сообщение на центральном узле, не так ли? Я думаю, это все, чем могу вам помочь.

Энн ненавидела телефон, потому что он передавал лишь часть от ее безжалостно сильной индивидуальности. В такие моменты, как этот, это доводило ее до огромной ненависти.

— Слушай, — заорала она. — Я думаю, ты не понимаешь...

— Спасибо, понимаю, — сказал он. За последние три минуты он уже дважды перебил ее. — Я хочу пойти пообедать и передам, что вы звонили. Спасибо за звонок, мисс Андерсон.

— Слушай...

Но уже наступил конец. Он делал вещи, которые она слишком ненавидела. Энн встала и подумала, что было бы неплохо, если бы того, с кем она только что говорила, заживо задрали бы дикие собаки.

Она заскрежетала бешено сжатыми губами.

Бобби не перезвонила ей в полдень. И не перезвонила в тот вечер, когда носилась пьяная «Фау-2». И не позвонила вечером, когда она вернулась на работу. Ни в два часа ночи, когда последние подгулявшие загружались в свои машины, чтобы внушать страх другим водителям по дороге домой.

Энн приписывала ночную бессонницу шомпольной прямоте ее кровати, пружины которой негромко скрипели, как маленькая бомба, заглушая скрип ее зубов и царапанье ногтей по ладоням. Она не спала и обдумывала план мщения.

Ты вернешься, Бобби, о да, ты вернешься и когда ты ...

Если она не позвонит на следующий день, Энн отложит похороны, несмотря на слабые стенания матери. Наконец Энн перевернулась и хмыкнула: «Я буду решать, что и когда мы будем делать. И помни: все это из-за этой шлюшки, которая даже не почесалась, чтобы позвонить. А сейчас оставь меня в покое». Ее мать исчезла.

Этой ночью она проверила первый номер Бобби, затем контору членства городского управления. По первому номеру был непрерывный гудок. По второму она получила записанное сообщение. Она терпеливо подождала, пока прогудит гудок, и затем сказала: — «Это Боббина сестра снова, мистер Берринджер, сердечно надеюсь, что вы заболаете сифилисом, который не определите до тех пор, пока ваш нос не провалится и ваши яйца не почернеют».

Она снова позвонила на главный узел и узнала еще три номера: номер Ньюта, номер Смита (Любого Смита, дорогуша, в Хэвене должны быть Смиты) и Брауна. По всем трем она услышала все тот же непрерывный гудок.

— Вот дерьмо, — выругалась Энн и грохнула трубку о стену.

А наверху в своей постели ее мать плакала и надеялась, что Бобби не появится дома... по крайней мере до тех пор, пока у Энн не улучшится настроение.

11

Она отложила похороны и погребение еще на один день.

Родственники начали выражать недовольство, ну и на здоровье. Энн было на них наплевать. Руководитель похорон взглянул на нее и решил, что старина может погнить в своем сосновом ящике еще немного, прежде чем он возьмется за дело. Энн, которая провисела целый день на телефоне, могла бы поздравить его за такое мудрое решение. Ее ярость не знала предела. Сейчас все телефоны в Хэвене вышли из строя.

Она не могла отложить похороны еще на один день, и она знала это. Бобби выиграла это сражение, хорошо, пусть будет так, но она не выиграла войну. О, нет. Если бы она так думала, то эту сучку ожидали бы крупные неприятности — и очень крупные.

Энн купила билет на самолет, но уверенно — один из Нью-Йорка до Бангора... и два обратных.

12.

Она должна была бы полететь в Бангор на следующий день. Это было возможно, билет был. Но ее идиотка-мать упала на черной лестнице и сломала бедро. Шин О'Кейс однажды сказал, что, когда вы живете с ирландцами, вы маршируете в параде дураков, и, Боже мой, как он был прав.

Крик матери заставил Энн войти с заднего двора, где она, лежала на шезлонге и обдумывала свои планы сохранения Бобби в Ютике, если уж она заполучит ее сюда. Мать развалилась внизу на узкой лестнице. Первая мысль Энн была — оставить глупую, старую сучку лежать там до тех пор, пока обезболивающее действие кларета само не проявится. От новой вдовы пахло как из винного погреба.

В этот ужасный момент Энн поняла, что все ее планы придется изменить, и подумала, что их мать действительно могла сделать это нарочно — напиться, чтобы подстегнуть себя, и потом не просто упасть, а скатиться вниз. Зачем? Да, конечно же, чтобы удержать ее вдали от Бобби.

Ничего у тебя не получится, — подумала она, направляясь к телефону. — Ничего у тебя не получится. Если мне что-нибудь нужно, если я что-то наметила, то так оно и будет. Я собираюсь в Хэвен и хочу пустить там пыль в глаза. Я собираюсь забрать Бобби оттуда и, клянусь, они там запомнят меня надолго. Особенно эта деревенщина, которая прицепилась ко мне. Она подняла трубку и набрала номер Медикса, он был приклеен к телефону еще с тех пор, когда ее отца первый раз хватил удар — она набрала его быстрыми нервными ударами пальцев. Зубы ее скрежетали.

13

Итак, к концу 9 августа она смогла уехать. В промежутке никаких известий от Бобби не было, и Энн не пыталась добраться каким-либо способом до нее или до этого провинциального управляющего, или этого ее дружка из Трои. Оставим их всех в покое на время. Зато потом будет очень здорово.

Сейчас она была здесь, в отеле «Ситискейп», и... скрипела зубами.

Она всегда скрипела зубами. Иногда это было так громко, что по ночам будило ее мать, а иногда даже отца, который спал настолько хорошо, что не слышал ничего. Ее мать как-то беседовала с доктором на эту тему, когда Энн было всего три года. Этот парень, почтенный медик с севера штата Нью-Йорк, был крайне удивлен. Задумавшись ненадолго, он неуверенно сказал:

— Я думаю, что вам это кажется, миссис Андерсон.

— Но это можно проверить, — сказала Паула. — Мой муж тоже слышал это.

Они посмотрели на Энн, которая сооружала нечто вроде шатающейся башни. Она работала спокойно, без тени улыбки. Когда она добавила шестой кирпич, башня обрушилась, и когда она начала ее восстанавливать, они оба услышали звук скрипящих зубов Энн.

— Она все время делает это во время сна? — спросил доктор.

Паула Андерсон кивнула.

— Я думаю, что это пройдет, — сказал доктор. — Это совершенно безвредно.

Но, разумеется, это не прошло и не было безвредно. Это был так называемый *бруксизм* — болезнь, которая подобно сердечным приступам, ударам и язвам часто поражает решительных, самоуверенных людей. Молочные зубы Энн уже давно заметно разрушились. Ее родители прокомментировали этот случай, а потом забыли об этом. Но к тому времени личность Энн стала проявляться и в другом. Она управляла семьей Андерсон так, как ей хотелось, и они уже стали потихоньку к этому привыкать, так же, как к ее скрипу зубами по ночам.

Когда Энн было девять, семейный дантист объяснил, что дальше может быть еще хуже, но настоящие проблемы начались, когда ей исполнилось пятнадцать. К тому моменту она искрошила свои зубы до самых нервов, и они причиняли ей жуткую боль. Дантист сделал ей коронки из резины, потом из акрила. Она называла эти приспособления «ночные стражи» и надевала их всякий раз, когда ложилась спать. В 18 лет она установила металлические коронки на большинство верхних и нижних зубов. Андерсоны не могли позволить себе это, но Энн настояла. Они хотели отговорить ее, но она не позволила ее скряге-отцу вывернуться, хотя, когда ей пошел 21-й год, он и попытался сказать: «Ты уже взрослая Энн, это твои проблемы. Если хочешь коронки, сама оплачивай счета».

Она хотела золото, но это было действительно за пределами их возможностей.

В течение нескольких последующих лет редкие улыбки Энн приобрели некоторый загадочный характер. Людей обычно это

отталкивало. А она, наоборот, получала большое удовольствие от их реакции и, когда она видела этих злодеев-евреев в последних фильмах про Джеймса Бонда, она смеялась до упаду — этот неприличный взрыв возбуждения заставил ее почувствовать себя некоторым образом больной, но она поняла точно, почему, когда огромный бородатый мужик впервые обнажил свои стальные зубы в акульей улыбке, и люди отшатывались от него. Она даже почти пожалела, что металл ее коронок был покрыт сверху фарфором. И тем не менее, думала она, не надо показывать себя настолько открыто. Это будет неразумно — открыть себя полностью. Возможно, лучше и не подавать виду, что ты можешь прогрызть дубовую дверь насквозь, если ты захочешь этого.

Помимо бруксизма зубы Энн всегда оставляли желать лучшего как из-за хлорированной воды Ютики, так и из-за собственного к ним отношения (она часто чистила зубы, даже не вынув жевательной резинки). И это все было скорее особенностью ее личности, чем собственно психологии. На нервный стресс сильнее всего реагируют мягчайшие части человеческого тела — живот и жизненно важные органы и твердейшие — зубы. Энн была хроническим примером последнего. Ее рот был постоянно сух, язык — почти бел. Без омывающего потока слюны остатки любой пищи немедленно приводят к кариесу. К той ночи, когда она спала тяжелым сном в Бангоре, у Энн оставалось менее двенадцати унций амальгамы во рту — в редком случае она спокойно проходила через детектор металла в аэропорту.

Последние два года она начала терять зубы из-за фанатического желания сохранить их: два верхних справа и три нижних слева. Она специально отправилась в Нью-Йорк, чтобы провести дорогостоящую операцию по установлению специального моста, крепящегося тончайшими имплантированными титановыми винтами.

Конечно, у нее было не так много металла в голове, как у Гарда (его пластинка *всегда* звенела при прохождении детектора металла).

Таким образом, она спала и не знала, что является членом эксклюзивнейшего клуба: людей, способных въехать в Хэвен, сохраняя при этом микроскопический шанс остаться в живых.

14

На следующее утро она уехала в Хэвен во взятом напрокат автомобиле. Она сделала неправильный поворот, но все равно подъехала к хэвенской границе в 9.30.

Где-то на последних 15-20 милях до Хэвена местность вокруг нее стала пустынной и сонной в удушающей летней жаре, нехорошее предчувствие и нервозность улетучились. У нее разболелась голова.

Сначала это была незначительная, пульсирующая боль, но она быстро увеличилась в знакомые боли почти как при мигрени.

Она пересекла границу города и въехала в Хэвен.

К тому времени, как она добралась до центра, она полагалась только на собственную силу воли и ни на что больше. Головная боль утихала и накатывала вновь.

В какой-то момент ей послышался ужасно искаженный мотив, который она сама запела, но это должно быть была всего лишь игра воображения или следствие головной боли. Она едва замечала людей на улицах в маленькой деревушке, но не могла не заметить, что все они поворачивались и смотрели на нее, а не друг на друга.

Она слышала шум машины где-то в лесу — звук был далекий и призрачный.

«Гатлас» начало заносить из стороны в сторону по пустынной дороге. Образы удваивались, утраивались, самопроизвольно сливались, а потом опять удваивались и утраивались.

Кровь незаметно заструилась из уголков рта.

Она держалась за одну мысль на этой дороге, на девятом шоссе, и ее фамилия будет написана на почтовом ящике...

К счастью, дорога была пустынной. Хэвен еще спал в лучах утреннего солнца. 90% всего загородного движения было перекрыто, и это было хорошо для Энн, чью машину сильно бросало из стороны в сторону, левые колеса поднимали клубы пыли с одной стороны обочины, правые — с другой стороны. Не заметив, она сбила указатель поворота.

Молодой Эшли увидел ее приближение и убрал свой велосипед на осматрительное расстояние от дороги и находился на северном пастбище до тех пор, пока не проехал Джастин Хард.

(женщина, это женщина, а я не могу слышать ее, я только чувствую ее боль).

Сотни голосов ответили ему, успокаивая.

(мы знаем, Эшли, все нормально).

Эшли усмехнулся, по-детски обнажая десны.

15

Ее желудок взбунтовался.

Ей удалось высунуться в окно и заглушить двигатель, перед тем как ее вывернуло наизнанку. Болела голова, но она привыкла к этой боли. Ее рвало утренним завтраком. Скорей всего это было отравление. Ее отравили. Она повисла на окно полуоткрытой двери, склонившись наружу; она смогла выпрямиться и захлопнуть дверцу. Голова была затуманена, и она подумала, что это был завтрак — к

головной боли она привыкла, но ее никогда не рвало. Завтрак в ресторане в этом рассаднике клопов, который называется самым лучшим отелем Бангора. Эта сволочь ее отравила. Я, должно быть, умираю, я чувствую себя так, как будто я должна умереть. Но если я не умру, я затаascaю их по судам, я дойду вплоть до верховного суда США. Если я выживу, я сделаю так, что они пожалеют, что их матери встретились с их отцами.

Наверное, эта мысль помогла Энн настолько, что она опять начала движение. Она ползла по улице со скоростью 35 миль в час и искала почтовый ящик с надписью Андерсон. Ужасная мысль пришла ей в голову, а что если Бобби не написала свое имя на почтовом ящике. Эта не такая уж сумасшедшая мысль, если хорошенько вдуматься. Она могла думать, что Сисси появится, а этот маленький бесхребетный карлик всегда боялся ее. Она была не в форме, чтобы по пути останавливаться около каждой фермы и спрашивать Бобби. Судя по разговору (с тем ослом по телефону), она не могла рассчитывать на помощь деревенских соседей Бобби.

Ну вот наконец: Р.Андерсон. И за этим место, которое она видела только на фото. Местечко дяди Франка. Ферма старого Гарика. На въезде был припаркован синий грузовик. С местом было все в порядке, но что-то было со светом. Она ясно осознала это впервые, когда приблизилась к въезду. Вместо чувства триумфа, которое она ожидала в этот момент, — триумфа хищника, преуспевшего загнать свою жертву, она ощутила чувство замешательства, неуверенности и, хотя она даже не смогла понять, из-за чего это чувство пришло, оно было до такой степени незнакомо, что она почувствовала легкий страх.

Свет.

Что-то было не так со светом.

Это осознание привело ее к пониманию того, что стали возникать другие вопросы. Ей показалось, что ее платье потемнело под ее рукой.

Ее рука лежала между ног. Там было влажно, она различала слабый запах аммиака в машине. Он был различим там некоторое время, но ее сознание столкнулось с ним только сейчас.

Я обмочилась. Я обмочилась и находилась в этой дерьмовой машине достаточно долго, чтобы пересохнуть (и свет, Энн).

Что-то было не так со светом. Это был свет заката.

О, нет — 9.30 в...

Это был свет заката, не было сомнений. Она чувствовала себя лучше, после того, как ее вырвало, и теперь она понимала почему. Ответ был прямо здесь, так же как запах пота под ее платьем или высохшей мочи. Время, прошедшее между тем, как она закрыла дверь и тронула машину вновь, были не какие-то там минуты с

секундами — это были часы, часы, которые она провела в это жаркое лето в печи машины. Она лежала в смертельном ужасе, и если бы она не использовала эйр-кондишн, то она испеклась бы как новогодняя индейка. Ее гортань, такая же плохая, как и ее зубы, воспалилась от спертого автомобильного воздуха. Но глядя на ферму широко раскрытыми покрасневшими глазами, она вдруг поняла, что речь идет о ее физическом выживании. Она должна была ехать с четырьмя открытыми окнами. Иначе...

Это вызывало иную мысль. Она провела день на грани смерти, припаркованная на обочине дороги, и никто даже не подумал остановиться и проверить, что она здесь делает. Никто не проехал по девятому шоссе в это время. Когда они видели ее в беде, они не затормозили, а продолжали ехать как ни в чем не бывало.

Что это за город?

И снова — это невыразимое ощущение в желудке, словно горячая кислота. В это время она узнала это чувство: это был страх. Тогда она схватила его за горло и убила его. Брат этого страха опять может появиться и, если это произойдет, она убьет и его...

Она въехала во двор.

16

Энн встречала Джима Гарденера прежде лишь дважды, но она никогда не забывала его лица. Даже она узнала великого поэта, она думала, что смогла бы его учуять за сорок ярдов по ветру в обыкновенный тихий прохладный день. Он сидел на перилах балкона в тенниске и голубых джинсах с открытой бутылкой виски в руке. Он имел трех или четырехдневную щетину. Глаза его были воспалены. Хотя Энн не знала этого и не хотела интересоваться, Гарденер был в этом состоянии ни много ни мало уже два дня. Все его благородство и решительность угасли после обнаружения собачьей шерсти на жакете Бобби.

Он смотрел на машину в палисаднике (обойдя почтовый ящик, медленно пройдя мимо) пьяным мутным взглядом изумления. Он смотрел на выходящую женщину, которая шаталась и держалась за открытую дверь в течение минуты.

Ничего себе, подумал Гарденер. Это птица, это самолет, это экстра-сука, которая летит быстрее дурной вести, от которой начинают колик у слабонервных членов семьи.

Энн рывком закрыла дверь машины. Она постояла там немного, важно бросив длинную тень, и Гарденер почувствовал знакомое ощущение. Она выглядела, как Рон Каммингс, когда Рон был пьян в стельку и мучительно решал, как бы ему пересечь комнату.

Энн проделала свой путь через палисадник, пройдя сбоку от грузовика Бобби. Миновав грузовик, она достигла балконных перил. Она взглянула вверх и определила по свету, что уже семь часов.

Гарденер подумал, что женщина выглядела пожилой и не имеющей определенного возраста. Она к тому же выглядела злой, он думал — желтой и ядовито-черной с тяжелым грузом зла, то было одновременно износ снаружи и разъедание изнутри.

Он взял виски и выпил эту гадость. Затем заткнул горлышко бутылки.

— Привет Сисси. Добро пожаловать в Хэвен. Говоря честно, я пожелал бы тебе покинуть этот город так быстро, как ты сможешь.

17

Она сделала два шага, затем, споткнувшись, упала на колено. Гарденер убрал руку. Она не заметила это.

— Где Бобби?

— Ты не можешь выглядеть так хорошо, — сказал Гарденер. — Хэвен влияет на людей в эти дни.

— Все нормально, — сказала она, взбираясь на ступеньку. Она стояла над ним тяжело дыша.

— Где она?

Гарденер кивнул по направлению к дому. Послышалось шипение воды через одно из окон.

— Душ. Мы работали в лесу целый день, там было ох... офигительно жарко. Бобби верит, что под душем можно смыть грязь. — Гарденер снова поднял бутылку. — А я верю в простое средство дезинфекции. Короче и приятнее.

— Ты воняешь, какдохлая свинья, — высказалась Энн и прошла мимо него по направлению к дому.

— Хотя мой нос не такой чувствительный, сердце мое, ты имеешь хоть и слабый, но весьма заметный аромат, — сказал Гарденер. — А что об этом аромате говорят французы? Eau de Oiss?

Она повернулась к нему, издав хрип. Люди — жители Ютики по крайней мере — никогда так с ней не разговаривали. Никогда. Конечно, они знали ее. Великий поэт, конечно, мог судить о ней с высоты своего опыта: праздник у хэвенского населения. А он был пьян.

— Ну, — сказал Гарденер, слегка удивленный и встревоженный ее взглядом. — Это после твоего прихода в воздухе разлился этот аромат.

— Да, я... — сказала она медленно.

— Может быть, нам следует начать сначала? — сказал он с пьяной учтивостью.

А.Н. МУРОКОВ 93

— Что начать сначала? Ты великий поэт. И ты пьяница, который едва не застрелил свою жену. Мне больше нечего тебе сказать. Я пришла из-за Бобби.

Хороший выстрел, относительно его жены. Она увидела, как застыло его лицо, увидела, как его руки вцепились в горлышко бутылки. Он стоял, будто бы забыв, где он находится. Она ему сладко улыбнулась. Эта тупая болтовня с ней закончилась и, как бы плохо она себя ни чувствовала, она все равно была на коне.

В это время стих шум воды. И — возможно это было только предчувствие — у Гарденера было чувство, что Бобби его слышит.

— Ты всегда поступала так, будто делала операцию без наркоза. Я полагаю, что у меня никогда не было более грубого хирургического вмешательства.

— Может быть.

— Почему теперь? После всех этих лет. Почему ты выбрала этот день?

— Не твое дело.

— Бобби — мое дело.

Они уставились друг на друга. Она сверлила его взглядом. Она ждала, что он опустит глаза. Он не опустил. Ей стало ясно, что, если она, не сказав ничего, пойдет в дом, он, возможно, сделает попытку удержать ее. Это не принесло бы ему ничего хорошего, но это было проще, чем ответить на его вопрос. Какая разница, что делать?

— Я пришла забрать ее домой.

Снова молчание.

Никаких сверчков.

— Разреши дать тебе один совет, сестра Энн.

— Пощади меня. Никаких конфеток от незнакомцев, никаких советов от пьяных.

— Сделай так, как я тебе сказал, когда ты вышла из машины. Уходи. Просто уйди. Это не самое удачное место, чтобы доказывать свою правоту.

Что-то было в его глазах, что-то необычно честное, что заставило вернуться старый холодок и невысказанное смущение. Она была брошена на целый день в своей машине на обочине дороги. Что же за народ в этом городе?

Затем в Энн все всколыхнулось и подавило последние капли сомнения. Если она хотела того, если она думала, что это именно так, то это должно было быть так; итак, это есть, это было, есть и будет. Аллилуйя. Аминь.

— О'кей, дружок, — сказала она. — Ты дал мне совет, я отплачу той же монетой. Я прихожу в эту лачугу, и две минуты спустя

какой-то большой кусок дерьма начинает демонстрировать свое остроумие. Я полагаю, что тебе надо прогуляться, если ты не хочешь быть размазанным. Посиди где-нибудь на скале и посмотри закат солнца, и попробуй подумать о рифмах или делай так, как там делают великие поэты, когда они наблюдают закат солнца. Но ты хочешь выбросить из головы все, что произошло в этом доме, неважно что. Это между Бобби и мной, если ты встанешь на моем пути, я размажу тебя по стенке.

— В Хэвене ты скорее размазня, чем размазывательница.

— Хорошо. Это то, что я хотела дать тебе понять, — сказала Энн и двинулась к двери.

Гарденер попытался последовать за ней.

— Энн... Сисси... Бобби не такая. Она...

— Прогуляйся, мужичок, — сказала Энн и вошла.

18

Окна были открыты, так как тени были короткие. Время от времени дуновения легкого ветерка шевелили, вытягивали шторы в открытое окно. Когда это случалось, они были похожи на паруса корабля.

Энн хмыкнула и наморщила нос. Фу! Место пахло, похоже, на обезьяний питомник. От великого поэта это она ожидала бы, но не от своей сестры. Это место было похоже на свинарник.

— Привет, Сисси.

Она обернулась. Бобби возникла в момент, как призрак. Энн почувствовала стук сердца в груди, потому что было что-то странное в ее фигуре, что-то неправильное.

Затем она увидела белое пятно на халате ее сестры; послышался звук капающей воды, и она поняла, что Бобби только что вышла из душа. Она была вся обнаженная под халатом. Хорошо. Но ее удовольствие было не таким огромным, как могло бы быть. Ее тревога осталась, ее впечатления были какими-то неправильными от фигуры, стоящей в дверном проеме.

Это не самое удачное место, чтобы доказывать свою правоту.

— Папочка умер, — сказала она. Напряжение в ее глазах достигло предела. Бобби осталась смутной фигурой в дверном проеме, который сообщался с жилой комнатой, — она полагала с ванной комнатой.

— Я знаю. Ньют Берринджер звонил и сказал мне.

Что-то было в ее голосе. Что-то существенно непохожее, вызывающее смутные мысли о фигуре. Она не вскрикнула от испуга. В первый раз в жизни Бобби не вскрикнула, увидев ее.

— Мы похороним тебя вместе с ним. Твоя мать умрет, если ты не возвратишься домой, Бобби. Она выжидала паузу для Бобби.

Стояла тишина.

Ради Христа иди, куда я тебе скажу, ты маленькая трусиха.

Энн... Бобби не такая...

— Она спускалась вниз и сломала себе бедро.

— Правда? — Спросила Бобби безразлично.

— Ты поедешь домой, Бобби, вместе со мной. — Она хотела выразить силу, испугать ее своим резким голосом.

— О, у тебя новые зубы, — сказала Бобби. — Конечно! Я не подумала об этом. Вот почему ты доехала.

— Бобби, выйди ко мне, я хочу тебя видеть!

— И ты тоже хочешь меня? — ее голос звучал странно дразняще. — Я удивлена.

— Кончай ебать мне мозги, Бобби. — Ее голос срывался.

— Что я слышу! — сказала Бобби. — Я никогда не думала, что услышу от тебя похожее, Энн. После стольких лет разлуки — и сразу так... все вы одинаковы. Ну ладно. Если ты настаиваешь. Если ты настаиваешь, то хорошо. Просто прелестно.

Она не могла ее видеть. Внезапно Энн не захотелось ничего делать, а захотелось убежать и не останавливаться до тех пор, пока не окажется далеко от этого мрачного места и этого городка, где они проводят все свои смутные дни. Но было слишком поздно. Она увидела неясное движение руки ее младшей сестры, в этот момент с тихим шуршанием халат легко упал. Душ смыл косметику. Боббины голова и шея были желеобразного вида. Ее грудь опухла, выперев наружу, и как будто срослась в единое образование состоящее из обнаженного мяса. Энн посмотрела на органы, вызывающие тошноту, ни на что не похожие человеческие органы — это были водянистые округлости, кажущиеся молодыми.

За ее лбом она увидела дрожащий мешочек мозга. Бобби оскалила зубы.

— Добро пожаловать в Хэвен, Энн, — сказала она.

Энн отступила, чувствуя себя как в кошмарном сне. Она пыталась закричать, но не было воздуха.

Промежность Бобби была покрыта ненормально густыми волосами, щупальца, как у морского осьминога, тянулись из ее влагалища... по крайней мере, места, где раньше было ее влагалище. Энн не знала, осталось оно там или уже нет. Глубокой долины, которая заменяла ей промежность, было достаточно. Эти щупальца казались направленными на нее... тянулись к ней.

Нагая Бобби начала приближаться к ней. Энн закричала, отступив назад, но споткнулась о скамеечку для ног.

— Нет, — она прошептала и попробовала отползти. — Нет, Бобби нет.

— Хорошо, что ты здесь, — сказала Бобби улынувшись. — Я не рассчитывала на тебя, но, я думаю, мы найдем занятие для тебя. Места, как они сказали, пока еще есть.

— Бобби..., — она справлялась с первым ужасом и затем ощутила, как шупальце тронуло ее плоть. Она вздрогнула, снова отступив назад. Бедрa Бобби сделали толкательные движения, похожие на непристойную пародию на совокупление.

Глава 2 ГАРДЕНЕР ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ПРОГУЛКУ

1

Гарденер последовал совету Энн и пошел прогуляться. Он прошел фактически весь путь до корабля в лесу. Впервые он оказался здесь совсем один, думал он, и вскоре, должно быть, совсем стемнеет. Он чувствовал смутный страх, как ребенок, проходящий мимо дома, где, по разговорам, обещают привидения. А здесь есть призраки? Призраки Томминокеров прошлого? Или сами настоящие Томминокеры все еще здесь, может быть, временно ожившие существа, подобные быстро замороженному кофе, которые только и ждут, как бы оттаять? Да и кто же они, наконец?

Он сел на землю возле пристройки, глядя на корабль. Через некоторое время взошла луна и осветила поверхность корабля, сделав ее еще более призрачно-серебряной. Это было странно, но тем не менее очень красиво.

Что же происходит здесь кругом?

Я не хочу знать.

Все здесь кажется неясным сном...

Я не хочу знать.

Ну-ка, тише! Что за шорох в пустоте?

Быть поосторожней в этой темноте...

Он вскинул бутылку и жадно выпил. Потом отставил ее в сторону, перевернулся на живот и лег трясушейся головой на руки. Так он и уснул, среди леса рядом с изящным круглым выступом корабля.

Он проспал там всю ночь.

Утром на земле лежали два зуба. Вот чем я расплатился за то, что спал слишком близко к нему, подумал он тупо, но по крайней мере утешало одно — у него совсем не болела голова, хотя он выдул почти часть большой бутылки шотландского виски. Он заметил перед этим, что помимо всего прочего корабль — или та перемена в атмосфере, которую производил корабль в очень близкой области, обеспечивала защиту от похмелья.

Ему не хотелось, чтобы его зубы так и оставались просто валяться там. Повинуясь какому-то смутному побуждению, он забросал их грязью. Сделав это, он снова подумал: Играть роль Гамлета — это роскошь, которую ты больше не можешь позволить себе, Гард. Если ты не пойдешь в том или ином направлении, то очень скоро — завтра или около того, я думаю, — ты будешь не способен ни на что, кроме как маршировать в одном строю со всеми остальными.

Он взглянул на корабль, размышляя о той глубокой лощине, которая уходила в глубину от его гладкого, незапятнанного бака, и снова подумал: Мы скоро залезем в люк, если люк существует... А что потом?

Он предпочел отправиться домой, чем искать ответ на этот вопрос.

2

«Гатлас» уехал.

— Где ты был прошлой ночью? — спросила Бобби Гарденера.

— Я спал в лесу.

— Ты выпил, правда? — спросила Бобби на удивление мягко. Ее лицо снова было темным от грима. Последние несколько дней Бобби носила блузки, которые выглядели странно свободными и мешковатыми, этим утром он понял почему. Ее грудь толстела. Грудь ее стали казаться не отдельными, а неким единым целым. Это напоминало Гарденеру качков-культуристов.

— Не так чтобы очень. Пару рюмок пропустил и все. Сегодня утром никакого похмелья. И никаких комариных укусов. — Он поднял руки, потемневшие от загара сверху, и белые и казавшиеся странно уязвимыми с тыльной стороны.

— В любое другое лето, я проснулся бы утром таким искусанным комарами, что не мог бы открыть глаза. Но теперь они исчезли вместе с укусами. И зверями. Фактически, Роберта, это, кажется, отпугивает всех, кроме таких дураков, как мы.

— Ты изменил свое мнение, Гард?

— Ты спрашиваешь меня об этом уже какой раз, ты не замечала? Бобби не ответила.

— Ты слышала новости по радио вчера? — он знал, что она не слышала. Бобби не смотрела, не слушала и не думала ни о чем, кроме корабля. Поэтому ее отрицательный кивок не был удивителен.

— Сосредоточение войск в Ливии. Ожесточение боев в Ливане. Передвижения американских войск. Русские все больше и больше кричат о СОИ. Мы все еще сидим на пороховой бочке. Ничегошеньки не изменилось с 1945-го. А потом ты обнаруживаешь на своем заднем дворе «Бога из машины», а теперь ты все время допытываешься, не изменил ли я своего мнения об этом.

— Ты изменил?

— Нет, — сказал Гарденер, не будучи уверен — врет он или говорит правду, но он был весьма рад, что Бобби не может прочитать его мысли.

Полно, не может ли? Я думаю, что может. Не полностью, но больше, чем месяц назад... все больше и больше с каждым днем. Из-за того, что ты сейчас тоже «превращаешься». Изменил свое мнение? Вот так штука; ты не можешь, мать твою, составить свое мнение!

Бобби пропустила это мимо ушей или сделала вид, что пропустила. Она повернулась к куче инструментов, сваленных в углу веранды. Она пропустила, накладывая грим как раз пониже правого уха, и Гарденер увидел, что это было такое же пятно, какое оставляют многие мужчины когда бреются. Он осознал с таинственным отсутствием удивления, что мог смотреть внутрь Бобби — ее кожа изменилась, стала какой-то полупрозрачной, желеобразной. Бобби потолстела, стала короче за последние несколько дней, и перемены, происходившие с ней, все ускорялись.

О, мой Бог, — подумал он, объятый ужасом, с горькой усмешкой, — так вот, что происходит, когда ты превращаешься в Томминокера? Ты становишься похожим на кого-то, кто попал в область радиоактивного загрязнения после утечки в атомном реакторе?

Бобби, нагнувшись и подняв инструменты, быстро обернулась и взглянула на Гарденера; лицо ее было настороженным.

— Что?

— Я сказал «Пошевеливайся, ленивая дурочка», — отчетливо произнес Гарденер, и это настороженное недоумение на ее лице превратилось в вымученную улыбку.

— О'кей. В таком случае, помоги мне с инструментами.

Нет, разумеется, жертвы жесткого гамма-излучения не становились прозрачными, как Клод Рэйн в «Человеке-невидимке». И они не начинали уменьшаться в росте, тогда как их тела искажались и

толстели. Но, вообще-то, они, вероятно, теряют зубы, их волосы выпадают — другими словами, в обоих случаях происходит некое физическое «превращение».

Он снова подумал: «Встречайте нового босса. Такого, как старый босс».

Бобби снова пристально смотрела на него. Я выбегаю из маневрирующей комнаты, отлично. И быстро.

— Что ты сказал, Гард?

— Я сказал, пошли, босс.

Помедлив, Бобби кивнула.

— Да, — сказала она, — уже рассвело.

Они выехали на раскопки на «Томкэте». Он не летел по воздуху, как тот велосипед мальчика в фильме «Инопланетянин», трактору Бобби никогда кинематографично не парить на фоне луны, на высоте сотен футов над крышами. Но он тихо и споро двигался в 18 дюймах от земли, большие колеса вращались медленно, как останавливающиеся пропеллеры.

Это сглаживало езду. Гард вел машину, Бобби стояла за ним на скобе.

— Твоя сестра ушла? — спросил Гард. Кричать не было нужды. Мотор «Томкэта» работал с тихим, едва слышным мурлыканьем.

— Да, — сказала Бобби, — ушла.

Ты все еще не умеешь врать, Бобби. И я думаю — действительно думаю, — что я слышал ее визг. Как раз перед тем, как я отрубился, уйдя в лес, я думаю, что слышал визг. Что же могло заставить такую суку, как Сисси, испустить такой вопль? Насколько плохим это должно было быть?

Ответ прост: очень плохим.

— Она сроду не была из тех, кто красиво уходит, — сказала Бобби. — Или дает кому-нибудь возможность быть красивым, если может как-то повлиять на это. Она пришла, чтобы забрать меня домой, понимаешь... Посмотри-ка на этот обрубок дерева, Гард: он довольно высокий. — Гарднер, насколько возможно, переключил рычаг коробки передач. «Томкэт» поднялся еще на три дюйма, едва не задев верхушку пня. Миновав его, он ослабил руку и «Томкэт» вернулся на прежнюю высоту — 18 дюймов над землей.

— Да, она как раз пришла со своим буром и киркой, — сказала Бобби с вялой усмешкой. — Было время, когда она могла забрать и меня тоже. Ну а теперь, она никогда не сможет.

Гарднер почувствовал холод. Есть много вариантов, как можно истолковать это замечание, не так ли?

— Я по-прежнему удивлен, что тебе понадобился лишь один вечер, чтобы убедить ее, — сказал Гарднер.

— Я просто стерла часть грима. Когда она увидела, что было под ним, она завизжала и так быстро исчезла, словно у нее ракеты были привязаны к ногам. Это была действительно милая шутка.

Это было правдоподобно. Настолько правдоподобно, что соблазн поверить этому был почти непреодолим. Если только не обходить простой факт, что обсуждаемая леди не могла никуда уйти, тем более в спешке, без посторонней помощи.

Нет, — подумал Гарденер. — Никуда она не уходила. Единственный вопрос — убила ли ты ее или она в том проклятом ангаре с Питером.

— Как долго продолжаются физические изменения, Бобби? — спросил Гарденер.

— Еще недолго, — сказала Бобби, и Гарденер еще раз подумал, что Бобби никогда не могла придумать большей чепухи. — Ну вот мы и приехали. Припаркуй его возле пристройки.

4

На следующий вечер они рано закончили работу — все еще стояла жара, и никто из них не чувствовал в себе сил продолжать, пока не погас последний луч. Они возвратились в дом, разложили по тарелкам еду и даже немного поели. Помыв посуду, Гарденер сказал, что он намеревается прогуляться.

— Вот как? — Бобби смотрела на него с настороженностью, которая была основой ее реакций. — Мне кажется, что ты достаточно сегодня повкалывал.

— Солнце сейчас садится, — легко сказал Гарденер. — Сейчас прохладнее. Нет мошкеры. И... — он невинно посмотрел на Бобби. — Если я выйду на веранду, я наверняка возьму бутылку. Если возьму бутылку, то наверняка выпью. Если же я предприму данную прогулку и вернусь домой усталым, может быть, я смогу свалиться в постель хотя бы один раз трезвым.

Все это было в достаточной степени правдиво... но в этом гнездилась другая истина, как одна китайская коробочка внутри другой. Гарденер смотрел на Бобби и ждал, наблюдая, не станет ли она охотиться за этой внутренней коробочкой.

Она не стала.

— Хорошо, — сказала она. — Но знаешь ли, мне все равно, сколько ты выпьешь, Гард. Я твоя подруга, а не жена.

— Нет, тебе, конечно, все равно, сколько я выпью — ведь ты вполне облегчила мне задачу — напиваться, сколько захочу. Потому что это нейтрализует меня.

Он шел по девятому шоссе мимо фермы Джастина Харда, добравшись до Ниста Роад, свернул налево и пошел вперед бодрым шагом, легко помахивая руками. Труд последнего месяца закалил его так, что он с трудом мог поверить — не так давно даже такая прогулка в две мили вызвала бы дрожь в ставших резиновых ногах.

Все же, как странно! Ни криков козодоев, встречающихся надвигающиеся сумерки, ни лая собак. Большая часть окон в домах были темными, в нескольких освещенных окнах, мимо некоторых он прошел, он не заметил мерцания телевизоров.

Кому нужен повторный показ Барни Миллера, когда и самому можно превратиться? — подумал Гарденер.

К тому времени, как он добрался до указателя «Дорога заканчивается через 200 ярдов», уже почти полностью стемнело, но взошла луна и ночь стала очень светлой. В конце дороги он увидел ржавую, прошитую пулями табличку «Вход воспрещен», висевшую на тяжелой цепи, протянутой между двумя столбами.

Гард перелез через цепь и пошел дальше и вскоре остановился у заброшенной глубокой ямы. Лунный свет делал ее заросшие сорняками стенки белыми, как кость. Тишина была такая, что у Гарденера начало покалывать в затылке.

Что его сюда привело? Он полагал, что его собственное «превращение» — что-то он извлек из мыслей Бобби, даже не отдавая себе в этом отчета. Это должно было быть так, ибо что бы ни привело его сюда, это было гораздо сильнее, чем просто предчувствие.

Слева на фоне непотревоженной белизны виднелся глубокий след. Гарденер забрался в яму, под ногами хрустело. Он стал копать гравий, где он был посветлее — ничего, копнул рядом — ничего, копнул еще — ничего.

Эге, минутку!

Его пальцы дотронулись до чего-то слишком гладкого, чтобы быть камнем. Он нагнулся, сердце его глухо стучало, но он не смог ничего увидеть. Он расширил углубление, выбросив землю, и обрушил склон.

Он увидел, что откопал верхнюю фару автомобиля.

Гарденер посмотрел на нее, наполняясь мрачным, черным веельмом. «Вот, оказывается, как находят что-то в земле», — подумал он. Находят некий странный артефакт. Только мне не стоит задерживаться на этом, не правда ли? Я знал, куда смотреть.

Он стал быстро копать, выкидывая грязь между ногами, как собачонка, выкапывающая кость, и не обращая внимания ни на колотящееся сердце, ни на руки, которые вначале растерлись, а потом начали кровоточить.

Ему удалось расчистить плоский участок на капоте, как раз над правыми верхними фарами, где он мог стоять удобнее, и работа

пошла быстрее. Бобби и ее приятели сделали эту случайную работу наилучшим образом. Гарденер вытаскивал гравий руками и выкидывал его из машины.

Галька хрустела и скрипела о металл. Во рту было сухо. Он добрался до лобового стекла и, по правде говоря, не знал что лучше — увидеть там что-нибудь или ничего не увидеть.

Его пальцы снова скользнули по гладкой поверхности. Не дав себе остановиться и поразмышлять — чтобы на него снова не надавила бросающая в дрожь тишина, иначе он мог просто повернуться и броситься бежать — он расчистил лобовое стекло и взгляделся внутрь, поставил ладонь козырьком к стеклу, чтобы не мешали блики ослепительного лунного света.

Ничего.

«Гатлас», арендованный Энн Андерсон, был пуст.

Они могли засунуть ее в багажник. Факт тот, что ты все еще ни в чем не уверен.

Он подумал, что все-таки уверен. Логика показывала ему, что тела Энн не было в багажнике. Зачем бы им беспокоиться. Любой нашедший новехонький автомобиль в пустынной, заброшенной галькой яме наверняка нашел бы это достаточно подозрительным, чтобы осмотреть багажник... или вызвать полицию, любой, кто бы это сделал.

Никто в Хэвене бы не раскололся. Они сейчас испытывают большие потрясения, чем зарытые в гравийных ямах автомобили. И если кому-то из города и случится найти его, вряд ли он вызовет полицию. Это означало бы приход людей со стороны, а нам в Хэвене этим летом такие вовсе не нужны, ведь так? Об этом не стоит и думать

Итак, в багажнике ее не было. Простая логика. Что и требовалось доказать.

А может быть, люди, которые это сделали, не обладали твоей несокрушимой силой логики, Гард?

Это была тоже ерунда. Если ты можешь видеть предмет в трех измерениях, то Чудесные Дети Хэвена могут видеть его в двадцати трех. Они не оставляют следов.

Гарденер подполз на коленях к краю капота и прыгнул вниз. Только сейчас он осознал, как горят его стесанные руки. Ему нужно будет принять пару таблеток аспирина, когда он вернется, и попытаться скрыть раны от Бобби, — завтра рукавицы должны быть на руках. Весь день.

Энн не было в автомобиле. Где же она была? Конечно, в пристройке. Гарденер вдруг понял, почему он пришел сюда: не только для того, чтобы подтвердить мысль, которую он извлек из головы Бобби (если он ее и вправду извлек, его подсознание просто могло зафиксировать это место, как наиболее приемлемое, чтобы быстро избавиться от

большого автомобиля), но из-за того, что ему необходимо было удостовериться, что это пристройка. Необходимо.

Из-за того, что ему надо было принять решение, и он знал теперь, что, даже увидев то, как Бобби постепенно перестает быть человеком, он еще не был готов — так сильно он хотел откопать корабль, откопать и использовать — просто невероятно сильно.

Прежде чем он сможет принять решение, он должен был посмотреть, что было в сарае Бобби.

5

На полпути назад он остановился, освещаемый холодной луной, внезапно пораженный вопросом — а зачем им вообще беспокоиться о том, как бы спрятать автомобиль? Из-за того, что люди из арендного пункта сообщат о его пропаже, и в Хэвен нагрянет еще больше полиции?

Нет. Люди из «Эвиса» могли даже и не знать о его пропаже в течение определенного времени, и это длилось бы до того, как полицейские проследят семейные связи Энн здесь. По крайней мере неделю, или, скорее, две. И Гарденер подумал затем, что Хэвен был бы обеспокоен вторжением извне, так или иначе, окончательно.

Так от кого прятать автомобиль?

От тебя, Гард. Они спрятали его от тебя. Они по-прежнему не хотят, чтобы ты знал, на что они способны, когда им приходится защищаться. Они спрятали его, а Бобби сказала тебе, что Энн уехала.

Он вернулся, неся в голове этот опасный секрет как некую драгоценность.

Глава 3 ЛЮК

1

Это произошло двумя днями позже, когда Хэвен лежал, раскинувшись под августовским палящим солнцем.

Гард и Бобби были на дне канала, который был уже сто семьдесят футов глубиной, — одну его сторону образовывал корпус корабля, другая, перечеркнутая серебристой сеткой, демонстрировала срез, состоящий из земли, глины, сланца, гранита и пористого водоносного слоя. Геологу он очень бы понравился. Они были в джинсах и в хлопчатобумажных свитерах. На поверхности было удушающе

жарко, но здесь внизу было холодно — Гарденер ощущал себя насекомым, ползающим по холодильнику. На голове его была каска с фонарем, прикрепленным с помощью удобной серебристой ленты. Бобби предупредила его, чтобы он пользовался фонарем как можно реже — батареи оставалось мало. Оба его уха были заткнуты хлопчатобумажной тканью. Он использовал пневматическую дрель, чтобы откапывать твердые куски породы. Бобби была на другом конце тоннеля, занимаясь тем же самым.

Этим утром Гарденер спросил ее, зачем им следует сверлить.

— Я всегда предпочитаю радиоуправляемую взрывчатку, старушка Бобби, — сказал он. — Меньше боли и напряжения в мозгу американца, понимаешь, о чем я?

Бобби не улыбнулась. Казалось, что вместе со своими волосами она потеряла и свое чувство юмора.

— Мы уже слишком близко, — сказала Бобби. — Используя взрывчатку, мы можем повредить что-то, что мы не должны повредить.

— Люк?

— Люк.

Гард позволял дрели жужжать и прогрызать себе путь вдоль корабля снова, не слишком беспокоясь поцарапать монотонную серебристую поверхность. Как он обнаружил, надо следить за тем, чтобы сверло не нажимало на нее слишком сильно, иначе оно могло легко отскочить и пропороть тебе ногу, если ты не слишком осторожен. Сам же корабль был неуязвим для грубых прикосновений сверла, как и для взрывчатки, которую он и сонм его помощников использовали. По меньшей мере, не было опасности повредить грузы.

Сверло коснулось поверхности корабля — и внезапно его монотонный пулеметный грохот перешел в высокий визг. Ему показалось, что он увидел струйку дыма от дрожащих неясных очертаний сверла. Потом послышался хруст. Что-то пролетело мимо его головы. Все произошло менее чем за секунду. Он выключил дрель и увидел, что сверло почти целиком исчезло. То, что осталось, было коротким тупым обломком с острыми краями.

Гарденер оглянулся по сторонам и увидел отсутствующую часть сверла, которая пролетела мимо его лица, глубоко вонзившуюся в скалу в стене тоннеля. Она аккуратно разрешила одну из нитей сети на две части. Наступил запоздалый шок, от которого его колени ослабли и были готовы уронить его на землю.

Пролетело мимо на блядский волосок. Ни больше, ни меньше.

Он попытался вытащить сверло из скалы и сперва подумал, что оно не собирается вылезать. Тогда он начал раскачивать его. Как выдирать зуб из десны, подумал он, и истерический смех привел его в себя.

Обломок сверла освободился. Он был размером с пулю 45-го калибра, может, чуть больше.

Внезапно он почувствовал себя на грани потери сознания. Он прислонился рукой к покрытой сеткой стене и опустил на нее голову. Он закрыл глаза и ждал, пока мир или уйдет от него, или вернется к нему. Он смутно осознавал, что дрель Бобби тоже умолкла.

Мир начал возвращаться, и Бобби тормошила его.

— Гард? Гард, что произошло?

В ее голосе чувствовалась неподдельная тревога. Слыша его, Гарденер чувствовал себя странно, как будто он плачет. Конечно, он очень устал.

— Меня чуть было не застрелили в голову сверлом 45-калибра, — сказал Гарденер. — Если поразмыслить, то это «Магнум-357».

— Ты о чем?

Гарденер передал ей кусок, извлеченный им из стены. Бобби взглянула на него и присвистнула.

— Иисус!..

— Я думаю, он и я потеряли связь. Уже второй раз меня чуть было не убило в этой дерьмовой дыре. Первый раз был, когда твой друг Эндерс чуть не забыл опустить вниз ремень, после того как я установил один из тех радиовзрывателей.

— Он мне не друг, — отсутствующе сказала Бобби. — Я думаю, что он странный... Гард, на что ты наткнулся? Из-за чего это произошло?

— Что ты имеешь в виду? Скала! На что еще здесь можно наткнуться?

— Ты был рядом с кораблем? — внезапно Бобби стала выглядеть возбужденно. Нет — более того. Почти лихорадочно.

— Да, но я и перед этим царапнул корабль. Оно только отскочило и...

Но Бобби уже не слушала. Она была около корабля, на коленях, раскапывая обломки руками.

Она выглядит как голодная собака, раскапывающая кость, подумал Гарденер.

— Это здесь, Гард! Наконец-то!

Он был около нее, прежде чем осознал, что она не высказала свое умозаключение вслух; Гарденер услышал ее мысленно.

2

Ага, здесь что-то есть, подумал Гарденер.

Отбросив в сторону кусок породы, на который наткнулась дрель Гарденера, перед тем как сломаться, Бобби, наконец, обнаружила

линию на поверхности корабля — одну-единственную линию на всем этом огромном, невыразительном пространстве. Смотри на нее, Гарденер понял возбуждение Бобби. Он протянул руку, чтобы дотронуться до нее.

— Лучше не надо, — твердо сказала она. — Помни о том, что произошло.

— Оставь меня в покое, — сказал Гарденер. Он оттолкнул руку Бобби и прикоснулся к этому желобку. В его голове была музыка, но она была приглушенной и быстро затихла. Ему показалось, что он чувствует, как его зубы часто дрожат в своих гнездах, он подозревал, что он потеряет многие из них ночью. Но это было неважно. Он хотел прикоснуться к нему; он прикоснется к нему. Это был вход внутрь; они были здесь ближе к Томминокерам и их секретам, чем когда-либо, их первый действительный признак был в том, что эта невероятная штукавина не была монолитной на всем своем протяжении (а должна была бы, пришла ему в голову мысль: вот была бы космическая шутка, если бы так и было). Прикасаться к нему было все равно что прикасаться к отвердевшему звездному свету.

— Это люк, — сказала Бобби. — Я знала, что он здесь!

Гарденер ухмыльнулся ей.

— Мы сделали это, Бобби.

— Да, мы сделали.

— Насколько он большой, как ты думаешь?

— Не знаю. Я думаю, мы могли бы сегодня выяснить. Будет лучше всего, если мы так сделаем. Времени осталось мало, Гард.

— Ты о чем?

— Изменился воздух над Хэвеном. И это сделало оно. — Бобби постучала костяшками пальцев по поверхности корабля. Раздался слабый, напоминающий колокол звук.

— Я знаю.

— Людей от него тошнит, когда они приходят сюда. Ты видел, какой была Энн.

— Да.

— Она была защищена до некоторой степени ее металлическими коронками. Я знаю, это звучит глупо, но это правда. Она уехала в дьявольской спешке.

Ну да? Неужели?

— Если бы это было все — воздух, отравляющий людей, приезжающих в город, — это уже было бы достаточно плохо. Но мы уже не сможем уехать, Гард.

— Не сможем?

— Нет. Я думаю, ты смог бы. Тебе было бы плохо в течение нескольких дней, но ты смог бы уехать. Меня бы это убило и очень

быстро. И вот еще что: мы долго были осаждены постоянно жаркой погодой. Если погода изменится — если подует достаточно сильный ветер — нашу биосферу унесет в Атлантический океан. Мы будем, как стая тропических рыб, помещенных в закрытый бак и лишенных воздуха. Мы погибнем.

Гард покачал головой. — Погода изменилась в тот день, когда ты пошла на похороны той женщины, Бобби. Я помню. Было ясно и ветрено. Тогда с тобой и приключилась эта невероятная, по-твоему, вещь — ты получила солнечный удар после всей этой жары и духоты.

— Все изменилось. «Превращение» ускорилося.

— Неужели они все умрут? — удивился Гарденер. ВСЕ они? Или только ты и твои друзья, Бобби? Те, кто вынужден носить сейчас грим?

— Я слышу сомнения в твоей голове, Гард, — сказала Бобби. Это прозвучало наполовину раздраженно, наполовину забавно.

— В чем я сомневаюсь, так это в том, что все это может действительно произойти, — сказал Гарденер. — На хер. Пошли. Копай, детка.

3

К трем часам Гард увидел круглый желобок, который был примерно шесть футов в диаметре. Как крышка канализационного люка. И здесь был знак. Он смотрел на него, удивляясь, но, наконец, он должен был дотронуться до него. Теперь музыка в его голове звучала громче как утомительный протест или утомительное предупреждение — предупреждение убратся от этой вещи, пока ее защита не утратит силу полностью. Но ему было нужно дотронуться до него, убедиться в его реальности.

Передвигая пальцы по этому, почти китайскому символу, он думал: Создание, жившее под светом другого солнца, придумало этот знак. Что он означает? НЕ НАРУШАТЬ ГРАНИЦУ? МЫ ПРИШЛИ С МИРОМ? Или, может быть, это плагиат, чужая версия ОСТАВЬ НАДЕЖДУ ВСЯК, СЮДА ВХОДЯЩИЙ?

Он был вдавлен в металл корабля, как барельеф. Простое прикосновение вызвало серию суеверных страхов, которые он никогда не испытывал до этого момента; он бы рассмеялся, если бы шесть недель назад кто-нибудь сказал ему, что он может ощущать подобное — как пещерный человек, наблюдающий затмение солнца, или средневековый крестьянин, глядящий на появление того, что в конце концов стало известно как комета Галлея.

Создание, жившее под светом другого солнца, придумало этот знак. Я, Джеймс Эрик Гарденер, родившийся в Портленде, штат Мэн,

Соединенные Штаты Америки, Западное полушарие Земли, прикасаюсь к символу, придуманному и созданному Бог знает каким живым существом на расстоянии в страшно подумать сколько световых лет. Боже мой, Боже мой. Я дотрагиваюсь до иного разума!

Мы действительно входим внутрь? Он почувствовал, что его нос снова стал кровоточить, но даже это не смогло заставить его убрать руку от символа; кончики его пальцев непрерывно блуждали по его гладкой, непознаваемой поверхности.

Точнее, собираешься ли ты ПОПРОБОВАТЬ войти внутрь? Даже зная, что это может — и, возможно, так и сделает — убить тебя? Ты вздрагиваешь всякий раз, когда дотрагиваешься до этой штуки; а что может произойти, если ты будешь настолько глуп, чтобы войти внутрь? Оно может заставить эту чертову твою стальную пластину вибрировать с какой-нибудь частотой, и твоя голова разлетится на части, как гнилая репа от пластинки динамита.

Не слишком ли ты о себе беспокоишься для человека, который не так давно был на грани самоубийства, а, дружок? Он подумал и ухмыльнулся назло себе. Он убрал пальцы от символа, потряс ими, чтобы избавиться от дрожи, как будто стряхивал здоровую соплю.

Гарденер расхохотался в голос. Это был странный звук для дна этой глубокой щели в земле.

— Что смешного? — тихо спросила Бобби. — Что смешного, Гард? Хохоча еще громче, Гарденер ответил:

— Все. Все это... что-то другое. Я полагаю, над этим надо смеяться или сойти с ума. Въехала?

Гарденер хохотал, пока слезы не покатались по его щекам, и некоторые из них были кровавыми, но он не заметил этого. Бобби заметила, но Бобби не потрудилась сказать ему.

4

Для того, чтобы полностью расчистить проход к люку, им потребовалось еще два часа. Когда они закончили, Бобби протянула Гарденеру грязную, измазанную в косметике руку.

— Все? — спросил Гарденер, пожимая ее.

— Все, — сказала Бобби. — Мы закончили раскопки. Мы сделали, Гард.

— Да?

— Да. Завтра мы войдем внутрь, Гард.

Гард, ничего не говоря, взглянул на нее. Его губы пересохли.

— Да, — сказала Бобби и кивнула, как будто Гард спросил. — Завтра мы войдем внутрь. Иногда мне кажется, что я начала это миллион лет назад. Иногда — как будто это началось вчера. Я

споткнулась об это, я увидела это и ощупывала это своими пальцами и разрывала землю. Это было начало. Один палец проткнул эту грязь. Это конец.

— Вначале была другая Бобби, — сказал Гарденер.

— Да, — медленно проговорила Бобби. Она подняла глаза, и слабая вспышка юмора появилась в ее глазах.

— И другой Гард.

— Да. Да, я думаю, ты понимаешь, что, если я войду, это, возможно, убьет меня, но я собираюсь предоставить этому такой шанс.

— Это не убьет тебя, — сказала Бобби.

— Нет?

— Нет. А сейчас давай убираться отсюда. Мне нужно еще многое сделать. Я буду сегодня ночью в сарае.

Гарденер твердо посмотрел на Бобби, но она глядела вверх на опускающийся ремень механического подъемника.

— Я там понастроила кое-чего, — сказала Бобби. Ее голос звучал мечтательно. — Я и остальные. К завтрашнему дню будет готово.

— Они будут с тобой сегодня, — сказал Гарденер. Это не было вопросом.

— Да. Но сначала я должна привести их сюда, чтобы они посмотрели на люк. Они ... они тоже ждали этого дня, Гард.

— Держу пари, что так, — сказал Гарденер.

Ремень опустился. Бобби обернулась и, прищурившись, взглянула на него. — Что это ты имеешь в виду, Гард?

— Ничего. Абсолютно ничего.

Их глаза встретились. Теперь Гарденер ясно ощущал, как она пытается проникнуть в его мозг, докопаться, и он вновь почувствовал, что его тайные знания и тайные сомнения прячутся и скрываются как опасное сокровище.

Он умышленно подумал: «убирайся из моей головы, Бобби, тебя сюда никто не звал».

Она отшатнулась, как будто получила пощечину, но на ее лице был слабый стыд, будто Гард застал ее подглядывающей за чем-то, за чем ей не следовало подглядывать. Что-то человеческое в ней еще осталось в таком случае. Это успокаивало.

— Конечно, приведи их сюда, — сказал Гард. — Но когда придет время открыть это, Бобби, это будем только ты и я. Мы раскопали эту херовину, и мы войдем в эту херовину первыми. Ты согласна?

— Да, — сказала Бобби. — Мы войдем первыми. Только вдвоем. Никаких духовых оркестров, никаких парадов.

— И никакой полиции Далласа.

Бобби слегка улыбнулась. — Их тем более. — Она ухватилась за ремень. — Хочешь подняться первым?

— Нет, иди ты. Такое ощущение, что у тебя есть целое расписание, и половина у тебя еще впереди.

— Именно. — Бобби уселась верхом в петлю подъемника, нажала кнопку и стала подниматься. — Еще раз — спасибо, Гард.

— Пожалуйста, — сказал Гарденер, наблюдая, задирая голову, за подъемом Бобби.

— И ты станешь лучше относиться ко всему этому...

(когда ты «превратишься» когда ты завершишь свое собственное «превращение»).

Бобби поднялась и скрылась из виду.

Глава 4 САРАЙ

1

Было 14 августа. Быстрый подсчет подсказал Гарденеру, что с Бобби были вместе сорок один день — почти как библейский период искушения Христа, как сказано — «Он блуждал в пустыне сорок дней и сорок ночей». Казалось, что больше. Казалось — всю жизнь.

Они с Бобби слегка поковыряли остывшую пиццу, которую Гарденер подогрел на ужин.

— Мне кажется, я хочу пива, — сказал Бобби, подходя к холодильнику. — Как ты? Будешь, Гард?

— Спасибо, я — пас.

Бобби подняла брови, но ничего не сказала. Она взяла пиво, вышла на веранду, и Гарденер услышал, как уютно скрипнуло сиденье ее старого кресла-качалки, когда она села. Чуть позже он налил себе в стакан холодной воды из-под крана, вышел и сел рядом с Бобби. Так они просидели довольно долго, не разговаривая, просто смотря в туманную неподвижность раннего вечера.

— Мы долго уже вместе, Бобби, ты и я, — сказал он.

— Да. Долго. И странный конец.

— Ты так думаешь? — спросил Гарденер, поворачиваясь в своем кресле, чтобы взглянуть на Бобби. — Конец?

Бобби слегка пожала плечами. Она отвела глаза от глаз Гарденера.

— Ну, ты знаешь. Окончание фазы. Как насчет этого? Так лучше?

— Если это точное определение, то тогда не лучше и даже не самое лучшее — это лишь слово. Этому я тебя учил?

Бобби рассмеялась.

— Да, этому. Чертов первый класс. Бешеные собаки, англичане и ... учителя английского.

— Да.

— Да.

Бобби отхлебнула пива и снова посмотрела на Олд-Дерри-Роуд. Ожидает их с нетерпением, подумал Гарденер. Если они вдвоем действительно сказали все, что можно было сказать после всех этих лет, он почти пожелал, чтобы он никогда больше не поддавался желанию вернуться, невзирая на причины или возможные результаты. Такое завершение отношений, которые в свое время включали любовь, секс, дружбу, период напряженности, огорчений и даже ярости, казалось насмешкой над всем — болью, обидой и усилиями.

— Я всегда любила тебя, Гард, — Бобби проговорила мягко и проникновенно, не глядя на него. — И неважно, как это поворачивается, помни, что я все еще люблю тебя. — Теперь она посмотрела на него, ее лицо под толстым слоем косметики было пародией на лицо — это был какой-то безнадежный клоун, слегка походивший на Бобби. — И я надеюсь, что ты будешь помнить, что я никогда не хотела споткнуться об эту проклятую штуку. Моя свободная воля не была здесь определяющим фактором, как мог бы сказать какой-нибудь ученый осел.

— Но ты решила выкопать ее, — сказал Гарденер. Его голос был так же мягок, как и голос Бобби, но он почувствовал новый ужас, вкрадывающийся в его сердце. Не была ли шутка об отсутствии свободы воли замаскированным извинением за его собственное предстоящее убийство?

Остановись, Гард. Перестань хвататься за тени.

А машина, выкопанная в конце Ниста-Роуд, разве тень? — сразу возразил его мозг.

Бобби мягко рассмеялась.

— Старик, идея выкопать или нет такую вещь, как эта, всегда может быть функцией свободы воли... ты можешь втюхивать это детям на диспутах в высшей школе, но мы-то не там, а здесь, на веранде, Гард. Ты ведь действительно не думаешь, что человек выбирает что-то подобное, правда? Не полагаешь ли ты, что люди могут решить отказаться от всего знания, после того как они увидели однажды его маленький краешек?

— За эту идею я пикетировал атомные электростанции, — медленно ответил Гарденер.

Бобби отмахнулась. — Общества могут сделать выбор не осуществлять идею — хотя я и в этом сомневаюсь, но ради аргументации пусть будет так — а обычные люди? Нет, Гард. Извини. Когда

обыкновенный человек увидит что-то торчащее из земли, он выкопает это. Хотя бы потому выкопает, что это может быть клад.

— И у тебя не было ни малейшего подозрения, что это может быть... радиоактивным, — слово, которое пришло на ум. Но он не думал, что это будет то слово, которое понравится Бобби, — ... может иметь последствия?

Бобби широко улыбнулась. — Ни единого во всем мире.

— Но Питеру это не понравилось.

— Нет. Питеру не понравилось. Но это не убивало его, Гард. Я совершенно уверен, что нет.

— Питер умер от естественных причин. Он был старым. Эта штука в лесу — это корабль из другого мира. Это не Ящик Пандоры, ни божественное дерево с яблоками. Я не слышала никакого голоса с небес, распевającego «О ты, не ешь с этого корабля, иначе умрешь».

Гарденер слегка улыбнулся.

— Но это является кораблем знания, не так ли?

— Да. Я полагаю.

Бобби вновь стала смотреть на дорогу, очевидно, не желая обсуждать дальше эту тему.

— Когда ты их ожидаешь? — спросил Гарденер.

Вместо ответа Бобби кивнула в сторону дороги. Подъезжал «кадди» Кьюла Арчинбурга, за ним следовал старый «форд» Эдли Маккина.

— Пойду-ка я внутрь да вздремну, — сказал Гарденер поднимаясь.

— Если ты хочешь пойти вместе с нами к кораблю, то пошли.

— С тобой — возможно. С ними? — Он ткнул большим пальцем в сторону подъезжающих автомобилей. — Они думают, что я сумасшедший. Да и к тому же они ненавидят то, что внутри меня, потому что не могут читать мои мысли.

— Если я говорю — пошли, значит, пошли.

— Спасибо, но я — пас, — сказал Гарденер, вставая и потягиваясь. — Да и я их тоже не люблю. Они действуют мне на нервы.

— Прости.

— Не стоит. Но... завтра. Только мы вдвоем, Бобби. Верно?

— Верно.

— Передай им привет. И напомни им, что я помогал, есть у меня стальная пластина в голове или нет.

— Обязательно. Конечно, напомню. — Но глаза Бобби опять скользнули в сторону, и Гарденеру это не понравилось. Совсем не понравилось.

Он думал, что они сначала пойдут в сарай, но они не пошли. Они стояли снаружи некоторое время и разговаривали — Бобби, Фрэнк, Ньют, Дик Эллисон, Хейзл и другие, а затем двинулись по направлению к лесу тесной группой. Освещение уже начинало приобретать пурпурный оттенок, и большинство из них несли фонари.

Наблюдая, Гарденер почувствовал, что это действительно последний момент с Бобби, пришел и ушел. И теперь ничего не осталось, кроме как пойти в сарай и посмотреть, что там. Решиться раз и навсегда.

Увидеть глазное яблоко, заглядывающее сквозь облако дыма за зеленой дверью...

Он поднялся и прошел через дом в кухню вовремя, чтобы увидеть их, направляющихся в буйно растущий сад Бобби. Он быстро пересчитал их, удостоверюсь, что все они были там, затем направился к подвалу. Там, внизу, Бобби держала связку ключей.

Он открыл дверь подвала и остановился в последний раз.

Ты действительно хочешь это сделать?

Нет, нет, он не хотел. Но он намеревался сделать это. И он обнаружил, более чем страх, он чувствовал огромное одиночество. Не было никого, к кому он мог бы обратиться за помощью. Он был в пустыне с Бобби Андерсон сорок дней и сорок ночей, и теперь он был в пустыне с самим собой. Боже, помоги ему.

К чертям все, подумал он. Как, наверное, должен был сказать сержант взвода времен старой первой мировой войны: вперед, парни, вы что, собрались жить вечно?

Гарденер пошел вниз за связкой ключей Бобби.

Она была там, висят на своем гвозде, и почти на всех ключах были бирки. Единственная хитрость была в том, что ключ от сарая исчез. Он должен был быть здесь — он был полностью уверен. Когда он последний раз видел его здесь? Гард пытался вспомнить и не мог. Бобби принимает меры предосторожности? Возможно.

Он стоял в Новой и Улучшенной Мастерской с вспотевшим лбом и с вспотевшими яйцами. Ключа нет. Это просто великолепно. И что ему теперь делать? Схватить топор Бобби и сделать, как Джек Николсон в «Сияющем»? Он представил себе это. Хрясь, бах, трах: Здеееееееь ГАРДЕНЕР! Тут, правда, было бы тяжело заделать дыру, прежде чем пилигримы вернутся с Просмотра Священного Люка.

Он стоял в мастерской Бобби, чувствуя, как время уходит, ощущая себя Старым и Неулучшенным. Как долго они будут там, в любом случае? Нельзя сказать, правда? Совсем нельзя.

О'кей, куда люди кладут ключи? Предположим, что она просто принимает меры предосторожности, но не пытается спрятать его от тебя.

Мысль осенила его столь внезапно, что он даже хлопнул себя по лбу. Бобби не брала ключ. И никто не пытался спрятать его. Ключ пропал, когда Бобби, предположительно, была в Дерри-Хоум госпитале, поправляясь от солнечного удара. Он был почти уверен в этом и, хотя память не могла или не хотела подсказать, логика подсказывала.

Бобби не была в Дерри-Хоум, она была в сарае. Взял ли кто-нибудь из остальных ключ, чтобы заботиться о ней, когда ей требовалась забота? Сделали ли они все копии? Зачем беспокоиться? Никто в Хэвене не был занят воровством в эти дни — они были заняты «превращением». Единственная причина, по которой сарай держали закрытым, была — не пускать его. Так что они просто могли...

Гарденер вспомнил, как он наблюдал за ними, когда они приехали как-то раз после того, как с Бобби произошло «что-то» ... «что-то», что было намного более серьезно, чем тепловой удар.

Он закрыл глаза и увидел «кадди». KYLI-1. Они выходят и ...

...и Арчинбург отделяется от остальных на несколько мгновений. Ты приподнялся на локте, смотришь на них в окно и если вспомнить, то ты подумал, что он, должно быть, зашел за угол, чтобы облегчиться. Но он отошел не за этим. Он зашел за угол, чтобы взять ключ. Конечно, вот что он сделал. Зашел за угол, чтобы взять ключ.

Это было немного, но достаточно, чтобы начать действовать. Он взбежал обратно по лестнице из подвала, направился к двери, затем повернул обратно. В ванной на медицинской аптечке лежали древние солнцезащитные очки Фостер Грант — они нашли там покой, который всегда в конце концов находят обычные предметы в жилище холостого мужчины или женщины (как косметика, принадлежавшая жене Ньюта Берринджера). Гарденер снял оттуда очки, сдул толстый слой пыли с линз и осторожно их протер, затем согнул дужки и положил очки в нагрудный карман.

Он вышел к сараю.

4

Он постоял некоторое время перед дверью, запертой на висячий замок, вглядываясь в тропинку, ведущую к раскопкам. Темнота уже достаточно сгустилась, так, что лес за садом стал серовато-голубой

массой, в которой нельзя было различить деталей. Он не увидел подпрыгивающих лучей возвращающихся фонарей.

Но они могут повернуть. Каждую минуту они могут повернуть и поймать тебя за руку, которую ты засунул в банку с вареньем.

Хотя они, наверное, должны очень хорошо провести там время, особенно когда будет светить луна. У них будет мощный прожектор.

Но ты не можешь быть уверен.

Нет. Не уверен.

Гарденер перевел свой пристальный взгляд на дощатую дверь. Сквозь щели между досками он видел зеленый свет, и он слышал слабый, неприятный шум, как от старомодной стиральной машины, забитой одеждой и пеной.

Нет — даже не от одной стиральной машины, а от целого ряда асинхронно работающих машин.

Свет пульсировал с низким хлюпающим звуком.

Я не хочу туда идти.

Чувствовался запах. Даже запах, подумал Гарденер, был слегка мыльный, со слабым намеком на прогорклость. Старое мыло. Затвердевшее мыло.

Но это не стадо стиральных машин. Это звучит, как живое. Это не телепаты-машинистки, и не Новые и Улучшенные нагреватели воды, это что-то живое, и я не хочу входить туда.

Но он собрался. И, в конце концов, разве он не избежал смерти, чтобы посмотреть, что внутри сарая Бобби, и поймать Томминокеров на их странных маленьких скамейках. Он полагал, что так оно и было.

Гард зашел за дальнюю стену сарая. Там, вися на ржавом гвозде под навесом крыши, был ключ. Он дотянулся до него дрожащей рукой и снял его. Он попытался сглотнуть. Вначале у него не получалось. Ему показалось, что его горло заложено сухой теплой фланелью.

Выпить. Совсем чуть-чуть. Я войду в дом, достаточно большой, чтобы раздобыть немного коньяка с содовой. И тогда я буду готов.

Прекрасно. Это звучало великолепно. Кроме того, что он не собирался это делать и знал об этом. Период выпивки прошел. Есть время пить, и есть время завязывать. Крепко держа ключ во вспотевшей руке, Гарденер вернулся к двери. Он думал: не хочу идти туда. Не хочу даже думать, что я могу. Потому что я так боюсь...

Хватит. Давай закончим и этот период. Твою Фазу Томминокера.

Он снова огляделся по сторонам, почти надеясь увидеть свет фонарей приближающихся со стороны леса или услышать их голоса.

Но он не услышит их, потому что они разговаривают мыслями.

Ни фонарей. Ни шевеления. Ни треска. Ни песен птиц. Был только один звук — звук стиральных машин, звук усиленного, просачивающегося сердцебиения.

Слишиш — слышиш — слышиш...

Гарденер взглянул на зеленый свет, пробивающийся сквозь щели между досками. Он залез в карман, вынул оттуда старые солнцезащитные очки и надел их.

Он очень давно молился последний раз, но теперь он молился. Молитва была краткой, но это была настоящая молитва.

— Боже, прошу тебя, — сказал Джим Гарденер в смутные летние сумерки и вставил ключ в скважину висячего замка.

5

Он ждал вспышки радио в голове, но ничего не произошло. Пока это не случилось, он не замечал, что у него свело живот и посасывало под ложечкой, как у человека в ожидании электрического удара.

Он облизнул губы и повернул ключ.

Звук, еле слышный на фоне низкого, шипящего гула, доносившегося из сарая, — клик!

Дужка, слегка спружинив, отскочила от замка. Он дотронулся до нее рукой, которая, как ему показалось, была налита свинцом. Он снял замок, защелкнул дужку и положил его в левый передний карман, с ключом, все еще торчащим в нем. Он чувствовал себя как во сне. И это был нехороший сон.

Воздух внутри должен был быть нормальным — нет, возможно, не нормальным; возможно, нигде теперь в Хэвене воздух не был действительно нормальным. Но он был тем же, что и воздух снаружи, подумал Гард, потому что в сарае были щели, как в решетке. Если существует такая вещь, как чистая биосфера Томминокеров, то это была не она. По крайней мере, он так не думал.

Все равно он по возможности не будет рисковать. Он глубоко вздохнул, задержал дыхание и велел себе считать свои шаги. Три. Ты войдешь внутрь не более, чем на три шага. На всякий случай. Хорошо осмотреться вокруг и затем назад. Очень быстро.

Ты надеешься.

Да, я надеюсь.

Он бросил последний взгляд на тропинку и, ничего не увидев, повернулся к сараю и открыл дверь.

Зеленое сияние, ослепляющее даже сквозь темные очки, вылилось на него, как искаженный солнечный свет.

Вначале он не смог ничего разглядеть. Свет был слишком ярким. Он догадывался, что он бывает и ярче при других обстоятельствах, но он никогда не был так близок к нему. Близок? Господи, да он был в нем. Кто-нибудь, стоящий сейчас в стороне от открытой двери, смог бы с большим трудом разглядеть его.

Он вновь прищурил глаза от этой сияющей зелени и сделал шаркающий шаг вперед... затем другой шаг ...затем третий. Его руки были вытянуты вперед, как у нащупывающего путь слепого. Да он и был как слепой; черт, у него были даже темные очки.

Шум стал громче.

Слишиш — слышиш — слышиш, доносилось слева. Он повернулся в этом направлении, но не двинулся дальше. Он боялся идти дальше, боялся того, до чего он мог бы дотронуться.

Его глаза стали привыкать. Он стал различать темные контуры в зелени. Скамейка... но на ней нет Томминокеров; она просто придвинута к стене, с дороги. И...

Боже мой, это стиральная машина! Это действительно она!

Точно, это была она, одна из тех старомодных моделей, с выжимающим катком наверху, но не она производила этот удивительный шум. Она также была придвинута к стене. Она находилась в стадии какой-то модификации — кто-то поработал над ней в лучших традициях Томминокеров, но она не работала в данный момент.

Далее стоял пылесос «Электрোলюкс», один из тех, старых, длинных, которые ездят на колесах близко к земле, как механическая такса. К колесам была прикреплена цепь с шипами. Груды детекторов дыма из «Рэдио Шэк» почти все в коробках. Несколько керосиновых цилиндров с вделанными шлангами и еще чем-то, напоминавшим руки...

Руки, конечно, руки, они роботы, создающиеся роботы... мать их так, и ни один из них не выглядит как белый голубь мира, не правда ли, Гард? И...

Слишиш — слышиш — слышиш.

Дальше влево. Сияние исходило отсюда.

Гард услышал, как забавный, причиняющий боль шум покинул его. Дыхание, которое он задерживал, слабо вырывалось наружу, как воздух из продырявленного воздушного шара. Так же из его ног уходила сила. Он пошарил вслепую рукой, нашел скамейку и не сел, а просто свалился на нее. Он не мог оторвать глаз от левого заднего угла сарая, где Ив Хиллман, Энн Андерсон и старый добрый Питер были каким-то образом подвешены на столбах в двух стальных оцинкованных душевых кабинах, дверей у которых не было.

Они висели, как куски туш на мясных крюках. Но они были живы. Гард видел это. Каким-то образом, как-то еще живы.

Толстый черный кабель, выглядевший как линия высокого напряжения или коаксиальный, кабель выходил из центра лба Энн Андерсон. Похожий кабель выходил из правого глаза старика. И почти верхушка черепа собаки была снята; дюжины маленьких проводов выходили из открытого и пульсирующего мозга Питера.

Глаза Питера, свободные от катаракты, обратились к Гарду. Он скулил.

Иисус... о Иисус... о Иисус Христос.

Он попытался встать со скамейки. Он не смог.

Части верхушки черепа старика и Энн, как он заметил, тоже были удалены. Двери душевых кабин были сорваны, но кабины были наполнены какой-то прозрачной жидкостью — она содержалась там тем же способом, что и маленькое солнце в нагревателе воды Бобби, как он предположил. Если бы он попытался проникнуть в одну из кабин, он почувствовал бы сильную пружинистость. Избыток эластичности ... но отсутствие доступа.

Хочешь выйти туда? Я только хочу выйти отсюда!

Затем его мозг вернулся к своему предыдущему священному писанию:

Иисус ... милый Иисус ... о Иисус, посмотри на них...

Я не хочу смотреть на них.

Нет. Но он не смог оторвать глаз.

Хотя жидкость была прозрачной, она была изумрудно-зеленого цвета. Она двигалась, издавая этот низкий, плотный мыльный звук. Несмотря на всю ее прозрачность. Гарденер полагал, что жидкость, должно быть, очень вязкая, возможно, как средство для мытья посуды.

Как они в ней дышат. Как они до сих пор живы? Может, нет, может быть, просто движение жидкости заставляет тебя думать, что они живы. Может, это только иллюзия, пожалуйста, Иисус, пусть это будет иллюзия.

Питер ... ты слышал как он скулил?

Ну и что. Это тоже часть иллюзии. Вот и все.

Он подвешен на крюке в душевой кабинке, заполненной межзвездным эквивалентом средства для мытья посуды «Джой», он не смог бы скулить в нем, тогда пошли бы мыльные пузырьки, и у тебя просто глюки. Вот что это такое — небольшой визит Короля Глюка.

Только это не было глюками, и он это знал. Он знал, что слышал скулеж Питера не ушами.

Этот звук болезненного, беспомощного поскуливания пришел оттуда же, откуда приходила музыка по радио — из глубины его мозга.

Забери меня отсюда! — вскричала она. — Забери меня отсюда, я оставлю ее в покое, я не чувствую ничего, кроме того, что они делают мне больно, делают мне больно, делают мне боллльльнноооо...

Гарденер вновь попытался подняться. Он смутно осознавал, что издавал какой-то звук. Все тот же самый звук. Этот звук был очень похож на тот, что мог бы издать сурок, раздавливаемый машиной при попытке перебежать дорогу.

Зеленоватая, двигающаяся жидкость придала лицу сестры Энн газообразный, призрачный трупный оттенок. Голубизна ее глаз поблекла. Ее язык колыхался, как плоть какого-то подводного растения. Ее красно-лиловые морщинистые пальцы были неподвижны.

Я ничего не чувствую, кроме того, что они делают мне больнооооо! — вопила Энн, и он не мог укрыться от этого голоса, не мог заткнуть пальцами уши, чтобы избавиться от него, потому что голос шел из его головы.

Слишшиш — слышшиш — слышшиш.

Медные трубки, входящие в крыши душевых кабинок, делали их похожими на шумно-веселую комбинацию барокамер Бака Роджерса и самогонных аппаратов Лайла Эбнера.

Шерсть Питера повылезала клочьями. Задние части его тела, казалось, были в коллапсе сами по себе. Его ноги совершали в жидкости длинные ленивые шаги, как будто ему снилось, что он убегает.

Когда они делают мне больноооо!

Старик открыл свой единственный глаз.

Мальчик.

Мысль была выражена ясно — вне всякого сомнения. Гарденер обнаружил, что отвечает ему.

Какой мальчик?

Ответ был моментальным, сначала поражающим, затем неоспоримым.

Дэвид. Дэвид Браун.

Один глаз уставился на него — немигающий сапфир с легким изумрудным оттенком.

Спаси мальчика.

Мальчик. Дэвид. Дэвид Браун. Был ли он связан как-то с этим, мальчик, которого они разыскивали в течение долгих изнуряюще жарких дней? Конечно, был. Возможно, не прямо, но косвенно.

Где он? — послал мысль Гарденер старику, плавающему в своем бледно-зеленом растворе.

Слишшш — слышшш — слышшш.

На Альтаире-4, наконец ответил старик, Дэвид на Альтаире-4. Спаси его ... а затем убей нас. Это ужасно. Действительно ужасно. Не можем умереть. Я пытался. Мы все пытались. Даже (сукасука)

она. Мы как в аду. Используй преобразователь, чтобы спасти Дэвида. Затем выдерни вилки. Перережь провода. Подожги все. Ты слышишь?

В третий раз Гарденер попытался подняться и бесформенной массой повалился обратно. Он стал осознавать, что толстые электрические кабели были размотаны по всему полу, и это вызвало далекое воспоминание о группе, которая подобрала его на заставе, где взимается подорожный сбор, когда он возвращался из Нью-Хэмпшира. Сначала он удивился, но затем обнаружил связь. Пол выглядел как сцена перед началом рок-концерта. Или как телестудия больших городов. Кабели змеились, входя в широкую раму, заполненную электрическими платами и грудой видеоманитов.

Все они были соединены проводами. Он поискал глазами преобразователь постоянного типа, ничего не обнаружил и затем подумал: Конечно нет, идиот. Батареи — это и есть постоянный ток.

Видеоманитовы были соединены с сетью домашних компьютеров — «Атари», «Эппл»-II и III, TRS-80, «Комматор». На одном из зажженных экранов мигало слово

ПРОГРАММА?

За модифицированными компьютерами было еще больше электрических плат — сотни. Все сооружение издавало низкий сонный гул — Звук, который он связывал с — (используй преобразователь)

большим количеством электрического оборудования.

Свет струился от рамы и от беспорядочно расположенных в ней друг за другом компьютеров зеленым потоком — но свет не был постоянным. Он был цикличным. Импульсы света и их связь с мыльными звуками, исходившими из душевых кабин, была очень четкой.

Это центр, подумал он со слабым возбуждением больного. Это приложение к кораблю. Они приходят в сарай, чтобы как-то использовать это. Это преобразователь, и они берут от него свою силу.

Используй преобразователь, чтобы спасти Дэвида.

С таким же успехом можно попросить меня полетать в BBC-1. Придумай что-нибудь попроще, папаша. Если бы я смог вернуть его откуда бы то ни было путем декламации Марка Твена или даже По, — я бы попытался. Но с помощью этой штуки. Она выглядит, как взрыв на электронной фабрике.

Но — мальчик.

Сколько ему? Четыре? Пять?

И куда, во имя Господа, они поместили его? Буквально, границей было небо.

Спаси мальчика ... используй преобразователь.

Но, конечно, не было времени даже на то, чтобы вглядываться в эти проклятые сообщения. Остальные могли вернуться. И все же он устался на один из мониторов с гипнотической напряженностью.

ПРОГРАММА?

Что если я наберу Альтаир-4 на клавиатуре? — задумался он и увидел, что клавиатуры не было; и в ту же секунду буквы на экране изменились.

АЛЬТАИР-4,

прочел он.

Нет вскричал его мозг, с чувством вины за незаконное вторжение. Нет, Иисус, нет!

НЕТ ИИСУС НЕТ,

заструились буквы.

Перестань! Перестань! — подумал Гарденер, покрываясь потом.

ПЕРЕСТАНЬ ПЕРЕСТАНЬ

Эти буквы мигали ... и мигали. Гарденер устался на них, объятый ужасом. Затем:

ПРОГРАММА?

Он попытался оградить свои мысли и снова попытался подняться на ноги. На этот раз ему это удалось. Из преобразователя выходило еще несколько проводов. Они были тоньше. Их было ... Он подсчитал. Да. Всего восемь. Заканчивающихся наушниками. Наушники. Фриман Мосс. Дрессировщик зверей, управляющий механическими слонами.

Здесь было больше наушников. Каким-то сумасшедшим образом это напомнило ему языковую лабораторию высшей школы.

Может, они учат здесь другой язык?

Да. Нет. Они учатся «превращаться».

Машина обучает их. Но где здесь батареи? Я не вижу ни одной. На эту штуку должно быть повешено десять или двенадцать старых добрых «Делкоу». Чтобы поддерживать протекание через нее заряда. Должно быть...

Ошеломленный, он снова поднял глаза на душевые кабинки.

Он взглянул на коаксиальные кабели, выходящие из лба женщины, глаза старика. Он смотрел на лапы Питера, совершающие большие, широкие сонные шаги, и удивился тому, как только у Бобби на платье могли оказаться собачьи волосы — может, она меняла у Питера этот эквивалент межзвездной смазки? Преодолела ли она простые человеческие чувства? Любовь? Раскаяние? Вину?

Обнимала ли она свою собаку перед тем, как снова наполнить кабинку жидкостью?

Они и есть батареи. Органические «Делкоу» и «Эвреди», можно сказать. Они высасывают их досуха. Высасывают их как вампиры.

Новое чувство появилось у него, несмотря на страх, замешательство и ошеломленность, — это была ярость, — и Гарденер приветствовал его.

Они делают больно ... делают больно... делают больноооо...

Ее голос внезапно оборвался. Монотонный гул преобразователя изменил высоту — он стал еще ниже. Свет, излучаемый рамой, немного поблек. Он подумал, что она потеряла сознание, уменьшив таким образом общую мощность машины — некоторое количество ... чего? Вольт? Дин? Ом? Хрен знает чего?

Покончи с этим, сынок. Спаси моего внука и затем покончи с этим.

В какой-то момент голос старика заполнил его голову, абсолютно ясно и абсолютно понятно. Затем он пропал. Глаз старика закрылся.

Зеленый свет, идущий от машины, стал еще бледнее.

Они пробудились, когда я вошел, подумал он лихорадочно. Гнев все еще колотил и сверлил его мозг. Он выплюнул зуб, почти не заметив этого. Даже Питер немного проснулся. Теперь они возвратились к состоянию, в котором находились ... раньше. Спали? Нет. Не спали. Что-то другое. Замороженное хранение органики.

Он повернулся назад, прочь от преобразователя (что все-таки он преобразует, как, зачем). От душевых кабин, от кабелей. Его глаза обратились к массе приспособлений, выстроенных в ряд у дальней стены. На стиральной и выжимающей машине было что-то прикреплено к крышке, что-то похожее на изогнутые телевизионные антенны в форме бумеранга, которые можно иногда увидеть сзади у лимузинов. Чуть позади стиральной машины и левее нее стояла старомодная ножная швейная машинка со стеклянной воронкой, прикрепленной к ее боковому колесу. Керосиновые цилиндры со шлангами и стальными руками ... он заметил, что к концу одной из рук был приварен мясницкий нож.

Христос, что это все такое? Зачем это все?

Голос прошептал: может, это охрана, Гард. На случай если полиция Далласа объявится слишком рано. Это Новобранческая Армия Томминокеров — старые стиральные машины с ячеистыми антеннами. Пылесосы «Электролюкс» с шипованными цепями на колесах. Назови и требуй, детка.

Он чувствовал, как его рассудок колеблется. Его глаза неустанно возвращались к Питеру. Питеру, чья черепная коробка была почти полностью удалена, Питеру, у которого из того, что раньше было

его головой, теперь торчал пучок проводов. Его мозги выглядели как мертвенно бледный кусок телятины со связкой температурных зондов, воткнутых в него.

К Питеру, чьи ноги сонно неслись по жидкости, как будто он убегал.

Бобби, подумал он с отчаянием и яростью, как ты могла сделать такое с Питером? Христос!

С людьми было гадко, отвратительно, — но с Питером было как-то еще хуже. Это кошунство переходило границы всяческого цинизма. Питер, его ноги скакали и скакали, как будто он убегал в своем сне.

Батарей. Живые батареей.

Попятившись, он ударился обо что-то. Послышался монотонный металлический удар. Он повернулся и увидел еще одну душевую кабинку, ее стенки уже слегка цвели ржавчиной, передняя дверь исчезла. Сзади были пробиты дыры, Через них были пропущены провода, сейчас они слабо свисали, на их концах были вилки большого диаметра.

Для тебя, Гард! — завершал его мозг. Эта вилка для Вас, как говорят рекламы. Они откроют сзади твою черепную коробку, может быть, отключат твои центры двигательного аппарата, чтобы ты не мог шевелиться, и потом будут сверлить — сверлить до того места, где они смогут получить свою силу. Эта вилка для тебя, что бы ты ни делал ... все готово и ждет! Ух ты! Просто изумительно!

Он ухватил свои мысли, которые закручивались в истерическую спираль, и взял их под контроль. Не для него; по крайней мере, не изначально. Она уже была использована. Здесь был легкий запах и пена. Потeki высушенной слизи на внутренних стенках — все, что осталось от плотной зеленой жидкости. Выглядит, как сперма Волшебника из Страны Оз, — подумал он.

Ты имеешь в виду, что Бобби пустила свою сестру плавать в большой банк спермы?

Страшный смехок снова вырвался у него. Он прижал тыльную сторону руки к губам, прижал сильно, чтобы заглушить его.

Он взглянул вниз и увидел пару кожаных туфель, валяющихся рядом с душевой кабинкой. Он поднял одну и увидел на ней засохшие брызги крови.

Это Бобби. Ее единственная пара хороших туфель. Ее «выходные» туфли. Она была обута в них в тот день, когда поехала на похороны.

Другая туфля также была в крови.

Гард заглянул за душевую кабинку и увидел остальную одежду, в которую Бобби была одета в тот день.

В крови, все в крови.

Он не хотел дотрагиваться до блузки, но предмет под ней был слишком ясен. Он ухватил ее за самый маленький краешек, за какой только мог, двумя пальцами и оттащил ее от хорошей угольного цвета юбки Бобби.

Под рубашкой лежал револьвер. Это был огромный револьвер, выглядевший самым старым из тех, которые Гард когда-либо видел, исключая картинки в книжках. Слегка помедлив, он поднял револьвер и прокрутил барабан. Четыре патрона еще были здесь. Двух не было. Гарденер был готов поспорить, что один из них был выпущен в Бобби.

Он вставил барабан на место и сунул револьвер за пояс. Сразу в его голове заговорил голос. Застрелил свою жену ... хорошее дело ... твою мать.

Ничего. Револьвер может пригодиться.

Когда они заметят, что он исчез, это будешь ты, кого они будут сразу искать, Гард. Я думал, что ты уже пришел к этому заключению.

Нет, он полагал, что это не та вещь, о которой ему стоило беспокоиться. Они заметили бы измененные слова на экране компьютера, но до этих вещей не дотрагивались с тех пор, как Бобби сняла их (или они сняли их с нее, что более вероятно).

Они должны быть слишком возвышенны, чтобы, входя сюда, беспокоиться слишком много о домашнем хозяйстве, — подумал он. Эта чертова ерунда не заслуживает внимания.

Он снова потрогал револьвер. Сейчас голос в его голове молчал. Возможно, он решил, что тут нет тем, о которых стоит беспокоиться.

Если ты должен застрелить Бобби, сможешь ли ты это сделать? Это был вопрос, на который он не мог ответить.

Слишиши — слышиши — слышиши.

Как долго отсутствует Бобби и ее компания? Он не знал — не имел ни малейшего понятия. Время не имело никакого значения здесь; старик был прав. Здесь был ад. И откликался ли Питер на ласку своей странной хозяйки, когда она приходила сюда?

Его желудок был на грани тошноты. Он должен был убраться отсюда — убраться прямо сейчас. Он чувствовал себя персонажем из волшебной сказки, женой Синей Бороды в тайной комнате, Джеком, копающимся в куче золота великана. Он ощущал себя готовым к открытию. Но он держал перед собой заскорузлую от крови одежду, как будто был примерзшим. Не как будто; он и был примерзшим.

Где Бобби?

Она получила солнечный удар.

К черту загадочный солнечный удар, который залил ее блузку кровью. Гарденер испытывал нездоровый, болезненный интерес к оружию и к повреждениям, которые оно может нанести челове-

скому телу. Если ее застрелили из того большого револьвера, который сейчас торчал у него за поясом, то он полагал, что Бобби не смогла бы выжить — даже если бы ее быстро доставили в госпиталь, специализирующийся на лечении опасных огнестрельных ран, она, вероятно, умерла бы.

Они принесли меня сюда, когда я была разорвана на части, но Томминокеры прекрасно собрали меня.

Не для него. Старая душевая кабинка была не для него. Гарденеру показалось, что он может завершить рассуждения с большей определенностью. Кабинка была для Бобби.

Они принесли ее сюда и ... что?

Что, повесили к своим батареям, конечно. Не к Энн, ее тогда еще здесь не было, а к Питеру ... и Хиллману.

Он выронил блузку ... затем заставил себя поднять ее снова и положить ее обратно поверх юбки. Он не знал, насколько много из мира реального они заметят, когда войдут сюда (немного, он полагал), но он не хотел предоставлять им лишних шансов.

Он посмотрел на дыры в задней стенке кабины, висящие провода со стальными вилками на концах.

Зеленый свет начал пульсировать ярче и быстрее снова. Он обернулся. Глаза Энн вновь были открыты. Ее короткие волосы шевелились вокруг головы. Он все еще видел эту бесконечную ненависть в ее глазах, сейчас уже смешанную с ужасом и растущим удивлением.

И теперь были пузыри.

Они выплывали у нее изо рта в сжатом плотном потоке.

Мысль/звук взорвались в его голове.

Она кричала.

Гарденер выбежал.

7

Настоящий ужас — наиболее ослабляющая из всех эмоций. Он истощает эндокринную систему, впрыскивает в кровь органический наркотик, сокращающий мышцы, заставляет бешено стучать сердце, опустошает рассудок. Джим Гарденер вышел шатаясь из пристройки Бобби Андерсон на подгибающихся ногах, с сумасшедшими глазами, с глупо открытым ртом (язык болтался в одном углу, как мертвый), с горячими и переполненными внутренностями, его живот сводило судорогой.

Было тяжело думать на фоне грубых и мощных образов, которые вспыхивали у него в голове, как неоновая вывеска над баром — тела, висящие на крюках, как насекомые, наколотые на булавки жесто-

кими, скучными детьми; неустанное движение лап Питера; окровавленная блузка с пулевым отверстием; вилки; старомодная стиральная машина, увенчанная изогнутой антенной. Самый мощный из всех был образ сжатого и плотного потока пузырей, вырывающегося из рта Энн Андерсон, когда она кричала в его голове.

Он вошел в дом, вбежал в ванную и упал на колени перед унитазом, но обнаружил, что его не тошнит. Он хотел, чтобы его вырвало. Он думал о червивых «хотдогах», о заплесневелой пище, о розовом лимонаде с плавающими в нем лобковыми волосами; наконец, он просто засунул два пальца в рот. Он смог вызвать этим только расширение рта, но не более. Он не мог вызвать рвоту. Только это.

Если я не смогу, я сойду с ума.

Прекрасно, сойди с ума, если так требуется. Но сначала сделай то, что ты должен сделать. Продержись до тех пор. И, кстати, Гард, у тебя есть еще какие-нибудь вопросы относительно того, что ты должен сделать?

У него больше не было вопросов. Его убедили лапы Питера, совершающие постоянное движение. Его убедил поток пузырей. Он не понимал, как мог он так долго колебаться перед лицом силы, которая была так очевидно испорчена, так очевидно прочна.

Потому что ты был безумен, — ответил он себе. Гард кивнул. Никакого другого объяснения не требовалось. Он был безумен — и не только последний месяц или около того. Он пробудился поздно, о да, очень поздно, но лучше поздно, чем никогда.

Звук.

Слишиши — слышиши — слышиши.

Запах. Легкий и мясной. Запах, который его рассудок ассоциировал с сырой телятиной, медленно портящейся в молоке.

Его желудок сжался. Обжигающая, кислотная отрыжка обожгла его горло. Гарденер застонал.

Идея — слабый огонек — вернулась к нему, и он ухватился за нее. Может быть, еще можно было положить всему этому конец ... или по крайней мере взять все в свои руки на долгое, долгое время. Может, еще можно.

Ты позволил миру катиться ко всем чертям своей дорогой, Гард, за две минуты до полуночи или нет.

Он снова подумал о Теде-энергетике, — подумал о безумных военных организациях, торгующих еще более усложненным оружием друг с другом, и эта злая, невнятная, одержимая часть его мозга в последний раз попыталась уничтожить здравый смысл.

Заткнись, — сказал ей Гард.

Он пошел в спальню для гостей и стянул с себя рубашку. Он взглянул в окно и теперь смог увидеть вспышки света, приближаю-

щиеся со стороны леса. Наступила темнота. Они возвращались. Они войдут в сарай и, возможно проведут небольшой сеанс. Встреча разумов вокруг душевых кабинок. Братство в уютном зеленом сиянии изнасилованных мозгов.

Наслаждайтесь, — подумал Гарденер. Он положил револьвер сорок пятого калибра под матрац и расстегнул свой ремень. Может быть, в последний раз, так что...

Он взглянул на рубашку, из кармана торчала металлическая дуга. Это был, конечно, висячий замок. Замок от двери сарая.

8

В течение какого-то промежутка времени, который показался намного длиннее, чем он был на самом деле, Гарденер не мог двигаться вообще. Чувство нереального, как в ночном кошмаре, страха вновь овладело его усталым сердцем. Он уменьшился до размеров объятых ужасом зрителя, наблюдающего за тем, как огни неуклонно двигались по тропинке. Скоро они достигнут заросшего сада. Они пройдут сквозь него. Они пересекут дворик перед домом. Они подойдут к сараю. Они увидят, что замок пропал. Тогда они войдут в дом и либо убьют Джима Гарденера, либо отправят его, распыленного на атомы, на Альтаир-4, где бы это ни находилось.

Его первой мгновенной мыслью была просто паника, завизжавшая самым тонким голосом:

Беги! Прочь отсюда!

Его вторая мысль была неуверенным возвращением рассудка. Охраняй свои мысли. Если ты когда-либо охранял их, охраняй их сейчас.

Он застыл со снятой рубашкой, с расстегнутым ремнем и расстегнутыми джинсами, висящими на его бедрах, уставясь на замок в кармане рубашки.

Выметайся отсюда прямо сейчас и повесь его обратно. Прямо СЕЙЧАС!

Нет ... нет времени ... О Боже, нет времени. Они уже в саду.

Возможно. Возможно, его будет достаточно, если ты прекратишь тут прочить и будешь пошевеливаться.

Он жестко заставил себя сломить охвативший его паралич, нагнулся, схватил замок, в котором все еще торчал ключ, и побежал, на ходу застегивая штаны. Он проскользнул через заднюю дверь, выждал момент, когда последние два фонаря скрылись в саду и исчезли, и побежал к сараю.

Смутно, еле-еле он слышал их голоса в своей голове — полные благоговения, удивления и восторга.

Он укрылся от них.

Зеленый свет струился веером из двери сарая, которая была приоткрыта.

Бог ты мой, Гард, как ты мог быть таким глупцом? Взвыл его загнанный в угол мозг, но он знал как. Было очень просто забыть о таких земных вещах, как запирающие двери, когда ты увидел двух людей, подвешенных на крюках, с коаксиальными кабелями, выходящими из их черепов.

Он услышал их уже в саду — услышал шуршание бесполезных огромных стеблей кукурузы.

Когда он дотянулся до засова, с замком в руке, он вспомнил, что закрыл его перед тем, как опустить его в карман. Его рука дрогнула при этой мысли, и он выронил замок, который со стуком ударился о землю. Он стал искать его и сначала совсем не смог ничего разглядеть.

Нет ... он был здесь, как раз за узкой полосой пульсирующего зеленого цвета. Да, это был замок, но ключа в нем больше не было. Ключ выпал, когда замок ударился о землю.

Боже мой. Боже мой. Боже, — всхлипнул его мозг. Он весь покрылся липким потом. Волосы налипли на глаза. Он подумал, что, должно быть, он пахнет, как протухшая обезьяна.

Он слышал, как все громче шуршали стебли и листья кукурузы. Кто-то громко рассмеялся — звук был шокирующе близко. Еще несколько секунд, и они выйдут из сада, он чувствовал, как эти секунды пробегают мимо, как важничающие бизнесмены с большими животами и чемоданчиками. Он упал на колени, сжал в руке замок и начал шарить другой рукой взад-вперед в пыли, пытаясь отыскать ключ.

Ах ты твою мать, где ты? Ах ты твою мать, где ты? Ах ты твою мать, где ты?

Даже сейчас, в панике, он не забыл выстроить экран вокруг своих мыслей. Работал ли он? Он не знал. К тому же, если он не найдет ключ, это не будет иметь значения, не так ли?

Ах ты твою мать, где ты?

Он заметил тусклое поблескивание серебра, подальше того места, где он шарил рукой.

Ключ был намного дальше, чем он предполагал. То, что он увидел его, было слепой удачей ... как у Бобби, предположил он, когда два месяца назад она споткнулась о край металла, торчащего из земли.

Гарденер схватил его и вскочил на ноги. Он еще какой-то момент будет скрыт от них углом дома, но это все, что ему оставалось. Еще одна заминка — даже самая маленькая — покончит с ним, ему не

останется времени даже на выполнение простейших маленьких операций, необходимых для того, чтобы повесить замок на дверь.

Судьба мира сейчас может зависеть от того, сумеет ли человек запереть дверь сарая с первой попытки, подумал он с удивлением. Современная жизнь так требовательна.

Еще какое-то время, о котором он не подумал, он старался вставить ключ в замок. Но тот постоянно тыкался вокруг скважины в дрожащей его руке. Затем, когда он решил, что все кончено, ключ скользнул в отверстие. Он повернул его. Замок открылся. Он закрыл дверь, продел дужку замка в засов и защелкнул его. Он вытащил ключ и зажал его во вспотевшей руке. Мягко, как нож в масло, он скользнул за угол сарая.

В этот момент мужчины и женщины, подходившие к кораблю, по одному вошли во двор.

Гарденер дотянулся до гвоздя, где он нашел ключ, чтобы повесить его. В этот кошмарный момент он подумал, что может вновь уронить ключ и ему придется искать его в высоких сорняках, растущих у этой стороны сарая. Когда ключ повис на гвозде, он перевел дыхание с дрожащим вздохом.

Часть его хотела не двигаться, просто замереть здесь. Но затем он решил не рисковать. В конце концов, он не знал, что у Бобби есть собственный ключ.

Он вновь заскользил вдоль стены сарая. Его левое колено ударилось о черенок старой бороны, брошенной в сорняк ржаветь, и ему пришлось сжать зубы, чтобы не закричать от боли. Он перешагнул через нее и скользнул за другой угол. Теперь он был за сараем. Этот мыльный звук был здесь раздражающе громким.

Я как раз за теми проклятыми кабинками, — подумал он. Они болтаются в дюймах от меня ... буквально в дюймах. Шорох сорняков. Минутный скрежет металла. Гарденер ощутил, что ему хочется одновременно смеяться и кричать. У них не было ключа Бобби. Кто-то только что зашел за стену сарая и взял ключ, который Гарденер повесил несколькими секундами раньше, — возможно, сама Бобби.

Все еще теплый от моей руки, ты заметила, Бобби?

Он стоял позади сарая, прижавшись к грубому дереву, слегка раскинув руки, прижав ладони к доскам.

Ты заметила? И ты слышишь меня? Вы все слышите меня? Не собирается ли кто-нибудь — Эллисон, Арчинбург или Берринджер — высунуть сюда свою голову и завопить: «Оп-ля, Гард, мы видим тебя»? Работает ли по-прежнему щит?

Он стоял там и ждал, когда они придут забрать его.

Они не пришли.

В обычную летнюю ночь он, возможно, не смог бы услышать металлический скрежет, когда отпирали дверь, — он был бы заглушен громким рии-рии-рии сверчков. Но сейчас не было сверчков. Он слышал, как отпирали дверь; слышал скрип петель, когда дверь открывалась; слышал скрип петель снова, когда дверь захлопнулась. Они были внутри.

Почти сразу же импульсы света, пробивающиеся сквозь щели, стали чаще и свет стал ярче и его мозг раскололся от агонизирующего крика:

Больно! Мне бооооо...

Он двинулся прочь от сарая и пошел обратно к дому.

9

Он лежал долгое время без сна, ожидал, что они выйдут снова, ожидал, что его раскроют.

Отлично, я могу попробовать положить конец «превращению», подумал он. Но это не сработает, если я не попаду внутрь корабля. Смогу ли я сделать это?

Он не знал. Бобби, по-видимому, не сомневалась, но Бобби и остальные были теперь другими. О, да, и сам он также «превратился», выпавшие зубы свидетельствовали об этом, способность читать мысли тоже. Он изменил слова на экране компьютера, просто подумав о них. Но шутить с собой не было смысла; он был далеко вне конкурса. Если Бобби выживет после путешествия на корабль, а ее старый приятель Гард упадет замертво, обронит ли кто-нибудь из них, включая саму Бобби, слезу? Он так не думал.

Может, это то, чего они хотят. Включая Бобби. Чтобы ты вошел внутрь корабля и от мощных гармонических радиоизлучений твой мозг раскололся бы на части. Это избавило бы Бобби от угрызений совести. Убийство без слез.

То, что они настаивают на том, чтобы избавиться от него, уже не вызвало у него никаких сомнений. Но он думал, что Бобби — старая Бобби — позволит ему прожить достаточно, чтобы увидеть внутренности странной штуковины, над откапыванием которой они трудились так долго. По крайней мере так чувствовалось. И, наконец, это не имело значения. Если убийство было тем, что планировала Бобби, реальной защиты не было, ведь верно? Он должен был войти внутрь корабля. Если он этого не сделает, идея его, безумная без всякого сомнения, не имела ни одного шанса на успех.

Надо попробовать, Гард.

Он решил попробовать, еще пока они были внутри, и, возможно, это будет завтра утром. Теперь он подумал, что, может быть, ему

следует протолкнуть свою удачу еще дальше. Если он будет действовать в соответствии с шумом и скандалом, что, как он предполагал, нужно назвать «оригинальным планом», не будет никакой возможности сделать что-нибудь для маленького мальчика. Мальчик должен был появиться в первую очередь.

Гард, он, возможно, уже мертв.

Может быть. Но старик так не думал; старик думал, что маленького мальчика еще можно спасти.

Один ребенок не имеет значения — по сравнению со всеми остальными. Ты знаешь это тоже — Хэвен похож на большой атомный реактор, который готов для аварии. Содержимое плавится. Отчекань фразу.

Это было логично, но это была логика банкомета. Точнее, логика убийцы. Логика энергетика Теда. Если бы он хотел играть таким образом, он бы и не беспокоился даже.

Ребенок имеет значение, или вообще ничего не имеет значения.

И может быть, так ему удастся спасти даже Бобби. Он так не думал; он думал, что Бобби зашла уже слишком далеко для спасения. Но он попытается.

Шансы неравны, Гард, старина Гард.

Конечно. На часах минута до полуночи ... и мы принимаемся считать секунды.

Размышляя об этом, он погрузился в темноту сна. Кошмары следовали один за другим, где он плавал в прозрачной зеленой ванне, привязанный толстыми коаксиальными кабелями. Он пытался кричать, но не мог, потому что кабели выходили у него изо рта.

Глава 5 СЕНСАЦИЯ

1

Укрывшись в чрезмерно украшенной «Баунти Таверн» — потягивая долларový «Хейникен» и смеясь над Дэвидом Брайтом, который потонул в пучине пошлого юмора, и как раз заканчивая сравнение Джона Леандро с приятелем супермена Джимми Олсенom, — Леандро колебался. Ему бесполезно рассказывать что-либо другое. Он в самом деле колебался. Но дальновидные люди всегда должны были терпеть колкости насмешек, и не один был сожжен или распят или вздернут на инквизиторской дыбе на пять-шесть дюймов за свою дальновидность. Выслушивать за пивом в «Баунти» колкости Брайта на тему «а

как работают секретные наручные часы нашего супермена?» вряд ли было самым страшным, что с ним могло случиться.

Его отпуск начался в прошлую пятницу, он надеялся съездить в Хэвен в тот самый день. Но он жил со своей овдовевшей матерью, и она так рассчитывала, что он отвезет ее в Новую Шотландию повидаться с сестрой, так она сказала, но если у Джона есть какие-то обязательства, то почему бы и нет, она все понимает; в конце концов она стара и, вероятно, уже не очень интересна, просто она та, кто готовит ему еду и стирает ему белье, и это прекрасно, поезжай Джонни, поезжай и поймай свою сенсацию, я только позвоню Меган по телефону, может, через неделю или две твой двоюродный брат Элфи привезет ее сюда повидаться со мной. Элфи ведь так добр к своей матери, и т.д., и т.п. до бесконечности.

В пятницу Леандро отвез мать в Новую Шотландию. Конечно, они задержались и к тому времени, когда они вернулись в Бангор, суббота была потеряна. Что до воскресенья, то это плохой день, чтобы начинать какое-нибудь дело.

Воскресенье всегда оставляло о нем чувство возвышенности. И изнуренности.

2

Итак в понедельник, 15 августа, перед тем, как Леандро наконец бросил свои любимые желтые блокноты, свой магнитофон «Сони», свою камеру «Никон» и сумку с принадлежностями, полную пленок и разных объективов, на переднее сиденье своего подержанного «Доджа» и приготовился выехать в Хэвен... и надеялся он на журналистскую славу.

День был тихим и приятным, очень теплым, но при этом без той ужасающей жары, которая стояла последние несколько дней. Это был день, который любой человек в мире запомнил бы навсегда. Джонни хотел, чтобы что-то произошло, но он забыл или никогда не слышал старой пословицы, которая гласит: «Бог говорит: бери все, что хочешь... и плати за это».

Он завел «Додж» и начал отъезжать от края мостовой.

— Не забудь обед, Джонни! — окликнула его мать. Она, запыхавшись, подбежала к нему, держа в руке коричневый бумажный мешок. Большие масляные пятна уже расплылись по коричневой бумаге; еще в начальной школе любимыми сэндвичами Джонни были болонские — с ломтиками бермудского лука и вессоновского масла.

— Спасибо, мамочка, — сказал он, высунувшись и беря сумку, и поставил ее на пол. — Хотя и не стоило тебе беспокоиться. Я мог бы перехватить где-нибудь гамбургер...

— Я тебе тысячу раз говорила, — сказала она, — ни в коем случае не заходи в эти «придорожные загрызочные», Джонни. Ведь ты не знаешь чистая у них кухня или нет.

— Ма, я должен еха...

— Ты ведь не можешь увидеть микробы, — сказала она. — Ты ведь знаешь, повара могут быть грязными. Они могут не мыть рук после туалета. У них под ногтями может быть грязь и даже экскременты. Понимаешь, не хотелось бы это обсуждать, но иногда мать должна проинструктировать своего сына. Поев в такой столовой, можно очень, очень заболеть.

— Мапочка...

Она издала многострадальный смех и слегка коснулась уголка одного глаза концом своего фартука.

— О, я знаю, твоя мать глупая, просто глупая старуха с кучей старых смешных мыслей и, вероятно, ей просто следует научиться помалкивать.

Леандро знал этот хитрый трюк уже давно, но он все же каждый раз заставлял его почувствовать смущение и виноватую неловкость, как восьмилетнего мальчика.

— Нет, мамочка, — сказал он, — я так вовсе не думаю.

— Я знаю, ты большой журналист, я просто буду сидеть дома и заправлять твою постель, и стирать тебе одежду, и проветривать твою спальню, когда тебя будет пучить от слишком большого количества пива.

Леандро, скрепя сердце, ничего не сказал и ждал, когда же, наконец, он освободится.

— Но сделай все же это для меня. Не заходи в придорожные загрызочные, Джонни, иначе заболеешь. От микробов.

— Я обещаю, мамочка.

Удовлетворенная тем, что вытянула из него обещание, она, наконец, позволила ему ехать.

— Ты вернешься к ужину?

— Да, — сказал Леандро, не найдя ничего лучше.

— А к шести? — настаивала она.

— Да! Да!

— Я знаю, знаю, я просто глупая старая...

— Пока, мамочка! — сказал он поспешно и рванул машину от тротуара.

Он посмотрел в зеркало заднего вида, и увидел ее, стоящую в конце дороги, машущую рукой. Он сделал ей знак, чтобы она ушла, потом махнул рукой, надеясь, что она вернется в дом... и хорошо зная, что она не вернется. Когда он свернул направо, проехав два дома вниз и мать окончательно исчезла, Леандро почувствовал

слабое, но несомненное облегчение в сердце. Так или иначе, он всегда чувствовал это, когда мать его пропадала из поля зрения.

3

В Хэвене Бобби Андерсон показывала Джиму Гарденеру несколько модифицированный дыхательный аппарат. Ив Хиллман сразу узнал бы его; респираторы выглядели очень похожими на тот, который он подобрал для этого полицейского, Буча Дугана. Но тот, правда, был предназначен для защиты Дугана от хэвенского воздуха; те же респираторы, которые натягивала на лицо, демонстрируя их, Бобби имели запас именно этого, хэвенского воздуха, и именно хэвенским воздухом им обоим предстоит дышать, если они проберутся в корабль Томминокеров. Была половина десятого.

В это же время в Дерри, Джон Леандро остановил машину неподалеку от места, где был найден освеженный олень и полицейская машина, принадлежащая Родсу и Габбонсу. Он поддел ногтем крышку ящика на передней панели и нащупал «Смит и Вессон» 38-го калибра, который он купил в Бангоре недель раньше. Он вытащил его на секунду, стараясь, чтобы указательный палец не оказался где-нибудь в непосредственной близости от спускового крючка, хотя он и знал, что пистолет не заряжен. Ему нравилось, как плотно пистолет ложится в ладонь, его тяжесть, чувство незамысловатой власти, которую он каким-то образом сообщал. Но в то же время ему было несколько не по себе, как если бы он оторвал огромный кусок, который ему едва ли бы захотелось разжевать.

Кусок чего?

Он не знал точно. Какого-нибудь необычного на вид мяса.

Микробы, — мамин голос звучал у него в сознании. Если ты будешь обедать в подобных местах, то ты можешь очень, очень сильно заболеть.

Он убедился, что картонная коробка с патронами также находится в ящике, после чего положил пистолет на место. Он предположил, что перевозка оружия на передней панели автомобиля, возможно, незаконна (он снова подумал о своей маме, на этот раз даже не отдавая себе отчета в этом). Он представил, что, допустим, его остановит полицейский из-за какой-нибудь мелочи, попросит предъявить водительские права, и когда Леандро полезет за ними в ящик, тот заметит «Смит и Вессон». Так обычно ловили убийцу в сериалах «Альфред Хичкок представляет», которые он и его мама смотрели каждую субботу по кабельному телевидению. Также это могло бы стать сенсацией совершенно иного толка: «Репортер «Бангор Дейли Ньюз» арестован по обвинению в незаконном хранении оружия».

Ну что ж, если тебя это так беспокоит, положи документы в бумажник.

Но он не стал делать это. Сама по себе идея была здоровой, но в то же время это было все равно, что накликать беду... и этот внутренний голос звучал очень похоже на голос его матери, когда она предупреждала его о микробах или внушала ему (как она это делала, когда он был еще малышом), к каким ужасам может привести посещение общественных уборных, если он забудет положить бумагу на стульчак, прежде чем сесть на него.

Леандро вместо этого завел машину, осознавая, что сердце бьется несколько быстрее и потеет он слишком сильно, что нельзя объяснить только дневной жарой.

Нечто значительное... иногда я просто чую это.

Да. Несомненно, что-то скрывается за всем этим. Смерть Рут Маккосланд (взрыв системы отопления в июле? О, неужели?); исчезновение двух полицейских, занимающихся расследованием этого происшествия, самоубийство полицейского, который, по слухам, был влюблен в нее. А до этого исчезновение того малыша. Дэвид Брайт говорил, что дед Дэвида Брауна нес какую-то дикую чушь о телепатии и волшебных фокусах, которые и в самом деле были волшебными.

Хотел бы я, чтобы вы пришли ко мне, а не к Брайту, мистер Хиллман, наверное, в сотый раз думал Леандро.

Только в настоящее время Хиллман исчез. Не появлялся у себя в квартире в течение двух недель. Не появлялся в больнице Дерри, чтобы проведать своего внука, хотя раньше сиделкам приходилось выгонять его по вечерам. Правда, с точки зрения полиции Ив Хиллман не исчез, но это была чистой воды казуистика, поскольку совершеннолетний человек, по закону, не может считаться пропавшим до тех пор, пока другой совершеннолетний человек, заполнив соответствующие бумаги, не заявит об исчезновении. Поэтому с точки зрения правосудия все было ясно, как божий день. С точки зрения Леандро все было далеко не так ясно. Хозяйка дома, где жил Хиллман, сказала, что старик оставил долг в 60 долларов — насколько Леандро смог разузнать, это был первый чек, который старик за всю свою жизнь оставил неоплаченным.

Нечто... странное мясо.

И это было отнюдь не все в той странной атмосфере, окружавшей Хэвен в последнее время. От пожара, также в июле, погибла чета на Ниста Роуд. В этом месяце небольшой самолет, которым управлял доктор, потерпел аварию и сгорел. Разумеется, это случилось возле Ньюпорта, но наземные пункты слежения подтвердили, что он пролетал через Хэвен, и при этом на очень низкой высоте, что было

нарушением закона. Телефонная связь с Хэвеном становилась необычно капризной. Иногда люди могли дозвониться до Хэвена, иногда — нет. Он послал в налоговую инспекцию заявку на список жителей Хэвена, имеющих право голоса (заплатив положенные 6 долларов, чтобы получить девять листов, отпечатанных на компьютере), и затем ему в свободное время удалось отследить родственников 60 из этих хэвенских жителей — родственников, живущих в Бангоре, Дерри и других окрестностях.

Он не нашел ни одного — ни одного, кто бы видел своих хэвенских родственников после 10 июля... почти месяц. Ни одного.

Разумеется, многие из тех, кого он опросил, не видели в этом ничего странного. Кое у кого были натянутые отношения с хэвенскими родственниками, и они были бы только рады, если бы им не пришлось общаться с ними в течение шести месяцев... или шести лет. Другие сперва удивлялись, а после того, как Леандро указывал им на тот промежуток времени, о котором идет речь, задумывались. Конечно, лето для большинства людей — время активности. Время проходит незаметно, не то что зимой. И, конечно, они разговаривали с тетушкой Мэри или братцем Биллом по телефону раз или два — это вполне нормально, хотя, скажем честно, иногда дозвониться в Хэвен просто невозможно.

Было в рассказах людей, которых опрашивал Леандро, подозрительное сходство, которое заставляло ноздри Леандро раздуваться от запаха чего-то явно из ряда вон выходящего.

Рини Берринджер работал маляром в Бангоре. Его старший брат Ньют занимался контрактами на проведение плотницких работ, и, как оказалось, занимал какую-то выборную должность в Хэвене. «Мы пригласили Ньюта на ужин где-то в конце июня, — сказал Рини, — но он отказался, сославшись на грипп».

Билл Спрюз держал стадо коров в Кливз Милз. Его брат Фрэнк держал стадо в Хэвене. Обычно они собирались со своими огромными семьями каждую неделю или две на несколько часов — клан Спрюсов съездал тонны шоколада, выпивал галлоны пива и Пепси-Колы, а Фрэнк с Биллом сидели за деревянным столом на заднем дворе у Фрэнка или на крыльце дома Билла и обменивались замечаниями по поводу того, что они называли попросту Бизнесом. Билл подтвердил, что прошло около месяца с тех пор, как он виделся с Фрэнком — сначала, как сказал ему Фрэнк, были какие-то неприятности с поставщиками кормов, затем с молочными инспекторами, у Билла между тем появились собственные проблемы. С полдюжины его коров пало за время, пока держалась засушливая погода. И потом, добавил он, как бы опомнившись, у его жены был сердечный приступ... но тем не менее он выразил неподдельное

удивление, когда Леандро достал из бумажника календарик и вдвоем они начали вычислять, сколько же времени прошло: братья не виделись с 30 июля. Спрюз присвистнул и сдвинул кепку на затылок. «Черт, это было давно, — сказал он. — Думаю, стоит съездить в Хэвен, пока моя Эвелина приходит в норму».

Леандро ничего не сказал, но свидетельства, которые он накопил за последнюю пару недель, навели его на мысль, что это путешествие может оказаться слишком опасным для здоровья Билла Спрюза.

«Я бы не прочь пообедать», — сказал Алвин Рутледж Леандро. Рутледж работал водителем на дальних перевозках, временно безработный, жил в Бангоре. Его дедом был Дейв Рутледж, всю жизнь проживший в Хэвене.

— Что вы имеете в виду? — спросил Леандро.

Алвин Рутледж оценивающе посмотрел на репортера. — Думаю, еще одна кружка пива сейчас пойдет что надо, — сказал он. Они сидели в таверне у Нэна в Бангоре. — Разговоры страшно пыльная работа, приятель.

— Неужели, — сказал Леандро и заказал еще пару кружек пива.

Когда принесли пиво, Рутледж, сделав первый большой глоток, вытер тыльной стороной ладони пену с верхней губы и начал: «Сердце бьется слишком быстро. Головная боль. Чувствую так, будто сейчас начну блевать. В общем, так и случилось. Как раз перед тем, как я повернул обратно. Опустил стекло и просто выкинул все наружу».

— О-о, — сказал Леандро, поскольку требовалось сказать что-нибудь. Воображение нарисовало ему Рутледжа, когда тот «выкидывал все на ветер». Он попытался избавиться от этой картины. По крайней мере попытался.

— Глянь-ка сюда.

Он приподнял верхнюю губу, обнажив остатки зубов.

— Видишь дыру спереди? — спросил Рутледж.

Леандро увидел довольно много дыр, но подумал, что сказать это было бы невежливо, поэтому он просто ответил утвердительно. Рутледж кивнул и вернул губу на место. Леандро почувствовал своего рода облегчение.

— Зубы у меня никогда не были особенно хорошими, — с безразличием сказал Рутледж. — Когда начну работать и смогу позволить себе вставные, вырву их все к черту. Дело в том, что те два зуба сверху были еще на месте, когда я на прошлой неделе отправился в Хэвен проведать деда. Черт, они даже не шатались.

— Они выпали, когда вы стали приближаться к Хэвену?

— Они не выпали. — Рутледж заканчивал пиво. — Я их выблевал.

— О, — еле слышно ответил Леандро.

— Вы знаете, еще одно пиво не помешает. Разговоры...

— Знаю, работа, требующая выпивки, — сказал Леандро, делая знаки официантке. Он исчерпал свой лимит денег, но решил, что еще одна кружка пива пойдет на пользу ему самому.

4

Алвин Рутледж не был единственным человеком, кто пытался съездить к своему родственнику или знакомому в Хэвене в течение июля, и не единственным, кто почувствовал себя плохо и повернул назад. Используя список избирателей и телефонную книгу в качестве отправной точки, Леандро откопал троих людей, которые рассказали ему истории, сходные с историей Рутледжа. Он обнаружил четвертого человека благодаря чистой случайности — или почти случайности. Его мама знала, что Леандро собирает материал для своей «сенсационной статьи», и однажды ненароком упомянула, что у ее подруги Эйлен Пульсифер в Хэвене живет знакомая.

Эйлен была на 15 лет старше мамы Леандро, что означало, что Эйлен было около семидесяти. Сидя за чаем с сахарно-липкими имбирными пирожными, она рассказала Леандро историю, сходную с той, которую он уже слышал.

Подругой миссис Пульсифер была Мэри Жаклин (Томми Жаклин был ее внуком). Они ходили в гости друг к другу в течение 40 лет и часто играли в местных чемпионатах по бриджу. Этим летом она вообще ни разу не видела Мэри. Вообще ни разу. Она разговаривала с Мэри по телефону, казалось, что та чувствует себя отлично; ее отговорки звучали всегда правдоподобно... но тем не менее что-то в них — сильная головная боль, слишком много стряпни, в последний момент всей семьей решили поехать в Кеннебанк и сходить в Троллейбусный музей — было не то.

— Поодиночке они смотрятся вполне прилично, но в сумме они выглядят странно; вы понимаете, что я хочу сказать. — Она предложила еще пирожных. — Не хотите ли еще?

— О, нет, спасибо, — сказал Леандро.

— Бросьте, я знаю вас, мальчишек! Мама научила вас быть вежливыми, но не родился еще тот мальчик, который бы отказался от пирожных. Так что выбирайте, какое вам больше нравится.

Изобразив улыбку, подобающую моменту, Леандро взял еще одно.

Пудобней устроившись в кресле и сложив руки на круглом животе, миссис Пульсифер продолжала:

— Я начала подозревать что-то ужасное... по правде говоря, я все еще подозреваю что-то ужасное. Первое, что пришло мне на ум, что, может быть, Мэри не хочет быть больше моей подругой... что,

может быть, я сделала или сказала какую-то вещь, которая обидела Мэри. Но нет, сказала я себе, если бы это было так, то, наверное, она сказала бы мне об этом. После сорока лет дружбы, разумеется, она сказала бы... Кроме того, тон, которым она говорила со мной, нельзя было назвать ледяным, ну, вы понимаете.

— Но в нем было что-то необычное.

Эйлен Пульсифер решительно кивнула:

— Да. Это внушило мне, что, может быть, она заболела, что, может быть, не дай Бог, конечно, врачи нашли у нее рак или что-то в этом роде и ей не хочется, чтобы ее друзья узнали об этом. Поэтому я позвонила Вере и сказала: «Вера, мы собираемся в Хэвен повидать Мэри. Мы не будем сообщать ей об этом, чтобы она не смогла отговорить нас. Собирайся, — говорю я, — я подъеду к твоему дому в 10 часов и если ты будешь не готова, то я поеду без тебя».

— Вера это...

— Вера Андерсон из Дерри. Это лучшая моя подруга, Джон, после Мэри и вашей мамы. А ваша мама тогда была в Монмауте, навещала свою сестру.

Леандро помнил это хорошо: неделя такой тишины и спокойствия стоила того, чтобы помнить ее вечно.

— Итак, вы вдвоем поехали в Хэвен.

— Да.

— И вы почувствовали себя плохо.

— Плохо! Я думала, что я умираю. Мое сердце! — Она драматическим жестом похлопала себя по груди. — Оно билось так быстро! Начала болеть голова, из носа пошла кровь, и Вера тогда всерьез испугалась. Она сказала: «Эйлен, поворачивай, тебе срочно нужно в больницу!».

— Каким-то образом мне удалось повернуть — я точно не помню как, у меня было такое головокружение, к тому времени кровь у меня уже шла изо рта, и у меня выпало два зуба. Ни с того ни с сего! Вы когда слышали что-нибудь подобное?

— Нет, — соврал он, думая об Алвине Рутледже. — Где это случилось?

— Как же, я вам рассказывала — мы поехали повидать Мэри Жаклин...

— Нет, я имею в виду, вы уже были в Хэвене, когда вам стало плохо? Какой дорогой вы ехали?

— А, понимаю. Нет, мы еще не доехали до Хэвена. Мы были на Старой Дерри Роуд. Возле Трои.

— Значит, недалеко от Хэвена.

— Да, что-то около мили от городской черты. Я потом еще некоторое время чувствовала себя плохо — мне было не по себе,

понимаете — но мне не хотелось говорить об этом Вере. Я надеялась, что мне станет лучше.

С Верой Андерсон ничего не случилось, и это беспокоило Леандро. Это как-то выпадало из общей картины. У Веры не было кровотечения из носа, не выпало ни одного зуба.

— Нет, ей совершенно не было дурно, — сказала миссис Пульсифер, — ну, может быть, от страха. Мне кажется, ей было дурно от страха. От страха за меня... И за себя тоже, я думаю.

— Что вы хотите сказать?

— Ну, дорога была совершенно пуста. Она думала, что я умираю, что вообще было не далеко от истины. Прошло бы около пятнадцати, двадцати минут, прежде чем появилась бы какая-нибудь машина.

— Разве она не смогла бы отвести вас?

— Господи, Джон, Вера уже несколько лет страдает мышечной дистрофией. Она носит на ногах такие огромные металлические пластины — жуткие штуки, наподобие тех, что можно увидеть в камере пыток. Иногда мне хочется плакать, когда я вижу ее.

5

Без четверти десять утром 15 августа Леандро пересек городскую черту Трои. Его желудок напрягся от дурных предчувствий и — будем смотреть правде в глаза, ребята — от страха. Кожа на ощупь была холодной.

Меня может стошнить. Меня может стошнить, и если это случится, то при торможении мне придется стереть 90 футов асфальта с шоссе. Понятно?

Он проехал Трою, все, казалось, было нормально... ну, может быть, более спокойно, чем обычно. Первый сбой в нормальной череде событий произошел, когда он отъехал на милю от города, причем там, где он совершенно этого не ожидал. Приемник был настроен на радиостанцию Бангора. Вдруг обычно сильный УКВ сигнал поплыл и смешался. Леандро слышал, как на той же частоте стали пробиваться сигналы еще одной... нет, двух... нет, трех других радиостанций. Он нахмурился. Такое иногда случалось по ночам, когда радиационное охлаждение утоньшало атмосферный слой и сигналы от дальних радиостанций распространялись на более далекие расстояния, но он никогда не слышал, чтобы такое могло произойти утром, да еще и на УКВ диапазоне, даже при самых оптимальных условиях для радиопередачи, которые операторы любительских радиостанций называют «скипом».

Он настроился на другую радиостанцию и поразился, когда бессвязный поток звуков вырвался из динамиков — рок-н-ролл,

кантри и классическая музыка звучали, заглушая друг друга. Где-то на втором плане он слышал, как Пол Харви превозносил достоинства Амвэя. Он снова повернул ручку настройки и поймал радиостанцию, передающую без помех. Но то, что он услышал, было настолько неожиданно, что Леандро затормозил. Он сидел, уставившись на приемник широко открытыми глазами.

Передача шла на японском.

Он сидел и ждал неизбежного разъяснения. «Этот урок курса японского языка для начинающих был проведен при участии дилера местного отделения фирмы Кьяници Пэйнт...» или что-нибудь в этом духе. Наконец диктор умолк. Затем пошла песня «Бич Бойз» «Оставайся верен своей школе». На японском.

Леандро продолжал трясущимися руками перестраивать приемник по всему УКВ диапазону.

Везде было одно и то же. Точно так же, как это бывало по ночам, на более высоких частотах обрывки музыки и речи смешивались все сильнее. Наконец, они запутались настолько, что это стало пугать его — передача начинала напоминать пульсирующий змеинный клубок. Он выключил радио и сидел за рулем с широко открытыми глазами. Тело его подрагивало, как у человека, едущего на малой скорости.

Что это такое?

Глупо рассуждать на эту тему, когда ответ находится в каких-то шести милях впереди от него... предполагая, конечно, что ему удастся найти ответ.

Я думаю, ответ ты найдешь. Он может тебе не понравиться, когда ты узнаешь его, но в том, что ты найдешь его, я не сомневаюсь.

Леандро оглянулся. Трава на поле справа от него была густой и длинной. Слишком густой и слишком длинной для августа. Видимо, в начале июля никто не косил ее. Каким-то образом он решил, что в августе, скорее всего, косить ее тоже никто не будет. Он посмотрел налево и увидел разрушенный сарай, окруженный ржавыми автомобильными частями. Труп «Студебеккера» 57-го года распадался у зияющего дверного проема. Окна, казалось, пристально смотрели на Леандро. Людей не было или, по крайней мере, он их не видел.

Очень спокойный, вежливый голос внутри него, голос мальчика, взятого родителями на вечеринку, которому решительно все накупило, произнес: — Я хотел бы пойти домой.

Да. Домой к мамочке. Временами мама, конечно, здорово его понимает, но рядом с ней чувствуешь себя...

В безопасности.

Да, в безопасности. Именно так. А то, что творится южнее Трои этим сонным летним днем, безопасным назвать никак нельзя.

Я хочу домой.

Правильно. Наверное, когда-то Вудворд и Бернштейн чувствовали себя точно так же, когда ребята Никсона всерьез взялись за них. Наверное, так же чувствовал себя и Бернард Фолл, в последний раз высадившись из самолета в Сайгоне. Когда вы видите по телевизору корреспондентов, работающих в горячих точках типа Ливана или Тегерана, то они только кажутся вам спокойными, уравновешенными и собранными. Телезрители не имеют возможности проверить чистоту их трусов.

Материал — там, и я доберусь до него, а когда я получу Пулитцеровскую премию, я смогу сказать, что этим я обязан Дэвиду Брайту... и своим секретным часам супермена.

Он снова завел «Додж» и двинулся в сторону Хэвена.

6

Он не проехал и мили, как почувствовал, что ему становится плохо. Он решил, что таким образом дает о себе знать страх и не стал обращать на это внимание. Потом, когда ему стало хуже, он стал перебирать в уме (как склонны поступать люди, когда понимают, что тошнота, как маленькая черная туча, расположившаяся у них в желудке, проходить не собирается), что именно он съел утром. Но свалить вину на еду он не мог. Утром, проснувшись, страха он не испытывал, он только предвкушал что-то неопределенное и чувствовал возбужденное напряжение, поэтому он отказался от привычного завтрака из яичницы с беконом и ограничился чаем с поджаренным хлебом. Вот и все.

Я хочу домой! Голос становился все более пронзительным.

Леандро двигался вперед, мрачно стиснув зубы. Sensация находится в Хэвене. Если он не попадет в Хэвен, не будет и сенсации.

Что и требовалось доказать.

На расстоянии меньше мили от городской черты — день был зловещим, мертвенно-тихим — какое-то гудение, жужжание раздалось с заднего сиденья, что было настолько неожиданно для него, что он вскрикнул и вновь затормозил машину.

Он повернулся и вначале не мог понять, что же он увидел. Он подумал, что скорее всего это галлюцинация, вызванная усиливающейся тошнотой.

Когда в прошлый уикэнд он и его мама были в Хэлифаксе, он взял своего племянника Тони прокатиться до Дайэри Квин. Тони (которого Леандро про себя считал невоспитанным поросенком) сидел на заднем сиденье, увлеченный пластиковой игрушкой, которая выглядела, как игрушечный телефон. Игрушка называлась Мерлин и была собрана на микропроцессоре. Она была запрограммирована на четыре или пять

незамысловатых игр, которые требовали небольших усилий памяти и знаний элементарной математики. Леандро помнил, что она издавала еще какие-то тикающие звуки.

Должно быть Тони забыл ее, и сейчас она сходилась с ума на заднем сиденье, красные огоньки вспыхивали и гасли в случайной последовательности (но в случайной ли? или они зажигались слишком быстро, чтобы он мог уловить закономерность?), вновь и вновь повторяя свою серию звуков. Она работала сама по себе.

Нет... нет. Я заехал в какую-нибудь яму или что-то в этом роде. Переключатель сработал. Вот и все. Она заработала.

Но он видел маленький черный выключатель на боку игрушки. Он стоял на «выкл». Но Мерлин продолжала гудеть и жужжать. Это напомнило ему игровой автомат в Лас-Вегасе, отсчитывающий крупный выигрыш.

Пластиковая коробочка начала дымиться. Пластик прогнулся... опустился... потек, как воск. Лампочки вспыхивали все быстрее... быстрее. Внезапно они все зажглись разом, ярко-красным цветом, приборчик издал придушенный жужжащий звук. Коробка развалилась. Короткий ливень из пластиковых обрывков. Обивка сиденья под игрушкой начала тлеть.

Позабыв о своем желудке, Леандро вскочил на сиденье и ударом сбросил обломки на пол. На том месте, где лежала Мерлин, осталось обгоревшее пятно.

Способность выделять простые математические ряды. О чем я думаю? Это я, Джон Леандро, заваливший экзамен по алгебре в колледже? Это ты всерьез? Не обращай внимание, и сматывайся побыстрее!

Нет!

Он вновь запустил «Додж» и двинулся вперед. Он не проехал и двадцати ярдов, как внезапно с безумным весельем подумал:

Способность выделять простые математические ряды подтверждает существование общего случая, не так ли? Можно выразить это следующим образом, если хорошенько подумать:

$$ax[2]+bxu=cy[2]+dx+eu+f-0.$$

Да. Это верно, если a , b , c , d и f константы. Я так думаю. Да. Честное слово. Но нельзя, чтобы a , b или c были нулем — это испортит все к черту! На f наплевать! Ха!

Леандро почувствовал, что его вот-вот стошнит, но он тем не менее издал пронзительный победный смех. Одновременно он почувствовал, что его мозги как бы приподнялись, покинув его череп. Хотя он и не знал этого (поскольку он обычно спал, когда они в школе проходили эти теоремы), но он только что переоткрыл общее квадратическое тождество для уравнения в двух переменных, кото-

рое действительно можно использовать для вычисления простых сумм. Это-то и заставило потечь его мозги.

Через некоторое время кровь хлынула у него из носа мощным потоком.

Это означало конец первой попытки Джона Леандро добраться до Хэвена. Он включил задний ход, и пока машина неуклюже ползла назад, он сидел, покачиваясь из стороны в сторону, закинув руку за спинку сиденья и смотрел через заднее стекло слезящимися глазами, кровь стекала ему на плечо.

Он двигался задним ходом примерно с милю, затем развернул машину назад. Он осмотрел себя. Вся рубашка промокла от крови. Однако он чувствовал себя лучше. Немного лучше, поправил он. Но терять время он не стал; доехав до Трои, он припарковал машину возле универсама.

Он зашел внутрь, ожидая увидеть обычный набор седовласых джентльменов, смотрящих на него с молчаливым удивлением, как истинные янки. Но в магазине оказался лишь один продавец, да и тот не выразил никакого удивления, — ни по поводу крови, ни по поводу вопроса Леандро, есть ли в магазине рубашки.

— Похоже, что нос у вас не в порядке, — мягко сказал продавец, выкладывая на прилавок кипу маск. Необычно большой набор для такого маленького магазина, подумал Леандро — он понемногу брал себя в руки, хотя голова у него все еще болела и в желудке было беспокойно. Поток крови из носа сильно его напугал.

— Вы не ошиблись, — ответил Леандро. Он попросил продавца показать ему майки, поскольку ладони у него все еще были вымазаны медленно подсыхающей кровью. Майки были всевозможных размеров, на одних было написано: «Где же, к черту, эта Троя, штат Мэн?» На других был изображен омар, с подписью: «Лучший хвост, что я нашел в Трое, штат Мэн». На третьих была нарисована огромная муха, которая выглядела как какой-то космический монстр. «Птица из штата Мэн» — гласила надпись.

— У вас, однако, большой набор, — заметил Леандро, выбрав футболку самого маленького размера с «Где же, к черту, Троя...» Он подумал, что футболка с омаром была забавней, но подумал, что надпись вряд ли понравится маме.

— Да, — ответил продавец. — Нужно много. Хорошо идут.

— Туристы? — мысли Леандро снова понеслись со страшной скоростью, стараясь составить возможный ответ. Он подумал, что он вновь дошел до чего-то очень важного; сейчас ему казалось, что это гораздо важнее, чем когда-либо он мог предположить.

— И туристы тоже, — ответил продавец, — но их не очень много этим летом. Главным образом людям вроде тебя.

— Вроде меня?

— Да, ребятам, у которых кровь идет из носу.

Леандро смотрел на продавца с открытым ртом.

— Кровь течет, пачкает рубашки, — сказал продавец. — Так же, как вы запачкали свою. Им нужна чистая, а если они местные — я думаю, вы не издалека, то багажа у них нет, а значит, и смены белья. Поэтому при первой возможности они покупают новую. Я не имею ничего против. Если бы я оказался за рулем в рубашке вроде вашей, то меня бы просто вырвало. Этим летом я повидал много дам — приятных и хорошо одетых дам, заметьте, — от которых несло как от сточной канавы в свинарнике.

Продавец расхохотался, продемонстрировав совершенно беззубый рот.

Леандро медленно произнес: «Я правильно вас понял? Другие люди возвращались из Хэвена и из носу у них шла кровь? Не только я один?»

— Только вы? Черт, конечно, нет! В тот день, когда хоронили Рут Маккосланд, я продал пятнадцать рубашек! За один день! Я уже подумывал о том, чтобы уйти на покой и на проценты купить себе дом во Флориде.

Продавец вновь рассмеялся.

— Это были не хэвенцы.

Он произнес это так, будто бы это должно было все объяснить — и вероятно, по его мнению, это действительно объясняло все. — Кое у кого из носов все еще текло, когда они заходили в магазин. Кровь была, как из фонтана! Иногда и из ушей. Адская картина.

— И никто не знает об этом?

Старик пристально посмотрел на Леандро.

— Ты знаешь, сынок, — ответил он.

Глава 6 ВНУТРИ КОРАБЛЯ

1

— Ты готов, Гард?

Гарденер сидел на переднем крыльце и глядел на девятое шоссе. Голос доносился сзади, и ему было легко — слишком легко — не вспоминать сотню поганных тюремных фильмов, где охранник приходит для того, чтобы провести осужденного его последним коридором. Такие сцены всегда начинаются, конечно же, с рычания охранника: «Ты готов, Рокки?»

— Готов к чему? Ты, должно быть, смеешься?

Он поднялся, обернулся и увидел в руках Бобби снаряжение, а потом — улыбочку на ее лице. Было что-то всезнающее в этой улыбочке, которую он не любил..

— Что-нибудь смешное увидела? — спросил он.

— Улышалась. Улышалась тебя, Гард. Ты думал о старых тюремных фильмах, — сказала Бобби. — И затем ты подумал: «Готов к чему? Ты, должно быть, смеешься». Я уловила все это, а такое бывает редко — если только ты неосторожен. Вот поэтому я и улыбалась.

— Ты заглядывала.

— Да. И это было легко, — сказала Бобби, продолжая улыбаться.

За своим защитным мысленным щитом Гарденер подумал: «У меня теперь есть пистолет, Бобби. Он под моей кроватью. Я достал его в Первой Реформированной Церкви Томминокеров». Это было опасно... но гораздо опасней не знать, как далеко теперь Бобби продвинулась в своей способности «заглядывать».

Улыбка Бобби немного потухла. «Что это было?», — спросила она.

— Это ты мне скажи, — сказал он, и когда ее улыбка начала переходить в подозревающий прищур, он прибавил легко: «Ну, Бобби, я просто поиграл на твоих нервах. Было любопытно, что ты так уловишь».

Бобби приподняла снаряжение. Это были две резиновые маски, соединенные с баллонами, и самодельные регуляторы подачи воздуха.

— Мы наденем их, — сказала она, — когда пойдем внутрь.

Внутрь.

Это слово отдалось горячей судорогой в животе и вызвало все виды противоположных эмоций: трепет, ужас, предвкушение, любопытство, напряжение. Часть его чувствовала как суеверный дикарь, направляющийся в запретную область, а другая часть — как ребенок рождественским утром.

— Значит, воздух внутри сейчас другой, — сказал Гарденер.

Не такой уж и другой, — Бобби сегодня утром наложила грим небрежно, возможно, потому, что решила, что больше нет нужды скрывать столь быстро проявляющиеся отличия от Гарденера. Гард вдруг понял, что может видеть язык Бобби,двигающийся внутри головы, когда она говорит... только это не выглядело совсем как язык. И зрачки глаз Бобби казались больше, но виделись как-то неровно, нечетко, как будто они уставились на него из-под воды. Воды с примесью легкой зелени. Он почувствовал, что его подташнивает.

— Не такой уж и другой, — сказала она, — просто... протухший.

— Протухший?

— Корабль запечатали на двадцать пять тысяч веков, — сказала Бобби терпеливо, — полностью запечатали. Нас убьет потоком плохого воздуха, как только мы откроем люк. Поэтому мы наденем вот это.

— А что в них?

— Ничего, кроме старого доброго хэвенского воздуха. Баллоны маленькие — на сорок, может быть, на пятьдесят минут. Ты прикрепи свой к ремню, понял?

— Да.

Бобби подала ему один комплект. Гард пристроил баллон к поясу. Ему пришлось поднять для этого свою футболку, и теперь он был весьма рад, что решил оставить свой сорокапятимиллиметровый под кроватью.

— Переходим на сжатый воздух до того, как я открою, — сказала Бобби, — Да, чуть не забыла. Вот. Это если ты забудешь, — она подала Гарденеру пару носовых пробок. Гард засунул их в карман джинсов.

— Ну! — сказала Бобби оживленно. — Теперь ты готов?

— Мы что, вправду пойдем туда?

— Вправду, — сказала Бобби почти нежно.

Гарденер нервно рассмеялся. Его руки и ноги были холодными.

— Я чувствую легкое кретинское волнение, — сказал он.

Бобби улыбнулась:

— Я тоже.

— К тому же, я боюсь.

Тем же нежным голосом Бобби произнесла:

— А вот этого делать не стоит, Гард. Все будет в порядке.

Что-то в ее тоне заставило Гарденера бояться больше, чем когда-либо.

2

Они сели в «Томкэт» и в тишине проехали мимо мертвых деревьев; единственным звуком был еле различимый гул аккумулятора. Они оба молчали.

Бобби припарковала трактор у навеса, и они постояли минуту, глядя на серебряный диск, торчащий из котлована. Утреннее солнце бросало на него ясный, широкий клин света.

Внутрь, снова подумал Гарденер.

— Ты готов? — опять спросила Бобби. — Ну же, Рокки — всего один сильный удар, и ты больше ничего не будешь чувствовать.

— Да, отлично, — сказал Гарденер. Его голос был немного хриплым.

Бобби посмотрела на него изучающе своими изменчивыми глазами — с этими плавающими, расширяющимися зрачками. Гарденер почти ощутил, как мысленные пальцы тискают его мысли, пытаясь вытащить их наружу.

— Пойти туда — это могло тебя убить, ты знаешь, — наконец, сказала Бобби. — Не воздух, с ним мы справимся, — она улыбнулась. — Смешно, да? Пять минут в такой маске лишило бы кого-нибудь снаружи сознания, а полчаса его бы убили. Но нас они спасают. Это щекочет твои нервы, Гард?

— Да, — сказал Гард, глядя на корабль и думая о том, что его всегда волновало: «Откуда ты? И как долго ты шел сквозь ночь, прежде чем оказаться здесь?» — Это щекочет.

— Я думаю, ты будешь в порядке, но знаешь, — Бобби помялась, — твоя голова... эта стальная пластинка может как-нибудь наткнуться на...

— Я знаю, что рискую.

— Как хочешь.

Бобби развернулась и пошла к котловану. Гарденер постоял немного на месте, глядя, как она идет.

«Я знаю об опасности от пластины. Но мне меньше ясна опасность от тебя, Бобби. Я действительно буду дышать хэвенским воздухом, когда надену маску, или чем-то другим?»

Но ведь это уже не важно, не так ли? Жребий брошен. И ничто не поможет ему избежать захода внутрь корабля, если он вообще это сможет, — ни Дэвид Браун, ни целый мир.

Бобби достигла котлована. Она повернулась и посмотрела назад; в утреннем свете ее заgrimированное лицо казалось тупой маской, вид которой искажался окружающими старыми соснами и елями.

— Идешь?

— Да, — сказал Гарденер и зашагал к кораблю.

3

Спуститься оказалось неожиданно сложным. Смешно, но подъем был самой легкой частью. Хорошей стороной дела было то, что кнопка находилась здесь, в самом деле, не больше чем «0» на радиотелефоне. Плохая сторона заключалась в том, что она была обычным электрическим выключателем на одной из опор, поддерживающей навес. А она была в пятидесяти футах от края котлована. Только сейчас Гарденер вспомнил, как происходили все отзывы машины; до сих пор, никого из них двоих не волновал тот факт, что их руки были несколько короче пятидесяти футов.

Они пользовались подъемником, спускаясь и поднимаясь, долго, достаточно долго, чтобы считать его надежным. Стоя у края котлована, они вдруг поняли, что никогда не спускались вдвоем. Оба это поняли, но ни один не сказал, что раньше спускались поодиночке, чтобы другой мог запустить подъемник вниз, и все было хорошо. Никто из них не сказал этого, потому что обоим было понятно, что в этот раз, и только в этот раз, они должны спуститься вместе, совсем вместе, каждый одной ногой в общем стремени, руки на талии другого, как у влюбленных, качающихся на качелях. Это было глупо, просто глупо, просто достаточно глупо для того, чтобы быть единственно верным.

Они поглядели друг на друга, не произнося ни слова, но две мысли поплыли и переплелись в воздухе.

(вот и мы пара выпускников колледжа)

(Бобби, где я оставил левовращающий гаечный ключ)

Станный новый рот Бобби задрожал. Она отвернулась и фыркнула. Гард на секунду почувствовал прежнюю теплоту, коснувшуюся его сердца. Это было в первый и последний раз, когда действительно он увидел Прежнюю и Неулучшенную Бобби Андерсон.

— Ну хорошо, ты можешь соорудить переносной пульт, чтобы двигать подъемник?

— Могу, но стоит ли тратить время. У меня другая идея. — Ее взгляд коснулся на мгновение лица Гарденера, задумчивый и подсчитывающий. Это был взгляд, который Гарденер не мог просто расшифровать. Затем Бобби отошла к навесу.

Гарденер последовал за ней и увидел, как Бобби рывком открыла большую зеленую металлическую коробку, привешенную к опоре. Она перебрала инструменты и всякий мусор внутри, и затем вернулась с транзисторным приемником. Он был меньше, чем те, которые его помощники превращали в Новые и Улучшенные аккумуляторы, пока Бобби восстанавливала силы. Гард никогда не видел такого радиоприемника раньше. Он был очень маленьким.

Кто-то из них притащил его прошлой ночью, подумал он.

Бобби вытащила короткую антенну, вставила компенсатор в гнездо, а вилочку себе в ухо. Гард вдруг вспомнил Фримана Мосса, заводящего колышущуюся аппаратуру, как дрессировщик слонов, который гоняет больших ребят по центральной арене.

— Это недолго, — Бобби направила антенну на ферму. Гарденеру показалось, что он как-то слышит тяжелое колебание — не воздуха, а чего-то внутри воздуха. На какое-то мгновение его голова наполнилась музыкой, а потом — болью в области лба, как будто он выпил слишком много холодной воды очень быстро.

— Что теперь?

— Мы ждем, — сказала Бобби и повторила: — Это недолго.

Ее задумчивый взгляд снова скользнул по лицу Гарденера, и на этот раз он подумал, что понял ее взгляд. Она хочет, чтобы я что-то увидел. И сейчас как раз есть возможность мне показать.

Он уселся около края котлована и достал из грудного кармана очень старую пачку сигарет. Оставалось две. Одна была сломана, а другая гнутая, но целая. Он поджег ее и закурил, размышляя и не очень огорчаясь отсрочкой. Она давала ему возможность просмотреть свои планы еще раз. Конечно, если он свалится замертво, как только они пройдут через круглый люк, это будет некоторой помехой в осуществлении планов.

— А, ну вот и мы! — сказала Бобби, вскакивая.

Гард тоже встал. Он огляделся, но сначала ничего не заметил.

— Вон там, Гард. На тропинке, — Бобби говорила с гордостью ребенка, демонстрирующего свою первую яхту из мыльницы. Гарденер наконец увидел и рассмеялся. Он совсем не хотел смеяться, но ничего не мог с собой поделать. Он все время думал, что свыкся с чудным новым миром хэвенской супернауки, оснащенным судом присяжных, но любое новое странное сочетание откидывало его обратно в кроличью нору. Как сейчас.

Бобби улыбалась, но слабо, смутно, как будто смех Гарденера, так или иначе, ничего не означал.

— Это действительно выглядит немного странно, но все, что надо, оно делает. Лови меня на слове.

Это был «Электролюкс», который он видел на складе. Он не двигался по земле, а плыл над ней, его маленькие белые колеса вертелись. Его тень отбегала с одной стороны, как такса на поводке. Сверху, где обычно помещалась вакуумная кишка, торчали две тонкие проволоки в форме V. Это антенна, догадался Гарденер.

Теперь оно приземлилось, если так можно назвать снижение с трех дюймов высоты, и покатило по изрытой земле зоны раскопок к навесу, оставляя узкую колею за собой. Оно остановилось под коробкой выключателя, который контролировал канат.

— Смотри, — сказала Бобби тем же поглядите-на-мою-яхту-мыльницу голосом.

Раздался шелчок. Гудение. Теперь тонкий черный шнур поднялся из бока пылесоса, как поднимается веревка из плетеной корзины в индийском фокусе. Только это не было веревкой, Гарденер заметил; это был кусок коаксиального кабеля.

Он поднимался в воздухе... выше... выше... выше. Он коснулся края коробки переключателя и пополз вокруг к центральной части. Гарденер почувствовал спазм отвращения. Как будто глядишь на что-то сходное с летучей мышью — что-то слепое, у чего есть радар. Что-то слепое, что может... может искать.

Конец кабеля нашел кнопки — черную, которая заставляла подъемник подниматься и спускаться, и красную, которая его останавливала. Конец кабеля коснулся черной — и внезапно затвердел. Черная кнопка мягко утопилась. Мотор за навесом заработал, и подъемник скользнул в котлован.

Напряжение кабеля уменьшилось. Он соскользнул к красной кнопке «Стоп», отвердел, нажал ее. Тогда мотор заглох — наклонившись, Гарденер мог видеть подъемник, болтающийся напротив стенки разреза в футах двенадцати ниже — кабель поднялся и нажал снова на черную кнопку. Мотор опять заработал. Подъемник вернулся. Когда он достиг края котлована, мотор автоматически отключился.

Бобби повернулась к нему.

— Вот, — сказала она. — Работает отлично.

— Это невероятно, — произнес Гарденер. Его взгляд бегал от Бобби к «Электролюксу», пока кабель нажимал кнопки. Бобби не манипулировала с радио, как Фриман Мосс со своим «воки-токи», но Гарденер заметил легкую морщину от напряжения, и то, как ее глаза опустились за секунду до того, как коаксиальный кабель перескочил с черной кнопки на красную.

Выглядит как механическая такса, что-то с тех иногда хороших фантастических фильмов Келли Фрис. Вот на что это все похоже, но ведь это не робот, вовсе нет. У этого нет мозгов. Бобби — его мозги... и она хочет, чтобы я знал это.

На складе было много таких привычных приспособлений, выстроенных вдоль стены. То, на чем попыталась остановиться его мысль, было моечной машиной с бумеранговой антенной вверху.

Склад. Черт возьми, появляется интересный вопрос. Гард открыл рот, чтобы спросить... и закрыл его снова, пытаясь в то же время утолщать щит для мыслей, насколько это возможно. Он почувствовал себя человеком, прогуливающимся у самого края пропасти в тысячу футов глубиной, который любит восход.

Никто не возвращался... насколько я знаю... и склад закрыт на висячий замок снаружи. Так как Фидо-Пылесос выбрался?

Он был уже готов задать этот вопрос, когда вспомнил, что Бобби и не упоминала о том, откуда «Электролюкс» появился. Гард внезапно ощутил запах своего пота, горький и противный.

Он поглядел на Бобби и увидел, что она смотрит на него, с этой улыбкой, раздражающей улыбкой, которая означает, что она знает, что Гарденер думает... но не то, о чем он думает.

— Откуда он появился, кстати? — спросил Гарденер.

— О...он был рядом, — Бобби поводила неопределенно рукой. — Самое главное, что он работает. Важно для неожиданной отсрочки. Или ты хочешь продолжить?

— Ладно. Только я надеюсь, что его батарейка не сядет, пока мы будем внизу.

— Я — его батарейка, — сказала она. — И пока я в порядке, ты можешь подняться снова, Гард. О'кей?

Твой страховой полис. Да, я думаю, я это понял.

— О'кей, — сказал он.

Они пошли к котловану. Бобби села в подъемник первая, пока кабель тянулся из бока «Электролюкса», чтобы запустить кнопку. Подъемник пришел снова наверх и Гарденер шагнул в него, держась за канат, в то время как он уже начал спускаться.

Он бросил последний взгляд на оснащенный батарейками старый «Электролюкс» и подумал опять: «Как, черт возьми, он выбрался наружу?»

Затем он провалился в туманность котлована и во влажный каменный запах мокрых скал; гладкая поверхность корабля выростала слева от него, как стена небоскреба без окон.

4

Гард слез с подъемника. Он и Бобби стояли плечами к круглому пазу люка, который имел форму большого иллюминатора. Гарденер чувствовал, что он не может оторвать глаза от знака, выгравированного на нем. Он нашел в нем что-то из своего детства. Тогда была вспышка эпидемии дифтерии в пригороде Портленда, где он рос. Два мальчика умерли, и отдел здравоохранения объявил карантин. Он вспомнил себя, идущего в библиотеку, рука надежно зажата в руке матери, и дома, которые они проходят, с прибитыми табличками на дверях, где то же самое слово — черными тяжелыми заглавными буквами. Он спросил маму, что оно означает, и она сказала, что, значит, в доме больной. Это хорошее слово, сказала она, потому что предупреждает людей, чтобы не заходили. Если они зайдут, сказала она, они могут подхватить заразу и разнести ее.

— Ты готов? — спросила Бобби, прерывая его мысли.

— Что это значит? — он указал на знак на крышке люка.

— Бурма-Шейв, — Бобби не улыбалась, — а ты знаешь?

— Нет... но я думаю, я сейчас ближе, чем когда-либо прежде.

Он поглядел на баллон, прикрепленный к поясу и снова спросил себя, а что если он несет яд, который проникнет в его легкие с первым вдохом. Нет, он так не думал. Это было как награда. Один визит в Священный Центр, перед тем как его сотрут, исключат из уравнения.

— Хорошо, — сказала Бобби. — Я собираюсь открывать...

— Ты собираешься подумать, как открыть его, — сказал Гарденер, глядя на вилку в ухе Бобби.

— Да, — Бобби ответила скучающе, как бы спрашивая: «Что еще?». — Я собираюсь открыть эту диафрагму. Будет поток плохого воздуха, как при взрыве... и когда я говорю плохого, я подразумеваю действительно плохого. Как твои руки?

— Что ты имеешь в виду?

— Порезы?

— Все, что были, уже зажили, — он вытянул руки, как маленький мальчик, показывающий чистые руки перед обедом.

— О'кей, — Бобби достала пару шерстяных рабочих перчаток из заднего кармана и натянула их. На удивленный взгляд Гарда она ответила:

— Заусенцы на двух пальцах. Может быть, это не страшно, а может — и достаточно. Когда увидишь, что диафрагма начинает сужаться, Гард, закрой глаза. Дыши из баллона. Если ты затынешься тем, что выйдет из корабля, оно убьет тебя так же быстро, как смесь Дран-О.

— Я, — сказал Гарденер, — убежден в этом. Он засунул мунштук в рот и пробки — в ноздри. Бобби сделала то же самое. Гарденер мог слышать/чувствовать ее пульс в своих висках, очень частый, как будто кто-то постукивает в укутанный мягким барабан одним пальцем.

Вот оно... вот оно наконец.

— Готов? — спросила Бобби в последний раз. Искажаемое мунштуком, слово прозвучало, как у Элмера Фадда: Фотоф?

Гарденер кивнул.

— Помнишь? Фофниф?

Гарденер снова кивнул.

Ради Бога, Бобби, давай!

Бобби кивнула.

О'кей. Будь готов.

Прежде чем он успел спросить ее, к чему, знак на люке неожиданно разорвался, и Гарденер понял с глубоким, почти болезненным волнением, что люк открывается. Раздался звук тоньше, чем скрежет, как будто что-то проржавевшее, закрытое долгое время снова задвигалось... но с большим сопротивлением.

Он увидел, что Бобби крутит клапан на баллоне, прикрепленном к ее поясу. Он сделал то же, затем закрыл глаза. Секундой позже мягкий ветер толкнулся в его лицо, перебирая волосы на его мохнатых бровях. Гарденер подумал: Смерть. Это смерть. Смерть проперлась мимо меня, наполняя котлован, как хлор. Каждый микроб на моей коже сейчас уже умирает.

Его сердце затолкалось слишком быстро, и он начал в действительности волноваться, как бы этот газ (как будто из гроба вырвавшийся, подсказал его пугливый мозг) не убил его сразу после того, как все закончится, и затем он осознал, что задерживает дыхание.

Он сделал вдох через мундштук. Подождал, не собирается ли этот воздух убить его. Не собирался. Этот был сухой, со спертым вкусом, но вполне пригодный для дыхания.

Сорок, быть может, пятьдесят минут воздуха.

Успокойся, Гард. Спокойней. Поглубже. Не пыхти так часто.

Он замедлился.

Попробовал, наконец.

И тогда этот высокий, скрипящий шум исчез. Напор воздуха становился мягче, затем и вовсе иссяк. Тогда Гарденер провел вечность в темноте, с закрытыми глазами перед открытым люком. Единственными звуками были приглушенный барабанчик его сердца и вдохи воздуха через регулятор баллона. Его рот уже чувствовал резину, зубы были сжаты слишком сильно на резиновой шейке внутри маски. Он заставил себя успокоиться и расслабиться.

Наконец, вечность кончилась. Чистые мысли Бобби заполнили его мозг:

О'кей... должно быть, о'кей... ты можешь открыть свои голубые, Гард.

Как мальчик на вечере чудес, Джим Гарденер сделал это.

5

Он поглядел в коридор.

Тот был совершенно круглым, не считая плоской дорожки на боку одной из сторон. Положение выглядело плохим. В течение долгого мгновения он представлял Томминокеров как отвратительных умных мух, ползущих по этой дорожке на липких ножках. Затем логика к нему вернулась. Дорожка была перекошена, как и все было перекошено, потому что корабль лежал под углом.

Мягкий свет исходил от закругленных, гладких стен.

Никаких идиотских батарей, подумал Гарденер. Здесь действительно затяжные спазмы. Он поглядел в коридор за люком с глубоким чувством тревоги. Он живет. После всех этих лет. Все еще живет.

Я собираюсь заходить, Гард. Ты идешь?

Попробую, Бобби.

Она шагнула вперед, нагнув голову, чтобы не стукнуться о верхний изгиб люка. Гарденер секунду колебался, снова закусил резиновый загубник маски и шагнул следом.

Была минута преходящей агонии — он почувствовал себя, как будто радиопередачи заполнили его голову. Не один звук, это было все радиовещание мира, одновременно пробившееся в его мозг.

Затем это прошло — просто прошло. Он догадался, что звуки радио исчезают, когда заходишь в туннель. Он зашел в корабль, и все внешние передачи затухли. Это были не только внешние радиопередачи, как он понял секундой позже. Бобби глядела на него, явно посылая мысль — Ты в порядке? — был лучший мысленный улов Гарденера, но он же и единственный. Он не мог больше слышать Бобби в своей голове.

Удивленный, он послал обратно: Я отлично, иди дальше!

Формулировка вопроса Бобби не изменилась — она была гораздо сильнее Гарденера в этом, но не смогла прибавить ничего другого. Гард махнул ей идти дальше. Секунду спустя, она кивнула и пошла.

Они прошли двадцать шагов по коридору. Бобби двигалась без раздумий, она не колебалась, когда они вошли в круглый внутренний люк, подходящий к плоской дорожке на левой стороне. Этот люк, около трех метров в диаметре, был открыт. Не оглядываясь на Гарденера, Бобби забралась в него.

Гарденер задержался, оглянувшись на мягкий свет коридора. Теперь наружный люк был далеко позади, круглый иллюминатор выходил в темноту котлована. Затем он пошел следом.

Лестница отсюда вела в новый коридор, который был маленьким, почти таким, чтобы ему подходило название туннельчика. Гард и Бобби не нуждались в лестнице; положение корабля делало коридор почти горизонтальным. Они поползли на четвереньках по лестнице, иногда касаясь спинами.

Лестница далась Гарденеру нелегко. Ступеньки отстояли друг от друга почти в четырех футах, вот что мешало. Человек — даже очень длинноногий — должен был испытывать неприятности, пользуясь этой лестницей. Другое было то, что и ступеньки были неудобными: с полукруглым углублением, почти выемкой в центре каждой.

Итак, у Томминокеров и вправду плохо с арками, подумал он, вслушиваясь в похрипывание собственного дыхания. Это здорово, Гард.

Но картинка, которая ему представилась, была не с плоскими ступенями или упавшими арками; картинка пробралась в его мозг, мягко и с простым необоримым напором, это было не-четко-видимое существо, карабкающееся по лестнице, существо, с одним толстым

когтем на каждой ступне, когтем, который чудно подходил к каждому из этих углублений, когда оно взбиралось...

Внезапно круглые, тускло светящиеся стены словно надавили на него, и его охватил страшный приступ клаустрофобии. Томминокеры были здесь, отлично, и они все еще живы. В любой момент он мог почувствовать, как толстая, нечеловеческая рука хватает его за лодыжку.

Пот потек ему в глаза, обжигая.

Он откинул голову назад, оглядываясь через плечо.

Ничего. Ничего, Гард. Держи себя в руках!

Но они были здесь. Может быть, мертвые — но как-то одновременно и живые. Они живы хотя бы в Бобби, с одной стороны. Но...

Но ты должен видеть, Гард. Иди!

Он опять пополз. Он оставлял легкие отпечатки потных ладоней на металле, он это видел. Человеческие отпечатки внутри этой штуки, которая пришла один Бог знает откуда.

Бобби достигла выхода из туннеля, перевернулась животом вверх и исчезла из виду. Гард последовал за ней, остановился у жерла прохода на всякий случай. Здесь было огромное открытое пространство, в форме пятиугольника, как большая комната в улье. Она была тоже наклонена под большим углом в результате катастрофы. Стены сияли мягким бесцветным светом. Толстый кабель тянулся из-под тонкой прокладки на полу; это был набор из полудюжины тончайших нитей, и каждая заканчивалась штучками, которые походили на наушники с выпуклым центром.

Бобби на это не глядела. Она глядела в угол. Гарденер проследил за ее взглядом и почувствовал, что его желудок тяжелеет. Его голова тошнотворно поплыла, его сердце запнулось.

Они все собрались у своего телепатического руля, или что у них там было, когда корабль ударился. Они, может быть, пытались вывести его из нырка всеми силами, но не получилось. И здесь они были, два или три, отброшенные в дальний угол. Сложно было описать, на что они похожи, — они переплелись, смешались. Корабль ударило, и их отбросило в этот дальний конец комнаты. Там они и лежат.

«Крушение межзвездного поезда, — подумал Гарденер болезненно. — Это здесь было, Альфи?»

Бобби не двинулась в сторону этих коричневых оболочек, громоздящихся в нижнем углу странной голой комнаты. Она только уставилась на них, ее руки сжимались и разжимались. Гарденер попытался понять, что она думает и чувствует, и не смог. Он развернулся и спустился осторожно через переборку. Присоединился к ней, передвигаясь с опаской по перекошенному полу. Бобби посмотрела на него своими странными новыми глазами: Что, я

действительно похожа на нее, с этими новыми глазами? Гард спросил себя об этом — и затем вернулся к сплетенным останкам в углу. Она продолжала сжимать и разжимать руки.

Гарденер двинулся к ним. Бобби повисла у него на руке. Гарденер избавился от ее захвата, даже не задумываясь. Он должен посмотреть на них. Он чувствовал себя испуганным ребенком, приближающимся к открытой могиле, которого что-то заставляет продолжать идти. Он должен увидеть.

Гарденер пересек то, что он считал — при всей ее пустынности — рубкой управления межзвездного корабля. Пол под его ногами был гладкий, как стекло, но его тенниски держались подошвами не скользя. Он не слышал иных звуков, кроме своего резкого дыхания, ощущал только пыльный воздух Хэвена. Он прошел по наклонному полу к телам и посмотрел на них.

«Вот они, Томминокеры, — подумал он. — Возможно, Бобби и другие не будут выглядеть, как они, когда завершат «превращение», может быть, из-за среды, может быть, из-за первоначального физиологического грима у — как это назвать? контрольная группа? — результатов опыта. Но сходство было налицо. Может быть, это и не одно и то же... но довольно близко. Уроды поганые».

Он испытал страх... ужас... и отвращение, которое заставило его кровь прилить к лицу.

Вчерашней ночью, как и теперь, запел в его мозгу колышущийся голос, — Томминокер, Томминокер, стукнул в дверь.

Сначала ему показалось, что их пятеро, но их было только четверо — один в двух частях. Ни один из них не выглядел так, словно он — она — оно — умер легко или с какой-нибудь безмятежностью. Их лица были отвратительно длиннорылыми. Их глаза закатились в белизну катаракты. Их губы превратились в однородное тесто.

Их кожа была чешуйчатой, но прозрачной — он мог видеть заледеневшие мышцы, в пучках, вокруг челюстей, висков и шей.

У них не было зубов.

8

Бобби подошла к нему. Гард увидел страх на ее лице — но не отвращение.

Они теперь ее боги, а это было бы странно — чувствовать отвращение к своим собственным богам, подумал Гарденер. Они ее боги теперь, и почему бы нет? Они сделали ее такой, какая она сейчас.

Он указал на каждого из них по очереди, беззаботно, как какой-нибудь инструктор. Они были голые, и их раны виделись очень четко. Крушение межзвездного поезда, да. Но он не верил,

что это было из-за механической неисправности. Эти странные чешуйчатые тела были изрублены, исполосованы грубыми прорезами. Одна шестипалая рука все еще цеплялась за рукоять чего-то, что выглядело как нож с циркулярным лезвием.

Погляди на них, Бобби, подумал он, хотя знал, что Бобби не сможет прочесть его мысли здесь, даже если он и снимет блок. Он указал: тут, на оскаленный рот, залезший в горло другого существа; там, на глубокую рану, зияющую в тонком, нечеловеческом горле; там, на нож, все еще зажатый в руке.

Погляди на них, Бобби. Тебе не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять, что они сражались. У них здесь проходила старая добрая игра во вмажь-сломай-и-вырви в этой рубке управления. Никто из этого говна «давайте-подумаем-вместе» не есть твой бог. Они оставили тяжелые аргументы друг на друге. Может быть, все началось как дискуссия на тему, высаживаться или не высаживаться здесь или, может быть, о том, должны они были или нет брать влево от Альфы Центавра. Как бы то ни было, результат один. Помнишь, как мы всегда утверждали, что это будет технологически прогрессивная раса существ, тех, с которыми мы когда-нибудь вступим в контакт? Мы думали, они должны быть изящны, как Мистер Визард, и мудры, как Роберт Янг в «Папа Лучше Знает». Ну, вот правда, Бобби. Корабль разбился, потому что они передрались. И где бластеры? Лазеры? Комнаты конвейеров? Я вижу только нож. Остальное они доделали зеркалами... или своими голыми руками... или когтями.

Бобби отвернулась, напряженно нахмурилась — ученица, которая не хочет учить урок. Она двинулась в сторону. Гарденер поймал ее за руку и подтолкнул обратно. Указал на ступни.

Если бы у Брюса Ли были такие ножки, он мог бы убивать по тысяче человек в неделю, Бобби.

Ноги Томминокеров были гротескно длинны — они заставили Гарденера думать о тех ребятах, которые пристегивают ходули и в костюме Дяди Сэма шагают на Четвертое Июля в параде. Мышцы под полупрозрачной кожей были длинными, тягучими, серыми. Ступни были узкими, с нечетко выделенными пальцами. Скорее, каждая ступня заворачивалась в один толстый, хитиновый коготь, как пятка у птиц. Что-то похожее на когти гигантских стервятников.

Гарденер вспомнил о выемках на ступеньках лестницы. Он поежился.

Смотри, Бобби. Смотри, какие у них темные когти. Это кровь или внутренности. Они на когте, потому что им они причиняли наибольший ущерб. Это говенное место, точно, не выглядит как капитанский мостик космического корабля Интерпрайз перед кру-

шением. Как раз перед встряской, это место выглядело как пространство «вход-для-всех» петушиного боя за деревенским сараем. Это прогресс, Бобби? Да по сравнению с этими парнями энергетик Тед выглядит просто настоящим Ганди!

Нахмурившись, Бобби шагнула прочь. Оставь меня, говорили ее глаза.

Бобби, неужели ты не видишь...

Бобби развернулась. Ее не интересовало *глядение*.

Гарденер стоял около высушенных тел, глядя, как она карабкается по палубе, как будто крестьянка поднимается по крутому холму. Она не скользила вовсе. Она направилась к длинной стене, где было другое круглое отверстие, и протиснулась в него. Некоторое время Гарденер мог видеть ее ноги и грязные подошвы теннисных туфель, а затем она исчезла.

Гард прошелся по наклону вверх и недолго постоял в центре комнаты, глядя на отдельную тонкую нить, тянущуюся из пола, на наушнички, которые торчали на ее конце. Схожесть с комплектом на складе Бобби была совершенно очевидной. С другой стороны...

Он огляделся. Пятиугольная комната. Голая. Никаких стульев. Никаких снимков Ниагарского водопада или водопада Кигнус-Би, ничего в этом роде. Никаких астронавигационных карт, оборудования Безумной Лаборатории. Все эти затейники, производители научной фантастики и создатели спецэффектов, были бы разочарованы этой пустотой, подумал Гарденер. Ничего, кроме наушничков, лежащих переплетенными на полу, и тел, прекрасно сохранившихся, но, возможно, не тяжелее осеннего листа. Наушнички и останки, как оболочки, сложенные в дальнем углу, куда их откинула гравитация. Ничего особенно интересного во всем этом. Ничего особенно изящного. Все, как есть. Потому что умники Хэвена напридумывали много всякой чепухи, но ни одна из них не кажется изящной, когда ты спускаешься вниз, где тебя вот так берут за горло.

Его не разочаровало увиденное, — все было правильно. Не справедливо — видит Бог, в этом нет ничего справедливого — но правильно, как будто часть его всегда знала, что все будет именно так, если они спустятся. Никакой кутерьмы Диснейленда; просто мрачные куски пустоты. Он поймал себя на том, что вспоминает стих Уистама Хью Одена о бегстве: раньше или позже ты всегда закончишь тем, что будешь сидеть в комнате, под светом голой лампочки, раскладывая пасьянс в три часа утра. Страна Завтра, кажется, заканчивается в пустоте, где люди, достаточно умные, чтобы достигать звезд, сходят с ума и рвут друг друга на кусочки когтями ног.

Слишком много для Роберта Хайнлайна, подумал Гард и пошел за Бобби.

Он двигался вверх, думая, что совсем потерял ориентацию — где он находится по отношению к внешнему миру. Но было легко об этом и не думать. Он держался за лестницу, пока шел. Он вышел к прямоугольному люку и поглядел внутрь, туда, где, должно быть, было машинное отделение: большие металлические блоки, квадратные с одной стороны, круглые — с другой, выстроились в два ряда. Трубочки, тонкие и матово-серебристые, торчали из квадратного конца и убегали в стороны под странными, изогнутыми углами.

Как выхлопная труба детского автомобильчика, подумал Гард. Тут он ощутил теплую жидкость надо ртом. Она разделилась и потекла двумя струйками по щекам. Опять нос кровоточит... медленно, но как будто намекает, что пора задрать голову ненадолго.

Кажется, здесь свет ярче?

Он остановился и огляделся вокруг.

Да. И он мог расслышать тихое гудение, или это ему кажется?

Он задрал голову. Нет, не кажется. Механизм. Что-то заработало.

Оно не просто заработало, и ты знаешь это. Мы заставили его работать. Мы завели моторчик.

Он сильно закусил загубник. Он хотел выбраться отсюда. Хотел вытащить отсюда Бобби. Корабль ожил; он боязливо подумал, что это был Последний Томминокер. Он услышал завывание. Это было самым страшным. Чувствующее существо... Что? Разбуженное, да. Гард захотел, чтобы оно заснуло. Он внезапно почувствовал, что слишком похож на Мальчика-с-Пальчик, который что-то вынюхивает в замке, пока великан храпит. Они должны убираться отсюда. Он пополз быстрее. Потом новая мысль ошарашила его, он застыл.

А что если оно не даст нам уйти?

Он отбросил эту мысль и продолжил движение.

10

Комната была в форме ромба. Она была заполнена койками, подвешенными на металлических рамах, — здесь было несколько сотен. Все были круто задраны вверх и перекошены налево: комната выглядела как матросская каюта на фотографии как раз перед тем, как корабль проваливается в бездну. Все койки были заняты, их владельцы пристегнуты ремнями. Прозрачная кожа, морды, похожие на собачьи; млечные, мертвые глаза.

От каждой чешуйчатой треугольной головы тянулись кабели.

Не просто пристегнуты, подумал Гард. ПРИКОВАНЫ. Они и двигали корабль, да, Бобби? Если это будущее, то пора стреляться. Они были гребцы на галере, каторжники.

Все мертвы. Пристегнутые навечно к своим койкам, головы вывернуты, морды, окоченевшие в вечном рычании. Мертвецы в перекошенной комнате.

Совсем близко заработал другой двигатель — заржавлено колебался, потом загудел мягко. Через секунду включилась вентиляция — он предположил, что еще один мотор заработал. В лицо подул воздух — был ли он свежим или нет, он не намеревался проверять.

Может быть, то, что наружный люк открылся, заставило все это работать, но я в это не верю. Мы включили. Что еще заработает, Бобби?

Может быть, они включают следующее — сами Томминокеры? Может быть, их прозрачно-серые руки с шестью пальцами уже начали сжиматься и разжиматься, как руки Бобби, когда она уставилась на тела в пустой рубке управления? И их когтистые ступни задрожали, задергались? Может быть, и головы завертелись, и они смотрят на них своими млечными глазами?

Я хочу уйти. Призраки слишком живые, и я хочу уйти.

Он тронул Бобби за плечо. Она отскочила. Гарденер взглянул себе на запястье — но там не было часов, только белая полоса на загоревшей коже. Это были «Таймекс», старые добрые ходики, которые побывали с ним в стольких переделках и выбирались оттуда целыми. Но два дня раскопок их доконали. ЭТО как раз то, чего не попробовал Джон Камерон Свэйз в рекламных роликах, подумал он.

Бобби что-то показывала. Она указала на воздушный баллон, притороченный к ее поясу, и подняла глаза на Гарденера. Как долго мы здесь?

Гарденер не знал и не хотел знать. Он хотел убраться отсюда, пока этот проклятый корабль не проснулся окончательно и не натворил Бог-знает-чего.

Он показал ей на проход. Достаточно долго. Давай-ка рванем отсюда.

В стене рядом с Гарденером зародился низкий, какой-то вкрадчиво кудахчущий звук. Он отпрянул. Капельки крови, медленно сочащиеся из носа попали на стену. Его сердце бешено заколотилось.

Спокойно, это просто какая-то помпа.

Вкрадчивый шумок начал смягчаться... и затем что-то испортилось. Раздался скрип металла, который царапают, и быстрые, похожие на щелчки разрывы. Гарденер почувствовал, как стена завибрировала, и на мгновение свет, казалось, затрепетал и потух.

А мы сможем найти выход в темноте, если свет погаснет? Твой шутила, наверно, сеньор.

Помпа заработала снова. Раздался визг металла, от которого зубы Гарденера сами закусали резинку в маске. Он наконец разжал их. Донесся долгий громкий всхлип, как от сосания соломинкой на дне стеклянного стакана. Затем молчание.

Не все кончается так хорошо, подумал Гарденер, и почему-то нашел в этой мысли утешение.

Бобби показала: пойдём. Гард.

Прежде чем он тронулся с места, он поймал испуганный взгляд Бобби, обращенный на ряды коек с мертвецами.

Затем Гарденер пополз обратно по тому же пути, пытаясь делать спокойные, ровные движения, потому что клаустрофобия уже начала сгущаться вокруг него.

11

В рубке управления одна из стен обратилась в гигантское смотровое окно в пятнадцать футов длиной и двадцать высотой.

Гарденер застыл, разинув рот, созерцая голубое мэньское небо и фигуры сосен и елей вокруг котлована. В нижнем правом углу он мог видеть деревянную крышу их навеса. Он пялился на окно несколько секунд — достаточных, чтобы разглядеть большое белое летнее облако, плывущее по небу, прежде чем осознал, что это не может быть окном. Они были где-то в центре корабля и глубоко в земле. Окно в этой стене не могло показать ничего, кроме самого корабля. Даже если бы они были ближе к обшивке, это был бы вид жилковатой скальной стены, может быть, с клочком неба в самом верху.

Это телеэкран какой-то. Что-то похожее на телеэкран, конечно.

Но никаких полос. Иллюзия была полной.

Очарованный этой картиной, забыв о своей клаустрофобии, Гарденер медленно подошел к стене. Наклон комнаты давал ему странное чувство полета, такое же, какое возникает, если соскользнуть мысленно за пульт в кабине аэротренажера и поставить фальшивый рычажок в положение «крутой вираж». Небо было такое светлое, что он прищурился. Он продолжал глядеть в стену, так же, как смотришь в кино, ожидая разглядеть экран позади картинки, если подобраться ближе, но стена не была похожа на киноэкран. Сосны были настоящие, ярко-зеленые; только то, что он не мог чувствовать ветерка или запаха древесины, подсказывало, что все видимое — убедительная иллюзия.

Он подошел еще ближе, вглядываясь в стену.

Эта камера, должно быть, установлена на внешней обшивке корабля, может быть, в том самом месте, где Бобби споткнулась. Угол обзора

как раз такой. Но, черт возьми! Это так реально! Если бы ребята из Кодака или Поляроида это увидели, они бы взвыли.

Его схватили за руку — очень крепко, он вздрогнул от ужаса и обернулся, ожидая увидеть одного из них, такого ухмыляющегося, с собачьей башкой, держащего провод с вилкой на конце: нагнитесь немного, мистер Гарденер, это не больно.

Это Бобби. Она указала на стену. Она отвела руки и начала извивать кисти, изображая какую-то шараду. Затем указала снова на стену. Наконец, Гарденер понял. При всей серьезности изображения было смешно. Бобби пыталась показать казнь на электрическом стуле, намекая на то, что прикосновение к этой стене-окну может быть весьма похожим на касание третьей рельсы в подземке.

Гарденер кивнул, потом ткнул пальцем в сторону широкого коридора, по которому они сюда пришли. Бобби тоже кивнула и направилась туда.

Как только Гарденер вошел в переборку, ему показалось, что раздался шорох, как от сухого листа; он обернулся, чувствуя дикий детский страх, заползающий в мозг. Он подумал, что это могут быть они, чьи тела лежат в углу; они, медленно вставшие на свои когтистые ноги, как зомби.

Но они спокойно лежали клубком причудливых рук и ног. Широкий, ясный вид неба и деревьев на стене (или сквозь стену) туманился, теряя очертания и краски.

Гарденер развернулся обратно и как мог быстро пополз за Бобби.

Глава 7 СЕНСАЦИЯ, ПРОДОЛЖЕНИЕ

1

Ты с ума сошел, сказал самому себе Джон Леандро, въезжая на ту самую парковку, которой пользовался Эверетт Хиллман три недели назад. Леандро, конечно же, этого не знал. Да, вероятней всего все было именно так.

Хорошо, подумал он, выбираясь из старого автомобиля. Мне двадцать четыре, не женат, ношусь, как белка в колесе, и если я сошел с ума, так это потому, что нашел это, да, я. Я наткнулся на это. Его много, и все мое. Моя история. Нет, по-другому. Это немодно, но какого черта — именно так это и называется. Моя сенсация, и я собираюсь ее объездить, пока меня не сбросили. Я не

собираюсь позволить меня укокошить, но, пока у меня будут силы, я это так не оставляю.

Леандро стоял на парковке в четверть первого, тем самым днем, который так быстро становился самым длинным днем в его жизни (и мог стать последним, несмотря на все его попытки убедить себя в обратном), и думал: Молодец. Обьезди это, пока тебя не сбросили.

Чувствительно. Саркастично, но чувствительно. Та половинка его мозга, казалось, не имеет такого чувства. Моя история, повторил он упрямо. Моя сенсация.

Джон Леандро, в своей футболке с надписью ГДЕ ЖЕ К ЧЕРТУ ЭТА ТРОЯ, ШТАТ МЭН? (Дэвид Брайт, возможно, досмеялся бы до инсульта, читая это), пересек всю парковку Мэнского Медоборудования («Специализируемся на Оборудовании для Терапии Дыхательных Путей с 1946») и вошел внутрь.

2.

— Тридцать зеленых это неплохо за пользование воздушной маской, ты не думаешь? — спросил Леандро у клерка, постучав по его окошку. Он понимал, что тридцать-то у него есть, но когда он отдаст их, останется только полтора. — Не похоже, чтобы они пользовались спросом на черном рынке.

— Нам они никогда и не требовались, — сказал клерк. — И сейчас не требуются, ни для организаций, ни для кого другого. Но я потерял одну, пару или три недели назад. Пришел старик и сказал, что ему нужна такая штука. Я подумал, он имеет в виду для ныряния — ты понимаешь, он был старый, но еще для этого годился — и стал ему рассказывать о Нижневосточной Скуба в Бангоре. Но он сказал, нет, его интересует подземная маска. Ну, я ему одолжил. И больше ее не видел. Новенький Белл, запакованный. Двести долларов снаряжения.

— Одолжил маску? Ты сам?

— Ну, это был полный комплект. Да. Договорился с отцом. Он поставляет кислородные баллоны в Огасте. Ну и устроил он мне потом. Я не знаю, даст ли он мне еще одного «Белла», но если напрокат, то все о'кей.

— Ты можешь описать старика?

— Мистер, с вами все в порядке? Вы побелели...

— Все нормально. Можешь описать того, кто одолжил этот комплект?

— Старый. Загорелый. Он почти лысый был. Тощий такой, кожа как барабан. Ну, как я сказал, еще крепкий, — клерк задумался. — Он приехал на «Валианте».

- Когда точно он взял этот комплект?
- Вы полицейский?
- Журналист. «Бангор Дэйли Ньюз», — Леандро показал клерку свое удостоверение. Теперь тот заволновался.
- Он еще что-нибудь натворил? Ну, кроме того, что у нас спер?
- Вы можете посмотреть его имя и дату, для меня?
- Конечно.

Клерк пролистал свою записную книжку. Нашел и развернул книжку так, чтобы Леандро мог прочесть. Число было двадцать шестое июля. Имя было написано каракулями, но читаемо. Эверетт Хиллман.

— Вы не сообщали о краже в полицию, — сказал Леандро. Это не было вопросом. Если подается жалоба на кражу против старого чудака в дополнение к понятной неудаче его квартировладелицы с подложным чеком за двухнедельную ренту, тогда полиция могла бы проявить больший интерес к тому, как и почему Хиллман исчез... или куда он мог исчезнуть.

— Нет, отец сказал не стоит. В нашей страховке ничего нет о краже прокатного оборудования, понимаете, ну... вот почему.

Клерк замаялся и улыбнулся, но заминка была неестественной, да и улыбка вымученной, и вместе они очень много сказали Леандро. Он, может быть, законченный хам, как полагал Дэвид Брайт, но не тупица. Если сообщать о краже или пропаже комплекта, по страховке ничего не выплатят. Но папаша этого парня знал другой способ, как представить все происшедшее в страховой компании. Но сейчас это все имело малое значение.

— Хорошо, спасибо вам за вашу помощь, — сказал Леандро, возвращая книжку. — Если мы можем еще...

— Да, конечно, — клерк, определенно, был счастлив оставить тему страховки. — И вы не напечатаете это все, пока не поговорите с отцом, да?

— Точно, — сказал Леандро с такой искренностью, что сам П.Т.Барнум восхитился бы. — Теперь, если я могу подписать...

— Да. Я должен увидеть ваши документы, правда. Я не спросил у старика, и теперь, когда мне отец напомнил, я у вас попрошу.

— Я же показывал удостоверение.

— Да, я помню, но хотелось бы видеть настоящие документы.

Вздохнув, Леандро бросил на стол свои водительские права.

3

— Поспокойней, Джонни, — сказал Дэвид Брайт. Леандро стоял у будки телефона рядом с парковкой у въезда в ресторан. Он уловил

в голосе Брайта начинающееся волнение. *Он верит мне. Сукин сын, он наконец-то мне верит!*

Он поднес трубку к другому уху. Полуденное солнце пригревало ему шею, но ничего плохого он в этом не видел. Он начал со своей поездки в Хэвен; невероятное смешение всех станций в радиоприемнике; дикая тошнота; кровоточащий нос; потерянные зубы. Он рассказал ему о разговоре со стариком в магазине, как пусто было, как будто целая округа покрылась табличками УШЕЛ РЫБАЧИТЬ. Он не упомянул свою математическую прозорливость, потому что теперь он помнил только, что она у него была. Что-то случилось, но теперь это осталось в его голове, как нечто смутное и рассеянное.

Вместо этого он рассказал Брайту о том, что ему пришла в голову мысль об отравленном воздухе в Хэвене — химический выброс или что-то в этом роде, а может быть, естественный выброс. Но смертельный газ, прямо из земли.

— Газ, который влияет на радиоволны, Джонни?

Да, он знал, что все это странно, что все кусочки как-то не складываются в одно, но он был там и был уверен, что это воздух так на него повлиял. И поэтому он решил взять немного сжатого воздуха и вернуться туда.

Он пересказал свое случайное открытие, что Эверетт Хиллман, которого сам Дэвид Брайт уволил, как рехнувшегося старика, побывал там до него, по такому же наитию.

— Так, и что ты думаешь? — спросил Брайт наконец.

Произошла маленькая заминка и потом Брайт сказал те слова, которые прозвучали для Леандро как самые сладкие в его жизни:

— Я думаю, ты во всем прав, Джонни. Что-то очень поганое там случилось, и я очень тебе советую держаться оттуда подальше.

Леандро ненадолго закрыл глаза и прижался лбом к телефонной будке. Он улыбался. Это была широкая и блаженная улыбка. Прав. Во всем прав. Эх, очень милые слова, отличные слова; слова утешения и блаженства. Во всем прав.

— Джон? Джонни? Ты слушаешь?

Все еще с закрытыми глазами, улыбаясь, Леандро сказал:

— Да.

Просмакуй это, Дэвид, старик, ведь я думаю, я всю свою жизнь ждал, чтобы кто-нибудь сказал мне, что я во всем прав. В чем-нибудь. В чем угодно.

— Держись подальше. Вызови федеральную полицию.

— Может, ты?

— Охренел, нет, конечно!

Леандро засмеялся.

— А, вот ты как. Со мной все будет нормально. У меня есть кислород.

— Как тебе сообщил парень в Медоборудовании, у Хиллмана тоже он был. А что с ним произошло?

— Я все же поеду, — повторил Леандро. — Что бы там в Хэвене не происходило, я буду первым, кто это увидит... и заснимет.

— Мне это не нравится.

— Который час? — часы Леандро остановились. Это было странно; он был почти уверен, что завел их сегодня утром, когда встал.

— Почти два.

— Ладно. Я позвоню в четыре. Потом в шесть. И так далее, до того момента, пока не приеду домой. Если ты или кто-нибудь в течение двух часов ничего от меня не получит, вызывай полицию.

— Джонни, ты как ребенок, который играет со спичками и спрашивает у отца, если огонь загорится, разрешит ли папа его потушить?

— Ты не мой отец, — сказал Леандро резко.

Брайт вздохнул.

— Слушай, Джонни. Если это имеет какое-нибудь значение, я прошу у тебя прощения за то, что называл тебя трахнутым Джимми Ольсеном. Ты был прав, разве этого недостаточно? Держись подальше от Хэвена.

— Два часа. Мне нужно два часа, Дэвид. Я, черт возьми, заслужил их, — и Леандро повесил трубку.

Он направился к машине... затем свернул и вызывающе зашагал к окошку и заказал два чизбургера. Это был первый раз в его жизни, когда он заказывал еду в одном из этих заведений, которые его мать называла «дорожные загрызочные» — когда она произносила эти слова, то название невинного учреждения звучало как чернейший комочек ужаса. «Прислано из дорожной загрызочной» словно «подарок с острова монстров-микробов».

Когда чизбургеры появились, они оказались горячими и завернутыми в навощенную бумагу с пятнами жира и с замечательной надписью : «Бургер Ранчо Дерри», отпечатанной повсюду. Он проглотил первый до того, как дошел до своего «Доджа».

— Прекрасно, — сказал он, слово звучало приглушенно, как фриффрафно. — Прекрасно, прекрасно.

Микробы, делайте свое черное дело, подумал он почти с пьяной дерзостью, когда выехал на девятое шоссе. Он, конечно, не знал, что все в Хэвене очень быстро переменялось, и будет таким начиная с этого полудня; ситуация в Хэвене была, говоря языком переговоров о ядерном разоружении, критической. Хэвен стал отдельной страной, и его границы теперь охранялись.

Не зная этого, Леандро мчался вперед, вгрызаясь во второй чизбургер и сожалея только о том, что он не заказал еще и ванильный коктейль.

4

Когда он миновал главный магазин Трои, его эйфория улетучилась и уступила место прежней крайней нервозности — небо над головой было чистое, голубое, и по нему плыли хрупкие белые облачка, но его нервы были напряжены, как будто на дороге бушевала гроза. Он взглянул на кислородный пакет позади себя — золотая чаша, покрытая слоем целлофана, с надписью САНИТАРНАЯ ПЕЧАТЬ УДОСТОВЕРЯЕТ ЦЕЛОСТНОСТЬ. Другими словами, подумал Леандро, убирайтесь, микробы!

Ни одной машины на дороге. Ни одного трактора в поле. Ни босоногих мальчишек с удочками, шагающих по обочине. А Троя спит молчаливо (и, как подозревал Леандро, беззубо) под августовским солнцем.

Он настроил приемник на УКВ и, когда миновал баптистскую церковь, сигнал начал теряться в растущем бормотании других станций. Почти сразу после этого чизбургеры тяжело разгулялись у него в желудке, а затем запрыгали — вверх-вниз. Он представил себе, как они истекают жиром, как, без сомнения, оно и было. Он был близок к тому самому месту, где его вывернуло наизнанку при его первой попытке проникнуть в Хэвен. Он и сейчас ощущал то же самое — и он не хотел, чтобы симптомы ухудшились. Эти чизбургеры были слишком хорошо сделаны для того, чтобы с ними расстаться.

5

Когда он надел маску, дурнота тотчас исчезла. Но чувство сильного, грызущего беспокойства — нет. Он увидел самого себя, с золотой чашкой, привешенной ко рту и носу, в зеркальца заднего обзора и ощутил минутный страх — он ли это? Глаза этого человека глядели так серьезно, слишком решительно... как глаза пилота истребителя. Леандро не хотел, чтобы люди типа Дэвида Брайта считали его хамом, но он не был уверен, что хочет иметь такие серьезные глаза.

Теперь уже поздно. Ты внутри.

Радио болтало на сотню, а может быть, и тысячу голосов. Леандро выключил его. Вон там, впереди, была окраина Хэвена. Леандро, который ничего не слышал о невидимых нейлоновых чулках, доехал

до отметки городской черты... и проехал ее, в Хэвен, без каких-либо неприятностей.

Хотя положение с батарейками в Хэвене снова было близко к критическому, силовые поля можно было установить вдоль всех дорог, ведущих в город. Но в пугающей суматохе из-за утренних событий, Дик Эллисон и Ньют приняли решение, которое имело прямое отношение к судьбе Джона Леандро. Они хотели закрыть Хэвен, но они не хотели, чтобы кто-нибудь наткнулся на необъяснимый барьер в центре того, что казалось сгустившимся воздухом, вернулся и пересказал все дурным людям...

...которыми сейчас были все другие на земле.

— Я не думаю, что кто-нибудь может подойти близко, — сказал Ньют. Он и Дик сидели в пикапе Дика, который был частью целой процессии машин и грузовиков, разъезжающихся от дома Бобби Андерсон.

— Я тоже так думал, — произнес Дик. — Но так было до Хиллмана... и сестры Бобби. Нет, никто не мог пройти сюда, но если он сможет, он никогда не выйдет.

— Ну ладно, отлично. Ты — Королева Бала. Теперь, ты можешь заставить эту трахальницу ехать быстрее?

Общий смысл их мыслей — и мыслей всех вокруг них — был яростным и пугающим. Сейчас проникновение пришельцев извне в Хэвен казалось им самым ужасным.

— Я знал, что мы должны были избавиться от этого проклятого пьяницы! — выкрикнул Дик громко и грохнул кулаком по крылу машины. Сегодня он не гримировался. Его кожа также становилась сильно прозрачной, твердела. Центр его лица — и лица Ньюта, и всех других, которые сидели на складе Бобби — начал распухать. Становится решительно похожим на рыло.

6

Джон Леандро, разумеется, обо всем этом не знал — он знал только, что воздух вокруг него был ядовитым — более ядовитым, чем он когда-нибудь мог предположить. Он снял золотую чашу с лица на время, достаточно длительное, чтобы сделать один глубокий вдох, и мир начал немедленно исчезать в тумане. Он натянул чашу обратно, сердце стучало, руки похолодели.

Отъехав от городской линии на две сотни ярдов, его «Додж» просто заглох. Большая часть машин и грузовиков Хэвена переоснастились так, что они обрели иммунитет к упорно растущему электромагнитному полю, расходящемуся от корабля по земле на протяжении почти двух месяцев или около того (большая часть

работы была сделана в лачуге Элта Баркера), но машина Леандро не вынесла подобного обращения.

Он некоторое время сидел за рулем, тупо уставившись на идиотские красные огни. Он отбросил приемник в парк и повернул ключ. Мотор не заводился. Дьявол, соленоид даже не щелкнул.

Может быть, порыв кабеля аккумулятора.

Это не был аккумуляторный кабель. Если это было так, лампочки МАСЛЮ и СИЛА ТОКА не горели бы. Но это было неважно. Важнее было то, что он знал, что дело не в кабеле, потому просто, что знал это.

Вдоль дороги по обеим сторонам стояли деревья. Солнце, пробивающееся сквозь их дрожащие листья, рисовало пятнистый узор на земле и белой грязи рыхлых обочин. Леандро внезапно почувствовал, что из-за деревьев за ним наблюдают чьи-то глаза. Это было глупо, конечно, но мысль не уходила.

Ладно, теперь тебе надо выбираться отсюда, и неизвестно, сможешь ли ты уйти из зараженного пояса, прежде чем твой воздух кончится. Шансы уменьшаются каждую секунду, в то время как ты здесь дрожишь.

Он попробовал завести еще раз. Ничего.

Он взял камеру, повесил ремень через плечо и вышел. Он встал, тяжело глядя на деревья с правой стороны дороги. Ему показалось, он услышал что-то сзади — шарканье, резко крутанул, выпучив губы в сухой гримасе ужаса.

Ничего... ничего не видно. Леса милы, темны и глухи...

Шевелись. Ты все еще торчишь здесь, переводя воздух.

Он опять открыл дверцу, заглянул внутрь и вытащил пистолет из бардачка. Он зарядил его, затем попытался запихнуть в правый карман. Но тот был слишком велик. Он испугался, что он выпадет и он его потеряет, если оставить его там. Он задрал свою новую футболку, засунул пистолет под ремень и натянул футболку на него.

Он снова поглядел на деревья, потом — с горечью, на машину. Он мог бы пофотографировать, но что будет видно на снимках? Ничего, кроме пустой сельской дороги. Подобное можно увидеть по всему штату, даже в разгар туристского сезона. Снимок не сможет передать отсутствие лесных звуков; снимок не покажет, что воздух отравлен.

Вот твоя сенсация, Джонни. О, ты напишешь кучу историй об этом, у меня есть чувство, что ты расскажешь ребятам на телевидении много новостей, а твоя фотография в «Ньюсуике»? Пулитцеровская премия? Забудь все это.

Какая-то часть его — более взрослая — настаивала, что это глупо, что половина лучше, чем ничего, что большая часть журналистов в мире поубивались бы, чтобы достать кусочек этой половины во что бы то ни стало.

Но Джон Леандро был человеком моложе своих двадцати четырех лет. Когда Дэвид Брайт думал, что видит щедрую порцию хамства в Леандро, он не ошибался. Тому были причины, конечно, но причины не меняют действительности. Он был как новобранец, которому достался большой кусок во время его первого боя в блиндажах противника. Не плохо... но в голове промелькнул крик: Эй, Бог, если ты хотел дать мне жирный кусок, почему Ты не дашь мне все?

Поселок Хэвен был меньше чем в одной миле. Он мог бы дойти за пятнадцать минут... но тогда он никак не выйдет из отравленного пояса до того, как истратит весь свой воздух, он знал это.

Если бы я взял две таких штуки.

Даже если бы ты и захотел, то не смог бы оплатить прокат обоих баллонов. Вопрос в том, Джонни, собираешься ли ты умирать из-за своей сенсации, или нет?

Он не собирался. Если бы его фотография и появилась в «Ньюсуике», ему не хотелось бы, чтобы вокруг нее была черная рамка.

Он потащился обратно к городской черте Троя. Он сделал дюжин пять шагов, прежде чем понял, что слышит моторы — очень много, очень слабо.

Что-то происходит за чертой города.

С тем же успехом это могло быть на другой стороне луны. Забудь это.

Снова недобро поглядывая на деревья, он зашагал по дороге. Прошел еще другую дюжину шагов и услышал другой звук: низкое, приближающееся гудение позади себя.

Он обернулся. И разинул рот. В Хэвене часть июля была Месяцем Городских Технических Новинок. Большая часть жителей, пройдя становление, потеряла интерес к подобным вещам... но новинки все еще здесь были. Многих переоборудовали для охраны границы. Хейзл сидела в своем муниципальном кабинете перед горой наушников и быстро по очереди их прослушивала. Она была рассержена, что ее оставили здесь исполнять такие обязанности, в то время как будущее всего решалось на складе Бобби. Но сейчас... кто-то уже проник в город.

Довольная развлечением, Хейзл приказала позаботиться о пришельце.

Это был автомат Кока-колы, который стоял раньше перед рынком Кудер. Леандро стоял, онемев от изумления, глядя, как он приближается: веселый красно-белый параллелепипед шесть с половиной

футов в высоту и четыре в ширину. Машина быстро скользила по воздуху к нему, дно примерно в восемнадцати дюймах над дорогой.

Боже, персональная реклама, подумал Леандро. Какой-то идиллический способ рекламы. Через секунду-две двери этой штуки распахнутся и оттуда выпорхнет О.Дж.Симпсон.

Это была веселая мысль. Леандро засмеялся. И пока он смеялся, ему вспомнилась картинка... да, боже, картинка, автомат Кока-колы, летящий над развилкой деревенской дороги!

Он схватил свой Никон. Автомат, бормоча что-то, повисел над застрявшей машиной Леандро и продолжил полет. Он выглядел как галлюцинация безумца, но на его передней части было в письменной форме объявлено, что, вопреки чьему-либо мнению, это — НАСТОЯЩАЯ ВЕЩЬ.

Все еще хихикая, Леандро осознал, что автомат не тормозит, а, наоборот, набирает скорость. А это действительно автомат для напитков? Холодильник с рекламой на себе. А холодильники тяжелые. Автомат Кока-колы, красно-белая ракета, скользил по воздуху к Леандро. Ветер гулял в монетовозвратчике, производя глухое уханье.

Леандро забыл о снимке. Он прыгнул влево. Автомат ударил его по левой голени и сломал ее. На мгновение его нога превратилась в сгусток чистой белой боли. Он простонал в золотую чашу и свалился на живот на обочину, разодрав рубашку. Никон перелетел на конец ремня и с хрустом ударился о гравий.

Ты, сукин сын, это стоит четыреста долларов!

Он встал на колени и развернулся; рубашка разодрана, щека кровоточит, а нога просто вопит.

Кока-кольный автомат возвращался. Он повисел в воздухе с минутой, его перед повертелся в разные стороны по дужкам, что напомнило Леандро движение блюдца радара. Солнце вспыхнуло на его стеклянной двери. Леандро мог видеть бутылки коки и фанты внутри.

Неожиданно оно повернулось и понеслось к нему.

Нашел меня, о Боже...

Он вскочил и попытался добраться до своей машины, прыгая на левой ноге. Автомат устремился на него, в монетовозвратчике мрачно гудело.

Заорав, Леандро бросился вперед и покатился. Автомат промахнулся на несколько дюймов. Он приземлился на дорогу. Боль скакала по сломанной ноге. Леандро застонал.

Автомат развернулся, помедлил, нашел его и попер снова.

Леандро нащупал пистолет на поясе и вытащил его. Он выстрелил четыре раза, балансируя на одном колене. Все пули попали в цель. Третья разбила стеклянную дверь.

Последнее, что Леандро увидел, прежде чем автомат — в котором было чуть больше шестисот фунтов веса — врезался в него, были различные напитки, брызгающие и текущие из отбитых горлышек бутылок, которые повредили его пули.

Осколки бутылок летели к нему со скоростью сорок миль в час.

Мама! — раздался крик в голове Леандро, и он закрыл лицо руками.

Теперь ему незачем было беспокоиться ни о бутылочных острых стеклах, ни о микробах, которые могли быть в чизбургерах из Бургер-Ранчо, ни о чем таком. Одна из великих истин жизни состоит в том, что когда кого-то ударяет разогнавшийся шестисотфунтовый автомат по продаже Кока-колы, то ему уже не нужно беспокоиться о чем-то другом.

Раздался трещащий, хрустящий звук. Передняя часть черепа Леандро расколась, как китайская ваза. Чуть позже его позвоночник треснул. Недолгое время машина тащила его впереди себя, сплющивая, как сплющивается очень крупный жук на ветровом стекле быстро мчащегося автомобиля. Его вывернутые ноги проволочились по дороге, оставляя белую линию между. Каблуки его кожаных туфель стали дымящимися резиновыми наростами. Один отвалился.

Затем он ополз по передней части автомата и шлепнулся на дорогу.

А автомат Кока-колы направился обратно в сторону поселка Хэвен. Его монетоприемник дребезжал, когда автомат ударял Леандро, а когда он мчался по воздуху — хлопал, и широкий поток монеток в четверть доллара, в десять и пять центов вылетал из монетовозвратчика и катился по дороге.

Глава 8 ГАРД И БОББИ

1

Гарденер знал, что Бобби скоро сделает свое движение — старая Бобби осуществила то, что Новая и Усовершенствованная Бобби рассматривала как свою последнюю обязанность по отношению к старому доброму Джиму Гарденеру, который пришел спасти своих друзей и который остался, чтобы выбелить старый забор одного кошмара.

Вообще-то он думал, что это был бы канат, что Бобби захотела бы подняться первой и, поднявшись, просто не спустила бы его вниз.

Там, в люке, был бы он, и там он бы и умер, рядом с этим странным знаком. Бобби даже не пришлось бы иметь дело с неприятной реальностью убийства. Даже не было бы необходимости думать о старом добром Гарде, медленно и жалко умирающем от истощения. Старый добрый Гард умер бы от многочисленных кровоизлияний очень быстро.

Но Бобби настаивала, чтобы Гард поднимался первым, и сардонический разрез ее глаз говорил Гарденеру, что Бобби прекрасно знала, о чем он думает... и для этого ей вовсе не надо было читать его мысли.

Канат поднимался в воздух, и Гарденер крепко обвил его, борясь с тошнотой — ее становилось невозможно сдерживать, но Бобби послала ему мысль, вошедшую громко и ясно, будто они снова вылезли из люка: Не снимай маску, пока ты не вышел наверх. Стали ли мысли Бобби яснее, или это ему только кажется? Нет. Не воображение. Они оба побывали в корабле, и это усилило их способности.

Почему? — послал он мысль назад, стараясь быть очень осторожным и послать только эту верхнюю мысль — ничего глубже.

«Большинство механизмов, которые мы слышали, были воздухообменниками. Движение воздуха в канаве, которое бы ты произвел, было бы таким же быстрым, как воздушный поток в корабле, когда мы впервые открыли его. Они не смогут уравновеситься за оставшийся день, а может быть, и дольше».

Не те мысли, которые можно ожидать от женщины, которая хочет вас убить, — но этот взгляд еще был в глазах Бобби, и ощущение этого окрашивало все ее мысли.

Повиснув на драгоценном канате, кусая резину, Гарденер старался сдержать свой желудок.

Канат достиг верха. Он побрел прочь на ногах, казавшихся сделанными из резиновых полос и канцелярских скрепок, нехотя осматривая «Электролюкс» и кабель манипулятора; досчитай до десяти, — подумал он. Досчитай до десяти, выберись из канавы как можно дальше, затем сними маску и будь что будет. Пожалуй, я бы предпочел умереть, чем так себя чувствовать.

Если бы я копал в нескольких разных местах этой гравийной ямы, что ж, я тоже вполне бы мог это найти! — думал он в тот момент, когда его желудок наконец взбунтовался.

Он сорвал маску и отбросил, в начале очищения нащупывая сосну и прислоняясь к ней ради поддержки.

Он проделал это снова и понял, что никогда за всю свою жизнь не испытывал такой тошноты. Правда, он читал об этом. Он извергал — в основном в крови — кусочки ваты, которые вылетали

как пули. И пули — это почти то, чем они были. Он был захвачен пулевой рвотой. В медицинских кругах это не рассматривалось как признак хорошего здоровья.

Его взгляд замело серыми одеялами. Колени подогнулись.

О, твою мать, я помираю, — подумал он. Но эта мысль, похоже, не имела эмоционального уклона. Это была мрачная новость, ни больше ни меньше. Он чувствовал скольжение своих рук по грубой коре сосны. Он чувствовал смолистый сок. Он слабо сознавал, что воздух пах отвратительно, желтым и серным — так пахла бумажная фабрика после недели тихой облачной погоды. Ему было безразлично. Елисейские поля или только большое черное ничто, только бы не воняло так. Может, поэтому он все равно вышел победителем. Лучше всего так и пойти.

Нет! Нет, не уходи так! Ты пойдешь назад спасать Бобби, и, может, Бобби уже не спасти, но того ребенка, может быть, удастся. Пожалуйста, Гард, хотя бы попытайся!

— Пусть это не будет зря, — сказал он треснувшим, дрожащим голосом. — Господи Иисусе, пожалуйста, пусть это будет не зря.

Колеблющаяся серая мгла слегка разошлась. Тошнота спала. Он поднял руку к лицу и отбросил слой крови.

В этот момент его шею сзади тронула рука, и тело Гарденера окаменело, покрывшись гусиной кожей. Рука... рука Бобби... но не человеческая рука, совсем нет.

— Гард, ты в порядке?

— В порядке, — громко ответил он и постарался встать на ноги.

Мир колыбался, затем вошел в фокус. Первое, что он увидел, была Бобби. Взгляд Бобби был взглядом холодного, мрачного расчета. Он не видел там ни любви, ни хотя бы поддельного интереса. Бобби стала вне этого.

— Пойдем, — хрипло сказал Гарденер. — Веди ты. Я себя чувствую... — Он споткнулся и, чтобы удержать равновесие, должен был схватиться за распухшее, незнакомое плечо Бобби. — ...немного нездоровым.

2

Пока они возвращались на ферму, Гарденеру стало лучше. Кровотечение из носа уменьшилось до маленькой струйки. Он порядочно наглотался крови, пока была надета маска, и это должна была быть та самая кровь, которую в большом количестве он видел в своей блевотине. Он надеялся. Он полностью потерял девять зубов.

— Я хочу сменить рубашку, — сказал он Бобби.

Бобби без особого интереса кивнула.

— После этого пройди в кухню, — сказала она. — Нам надо поговорить.

— Думаю, да.

В гостиной Гарденер стянул рубашку, в которую он был одет, и надел чистую. Он позволил ей висеть поверх ремня. Он подошел к кровати, поднял матрас и взял пистолет. Он положил его себе в за пояс. Рубашка была слишком большой; он потерял много веса. Рукоятка револьвера сильно торчала, даже если он втягивал живот. Он задержался на секунду, удивляясь, что он готов к этому. Он считал, что дальше невозможно говорить о таких вещах. Тупая боль глодала его виски, и мир казался входящим в фокус и расходящимся медленными, пьяными циклами. Рот болел, а нос был набит сохнувшей кровью.

Вот она, решающая игра, как в вестернах, которые писала Бобби. Высокий полдень в штате Мэн. Ваш ход, прошу.

Тень улыбки коснулась его губ. Все эти грошовой второкурсники-философы говорили, что жизнь — странная штука, но в самом деле это было чересчур.

Он вышел в кухню.

Бобби сидела на кухонном столе, глядя на него. Станный, полупрозрачный зеленый флюид циркулировал под поверхностью ее прозрачного лица. Ее глаза — большие, странно деформированные зрачки — мрачно смотрели на Гарденера.

На столе стоял радиодинамик. Его принес по ее просьбе три дня назад Дик Эллисон. Тот самый динамик, который Хэнк Бак употребил для отправления Питса Барфилда в этот громадный небесный накопитель. Бобби потребовалось меньше двадцати минут для подсоединения его к игрушечному фотонному пистолету, который она нацелила на Гарденера.

На столе были две банки пива и пузырек. Бобби должна была сходить в ванную и принести его, пока он менял рубашку. Это был его «валиум».

— Садись, Гард, — сказала Бобби.

3

Гарденер поставил защиту мыслей, как только вылез из корабля. Вопрос был в том, как много от нее осталось.

Он медленно прошел через комнату и сел на стол. Он чувствовал, как пистолет давил на желудок и пах; он чувствовал также его давление на свой мозг, тяжело лежавший под тем, что осталось от защиты.

— Это мне? — спросил он, показывая на пилюли.

— Я подумала, почему бы нам вместе не выпить пива, — ясно сказала Бобби. — Как друзья? И ты можешь брать таблетки, пока мы беседуем. Я думала, это будет самый добрый вариант.

— Добрый, — задумчиво сказал Гарденер. Он почувствовал первый слабый толчок гнева. Зачем снова играть в дурака, песенка спета, но привычку надо ломать. Он сам был одурачен с избытком. Но тогда, — думал он, — может быть, ты — исключение из правила, Гард, старина Гард.

— Я беру пилюли, а Питер получил этот жуткий морской аквариум в сарае. Бобби, твое определение доброты претерпело охренительно радикальные изменения с тех пор, как ты плакала, что Питер принес домой мертвую птичку. Помнишь то время? Мы жили здесь вместе, мы выставили твою сестрицу, когда она пришла, и никогда не засыпали ее просьбами заходить еще. Мы просто хорошенько лягнули ее под зад. Он мрачно взглянул на нее. — Помнишь, Бобби? Это было, когда мы были и любовниками, и друзьями. Я подумал, вдруг ты забыла. Я мог бы умереть за тебя, детка. И я мог бы умереть без тебя. Помнишь? Помнишь нас?

Бобби смотрела вниз, на свои руки. Видел ли он слезы в тех странных глазах? Пожалуй, все, что он видел, было задумчивое размышление.

— Когда ты был в сарае?

— Прошлой ночью.

— Что ты трогал?

— Обычно я трогал тебя, — задумчиво сказал Гарденер. — А ты меня. И никто из нас не был против. Помнишь?

— Что ты трогал? — пронзительно закричала она на него, и когда она снова взглянула вверх, он увидел уже не Бобби, а свирепого монстра.

— Ничего, — сказал Гарденер. — Я ничего не трогал. — Презрение на его лице должно было быть убедительнее любых протестов, так как Бобби притихла. Она деликатно потягивала свое пиво.

— Не в этом дело. Все равно ты не мог там ничего сделать.

— Как могла ты сделать это с Питером? До меня не доходит. Я не знал старика, вторгшуюся Энн. Но я знал Питера. Он тоже готов был умереть за тебя. Как ты могла это сделать? Господи!

— Он поддерживал во мне жизнь, когда тебя не было, — сказала Бобби. В ее голосе была мельчайшая нотка неудобства, защиты. — Когда я работала круглосуточно. Он был единственной причиной, по которой здесь что-то сохранилось, когда ты сюда пришел.

— Ты, гребаный вампир!

Она посмотрела на него, потом в сторону.

— О Боже ж мой, ты делала такие вещи, и я помогал этому. Знаешь ли ты, как это больно? Я помогал! Я видел, что происходило

с тобой... в меньшей степени я видел, что происходило с другими, но я даже помогал этому. Потому что я был сумасшедшим. Но ты это, конечно, знала, не так ли? Ты использовала меня так же, как использовала Питера, но, видимо, я не был так же хорош, как старая гончая, потому что ты даже не стала класть меня в сарай и втыкать один из тех грязных вонючих гнилых кабелей в мою голову, чтобы сделать это. Ты только подмасливала меня. Ты вручила мне лопату и сказала: «Иди сюда, Гард, давай выкопаем этого бэби и остановим полицию Далласа». Вот и все, не считая того, что ты и есть *полиция Далласа*. И я помогал этому.

— Пей свое пиво, — сказала Бобби. Ее лицо опять было холодно.

— А если я не буду?

— Тогда я собираюсь включить это радио, — сказала Бобби, — и открыть дыру в реальности, и отправить тебя... кое-куда.

— На Альтаир-4? — спросил Гарденер. Он придал голосу небрежность и зажал свои мысли.

(заслонить — заслонить — заслонить — заслонить)

Этим барьером в своем мозгу. Легкая хмурь снова сморщила лоб Бобби, и Гарденер ощутил ментальные пальцы, снова пробующие, копающие, пытающиеся выведать, что он знает, как много... и как.

Отвлеки ее. Взбеси ее и отвлеки. Как?

— Ты много совался в чужие дела, не правда ли? — спросила Бобби.

— Нет, пока я не понял, как много ты мне лгала. — И внезапно понял. Он получил это в сарае, даже не поняв этого.

— В большинстве ты сам себе лгал, Гард.

— О? А как насчет ребенка, который умер? Или того, который ослеп?

— Как ты узн...

— Сарай. Это куда ты ходишь подкрепиться, не так ли?

Она не сказала ничего.

— Ты *отправила их за батарейками*. Ты убила одного и ослепила другую, чтобы достать батарейки. Боже, Бобби, как можно быть такой тупой?

— Мы более умны, чем ты можешь предположить.

— Кто говорит об уме? — закричал он яростно. — Я говорю о сообразительности! О *здоровом смысле*! Силовые линии ЛЭП проходят прямо за твоим домом! Почему ты не перехватила их?

— Верно. — Бобби улыбнулась своей жуткой улыбкой. — По-настоящему умно, прошу прощения, сообразительно. И какой-нибудь техник на подстанции в Огасте увидит на своих циферблатах утечку электроэнергии.

— Ты используешь почти все батареи C, D, и AA, — сказал Гард. — Это капля в море. Парень, использующий домашнее элек-

тричество, чтобы запустить большую ленточную пилу, вызвал бы большее потребление электричества.

Она выглядела моментально сконфузившейся. Казалось, вслушивающейся — не во что-то там, а в свой внутренний голос.

— Батареи работают на постоянном токе, Гард. Линии переменного тока не сделали бы нас си...

Он ударил кулаками в виски и воскликнул:

— Да ты видела когда-нибудь этот драный преобразователь постоянного тока? Ты можешь взять его в радиомагазине за три доллара! Ты что, всерьез пытаешься мне рассказывать, что ты не могла сделать простой преобразователь, когда ты можешь сделать трактор летающим, а печатную машинку телепатической? Ты что...

— Никто не думал об этом! — сразу же вскрикнула она.

Было мгновение тишины. Она выглядела оглушенной, будто звуком собственного голоса.

— Никто не думал об этом, — сказал он. — Правильно. Поэтому ты послала тех двоих ребят, готовых сделать или умереть за старый добрый Хэвен, и теперь один из них мертв, а другой слеп. Дерьмо это, Бобби. Меня не заботит, кто или что заменило тебя — часть тебя должна быть в чем-то. Часть тебя должна понять, что вы, люди, вообще не можете ничего создать. Совсем наоборот. Ты принимала пилюли глупости и поздравления остальных, как, дескать, это все прекрасно. Я был одним таким сумасшедшим. Я уверял себя, что все должно быть о'кей, даже после того, как стал знать больше. Но это то же старое дерьмо, как и всегда. Ты можешь дезинтегрировать людей, ты можешь телепортировать их в некое место хранения, или захоронения, или чего-то еще, но ты глупа, как ребенок с заряженным пистолетом.

— Я думаю, тебе сейчас лучше заткнуться, Гард.

— Я так не думаю, — сказал он мягко. — Господи, Бобби! Как вы можете смотреть на себя в зеркало? Любой из вас?

— Я сказала, я думаю...

— Идиот ученый, сказала ты однажды. Это хуже. Это как смотреть на кучку пацанов, в подворотне готовящихся взорвать мир. Вы, ребята, даже не злы. Глупы, но не злы.

— Гард...

— Вы просто кучка болванов с отвертками. — Он засмеялся.

— Заткнись! — вскрикнула она.

— Боже, — сказал Гард. — Неужели я действительно думал, что Сисси умерла? Неужели я?

Она задрожала.

Он кивнул на фотонный пистолет.

— Так если я не буду пить пиво и не возьму пилюли, ты отошлешь меня на Альтаир-4, правильно? Я буду нянчиться с

Дэвидом Брауном, пока мы оба не упадем замертво от асфиксии, или от голода, или от космических лучей.

Теперь она была злой и холодной, и задетой — больше, чем он даже поверил бы — но, по меньшей мере, она не пыталась читать в нем. В гневе она забылась.

Они забыли, как просто воткнуть магнитофон в настенную розетку, поставив между ним и сетью преобразователь постоянного тока.

— На самом деле это не Альтаир-4, так же как никакие это в действительности не Томминокеры. Для некоторых вещей нет названий — они просто существуют. Кто-то в одном месте дал этим вещам одно имя, кто-то в другом месте — другое. Это имя никогда не будет очень хорошим, но это неважно. Ты вернулся из Нью-Хэмпшира, говоря и думая о Томминокерах, поэтому здесь мы так и называемся. В других местах мы назывались по-другому. Так же и Альтаир-4. Это просто место, где складываются вещи. Обычно неживые вещи. Чердаки могут быть холодными и сырыми.

— Это то, откуда вы? Твои люди?

Бобби — или то, что выглядело слегка похожим на нее, — засмеялась почти мягко.

«Мы не «люди», Гард, не «раса». Не «вид». Клаату не собирается объявиться и сказать: «Возьмите нас к себе в вожжи». Нет, мы не с Альтаира-4.

Она смотрела на него, еще слегка улыбаясь. К ней возвратилась почти вся ее уравновешенность... И, казалось, она забыла о пилюлях.

— Если ты знаешь об Альтаире-4, я удивляюсь, что ты нашел существование корабля несколько странным.

Гарденер только смотрел на нее.

— Я не думаю, что у тебя не было достаточно времени удивиться, зачем раса с успехами в технологии телепортации, — Бобби слегка качнула пластиковым дулом, — стала бы связываться с физическим кораблем.

Гарденер поднял брови. Нет, ему это не приходило в голову, но теперь, после слов Бобби, он вспомнил, как университетские знакомые однажды громко удивлялись, зачем Кирк, Спок и компания связались со звездолетом «Энтерпрайз», когда было бы гораздо проще световым лучом облететь вокруг Вселенной.

— Еще пилюли глупости, — сказал он.

— Совсем нет. Это как радио. Есть длины волн. Но мы не очень хорошо это понимаем. То же можно сказать и о большинстве вещей. Мы создатели, а не мыслители.

Как бы то ни было, мы выделили что-то около девяноста тысяч чистых длин волн — то есть линейное окружение, которое выполняет две вещи: помогает избежать парадокса двойственности, что

предохраняет от реинтеграции живущей и незафиксированной материи и, похоже, действительно *отправляет* куда-то. Но почти во всех случаях никто туда отправиться не захотел.

— Это как выиграть бесплатное путешествие в Ютику, а?

— Гораздо хуже. Там место, весьма похожее на поверхность Юпитера. Если ты откроешь дверь туда, разность давлений будет столь велика, что в дверном проеме начнется торнадо, а это быстро вызовет сильнейший электрический разряд, разрывающий дверь все шире и шире... как рваную рану. Гравитация настолько сильна, что она начнет высасывать вторгшийся мир, как штопор вытягивает пробку. Если оставить такую «станцию» надолго, это вызовет гравитационное нарушение орбиты, если планета по массе примерно равна Земле. Или, в зависимости от расположения планет, ее может просто разорвать на куски.

— И что-то подобное вполне может случиться *здесь*? — У Гарда онемели губы. Такая возможность делала Чернобыль столь же важным, как пуканье в телефонной будке. *И ты помогал этому, Гард!* — крикнул ему его мозг. *Ты помогал это выкопать!*

— Нет, хотя некоторых людей надо уговаривать не делать слишком много глупостей рядом с линиями передачи материи. — Она улыбнулась. — Однако это случалось в некоторых местах, которые мы посещали.

— Что случилось?

— Они закрыли дверь раньше, чем наступил День Разрушения, но многие люди испеклись, когда изменилась орбита. — В ее голосе была скука.

— *Все?* — прошептал Гарденер.

— Нет. Девять или десять тысяч еще живут на одном из полюсов, — сказала Бобби. — Я думаю.

— О Боже. О Боже, Бобби.

— Есть другие каналы, открытые по ошибке. Просто по ошибке. Внутренность какого-нибудь места. Большинство открыто в глубоком космосе. Мы никогда не были способны нанести на наши звездные карты хотя бы одно такое место. Подумай об этом, Гард! Каждое место было незнакомым для нас... даже для нас, а мы великие путешественники.

Она наклонилась вперед и отхлебнула еще немного пива. Игрушечный пистолет, который больше не был игрушкой, не отклонился от груди Гарденера.

— Такова телепортация. Большое дело, а? Несколько ошибок, много дыр, один космический чердак. Может, кто-нибудь когда-нибудь откроет длину волны в сердце солнца и сожжет целую планету.

Бобби засмеялась, как если бы это была особенно удачная шутка. Дуло тем не менее не отклонилось от груди Гарда.

Став снова серьезной, Бобби сказала: — Но это не *все*, Гард. Когда ты включаешь радио, ты думаешь о работе станции. Но полоса — мегагерцы, килогерцы, короткие волны и прочее — не только *станции*. Это также все пустое пространство *между* станциями. Дело в том, что некоторые полосы наиболее вместительны. Ты следишь?

— Да.

— Таким окольным путем я пытаюсь убедить тебя взять пилюли. Я не хочу посылать тебя в то место, которое ты называешь Альта-ир-4, Гард — я знаю, ты умер бы там медленно и неприятно.

— Таким образом умирает Дэвид Браун?

— Я здесь ни при чем, — сказала она быстро. — Это полностью дела его брата.

— Как в Нюрнберге, да? Ничто не было *чьей-то* конкретно виной.

— Ты идиот, — сказала Бобби. — Не думаешь ли ты, что иногда это правда? Ты настолько поверхностен, что не можешь допустить мысли о случайности?

— Я могу это допустить. Но я также верю в способность личности полностью изменить иррациональное поведение, — сказал он.

— В самом деле? Ты никогда не мог.

Застрелил свою жену, — услышал он буравящий внутренний голос. Неслабое дело, а? Пожалуй, иногда люди начинают Искупительные Буги немного поздно, — думал он, глядя вниз на свои руки.

Глаза Бобби остро впились в его лицо. Она уловила немного из этого. Он попытался усилить защиту — спутанная цепь бессвязных мыслей, как белый шум.

— О чем ты думаешь, Гард?

— Ничего из того, что надо знать, — сказал он и тонко улыбнулся. — Думай, что это о... хорошо, скажем, о висячем замке на двери сарая.

— Это неважно, — сказала она. — Я все равно могу не понять. Как я сказала, мы никогда не были очень большими мыслителями. Мы не раса супер-Эйнштейнов. Томас Эдисон в Космосе, я думаю, был бы нам ближе. Никогда не мыслители. Я не отправила бы тебя в такое место, где бы ты умер медленной, жалкой смертью. Я еще люблю тебя по-своему, Гард, и если я *должна* тебя куда-то отправить, я отправлю тебя в... никуда.

Она пожала плечами.

— Вероятно, это как принять эфир... но это *может* быть болезненно. Даже агония. В любом случае знакомый черт всегда лучше незнакомого.

Гарденер вдруг залился слезами.

— Бобби, ты могла спасти меня, если бы ты напомнила мне об этом раньше.

— Возьми пилюли, Гард. Имей дело со знакомым чертом. В твоей ситуации двести миллиграммов «валиума» убереут тебя очень быстро. Не заставляй меня посылать тебя, как письмо, адресованное в никуда.

— Расскажи мне еще немного о Томминокерах, — сказал Гарденер, вытирая лицо ладонями.

Бобби улыбнулась. — Пилюли, Гард. Если ты начнешь принимать пилюли, я расскажу тебе все, что ты хочешь знать. Если нет... Она подняла фотонный пистолет.

Гарденер открутил крышку пузырька с «валиумом», вытряхнул половину дозы голубых пилюль с сердечком в середине (*Послание из Долины Оцепенения*, — подумал он), закинул их в рот, открыл пиво и проглотил их. Шестьдесят миллиграммов пошли по старому желобу. Он мог спрятать одну под язык, но шесть? Заходите, родные, будьте как дома. *Теперь немного времени. Я опустошил свой желудок блевотой. Я потерял много крови, я не принимал это дерьмо и поэтому чувствителен к нему, я фунтов на тридцать легче, чем был, когда достал первый рецепт. Если я быстро не избавлюсь от этого дерьма, оно ударит в меня, как полстакана виски.*

— Расскажи мне о Томминокерах, — снова попросил он. Одна рука опустилась под стол на колени и потрогала рукоятку

(*заслонить — заслонить — заслонить — заслонить*)

револьвера. Сколько до того, когда это начнет действовать? Двадцать минут? Он не мог вспомнить. И никто не мог ему рассказать о действии «валиума».

Бобби слегка двинула дулом в направлении пилюль. — Бери больше, Гард. Как могла однажды сказать Жаклин Сюзанн, шести недостаточно.

Он вытряхнул еще четыре, но оставил их на клеенке.

— Вы там были чертовски напуганы, так? — спросил Гарденер. — Я видел, как вы выглядели, Бобби. Будто вы решили, что они все собирались встать и погулять. *День Мертвых.*

Новые и Усовершенствованные глаза Бобби мигнули... но голос ее оставался мягким. Но мы гуляем и разговариваем, Гард. Мы действительно вернулись.

Гард подобрал четыре таблетки, подкинул их на ладони.

— Я хочу, чтобы ты сказала мне только одну вещь, и тогда я приму. Да. Только эта одна вещь в некотором роде дала бы ответ на все остальные вопросы — шанса задавать которые у него уже никогда не будет. Может быть, поэтому он еще не пытался застрелить

лить Бобби. Потому что это было то, что ему действительно требовалось знать. Эту одну вещь.

— Я хочу знать, что вы *такое*, — сказал Гарденер. — Расскажи мне, что вы *такое*.

4

— Я отвечу на твой вопрос, или по меньшей мере попытаюсь, — сказала Бобби, — если ты примешь те пилюли, которые ты подкидываешь в руке, прямо сейчас. Иначе — до свидания, Гард. В твоём мозгу что-то есть. Я не вполне могу прочесть это — оно словно очертания за занавеской. Но это меня *чрезвычайно* нервнрует.

Гарденер положил пилюли в рот и проглотил их.

— Еще.

Гарденер вытряхнул еще четыре и принял их. Теперь в общей сложности 140 миллиграммов. Бобби заметно расслабилась.

— Я сказала, Томас Эдисон — это ближе, чем Альберт Эйнштейн, такой подход лучше всего, — сказала Бобби. — Здесь, в Хэвене, есть вещи, которые, я думаю, изумили бы Альберта, но Эйнштейн знал, что *означает* $E = mc^2$. Он *понимал* теорию относительности. Он понимал вещи. Мы... мы делаем вещи. Конкретные вещи. Мы не теоретизируем. Мы создаем. Мы мастера на все руки.

— Вы *совершенствуете* вещи, — сказал Гарденер. Он глотнул. Когда «валиум» начинал действовать, он ощущал сухость в горле. Он хорошо это помнил. Когда это начнется, ему надо действовать. Он подумал, что, возможно, уже принял летальную дозу, а в пузырьке оставалась по меньшей мере дюжина пилюль.

Бобби слегка просветлела.

— *Совершенствуем!* Верно! Это мы и делаем. Таким образом они — мы — усовершенствовали Хэвен. Ты видел потенциал вскоре после возвращения. Больше не нужно сосать общую грудь! В конце концов возможно полностью перейти на... э-э... органические батареи. Они возобновимы и долгодействующие.

— Ты говоришь о людях.

— Не *только* о людях, хотя высшие существа, похоже, дают более долгодействующую энергию, чем низшие, — это скорее функция одухотворенности, чем ума. Для этого латинское слово *esse*, вероятно, наилучшее. Но даже Питер действует замечательно долго, давая огромное количество энергии, а он всего лишь *собака*.

— Может быть, из-за его духа, — сказал Гарденер. — Может быть, потому, что он любил тебя. — Он вытащил пистолет из-за ремня. Он держал его

(заслонить — заслонить — заслонить — заслонить)

на внутренности своего левого бедра.

— Это близко к сути дела, — сказала Бобби, отклоняя тему любви или одухотворенности Питера. — По некоторым причинам ты решил, что то, что мы делаем, неприемлемо из соображений нравственности — но тогда спектр того, что ты считаешь нравственно приемлемым поведением, очень узок. Это неважно; скоро ты захочешь уснуть.

У нас нет истории, письменной или устной. Когда ты сказал, что корабль потерпел здесь крушение, потому что руководители в действительности передрались за управление штурвалом, я почувствовала, что в этом есть элемент правды... Но я также чувствую, что, возможно, этому было предназначено, *предопределено* случиться. Телепаты — хотя бы в некоторой степени провидцы, Гард, а провидцы более склонны позволять себе быть влекомыми потоком, большим или малым, текущим сквозь Вселенную. Бог — имя, которое некоторые люди дали таким потокам, но Бог — это только слово, так же как Томминокеры или Альтаир-4.

Я имею в виду, что мы бы почти наверняка давно выродились, если бы мы не доверяли этим течениям, потому что мы всегда были горячими, готовыми к борьбе. Мы... мы... — Глаза Бобби вдруг заплыли глупой, страшной зеленью, ее губы развернулись в беззубый оскал. Правая рука Гарденера сжала револьвер вспотевшей ладонью.

— Мы *ссоримся!* — сказала Бобби.

— Это нормально, — сказал Гарденер и сглотнул. Он услышал щелчок. Сухость не просто подкралась — она вся была здесь.

— Да, мы ссоримся, мы всегда ссорились. Как дети, можешь ты сказать. — Бобби улыбнулась. — Мы очень похожи на детей. Это наша хорошая сторона.

— И сейчас тоже? — Чудовищный образ вдруг заполнил голову Гарденера: первоклассники загородили школу, вооруженные книжками, и «Узи», и автоматическими винтовками, и яблочками для любимых учителей, и осколочными гранатами для нелюбимых. И, Боже, каждая из девочек выглядела как Патриция Маккардл, а каждый из мальчиков выглядел как Энергетик Тед. Энергетик Тед с горящими зелеными глазами, объясняющий все неприятности от крестовых походов и арбалетов до противоракетных спутников Рейгана.

Мы ссоримся в прошлом и в настоящем. И тогда, и сейчас мы просто немного вздорим. Мы взрослые — я считаю — но у нас плохой характер, как у детей, и еще мы любим забавляться, как дети, поэтому мы удовлетворили обе потребности, построив все эти отличные ядерные рогатки; и тогда, и сейчас мы оставляем немного вокруг, чтобы люди подобрали, и знаешь что? Они всегда

это делают. Люди вроде Теда, которые вполне готовы убивать, поскольку любая женщина, делающая покупки, будет требовать электричество для своего фена. Люди вроде тебя, Гард, которые недалеко от мысли убивать во имя мира.

Мир был бы таким скучным без револьверов и склочников, не правда ли?

Гарденер понял, что его тянет спать.

— Как дети, — повторила она. — Мы боремся... но мы также можем быть очень великодушными. Как здесь.

— Да, вы были очень великодушны к Хэвену, — сказал Гарденер, и его челюсти резко распахнулись в огромной внезапной зевоте.

Бобби улыбнулась.

— В любом случае мы могли потерпеть крушение, потому что пришло время крушения, согласующееся с теми потоками, о которых я говорила. Корабль, конечно, не был поврежден. И когда я начала вскрывать его, мы... вернулись.

— Есть ли вы еще где-нибудь, кроме этого места?

Бобби пожалла плечами. «Я не знаю». *И мне все равно*, — сказали ее плечи. *Мы здесь есть. Должны быть сделаны усовершенствования. Этого достаточно.*

— Это в самом деле то, что вы есть? — Он хотел уверенности; уверенность была бы не лишней. Он ужасно боялся, что задержался, слишком задержался... но он должен знать. — *Это все?*

— Что значит *все*? Разве это мало о нас?

— Честно говоря, да, — сказал Гард. — Видишь ли, я всю жизнь искал дьявола вне моей жизни, потому что дьявола внутри поймать было так чертовски трудно. Тяжело затратить столько времени, думая, что ты... голубь — Он снова зевнул. На его веках лежало по кирпичу, — ...и обнаружить, что ты все время был... капитаном Ахавом.

И наконец, в последний раз, с какой-то безнадежностью он спросил ее:

— Это и все, что вы есть? Просто люди, которые вносят усовершенствования?

— Я думаю, что так, — сказала она. — Я прошу прощения, если это так разочаровало тебя.

Гарденер поднял под столом пистолет и в тот же момент почувствовал, что лекарство под конец предало его: защита соскользнула.

Глаза Бобби вспыхнули — нет, в этот момент они ослепительно сверкали. Ее голос, мысленный крик ворвался в голову Гарденера, как нож мясника,

(РЕВОЛЬВЕР, У НЕГО РЕВОЛЬВЕР, У...)

прорубающий сквозь встающий туман.

Она попыталась двинуться. Одновременно она попыталась начать наводить на него фотонный пистолет. Гарденер под столом нацелил свой пистолет на Бобби и нажал на курок. Раздался только сухой щелчок. Старый патрон дал осечку.

Глава 9 СЕНСАЦИЯ, ОКОНЧАНИЕ.

1

Джон Леандро умер. Сенсация не умерла.

Дэвид Брайт обещал Леандро подождать его до четырех, и это обещание он намеревался сдержать.

Около 2.30 пополудни Брайт неожиданно подумал о другом Джонни — бедном, богом забытом Джонни Смите, который мог дотронуться до предмета и получить о нем некие «чувства». Это также совершенно очевидно было сумасшествием, но Брайт верил этому Джонни Смиту и верил в возможность подобных действий. Было невозможно глядеть в его одержимые глаза и не верить тому человеку. Брайт не дотрагивался ни до чего, принадлежавшего Леандро, он просто глядел на его стол в другом конце комнаты напротив, на чехол, аккуратно брошенный поверх его компьютерного терминала, и неожиданно внутри родилось чувство... весьма гнетущее. Он почувствовал, что Джон Леандро, возможно, мертв.

Он обозвал себя старой дурой, но ощущение не исчезло. Он вспомнил голос Джонни, отчаянный и прерывистый от восторга. (Это моя история, и так просто я все не оставлю.) Он вспомнил темные глаза Джонни Смита и след от постоянного потирания с левой стороны лба. И опять и опять взгляд Брайта останавливался на зачехленном компьютере Леандро.

Он высидел до трех часов. К этому моменту ощущение переросло в нездоровую и отвратительную уверенность. Леандро был мертв. И никаких «может быть». Даже если до этого Дэвид ни разу в жизни не замечал за собой подлинного предчувствия, сейчас оно возникло. Леандро не свихнулся, не ранен и не пропал. Он мертв.

Брайт поднял телефонную трубку и, несмотря на то, что был набран номер центральной телефонной станции Кливз Майлз, оба, Бобби и Гард, предчувствовали это очень и очень давно: через 55 дней после того, как Андерсон споткнулась в лесу, кто-то наконец позвонил в полицию Далласа.

Человек, поднявший трубку в здании полиции Кливз Майлз и разговаривавший с Брайтом, оказался Энди Торгесоном. Дэйв знал его еще с времен колледжа и поэтому мог разговаривать с ним спокойно, не чувствуя себя человеком, сующим нос не в свои дела. Торгесон слушал внимательно, перебивая крайне редко, и Брайт рассказал все, начиная с задания, которое получил Леандро, и связанное с исчезновением двух полицейских.

— Из носа у него текла кровь, зубы выпали, его рвало и при этом он был уверен, что все произошло из-за того, что что-то было в воздухе?

— Да, — подтвердил Брайт.

— Далее, это черт-знает-что из воздуха улучшило эту хрень в его радио?

— Верно.

— И тебе кажется, у него крупные неприятности.

— Опять верно.

— По-моему, у него очень крупные неприятности, Дэйв — звучит так, как будто он сыграл в ящик.

— Я знаю как это звучит. Но мне только кажется, что именно так и *есть*.

— Дэвид, — смиренным голосом проговорил Торгесон, — такое возможно по крайней мере в кино — отравить отдельно взятый маленький городок. Но через этот городок проходит *скоростная магистраль*. В этом городишке живут люди. И у них есть *телефоны*. Неужели ты думаешь, что кому-то удалось заразить население целого городка или изолировать его от остального мира так, что ни один человек не узнал об этом?

— Но дорога Олд Дерри уже не хайвей, — заметил Брайт. — С тех пор, как 30 лет назад завершили ветку I-95 между Бангором и Ньюпортом. И с тех пор Олд Дерри стала больше похожа на безлюдную ленту с желтой полосой посередине, растянутую на земле.

— Ты же не хочешь убедить меня, что с тех пор по ней *никто* не ездит, ведь так?

— Нет. Ничего подобного я сказать не хочу... но Джонни *сказал*, что он отыскал людей, не встречавшихся со своими родными из Хэвена уже пару месяцев. А те, кто пытался проехать к ним, в спешке возвращались обратно, потому что неожиданно заболели. Многие из них грешили на отравленную еду или еще что-нибудь. Он также упомянул лавку в Трое, где хозяин, старая кляча, делает большие деньги на продаже футболок всем тем, кто возвращается из Хэвена с носовым кровотечением... и так продолжается уже несколько недель.

— Замки из песка, — проговорил Торгесон. Глядя через комнату, он заметил, как диспетчер, принимающий телефонные звонки, внезапно резко выпрямился, сидя на стуле, и, переложив трубку из правой руки в левую, принялся что-то писать. Где-то что-то случилось, и глядя на озадаченное лицо диспетчера, это была не кража кошелька или прочие фигли-мигли. Конечно, люди всегда остаются людьми и всегда что-нибудь да происходит. И, как ему ни было трудно в это поверить, что-то случилось и в Хэвене. В целом все выглядело так же дико, как и чаепитие в «Алисе», но Дэвид никогда не казался ему членом объединения «чокнутых и психов». По крайней мере, ему не вручили членский билет, поправился Торгесон.

— Может, так и есть, — говорил Брайт, — но их фантазии можно подтвердить или опровергнуть, послав на рекогносцировку одного из твоих парней. — Он помолчал. — Я прошу тебя, как друг. Я не поклонник Джонни, но все же волнуюсь за него.

Торгесон по-прежнему смотрел на кабинку диспетчера, где Смоки Даусон строчил со скоростью мили в минуту. Он поднял голову, заметил пристальный взгляд Торгесона и поднял вверх руку с растопыренными пальцами. *Погоди*, — означал этот жест. *Кое-что серьезное*.

— Я прослежу, чтобы кто-нибудь обязательно сгонял туда до вечера, — ответил в трубку Торгесон. — Если вырвусь, то сам съезжу и посмотрю, но...

— Если я буду проезжать Дерри, ты подхватишь меня?

— Я обязательно перезвоню тебе, — ответил Торгесон. — Здесь что-то происходит. Доусон выглядит так, как будто у него сердечный приступ.

— Я буду на месте, — ответил Брайт. — Энди, я *очень и очень* взволнован.

— Я знаю, — сказал Торгесон. Когда он упомянул о том серьезном, что произошло у них здесь, в голосе Брайта не мелькнуло и искры интереса, а это было очень непохоже на него. — Я перезвоню.

Доусон вышел из кабинета диспетчера. Было глубокое лето, и все подразделение полиции, кроме Торгесона, который принимал сводки, несло службу на улицах. Здание было полностью в распоряжении их двоих.

— Боже мой, Энди, — проговорил Доусон, — мне не хотелось бы *это* слышать.

— Слышать что? — Он почувствовал старое тугое волнение, поднимающееся у него в груди. Время от времени у Торгесона срабатывала некая собственная интуиция, которая находилась в тесной связи с выбранной им профессией. Случилось что-то крупное, положим. Доусон выглядел несколько пришибленно. Это старое тугое волнение —

большая часть Торгесона ненавидела его, но меньшей оно было необходимо как наркотик. И вот сейчас вторая его часть сделала неожиданное радостное заключение — иррациональное, но в то же время неоспоримое. Все услышанное диспетчером каким-то образом было связано с тем, о чем рассказал Брайт. *Кто-то нашел Болваничика и Безумного Шляпника и посадил первого в горшок*, подумал он. *Похоже, приближается чаепитие.*

— В Хэвене лесной пожар, — сказал Доусон. — *Должно быть*, лесной пожар. Донесение гласит, что где-то в районе леса Биг Инджин.

— Где-то? Почему это дерьмовое слово «где-то»?

— Донесение поступило с наблюдательной пожарной станции Чина Лейкс, — продолжал Доусон. Они заметили дым примерно час назад. Около двух пополудни. Позвонили в Дерри Файер Алерт и Рейнджер Станция №3 Ньюпорта. Были посланы машины из Ньюпорта, Юнити, Чины, Вулвича.

— Трой? Альвион? Как же *они*? Ведь они *расположены вокруг* того городка! — Трой и Альвион не отвечают.

— А сам Хэвен?

— Все телефоны как умерли.

— Продолжай, Смоки. Не держи меня за яйца. Какие телефоны?

— Абсолютно все. — Он поглядел не Торгесона и сглотнул. — Конечно, сам я не проверял. Но это не самое невероятное сообщение. Я имею в виду, это все же ненормально, но...

— Продолжай.

Доусон заговорил снова. К тому моменту, когда он завершил рассказ, у Торгесона пересохло во рту.

Станция №3 отвечала за контроль пожаров в графстве Пенобскот, по крайней мере до тех пор, пока лесной пожар действительно не превратится в широкий фронт. Первым шагом было наблюдение; вторым — определение места; затем — локализация. Звучит просто. На деле все не так легко. В этом случае ситуация оказалась хуже, чем обычно, потому что огонь отмечался на удалении в 20 миль. Станция №3 выслала обычные машины, потому что казалось, они могли пригодиться: невозможно было дозвониться ни до кого в Хэвене и узнать дорогу. Насколько полагали наблюдатели станции, очаг мог располагаться на восточном выгоне Фрэнка Спрюса или на милю глубже в леса. Они также выслали три команды по два человека на машинах с топографическими картами и самолет-наблюдатель. Доусон назвал эти места Большим Индейским лесом, но вождь Вавайюка давным-давно умер и теперь новое нерасистское название на топографических картах казалось более удачным: Горящие леса.

Команды из Юнити прибыли первыми ... к несчастью для себя. За 3 или 4 мили до городской черты Хэвена, откуда до расстилающейся пелены дыма было приблизительно миль восемь, люди на насосной машине неожиданно почувствовали себя плохо. Не один или два: вся команда из 7 человек. Водитель выжимал газ... пока прямо за рулем не потерял сознание. Машина сошла с дороги Олд Скулхауз и врезалась в чащу леса, находясь все еще в полутора милях от Хэвена. Трое погибли сразу, двое очень тяжело ранены. Оставшиеся в живых два человека буквально на четвереньках выползли из этого района.

— И они рассказали, что там как будто газа напустили, — проговорил Доусон.

— Это они звонили?

— Боже мой, конечно же, нет. Тех двоих, кто еще жив, на машине скорой помощи везут в Дерри Хоум. А звонили со Станции №3.

Они пытаются во всем разобраться, но похоже, что в Хэвене происходит еще чертовски много всякого помимо лесного пожара. Но он выходит из-под контроля, синоптики обещают к вечеру восточный ветер, и похоже, что никому не удастся проникнуть туда и погасить огонь!

— Что еще им известно?

— Чертов Джек! — обиженно воскликнул Смоки Доусон. — Люди заболели, приближаясь к Хэвену, и чем ближе, тем сильнее. И это все, что известно всем, кроме, конечно, того факта, что что-то горит.

Ни одна из пожарных команд не пробралась в Хэвен. Тем, кто направлялся из Чины и Вулвича, удалось подъехать ближе всего. Торгесон подошел к анемометру, висящему на стене, и подумал, что понял, почему им это удалось. Те приближались с подветренной стороны. Если внутри и вокруг Хэвена располагался отравленный воздух.

О боже, а если это что-то радиоактивное?

Даже если и так, то Торгесон никогда не встречался с чем-то подобным — бригады Вулвича рапортовали о полной невозможности добраться на машинах до городской черты Хэвена. Чина отправила помпу и цистерну. Помпа присоединилась к неудачникам, а цистерна осталась на ходу и водитель сумел развернуть ее из опасной зоны, вывозя людей, испытывающих приступы рвоты, набитыми в кузове, висящими на бамперах и лежащими на крыше. У большинства наблюдалось кровотечение из носа, у некоторых — из ушей; у одного лопнули сосуды в глазах.

И у всех выпали зубы.

Что же ЭТО за излучение?

А. Н. Мухомов 93

Доусон взглянул на диспетчерский пульт и увидел, что все сигнальные лампочки светятся.

— Энди, ситуация продолжает развиваться. Мне нужно...

— Я понял, — ответил Торгесон, — тебе нужно идти и разговаривать с чокнутыми людьми. А мне следует позвонить в приемную генерального прокурора в Огапе и поговорить с другими чокнутыми. С тех пор, как я одел эту форму, лучшим генеральным прокурором во всем штате считается Джим Тайерни, и знаешь, где он сейчас, Смоки?

— Нет.

— Он в отпуске, — проговорил Торгесон с диковатым смехом. — В первом со времен своего поступления на службу. Единственный из администрации, кто может разобраться в этом идиотизме, в настоящее время уехал с семьей в кемпинг в Юту. В Юту, мать твою! Здорово, а?

— Здорово.

— А что за херня имеет место быть?

— Я не знаю.

— Еще потери?

— Я забыл лесного спасателя из Ньюпорта, он умер, — неохотно ответил Доусон.

— Кого?

— Генри Амберсона.

— Что? Генри? О боже!

Торгесон почувствовал, что кто-то невидимый сильно заехал ему под ложечку. Генри Амберсона он знал почти 20 лет — они не были близкими друзьями, но когда все было тихо, то вместе играли в кривбедж или понемногу ловили рыбу. А их семьи вместе обедали.

О, боже. Генри, Генри Амберсон. А Тайерни сейчас отдыхал в сраной Юте. — Он что, был в одном из разведывательных джипов, которые выслали на место?

— Да. Знаешь, у него при себе оказался шагомер, ну и...

— Что? Что же? — Торгесон сделал шаг в сторону Смоки, как бы собираясь встряхнуть того. — И что?

— Тот парень, что вел Джип, передал, вероятно, по рации, что прибор взорвался у того на груди.

— Бог мой!

— Это еще не точно, — быстро вставил Доусон. — Еще ничего точно не известно. Ситуация все еще развивается.

— Как мог взорваться шагомер? — тихо переспросил Торгесон.

— Я не знаю.

— Это шутка, — произнес Торгесон ровным голосом. — Это либо идиотская шутка, или фраза из передачи по радио, шедшей точно в то время. *Война миров.*

Смоки робко сказал:

— Я не думаю, что это чья-то шутка... или розыгрыш.

— Я тоже, — ответил Торресон. Он направился к телефону в своем офисе.

— *Юта*, мать твою, — мягко произнес он и оставил Смоки Доусона разбираться с поступающей все более и более невероятной информацией из того региона, в центре которого располагался домик Бобби Андерсон.

3

Не будь Джим Тайерни в этой долбаной Юте, Торресон первым делом позвонил бы в его офис. Но поскольку Джима не было на месте, он отложил этот разговор на довольно недолгое время и быстро набрал номер Дэвида Брайта из «Бангор Дейли Ньюз».

— Дэвид? Это Энди. Послушай, я...

— Энди, поступили сведения, что в районе Хэвена вспыхнул лесной пожар. Вероятно, большой. Вы знаете об этом?

— Да, знаем. Дэвид, я не смогу провести тебя туда. Та информация, которую ты мне дал, проверяется. Пожарные команды и счетчики не могут добраться до города. Они все заболевают. Мы потеряли лесного спасателя. Парня, которого я знал. Я слышал... Он покачал головой. — Забудь последние слова. Это чертовски невероятно, чтобы быть правдой

Брайт взволнованно переспросил:

— О чем ты слышал?

— Забудь об этом.

— Но ты говоришь, что пожарные и спасатели заболевают?

— *Счетчики*. Мы до сих пор не знаем, нуждается ли кто в помощи. Потом еще эти дерьмовые происшествия с цистерной и Джипом. Машины, похоже, просто останавливаются при приближении или въезде в Хэвен.

— *Что?*

— Ты же слышал.

— Ты хочешь сказать, что это похоже на импульс?

— Импульс? Какой импульс? — в голове у него мелькнула идиотская мысль, что Брайт имеет в виду шагомер Генри и все уже знает.

— Подобный феномен предположительно сопровождает сильные ядерные взрывы. Машины как будто умирают.

— Боже. А как насчет радио?

— Аналогично. — Но твои приятели говорили...

— Во всех отрядах, верно. Сотни свидетелей. Могу я хоть сослаться на тебя в истории с больными пожарными и спасенными людьми? С умирающими машинами?

— Можешь. Как на источник. Компетентный источник. — А когда ты впервые услышал — Дэвид, у меня нет времени на интервью для «Плейбоя». Твой Леандро отправился в Мэнское Медоборудование за прибором для сжатого воздуха?

— Да.

— Он думал, что все дело в воздухе, — произнес Торгесон больше для себя, чем для собеседника. — Именно это он и думал.

— Энди, а ты знаешь, что еще может остановить работающий мотор машины, исходя из сведений, время от времени поступающих к нам?

— И что?

— НЛО. Не смейся, это правда. Те люди, кто с близкого расстояния наблюдал летающие тарелки, находясь в машине или самолете, почти всегда рассказывают о внезапно замолкающем моторе, который снова начинает работать только после того, как таинственный предмет удаляется. — Он помолчал. — Ты помнишь доктора, разбившегося неделю или две назад на самолете над Ньюпортом?

Война миров, опять пронеслось в голове у Торгесона. Какая-то ахинея.

Но шагомер Генри Амберсона ... что? *Взорвался?* Может ли это быть правдой?

Теперь ему придется это выяснить; и это нужно принять за основу.

— Мы с тобой еще поговорим, Дэйви, — сказал Торгесон, вешая трубку. На часах было 3.15. А в Хэвене огонь, зародившийся на ферме старого Гаррика, полыхал уже в течение часа и сейчас распространялся в сторону корабля в лесу все расширяющимся полукругом.

4

Торгесон позвонил в Огасту в 3.17 дня. В это время два седана с шестью исследователями задержались на I-95; с Файер Станция №3 в 2.26 дозвонились до офиса прокурора и в 2.49 — до полиции штата в Дерри. Отчет в Дерри включал сведения об аварии помпы и смерти спасателя, убитого своим шагомером. В 1.30 дня автомашина полиции штата Юта остановилась в кемпинге, где отдыхал с семьей Джим Тайерни. Полицейский проинформировал, что в его штате случилось чрезвычайное происшествие. Какого рода? Это, ответил полицейский, он узнает только на месте. Тайерни мог позвонить в Дерри, но он хорошо знал и доверял Торгесону из Кливз Майлз. А теперь он хотел больше, чем когда либо, поговорить с тем, кому он мог верить. Внутри его зародился липкий тягучий страх, как у

любого янки штата при известии о ЧП на единственной их атомной станции, поскольку только что-то очень серьезное могло так сильно всколыхнуть округ. Полицейский соединил его по телефону и Торресон с удовольствием и облегчением услышал его голос.

В 1.37 Тайерни уселся в полицейский фургон и спросил:

— И как быстро он может ехать?

— Сэр! Эта машина может ехать со скоростью 130 миль в час, и, сэр, поскольку я мормон, то не боюсь ехать так быстро, так как я уверен, что не попаду в ад! Сэр!

— Докажи!

В 2.03 Тайерни подъехал к самолету Лирже без каких-либо опознавательных знаков, кроме американского флага на хвосте. Он ждал его на маленьком частном аэродроме у Коттонвудза... городка, где Зейн Грей написала «Всадников розовой долины», ту самую любимую книгу Роберты Андерсон, благодаря которой она, возможно, и стала сама писать вестерны.

Пилот был в штатском.

— Вы из Министерства обороны? — спросил Тайерни.

Пилот взглянул на него через непрозрачные черные очки. «Из магазина». Это было единственное, что он произнес перед, во время и после полета.

Так полиция Далласа вступила в игру.

5

Хэвен был всего лишь небольшим неприметным придорожным местечком, комфортабельно и в тишине проживающим свои дни вдали от основных туристических маршрутов штата Мэн. Теперь его заметили. Теперь люди толпами валили сюда. Пока они не знали о все увеличивающихся аномальных явлениях, городок представлялся им как место зарождения воздымающегося на горизонте дымного шлейфа, который поначалу притягивал как мотыльков на свет лампы. К утру пожар превратится в крупнейший лесной пожар в истории штата. Свежий восточный ветер поднялся в точности по прогнозу, и теперь не было возможности остановить начавшееся распространение огня. Этот факт не умалчивался сразу, но все же о нем не распространялись: огонь может неконтролируемо гореть лишь в мертвый штиль. И нельзя бороться с пламенем, к которому невозможно приблизиться, а все попытки сделать это в действительности имели крайне неприятные последствия.

Самолет-наблюдатель потерпел аварию.

Грузовой автобус Национальной Охраны из Бангора сошел с дороги, врезался в дерево и взорвался в то мгновение, когда голова

водителя просто лопнула как перезревший помидор с вишневой начинкой внутри. Все 70 добровольцев погибли, но, вероятно, лишь половина — непосредственно при аварии; остальные — во время тщетных усилий выбраться из отравленного места.

К семи часам того же вечера сотни людей — самозванные борцы с огнем, а в большинстве своем обычные представители распространенного комнатного вида зевак — гомото резиновошоёс — заплотнили район происшествия. Большая часть, сунувшись туда, моментально отхлынула обратно, с побледневшими лицами, выпученными глазами, кровью, хлещущей из носов и ушей. Многие стискивали в ладонях, как жемчужинки, выпавшие зубы. Немало из тех добровольцев умерло... не говоря уж о несчастных, кто волею судеб проживал на восточной окраине Ньюпорта, и неожиданно получил свою дозу Хэвена, когда ветер неожиданно изменил направление. Многие из них умерли в своих домах. Тех, кто приехал просто поглазеть и задохнулся в отравленном воздухе, часто находили на дорогах или обочинах свернувшимися в позу эмбриона с руками, прижатыми к животу. По словам одного из сотрудников прокурора, сказанным в интервью «Вашингтон Пост» с условием неразглашения его имени, они были похожи на окровавленные человеческие запястья.

Но не такая судьба была уготована Лестеру Морану, обитателю Бостона, продавцу тетрадей, проводящему большую часть дня на хайвеях северной части Новой Англии.

Лестер как раз возвращался из ежегодной летней поездки в школы графства Арустук, когда заметил на горизонте дым — очень много дыма. Это случилось около 4.15.

Событие показалось ему занимательным. Лестер не торопился домой, поскольку не был женат и не имел определенных планов на ближайшую пару недель. Он был пироманом. Таким уж он родился. Даже несмотря на то, что последние 5 дней он безвылазно просидел за рулем, ведя трясущуюся машину по ухабам и кочкам дерьмовейшей дороги, имеющим в качестве названия лишь координаты с листа топографической карты, приобрета в результате ощущение кирпичей в почках и отсиженную задницу. И куда девалась его усталость! В глазах загорелся тот сверхъестественный огонь, так хорошо читаемый и до такой степени нелюбимый пожарными от Манхэттена до Москвы: огонь нечестивого восхищения пиромана.

Людей, подобных ему, боссы пожарных команд принимали в свою среду... лишь будучи приперты к стене. Всего лишь 5 минут назад Лестер Моран выглядел обиженной побитой собакой и имел в своей биографии тот факт, что в 21 год его не приняли из-за кусочка металла, сидящего в голове, в Бостонскую пожарную дружину. Теперь он превратился в человека, готового с удовольствием навь-

ючить себе на спину помпу в половину собственного веса и тащить ее всю ночь, вдыхая запах дыма с таким же наслаждением, с каким мужчина обоняет тонкий аромат изысканных духов прелестной женской шейки; он был готов сражаться с языками пламени до тех пор, пока кожа на его лице не покроется пузырями и не сгорят брови.

Лестер свернул с дороги на Ньюпорт в сторону Хэвена.

Кусочек железа у него в голове появился в результате кошмарной аварии, произошедшей с 12-летним Мораном и молодым патрульным. Машина врезалась в мальчика и отшвырнула того футов на 30, где полет был прерван стоявшей там фундаментальной кирпичной стеной мебельного склада. Уже справили последний обряд; хирург, оперировавший ребенка, сказал безутешным родителям, что их сын или проживет часов шесть, или впадет в кому на несколько недель, но конечный результат будет один — он умрет. Вместо этого прогноза мальчик очнулся вечером того же дня и попросил мороженого.

— Бог совершил чудо, — всхлипывала мать, — это знак господи!

— Я придерживаюсь того же мнения, — проговорил хирург; чуть ранее он мог лицезреть мозг ребенка через зияющую дыру в разбитой головке бедного крошки.

И теперь, с каждой минутой приближаясь к этому восхитительному дыму, Лестер ощутил легкое недомогание в области желудка. Он списал все на нервное возбуждение и вскоре позабыл об этом. Железяка в его голове, кроме всего, по размеру раза в 2 превосходила таковую у Гарденера. Факт отсутствия во все сгущающейся пелене дыма машин Лесного Департамента или полиции показался ему одновременно настораживающим и возбуждающим. Его машина обогнула крутой изгиб дороги, и он увидел бронзовый «Плимут», лежащий кверху брюхом в канаве слева от него, причем обе красные сигнальные фары на крыльях продолжали мигать. На автомобиле он прочитал ДЕРРИ Ф.Д.

Лестер остановил свой фургончик и рысью добежал до места аварии. Он увидел кровь и на сиденье, и на рулевом колесе, и на коврик на полу. Красные капельки виднелись даже на щитке от ветра.

Ну и ну, как много крови. Лестер в ужасе глядел на нее, а потом перевел взгляд в сторону Хэвена. Основание столба дыма теперь приобрело тускло красный цвет, и Лестеру почудилось, что он отсюда *слышит* глухой треск лопающихся под напором огня деревьев. Это можно сравнить разве что с тем, как будто ты стоишь у самого большого на свете открытого печного горна... или как будто у доменной печи вдруг выросли ноги и она медленно приближается к тебе.

Теперь, слыша гул огня и видя величественное тусклое красное зарево, перевернутая и забрызганная кровью машина пожарного

контроля из Дерри показалась такой ничтожной. Лестер вернулся к своей машине, по дороге выиграв бой с совестью, пообещав себе остановиться у первого же придорожного телефона-автомата и сообщить об увиденном в полицию Кливз Майлз...

Чтобы разогнать машину до самой высокой скорости... около 60 миль в час, ему пришлось преодолеть неприятные рывки мотора... За каждым поворотом дороги он ожидал увидеть заграждения, блокирующие проезд, беспорядочное столпотворение машин, мужчин, отдающих в усилители команды, и группы людей, одетых в каски и прорезиненные плащи.

Ничего подобного. Вместо заграждений и кипучей активности он проезжал мимо перевернутой помпы из Юнити со снесенной напроочь кабиной; из нее выливались последние капли содержимого.

Что-то здесь случилось. Что-то большее, чем просто лесной пожар. Пожалуй, Лес, тебе стоит убраться отсюда.

Но вместо этого он повернулся в сторону пожара и пропал.

Привкус дыма в воздухе становился все сильнее. Треск лопающихся от жара деревьев превратился в непрерывный гул. И неожиданно он понял правду: *с огнем никто не боролся. Абсолютно никто.* И в результате, с помощью свежего ветерка пламя выросло подобно монстру-мутанту из фильма ужасов.

Эта мысль опьянила его чувством опасности... и восторга... и нездоровым мрачным весельем. Узнать такую правду напоследок было невесело, но он видел все своими глазами и не мог отрицать очевидного. Тем более что не он один почувствовал это. Мрачное веселье, казалось, было неотъемлемой частью характера каждого пожарного, с кем он выпивал (а угощал он почти всех встречавшихся ему на жизненном пути работников этой профессии).

Он спотыкаясь, на ощупь пробрался к машине, с некоторым трудом завел мотор (удивляясь, что будучи в таком возбужденно-восторженном состоянии сделал это с первого раза), включил кондиционер на полную мощность и опять устремился в сторону Хэвена. Он подозревал, что этот поступок был чистой воды идиотством — кроме всего прочего, Лес был не суперменом, а 45-летним лысеющим продавцом школьных тетрадей, все еще не женатым из-за своей стеснительности и страха перед необходимостью назначать кому-либо свидания. Он вел себя не просто как *идиот*.

На деле он сейчас был суров как судья и верил, что действует рационально. Но по правде говоря он поступал как лунатик. И не мог остановиться, как не может остановиться и наркоман при виде сосуда со своим зельем.

Он не мог *бороться* с огнем...

...но все еще мог *посмотреть* поближе.

И там на самом деле будет на что посмотреть, не так ли? Лестер задумался. Пот уже ручьем катился по его лицу в ожидании жары, которая будет впереди. Он сильнее нажал на педаль газа и подумал: А как же тебе не поехать? Когда у тебя появляется шанс — один-единственный за всю твою жизнь — увидеть нечто подобное, как ты можешь поступить иначе?

6

— Я просто не знаю, как объясню своему папаше, — проговорил молодой продавец из Мэнского Медоборудования. Сейчас он никогда не стал бы просить отца о расширении дела, как четыре года назад. Его отец наорал на него после того, как тот дал в аренду прибор тому старикану, который больше не объявился, а теперь в Хэвене все попадало к чертовой матери — по радио объявили, что вспыхнул лесной пожар, а потом стали намекать, что там творится какая-то чертовщина — и теперь он доказывал, что никогда не видел тот прибор сжатого воздуха, который сдал в аренду сегодня утром репортеру в очках с толстыми стеклами. Сейчас перед ним стояли еще двое парней, по меньшей мере солдаты, оба здоровые, и что самое неутешительное, один такой черный, какими только могут быть люди вообще, и требуют не один прибор, а целых *шесть*.

— Скажи отцу, что мы реквизировали их, — ответил Торгесон. — Я имею в виду, вы поставляете респираторы для пожарных, не правда ли?

— Да, но...

— А в Хэвене сейчас полыхает лесой пожар, не так ли?

— Да, но...

— Тогда давай их поскорее. У меня нет времени на всякую чепуху.

— Отец убьет меня, — захныкал паренек. — И все дела.

Торгесон встретил Клаудела Вимза, выезжая, из гаража в тот момент, когда тот намеревался припарковать там свою машину. Вимз, единственный чернокожий солдат государственной службы штата Мэн, был высоким — не выше, однако, Монстра Дугана, но тем не менее имел весьма представительные 6 футов. Клаудел имел один-единственный уцелевший передний зуб и когда очень близко склонялся к людям — подозреваемым, к примеру, или несговорчивым клеркам — и улыбался, обнажая ослепительно блестящий резец, те начинали заметно нервничать. Однажды Торгесон спросил Клаудела Вимза, почему это происходит, и тот ответил, что он *верит*, что подобное воздействие уходит корнями в черную магию.

А затем он захохотал и смеялся до тех пор, пока не задрожали оконные стекла.

Теперь Вимз близко склонился к клерку и опять пустил в ход действенное средство старушки-магии.

Когда они покинули офис с требуемым, клерк даже не был уверен, не сон ли это... кроме того, этот черный приятель обладал самым огромным зубом, какой он только видел в жизни.

7

Беззубый старик, продавший Леандро футболку, стоял на крыльце и безучастно смотрел на проезжавшую машину Торгесона. Когда она проехала, он вошел внутрь дома и набрал тот номер, по которому большинство людей не смогли бы дозвониться; вместо этого они слышали бы сигнал, подобный сирене, который разозлил Энн Андерсон. Но сзади телефонного аппарата было пристроено специальное устройство, и вскоре он разговаривал с обеспокоенной Хейзел Маккриди.

8

— Итак! — проговорил Вимз, поднимая глаза от спидометра. — Я погляжу, мы едем на скорости чуть более 90 миль в час! И с тех пор, как единодушно было принято решение, что ты, вероятно, поганейший водитель в целом штате...

— Что за *долбаное* решение? — поинтересовался Торгесон.

— *Мое* долбаное решение, — ответил Клаудел Вимз. — Это же выведено дедуктивными методами. И соответственно этому я вскоре должен умереть. Я не знаю, веришь ли ты в эту чепуху о последнем желании, дарованном человеку, и если ты веришь, то, может, расскажешь об этом? Если сможешь это сделать до того, как мы напаялим эту хреновину.

Энди открыл было рот, но потом закрыл его. — Нет, — проговорил он, — я не смогу. Довольно. Даже этого вполне достаточно. Ты можешь плохо себя почувствовать. Надень респираторы прямо сейчас.

— Мой бог, в Хэвене что, отравлен *воздух*?

— Точно не знаю, но полагаю так.

— Боже, — снова повторил Вимз. — И кто раскрыл этот секрет? Энди лишь покачал головой.

— И *поэтому* никто не борется с огнем. — Дым закипал над горизонтом косой широкой полосой, отсюда имевшей белый цвет, спасибо Господу.

— Я не знаю. Я только так думаю. Покрути-ка одну из ручек радио.

Вимз уставился на Торгесона, как будто тот сошел с ума. — Какую ручку?

— Любую ручку. — Вимз принялся крутить ручки полицейского приемника, вначале слышались сбивающие с толку похожие на лепет переговоры полицейских и пожарных, стремящихся попасть к очагу пожара, но не способных сделать это. Далее они услышали запрос вторым группам на месте происшествия — грабежа ликерного склада. Назван был адрес 117, Мистик Авеню, Медфорд.

Вимз поглядел на Энди. — Джипперс — крипперс, Энди. Я не знаю, где *находилась* эта Мистик Авеню в Медфорде — а по правде говоря, я не уверен, что такая улица *вообще* есть в Медфорде.

— Я думаю, — проговорил Энди, и голос его доходил до его же ушей как будто издалека, — эти визги приходили именно из Мидфолда в *Массачусетсе*.

9

В 200 ярдах после городской черты Хэвена мотор машины Лестера Морана заглох. Он не чихал; он не работал рывками; не давал обратных оборотов. Он просто умер, тихо и без помпы. Мужчина вышел из машины, не потрудившись даже выключить зажигание.

Здесь слева и справа от него лежали нетронутые поля — Кларендона справа и Рувалля слева. В лесу Лестер различал постоянно мигающие сполохи красного и оранжевого цвета; все темнеющей завесой поднимался дым. Он мог различить и глухие взрывы дуплистых стволов, в то время как огонь высасывал из них кислород, как костный мозг из старых костей. Ему захотелось побежать к машине перед тем, как это произойдет — она заведется, конечно заведется, старушка ни разу его не подводила — и убраться на порядочное расстояние от этого красного приближающегося зверя. *Ну беги же! Беги, во имя бога! Ты увидел это, теперь БЕГИ!*

Но дело в том, что реально он еще *не видел* огня. Лестер чувствовал его опаляющее дыхание, видел, как он подмигивал ему глазом огненных языков и выдыхал дым из своих драконьих ноздрей... но огня он так и не *видел*.

Но вот он увидел его. Внезапным рывком пламя появилось на западном поле Лютера Рувалля. Основной фронт огня полыхал в Большом Индейском лесу, но край вырвался из леса. Деревья, расположенные тесной группой на дальнем конце поля, оказались неровней огненному зверю. На секунду они стали черными на фоне

пламени, поменявшего цвет позади них — с желтого на оранжевый, с оранжевого на ярко-красный. Затем они просто потонули в огне. Все произошло в одно мгновение. Еще секунду Лестер видел их верхушки, а затем исчезли и они.

Огненный фронт был перед ним, 80 футов высоты, пожиравший деревья, пока Лестер Моран стоял перед ним загипнотизированный, с открытым ртом. Языки пламени стали спускаться по склону на поле. Теперь дым клубился вокруг человека, все темнея и уплотняясь. Тот начал кашлять.

Беги отсюда! Ради Бога, беги!

Да, теперь пришло время; теперь он мог бежать. Бежать так быстро, как только мог. Все живое так делало. Все живые существа.

Лестер уже было повернулся вполборота к машине и остановился.

Все живые существа.

Верно. Все живое спасалось бегством перед стеной огня. Старинная вражда забывалась. Койот бежал впереди кролика. Но ни кролики, ни койоты не сбегали вниз по склону; в серо-стальном небе не было птиц.

Не было никого, кроме него.

Отсутствие спасающихся от огня птиц и зверей могло означать одно: их не было и в лесу.

Перевернутая федеральная полицейская машина, и кровь везде. Помпа, врезавшаяся в дерево. Кровоточащая рука.

Что же здесь происходит? — завопило его сознание.

Он не знал... но он знал, что одел эти сказочные туфельки из страны Оз. Он толкнул дверцу машины — а потом оглянулся напоследок.

Он вскрикнул, увидев то, что поднималось из густой пелены дыма. Он кричал и кричал, стоя и задыхаясь и кашляя от дыма.

Нечто — невероятно огромное *нечто* поднималось из клубов дыма подобно огромному киту, волнами рассекающему небосвод.

Солнечный свет, заглушенный пеленой дыма, приглушенно отражался на его боках — а оно все вырастало, вырастало, поднимаясь совершенно беззвучно, тишина нарушалась лишь гулом победно шествующего подобно штормовой волне огня.

Выше... все выше... все выше.

Лестер вытянул шею, чтобы уследить за этим медленным и невероятным воздыманием и поэтому не сразу заметил небольшой непонятный предмет, вынырнувший из стены дыма и быстро катившийся в его сторону. Это была красная детская колясочка. В начале лета в ней катался маленький Билли Фаннин. Теперь в коляске располагалась некая платформа, а на ней была установлена пила Бенсона — что-то вроде электрического лезвия, укрепленного на

длинном шесте. Лезвие управлялось спусковым механизмом пистолета. На шесте сохранилась даже торговая этикетка, гласившая: С ПОМОЩЬЮ БЕНСОНА ВЫ РАЗРУБИТЕ ДАЖЕ БУРЮ. Весь механизм был укреплен на кардановом подвесе и отдаленно напоминал выступающий нос какого-то нелепого корабля.

Лестер, съжившись от ужаса, стоял за автомобилем и глазел в небо, когда сенсор этого нелепого устройства — оживший и превратившийся в улавливатель плоти — привел в движение электронный стартер лезвия (до такого усовершенствования никогда бы не додумались сами конструкторы Бенсона). Лезвие пришло в движение, и небольшой газовый моторчик взвыл, как кошка, которой прищемили хвост.

Лестер оглянулся и увидел нечто, похожее на установленный на подвижной платформе спиннинг с зубами, стремительно приближающееся к нему. Он вскрикнул и нырнул за машину.

Что здесь творится? вопило его сознание. *Что здесь творится, что здесь творится, что здесь творится,* что — лезвие качнулось на подвесе, отыскивая Лестера по испускаемым им мозговым импульсам, которые ощущались машиной как небольшие четкие возмущения, читаемые подобно изображению на экране радара. Силовое лезвие не было особенно умным (его мозговой центр был взят от программируемой игрушки Ужасный Танк-охотник), но и этого вполне хватало, чтобы оставаться нацеленным на низкочастотные электрические сигналы мозга Лестера Морана. Его аккумулятора, как можно было бы сказать другими словами.

— Пошла вон! — завопил Лестер, а колясочка Билли Фаннина приближалась к нему. *Убирайся! Убирайсяяяя!*

Вместо этого устройство, казалось, рывком приблизилось к нему. Лестер с вырывающимся из груди сердцем увернулся, лезвие повторило его маневр. Лестер снова метнулся — и в это время огромная, медленно ползущая тень упала на него и вопреки всему тот взглянул вверх... Он просто не мог не взглянуть. Ноги зацепились одна за другую и адская машина обрушилась на него. Вертящееся лезвие со смачным хлопом вонзилось в голову человека. Она все еще продолжала трудиться над останками Морана, когда огонь накрыл и ее, и жертву.

Торгесон и Вимз увидели тело на дороге в одно и то же время. Сейчас оба они дышали через противогазы; тошнота накатила внезапно и с ошеломляющей силой, но, одев маски, они мгновенно почувствовали себя лучше. Леандро был прав. Воздух. Дело в воздухе.

Клаудел Вимз не проронил ни слова с того момента, как они поймали последнюю сводку полиции Массачусетса. Он сидел, положив руки на колени, пристально и внимательно следя взглядом за всем, что происходило за окном машины. Дальнейшая настройка передатчика выдала им новости полицейской хроники из таких занимательных местечек, как Фрайдей, штат Северная Дакота; и Арнетт, штат Техас.

Торгесон притормозил, и оба полицейских вышли из машины. Вимз помедлил и затем вытащил пистолет. Торгесон одобрительно кивнул. Кое-что стало проясняться. Оказалось не совсем *нормально*, но *ясно*. Габбонз и Роудз пропали на этой дороге на обратном пути из городка. Монстр тоже побывал здесь за день до самоубийства. Как там поется у Фила Коллинза? *Сегодня вечером что-то разлито в воздухе...*

Хорошо, допустим, это было в воздухе.

Торгесон осторожно перевернул труп человека, который был, предположительно, одним из тех, кто погиб из-за своего любопытства.

Полицейский повидал много всякого на дороге, но теперь у него вдруг перехватило дыхание и он вынужден был отвернуться.

— Мой бог, — подал голос Вимз, — что его так отделало? — Маска пригласила слова, но нотки испуга все же живо угадывались.

Торгесон не знал. Однажды ему довелось увидеть труп одного несчастного, которого сбила снегоочистительная машина. Оба тела выглядели похоже. Пожалуй, последствия того инцидента выглядели аналогично.

Человек на дороге был в крови от макушки того, что ранее было головой до пояса. Пряжка ремня была глубоко вдавлена в тело.

— Ради бога, прости, друг, — пробормотал Торгесон и аккуратно опустил тело на землю. Можно было бы поискать бумажник, но ему более не хотелось дотрагиваться до окровавленных останков. Он направился к машине. Вимз шел поодаль, держа пистолет у груди. В отдалении, к западу от них, дым сгушался темной плотной массой, но здесь и его острый едкий запах был еле уловим.

— Это черт знает что, — сквозь маску произнес Вимз.

— Точно.

— И мне здесь очень-очень не нравится.

— Точно.

— Нам следует убраться отсюда. — Позади них раздался хруст ломающихся веток — и на секунду Торгесону почудилось, что это треск пожирающего хворост огня — по правде говоря, он был далеко, но вполне мог оказаться и здесь. Вполне правдоподобно! Если уж вы заглянули на чаепитие к Безумному Шляпнику, то все, что бы ни происходило, должно представляться правдоподобным. Оглянув-

шись, мужчина понял, что услышал треск не ломающихся, а раздвигаемых веток.

— Ах ты, чертова задница! — вскрикнул Вимз.

У Торгесона от изумления отвисла челюсть.

Сделанный на совесть, прочный, но совершенно неуместный в этих условиях автомат по разливу Кока-колы появился из кустов, растущих на обочине, и продвинулся в их сторону. Стеклопанель передняя панель была разбита, а боковые стороны этого большого прямоугольного ящика сильно поцарапаны. На металлической панели спереди Торгесон увидел некий недвусмысленный и наводящий на страшные размышления контур, глубоко вдавленный внутрь и подходящий на барельеф.

Он был очень похож на половинку человеческой головы.

Кока-автомат выплыл на середину дороги и попросту завис над ней на секунду, напоминая гроб, выкрашенный в неподобающе жизнерадостные цвета. Они казались яркими лишь до того момента, пока вы не замечали кровь, ручейками и каплями стекавшую и застывающую темно-бордовыми большими неправильного очертания лужицами.

Торгесон услышал тихое жужжание и последовавший за ним щелкающий звук.

Как реле, — подумал он. А может, он неисправен. Все может быть, но...

Автомат Кока-колы вдруг стремительно ринулся в их сторону.

— ... твою мать! — закричал Вимз. В его тоне слышались не только нотки испуга и ужаса, но и ненормального смеха.

— *Стреляй в него! Стреляй в него!* — отпрыгивая в сторону, проорал Торгесон.

Вимз отступил, споткнулся о тело Леандро и грохнулся на землю. Это было чертовски глупо, но в то же время как нельзя кстати. Автомат промазал на какой-то дюйм. Пока он разворачивался перед новой атакой, Вимз сел и быстро раза три выстрелил в него. Металл вогнулся внутрь и разорвался маленькими чудесными дырочками с черным пятном в центре. Машина загудела. Она притормозила в воздухе, рыская и дергаясь вперед-назад, как человек, страдающий от хорей Хантингтона.

Торгесон достал табельный пистолет и четыре раза выстрелил. Автомат развернулся в его сторону, но как-то вяло, как будто никак не мог набрать необходимую скорость. Он резко остановился, судорожно дернулся вперед, затормозил и рванулся опять, пьяно покачиваясь из стороны в сторону. Жужжание усилилось. Ручейки содовой отвесно падали на землю.

По мере приближения автомата Торгесон с легкостью уворачивался от него.

— *Ложись, Энди!* — закричал Вимз.

Торгесон упал, Клаудел одну за другой вогнал в автомат еще 3 пули. На третий раз внутри машины что-то взорвалось. Повалил черный дым, и бок машины облизнул сполох зеленого пламени.

Зеленое пламя, отметил Торгесон. *Зеленое.*

Автомат грохнулся на землю футах в 20 от тела Леандро. Он затрясся, с глухим звуком откатился в сторону. Звякнули разбитые стаканы. Секунды на 3 повисла тишина, нарушенная каким-то долгим с металлическим оттенком каркающим звуком. Потом все затихло. Автомат по разливу Кока-колы лежал поперек белой разметки посередине девятого шоссе и был мертв. Его красно-белая шкура пестрела многочисленными пулевыми отверстиями. Из них просачивались струйки дыма.

— Сэр, я всего лишь поднял свой пистолет и пристрелил автомат Коки, — из-под маски приглушенно раздался голос Вимза.

Энди Торгесон повернулся к нему. — Но ты не крикнул «Стой!» и не дал предупредительный выстрел в воздух. А, быть может, он был лишь подозреваемым, ты, тупица.

Мужчины устались из-под респираторов друг на друга и рассмеялись. Вимз смеялся так, что почти согнулся пополам.

Зеленое, — вспомнил Торгесон, продолжая смеяться, хотя в душе ему совсем не было смешно. *Огонь, вырвавшийся из этой адской машины, был зеленого цвета.*

— Я никогда не стрелял в воздух, — пророкотал, задыхаясь, Вимз. Нет, я такого не делал никогда. Совсем.

— И нарушил его долбанные гражданские права, — отпарировал Торгесон.

— Должно быть проведено расследование, — сквозь смех продолжал Вимз. — Эй, малыш! Я хотел бы сказать... сказать... — он зашатался, а у огромного Вимза было чему шататься.

Торгесон понял, что и у него все поплыло в голове. Они ведь дышали чистым кислородом... гипervентирированным.

— *Прекрати смеяться!* — закричал он, голос звучал как будто издалека. — Клаудел, не смейся больше.

Кое-как ему удалось добраться до покачивающегося Вимза. Расстояние между ними казалось Торгесону огромным. Уже почти у цели он споткнулся. Вимзу удалось подхватить его и какое-то время они оба стояли в обнимку, покачиваясь из стороны в сторону подобно Рокки Балбоа и Аполло Грину в конце первого раунда.

— Ты, ослиная задница, ты завалишь меня, — пробормотал Вимз.

— Ты же первый начал, — отпарировал Торгесон. Мир сфокусировался, расплылся и наконец обрел ясные очертания опять.

Я медленно вдыхаю, внушал себе Торгесон. Делаю глубокие медленные вдохи, мое дыхание легко. Успокойся, мое дышащее сердце. Последняя реплика вызвала у него легкий смешок, который ему тут же удалось подавить.

Все еще в обнимку полицейские плавно колыхнулись машине.

— Тело, — вспомнил Вимз.

— Не сейчас. Он мертв. А мы все еще нет. Пока нет.

— Погляди-ка, — остановил его Вимз в тот момент, когда они проходили мимо останков Леандро. — Сиськи! Они же не работают!

Голубые фонари на крыше машины, прозванные пузырями или сиськами, были потухшими и абсолютно мертвыми. Но такого не должно было быть — поскольку после долгих лет службы у них вошло в привычку при приезде на место происшествия не выключать их.

— Ты что, — начал Торгесон и неожиданно умолк.

Что-то неуловимо изменилось вокруг них. День потемнел, как бывает когда большое темное облако закрывает солнце или же во время солнечного затмения. Полицейские переглянулись, а потом повернулись в сторону. Торгесон первым заметил огромную серебристую тень, появившуюся из плотной дымовой завесы. Она мерцала в лучах солнца.

— Святой боже, — тихо взвизгнул Вимз и его большая черная рука нащупала руку Торгесона и сжала ее. Тот почти не ощутил этого, хотя отметины от пальцев Вимза, должно быть, будут видны и завтра.

А это нечто поднималось... поднималось... поднималось...

Солнечный свет, приглушенный пеленой дыма, отражался на металлической поверхности. Предмет поднялся примерно градусов на 40. Казалось, он колеблет и рассекает сами солнечные лучи, хотя это вполне мог быть и оптический обман от разогретого воздуха.

Конечно, это была иллюзия — *должна быть иллюзия*. Этого никак не могло быть в действительности; вероятно, они надышались чистого кислорода. *Но как же у нас двоих могут быть идентичные галлюцинации?*

— О, мой бог, — прорычал Вимз, — это же летающая тарелка, Энди, это же треклятая летающая тарелка!

Но Торгесону казалось, что предмет похож более на перевернутый армейский полевой котел — самый крупный, какой можно было только вообразить. Он поднимался все выше и выше; казалось, он вот-вот оборвется, вот-вот между ним и пеленой дыма появится затуманенная полоска неба, но он все воздымался и воздымался, и от его размеров дерева и весь окружающий ландшафт казались маленькими и незначительными. В виду этого огромного предмета дым от лесного пожара был похож на жалкий дымок тлеющих в

пепельнице окурков. Он все больше и больше заполнял собою небосвод, четко выделяясь на горизонте, поднимаясь в мертвой тишине из Большого Индейского Леса.

Два человека смотрели на это, а затем Вимз судорожно вцепился в Торгесона, а тот — в Вимза, они как дети держались друг за друга и Торгесон думал: *Ой, а что если он упадет на нас...*

Но объект все поднимался из дыма, все выше и выше и, казалось, этому не будет конца.

11

К заходу солнца силами Национальной Безопасности Хэвен был полностью отрезан от всего мира. Люди, одетые в специальное обмундирование, окружили его со всех сторон.

Торгесон и Вимз выбрались — но без машины. Она осталась стоять так же безжизненно, как и Ботинки Джона Уилкерса. К тому моменту, когда у двоих полицейских закончились запасы кислорода в емкостях, которые они уже по несколько раз меняли, им удалось добраться до Трои, где они смогли вдохнуть атмосферный воздух — как потом выразился Вимз, ветерок дал им шанс. Они вырвались из того, что впоследствии в сверхсекретных правительственных докладах называлось «зоной поражения», и именно от них поступили первые официальные сведения о происходящих вокруг Хэвена событиях. Правда, и до них поступали сотни неофициальных сообщений о летальных свойствах воздуха в районе и *тысячи* — об огромном НЛЮ, поднимающемся из дымящегося леса.

Вимз вышел оттуда с кровотечением из носа. Торгесон потерял с полдюжины зубов. Они считали, что им просто повезло.

Изначально установленный оградительный периметр, укомплектованный силами национальной безопасности Бангора и Аугусты, был тонок. К 9 вечера он был подкреплён солдатами из Лаймстоуна и Прески-Айля, Брунсвика и Портленда. К рассвету еще тысяча вооруженных служащих сил безопасности прибыла из восточных районов страны.

ФБР вступило в игру в 6.00 утра, а ЦРУ — в 7.15. К 8.00 они с пеной у рта спорили о том, кому же надлежит заниматься этим вопросом. В 9.15 испуганный и разозлившийся агент ЦРУ по имени Спаклин пристрелил агента ФБР по имени Ричардсон. Инцидент замяли, но и Гарденер, и Бобби Андерсон могли четко осознать — полиция Далласа вышла на сцену и полностью контролировала ситуацию.

Глава 10

ТОММИНОКЕР СТУКНУЛ В ДВЕРЬ

1

Наступил миг парализующей тишины в кухне Бобби, после осечки кольта 45-миллиметрового калибра Ива Хиллмана, тишины, которая была настолько же психической, насколько и физической. Расширенные голубые глаза Гарда впились в зеленые глаза Бобби.

— Ты пытался... — начала Бобби и ее мысль (пытался!?) эхом отозвалась в голове Гарденера. Этот миг, казалось, длился очень долго. А закончился он внезапно, как лопается стекло.

Бобби от волнения уронила фотонный пистолет на пол. Теперь она снова подняла его. Второго шанса может и не быть. Когда она возбуждена, ее мысли были полностью открыты для Гарденера и он почувствовал ее ток в том шансе, который она дала ему. Она имела в виду, что второго шанса может не быть.

Он ничего не мог делать правой рукой; она была под столом. Прежде чем она смогла навести на него ствол фотонного пистолета, он положил левую руку на край кухонного стола и, не раздумывая, оттолкнул его изо всех сил. Ножки стола гнетуще визжали о пол, пока стол двигался. Он ударил Бобби в уродливую сросшуюся грудь. В тот же момент луч ослепительного зеленого света вылетел из ствола игрушечного автомата. Не задев грудь Гарда, он дернулся и прошел выше, футом выше, но он все же мог ощущать покалывание кожи там, под рубашкой, как будто ее поверхностные молекулы танцевали как капли воды на раскаленной сковороде.

Гард повернулся направо и упал ничком, чтобы спастись от луча того, что выглядело как свет. Его ребра ударились о стол, сильно ударились и стол снова врезался в Бобби, на этот раз даже сильнее: ножки стула Бобби качнулись назад, и Бобби с треском свалилась на пол. Луч зеленого света дернулся вверх, и Гарденер сразу вспомнил о тех парнях, которые стоят на бетонке взлетной полосы, управляя могучими прожекторами, которые указывают самолетам путь на посадку.

Он услышал низкий звонкий треск, как будто щепка откололась от фанерного потолка. Посмотрел вверх и увидел, что фотонный пистолет прорезал щель в кухонном потолке. Гарденер пошатнулся, невероятно, но его челюсти щелкнули, и их свело новым зевком. В его голове раздался звон и эхом отозвался зеленый огонь тревоги мыслей Бобби. (У него есть пушка, чтобы меня застрелить, ну, ублюдок, ублюдок, пушку займел) Он попытался защитить себя от безумия и не мог. Бобби визжала в его голове, и пока она секунду

лежала между столом и перевернутым стулом, она пыталась достать пушку, чтобы снова выстрелить в него.

Гарденер поднял ногу и снова толкнул стол, лицо его исказилось гримасой усилия. Он перевернулся, пиво, таблетки и бубнящее радио свалились на пол. Большинство предметов упало на Бобби. Пиво брызнуло ей на лицо и, пенясь и шипя, побежало по ее новой и лучшей коже. Приемник ударил ее по шее, затем упал на пол и отскочил в мелкую лужу пива.

Стреляй, ты, ублюдок! Завопил Гарденер на него, — Взорвись! Уничтожь себя! Взорвись, ты, проклятая тварь, взор...

Приемник сделал нечто большее. Он, казалось, раздувался до отказа и затем с треском лопающегося пива разлетелся вдребезги, извергая лучи зеленого света как молния. Бобби завопила. То, что слышали его уши, было плохим, звук внутри головы был несравненно худшим. Гарденер завопил, вместе с тем не слыша самого себя. Он увидел, что рубашка Бобби загорелась.

Он нажал на курок кольца, не думая ни о чем, и на этот раз пистолет *сработал*, выпустив пулю в лодыжку Джима Гарденера, раздробив ее. Боль горячим ветром пронеслась через его мозг. Он снова закричал. Он шагнул вперед, волоча ногу, в голове его звенел ее ужасный, давящий на психику вопль. Через секунду он сделал бы его безумным. Эта мысль в самом деле была освобождающей. Когда он наконец-то сойдет с ума, все это дерьмо уже больше не будет иметь никакого значения.

Затем, на одну секунду, Гард увидел *свою* Бобби в последний раз.

Он думал, что Бобби, вероятно, пытается улыбнуться.

Затем визг снова возобновился. Она вопила и пыталась сбить языки пламени, которые охватили верхнюю часть ее тела, и этот вопль был ужасно, ужасно громким, он был невыносим. Невыносим для них обоих, подумал он. Он наклонился, нашел треклятый пистолет на полу и поднял его, и боль в лодыжке была ужасной, — он это знал, но на секунду она ушла от него, погребенная пронзительной агонией Бобби. Он нацелил пистолет на ее голову.

Ну, сработай же, ты, проклятая тварь, ну пожалуйста, пожалуйста, сработай. Но если она сработает, а он промахнется? В магазине может не оказаться еще одного патрона.

Его проклятые руки не перестанут трястись. Он упал на колени, как человек, принужденный внезапной насильственной необходимостью помолиться. Он повернулся к Бобби, которая лежала, крича и корчась, охваченная огнем, на полу. Он мог ощутить запах ее горения; мог видеть черные капли пластика от футляра приемника, которые, пузырясь падали на ее платье. Он почти потерял равнове-

сие и упал на верхнюю часть ее тела. Затем он надавил стволом кольта на ее шею и нажал спусковой крючок.

Опять осечка.

Бобби вопила и вопила. Вопила у него в голове. Он снова попытался передернуть затвор. Почти вытащил его. Затем он скользнул в первоначальное положение. *Осечка, пожалуйста, о Боже, о, пожалуйста, позволь мне быть ее другом последний раз!*

На этот раз он полностью оттянул затвор назад и снова нажал спуск. На этот раз пистолет не подвел.

Визг в его голове неожиданно перешел в громкое жужжание. Он знал, что слышит звук смертельного распада. Он поднял голову и посмотрел вверх. Яркая полоса солнечного света из распоротой крыши упала ему на лицо, раздавив его на две половины. Гарденер закричал.

Неожиданно жужжание прекратилось и настала тишина.

Бобби Андерсон — или то, во что она превратилась, — была так же мертва, как куча опавших осенних листьев в контрольном отсеке корабля, так же мертва, как и те галерные рабы, которые управляли кораблем.

Она была мертва и Гарденер с радостью согласился умереть тоже... но это было еще не все.

Еще не все.

2

Кьюл Арчинбург пил Пепси, когда в его голове стали раздаваться вопли. Бутылка выпала из его руки и разбилась о пол, когда он судорожно потянулся за виски. Дэйв Ратледж, задремав у дверей на сколоченном им самим стуле, приткнулся к стене и видел кошмарные сны в незнакомых тонах. Его глаза внезапно раскрылись, и он сидел прямо, словно привязанный, как будто кто-то коснулся его электрическим проводом, сухой комок стоял у него в горле. Его стул выскользнул из-под него, и когда его голова ударилась о деревянную стенку магазина, шея треснула, как стекло. Он умер, прежде, чем упал на асфальт. Хейзл Маккриди готовила себе чай. Когда начались вопли, ее руки затряслись. Одна рука, державшая чайник, плеснула кипятком на другую, в которой была чашка, нанеся ужасный ожог. Она отшвырнула чайник через всю комнату, вопя от боли и страха. Эшли Рувалл, который ехал на велосипеде мимо городской мэрии, упал посреди улицы и лежал недвижно, оглушенный. Дик Эллисон и Ньют Берринджер играли в карты в доме Ньюта, в игру, которая становится довольно-таки глупой, когда каждый знает, что другой держит в руке, но больше заняться было нечем, и, кроме того, они просто проводили

время в ожидании телефонного звонка от Бобби, которая сообщит, что этот пьяница мертв и можно начинать новый этап работы. Ньют метал, и он рассыпал карты по столу и по полу. Дик вскочил с дикими глазами, волосы его встали дыбом, и он, шатаясь, бросился к двери. Он врезался в стену в трех футах от двери и упал, раскинув руки. Док Ворвик изучал свой старый дневник. Его организм выбросил в сердце смертельную дозу адреналина и оно разорвалось, словно бумажное. Эд Маккан ехал в своем пикапе, преградив путь грузовику Ньюта. Он съехал с дороги и врезался в брошенную сосисочную Пуча Бэйкли. Он ударился лицом о руль. Он был сразу оглушен, не более того. Он ехал медленно. Он оглянулся, изумленный и пораженный ужасом. Венди Фаннин выходила из погреба, неся две банки консервированных слив. С того времени, когда началось ее «превращение», она стала есть еще меньше. За последние четыре недели она одна съела более девятиста банок консервированных слив. Она завопила и подбросила обе банки в воздух, как жонглер. Они упали, ударились о ступени и разбились вдребезги. *Бобби*, подумала она в оцепенении, *Бобби Андерсон горит!* Нэнси Восс безучастно стояла у заднего окна и думала о Джо. Она потеряла Джо, совсем его потеряла. Она предполагала, что «превращение» в конце концов вытеснит это страстное влечение — каждый день оно казалось все более и более отдаленным, — но, как ни больно потерять Джо, все же она не хотела, чтобы эта боль прекратилась. В этом не было смысла, но это было так. Потом в ее голове начались вопли и она так дернулась вперед, что выбила лбом три оконных стекла.

3

Крики Бобби оглушили Хэвен, как сирена воздушной тревоги. Все и вся полностью остановилось... а затем мутировавшие жители Хэвена высыпали на улицы деревни. Все они выглядели похожими друг на друга. Тревога, боль и ужас поначалу... а потом гнев.

Они знали, кто был причиной этих криков агонии.

Пока они продолжались, ни один из других голосов разума не мог быть услышан ими.

Затем появились смертельный шуршащий треск и тишина, мертвенная тишина.

Несколькими мгновениями позже в голове Дика Эллисона раздался слабый пульс. Он был эмоционально потрясен, но командовал достаточно ясно.

Ее ферма. Все. Остановить его, прежде чем он сможет сделать еще что-нибудь. Голос Хейзл принял эту мысль, усилив ее — как в дуэте.

Ферма Бобби, идите туда. Все.

Удары мысленного голоса Кьюла превратили дуэт в трио. Радиус действия голоса начал расширяться по мере усиления.

Все. Остановите его.

Голос Эдли. Голос Ньюта Берринджера. — *Прежде, чем он сможет сделать еще что-нибудь.*

Об этом Гарденер думал в тот момент, когда люди, побывавшие в сарае, слили свои голоса в один голос, в один приказ ясный и не подлежащий обсуждению... хотя никто из жителей Хэвена даже не думал обсуждать его.

Остановите его прежде, чем он успеет навредить кораблю.

Розалия Снехан оторвалась от кухонной раковины, даже не позаботившись выключить воду, льющуюся на рыбу, которую она чистила к ужину. Ее муж, коловший дрова на заднем дворе и едва не отрубивший себе несколько пальцев, когда раздались вопли Бобби, присоединился к ней. Без единого слова, они забрались в машину и двинулись по направлению к ферме Бобби. Сворачивая на дорогу, они едва не столкнулись с Элтом Баркером, выруливающим со своей автозаправки на старом «Харли». Фриман Мосс сидел за рулем своей цистерны. Он чувствовал неопределенное сожаление — Гарденер внушал ему какую-то симпатию. В Гарденере было что-то, что папаша Фримана называл «изюминкой» — но это не мешает Фриману выпустить кишки из ублюдка. Энди Бузман вел свой «Олдсмобиль» Дельта 88, его жена сидела возле него, мирно сложив руки на своей сумочке. В ней находился молекулярный возбудитель, который в течение 15 секунд на участке в 2 дюйма диаметром мог нагреть до двух тысяч градусов любое вещество. Она надеялась, что ей удастся сварить Гарденера, как рака. *Дайте только мне подойти к нему на расстояние в 5 футов*, все время думала она, *только 5 футов, это все, что я прошу*. На большем расстоянии приборчик становился ненадежным. Она могла бы улучшить дальнобойность до полумили, но только Энди натурально приходил в бешенство, если по крайней мере шесть чистых рубашек не висело у него в шкафу. Лицо же Бузмана расплылось в неподвижной яростной улыбке, сухие губы обнажили несколько оставшихся у него зубов. *Я еще покрашу тебе забор, сволочь*, думал он, и, увеличив скорость «Олдсмобиля» до 90 миль в час, начал обгонять ряд машин, движущихся к ферме Бобби. Все слышали Приказ, звучащий сейчас, как громовая литургия: *остановите его, прежде чем он успеет навредить кораблю, остановите его, остановите его!*

Гард стоял над трупом Бобби, наполовину свихнувшись от боли, горя и потрясения... и внезапно челюсти его снова растянул зевок, едва не своротивший ему скулы. Он заковылял к раковине, пытаясь, безуспешно, двигаться прыжками. Выпитый наркотик уже давал о себе знать. Каждый раз, когда он наступал на раненую лодыжку, он чувствовал себя так, как будто железный коготь, впившийся в его тело, погружался еще глубже. Сухость в горле усиливалась. Тело отяжелело. Мысли теряли обычную остроту; казалось, что они *растекаются*, как яичный желток. Добравшись до раковины, он снова зевнул, и на этот раз сознательно наступил на разбитую лодыжку. Боль прорезала туман в его голове, как остро отточенный нож.

Слегка повернув кран, он набрал стакан теплой — почти горячей — воды. Порылся в шкафчике над головой, опрокинув коробку гвоздики и бутылочку с кленовым сиропом на пол. Его рука обхватила картонную коробку с солью, с изображением маленькой девочки на одной из сторон. *Когда идет дождь, тут течет*, подумал он сонно, *это верно*. Он отрывал уголок коробки в течение времени, которое показалось ему годом, и, оборвав, насыпал в стакан достаточно соли; чтобы вода помутнела. Размешал пальцем. Выпил залпом. Такое впечатление, будто тонешь.

Его вырвало голубоватой соленой водой. В этой жидкости он заметил и нерастворившиеся кусочки голубых таблеток. Некоторые выглядели более или менее целыми. *Сколько же она заставила меня проглотить?*

Его стошнило снова... и снова... и снова. Это было повторение на бис взрывоподобной тошноты в лесу — какое-то изношенное устройство в его мозгу вновь запускало рефлекс задержки дыхания — жуткая икота, от которой можно умереть.

Наконец она утихла и исчезла совсем.

Таблетки в раковине. Голубоватая вода в раковине.

Кровь в раковине. Огромное количество.

Он пошатнулся, наступил на больную лодыжку, закричал и упал на пол. Он обнаружил, что смотрит в остекленевший глаз Бобби над бугристой линолеумной поверхностью, и закрыл глаза. Сознание немедленно начало покидать его... но на фоне наступающей темноты обозначились голоса. Нет — хор голосов, слившихся в один. Голоса людей, бывших в сарае.

Они идут за ним. Он никогда не сомневался, что они придут за ним. Он никогда не сомневался, что они придут за ним... в свое время.

Остановите его... остановите его... остановите его!

Вставай или им не придется тебя останавливать. Они застрелят тебя, или распылят, или сделают с тобой все, что им захочется, пока ты отдыхаешь тут на полу.

Он поднялся на колени, затем, опираясь на стол, встал на ноги. Он подумал, что в ванной можно было бы найти какое-нибудь средство, снижающее сонливость, но усомнился в том, что его желудок выдержит еще одно издевательство, после того, что он только что совершил над ним. При других обстоятельствах эксперимент стоил бы свеч, но Гарденер побоялся, что взрывоподобная тошнота, раз начавшись, теперь уже не прекратится.

Только не останавливайся. Если станет совсем плохо, сделай несколько шагов на разбитую ногу. Это прочистит тебе мозги.

Прочистит ли? Он не знал. Он знал лишь, что ему нужно двигаться и как можно скорее. Он не был уверен, как долго он еще будет способным двигаться.

Наполовину прыгая, наполовину ковыляя, он добрался до кухонной двери и оглянулся последний раз. От той Бобби, которая раз за разом спасала Гарденера от его наваждений, не осталось ничего. Рубашка ее еще дымилась. В конце концов ему удалось спасти Бобби от ее собственных наваждений. Просто увезти ее из пределов досягаемости.

Застрелил своего лучшего друга, хорошенькое дельце, а?

Он приложил ладонь ко рту. В желудке заурчало. Он закрыл глаза и подавил тошноту, прежде чем она началась.

Он повернулся, открыл глаза и двинулся через зал. Его замысел состоял в том, чтобы, отыскав какую-нибудь мебель попрочнее, прыгать в ту сторону и хвататься за нее. Боже, если ты есть и если ты милостив ко мне, позволь, чтобы все эти предметы оказались прочными, и тогда он пройдет этот, казавшийся бесконечным путь по комнате, как Моисей со своим народом проделал путь через пустыню.

Он знал, что люди скоро должны прибыть сюда. Он знал, что, если он все еще будет здесь, когда они появятся, то все будет кончено не только с его намерениями, но и с ним самим. Они боятся, что он навредит их кораблю. Ну что же, раз вы сами об этом заговорили, то это именно то, что он и собирается сделать, тем более что там он будет в наибольшей безопасности.

Также он знал, что он пока не может туда попасть.

Сперва он закончит со своими делами в сарае.

Он выбрался на крыльцо, где он и Бобби с Питером, спящим на досках между ними, засиживались допоздна летними вечерами. Просто сидели на крыльце, пили пиво, команда «Ред Сокс» играла свой матч в Фенвэе или Комиски Парк, или еще где-то у черта на куличках, но

главным образом в радиоприемнике Бобби: маленькие бейсболисты, бегающие между лампами и резисторами. Сидели на крыльце, с банками пива в ведре холодной колодезной воды, разговаривали о жизни, смерти, боге, политике, любви, литературе. Кажется, пару раз они говорили и о возможности жизни на других планетах. Гарденеру, казалось, что он вспоминает подобный разговор, но, может быть, это только его усталый мозг водил его за нос. Они были счастливы здесь. Казалось, что все это было очень и очень давно.

Только мысль о Питере занимала его усталый мозг. Питер — это его первая цель, к нему он должен совершить свой первый прыжок и ухватиться за него. Это не совсем правильно — нужно попытаться освободить Дэвида Брауна прежде чем положить конец страданиям Питера, но Дэвид Браун не смог бы прибавить ему сил, в которых он сейчас очень нуждался. Питер — это совсем другое дело.

«Старина Питер», — заметил он, обращаясь в пустоту жаркого дня (как, это все еще день? Слава Богу, что да). Он достиг ступенек и тут случилось несчастье. Он потерял равновесие, и вся тяжесть его тела пришлась на больную ногу. На этот раз он буквально видел, как осколки костей впиваются друг в друга. У Гарденера вырвался пронзительный стон, похожий на мяуканье, — крик даже не женщины, а скорее маленькой девочки, оказавшейся в отчаянном положении. Чтобы не упасть, он ухватился за поручень.

В беспокойные дни начала июля, Бобби отремонтировала ограждение между кухней и погребом, но состояние поручней между калиткой и крыльцом никогда особенно не беспокоило ее. Они шатались уже несколько лет, и теперь под весом тела Гарденера обе прогнившие стойки сломались. Древесная труха облачком повисла под ярким солнечным светом. Несколько потревоженных термитов выбежали из щелей. Гард повалился с крыльца с жалобным криком и с глухим стуком ударился о землю. Он попытался подняться, но потом с удивлением подумал «Зачем?» Мир поплыл у него перед глазами. Он видел сначала два почтовых ящика, затем их стало три. Он решил, что стоит на время забыть о всех своих делах и поспать. Он закрыл глаза.

5

В долгом, странном и болезненном сне, в который он был погружен, Ив Хиллман ощутил, как Гарденер свалился, и услышал ясно мысль

(забудь обо всем, усни)

Гарденера. Тогда сон начал разрушаться, и это было хорошо — спать было тяжело. Это причиняло ему боль, у него болело все. И

было очень больно бороться с зеленым светом. Если солнечный свет становится слишком ярким

(он помнил солнечный свет)

можно закрыть глаза, но зеленый свет был *внутри*, всегда *внутри* — его видел третий глаз и зеленый свет слепил его. Здесь были другие разумы. Один принадлежал ЖЕНЩИНЕ, другой БЕЗМОЗГЛОМУ, который когда-то был Питером. Теперь БЕЗМОЗГЛЫЙ мог только выть. Он периодически скулил, чтобы БОББИ пришла и освободила его от зеленого света... но в основном он скулил от обжигающего, мучительного истощения. ЖЕНЩИНА тоже кричала об освобождении, но иногда ее мысли вращались вокруг образов пугающей ненависти, которые Ив едва выносил. Итак: да. Лучше

(лучше)

уснуть

(легче)

и пусть все это идет...

... но оставался Дэвид.

Дэвид умирал. Его мысли — которые Ив принимал поначалу ясно — уже закручивались в углубляющуюся спираль, которая должна была привести сначала к потере сознания и затем, очень скоро, к смерти.

Поэтому Ив сражался с темнотой.

Сражался и стал звать:

— Вставай! Вставай! Выходи на солнечный свет! Я помню солнечный свет! Дэви Браун заслуживает своей части солнечного света. Так вставай! *Вставай! Вставай!*

6

ВСТАВАЙ ВСТАВАЙ ВСТАВАЙ!

Мысль стучала в голове Гарденера постоянным ритмом. Нет — не ритмом. Это было больше похоже на автомобиль, только колеса у него были стеклянными и они врезались в его мозг, пока автомобиль медленно ездил по нему.

Заслуживает своей части солнечного света Дэвид Браун! ВСТАВАЙ! Дэвид ВСТАВАЙ! Дэвид Браун! ВСТА

(Браун)

ВАЙ! ДЭВИД БРАУН! ВСТАВАЙ, ЧЕРТ ПОДЕРИ!

Хорошо! — прошептал Гарденер полным крови ртом. — *Хорошо,* — я слышу тебя, оставь меня в покое!

Ему удалось подняться на колени. Он попытался подняться на ноги. Мир стал серым. Нехорошо. По меньшей мере скрежещущий, режущий голос в голове немного ослаб... он почувствовал, что его

обладатель каким-то образом смотрит через его глаза, используя их как запыленные окна,

(видя сквозь них сны)

видя что-то из того, что видит он.

Он попытался опять подняться на ноги и опять не смог.

— Мой коэффициент говнистости еще очень высок, — прокаркал Гарденер. Он выплюнул два зуба и начал ползти на четвереньках по пыльному двору к сараю.

7

Хэвен ехал за Джимом Гарденером.

Они ехали на машинах. Они ехали в грузовиках-пикапах. Они ехали на тракторах. Они ехали на мотоциклах. Миссис Эйлин Креншоу, леди из Эйвана, которую так раздражало ВТОРОЕ ВОЛШЕБНОЕ ГАЛА-ШОУ Хилли Брауна, ехала за рулем пескоходо-багги своего сына Гейлена. Преподобный Гуринджер ехал вместе с ней, оставшиеся пряди его волос развевались вокруг его загоревшей лысины. Вери Джерниган ехал на катафалке, который пытался переделать в туристический прицеп, перед тем как его «превращение» заработало на полную катушку. Они заполнили дороги. Эшли Рувол петлял между теми, кто шел пешком, как заправский слаломист, нажимая на педали своего велосипеда, как безумный. Он достаточно времени провел дома, вернувшись туда, чтобы захватить кое-что, что он называл Убийственным Стволлом. Этой весной это было еще ненужной и вышедшей из употребления игрушкой, собирающей пыль на чердаке. Теперь, снабженная девятивольтовой батареей и электрической платой из игры его младшего брата «Спик и Спелл», эта игрушка превратилась в оружие, которое могло бы заинтересовать Пентагон. Оно пробивало дыры в предметах. *Большие дыры.* Оно было привязано к багажнику его велосипеда, на котором он когда-то развозил газеты. Они мчались в страшной спешке, произошло несколько несчастных случаев. Два человека погибли, когда автомобиль Оли Хатинсона столкнулся с почтовым фургоном Фаннинса, но такие мелочи никого не остановили. Их психический распев заполнял пустые пространства в воздухе непрекращающимся, ритмичным причитанием: *Пока он ничего не сделал с кораблем! Пока он ничего не сделал с кораблем!*

Стоял прекрасный летний день, прекрасный день для убийства, и если был кто-то, кого надо убить, то это был Джим Гарденер, и вот они ехали, почти пятьсот человек, хороших деревенских людей, которые выучились некоторым новым штучкам. Они ехали. И они везли с собой свое новое оружие.

К тому времени, как он преодолел полпути к сараю, Гарденер стал чувствовать себя лучше — возможно, у него открылось второе дыхание. Хотя, скорее всего, он предположил, что он действительно *избавился* от «валиума» почти совсем и был готов преодолеть все остальное.

Или, возможно, старик каким-то образом сделал его сильным.

Что бы это ни было, этого оказалось достаточно, чтобы он смог подняться на ноги и заковылять к сараю. Он прислонился к двери на какое-то время, сердце скакало в его груди немыслимым галопом. Он случайно бросил взгляд вниз и увидел в двери дыру. Края дыры обрамляли торчащие наружу белые зубья щепок. Она выглядела *погрызенной*, эта дыра.

Вот как вылез Пылесос. У него Новое и Улучшенное режущее оснащение. Христос, эти люди действительно безумны.

Он проделал путь вокруг здания и холодная уверенность охватила его — ключ упал.

О, Христос, стоп, Гард, заткнись-ка!

Как это могло...

Но это *могло*. Его не было. Гвоздь, где он висел, был пуст.

Гарденер отступил от стены, изнывая и дрожа, его тело покрылось потом. Он взглянул вниз, и что-то блеснуло на земле в лучах солнца — ключ. Гвоздь был слегка наклонен вниз. Он повесил ключ назад в спешке и, возможно, сам нагнул гвоздь вниз в мягком дереве. Он просто соскользнул.

Он болезненно нагнулся, подобрал ключ и начал ковылять обратно к входу. Он остро ощущал, как быстро бежит время. Они уже скоро приедут — как он сумеет успеть сделать все в сарае и отправиться затем к кораблю до их приезда? Так как это было невозможно, то, наверное, лучше было бы не обращать на это внимания.

Когда он добрался до двери сарая, он услышал далекий шум двигателей. Он ткнул ключом в замок и не попал в отверстие. Солнце было ярким, его тень, чуть меньше лужи, тянулась от его ног. Еще раз. Теперь ключ вошел в скважину. Он повернул его, толчком распахнул дверь и вошел в сарай.

Зеленый свет окутал его.

Он был мощным — мощнее, чем тогда, когда он был здесь в последний раз. Куча кое-как слепленного оборудования (преобразователь)

ярко светилась. Свет пульсировал, как и раньше, но сейчас он пульсировал чаще. Узкие полоски зеленого огня пробегали по серебристым дорожкам контактов на электрических платах.

Он огляделся вокруг. Старик, плавающий в своей зеленой ванне, смотрел на Гарденера своим единственным глазом. Его взгляд был страдальческим... но разумным.

«Используй преобразователь, чтобы спасти Дэвида».

— Старик, они едут за мной, — прохрипел Гарденер. — У меня нет времени.

«Угол, дальний угол».

Он взглянул и увидел что-то, выглядевшее немного как телевизионная антенна, немного — как большая подвижная вешалка для одежды, немного — те приспособления с заднего двора, на которых женщины развешивают одежду, поворачивая его время от времени.

— Это?

«Вытащи это во двор».

Гарденер не задавал вопросов. Не было времени. Эта штука стояла на маленькой квадратной платформе. Гарденер предположил, что вся ее начинка и батареи были именно там. Приблизившись, он увидел, что предметы, выглядевшие как изогнутые руки телевизионной антенны, были на самом деле тонкими стальными трубками. Он ухватился за центральную трубу. Эта штука не была тяжелой, она была громоздкой и неуклюжей. Ему придется переложить часть веса на разбитое колено — нравится ему это или нет.

Он обернулся к резервуару, в котором плавал Ив Хиллман.

«Ты уверен в этом, старина?»

Но ему ответила женщина. Ее глаза открылись. Смотреть в них было то же самое, что смотреть в котел ведьмы в «Макбете». На какое-то время Гарденер забыл о своей боли, усталости и изможденности. Он был зачарован этим ядовитым взглядом. В этот момент он понял всю суть и всю мощь этой ужасной женщины, которую Бобби называла Сисси, и причину, по которой Бобби шарахалась от нее, как от дьявола. Она *была* дьяволом. Она *была* ведьмой. И, даже сейчас, во время ее ужасающей агонии, ее ненависть оставалась.

«Возьми это, ты, глупец! Я *включу* это!»

Гарденер поставил свою раненую ногу на землю и взвыл, как будто рука дикаря отпустила его колено и вцепилась в мягкий мешочек с его яичками.

Старик: *подожди подожди*.

Она приподнялась сама по себе. Невысоко — всего на пару дюймов. Зеленый малярийный свет заструился еще ярче.

«Тебе придется направлять ее, сынок».

Это он был в силах сделать. Эта штука передвигалась в зеленом сарае, как скелет гигантского пляжного зонтика, кивая и ныряя, отбрасывая таинственные вытянутые тени на стены и пол. Гарденер неуклюже прихрамывал за ней, не желая, не *осмеливаясь* обернуть-

ся и взглянуть в безумные глаза женщины. Снова и снова его мозг прокручивал одно и то же: *сестра Бобби Андерсон была ведьмой... ведьмой... ведьмой...*

Он вытолкнул подпрыгивающий зонтик на солнце.

9

Первым прибыл Фриман Мосс. Он влетел во двор Бобби на фургоне, который когда-то подвозил Гарда, и выскочил из кабины еще до того, как заглух мотор. И — Христом клянусь, дружище — этот придурок был прямо здесь, посередине двора, держась за что-то, похожее на вертушку для женской одежды. Парень выглядел задыхавшимся от бега. Он держал одну ногу — левую — как собака, занозившая лапу. Ботинок был ярко-красным, залитым кровью.

«Бобби, видимо, хорошо в тебя всадила, ты, змея!»

Ее подстреленный приятель, казалось, услышал мысль. Он взглянул на него и устало улыбнулся. Он все еще держался за вертушку, стоящую на платформе. Он поддерживал себя с ее помощью.

Фриман направился к нему, оставив открытой дверь кабины водителя. В улыбке этого парня было что-то детское и побеждающее, и сейчас Фриман понял, что это было — с выпавшими зубами, улыбка была похожа на дурацкую ухмылку маленького мальчика на Хеллоуин.

«Боже, он даже как-то симпатичен мне — почему же ты оказался таким мудаком?»

— Что ты здесь делаешь, Фриман? — спросил Гарденер. — Торчал бы дома. Смотрел бы «Ред Сокс». Забор уже весь побелен.

— Ах ты сукин сын!

На Моссе была одета фуфайка на голое тело, без рубашки; просто фуфайка была первой вещью, попавшейся под руку, когда он в спешке покидал дом. Теперь он распахнул ее, открывая не что иное, как «Кольт Вудсман». Он вытащил его. Гарденер стоял, подняв ногу, держась за вертушку, и смотрел на него.

— Закрой глаза. Я сделаю все быстро. По крайней мере, я могу это сделать.

10

(ЛОЖИСЬ ЗАСРАНЕЦ ЛОЖИСЬ ИНАЧЕ ТЫ ПОТЕРЯЕШЬ СВОЮ ГОЛОВУ КОГДА ОН ПОТЕРЯЕТ СВОЮ Я НЕ ШУЧУ ТАК ЛОЖИСЬ ЕСЛИ ХОЧЕШЬ ЖИТЬ)

В баке глаза Энни Андерсон светились убийственной ненавистью и яростью, ее зубы выпали, но ее обнаженные десны скрежетали

друг о друга, скрежетали друг о друга. Скрежетали друг о друга и истоки маленьких пузырьков всплывали из ее рта.

Свет пульсировал все чаще и чаще, как карусель, ускоряясь. Он уже был похож на стробоскопические вспышки. Гул усилился до низкого электрического гудения, и в воздухе сарая чувствовалась богатая примесь озона.

На экране одного из дисплеев слово

ПРОГРАММА?

заменилось словом

УНИЧТОЖИТЬ.

Оно стало вспыхивать все чаще и чаще.

(ЛОЖИСЬ ЗАСРАНЕЦ ИЛИ СТОЙ МНЕ ВСЕ РАВНО)

11

Гарденер бросился на землю, ударившись о нее больной ногой. Боль снова охватила ногу. Он упал в пыль на четвереньки.

Над его головой вешалка начала вращаться, сначала медленно. Мосс уставился на нее, револьвер в его руке слегка пошатнулся. Полное понимание происходящего отразилось на его лице в самый последний момент, который действительно оказался последним. Затем из тонких трубок на дверь полился зеленый огонь. В этот момент иллюзия пляжного зонта была полной и совершенной. Это выглядело действительно, как большой пляжный зеленый зонт, который был частично наклонен так, что его круглый край касался земли. Но этот зонт был сделан из огня и Гард скорчился под ним, прищунив глаза и заслоняя рукой лицо, как от открытого огня... но жара он не чувствовал.

Фриман Мосс был на краю зонтика. Его брюки вспыхнули, затем вспыхнула фуфайка. Тогда как пламя было зеленым, его одежда пылала желтым огнем.

Он завопил и попятился назад, выронив револьвер. Над головой Гарденера вертушка вращалась все быстрее, металлические конечности скелета, которые сначала комично обвисали, все более и более выпрямлялись под действием центробежной силы. Огненный край зонтика поднялся вверх, и плечи и голова Мосса попали в полосу огня, когда он отступил назад. В голове Гарда снова начался психический скулеж. Он попытался заблокировать его, но не было возможности — просто не было возможности. Он мельком увидел лицо, оплывающее как горячий шоколад, и закрыл лицо руками, как ребенок во время страшных фильмов.

Языки пламени раскручивались по двору Бобби по разворачивающейся спирали, оставляя черные следы, где расплавленная пыль застывала в некотором подобии крупнозернистого песчаного стекла.

Грузовик Мосса и голубой пикап Бобби оба были в последнем кольце огня, сарай был чуть-чуть за ним, хотя форма кольца плясала как демон в огненном тумане. Было *очень* жарко на краю кольца, если даже там, где скорчился Гарденер, это не вызвало сомнений.

Краска на грузовике Мосса и на боках пикапа сначала пузырилась, затем почернела и наконец вспыхнула и загорелась; сгорая, она обнажала белую сталь. Пучки соломы, опилки, деревянные прокладки в кузове грузовика Мосса вспыхнули как сухие щепки в печке. Два больших мусорных бака в пикапе Бобби, сделанные из высокопрессованного гипса, тоже подхватили пламя и горели, как подсвечники. Черный круг на краю радиуса действия огненного зонта превратился в факел в форме блюда. Армейское одеяло, покрывающее сиденье водителя в кабине грузовика Мосса, охватил огонь, затем запылала крышка сидений, затем материал набивки; теперь вся кабина была пылающей оранжевой топкой, со скелетами пружин, проглядывающими через ослепительное пламя.

Фриман Мосс пятился назад, трясаясь и крутясь, он выглядел, как каскадер, забывший надеть свой огнеупорный костюм. Он упал.

12

Перекрывая даже предсмертные вопли Мосса, Энн Андерсон мысленно кричала:

Пожри дерьма и сдохни. Пожри дерьма и...

Затем, внезапно, что-то вошло в то, что от нее оставалось — последняя яркая вспышка зеленого света, непрерывная пульсация продолжалась еще пару секунд. Тяжелое гудение преобразователя приобрело более низкий тон и каждая доска в сарае отозвалась на него сочувственным вибрирующим треском.

Затем гул вернулся к своему обычному жужжанию; голова Энни свесилась на грудь, ее волосы свисали, как у утопленницы. На экране компьютера

УНИЧТОЖИТЬ

погасло, как догоревшая свеча, и вновь появилось
ПРОГРАММА?

13

Огненные спицы зонта померцали и исчезли. Вертушка, вращаясь с сумасшедшей скоростью, стала замедлять вращение, ритмично попискивая, как незапертая калитка при легком ветре. Трубки вернулись в прежнее положение, повиснув под обычным углом. Она еще раз скрипнула и остановилась.

Заправочный бак грузовичка Бобби внезапно взорвался. В небо устремились языки желтого пламени. Гард почувствовал, как мимо него просвистел кусок металла.

Он поднял голову и тупо уставился на пылающий грузовик, думая: *Бобби и я когда-то ездили на этом грузовичке в кинотеатр «Старлайт» по Дерри-Роуд. Помнится, мы даже как-то трахнулись во время какого-то дурацкого фильма. Что же случилось? Господи, что же случилось?*

В его голове голос старика, почти бессильный, но, каким-то образом, повелевающий:

Скорее! Я смогу запустить преобразователь, когда приедут остальные, но ты должен спешить! Мальчик! Дэвид! Скорее, парень!

Мало времени, измученно подумал Гарденер. Боже, его никогда не хватает.

Он отправился назад к открытой двери сарая, обливаясь потом, щеки его были цвета воска. Он остановился у темного горелого круга на земле и затем неуклюже перепрыгнул через него. Он почему-то не хотел прикасаться к нему. Он чуть было не потерял равновесие, но затем ему удалось выровняться. Когда он уже подошел к двери сарая, два топливных бака грузовика Мосса взлетели на воздух с ужасающим грохотом. Кабина оторвалась от грузовика. Грузовик повалился набок, как детская игрушка. Тлеющие куски обшивки и внутренней набивки сидений стали вылетать из открытого окна и подниматься вверх, как горящие перья. Большинство из них попало на землю и погасло. Однако некоторые донесли до веранды и три-четыре пролетели через открытую дверь на первых легких, едва заметных дуновениях восточного ветра, который поднялся вскоре. Один из этих тлеющих кусков попал на книжку в бумажной обложке, которую Гарденер оставил на столе у двери неделю назад. Обложка загорелась.

В гостиной другой кусок набивки сиденья поджег тряпичный коврик, который миссис Андерсон сделала для своей спальни и тайком отправила Бобби, когда Энн не было дома.

Когда Джин Гарденер вновь вышел из сарая, весь дом был в огне.

14

Свет в сарае был слабым как никогда — почти незаметным и зелень его практически не отличалась от зелени обычной воды в пруду.

Гарденер опасливо взглянул на Энн, боясь тех сверкающих глаз. Но бояться было нечего. Она просто плавала, голова ее наклонилась

вперед, как будто она глубоко задумалась, ее волосы струились вверх.

Она мертва, сынок. Если ты собираешься добраться до мальчика, надо делать это сейчас. Я не знаю, сколько времени я смогу поддерживать мощностъ. И я не могу разделитьсѧ, чтобы одна моя часть следила за ними, а другая питала преобразователь.

Он уставился на Гарденера и Гард ощутил острую жалостъ... и восхищение животной смелостъю старой развалины. Смог бы он сделать хотя бы половину этого, зайти хотя бы наполовину так далеко, если бы они поменялись местами? Он сомневался.

Тебе здорово больно, да?

Не могу сказать, что я чувствую себя прекрасно, сынок, если ты говоришь о здоровье. Но я справлюсь с этим... если ты собрался.

Собрался. Да. Он мешкал очень долго, слишком долго.

Его губы раскрылись в еще одном зевке с риском вывихнуть челюсти; затем он подошел к оборудованию внутри и снаружи оранжевой раны — что старик называл преобразователем.

ПРОГРАММА?

Манил к себе экран компьютера без клавиш.

Хиллман должен был сказать Гарденеру, что делать, но Гарденер не нуждался в указаниях. Он знал. Он помнил также о кровотечении из носа и звуковом ударе, которые произошли с ним после его единственного эксперимента с левитационным приспособлением Мосса. Таким образом эта вещь стала для него чем-то вроде «Пней Линкольна». И с того момента он проделал уже довольно долгий путь к своему превращению, хотел он этого или нет. Теперь он мог только надеяться на то, что было достаточно...

Черт, сынок, подожди-ка, у нас гости.

Тут более громкий голос заглушил голос Хиллмана, Гарденер смутно узнал этот голос, но не мог понять.

(НАЗАД НАЗАД ВСЕМ ОСТАНОВИТЬСЯ)

Погоди, я думаю, всего один или, может быть, двое.

Это снова появился изнуренный беззвучный голос старика. Гарденер ощутил, как он сконцентрировался на вертушке, оставшейся во дворе. Свет в сарае вновь стал ярче, и убийственные пульсации начались снова.

Дик Эллисон и Ньют Берринджер были в двух милях от участка Бобби, когда начались мысленные пронзительные крики Фримана Мосса. Они только что обогнали Элта Баркера. Теперь Дик взглянул в зеркало заднего вида и увидел, как «Харлей» Баркера слетел с

дороги и помчался по воздуху. Какое-то время Элт был похож на Ивела Найвела, с белыми волосами или без. Затем он отделился от велосипеда и приземлился в кусты.

Ньют обеими ногами надавил на тормоза, и его грузовик с визгом остановился посередине дороги. Он посмотрел на Дика расширившимися глазами, в которых были испуг и ненависть.

Сукин сын, добрался до устройства!

Да. Огонь. Что-то...

Внезапно Дик повысил свой мысленный голос до крика. Ньют подхватил его и усилил. К нему присоединились Кьюл и Хейзл Маккриди из «Кадиллака» Кьюла Арчинбурга.

(НАЗАД ВСЕМ ОСТАНОВИТЬСЯ)

Они остановились все на своих местах.

Они не так уж хорошо подчинялись приказам, эти Томминокеры, но безумные вопли Мосса, уже утихавшие, были более чем убедительны. Все остановились, кроме синего «Олдсмобила» Дельта 88 с наклейкой на заднем бампере:

АГЕНТЫ ПО ПРОДАЖЕ НЕДВИЖИМОСТИ ПРОДАЮТ АКРАМИ.

Когда прозвучала команда остановиться и выждать, Энди Бузман уже видел участок Андерсон. Его ненависть возростала по экспоненте — он уже представлял себе Гарденера, лежащего мертвым и окровавленным. Он влетел на подъездную дорожку к дому Бобби на диком мощном вираже. Задняя часть «олда» приподнялась, когда Бузман нажал на тормоза; огромный автомобиль чуть было не перевернулся.

Я побелю *твой* забор, говнюк ты, мать твою. Я тебе дам дохлую крысу на веревке, чтобы вертеть ей, ублюдох.

Его жена вытащила из своей сумки молекуловоподобитель. Он выглядел как бластер Бака Роджера, созданный смысленным волшебным лунатиком. Одна из его частей была когда-то фрагментом предмета садового инвентаря, выпущенного под названием «Пожираатель Сорняков». Она высунулась из окна машины и совершенно наобум спустила курок. Восточная часть дома Бобби взорвалась со столбом огня. Ида Бузман улыбнулась бодрой гримасой рептилии.

Когда Бузманы начали вылезать из машины, вертушка стала раскручиваться. Чуть позже стал формироваться зеленый огненный зонтик. Ида Бузман пыталась направить то, что она называла «молекулярным диском», на вертушку, но было уже поздно. Если бы ее первый выстрел попал в вертушку, а не в дом, все могло бы быть по-другому... но этого не произошло.

Они оба превратились в факелы. Моментом позже взорвался «олд», за который нужно было еще три раза выплатить рассрочку.

Сейчас, когда вопли Фримана Мосса стали уже покидать их мозги, вопли Энди и Иды Бузман заняли их место. Ньют и Дик, напряженно застыв, ожидали, когда они закончатся.

Они утихли.

Впереди, Дик Эллисон заметил, как остальные машины останавливались по обеим сторонам и посередине девятого шоссе. Фрэнк Спрюз высунулся из кабины своей автоцистерны и озабоченно смотрел на Ньюта и Дика. Он/они чувствовали остальных — всех остальных — на этой дороге, на других дорогах; многие остановились на полях, раскинувшихся вокруг. Они все ждали чего-то — какого-то решения.

Дик повернулся к Ньюту.

Огонь.

Да. Огонь.

Мы можем убрать его?

Последовало долгое мысленное молчание, пока Ньют размышлял об этом; Дик чувствовал, как он хочет просто отбросить все и ехать туда, где был Гарденер. То, чего хотел Дик, было совсем не сложно — он хотел перерезать Гарденеру глотку. Но это был не ответ, и они оба понимали это. Ставки сейчас были выше. И Дик был убежден, что Джим Гарденер потеряет свою глотку в любом случае, так или иначе.

Скрещивание с Томминокерами было плохой идеей. Оно сделало их безумными. Это была истина, открытая многими расами в других мирах задолго до нынешнего веселья в Хэвене.

Он и Ньют оба смотрели в направлении окаймленного деревьями поля, где упал Элт Баркер. Трава и верхушки деревьев покачивались — не сильно, а слегка покачивались от ветра, который дул с востока на запад. Дуновение не слишком сильное, чтобы считать его действительно ветром... но Дикну казалось, что оно проявляет все признаки свежести.

Да, мы можем убрать огонь, наконец ответил Ньют.

Остановить огонь и этого пьяницу вместе с ним? Мы можем на это рассчитывать?

Еще одна долгая пауза на размышление и затем Ньют пришел к ответу, который уже предполагал Дик.

Не думаю, что мы сможем сделать и то и то. Либо одно, либо другое, но я не знаю, как сделать ЭТО одновременно.

Тогда мы позволим огню пока что гореть и мы позволим ему гореть, да, очень хорошо.

С кораблем будет все в порядке, корабль

не пострадает, ветер, куда дует ветер.

Они взглянули друг на друга, ухмыляясь тому, что их мысли гармонично соединились в этот чрезвычайный момент — один голос, один мозг.

Огонь будет между ним и кораблем. Он не сможет добраться до корабля.

На дорогах и полях люди, прислушивавшиеся к этой связи, вздохнули с облегчением.

Он не сможет добраться до корабля.

Он все еще в сарае?

Да.

Ньют повернул свое озадаченное и тревожное лицо к Дику.

Какого хрена он там *делает*? Ему нужно что-то сделать? Что-то, чтобы вывести из строя корабль?

Последовала пауза; затем зазвучал голос Дика, обращающегося не только к Ньюту Берринджеру, а ко всем, кто бывал в сарае, четко и властно:

СОЕДИНИТЕ ВАШИ РАЗУМЫ, СОЕДИНИТЕ ВАШИ РАЗУМЫ С НАШИМИ. ВСЕ, КТО МОЖЕТ, СОЕДИНИТЕ ВАШИ РАЗУМЫ С НАШИМИ И СЛУШАЙТЕ. СЛУШАЙТЕ ГАРДЕНЕРА. СЛУШАЙТЕ.

Они слушали. В жаркой летней полуденной тишине они слушали. Вдалеке в поле от первых борозд в небо понеслись первые клубы дыма.

17

Гарденер *чувствовал*, как они прислушиваются. Было жуткое ощущение как будто что-то удивительно, но *это происходило*. Он подумал: *Теперь я знаю, что должен чувствовать уличный фонарь, когда вокруг него летает толпа мотыльков.*

Старик зашевелился в своем сосуде, пытаясь поймать взгляд Гарденера. Он потерял глаз, но сохранил разум. Гарденер взглянул на него.

Не обращая внимания, сынок — они хотят знать, что ты задумал, но забудь о них. Ничего страшного, если они узнают. Может, даже поможет. Притормози их. Успокой их мозги. Им наплевать на Дэвида, их интересует только их проклятый корабль. Давай, сынок! Давай!

Гарденер стоял перед преобразователем и держал в руках один из наушников. Он не хотел надевать его. Он чувствовал себя как человек, который получил здоровенный удар током от определенно-го переключателя и которого принуждали снова прикоснуться к нему.

Мне действительно нужно надеть эту херню? Я же изменил до этого слова на экране при помощи одних только мыслей.

Да, и это все, что ты *можешь* сделать. Тебе придется надеть его. Извини.

Невероятно, но веки Гарденера стали тяжелеть снова. Ему приходилось прикладывать усилие, чтобы поднять их.

Я боюсь, что это убьет меня, подумал он для старика, и затем стал ждать, надеясь, что старик станет отрицать. Но была тишина — только измученный глаз смотрел на него и слабый *слиишиш-слииш-слиишиши* от оборудования.

Да, это может убить меня, и он тоже знает об этом.

Снаружи послышались слабые потрескивания огня.

Порхающие ощущения вокруг его мозга исчезли. Мотыльки улетели.

Неохотно Гарденер вставил наушник в ухо.

18

Кьюл и Хейзл расслабились. Они посмотрели друг на друга. В их глазах было одинаковое — и абсолютно человеческое — выражение. Выражение глаз людей, когда они узнают что-то слишком хорошее, чтобы быть правдой.

Дэвид Браун? Не веря переспросил мысленно Кьюл у Хейзл. Это то, что ты услышала

да он пытается спасти мальчика

вернуть его обратно

обратно с Альтаира-4.

Затем, обегая всю сеть, появился голос Дика Эллисона, возбужденный и полный высокого триумфа:

ЧЕРТ ПОБЕРИ! Я ЗНАЛ, что этот мальчишка может пригодиться!

19

Сначала Гарденер ничего не ощутил. Он снова начал расслабляться, почти до дремоты. И тут боль пронзила его с единственным ужасным треском — разрушительное слабительное орудие, разбивающее его голову на куски.

— *Нет!* — завопил он. Он схватился за виски, начал колотить по ним. — *Нет! Боже, нет, это так больно, Боже, нет!*

Преодолей это, сынок, попытайся преодолеть это!

— *Я не могу, я не могу О, ГОСПОДИ, ОСТАНОВИ ЭТО!*

Его разбитое колено гудело, как искусанное москитами. Он смутно чувствовал, что из его носа текла кровь и рот его тоже был наполнен кровью.

ПРЕОДОЛЕЙ ЭТО, СЫНОК!

Боль немножко отступила. Вместо нее пришло другое ощущение. Это новое чувство было ужасным, ужасным и страшным.

Однажды, в колледже, он участвовал в соревновании под названием Великий Пожиратель Макдональдсов. Пять студенческих братств выставили своих «чемпионов по еде». Гард был чемпионом «Дельта Тау Дельта». Он расправлялся со своим шестым Биг-Маком — это не было даже близко к окончательному количеству, которое полагалось съесть победителю — и вдруг понял, что он очень близок к полному физическому пресыщению. Он никогда в жизни не чувствовал ничего подобного. В общем, это было даже интересно. Его средняя часть была как будто набита пищей. Он не ощущал рвотных позывов; тошнота не подходила под объяснение того, что он действительно чувствовал. Его живот казался ему гигантским неподвижным дирижаблем, надутым неподвижным воздухом. Он думал, что ощутит, как мигают красные огоньки в каком-то психическом внутреннем Центре по Управлению Заданием, как различные системы пытаются справиться с безумным перенасыщением мясом, хлебом и соусом. Его не вырвало. Он вынес это. Очень медленно, он вынес это. В течение нескольких часов он чувствовал себя картинками, изображающими Труляля и Траляля, его живот был раздутым и гладким, готовым разорваться.

Теперь его мозг чувствовал то же самое, и Джим Гарденер понимал так, как холодно и расчетливо понимают профессиональные едоки, работающие на износ, что он был на волосок от смерти. Но это было другое чувство, непохожее ни на что, и впервые он понял то, к чему стремились все Томминокеры, что движет ими, что **ТОЛКАЕТ** их к этому.

Несмотря на боль, которая только уменьшилась, а не исчезла, несмотря на это отвратительное гадкое ощущение наполненности, как у питона, проглотившего ребенка, часть его *наслаждалась* этим. Это было как наркотик — невероятно мощный наркотик. Его мозг был как двигатель в самом большом траханом «Крайслере», который когда-либо был создан, газующий на холостом ходу и ожидающий, когда он врубит верхнюю передачу и умчится.

Умчится куда?

Куда угодно.

К звездам, если нужно.

Сынок, я теряю тебя.

Это был старик, голос его звучал измученно, как никогда, и Гарденер с силой вернул его назад — к той штуке, до которой он должен был доковылять. О, это чувство было пьяняще прекрасным, но оно было украдено. Он снова заставил себя подумать о тех фигурах цвета жухлой листвы, запертых во всех тех гамаках. Галерные рабы. Старик питал его силы; он сам стал вампиром? Как они?

Он послал мысль Хиллману: Я с тобой, старая кляча.

Ив Хиллман закрыл свой единственный глаз в молчаливом ответе. Гард повернулся к экрану монитора, отсутствующе держа наушник в ухе, как диктор новостей в живом эфире вне телестудии, прислушивающийся к вопросам работников студии.

В замкнутом пространстве сарая Бобби свет вновь стал пульсировать.

20

слушали

Они все слушали, они все были на одной линии связи, которая охватывала весь Хэвен, распространяясь от центра, который был в двух милях от все еще слабых клубов дыма. Они все были включены в сеть, и они все приняли имя Томминокеров случайно, как приняли бы и любое другое, но в действительности они были межзвездными цыганами без барона. Еще в момент кризиса, во время периода регенерации — периода, когда они все были так уязвимы, — они хотели подчиняться голосам тех, кого Гарденер называл людьми из сарая. Они в конце концов были чистейшим продуктом перегонки всех их.

пришло время закрыть границы

Сейчас присутствовал всеобщий признак согласия — психический звук, который узнала бы Рут Маккосланд, шорох осенних листьев, подгоняемых ноябрьским ветром.

На какое-то время, по крайней мере, люди из сарая потеряли все контакты с Гарденером. Они были только рады, что он находился в сарае. Если он направится к их кораблю, огонь встанет у него на пути.

Объединенный голос быстро разъяснил распорядок действий — некоторые из этих планов были разработаны смутно несколько недель назад — теперь планы стали конкретнее, поскольку люди из сарая уже «превратились».

Устройства были собраны — хаотично, на первый взгляд. Но полет птиц на юг с приближением зимы тоже может показаться хаотичным; их движение может показаться таким даже им самим —

всего лишь способ провести зимние месяцы, способ такой же хороший, как и любой другой. Хочешь поехать в Северную Каролину, дорогая? Конечно, любимый, — превосходная идея.

Итак, они построили, и порой убивали друг друга из своих новых игрушек, и порой, закончив очередное приспособление, недоверчиво смотрели на него и убирали подальше от глаз, так как сейчас от него не было никакой очевидной пользы. Но некоторые предметы они вывозили за пределы Хэвена обычно в багажниках автомобилей или в кузовах грузовиков, прикрытых брезентом. Одним из таких приспособлений была машина «Кока-колы», убившая Джона Леандро; она была изготовлена покойным Дейвом Ратледжем, который зарабатывал когда-то на жизнь обслуживанием таких машин. Другим был очиститель Бенсона, который сразил Лестера Моргана. Были неисправные телевизоры, стреляющие огнем; были дымовые детекторы (некоторые Гарденер видел в сарае во время своего первого визита, но не все), которые летали по воздуху, как летающие тарелочки, испуская убийственные ультразвуковые волны; в некоторых местах были силовые батареи. Почти все эти устройства могли приводиться в действие мысленно при помощи простых электронных приспособлений, по этой причине названных «Вызывателями», не слишком отличающихся от прибора, с помощью которого Фриман Мосс обычно пригонял дренажные механизмы в лес.

Никто особенно не задумывался над тем, почему эти приспособления надо размещать грубо по периметру вокруг города, так же как и птицы не задумываются, почему они летят на юг, или гусеницы не размышляют, почему они заворачиваются в кокон. Но, конечно, это время всегда приходит — время, когда границы должны быть опечатаны. Это время пришло рано... но, казалось, не *слишком* рано.

Люди из сарая также предложили некоторому количеству Томминокеров вернуться в город. Хейзл Маккриди, как было решено, отправится с ними — она будет представителем более передовых Томминокеров. Устройство, закрывающее границы, будет прекрасно работать без наблюдения за ним, пока не сядут батареи. В городе находилось много отдельных устройств, которые необходимо было отправить в лес, чтобы создать защитную сеть вокруг корабля на тот случай, если пьяница все-таки доберется до него.

И было еще одно, очень серьезное устройство, нуждавшееся в охране, на случай, если кто-нибудь — вообще, кто угодно — сможет прорваться. Эта вещь стояла на заднем дворе Хейзл Маккриди, укрытая большой пятиместной палаткой и напоминавшая миниатюрный цирк. Это была защитная сеть. Она могла делать многое из того, что делал преобразователь в сарае, но эта вещь, которая

когда-то была печкой, существенно отличалась от преобразователя в двух отношениях. Оцинкованные алюминиевые трубы, бывшие когда-то частью вентиляционной системы дома Маккриди, сейчас все торчали в небо. Подключенные к Новой и Улучшенной печке, на двух фанерных бортах, защищенные от остальных элементов еще и серебристой сетью, которая простиралась в туннеле, где лежал корабль, стояли двадцать четыре автомобильных аккумулятора. Когда эта штука была включена, она производила воздух.

Воздух Томминокеров.

Когда эта небольшая фабрика по производству атмосферы работала, не было нужды беспокоиться о погоде и ветре — даже в случае урагана преобразователь воздуха, окруженный силовыми полями, смог бы защитить их, если бы они собирались в городе.

Решение закрыть границы было принято в тот момент, когда Гарденер вставлял в ухо один из наушников преобразователя. Пятью минутами позже, Хейзл и около сорока остальных выключились из сети и отправились назад в город: кто-то — в ратушу наблюдать за охраной границ и защищать корабль с помощью других устройств; кто-то удостовериться, что атмосферная фабрика защищена, на случай несчастного случая... или на случай, если реакция внешнего мира была более быстрой, более информированной и лучше организованной, нежели они ожидали. Все эти вещи уже случились, в другие времена, в других мирах, и обычно дела завершались в удовлетворительной манере... но «превращение» не *всегда* заканчивалось хорошо.

В течение десяти минут, прошедших с момента подачи команды закрыть границы до отправки отряда Хейзл, размер и форма клубов дыма, поднимавшихся в небо, не слишком изменились. Ветер дул не сильно... по крайней мере, пока. Это было хорошо, поскольку внимание внешнего мира пока не будет обращено к ним. Это было плохо, поскольку в ближайшее время Гарденер еще не будет отрезан от корабля.

И все же — Ньют/Дик/Эдли/Кьюл полагали, что «гусь Гарденера вот-вот испечется». Они продержали остальных Томминокеров на местах еще пять минут, ожидая мысленного сообщения, что устройства вдоль границ включаются и готовятся к выполнению своей работы.

Оно пришло пробуждающим гулом.

Ньют взглянул на Дика. Дик кивнул. Они оба выключились из сети и сконцентрировали свое внимание на сарае. Гарденер, мысли которого в свое время не могла разгадать даже Бобби, все еще оставался крепким орешком. Но они могли «читать» преобразователь достаточно легко; его постоянные, твердые импульсы энергии

они могли «слышать» без особого труда как помехи в телевизоре или радио от небольшого электрического миксера или мотора.

Но преобразователь почти шептал — ничего кроме еле слышного гула, как шум в морской раковине.

Ньют испуганно взглянул на Дика снова.

Боже, он сбежал ...мать его

Дик улыбнулся. Он не верил, что Гарденер, который все еще еле-еле мог мысленно читать или посылать сообщения, смог так быстро завершить свой процесс... если у него вообще была возможность завершить его. Присутствие парня здесь и порочная привязанность Бобби к нему были досадным невезением... которое, как считал Дик, уже закончилось.

Он подмигнул Ньюту одним из его страшных глаз. Эта сложная смесь человеческого и чуждого была одновременно пугающей и забавной.

Не сбежал, Ньют. Засранец МЕРТВ.

Ньют мгновение смотрел задумчиво на Дика, затем стал улыбаться.

Они двинулись все вместе по направлению к дому Бобби, как затягивающаяся петля.

21

Пьян в стельку.

Фраза постоянно звучала где-то в глубине мозга Гарда, как только он повернулся к экрану монитора — казалось, очень давно. Раз — и Джим Гарденер никогда не существовал, его стихи рассыпались по строкам, как жемчужины по песку.

Пьян в стельку, босс.

Это, случайно, не из какого-нибудь гангстерского фильма, типа *Люк-Холодная Рука*? Песня? Да. Какая-то песня. Что-то, по-видимому, какая-то сложная смесь в его голове, что-то из 60-х Западного Побережья, беспризорного вида психологический ребенок-цветок, одетый в куртку «Ангелов Ада», с велосипедной цепью, намотанной на тонкую белую руку скрипача...

Твой разум, что-то случилось с твоим разумом, Гард.

Да, ты сраная наркота, ПАПАШКА, я в стельку пьян, вот что, я родился, чтобы быть диким, я схвачен городским транспортом, и если тебе скажут, что я никогда не любил тебя, знай, что они лгут. В стельку пьян. Я ощущал каждую вену, каждую АРТЕРИЮ, каждый сосуд в голове, как они набухают, надуваются И ВЫПИРАЮТ, как выпирали вены у нас на руках, когда мы были детьми, и наматывали на запястья резиновые ленты и оставляли так, чтобы

посмотреть, что получится. В стельку пьян. Если я посмотрю сейчас в окно, я знаю, что я увижу — зеленый СВЕТ, струящийся из многих зрачков, как узкий луч прожектора. Тяжелая голова — и если ты тряхнешь ее, она взорвется. Да. Так что, будь осторожен, Гард. Будь осторожен, сынок.

Да, старик, да.

Дэвид.

Да.

Это чувство погружения и вытягивания по капле. Он вспомнил сюжет в новостях о Карле Валенда, мастере воздушных трюков, свалившемся с троса в Пуэрто-Рико, хватавшемся за трос, поймавшем его, державшем какой-то момент, а затем, сорвавшимся.

Гарденер отогнал от себя эту мысль. Он попытался изгнать все из своей головы и приготовился стать героем. Или умереть при попытке.

22

ПРОГРАММА?

Гард глубоко засунул наушник в ухо и, нахмурившись, уставился в экран. Направил в него тяжелым тараном свои мысли. Ощутил вспышку боли; ощутил, как его раздутый мозг надулся еще чуть больше. Боль стала гаснуть; ощущение нарастающего набухания сохранялась. Он уставился в экран.

АЛЬТАИР-4

О'кей... что дальше? Он прислушался, ожидая, что старик подскажет ему, но было тихо. Либо его психическая связь, установленная им с преобразователем, исключала взаимодействие со стариком, либо старик не знал. Важно ли это? Нет.

Он смотрел на экран.

КРОСС-ФАЙЛ О...

Экран внезапно покрылся цифрами — девятками — справа налево и сверху донизу. Гарденер оцепенел от ужаса, подумав: *О, Боже. Я сломал его!* Девятки исчезли. Через момент

О, БОЖЕ, Я СЛОМАЛ ЕГО

замерцало на экране, как призрак. Затем экран показал:

КРОСС-ФАЙЛ ГОТОВ

Он слегка расслабился. С машиной все было в порядке. Но его мозг был действительно сжат до предела, и он знал об этом. Если эта машина, питаемая стариком, и тем, что осталось от Питера, сможет вернуть мальчика обратно, он действительно получит возможность спокойно уйти... или уковылять, учитывая его колено. А, если она собирается хлопнуть, как петарда на вечеринке?

Но на самом деле не было времени размышлять об этом, правда? Облизывая губы онемевшим языком, он взглянул на экран.

КРОСС-ФАЙЛ О ДЭВИДЕ БРАУНЕ

Девятки по экрану.

Вечность и девятки.

КРОСС-ФАЙЛ УСПЕШНО

О'кей. Хорошо. Что дальше? Гарденер пожал плечами. Он знал, что он пытался сделать; зачем пускаться в пляс?

ВЕРНУТЬ ДЭВИДА БРАУНА ОБРАТНО С АЛЬТАИРА-4

Девятки по экрану. На этот раз *две* вечности. Затем появилось сообщение, столь простое, столь логичное, и вместе с тем столь безумное, что Гард расхохотался бы в голос, если бы он не знал, что может разорвать каждую работающую цепь.

КУДА ВЫ ХОТИТЕ ЕГО ПОМЕСТИТЬ?

Желание смеяться отпало. Вопрос требовал ответа: действительно, куда? На бейсбольное поле стадиона «Янки»? На Пиккадили? На волнорез, выдающийся в море перед отелем «Аламбра»? Нет, не туда; конечно, нет — но и не сюда, в Хэвен. Христос, нет. Даже если воздух не убьет его, что вполне возможно, его родители стали монстрами.

Итак, куда?

Он взглянул на старика, и старик посмотрел озабоченно на него в ответ, и внезапно это пришло к нему — действительно, существовало только одно место, куда можно было *поместить* его, не правда ли?

Он сказал машине.

Он ждал, что она спросит его об уточнениях или скажет, что это невозможно, или выдаст систему команд, которые он не сможет выполнить. Вместо этого появилось еще больше девяток. Теперь они, казалось, останутся навсегда. Зеленые пульсации от преобразователя стали настолько яркие, что на них почти невозможно было смотреть.

Гард закрыл глаза, и в зеленой темноте глубокого моря, простиравшегося за его веками, ему показалось смутно, что он услышал крик старика.

Затем мощь, заполнявшая его мозг, исчезла. Ура! Это было сделано. Без малейшего труда. Гарденер попятился назад, наушник вылетел у него из уха и упал на пол. Его нос все еще кровоточил, и он запачкал свежую рубашку. Сколько пинт крови в человеческом теле? И что не было ни...

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ УСПЕШНО

или

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ НЕУДАЧНО

или даже

ВЫСОКИЙ ТЕМНОВОЛОСЫЙ ТОММИНОКЕР ВОЙДЕТ В ВАШУ ЖИЗНЬ

Ради чего все это было? Он вдруг с невыносимой болью понял, что никогда не узнает. На память ему пришли две строчки Эдвина Робинсона: *И ТАК МЫ РАБОТАЛИ и ждали света. И шли без пищи, и проклинали хлеб...*

Нет света, босс, нет света. Если ты будешь ждать его, они сожгут тебя на месте, и здесь забор не побелен еще наполовину.

Нет света, только монотонный экран. Он посмотрел на старика, старик наклонился вперед, с опущенной головой, измученный.

Гарденер слегка плакал. Его слезы смешались с кровью. Тупая боль отражалась от пластины в его голове, но чувство переполненности, близкой к взрыву, отступило. Теперь было ощущение силы. Он скучал по смерти, как он обнаружил. Часть его странно желала вернуться, повторить, невзирая на последствия.

Шевелись, Гард.

Да, о'кей. Он сделал все, что мог, для Дэвида Брауна. Возможно, что-то произошло, возможно, нет. Может, он убил мальчика; может, Дэвид Браун, игравший с персонажами «Звездных войн» и мечтавший встретить Инопланетянина, как Эллист в фильме Спилберга, был теперь облаком из атомов, рассеянных в огромном пространстве между Землей и Альтаиром-4. Он не мог этого знать. Но он добрался до этой штуки и держал ее достаточно долго — слишком долго, может быть. Он знал, что настало время двигаться.

А ты знаешь, старик?

В безопасности ли он? Нет. Но, сынок, ты сделал все что мог. Я благодарю тебя. Теперь, пожалуйста, пожалуйста, сынок, пожалуйста...

Угасал ... мысленный голос старика угасал

пожалуйста избавь меня

от этого

по длинному коридору и

посмотри на этих полках там сзади.

Теперь Гарденеру приходилось напрягаться чтобы услышать.

Пожалуй, о, ПОЖА...

Слабый шепот; голова старика свесилась на грудь, остатки тонких белых волос колыхались в зеленом вареве.

Лапы Питера двигались сонно, как будто он гнался за кроликами в своем смутном сне или бежал к своей любимой Бобби.

Гарденер поскакал к задним полкам. Они были пыльными, грязными и темными. Здесь были старые, забытые пробки «Басс» и коробка «Максвелл Хаус», полная болтов, шайб, петель, ключей с замками, чье предназначение было давно забыто.

На одной из полок лежал «Трансзвуковой Космический Бластер». Еще одна детская игрушка. На боку был переключатель. Он предположил, что ребенок, получивший его на день рождения, использовал переключатель, чтобы заставить оружие завывать с различной частотой.

Что эта штука делала теперь?

Кого это волнует? устало подумал Гарденер. *Все это дерьмо стало одним большим паскудством.*

Однако, паскудство или нет, он засунул оружие за пояс и поскакал обратно к сараю. У двери он обернулся к старику.

Спасибо, парень.

Тихо, тише, тише всего — сухой шорох листвы:
от этого сынок

Да, Тебя и Питера. Обоих. Будь уверен.

Он выскочил наружу и огляделся. Никто еще не приехал. Это было хорошо, но везение не может длиться долго. Они были рядом; его разум прикасался к их разумах, как танцующая пара в окружении незнакомых людей. Он чувствовал, что они связаны в
(сеть)

единое сознание. Они не слушали его... чувствовали его... *да что угодно.* Либо используя преобразователь, либо просто находясь в сарае, он отрезал свой мозг от их. Но они вскоре узнают, что, как Элвис, толстый, пьющий, нажравшийся колес, но по-прежнему поющий и играющий, он вернулся.

Солнечный свет был ослепительным. Воздух был жарким, наполненным горелой вонью. Дом Бобби пылал, как куча сухих дров в печи. Половина крыши, как он заметил, обвалилась. Искры, почти бесцветные в ярком закате дня, столбом поднимались в небо. Дик, Ньют и остальные не видели большого количества дыма, потому что огонь был жарким и бесцветным. Тот дым, который они наблюдали, поднимался от горящих автомобилей во дворе.

Гард немного постоял на своей здоровой ноге в проеме двери сарая и затем поскакал к вертушке. На полпути он вдруг упал и растянулся во весь рост в пыли. В момент падения он подумал о Звуковом Космическом Бластере у него за поясом. Детская игрушка. Если бы курок был нажат, Гарденер мог быть существенно уменьшен. Томминокеровский План Потери Веса. Он вытащил пистолет из-за пояса, держа его так, как будто это была живая мина. Остаток пути до вертушки он прополз на четвереньках, затем поднялся.

В сорока футах от него другая половина крыши дома Бобби обрушилась. Поток искр закружился по направлению к саду и лесу за ним. Гард повернулся к сараю и подумал еще раз, со всей силой, как только мог; *Спасибо, друг.*

Ему показалось, что был ответ — усталый, слабый ответ.

Гарденер направил игрушку на сарай и нажал на курок. Зеленый луч, не толще карандашного грифеля, вылетел из его дула. Послышался звук, похожий на шипение яичницы на сковороде. Зеленое сияние брызнуло от стены сарая, как вода из брандспойта, и стены объял огонь. *Еще одна горячая работка*, устало подумал Гарденер.

Он начал скакать к задней части дома с Звуковым Космическим Бластером в руке. Пот и кровавые слезы текли по его лицу. *Я бы очень понравился Уинстону Черчиллю*, подумал он, и начал смеяться. Он заметил «Томкэт»... и его челюсти раскрылись в еще одном удивленном оскале. Ему пришло в голову, что Бобби спасла его жизнь, возможно, даже не подозревая об этом. Это было даже не возможно, а очень вероятно. «Валиум», вероятно, защитил его от невообразимо мощной силы преобразователя. Хорошо бы сейчас «валиума», который...

Внутри пылающего дома что-то — одно из устройств Бобби — взорвалось с грохотом артиллерийского снаряда. Гард инстинктивно пригнул голову. Казалось, половина дома взлетела на воздух. Дальняя половина, к счастью для Гарденера. Он взглянул вверх и раскрыл рот во второй глупой ухмылке. *Это был «Ундервуд» Бобби.*

Он летела все выше и выше, как печатная машинка в небе, крутясь и вращаясь.

Гард поскакал дальше. Он добрался до «Томкэта». Ключ был в замке. Это было хорошо. Он имел уже достаточно неприятностей с ключами за последнее время в своей жизни, которой оставалось, может быть, совсем немного.

Он втащил себя на сиденье. Сзади него подъезжали машины и въезжали во двор. Он даже не оглянулся, чтобы посмотреть. «Томкэт» стоял слишком близко к дому. Если он не отъедет прямо сейчас, он рискует превратиться в печеное яблоко.

Он повернул ключ. Мотор «Томкэта» не звучал, но это его не беспокоило. Началась легкая вибрация. Что-то еще взорвалось в доме. Искры заструились и обожгли его кожу. Во двор въезжало все больше машин. Мысли приехавших Томминокеров были прикованы к сараю, и они гласили

он печеное яблоко

печеное в сарае

мертв в сарае, да, верно

Хорошо. Пусть так и думают. Новый и Улучшенный «Томкэт» не даст им нити для разгадки. Он был бесшумен, как ниндзя. И ему уже надо двигаться: сад был в огне, гигантские подсолнухи и огромные стебли кукурузы с громадными несъедобными початками пылали. Но тропинка в середине сада была еще вполне проходима.

Эй! Эй! ЭЙ, ОН ЗА ДОМОМ! ОН ЕЩЕ ЖИВ! ОН ЕЩЕ...

Гарденер испуганно взглянул направо и увидел Нэнси Восс, несущуюся с грохотом по каменистому полю, лежащему между участком Бобби и каменной стеной на границе собственности Хорда. Восс была на велосипеде «Ямаха». Ее волосы были заплетены в косы, летящие сзади. На ее лице сверкал взгляд старой ведьмы... хотя она все еще была похожа на Ребекку с «Фермы Саннибрук». Еще одна Сисси, подумал Гарденер.

ЭЙ! СЮДА! СЮДА!

Ах, ты, сука, подумал Гарденер и поднял Звуковой Космический Бластер.

23

Двадцать или тридцать из них въехали во двор. Эдли и Кьюл были среди них, а также Фрэнк Спрюс, Голдены, Розалия Скихан и Поп Кудер. Ньют и Дик были сзади на дороге, руководя и командуя.

Все они повернулись на

СЮДА! СЮДА! ЖИВ! СУКИН СЫН ВСЕ ЕЩЕ

крики Нэнси Восс. Они все видели, как она мчалась по полю на велосипеде, как жокей на норовистой лошади, как мощная подвесная система «Ямахи» подбрасывала ее вверх и вниз. Они все видели, как узкий тонкий зеленый луч ударил из-за горящего дома и охватил ее.

Никто из них не видел, как вертушка снова начала вращаться.

24

Одна стена сарая была полностью в огне. Часть крыши обвалилась. Искры закручивались в толстую спираль. Одна упала на кучу грязного тряпья и она зацвела огненными цветами.

Избавление, думал Ив Хиллман, Последнее Последнее...

Преобразователь стал пульсировать яркой зеленью в последний раз, на некоторое время соперничая с огнем.

25

Дик Эллисон услышал скрип вертушки. Его мозг был полон яростных и гневных криков, с момента, как он понял, что Гарденер был еще жив. Все произошло быстро, очень быстро. Нэнси Восс была пылающей тряпичной куклой на поле справа от дома Бобби. Ее «Ямаха» промчалась еще ярдов двадцать, налетела на камень и перевернулась.

Дик увидел горящие останки грузовичка Бобби, грузовика Мосса, «олда» Бузманов — и затем он увидел вертушку.

НАЗАД ОТ ЭТОЙ ШТУКИ! НАЗАД! НА...

Но это уже не имело значения. Дик выключился из сети, и он не мог преодолеть две мысли, бившиеся, как примитивный рок-н-ролльный ритм.

Еще живой. За домом. Еще живой. За домом.

Прибывало все больше людей. Они двигались по двору увлеченным потоком, игнорируя горящий дом, пылающий и светящийся сарай, обгоревшие, почерневшие автомобили.

НЕТ! ТУПИЦЫ ГРЕБАНЫЕ! НЕТ! ЛОЖИСЬ! НАЗАД!

Ньют загнипнотизированно уставился на дом, пылающий ядовитым пламенем, не замечая вертушки, вращающейся все быстрее и быстрее, и сейчас Дик мог бы цинично избавиться от него. Но он был еще нужен ему, потому он, довольный собой, резко повалил Ньюта на землю и упал на него сверху.

Моментом позже зеленый зонтик развернул свой изящный покров во дворе еще раз.

26

Гард слышал крики — множество криков — и заткнул их как только мог. Они не имели значения. Ничто теперь не имело значения, кроме последней остановки на линии, куда необходимо было добраться.

Не было смысла заставить лететь «Томкэт». Он включил первую передачу и въехал в чудовищный бесполезный пылающий сад Бобби.

Теперь наступил момент, когда он начал сомневаться, способен ли он совершить задуманное; огонь распространялся по сорнякам и переросшим початкам быстрее, чем он предполагал. Жар был ужасающим, испепеляющим. Вскоре его легкие начнут закипать.

Он слышал монотонные глухие звуки, как будто толстые сосновые поленья взрывались в печи, он осмотрелся и увидел, как тыквы лопались, как толстые сосновые поленья в печи. Руль «Томкэта» обжигал его руки.

Жар на голове. Гарденер поднял руку. Его волосы были в огне.

27

Все пространство внутри сарая было уже залито огнем. В центре его преобразователь вспыхивал и угасал, вспыхивал и угасал, как пульсирующий кошачий глаз посередине преисподней.

Питер лежал на боку, его лапы наконец остановились. Ив Хиллман смотрел на преобразователь, мучительно концентрируясь. Жидкость вокруг него становилась очень, очень горячей. Это было хорошо; не больно, по крайней мере, в физическом смысле. Изоляция основного кабеля, соединяющая его с преобразователем, начала плавиться и растапливаться. Но связь еще сохранялась. Сейчас, в полыхающем сарае, она сохранялась, и Ив Хиллман думал:

Последнее. Дай ему шанс уйти. Последнее.

ПОСЛЕДНЕЕ

вспыхнул экран компьютера

ПОСЛЕДНЕЕ ПОСЛЕДНЕЕ ПОСЛЕДНЕЕ

и покрылся девятками.

28

Разрушения во дворе Бобби Андерсон были невероятные.

Дик и Ньют глядели, замороженные, почти неверящие. Как в тот день со стариком и полицейским в лесу, Дик поймал себя на недоумевающей мысли, как вообще дела могли пойти так плохо. Только они двое — они да все те, кто еще не прибыл, — были в порядке, вне мертвой зоны под навесом, но Дик еще не поднялся. И он не был уверен, что сможет.

Люди горели во дворе, как соломенные пугала. Кто-то бежал, в ужасе, каркая и визжа голосом и мыслями. Меньшинству — счастливому меньшинству — удалось вовремя удрать. Фрэнк Спрюс медленно прошел мимо того места, где лежали Дик и Ньют, половина его лица была выжжена так, что челюсть с той стороны казалась застывшей в полуухмылке. Взрыв был таким, что то оружие, которое некоторые из них притащили, расплавилось и самоликвидировалось.

Глаза Дика встретились со взглядом Ньюта.

Оповести всех! Пусть окружают! Схватить!

Да я понял, но, Боже, наших сгорело десять или двадцать. ТЫ, МАТЬ ТВОЮ, ПРЕКРАТИ НЫТЬ!

Ньют отпрянул, его губы раскрылись в беззубом рычании.

Но Дик не обращал внимания. Сеть его мыслей расширилась. Теперь он мог сделать так, чтобы его слышали.

Рассыптесь, окружайте его! Хватайте! Хватайте сволочь! Окружите его!

Они задвигались, сначала медленно, ошарашенные, потом быстрее, поняв задачу.

Дисплей компьютера разорвало. Раздался кашляющий взрыв, как будто великан очистил горло от густой слизи, и мутная зеленая жидкость полилась из душевой, где был заключен Ив Хиллман. Жидкость достигла огня и стала смертоносным зеленым потоком. Ива, наконец счастливо умершего, вынесло как рыбу из треснувшего аквариума. Потом настала очередь Питера. Энн Андерсон появилась последней, ее мертвые руки были все еще скрючены.

Огонь под навесом шел на убыль. Теперь из звуков остались только стоны умирающих и настойчивый голос Дика. Летний день обратился в ад. Двор Бобби стал похожим на грязный пруд с островками огня. Но Томминокеры всегда умели прекратить огонь, и всегда у них это получалось быстро.

Ньют присоединил свой голос к Дику. Кьюл был мертв, Эдли серьезно обгорел. Тем не менее Эд соединил свой собственный голос смертельно раненного с их голосами:

Схватите его прежде, чем он попадет на корабль! Он еще жив! Схватите его прежде, чем он попадет на корабль!

Томминокеры были почти раздавлены. Те пятнадцать изжаренных во взрыве на дворе Бобби были не так уж и важны. Но Бобби была мертва; Кьюл был мертв; а Эдли скоро будет; преобразователь был разрушен как раз тогда, когда нужда в закрытии границы стала смертельной. И Гарденер был еще жив. Невероятно, но Гарденер был еще жив.

И может быть, хуже всего было то, что ветер начал усиливаться.

Схватите его, и схватите быстрее.

Сеть мыслей, Томминокеры подключились к ней.

Они пересекли поле; подошли к распространяющемуся огню.

БЫСТРО!

Дик Эллисон повернулся к городу и вся сеть повернулась вместе с ним, как блюдце радара. Он уловил тупое изумление Хейзл по поводу поворота событий.

Он

(по сети)

отмахнулся.

Что у тебя есть снаружи, Хейзл, все направо за ним.

Дик повернулся к Ньюту.

Ты не должен был толкать меня так сильно, сказал Ньют мрачно, и стер каплю крови со щеки.

— Иди в задницу, — сказал Дик неторопливо. — Нам надо взять этого сукиного сына.

32

Огонь, распространяющийся из дома Бобби шквалом, напоминающим по форме дамский веер — веер огня, начался от вертушки, теперь разрушенной. Дом Бобби, сейчас уже только черный остов, мерцающий в красных столбах пламени, был у того самого места, где он зародился. Языки его дотянулись до страшно переросшего сада, и огонь, сожрав мутировавшие растения, стал отсвечивать зеленым.

Джим Гарденер пробирался сквозь огонь, увенчанный короной горящих волос.

Его рубашка тлела; от одного рукава шел дым, потом он вспыхнул. Он захлопал по рукаву рукой и сбил огонь. Он хотел застонать, но почувствовал себя таким усталым, таким разбитым.

Меня хорошо отделали, подумал Гарденер, и в этом нет ничьей вины, кроме моей.

Он достиг дальнего края сада. «Томкэт» накренился и с большим перекосом въехал в лес. Низкие чахлые деревца по сторонам от трассы были в огне, и маленькие языки пламени уже разбежались по Большому Индейскому Лесу. Гарда они совсем не интересовали. Чувство, что он находится в микроволновой печи, его оставило. Он похлопал себя по голове. От волос отвратительно пахло — как от пищи, поджаренной ребенком.

Зеленый огонь зашипел около его правого плеча, когда «Томкэт» въезжал в лес.

Гард уклонился влево и нагнулся. Потом посмотрел назад и увидел Хэнка Бака, с его Пистолетом-Убийцей. Хэнк вывел свой мотоцикл, направляясь к ферме, но свалился с него на том самом поле, где погибла Нэнси Восс, потом вскочил и бросился бежать.

Гарденер развернулся, высунул наружу правую руку с бластером и обхватил правую кисть пальцами левой. Спустил курок. Вылетел острый луч и больше из-за простого везения, чем из-за большой искусности стрелка, ударил Хэнка в верх левой стороны груди. Послышался треск жарящегося бекона. Зеленая смерть полыхнула Хэнку в лицо, и он упал.

Гарденер повернулся снова вперед и увидел, что «Томкэт» самодовольно несется на горящую ель. Он навалился на руль обеими

обожженными до волдырей руками, пытаясь избежать столкновения. Один из подшипников на колесе «Томкэта» задел ствол дерева, и на секунду Гарденер вообразил себя отпихивающим пылающее дерево, как отпихивают горящие занавески, расчищая путь. Маленький трактор опасно накренился, завис... затем рухнул с шумом обратно. Гарденер рванул рычаг до упора и повис на нем, пока «Томкэт» пробивал себе путь к лесной дороге.

33

Они шли. Томминокеры шли. Они прошли вдоль расширяющихся крыльев огня-веера рассерженной дамы, и Дик Эллисон почувствовал некоторую безрассудную ярость, потому что они не собирались хватать его. Гарденер мог воспользоваться дорогой; это все меняло. Еще три минуты — может быть, даже одну — и Гарденер мог быть поджарен. Четыре Томминокера (среди них миссис Эйлин Греншау и Реверенд Гуринджер) попытались преследовать его там и сгорели заживо. Два гигантских горящих ствола кукурузы обрушились на жену Греншау, которая дико закричала и отпустила руль песочного багги. Багги быстро въехал в горящий сад. Его покрышки лопались, как маленькие бомбы. Несколько секунд спустя огонь поглотил всю дорогу.

Разочарование Дика было глубже, чем в костях. «Превращение» бывало, расстраивалось и прерывалось раньше — не часто, но это случалось — но всегда как результат естественного воздействия... как целое поколение москитов в спокойном пруду со стоячей водой могло быть уничтожено молнией во время летней бури. Но сейчас не было бури, ни других природных потрясений, а был один человек, человек, на которого они привыкли глядеть с осторожным презрением, как на глупую собаку, которая может укусить; это был один человек, который как-то провел Бобби и убил ее, и который отказывался умирать, несмотря на все то, что они делали.

Нас не остановит один человек, подумал Дик взбешенно. Не остановит! Но был ли реально путь прекратить действие того, что уже случилось? Фронт огня распространяется слишком быстро, они не смогут поймать его. Гарденер прорвался в самый центр горячей аллеи, но только он. Хэнк Бак стрелял в него, но этому сукину сыну удалось застрелить самого Хэнка.

Дик был в припадке бешенства (Ньют ощущал это и держался на расстоянии — Дик был на двадцать фунтов тяжелее и на десять лет моложе), но в самом центре его бешенства был ужас, как прогорклый крем в центре отравленного шоколада.

Томминокеры, говорила Бобби Гарденеру, были великими небесными путешественниками. Это было правдой. Но никогда, нигде,

они не встречали кого-либо похожего на этого человека, который продолжал двигаться, невзирая на раздробленную лодыжку, большую потерю крови и большую дозу снадобья, которое должно было свалить его еще пятнадцать минут назад, даже при том, что он много вытошнил.

Невозможно — но случилось.

Огонь, который, предполагалось, не подпустит Гарденера к кораблю, стал щитом Гарденера.

Теперь оставались только автоматические мониторы — технические новинки.

— Они возьмут его, — прошептал Дик. Он и Ньют стояли на холме справа от дома, как пара генералов, наблюдая людской поток в лесу... но делали это совершенно по-разному. Руки Дика раскрывались, с треском закрывались; открывались, закрывались. Зеленая кровь билась в шее. «Они возьмут его, они остановят его, он не попадет в корабль, нет, нет».

Ньют Берринджер осторожно помалкивал.

34

Детектор дыма, очень похожий на летающую тарелку, бесшумно пробирался сквозь лес; красный огонек индикатора на нижней поверхности беспорядочно пульсировал. Хейзл Маккриди контролировала это чудо сама. Она уловила волну гнева, отчаяния и страха, исходящую от Дика Эллисона и решила позаботиться о Гарденере сама — с помощью дистанционного управления, разумеется. Сначала она поручила Паулине Гудж, к которой испытывала наибольшее доверие, работу совсем по другому делу, а затем Хейзл спустилась в свой офис, затворила дверь и заперла ее на замок.

Из нижнего ящика шкафа для документов она достала гетто-блaster, немного меньше, чем тот, который использовал в свой последний час Хэнк Бак. Она положила его на стол, включила, взяла наушник из наружной корзины стола и вложила вилку себе в ухо.

Теперь она сидела, закрыв глаза, но могла видеть деревья, пробегающие мимо по обе стороны от детектора дыма, пока он проносился со свистом через лес, примерно в шести футах над землей. Гарденеру придется вспомнить эпизод из «Возвращения Джадея», в котором хорошие парни преследуют плохого парня в кажущемся бесконечным лесу на самой головокружительной скорости, которую способен показать воздушный мотоцикл.

Хейзл, однако, не имела времени для сочинения метафор и, даже имея его, не стала подобным заниматься; Томминокеры были в метафорах не сильны.

Часть ее — детектор дыма, который соединялся с ней благодаря интерфейсу киборга, который она вмонтировала на его механической части — желала выполнить свою обычную работу и детектор гудел, потому что лес был полон дыма. Это было похоже на чиханье, которое приближается неминуемо, как ливень.

Детектор дыма легко сновал из стороны в сторону, петляя между деревьев, подпрыгивая над холмами и потом снова ныряя вниз, как самый маленький в мире опрыскиватель посевов.

Хейзл сидела, наклонившись к столу, вилка наушника крепко воткнута в ее ухо; она была безумно сосредоточена. Она гнала маленький детектор через лес быстрее, чем это было безопасно, но он был на границе Хэвен — Ньюпорт, в целых пяти милях от корабля. Она должна была задержать Гарденера, и времени оставалось мало.

Детектор дыма покосился на одну сторону и пролетел буквально в дюйме от ствола ели. Предупреждение яснее ясного. Но... вот детектор, а вот корабль, отражающий мигание его огонька, и игру теней и солнечных пятен на стволах.

Детектор ненадолго завис над тонким ковром из иголок на земле леса... и затем устремился напрямик на Гарденера. Хейзл приготовилась включить ультразвуковую систему, которая превратит кости Гарденера в крошечные осколки внутри его тела.

35

«Эй, Гард! Слева!»

Этот голос был невероятным. И в то же время не был ошибкой. Это был голос Бобби Андерсон. Прежней, неулучшенной Бобби. Но у Гарда не было времени об этом думать. Он посмотрел налево и увидел нечто, стремительно мчащееся на него из леса. Что-то желтовато-коричневое. С красным огоньком, вспыхивающим на нижней стороне. Это было все, что он успел разглядеть.

Он поднял свой бластер, прикидывая, можно ли вообще в это попасть, и в этот момент дикий высокий визг, как будто все комары в мире слили свое питание в совершенной гармонии, наполнил его уши... его голову... его тело. Да, что-то было внутри него; все внутри начало вибрировать.

Затем он почувствовал, как чьи-то руки хватают его за запястье — сначала хватают, а потом поворачивают кисть. Он выстрелил. Зеленый огонь полыхнул сквозь дневной свет. Детектор дыма взорвался. Несколько оторванных кусков пластика пролетели рядом с головой Гарденера, едва-едва не задев его.

Хейзл закричала и оцепенела на вращающемся стуле неестественно прямо. Ужасная энергетическая отдача волной ударила через вилку в ухо. Она схватилась за нее — и отпустила. Вилка была в ее левом ухе. А из правого внезапно хлынула струя зеленой вязкой жидкости. Жидкость выглядела как радиоактивная овсянка. Недолгое время ее мозги продолжали течь из ее головы через ухо, а потом давление стало слишком высоким. Правая сторона черепа вскрылась подобно странному цветку, и ее мозги со шлепком выплеснулись на настенный календарь «Карриер энд Ивз».

Хейзл вяло упала на стол, ее руки раскинулись, а ее тусклые глаза неверяще уставились в пустоту.

Гетто-бластер погудел немного и затих.

Бобби? — подумал Гарденер, дико оглядываясь.

Иди в задницу, старый дурак, — ответил веселый голос. — Это вся помощь, которую ты мог получить. Кроме того, я ведь мертва, ты помнишь?

Я помню, Бобби.

Маленький совет: поберегись бешеных пылесосов.

Затем она пропала, как будто ее и вовсе не было.

Сзади него раздался хрумкающий, трещащий звук падения дерева. Лес отсюда до фермы зазвучал как огромный великодушный камин. Теперь он мог слышать голоса позади себя, и мысленные, и озвученные криком. Голоса Томминокеров.

Но Бобби исчезла.

Тебе показалось, Гард. Та часть тебя, которая хочет Бобби, которая НУЖДАЕТСЯ в Бобби, пытается возродить ее, вот и все.

Да, но как быть с рукой, рукой на моей руке? Я сам ее поднял? Я не смог бы попасть в эту штуку сам. Даже Анни Оукли не смогла бы попасть без помощи.

Но голоса — в воздухе и в голове — приближались. И огонь тоже. Гарденер наглотался полное горло дыма, но «Томкэт» заурчал снова и двинулся с места. Времени для дискуссий сейчас не было.

Гард направил «Томкэт» на корабль. Через пять минут он выехал на прогалину.

— Хейзл? — кричал Ньют в каком-то мистическом ужасе. — Хейзл? Хейзл?

— Да, Хейзл! — прокричал ему в ответ Дик Эллисон с бешеным и не смог больше себя сдерживать. Он бросился на Ньюта. — Тупица! Сволочь!

Ньют упал на спину, и они оба закатились по земле, с горящими зелеными глазами, вцепившись друг другу в горло. В этом не было никакой логики в данных обстоятельствах, но любое сходство между Томминокерами и мистером Споком было бы чисто случайным.

Руки Дика нашли плетеную складку на горле Ньюта и начали сжиматься. Его пальцы прорвали плоть, и зеленая кровь брызнула фонтанчиком через пальцы. Он начал поднимать и отбрасывать вниз Ньюта. Соппротивление того слабело... слабело... слабело. Дик душил его до тех пор, пока тот не стал совершенно мертвым.

Совершив все это, Дик обнаружил, что чувствует себя немного получше.

39

Гард слез с «Томкэта», зашатался, потерял равновесие и упал. И в то же самое мгновение жужжащий, рычащий снаряд распорол воздух в том месте, где он только что был. Гарденер тупо уставился на пылесос «Электролюкс», который чуть не снес ему голову.

Он пронесся сквозь прогалину как торпеда, завис и устремился снова к нему. Что-то было у него на боку, превращающее воздух в серебристую рябь, что-то похожее на пропеллер.

Гарденер подумал о круглой, выгрызенной дыре в полу склада, и во рту у него мигом высохла вся слюна.

Берегись!

Оно бомбардировало его, режущее приспособление выло и жужжало как мотор игрушечного истребителя на бензине. Маленькие колеса, которые, как предполагалось, должны были облегчать тяжелый труд домохозяйки, катящей свой верный пылесос из комнаты в комнату, лениво вертелись в воздухе. Отверстие, куда полагалось прикреплять разные полезные приспособления со шлангами, зияло как открытый рот.

Гарденер качнулся вправо, как будто хотел нырнуть, затем секунду спустя занял позицию — если бы он сделал это быстрее, пылесос столкнулся бы с ним и, прожевав, отправил бы его по своим кишкам, как он сделал с дверью склада, когда Бобби его вызвала.

Он подождал, притворился, что прыгает на этот раз влево, и затем, в последний момент, бросился вправо. И свалился болезненно в грязь. Кости в его раздробленной лодыжке сдавлились. Гарденер жалко застонал.

«Электролюкс» рухнул на землю. Пропеллер захлебнулся в грязи. Затем он подпрыгнул, как самолет, поднимающийся в воздух после неудачного, слишком сильного касания взлетно-посадочной полосы. Он просвистел в сторону огромного перекошенного блюда корабля и закачался в воздухе, готовясь к новому наскоку на Гарденера. Теперь тот кабель, которым он пользовался, нажимая кнопки, торчал из отверстия для шлангов. Кабель свистел в воздухе — сухой, змеиный свист, который Гарденер едва различал в реве огня. Кабель выглядел, как пика, и на мгновение Гарденер погрузился в воспоминания о родео Дикого Запада, куда однажды привезла его мать (в этом старом, веселом городе Портленде, штат Мэн). Там был ковбой в высокой белой шляпе, который проделывал всякие штуки с веревкой. В одном из его трюков он крутил огромное лассо на высоте лодыжки, пританцовывая в его круге и вне его и играя на губной гармошке. Кабель, торчащий из шланговой дыры, казался очень похожим на ту веревку.

Этот засранец срежет тебе голову, как утюг, если ты позволишь ему это, Гард, старина Гард.

«Электролюкс» со свистом мчался на него, тень бежала чуть сзади.

Стоя на коленях, Гарденер достал свой бластер и выстрелил. Пылесос дернулся, когда он прицеливался, но Гарденер сместил прицел тоже. От заднего колеса отлетел шмоток хрома. Кабель прочертил волнистую линию на грязи.

схвати его

да схвати его прежде, чем он сможет повредить корабль

Ближе. Голоса приближались. Он должен покончить с этим.

Пылесос обогнул дерево и опять кинулся на Гарда. Он задрался вверх, потом спустился, затем ринулся вниз в нырке камикадзе, его рубящее лезвие крутилось быстрее и быстрее.

Гарденер неожиданно нашел поддержку, вспомнив энергетика Теда.

«Ты бы поглядел на это дерьмо, Тедди, — подумал он безумно, — ты только подражал этому! С электричеством все гораздо лучше!»

Он нажал на спусковой крючок игрушечного пистолета, увидел, как зеленый снарядик шлепнулся на рыло пылесоса, и затем рванулся вперед, отталкиваясь, загребая обеими ногами и не вспоминая о раздробленной лодыжке. «Электролюкс» ударился в землю рядом с «Томкэтом» и зарылся на три метра в глубину грязи. Черный дым вырвался из торчащего конца в виде плотного, компактного облачка. «Электролюкс» пукнул и скончался.

Гарденер встал на ноги, держась за «Томкэт», бластер болтался в его правой руке. Пластиковый бочоночек, он видел, частично

растаял. От него больше не будет пользы. То же можно было сказать о нем самом.

Пылесос был мертв и торчал из земли как неразорвавшаяся бомба. Но было еще множество других хитрых механизмов в пути, некоторые — летящие, другие — пружины с энтузиазмом сквозь лес на импровизированных колесах. Он не должен был их дожидаться.

Что было последним, о чем думал старик? Последнее... и... Избавление.

— Хорошее слово, — сказал Гарденер хрипло. — Избавление. Отличное слово.

Также он вспомнил название рассказа. Рассказа, написанного поэтом Джеймсом Дики. Рассказ о горожанине, которого измолотили, придушили и трахнули, прежде чем он открыл, что они все-таки были старыми добрыми парнями. Там была одна строка... один из этих парней глядит на другого и говорит ему спокойно: «Мотор, кажется, сейчас сломается, Льюис»

Гарденер очень на это надеялся.

Он прыгнул к навесу, затем нажал кнопку, которая управляла спуском подъемников. Он собирался спуститься на руках. Это было глупо, но Томминокеры другой технологии ему не предоставили. Мотор зарычал, кабель начал спускаться. Гарденер подбежал к обрыву и поглядел вниз. Если ему это удастся, он будет в безопасности.

В безопасности среди мертвых Томминокеров.

Мотор заглох. Он едва мог видеть бесполезный подъемник внизу. Голоса были еще ближе, огонь ближе, и он ощущал целый эскадрон норовистых аппаратов совсем рядом. Это неважно. Ему нужно добраться донизу, вскарабкаться по лесенке и как-то дойти до финиша раньше других.

Поздравляю Вас, мистер Гарденер! Вы выиграли летающую тарелку! Хочешь выйти из игры или провести оплаченный отпуск в клубоком космосе?

— Дьявол, — прокаркал Гарденер, отбрасывая полурасплавившийся игрушечный пистолет. — Давай это сделаем.

Его слова отразило эхо.

Он схватил кабель и заскользил вниз. В этот момент его осенило. Конечно же. Гари Гилмор. Это сказал Гари Гилмор, перед тем как выйти против огневой группы в Юте.

Он был на полпути вниз, когда почувствовал, что последние его силы истаяли. Если он что-нибудь быстро не предпримет, то упадет.

Он начал спускаться быстрее, проклиная их бездумное решение установить управление мотором так далеко от края котлована. Горячий, обжигающий пот натекал ему в глаза. Его мышцы дрожали. Его желудок начал снова свои длинные, ленивые спазмы. Руки скользят... хватаются... скользят опять. Затем, внезапно, кабель прошел сквозь его руки как горячее масло. Он стиснул его, завывая от боли в стертых местах. Стальная нитка, которая вырвалась из узла кабеля, пронзила ладонь.

«Боже!», — застонал Гарденер. — «Господи Боже!»

Он рухнул на подъемник своей больной ногой. Боль рванулась вверх по ноге, через живот, через шею. Казалось, что она оторвала ему макушку. Его колени подогнулись и стукнулись о борт корабля. Коленная чашечка хрустнула как фарфоровая.

Гарденер почувствовал, что теряет сознание, и стал бороться себя. Он увидел люк. Он был все еще открыт. И вентиляторы все еще гудели.

Его левая нога была ледяной стеной боли. Он поглядел вниз и увидел, что она стала таинственно короче, чем правая. И она выглядела ...да, она выглядела смятой, как старая сигара, которую слишком долго таскали в кармане.

— Боже, я развалился, — прошептал он и затем, удивляясь самому себе, рассмеялся. Так оно и должно было быть; есть много вещей поинтересней, чем сходить с волнореза в море в таком состоянии.

Раздался высокий, нежно гудящий звук над головой. Что-то еще прибыло. Гарденер не стал поджидать это, чтобы разглядеть. Вместо этого он бросился в люк и пополз вверх по круглому коридору. Свет от стен мягко поблескивал на его лице, и этот свет — белый, не зеленый — был добрым. Если бы кто-либо увидел Гарденера в этом свете, он почти бы поверил, что тот не умирает. Почти.

41

Нынче ночью, верь не верь

(через реку, через лес)

Томминокер, Томминокер, Томминокер стукнул в дверь.

(к дому бабушки пойдём)

Они так спокойны, почти мертвы,

(лошадь саночки везет)

Но ты ощутишь Томминокера внутри своей головы!

(через поле напрямиком)

Со стишками в голове Гарденер полз по коридору, один раз остановившись оглядеться и вытошниться. Воздух здесь был все еще

отвратительным. Он подумал о канарейке шахтера, лежащей на дне своей клетки, живой, но минуты на две.

Но машины, Гард. Ты их слышишь? Ты слышал как они стали громче гудеть, как только ты вполз?

Да. Громче, доверительней. И это не были одни вентиляторы. Где-то в глубине корабля другие машины просыпались к жизни. Огни горели. Корабль подпитывался чем-то таким, чего в нем раньше не было. Позволим ему это делать.

Он достиг первой внутренней переборки. Оглянулся. Нахмурился, увидев люк, выходящий в котлован. Они могут выйти к прогалине очень скоро; может быть, уже вышли. Они могут попробовать его преследовать. Рассуждая о трусливых реакциях своих «помощников» (даже железный Фриман Мосс не был абсолютно защищен от них), он не думал, что они смогут... но не стоило забывать, в каком отчаянии они были. Он хотел быть уверенным в том, что сомнамбулы оставили его в покое и это все. Бог знал, что он немного теряет; но он совсем не нуждался, чтобы эти ослы отняли у него это малое.

Новая боль расцвела в его голове, глаза заслезились, поддтые этой болью в мозгу, как рыболовным крючком. Плохо, но ничто в сравнении с болью в лодыжке и ноге. Он не удивился, увидев, как главный люк закрыл свою диафрагму. Сможет он открыть его снова, если захочет? Он как-то сомневался в этом. Теперь он заперт... заперт вместе с мертвыми Томминокерами.

Мертвыми? Ты уверен, что они мертвы?

Нет, наоборот, он был уверен, что они не мертвы. Они были достаточно живы, чтобы начать эту игру снова. Достаточно живы, чтобы превратить Хэвен в страшную фабрику. Мертвы?

— Не очень-то похоже, — прокаркал Гарденер и протиснулся через другой люк в коридор за ним. Машины колотились и гудели во внутренних частях корабля; когда он коснулся светящейся искривленной стены, он ощутил вибрацию.

Мертвы? Ну нет. Ты ползаешь внутри старейшего дома призраков во вселенной, Гард, старина Гард.

Ему показалось, что он слышит шум, он резко обернулся, сердце заколотилось, слюнные железы залили рот горьким соком. Ничего там нет, конечно. Кроме того, что там было. У меня есть причины для нервной кутерьмы. Я встретил Томминокеров, и они были мы.

— Помоги мне, Боже, — сказал Гарденер. Он сдвинул прядь своих воняющих волос с глаз. Над ним была паучья лестница с широко раздвинутыми ступенями... каждая с глубокой, беспокоящей выемкой в центре. Лестница станет вертикальной, когда... если... корабль когда-нибудь примет горизонтальную позицию для взлета.

Теперь здесь запах. Вентиляторы или нет, но здесь запах смерти, я полагаю. Долгой смерти. И грязной.

— Пожалуйста, помоги мне, Господи, совсем немного, о'кей? Небольшой перерывчик для паренька — это единственное, о чем он просит, о'кей?

Все еще беседуя с Господом, Гарденер двинулся вперед. Вскоре он достиг рубки управления и спустился в нее.

42

Томминокеры стояли у границы поляны, глядя на Дика. Каждую минуту подходили новые. Они подходили — затем сразу же застыли, как простые компьютерные аппараты, чьи немногие программные операции были уже выполнены.

Они стояли и глядели на перекошенную поверхность корабля... на Дика... снова на корабль... опять на Дика. Они были как толпа лунатиков на теннисном матче. Дик мог чувствовать других, которые вернулись в деревню восстанавливать защиту границы, также просто ждавших... глядеть сквозь глаза тех, кто стоял сейчас рядом.

За ними, приближаясь, набирая силу, шел огонь. Прогалина уже заполнилась струйками дыма. Некоторые закашляли, но ни один не сдвинулся с места.

Дик глядел на них, удивленный — что, собственно, они от него ожидали? Затем он понял. Он был последним из людей из сарая. Остальные сгнули, и прямо или косвенно это была вина Гарденера. Это было необъяснимо, и более чем просто страшно. Дик понемногу все более и более убеждался, что ничего похожего не случилось на протяжении всего долгого, долгого существования Томминокеров.

Они глядят на меня, потому что я последний, я должен сказать им, что делать дальше.

Но не было ничего, что они могли бы сделать. Была гонка, и Гарденер должен был проиграть ее, но как-то не проиграл, и теперь им ничего не оставалось, как ждать. Смотреть, и ждать, и надеяться, что корабль убьет его как-нибудь, прежде чем он сможет сделать что-нибудь. Прежде чем...

Огромная рука вдруг проникла в голову Дика Эллисона и сжала его мозги. Его руки подлетели к вискам, пальцы вывернулись в гальванические паучьи формы. Он попытался кричать, но не смог. Под ним, на прогалине, он мог видеть людей, падающих на колени рядами, как пилигримы, ставшие свидетелями чуда или божественного явления.

Корабль начал дрожать — воздух наполнился тонким, инфразвуковым гудением.

Дик и это успел уловить... но в тот момент, когда его глаза выплеснулись из головы как сгустки полумерзшего, заплесневевшего желе, он уже ничего не понимал. В тот момент — или навсегда.

43

Маленькая помощь, Господи, по рукам?

Он сидел в центре наклонной пятиугольной комнаты, его скрюченная, сломанная нога торчала прямо перед ним (смятая, это слово не уходило, его нога была смята), около того места, где главный толстый кабель выходил из-под прокладки на полу.

Маленькая поддержка парню. Я знаю, я не очень-то достоин, застрелил жену, доброе гребанное дело, застрелил лучшего друга, другое доброе гребанное дело, Новое и Улучшенное Доброе Гребанное Дело, ты можешь сказать, Господи, но мне нужна помощь прямо сейчас.

Это не было преувеличением. Ему нужна была не только мелкая помощь. Толстый кабель разветвлялся на восемь тонких, каждый оканчивался не ушной вилкой, а набором наушничков. Если сидение на складе у Бобби было похоже на игру в русскую рулетку, то это было похоже на то, что он засунул голову в ствол пушки и попросил кого-нибудь дернуть за шнур.

Но это нужно было сделать.

Он взял один из наборов наушничков, отметив снова, что их центры немного вогнутые, и взглянул на клубок коричневых, сухих тел в дальнем углу комнаты.

Томминокеры? Детское дурацкое имя или нет, оно было для них слишком хорошо. Троглодиты из космоса, вот кто они были. Длинные когти управляли машинами, которые они создали, но никогда не пытались понять. Пальцы ног как шпоры бойцовых петухов. Они выглядели как злокачественные опухоли, которые нужно быстро вырезать.

Пожалуйста, Господи, надоумь меня.

Мог ли он прихлопнуть их всех? Это был вопрос на 64.000 долларов, не так ли? Если «превращение» было закрытой системой — что-то из шкуры корабля просто выделялось в атмосферу — ответ, скорее всего, был отрицательным. Но Гарденер думал — или, может быть, надеялся, — что это было нечто большее, открытая система, откуда корабль питал людей чем-то, заставляя их «превращаться», и люди также питали корабль чем-то... чем? Снова, пожалуйста. Можно здесь употребить слово «воскрешение»? Извините, нет. Слишком благородно. Если он был прав, это был такой

партеногенез, место которого было в дешевых балаганах и в бульварных газетках, а не в вечных мифах и религиозных учениях.

Прошу тебя, Господи. Маленькая помощь прямо сейчас.

Гарденер надел наушники.

Все произошло мгновенно. Никаких болевых ощущений на этот раз, только большое белое сияние. Огни в рубке вспыхнули на полную мощность. Одна из стен снова стала окном, показав дымное небо и контуры деревьев. А потом и остальные восемь стен комнаты стали прозрачными... одна... другая. На несколько секунд Гарду показалось, что он находится на открытом месте, с небом над головой и с котлованом по сторонам. Корабль как будто исчез. Полный обзор.

Моторы загудели один за одним и заработали в полную силу.

Где-то зазвучал звонок. Огромные гудящие реле задрожали по очереди, палуба под ним задрожала тоже.

Чувство власти было невероятным; ему казалось, что Миссисипи пронеслась через его голову всеми водами. Он ощущал, что убивает их, но это и требовалось.

Я ухлопал их всех, — подумал Гарденер расслабленно. — О Боже, спасибо тебе, Боже, что я ухлопал их! Сработало!

Корабль задрожал. Заколыхался. Колыхание стало спазмами мучительных, болезненных судорог. Пришло время.

Обнажив последние несколько зубов, Гарденер приготовился растянуться на полу и вцепиться в свои ремни на ботинках.

44

Он ухлопал их всех, но оставался Дик Эллисон, из-за его большей эволюции, и около сорока пограничников Хейзл в городе, которые избежали воздействия вспышки мощности от корабля — эти последние были связаны друг с другом в одну цепь, и корабль просто не достиг их.

Они корчились, кровь лилась из глаз и носов, и умирали, потому что корабль высасывал их мозги.

Корабль сдерживал Томминокеров в лесу, и некоторые из них, самые старые, умерли; большая часть, однако, только испытывала мучительную боль в голове, и сами они либо лежали, либо стояли на коленях, в полубомороке, вокруг прогалины. Немногие понимали, что огонь теперь совсем близко. Подул ветер, и пылающий веер разворачивается... разворачивается. Дым бежал через поляну густыми серо-белыми облаками. Огонь трещал и гремел.

Сейчас, — подумал Гарденер.

Он почувствовал, как что-то выскальзывает из его мозга, цепляется, выскальзывает... и крепко цепляется. Это было похоже на работу коробки передач. Боль была, но переносимая.

ОНИ чувствуют боль куда сильнее, — подумал он расслабленно.

Края котлована, казалось, задвигались. Сначала немного. Затем побольше. Раздался скрип, пронзительный визг.

Гарденер преодолевал в себе боль, его брови страшно сжались, глаза превратились в щели.

Серебристые ячейки поплыли, медленно, но уверенно. Конечно, двигались не они; двигался сам корабль; этот скрип был звуком освобождения от скального ложа, на котором он покоился столь долго.

Выше, — думал он бессвязно. — *Женское белье, трикотаж, галантерея и, конечно, посетите наш отдел товаров для животных...*

Он наращивал скорость, котлован уже быстрее уходил в сторону. Небо впереди расширялось — оно было тускло-металлического цвета. Крутились искры, похожие на стаи крошечных горящих птиц.

Он переполнился восторгом.

Гарденеру вспомнился вид из окна метро в то время, когда поезд покидает станцию, сперва медленно, затем ускоряясь — как кафельные стены закручиваются позади, похожие на ленту бумаги у музыканта за фортепьяно, так, что можно прочитать рекламу, пробегающую слева направо, — Энн, Хор, Самое Время спрашивать газету «Таймс», Попробуй Вельвет. Затем мрак, где только движение и единственное ощущение черной стены, проносимой мимо.

Трижды прозвучал гудок, почти оглушивший его, заставивший его кричать; свежая кровь забрызгала колени. Корабль дрожал и громыхал, скрипел и тащил себя из земного склепа; он восходил в густых клубах дыма и затуманенном солнце, его полированный бок уже высунулся из котлована, все больше и больше, словно движущаяся металлическая стена. Кто-нибудь, созерцая это небезопасное зрелище вблизи, мог решить, что земля породила стальную гору или выбросила в воздух титановую стену.

Дуга хребта корабля становилась все шире и шире, достигла краев котлована, который Бобби и Гарденер выкопали с большим расширением кверху — распарывая землю своими изящно-тупыми инструментами, как полоумный, пытающийся сделать кесарево сечение.

Наружу и выше, выше и наружу. Скалы скрипели. Земля стонала. Пыль и дым от трения струился из котлована. Ощущение рождения горы или стены сохранялось, но даже с такого близкого расстояния, как от кромки прогалины, можно было различить круглую форму появляющегося предмета — форму гигантского блюда, выходящего из земли как огромный двигатель. Он был тих, но поляна была заполнена грубым грохотом ломающихся скал. Он шел вверх и наружу, разрезая котлован шире и шире, его тень постепенно покрыла всю поляну и горящий лес.

Его ведущий край — тот, на котором споткнулась Бобби, — срезал верхушку самой высокой ели в лесу и отбросил ее, ломающую на своем пути, на землю. А корабль все еще рождался из чрева, которое его держало так долго; до тех пор, пока не закрыл все небо и не родился вновь.

Котлован перестал разрываться; секундой позже обозначилась щель между краями котлована и краем корабля. Его центральная часть, наконец, достигла края и миновала его.

Корабль с грохотом покинул дымящийся котлован, устремился в дымящийся солнечный свет, и наконец, скрипы и визги замерли, и между кораблем и землей блеснул свет.

Он вышел.

Он поднимался под уклоном, перекошенный, затем принял горизонтальное положение, круша деревья своим неизвестным, неузнаваемым весом, вырывая их с корнем. Древесные соки брызнули в воздух, образуя легкую янтарную пелену.

Он двигался медленно, с тяжеловесной элегантностью сквозь горящий день, прорезая полосу в верхушках деревьев, как парусник прорезает волну. Потом он приостановился, словно ожидая чего-то.

46

Теперь и пол под Гарденером стал прозрачным; ему казалось, что он сидит на воздухе, глядя вниз на вздымающиеся рифы дыма, идущего от края леса и наполняющего воздух.

Корабль ожил совершенно, а вот Гард быстро умирал.

Его руки поползли вверх к наушникам.

Скотти, — подумал он, — *быстренько вернуй перлинь. Мы прервем этот танец.*

Он напрягся внутри своей головы, и в это время боль стала густой, жилистой и тошнотворной.

Растворение, — подумал он мрачно, — *вот на что это похоже — на растворение.*

Было ощущение ужасной скорости. Его придавило к палубе, хотя ощущения большой перегрузки не возникало: Томминокеры, очевидно, нашли способ преодолевать силу тяжести.

Корабль не наклонялся; он просто поднимался прямо в воздух. Не закрывая теперь всего неба, он оттенял только три четверти, потом половину. Он неразличимо восходил в дыму, его металлическая реальность с твердыми краями росла неопределенно и оттого призрачно.

Затем он исчез в дыму, оставив только Томминокеров, ошеломленных, истощенных, которые пытались скрыться, прежде чем их настигнет огонь. Он оставил Томминокеров, и поляну, и навес... и котлован, как черное гнездо, откуда вырвали ядовитый клык.

47

Гард улегся на пол рубки управления, уставившись вверх. Пока он глядел, дымный, хромированный вид неба исчез. Оно стало снова голубым — яснейшим, светлейшим небом, которое он когда-либо видел.

Роскошно, попытался он сказать, но не вышло ни слова — ни даже карканья. Он проглотил кровь и закашлялся, не отрывая глаз от сияющего неба.

Его голубизна перешла в синеву... потом оно стало пурпурным.

Пожалуйста, не дай этому прекратиться, пожалуйста...

Из пурпурного в черное.

И теперь он видел только черноту и первые, жесткие искры звезд.

Снова прозвучал гудок. Он почувствовал боль, как будто корабль отходил от него, и было ощущение повышения скорости, как будто кто-то переключил передачи на самую высшую.

Куда мы движемся? — подумал Гарденер бессвязно, и затем чернота охватила его, когда корабль вылетал, покидал оболочку земной атмосферы так же легко, как он покинул землю, в которой лежал так долго. — *Куда мы?..*

Выше и выше, вовне и вовне — корабль поднимался, а Джим Гарденер, рожденный в Портленде, штат Мэн, поднимался вместе с ним.

И проваливался все ниже через черные слои бессознательного, и незадолго до того, как началась последняя рвота — та тошнота, о которой он даже никогда и не узнал, — у него начались галлюцинации. Греза была такой реальной, что он улыбнулся, лежа посреди черноты, окруженный космосом, оставляя внизу Землю, похожую на гигантский серо-голубой мраморный шарик прорицателя.

Он прошел через это — как-то прошел через это. Патриция Маккардл пыталась сломать его, но она никогда не была в силах это сделать. И теперь он вернулся в Хэвен, и Бобби спускалась по крыльцу и шла через двор к нему навстречу, а Питер лаял и вилял хвостом, и Гард схватил Бобби, крепко обнял ее, потому что это замечательно — быть со своими друзьями, хорошо быть в том месте, к которому ты принадлежишь... хорошо иметь безопасный приют, куда можно прийти.

Лежа на прозрачном полу рубки управления, уже больше чем в семидесяти тысячах миль от земли, Джим Гарденер растянулся в большой луже собственной крови... и улыбнулся.

ЭПИЛОГ

*Закутайся, детка! Завернись поплотней!
Закутайся, детка! Спрячься от глаз людей!
Тайный агент,
В тайном ночном нигде
Спрячься от глаз людей.*

The Rolling Stones,
«Тайный агент»

*О каждый день и каждую ночь, Ваши частички уходят прочь...
Стройся в шеренгу, играй в их игру,
Пусть под наркозом сотрется срок,
Когда тебя выкликнут поутру:
Ты просто ждешь, когда щелкнет курок.*

Queen,
«Падающий топор»

Большинство их погибло в огне.

Не все: сотня или больше вообще не достигли поляны перед тем, как корабль вырвался из земли и исчез в воздухе. Некоторые, как Элт Баркер, который летел на своем мотоцикле, не достиг ее, потому что был ранен или убит по дороге... солдаты удачи, жертвы войны. Другие, как Эшли Рувол и старая мисс Тиммз, которая была городской библиотечаршей по вторникам и четвергам, просто опоздали.

Не все те, которые достигли прогалины, умерли. Корабль ушел в небо и кошмарная, истошающая сила, которая схватила их, уменьшилась до нуля прежде, чем огонь добрался до поляны (хотя еще тогда искры проползали низом и многие маленькие деревца на восточном краю запылали). Кое-кому из них удалось, спотыкаясь и хромя, уйти дальше в лес от расширяющегося ужасного веера. Конечно, то, что они убежали прямо на запад, было плохо для многих из них (в том числе для Розали Шехан, и для Фрэнка Спрюса и Руди Барфилда, брата Питса), потому что постепенно они выбежали в непригодный для дыхания воздух, не взирая на господствующие ветры. Было нужно сначала идти на запад, а потом свернуть на юг или на север, чтобы попытаться обогнуть фронт огня... отчаянная игра, где штрафом за промах была потеря не мяча, но существа, сожженного до золы в Большом Индейском Лесу. Но некоторые — не все, только немногие — так и сделали.

Большая часть, тем не менее, погибла на поляне, где Бобби Андерсон и Джим Гарденер работали так долго и усердно, — умерли совсем рядом с пустым углублением, где нечто сначала было погребено, а потом вырвано оттуда прочь.

Они стали жертвами грубой силы, которая была много больше, чем то, с чем их незрелое, экспериментальное состояние «превращения» могло совладать. Корабль вошел в сеть их мозгов, захватил ее и использовал для подчинения слабой, но безошибочной команде Контроллеров, которая выражалась как ВЕРПОВАТЬ в корабельную органическо-кибернетическую схему. Слова ВЕРПОВАТЬ не было в лексиконе корабля, но смысл был ясен.

Живые легли на землю, большинство бессознательно, некоторые глубоко ошеломленные. Немногие сидели, сжимая голову и воя, забыв об искрах, подползающих к ним. Кое-кто, зная об опасности, идущей с востока, пытались встать и падали обратно.

Один из тех, кто не упал, был Чип Маккаузлэнд, который жил на шоссе Дюгу со своей женой и с десятью ребятишками; два месяца и миллион лет назад, Бобби Андерсон пришла к Чипу за коробками,

чтобы держать там свою быстро увеличивающуюся коллекцию батарей. Чип потащился через прогалину, как старый пьяница, и упал в пустой котлован. Он кувыркался, крича, весь путь до дна, где и умер, сломав себе шею и расколов череп.

Другие, которые поняли опасность огня и которые могли уйти, решили не делать этого. «Превращение» пришло к концу. Оно закончилось с отлетом корабля. Цель их жизни исчезла. Поэтому они только сидели и ждали, когда огонь позаботится о них.

2

К ночи в Хэвене осталось меньше чем две сотни живых. Большинство горожан, убежавших в лес на запад или сгорели, или сильно обгорели. Ветер все еще рос. Воздух начал меняться, и оставшиеся Томминокеры, задыхающиеся и бледные, собрались во дворе Хейзл Маккриди. Фил Голден и Брайент Браун наладили большой воздухообменник. Выжившие столпились вокруг него, как первопоселенцы, должно быть, толпились вокруг очага в горькие ночи. Их мучительное дыхание постепенно облегчалось.

Брайент поглядел на Фила.

Погода на завтра?

Чистое небо, уменьшение ветра.

Мэри стояла рядом, и Брайент увидел ее облегчение.

Хорошо, это хорошо.

И так и было... некоторое время. Но ветер не собирался затихать на весь остаток их жизни. А с уходом корабля у них остался только этот аппарат, двадцать четыре сменных батареи и постепенное удушье.

— Как долго? — спросил Брайент, но никто не ответил. Только мягкий блеск их испуганных, нечеловеческих глаз был в горячей ночи.

3

На следующее утро их стало на двадцать меньше. За ночь история Джона Леандро прогремела по всему миру, ударив с силой молота. Государственный департамент и департамент обороны отрицали все, но десятки людей засняли то, как поднимался корабль. Эти фотографии были убедительны... и никто не мог остановить поток слухов из таких информированных источников, как напуганные обитатели окружающих городков и первые прибывшие национальные гвардейцы.

Барьер на границе Хэвена сохранялся, по крайней мере, некоторое время. Фронт огня продвинулся к Ньюпорту, где пламя наконец-то удалось взять под контроль.

Несколько Томминокеров выбили себе мозги этой ночью.

Фил Голден, проснувшись, обнаружил, что Квини, его жена на протяжении двадцати лет, прыгнула в засохший колодец Хейзл Маккриди.

Днем случилось только четыре самоубийства, но ночью... ночью было хуже.

К тому времени, когда армия в конце концов вошла в Хэвен, как неумелый взломщик проникает внутрь сейфа, через целую неделю, Томминокеров осталось только восемьдесят.

Джастин Херд выстрелил в жирного сержанта из детского пневматического ружья Дэйзи, которое пустило струю зеленого огня. Толстый сержант взорвался. Испуганный солдат в бронежилете прицелился из своего пятидесятого калибра только тогда, когда миновал с ревом рынок Гудера и оказался позади Джастина Херда, стоящего перед скобяной лавкой в одних желтых кальсонах Хэйнс и оранжевых рабочих башмаках.

— Разделайтесь с этими цыплятами! — проорал Джастин. — Разделайтесь с ними со всеми, вы, ублюдки, вы...

После этого в него вошло около двадцати пуль пятидесятого калибра, Джастин тоже почти взорвался.

Одного из солдат вытошнило в его газовую маску и он чуть не подавился, прежде чем ему надели новую.

— Кто-нибудь возьмите этот пугач! — прокричал майор через электрический рупор. Его маска глушила слова, но не целиком. — Возьмите его, но осторожно! Хватайте его за ствол! Я повторяю, будьте очень осторожны! Ни в чью сторону не направляйте!

Как сказал бы Гард, позже всегда начинают на кого-нибудь направлять.

4

Больше чем дюжина их были застрелены в первый день вторжения испуганными, счастливо вцепившимися в спусковые крючки солдатами. Через некоторое время страх вторгшихся начал исчезать. Ко второй половине дня они уже получали настоящее удовольствие — они были похожи на охотников, гонящих кроликов по полю пшеницы. Еще две дюжины были убиты до того, как армейские доктора и мозговики из Пентагона осознали, что воздух вне Хэвена был смертельным для этих случайных мутантов, которые когда-то были американскими налогоплательщиками. Тот факт, что атаку-

ющие не могли дышать воздухом внутри Хэвена, делал этот вывод совершенно очевидным, но во всей суматохе никто об этом и не думал (Гард не нашел бы в этом ничего удивительного).

Теперь их осталось около сорока. Большинство были почти безумны: те, которые не говорили. Самодельное укрепление было выстроено на территории, которая выходила к городской площади Хэвена — как раз ниже и правее лишенного башен городского холма. Они продержались здесь еще неделю, и в это время умерло еще четырнадцать.

Измененный воздух был проанализирован; машина, которая его производила, тщательно изучена; севшие батареи заменили. Как и предполагала Бобби, высоколобым не потребовалось много времени, чтобы разобраться в механизме этого аппарата, и его основные принципы уже были изучены в МИТ, Кэл-Техе, Лаборатории Белла и в Лавочке в Вирджинии учеными, которых почти тошнило от возбуждения.

Оставшиеся Томминокеры, выглядевшие очень изможденными, как сифилитичные краснокожие остатки племени апачей, были перевезены в грузовом отсеке с контролируемой микросредой Стар-лифтера Эс-140 на правительственную базу в Вирджинии. Эта база, которая однажды была сожжена дотла ребенком, и была Лавочкой. Здесь они были изучаемы... и здесь они умерли, один за одним.

Последней была Алиса Кимбол, школьная учительница-лесбиянка (факт, который Бекка Полсон узнала от Иисуса одним теплым июльским днем). Она умерла тридцать первого октября... самый канун святок.

5

Примерно в то же время, когда Квини Голден стояла на краю сухого колодца Хейзл и готовилась к прыжку, сиделка шагнула в комнату Хилли Брауна проверить состояние мальчика, который выказывал некоторые признаки возвращения сознания в последнюю пару дней.

Она поглядела на кровать и нахмурилась. Она не могла видеть то, что видела — это, наверное, была иллюзия, двойная тень отбрасывалась на стену светом из коридора.

Ее рот распахнулся. Это не было иллюзией. Действительно, две тени на стене, потому что мальчиков в кровати было двое. Они спали, переплетя руки вокруг друг друга.

— Что?

Она сделала еще один шаг, ее руки машинально поползли к распятию, которое она носила на шее.

Один из них, конечно, был Хилли Браун, его лицо было худым и изнуренным, его руки казались не толще палочек, его кожа почти такая же белая, как его больничная сорочка.

Она не знала другого мальчика, который был явно младше. Он был одет в голубые шорты и футболку, на которой читалось: «ОНИ ЗВОНЯТ МНЕ. ДОКТОР ЛАВ». Его ступни были черными от грязи... и что-то в этой грязи показалось ей неестественным.

— Что? — прошептала она снова, в то время как младший мальчик пошевелил руками и обвил ими покрепче шею Хилли. Его щека прижималась к плечу Хилли, и она увидела с некоторым ужасом, что мальчики выглядят очень похожими.

Она решила, что должна рассказать об этом доктору Гринлифу. Прямо сейчас. Она повернулась, чтобы уйти, сердце забилося сильнее, одна рука ее все еще сжимала распятие... и увидела нечто совершенно невозможное.

— Что? — прошептала она в третий и последний раз. Ее глаза широко раскрылись.

Еще эта странная черная грязь. На полу. Следы на полу. Ведущие к кровати. Маленький мальчик дошел до кровати и забрался в нее. Сходство лиц у обоих мальчиков подсказывало, что младший был пропавшим и долго считавшимся мертвым — братом Хилли.

Следы не шли из коридора. Они начинались в середине комнаты. Как будто маленький мальчик пришел из ниоткуда.

Сиделка вылетела из комнаты, призывая доктора Гринлифа.

6

Хилли Браун открыл глаза.

— Дэвид?

— Заткнись, Хилли, я сплю.

Хилли улыбнулся, не совсем зная, где он находится, знающий точно только одно: случилось много плохого, но только все это не было слишком продолжительным, и сейчас все о'кей. Дэвид был здесь, теплый и настоящий, рядом с ним.

— Я тоже, — сказал Хилли. — Я должен отдать тебе свои игрушки завтра.

— Зачем?

— Я не знаю. Но должен. Я обещал.

— Когда?

— Я не знаю.

— По крайней мере я получу Хрустальный Шар, — сказал Дэвид, вжимаясь теснее в изгиб руки Хилли.

— Хорошо... договорились.

Молчание... только бестолковая возня в комнате сиделок дальше по коридору, но здесь была тишина и приятное мальчишечье тепло.

— Хилли?

— Что? — пробормотал Хилли.

— Было очень холодно там, где я был.

— Правда?

— Да.

— А сейчас лучше?

— Лучше. Я тебя люблю, Хилли.

— Я тоже тебя люблю, Дэвид. Прости меня.

— За что?

— Я не знаю.

— Ох.

Рука Дэвида поискала одеяло, нашла его и натянула повыше. В девяносто трех миллионах миль от солнца и в сотне парсеков от оси галактики Хилли и Дэвид спали в объятиях друг друга.

Содержание

Книга I	6
Книга II	199
Книга III	472

Литературно-художественное издание

**Стивен Кинг
ТОММИНОКЕРЫ**

Выпуск 15

Сдано в набор 24.07.93. Подписано в печать 13.10.93 г.
Формат 60×88 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага книжно-журнальная.
Объем 42 п.л. Печать офсетная. Тираж 75 000 экз.
№ Заказа 1243.

ЛР №061592 от 7.09.92
Издательство «Кэдмэн» 140160 г. Жуковский М.О. а/я 21.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ордена Трудового Красного Знамени
ГП «Техническая книга» Мининформпечати РФ.
198052 г. Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

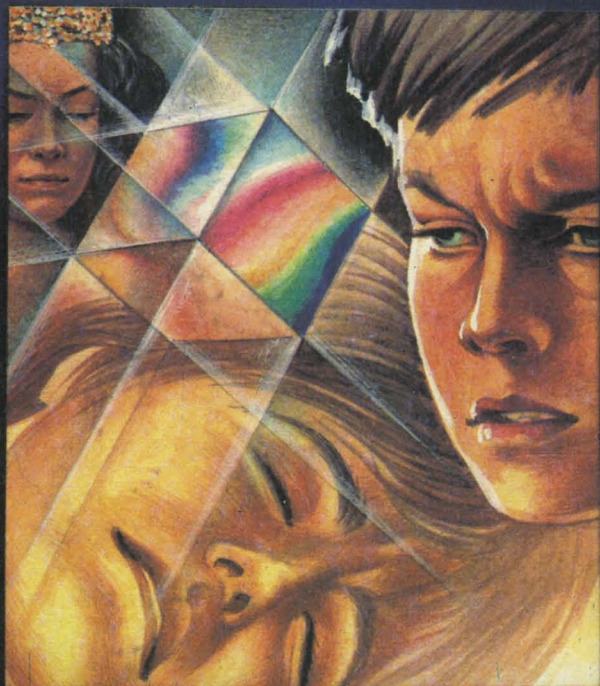
КЛАЙВ БАРКЕР

**Издательство «КЭДМЭН»
приступает к изданию собрания
сочинений Клайва Баркера
в восьми томах.**

**Клайв Баркер знаменует собой
новую эру в мировой литературе.
Критики сравнивают его с Кингом
и Толкиеном, поскольку он блестяще
совмещает стили «horror»
и «fantasy».**

**По романам Клайва Баркера
поставлены известные фильмы
«HELLRAISER» и «NIGHTBREED».**

СТИВЕН КИНГ

В следующем выпуске нашей
серии будет опубликован
прекрасный роман
Стивена Кинга и Питера Страуба
«Талисман»,
написанный в стиле *fantasy*.
Маленький мальчик попадает
в другую реальность и там вступает
в жестокую схватку со Злом,
пытаясь спасти свою мать.